

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**НОВЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ:
ОТ ТРАДИЦИОННЫХ ФОРМ ДИАЛЕКТОВ
К НОВЫМ РЕАЛИЯМ**

Коллективная монография

**МОСКВА
2025**

Печатается по решению ученого совета ИНИОН РАН

Рецензенты:

Васильева Н.В., доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языкознания РАН;
Дедова О.В., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Ответственные редакторы:

Потапов В.В., доктор филологических наук, заслуженный научный сотрудник МГУ им. М.В. Ломоносова;
Казак Е.А., кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела языкознания ИНИОН РАН

Редактор-составитель:

Галактионов С.С., младший научный сотрудник отдела языкознания ИНИОН РАН

Новый регионализм: от традиционных форм диалектов к новым реалиям : коллективная монография / ИНИОН РАН ; отдел языкознания ; отв. ред. В.В. Потапов, Е.А. Казак. – Москва, 2025. – 455 с. (Теория истории языкознания).

ISBN 978-5-248-01102-5

Развитие цифровой коммуникативной технологии способствует глобализационным тенденциям к интернационализации, централизации и унификации языковых и коммуникативных процессов. Однако те же цифровые средства, способствуя развитию сетевых структур, активизируя личные и групповые контакты, порождают разного рода локальные варианты общих форм существования и развития языка. На смену исторически сложившимся диалектам приходит новая языковая и цифровая регионализация, складывается новый «языковой ландшафт», в котором доминируют мегаполисы и городские агломерации с их сложной языковой, этнической, социокультурной структурой и ситуативно обусловленной тематикой.

Для лингвистов, культурологов, специалистов в области цифровой коммуникации.

The evolution of digital communication technology contributes to globalization trends of internationalization, centralization and unification of language and communication processes. However, the same digital means, while promoting the evolution of network structures and activating personal and group contacts, give rise to a variety of local general forms of language existence and evolution. Historically established dialects are being replaced by new linguistic and digital regionalization; a new “linguistic landscape” is emerging, dominated by megacities and urban agglomerations with their complex linguistic, ethnic, sociocultural structure and situationally determined themes.

For linguists, scientists in cultural studies, and specialists in the field of digital communications.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7

Часть I.

Классическая диалектология сегодня

1.1. <i>Диалект</i> : форма и значение термина в исторической ретроспективе (А.В. Иванов).....	10
1.2. К проблеме разграничения языков и диалектов: на материале современных исследований европейских лингвистов (Е.О. Опарина).....	32
1.3. Задачи и аспекты русской исторической лингвогеографии (Е.А. Галинская)	41
1.4. Региолекты, регионализмы и региональные варианты русского литературного языка (И.А. Букринская, О.Е. Кармакова)	57
1.5. Архаический слой фразовой просодии в западных среднерусских акающих говорах (С.В. Князев, С.В. Дьяченко).....	80
1.6. Койне, диалект и чешская диглоссия (А.И. Изотов)	133
1.7. Немецкая диалектология: от Венкера до этнодиалектов (В.М. Бухаров).....	151
1.8. Экспериментальное исследование фонетических особенностей швейцарско-немецкого диалекта (сегментный уровень) (Э.Б. Яковлева)	181
1.9. Немецкий в Намибии: язык на перекрестке времен и культур (А.В. Анищенко).....	191
1.10. Лексические различия в национальных вариантах английского языка: когнитивный аспект (Г.Г. Бондарчук).....	205

1.11. Британские городские диалекты сегодня: свидетельства фонетистов (Т.И. Шевченко).....	215
1.12. Английский диалект вчера и сегодня: Estuary English (Е.А. Казак).....	236
1.13. Языковая ситуация в современной Шотландии как результат исторического развития трехязычия (М.Б. Раренко).....	250
1.14. Об особенностях нигерийского варианта английского языка (С.С. Галактионов).....	268
1.15. Фонетические особенности субдиалектного членения испанского языка в Мексике (штат Кинтана-Роо) (В.М. Шахназарян)	285
1.16. Особенности грамматических единиц в мексиканском территориальном диалекте испанского языка штата Кинтана-Роо (Н.Ф. Михеева, В.М. Шахназарян)	297
1.17. Проблемы диалектной классификации языков Северного Кавказа: осетинский, даргинский, татский (О.И. Беляев).....	310
1.18. Эволюция таджикского языка и его диалектов (И.В. Курьянова).....	330
1.19. Старые и новые диалекты в Японии (В.М. Алпатов).....	343
1.20. Монгольский язык и его диалекты (Цэнд-Аюуш Ганбаатар)	352

Часть II.

Цифровая коммуникация и ее роль в развитии языка

2.1. Цифровая коммуникация как основа для сохранения и возрождения исчезающих диалектов и языков (Г.Е. Кедрова)	362
2.2. Мемолект как основа мем-чаттинга (на материале трех языковых интернет-ареалов) (Р.К. Потапова, В.В. Потапов).....	375
2.3. Электронный художественный текст как объект цифровой коммуникации в английском и русском языковых ареалах (С.А. Кучина)	406
2.4. Компьютерные инструменты анализа текстов цифровой дипломатии (О.И. Максименко, М.В. Беляков)	424

CONTENTS

Introduction (Vsevolod V. Potapov).....	7

Part I. Classical dialectology today

1.1. <i>Dialect</i> : form and meaning of the term in historical retrospect (Andrey V. Ivanov).....	10
1.2. On the distinction between languages and dialects: based on modern research by European linguists (Elena O. Oparina).....	32
1.3. Tasks and aspects of Russian historical linguistic geography (Elena A. Galinskaya).....	41
1.4. Regiolects, regionalisms and regional varieties of the Russian standard language (Irina A. Bukrinskaya, Olga E. Karmakova).....	57
1.5. Archaic phrase prosody of Western Middle-Russian dialects with akan'je (Sergey V. Knyazev, Svetlana V. Dyachenko).....	80
1.6. Koine, dialect and Czech diglossia (Andrey I. Izotov).....	133
1.7. German dialectology: from Wenker to ethnodialects (Valery M. Bukharov).....	151
1.8. Experimental study of phonetic features of the Swiss-German dialect (segment level) (Emma B. Yakovleva).....	181
1.9. German in Namibia: language at the crossroads of times and cultures (Alla V. Anishchenko).....	191
1.10. Lexical differences in national varieties of English: cognitive aspect (Galina G. Bondarchuk).....	205

1.11. British urban dialects today: evidence from phoneticians (Tatiana I. Shevchenko).....	215
1.12. English dialect yesterday and today: Estuary English (Evgenia A. Kazak).....	236
1.13. The linguistic situation in modern Scotland as a result of the historical evolution of trilingualism (Maria B. Rarenko).....	250
1.14. On the features of the Nigerian English language (Semyon S. Galaktionov)	268
1.15. Phonetic features of the subdialectal division of the Spanish language in Mexico (Quintana Roo state) (Vladimir M. Shakhnazaryan)	285
1.16. Features of grammatical units in the Mexican territorial dialect of the Spanish language in the state of Quintana Roo (Natalia F. Mikheeva, Vladimir M. Shakhnazaryan)	297
1.17. Problems of dialectal classification of languages of the Northern Caucasus: Ossetic, Dargwa, Tat (Oleg I. Belyaev)	310
1.18. Evolution of the Tajik language and its dialects (Irina V. Kuryanova)	330
1.19. Old and new dialects in Japan (Vladimir M. Alpatov).....	343
1.20. Mongolian language and its dialects (Tsend-Ayush Ganbaatar)	352

Part II.

Digital communication and its role in language evolution

2.1. Digital communication as a basis for the preservation and revival of endangered dialects and languages (Galina E. Kedrova).....	362
2.2. Memolect as a basis of meme chatting (on the material from three language Internet areas) (Rodmunga K. Potapova, Vsevolod V. Potapov).....	375
2.3. Electronic literary text as an object of digital communication in the English and Russian language areas (Svetlana A. Kuchina)	406
2.4. Computer tools for analyzing digital diplomacy texts (Olga I. Maksimenko, Mikhail V. Belyakov).....	424

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая вниманию читателя коллективная монография посвящена проблемам языкового *регионализма* в мировом пространстве. Материал данной монографии, включающий результаты многолетних наблюдений и анализа языковых изменений, представлен в *двух частях*, в которых находит отражение вышеназванная тематическая стратификация языковой материи. Авторы обращаются к динамике языковых процессов с позиции, с одной стороны, классической диалектологии, с другой – прикладной лингвистики применительно к различным аспектам интернет-коммуникации в эпоху цифровых технологий. Оба направления позволяют характеризовать те изменения, которые являются следствием развития языка в целом. Материал является содержательной доминантой предлагаемой читателю монографии и отражает два генеральных направления современного языкознания: *теоретическое* и *прикладное*.

Обсуждение сущности термина «диалект» предваряет теоретическую составляющую монографии. По мнению автора главы, детально рассмотревшего процесс становления вышеупомянутого термина в диахронии, лексическая единица «диалект» постепенно приобретала конкретный терминологический статус и под влиянием греческой лингвистической традиции со временем становится неотъемлемой частью терминологии русского языкознания, будучи используемой первоначально большей частью в значении ‘язык’, а в начале XVIII в. – уже в привычном для нас значении ‘диалект, наречие, говор’, что нашло свое отражение в переводных, толковых и словарях иностранных слов.

Теория *регионализма* с достаточной степенью детализации представлена в главе «Региолекты, регионализмы и региональные варианты русского литературного языка», в которой рассматриваются регионализмы носителей русского языка вне зависимости от их

социального, образовательного, профессионального, гендерного и возрастного статуса.

Лингвистический материал *первой части* монографии включает анализ современного состояния диалектологических особенностей таких языков, как: русский, чешский, немецкий, английский, таджикский, японский, монгольский и испанский язык в Мексике. Разрабатывается классификация диалектов языков Северного Кавказа. В главах, посвященных вышеперечисленным языкам, в качестве объекта лингвистического анализа выступают различные языковые уровни: фонетико-фонологический, морфологический, лексико-семантический и синтаксический.

Следует обратить внимание читателей, интересующихся диахроническим аспектом лингвистического анализа, на исторический фактологический материал данной части монографии, представленный, например, в таких главах, как «Задачи и аспекты русской исторической лингвогеографии» и «Немецкая диалектология: от Венкера до этнодиалектов».

Вторая часть монографии, где подробно освещаются различные аспекты цифровой коммуникации и ее связи с развитием языка, включает:

- описание подходов лингвистов к сохранению мирового языкового разнообразия при помощи использования новых компьютерных технологий;

- разработку проблемы межнационального мем-чаттинга в русскоязычном, англо-американоязычном и немецкоязычном сегментах Интернета и их сопоставление (в этой главе впервые вводится понятие «*мемолект*»);

- историю возникновения и основные направления исследования электронного художественного текста в качестве объекта цифровой коммуникации в английском и русском языковых пространствах;

- исследование профессиональной специфики языка дипломатической коммуникации с привлечением новых цифровых технологий.

Взаимодействие аксиологических систем разных народов, образующее уникальный культурный сплав, а значит, и ту самую *региональную* или *локальную* культурную идентичность, – настолько сложный процесс, что он требует самого пристального внимания и многостороннего подхода. В связи с этим можно было бы подчеркнуть, что в настоящее время на первый план выдвигаются проблемы глубинного *мультилингвизма*, *мультилингвокультурализма* и *мультилингвоаксиологизма*.

Таким образом, представленная коллективная монография в области *регионализма* отвечает на многие накопившиеся актуальные вопросы современной лингвистики, что позволяет причислить данный научный труд к ряду информативных источников знания о языке и речи на сегодняшний день.

*Доктор филологических наук,
заслуженный научный сотрудник МГУ им. М.В. Ломоносова
Всеволод Викторович Потапов*

Часть I.

Классическая диалектология сегодня

Иванов А.В.¹

1.1. *ДИАЛЕКТ*: ФОРМА И ЗНАЧЕНИЕ ТЕРМИНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Аннотация. Глава посвящена термину *диалект*, семантическая структура которого начала формироваться во второй половине XVI в. В своем первом значении ('язык'), которое продолжало оставаться основным практически до середины XIX в., слово *диалект*, не обладавшее на тот момент терминологическим статусом, встречается уже в переводах сочинений Иоанна Златоуста, сделанных Андреем Курбским. Во втором значении ('наречие, говор') слово обнаруживается в «Книге Свстима» Дмитрия Кантемира (1722) и только спустя почти четверть века – в работах Михаила Ломоносова (1746). Появляются основания уточнить информацию о первых случаях соответствующего словоупотребления, описываемых в этимологических словарях русского языка. В середине XIX в. слово приобретает терминологический статус, постепенно избавляясь от своего первоначального значения. На периферии семантической структуры слова *диалект* во второй половине XVIII в. возникают и непродолжительное время сохраняются три значения – 'жаргон, аргó' (1775), 'поэтический язык' (1788), 'способ или манера выражения' (1798). В силу своего очевидного окказионального характера эти значения к началу XIX в. утрачиваются. Слово впервые становится объектом лексикографической фиксации в своем первичном значении около 1650 г. в «Латинском лексиконе» Елифания Славинецкого. В значении 'диалект, наречие' слово встречается в «Российском словаре с немецким и французским переводами» Ивана Нордстета (1780).

Слово-термин *диалект* в научном освещении: постановка проблемы

Термин *диалект* выступает в качестве базовой терминологической единицы, обсуживающей сферу диалектологии. Этимоло-

¹ Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия; aivan@lunn.ru

гия термина прозрачна и никогда не вызывала разногласий в среде лингвистов. Этимолоном является греческое слово *διάλεκτος*, образованное от глагола *διιλέγομαι* ‘говорить, изъясняться’ и обладающее в древнегреческом языке целым спектром значений: 1) речь, в том числе членораздельная; 2) произношение; 3) разговор, беседа; 4) речевая манера, стиль; 5) национальный или племенной язык; 6) говор, наречие, диалект; 7) областное слово или выражение [Дворецкий, 1958, с. 375]. В русский язык слово поначалу вошло как единица общего языка, сохраняя этот статус вплоть до появления диалектологии как науки, возможно, благодаря одному или нескольким языкам-посредникам. М. Фасмер утверждает, что через посредничество латыни (*dialectus*) оно попало в вокабуляр новых европейских языков, прежде всего французского (*dialecte*), затем немецкого (*Dialekt*) и польского (*dyalekt*), а после этого – русского [Фасмер, 1996, с. 512]. Конкретный язык – источник заимствования Фасмер не называет, однако при наличии акцентологических дублетов – *диiалект* и *диалéкт* – в первом случае это может быть греческий, во втором – латинский, французский или немецкий языки. Посредство польского *dyalekt*, по мнению А.Е. Аникина, маловероятно, поскольку «наталкивается на то препятствие, что польск. *dyalekt*, *dialekt* фиксируется лишь с XIX в.» [Аникин, 2019, с. 344].

В.Я. Черных [1993, с. 250] полагает, что слово *диалект* обошлось без языка-посредника и было напрямую взято в русский язык из греческого. По мнению А.К. Шапошникова, слово заимствовано из среднегреческого «при влиянии на развитие внешней и внутренней формы слова и его производных со стороны западноевропейских языков» [Шапошников, 2021, с. 224]. Г.Ю. Багриновский допускает как прямое заимствование из греческого в русский, так и участие латыни в процессе заимствования [Багриновский, 2020, с. 319].

В настоящее время слово *диалект* имеет статус термина и определяется как «разновидность данного языка, употребляемая в качестве средства общения лицами, связанными тесной территориальной, социальной или профессиональной общностью» [Касаткин, 1990, с. 132]. К этой весьма распространенной формулировке, встречающейся с незначительными вариациями во множестве научных и справочных источников, целесообразно добавить еще несколько значений, выявляемых в дефиниции термина, предложенной О.С. Ахмановой: «2. Совокупность однородных говоров, обладающих относительным единообразием. 3. То же, что говор (разновидность (вариант) языка, используемая в общении небольшого терри-

ториально связанного коллектива). 4. То же, что наречие II (крупное подразделение языка, объединяющее группу говоров, связанных между собой рядом общих явлений, неизвестных другим говорам)» [Ахманова, 2004, с. 110, 131, 253].

Этимологические словари русского языка содержат неоднозначную информацию о том, когда и в каком значении слово *диалект* стало частью словарного фонда русского языка. Так, Черных полагает, что в значении ‘язык’ слово *диалект* известно в русском языке с начала XVIII в., а в современном значении встречается в 1744–1757 гг. в «Материалах к Российской грамматике» Ломоносова [Черных, 1993, с. 250]. Шапошников [2021, с. 224] считает, что искомое слово в форме «диалекть» известно в русском языке XI–XVII вв. В XVIII в. оно употребляется в значении ‘язык’ (1701–1703), у Ломоносова – в значении ‘наречие, говор’ (1747–1755). В качестве комментария к этой информации заметим, что Шапошников, очевидно, в первом случае ссылается на данные «Словаря русского языка XI–XVII вв.» [СРЯ, 1977, с. 242], не приводя точную информацию о времени и источнике, из чего можно сделать вывод, что слово могло появиться в словарном составе русского языка не ранее XI и не позднее XVII в. В упомянутом словаре в качестве самого раннего источника приводится отрывок из «Соборного определения» 1666 г. (о признании греческих богослужебных книг православными), в котором слово *диалект* используется в значении ‘язык’ [Дело о патриархе Никоне, 1897, с. 252]. Во втором случае у Шапошникова дается ссылка на нерасшифрованный источник (однако речь, видимо, идет о «Проскинитарии Святыя горы Афонския» Иоанна-Иерофея Комнина в переводе Дамаскина Чудовского; этот трактат упоминается и в словаре Черных), а в третьем – на «Материалы к Российской грамматике» Ломоносова. Багриновский, со своей стороны, замечает, что слово *диалект* в значении ‘язык’ появилось в русском языке в середине XVII в. (источник не указан), а в современном значении – в середине XVIII в. (Ломоносов) [Багриновский, 2020, с. 319]. Составители «Большого академического словаря русского языка» при указании на источник упоминания слова *диалект* в значении ‘язык’ ссылаются на «Словарь российский с немецким и французским переводами» И. Нордстета, опубликованный в 1780 г. [БАСРЯ, 2006, с. 80].

Лакуарность и неполнота имеющейся информации побудили автора обратиться к изучению истории слова-термина *диалект* с историко-лингвистических позиций.

Историко-лингвистический анализ: обсуждение и результаты

Обследование источников, в которых встречается слово *диалект*, приводит к необходимости их систематизации как с точки зрения хронологии появления, так и с учетом значений, в которых употребляется эта лексическая единица.

Наиболее ранний случай искомого словоупотребления встречается в предуведомлении к переводу избранных сочинений Иоанна Златоуста, сделанному князем Андреем Курбским во второй половине XVI в.

На протяжении XVII в. слово *диалект* было зафиксировано нами в девяти источниках, в числе которых – лингвистические сочинения (буквари и грамматики), челобитные, выдержки из соборных определений и др. В XVIII в. таких источников, относящихся к различным письменным жанрам, насчитывается более 30.

Объектом лексикографического описания слово *диалект* становится уже в середине XVII в. Относительно этого периода можно говорить о единичных случаях словарной фиксации этой лексической единицы, в то время как в XVIII в. она обнаруживается уже в целом ряде словарей различных типов, прежде всего переводных.

В XIX в. появляется труднообозримое количество лингвистических исследований, учебных и справочных изданий, авторы которых используют номинации *диалект*, *наречие*, *говор*. Основываясь на результатах исследования, можно предположить, что во 2-й половине XIX в. они обретают терминологический статус.

Слово *диалект* в значении ‘язык’

Семантическая структура слова *диалект* начинает выстраиваться со второй половины XVI в. В этот период оно встречается в упомянутом выше переводе Курбского под названием «Маргарит новый» в своем наиболее распространенном значении – ‘язык’. В описании рукописи известный собиратель старинных рукописей В.М. Ундольский приводит текст предисловия, сделанный рукой переводчика: «сія свящ. книга преп. отца нашего І. Дам., содержащая въ себѣ... повѣсти о препп. пустынножителехъ, Варлаамѣ и Іоасафѣ, преведена съ еллино-римскаго языка на славенскій

діалектъ во дни благоч.^{го} государя царя и в. к. Іоанна Вс^{ча} всеа Русіи» [Ундольский, 1870, стб. 166].

В этом же значении слово обнаруживается в XVII в. в рукописи «Пасхалии» применительно в «словено-российскому диалекту» [там же, стб. 333]. К сожалению, точное время создания рукописи Ундольскому, видимо, установить не удалось.

В 1629 г. слово появляется в предисловии ко 2-му изданию служебника «Божественная литургия» («Сей Служебникъ, сіестъ книга службъ, яже суть литургій... въ себѣ съдержаша отъ самого Христа, апостолъ и св. отецъ еллинскимъ, имъ тогда свойственнымъ діалектомъ преданную, отъ еллинскаго же...» [Пекарский, 1862, с. 172]).

В 1638 г. в Кремянце был опубликован лингвистический трактат «Грамматики или писменница языка Словенскаго» анонимного автора. Сопоставление текста этого издания с текстом «Грамматики Славенския правильное Свнтагма» (1619) позволило исследователям (С.К. Булич и др.) установить, что автором трактата был М. Смотрицкий. У Смотрицкого слово *диалект* сопровождалось эпитетом «аттический», в противопоставление языку «славян», и относилось скорее не к аттическому диалекту как таковому, который, как известно, впоследствии лег в основу общегреческого наречия (койне), а к собственно этому языку [Hrammatiki..., 1977, S. 83]. В том же значении *диалект* использовался Смотрицким десятью годами позже во втором издании «Грамматики Славенской»: «Сие бо многаа сихъ подобнаа въ бжѣственномъ писаніи Аттическаго діалѣкта свойства искоусніи преводници преводиша» [Смотрицкий, 1648, с. 293 об.].

В сходных контекстах в значении 'язык' слово *диалект* встречается на протяжении всего XVII в.: в 1645 г. в катехизисе «Собрание короткой науки о артикулах веры...» (Первѣй языкомъ полскимъ, а теперъ діалектомъ русскимъ въ друку выданое» [Пекарский, 1862, с. 342]); в 1653 г. в предисловии Иосифа Тризны к 4-му изданию служебника «Божественная литургия» («...отъ греческаго діалекту истинну изслѣдованнаго, вся тѣмъ съдержимая и таяжде гдѣ положихомъ и церкви предахомъ» [там же, с. 174]); в 1656 г. в предисловии к «Скрижали» («сїа блгополѣзнаа, и бгѣмудраа книга, с грѣческаго на славѣнскїи діалектъ нынѣ преложиса...» [Скрижаль, 1656, с. 16 об.]); в 1662 г. в «Челобитной чернца Савватия» («...еллинской, рекше греческой языкъ въ своемъ діалектѣ красенъ и честенъ, а во иномъ языкѣ некрасенъ и безчестенъ» [Три челобитныя..., 1862, с. 35–36]); в 1665 г. в третьем свитке

«Челобитной попа Никиты Добрынина» («...инокъ Максимъ Грекъ... многіе книги з греческа діалекта на словенскій языкъ преводиль» [Материалы для истории раскола за первое время его существования, 1878, с. 159]); в 1666 г. в «Соборныхъ определенияхъ и в собственноручныхъ запискахъ митрополитов...» («для сведѣтельствъ ново-предложенные книги съ греческаго діалекта на словенскій... рукою моею съ прочими священными подписахъ» [Дело о патриархе Никоне, 1897, с. 252]); в 1679 г. в «Муסיкийской грамматике» Н. Дилецкого («Идеа Грамматікии Муסיкійстѣи... преведена на словенскій діалектъ въ црѣтующемъ Градѣ Москвѣ...» [Дилецкий, 1679]); ок. 1687 г. в «Алфавитаре ради учения малыхъ детей Евфимия Чудовского («Ибо кнѣги премноги сочинивше на своихъ ихъ діалектахъ, и премудрѣ истолковавше преподаша цркви во украшеніе...» [Bragone, 2008, p. 40]) и др.

В начале XVIII в. появилось несколько изданий, в которых слово *диалект* в значении 'язык' встречается на титульных листах в пространных названиях произведений. В их числе «Книга учащая морскаго плаванія... о^т лати^нскаго ѡзыка преведена на словено росискій диалектъ <так в тексте – *А. И.*> вторицею совершенно первыя Elias Квпиевскій во Амстердамѣ» де Графа в переводе И. Копиевского (Копиевича) 1701 г. [Описание рукописей..., 1884, с. 334], «Арѣомѣтка, сирѣчь наука числителнаа. С разныхъ діалектввъ на славенскій ѣзыкъ преведена, и во едино собрана, и на двѣ книги раздѣлена» [Магницкий, 1703].

К этому же временному промежутку (1701/1703) относятся упомянутый выше «Проскинитарий Святыхъ горы Афонскія» Иоанна Комнина, в котором читаем: «Тамо и граматы святѣйшихъ патриарховъ печатные, <...> в которыхъ во всѣхъ почудишися изрядному и сладчайшему извѣтію Еллинскаго діалекта, высокимъ и божественнымъ разумѣніямъ, и коликое благоговѣніе принесоша въ святоименованныя горы Аѳонскія благоговѣйныя монастыри, цари же, патріархи и государи издревле» [Дамаскин, 1883, с. 14], сочиненный в 1709 г. Феофаном Прокоповичем «Панегирик или Слово похвальное Петру Алексеевичу» («...торжественныя риѣмы во славу тояжде не слыханныя Твоя вѣкторіи тройственнымъ діалектомъ, латинскімъ, славенскімъ и польскимъ, сложенныя отъ мене [по мѣрѣ малаго искуства моего] яже на первое по побѣдѣ въ Кіевъ Вашего Царскаго Пресвѣтлаго Величества пришествіе напечатати и произнести тѣхся...» [Феофан Прокопович, 1760, с. 17]), Календарь на 1711 г. («На словеноросійски диалектъ прѣведеса

тщанієм и трудами Петра Бѣклемішева уражденнаго внароде велико росіизкомъ» [Пекарский, 1862, с. 235]) и др.

Слово *диалект* продолжает использоваться в значении ‘язык’ практически на протяжении всего XVIII в. в воинских и морских уставах, царских (императорских) указах, указах Правительствующего сената, «доношениях» официальных лиц, постановлениях Императорской академии наук, переводах иностранных книг, включая работы таких авторов, как Полидор Вергилий («Осмь книгъ о изобрѣтателѣхъ вещей» в русском переводе, 1720), Ф. Максимов («Грамматика славенская», 1723), Аполлотор («Грамматика» в русском переводе, 1725), А. Кантемир (предисловие к «Симфоніи на псалтырь», 1726), В.К. Тредиаковский («Рѣчь о чистотѣ Россійскаго Языка», 1735, «Предъизъясненіе объ ироиической пѣмѣ», 1766, «О перьвенствѣ Словенскаго языка предъ Тевтоническимъ», 1773), М.В. Ломоносов («Материалы к Россійской грамматике», 1744/1757, «Предисловіе о пользѣ книгъ церковныхъ въ Россійскомъ Языкѣ», 1757) и др. В силу ограниченного объема статьи здесь нет возможности привести и прокомментировать все обнаруженные нами примеры такого словоупотребления. Завершив обзор источников XVIII в. редкой цитатой из «Греческой грамматики» С. Протасова, поскольку это – единственный обнаруженный нами пример (не из справочной литературы), в котором содержится определение диалекта, трактуемого в качестве национального языка: «Діалектъ есть свойство въ разговорѣ каждому народу принадлежащее...» [Протасов, 1788, с. 358].

Слово *диалект* в значении ‘наречие, говор’

Первое интересующее нас словоупотребление обнаруживается в издании «Книга Свстима или Состояніе Мухаммеданскія религіи» Димитрия Кантемира. Описывая арабский язык, автор говорит не о едином языке, которым пользуются его носители, но о множестве племенных наречий: «...многія [Арапскіе языки] бо суть и разные Арапскіе Діалекты, откуда толікая проісходітъ, онои языкъ разумѣти трудность, паче же невозможность. <...> Арапскіхъ народовъ счисляется болше седмідесяти, которымъ Діалектъ, аще и не весма разные есть...» [Кантемир, 1722, с. 50–51]. Сохранившаяся с тех времен неоднородность арабского языка позволяет применить аналогичный подход к оценке и его нынешнего состояния, поскольку исследователи не только принципиально признают факт

диалектного членения современного арабского языка, но и приписывают отдельным его диалектам статус полноценного языка (ср., напр., сирийский язык).

Слово *диалект* в значении ‘наречие, говор’ несколькими годами позже дважды встречается у Ломоносова: в «Материалах к Российской грамматике» и около 1746 г. в неизданной грамматической заметке под названием «Примечанія на предложеніе о множественномъ окончаніи прилагательныхъ именъ», опубликованной в 1866 г. Петром Бартеневым в историко-литературном сборнике «Русский архив», издаваемом при Чертковской библиотеке. В этой записке Ломоносов писал: «Отъ Малороссійскаго діалекта для установленія Великороссійскихъ окончаній ничего не слѣдуетъ: ибо хотя сей діалектъ съ нашимъ очень сходенъ, однако его удареніе, произношеніе и окончанія реченій отъ сосѣдства съ Поляками... отмѣнились или, прямо сказать, попортились» [Ломоносов, 1866, стб. 326]. После этой записки, возможно, хронологически следует помета Ломоносова в «Материалах...», содержащая искомое слово («О діалектахъ россійскихъ» [Ломоносов, 1952, с. 604]), поскольку работу над ними Ломоносов начал в 1744 г. и вел ее в течение последующих 13 лет. При этом следует учесть, что к сбору материалов для своей грамматики Ломоносов приступил около 1748 г. Большая часть сделанных им записей приходится на период с 1749 по 1753 г. [там же, с. 901].

Во второй половине XVIII в. в аналогичном значении слово *диалект* использовал С.П. Крашенинников в той части своего «Описания земли Камчатки», где повествуется о языках племен, населяющих эту территорию («Другой діалектъ, которой употребляется у Олюторовъ, и отъ Россіянъ вторымъ морскимъ Коряцкимъ языкомъ называется, весьма крѣпче помянутаго» [Крашенинников, 1755, с. 168]). Анализ приведенной цитаты позволяет сделать вывод о том, что Крашенинников не только перечисляет местные диалекты, но и характеризует их с учетом произносительных особенностей: «крепость» как специфическое свойство описываемого диалекта обозначает здесь гортанное произношение или артикуляцию звуков, сопровождающуюся сильным придыханием.

Кроме исследования Крашенинникова слово *диалект* встречается у Г. Данкова, переведившего на русский язык книгу У. Борка «Созерцание превосходнейших писателей Латинского языка» («Красоту же свою заимствовалъ оный [Латинскій языкъ] найпаче отъ Эолійскаго діалекта..., да и Дорическому не мало обязанъ» [Борк, 1783, с. 3]), у И.А. Переверзева в книге «Краткія

Правила Россійскаго правописанія» («Самогласныя А, У, Ю, Я произносятся яснымъ звономъ такъ точно, какъ и въ Украинскомъ Малороссійскомъ діалектѣ» [Переверзев, 1787, с. 7]) и др.

В некоторых из обследованных нами источников описываемого периода сделаны интересные заключения о месте диалектов в языковой структуре и их роли в формировании национальных языков. В частности, в Предуведомлении «отъ трудившагося въ переводѣ» Тредиаковского к «Римской истории» Роллена дается следующий комментарий, в котором переводчик поясняет свою позицию по вопросу о возникновении языков из диалектов: «И какъ въ Вавілонское Сліянїе многїи содѣлались Дїалекты, а изъ Дїалектовъ сихъ многїихъ произошли Языки, такъ что одинъ отъ другаго весьма сталъ быть различень...» [Роллен, 1763, с. III–IV]. О постоянном развитии языков и диалектов говорят авторы Энциклопедии Дидро, переведенной на русский язык по распоряжению Екатерины II: «Увидять, что каждой языкъ и въ каждомъ языкѣ каждой дїалектъ, каждой народъ, каждой вѣкъ, постоянно перемѣняютъ нѣкоторыя буквы въ другія, и столько же постоянно отрываются отъ иныхъ перемѣнъ, сколько ихъ сосѣди» [Переводы из Энциклопедии, 1767, с. 22].

Слово *диалект* в значении ‘жаргон, аргó’

В источниках, относящихся к XVIII в., слово *диалект* единожды встретилось нам в качестве обозначения «воровского языка», применяемого маргинальными социальными группами. В частности, в 1775 г. у М. Комарова в сочинении «Обстоятельное и вѣрное описаніе добрыхъ и злыхъ дѣлъ... Ваньки Каина» читаем: «[Любимой Каиновъ товарищъ Камчатка] сказалъ: “трѣка калачъ ѣла страмыкъ, сверлюкъ, страктирила”. Сіе значило на мошенническомъ дїалектѣ: ключи въ калачѣ для отпиранія замка» [Комаров, 1779, с. 28].

Слово *диалект* в значении ‘язык поэтического произведения’

У упомянутого выше С. Протасова искомое слово встречается применительно к обозначению поэтической речи или поэтического языка, являющегося частью языка художественной литературы, который передает авторское мировосприятие через сюжет, композицию и систему образов. Его использование, по мнению

автора, обусловлено поэтической вольностью, допускающей преднамеренное или невольное отклонение стихотворной речи от синтаксических, метрических и иных языковых норм: «Сверхъ сего есть діалектъ Пїитическій. Пїиты не токмо общій употребляютъ діалектъ, или который либо изъ вышереченныхъ, но по вольности своей имѣютъ нѣкоторыя особенныя еще перемѣны...» [Протасов, 1788, с. 359].

Слово-термин *диалект* в научно-теоретических источниках XIX в.

Оговоримся, что мы не ставим себе специальной задачи описать и прокомментировать множество появившихся в XIX в. точек зрения на диалект как на особую разновидность языка, стараясь остаться в рамках основной цели – выявить случаи соответствующего словоупотребления и проследить динамику развития семантической структуры слова-термина *диалект*.

В описываемый период слова *диалект* и *наречие* продолжают употребляться как синонимы, однако предпочтение отдается наименованию *наречие* [Аникин, 2019, с. 344]. Этот вывод подтверждается данными и нашего исследования, однако в основном применительно к текстам, относящимся к первой половине XIX в. При этом слово *наречие*, так же как и *диалект*, может использоваться как минимум в двух значениях: 1) ‘язык’ и 2) ‘наречие, говор’. Приведем примеры такого словоупотребления, которые, разумеется, не охватывают всего спектра проанализированных нами контекстов в силу их значительного количества.

И.И. Ренофанц в «Карманной книжке для любителей чтения русских книг, газет и журналов» рассматривает диалект как «нарѣчіе, выговоръ, образъ выраженія словами, свойственный странѣ какой» [Ренофанц, 1837, с. 83]. Из цитаты видно, что Ренофанц приравнивает диалект к языку, понимая под ним совокупность фонетических и лексических особенностей, свойственных национальному языку. При этом «образъ выраженія словами» представляет собой крайне расплывчатую формулировку, под которой можно понимать как использование общей или диалектной лексики, так и способ или манеру выражения.

Пример употребления слова *диалект* в значении ‘наречие, говор’ обнаруживаем в предисловии к «Тетрадам русской грамматики для русских» В.А. Половцова: «...нарѣчія, называемыя и

діалектами, суть областныя отступленія въ языкѣ. Главныя нарѣчія Русскаго суть: Великороссійское, Малороссійское, Бѣлорусское и другія» [Половцов, 1835]. В этом же значении слово *диалект* во множестве случаев встречается в грамматиках греческого языка, в рамках которого традиционно вычленяются диалекты – эолийский, аттический, ионический, дорический.

Во второй половине XIX в. начинают появляться русские переводы лингвистических исследований известных европейских естествоиспытателей и языковедов (Ч. Дарвин, В. Гумбольдт, Я. Гримм, К. Хейзе, Ф.М. Мюллер и др.), которые так или иначе затрагивают проблематику взаимосвязей, существующих между языком и диалектом как особой формой или разновидностью языка. В этих переводах, равно как и в посвященных этим трудам критических заметках русских лингвистов и переводчиков, слово *диалект* начинает постепенно приобретать специализированные очертания и использоваться в качестве термина. К примеру, в сочинении «О различии организмов человеческого языка» В. Гумбольдт, пытаясь ответить на вопрос, до каких пор следует считать язык за один и тот же с учетом испытываемых им постоянных изменений, рассуждает о «форме языка», под которой он понимает отдельный племенной язык и тем самым отличает его, с одной стороны, от «племени языков», а с другой – от диалекта [Гумбольдт, 1859, с. 40].

В 1862 г. в рамках дискуссии по вопросу о происхождении языка, материалом для которой послужили работы «Der Ursprung der Sprache im Zusammenhange mit den letzten Fragen alles Wissens» Х. Штейнтала (1858), «De l'origine du langage» Э. Ренана (1858) и «Über den Ursprung der Sprache» Я. Гримма (1851), автор заметки «Современный взгляд на происхождение языка» описывает и комментирует точку зрения И.Г. Гердера на проблему возникновения диалектов: «Нравы и обычаи дѣлають то, что называется діалектомъ изъ того, что было только выговоромъ» [П-ий, 1862, с. 59]. Приведенная цитата интересна тем, что первым признаком возникающего диалекта Гердер, а вслед за ним и цитирующий его автор полагают фонетические (произносительные) особенности, фиксируемые у обособленной группы людей, отводя лексике и грамматике вторичную роль.

П.А. Гильтебрандт в критической заметке «Наука о языке и естествознании» четко разграничивает понятия языка, наречия, диалекта, говора и идиолекта: «Виды одного рода называютъ у насъ языками какого-либо племени; подъ-виды – діалектами или нарѣчіями извѣстнаго языка; разновидностямъ соотвѣтствуютъ

мѣстные *говory* или второстепенныя нарѣчія; наконецъ отдѣльнымъ *особямъ* — образъ выраженія отдѣльныхъ людей» [Гильтебрандт, 1864, с. 10]. При этомъ Гильтебрандт все же полагает, что в области языка «нельзя дать точнаго опредѣленія принятымъ степеней различій между языкомъ, діалектомъ, нарѣчіемъ, мѣстнымъ говоромъ: что одни называютъ языкомъ, то другіе называютъ діалектомъ и наоборотъ» [там же]. Причина, по его мнѣнію, состоитъ в распаденіи одной формы языка на множество болѣе мелкихъ форм, которые съ теченіемъ времени демонстрируютъ все большіе различія. Какъ видимъ, проблема разграниченія перечисленныхъ выше базовыхъ понятій діалектологии в серединѣ 60-х годов XIX в. все еще не была решена. Опираясь той же терминологіей, сходную позицію Гильтебрандт высказываетъ и в работѣ «Мысли о народной психологіи» (1864).

В 1876 г. выходитъ в свѣтъ сочиненіе П.И. Житецкаго «Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго наречія», в которомъ авторъ обсуждаетъ проблему возникновенія и развитія діалекта какъ особой разновидности языка черезъ призму закона діалектическаго роста. Специфику реализаціи этого закона Житецкій видитъ въ бесконечномъ дробленіи языковъ на діалекты, въ то время какъ обратный процессъ, называемый имъ закономъ діалектическаго упадка, приводитъ къ выделенію изъ множества діалектовъ господствующаго наречія, которое можетъ со временемъ и дальше идти по пути раздробленія на частныя, отдѣльныя говоры. Однако въ ходѣ своего развитія господствующее наречіе постепенно отбрасываетъ діалектныя элементы, поднимаясь «надъ уровнемъ діалектической пестроты, стремясь распространить всюду вокругъ себя нивелирующее вліяніе» [Житецкій, 1876, с. 22]. Возникающій при этомъ языкъ «становится искусственно-условнымъ знаменемъ племеннаго единства, создаваемого культурнымъ ходомъ жизни» [там же, с. 23].

Анализъ работъ, относящихся къ 2-й половинѣ XIX в., можно было бы продолжать и далее, однако подобный обзоръ заслуживаетъ не формата статьи, а отдѣльнаго монографическаго исследования.

Слово-термин *диалект* какъ объектъ лексикографическаго описанія

Судя по результатамъ исследования, впервые слово *диалект* привлекло вниманіе лексикографовъ въ серединѣ XVII в. Около 1650 г. Епифаній Славинецкій опубликовалъ «Лексиконъ латинскій зъ Калепина преложенный на славенскій», въ которомъ перевелъ слово

dialectos как «диалект, сво(й)ство языка» [ЛСЛ, 1973, с. 163]. Попутно заметим, что формулировка Славинецкого была дословно воспроизведена в первой половине XVIII в. составителями «Латинско-русского словаря» («Dialectis Диалект сво(й)ство языка» [ЛРС, с. 68 об.]) и в конце XVIII в. Н.Г. Кургановым в «Словаре разноязычном» («Диалект, свойство языка» [Курганов, 1793, с. 238]). Расплывчатость толкования заставляет предположить, что речь здесь может идти об особенностях как конкретного языка, так и разновидности языка, отличающих ее от другой разновидности. Полвека спустя после появления лексикона Славинецкого в «Dictionarium Latino-Slavonicum» слово встречается в словарной статье «Idiotismus» и сопоставляется языку и речи в целом («дiалéктъ мoва» [DLS, 1700]). Все упомянутые выше словари (кроме словаря Курганова) относятся к переводному типу.

Обследованные нами словари XVIII в., в которых обнаруживается лексема *диалект*, можно разделить на две группы: словари толковые и переводные. Основной массив информации, касающейся слова *диалект*, содержится в словарях переводного типа.

В четырехязычном «Новом Лексиконе» С.С. Волчкова лексема *диалект* сопоставляется с синонимическим рядом слов *язык, речь, наречие*, под которыми понимается национальный язык, но не его территориальные разновидности, представленные отдельными диалектами («*Dialecte, f. Die Redart eines Landes. Dialectus, ti, f. Диалект, языкъ какого народа, рѣчь, нарѣчiе*» [НЛ, 1755, с. 732]). Это же значение лексемы в той же редакции приводит Ф.Гелтергоф во «Французском Целлариусе» [Гелтергоф, 1769, стб. 229]. Сходным путем следуют в описании значения лексемы составители «Латинского Лексикона»: «**Dialectus, i. f. Suet. Диалект, нарѣчiе*» [ЛЛ, 1797, стб. 493].

В «Российском с Немецким и Французским переводами Словаре» Нордстета лексема *диалект* трактуется как разновидность языка: «*Дiалéктъ, а, m. die Mundart einer Sprache, le dialect*» [Нордстет, 1780, с. 158]. В «Полном немецко-русском лексиконе», вышедшем в конце XVIII в., обнаруживаются две словарные статьи, позволяющие выявить в семантической структуре слова *диалект* уже два значения: 1) диалект как территориальная разновидность языка («*die Mundart, множ: die -en, нарѣчiе, дiалéктъ. Die oberdeutsche Mundart, нарѣчiе въ верхней Германiи употребительное*» [ПНРЛ, 1798, с. 88]) и 2) способ или манера выражения («*die Sprechart, множ: die -en, выраженiе рѣчи, образъ изъясненiя; а иногда нарѣчiе, дiалéктъ*» [там же, с. 542]).

Поскольку переводные словари в массе своей предлагают только переводные эквиваленты слов и не раскрывают подробно их значений, целесообразно обратиться к опубликованным в XVIII и XIX вв. толковым словарям и энциклопедиям.

В ряду примеров, взятых из словарей толкового типа, целесообразно упомянуть следующие. П.А. Алексеев в «Церковном словаре» дает такое определение диалекта: «ДИАЛЕКТЪ, Греч. особливой образец выговора, иногда за *языкъ* приѣмлется» [Алексеев, 1776, с. 60; Алексеев, 1794, с. 218]. Наряду с общепринятым в то время пониманием диалекта как синонима слова *язык*, которое отражено в словаре в качестве неосновного (второго) значения, Алексеев упоминает об особенностях диалектного произношения (выговора), отличающего диалект как разновидность языка от собственно языка как средства национального общения, однако характер связей между диалектом и общим языком в определении Алексеева никак не выявляется.

В «Словаре Академии Российской» лексема *диалект* получает однозначную трактовку как территориальная разновидность языка, хотя составители словаря не приводят ее определения, ограничиваясь только примерами: «ДІАЛѢКТЪ, кта. с. м. Греч. Смотри Нарѣчіе. *Греческой языкъ имѣетъ различные діалекты. Діалектъ Аттической. Діалектъ Ионической. Діалектъ Дорической*» [САР, 1790, стб. 680]. При обращении к словарной статье «Нарѣчіе», заглавная лексема которой в смысловом отношении приравнивается к лексеме *діалектъ*, узнаём, что наречие – это «выговоръ, образъ выраженія словами свойственный странѣ какой» [САР, 1794, стб. 125]. В последующих изданиях этого академического словаря какая-либо дополнительная информация о лексеме не приводится.

Первое более или менее научное определение понятия «диалект» зафиксировано в начале XIX в. в «Новом словотолкователе» Н.М. Яновского – сформулированное, правда, с опорой на толкование «Словаря Академии Российской»: «ДІАЛЕКТЪ, *Гр.* Нарѣчіе, выговоръ, особливой образъ выраженія словами, свойственный городу, или провинціи какой, съ нѣкоторою отмѣною противъ національнаго языка» [Яновский, 1803, стб. 728]. Анализ предложенного Яновским определения позволяет заключить следующее: 1) носителям диалекта свойственно особое произношение (выговор), отличающееся от произношения жителей другой местности; 2) диалект обладает особой лексикой, встречающейся только в определенной местности; 3) носителями диалекта являются жители

различных по площади территорий: города (городской полудиалект) или области (диалект земли или провинции); 4) диалект по ряду признаков может быть противопоставлен национальному языку.

Обратимся далее к наиболее информативным справочным источникам, опубликованным в XIX в., опустив те, в которых даются краткие, повторяющиеся и ничего не добавляющие к пониманию содержания термина *диалект* формулировки.

«Карманный словарь иностранных словъ...» Н. Кирилова предлагает понимать под диалектом «различныя нарѣчія одного и того же языка» [Кирилов, 1845, с. 60–61]. Автор приводит в качестве примера диалекты французских провинций, которые, по его мнению, имеют «одно начало» с французским языком, «общій характеръ слова, обороты и грамматическіе правила; но отличаются отъ него и другъ отъ друга нѣкоторыми частными отгѣнками въ характерѣ, произношеніемъ и нѣкоторыми неважными словами». Интересным в этом определении, на наш взгляд, следует считать выявление единой грамматики и общей лексической базы национального языка и диалекта за исключением отдельных фонетических и грамматических особенностей, свойственных диалекту, а также небольшого числа диалектизмов.

В «Справочном энциклопедическом словаре» под редакцией А.В. Старчевского диалект приравнивается к местному наречию какого-либо языка и «отличается отъ языка простонароднаго тѣмъ, что послѣдній является въ провинціи отъ неумѣнья народа произносить слова правильно» [СЭС, 1855, с. 110–111]. Автор словарной статьи, как видим, не считает диалект «искаженной» разновидностью языка, отводя эту роль просторечию, и разграничивает понятия «диалект» и «простонародный язык».

Ф.Г. Толль в своем «Настольном словаре» определяет диалект как совокупность характерных особенностей, присущих языку отдельных племен, объединенных одним общим языком и территорией. Если же какой-либо из племенных языков приобретает статус «литературного языка», то прочие по отношению к нему выступают в качестве диалектов или наречий [НС, 1863, с. 41].

В «Русском энциклопедическом словаре» под редакцией И.Н. Березина читателю была предложена пространная статья, посвященная диалектам или наречиям [РЭС, 1874, с. 370–371]. Приведем лишь основные ее положения: 1) диалект – это особая разновидность общего языка; 2) обособленность диалектов обусловлена территориальной обособленностью племен, говорящих на этих диалектах; 3) культура выступает основным фактором, сдержи-

вающим потенциально неограниченный рост числа диалектов; 4) уровень развития культуры определяет степень развитости диалекта, благодаря чему диалект способен приобрести наддиалектный языковой статус; 5) с течением времени диалекты утрачивают способность к развитию и маргинализируются; 6) каждый диалект обладает своими, присущими только ему особенностями фонетики, грамматики, словообразования и лексики; 7) носителями диалекта выступают представители низших классов общества. Интересной представляется ремарка автора относительно терминологии, используемой при описании диалектов: диалекты иногда подразделяют на наречия, а наречия – на говоры.

В последней четверти XIX в. в России вышло в свет большое количество словарей иностранных слов, толковавших «непонятные» слова большому кругу читателей. Целевая аудитория таких справочников была весьма неоднородной, что определяло состав словника, объем и степень научности предлагаемых толкований.

В «Словаре иностранных слов» (издание редакции «Киевского народного календаря») под диалектом понимается «нарѣчіе языка, особенныя формы, которыя представляет одинъ и тотъ же языкъ въ различныхъ областяхъ» [СИС₁, 1881, с. 55]. Проблему диалектного членения европейских языков составители словаря решают вполне традиционно для своего времени, считая, к примеру, собственно английский и шотландский диалектами английского, собственно французский и провансальский – диалектами французского, верхненемецкий и нижненемецкий – диалектами немецкого, а великорусский, малорусский и белорусский – диалектами русского языка. Сегодня такой подход с большой долей вероятности назвали бы «имперским».

«Словарь иностранных слов» А.Д. Михельсона в целом трактует диалект как «нарѣчіе, говоръ». В качестве отдельного элемента значения лексемы «диалект» выступает «отличіе языка сообразно мѣстности и племени» [СИС₂, 1883, с. 233], что в поздних версиях словарей иностранных слов у других составителей формулируется, к примеру, как «совокупность характеристических особенностей языка какого-нибудь племени» [СИС₃, 1893, с. 86].

В «Словаре иностранных слов» («с расширенной энциклопедической частью») Е. Ефремова под редакцией И.А. Бодуэна де Куртенэ диалект выступает как «мѣстное нарѣчіе, говоръ, мѣстная разновидность данной языковой области (въ тѣхъ областяхъ, которыя свойственъ объединяющій общій литературный языкъ, діалекты, конечно, болѣе или менѣе разнятся отъ него)» [СИС₄,

1912, с. 141]. Написание заголовочного слова отражает двойное ударение – «діа́лэ́кть». Учитывая прозрачность формулировки, считаем, что в дополнительных комментариях она не нуждается.

Завершим анализ источников вышедшим в раннее советское время специализированным «Грамматическим словарем» Н.Н. Дурново, автор которого не предлагает отдельной дефиниции термина *диалект*, однако в соответствующей словарной статье помещает отсылки к терминам *говор* и *наречие* [Дурново, 1924, стб. 39]. Под *говором* Дурново понимает «мелкое подразделение языка, язык небольшой группы населения, между членами которой нет других различий в языке кроме индивидуальных» [там же, стб. 32]. *Наречие* характеризует более крупную по сравнению с говором разновидность языка, объединяющую в себе несколько говоров, которые в совокупности обладают некоторыми общими чертами, отличающими их от говоров, входящих в состав других наречий, и поэтому способны сформировать одно наречие [там же, стб. 66]. Дурново перечисляет ряд условий, при соблюдении которых способно появиться наречие. Эти условия следует понимать и анализировать в том числе и с учетом экстралингвистических факторов, к числу которых, несомненно, относится и политический. Наличие большого областного центра, вокруг которого располагаются меньшие по размерам населенные пункты, где живут носители различных говоров, способствует формированию относительно однородного по своим качествам наречия. Политический аспект выявляется здесь, если рассматривать это условие в русле провозглашенной большевиками в начале 20-х годов прошлого века «смычки» города и деревни. Очевидно, что если такая смычка реализовывалась в политико-экономической плоскости, то влияние ее не могло не отразиться и на состоянии языка. В этом же ряду следует упомянуть и «слияние в один язык близко родственных самостоятельных языков вследствие политического или культурного объединения народностей, говорящих на этих языках» [там же, стб. 67]. В отличие от упомянутого выше «имперского» подхода к статусу близкородственных языковых образований, в подходе Дурново по понятным причинам проводится различие между великорусским и белорусским языками, с признанием в их составе северо- и южновеликорусского, а также северо- и южнобелорусского наречий, соответственно (ср. с правом наций на самоопределение).

Заключение

Слово «диалект» вошло в словарный фонд русского языка как прямое заимствование из греческого на фоне сильного влияния греческой традиции и использовалось в основном в значении 'язык'. Наиболее ранний случай такого словоупотребления отмечается во второй половине XVI в. в переводах сочинений Иоанна Златоуста, сделанных Андреем Курбским. На всем протяжении XVII в. слово *диалект* в этом значении встречается в сочинениях как гражданского (челобитные, грамматики, лингвистические трактаты), так и религиозного (служебники и т.п.) содержания. В XVIII в. сфера применения слова существенно расширяется, и в упомянутом значении оно обнаруживается в воинских и морских уставах, царских (императорских) указах, указах Правительствующего сената, «доношениях» официальных лиц, постановлениях Императорской академии наук, переводах иностранных книг и др. В первой половине XIX в. слово «диалект» продолжает использоваться в том же значении, однако уступает в частотности употребления синониму «наречие».

Во второй половине XIX в. вместе с появлением первых описаний отдельных разрозненных диалектных явлений в языке и постепенным изменением отношения языковедов к диалекту, воспринимаемому уже в качестве естественной разновидности, а не искаженной версии национального языка, зарождается русская диалектология, нуждающаяся в собственном терминологическом аппарате. Слово «диалект» начинает приобретать признаки термина и постепенно перестает употребляться в значении 'язык'. В это же время отмечаются первые попытки разграничить базовые понятия новой науки – диалект, наречие, говор.

Первый случай употребления слова *диалект* в значении 'наречие, говор' относится, однако, не ко второй половине XIX в., а к более раннему периоду. Применительно к арабским диалектам он зафиксирован в 1722 г. у Кантемира. В работах Ломоносова слово *диалект* встречается в аналогичном значении только спустя почти четверть века (1746). Случаи использования слова в этом значении в XVIII в. можно квалифицировать как единичные.

На периферии семантической структуры слова «диалект» оказываются три значения, относящиеся к последней четверти XVIII в.: 1) 'жаргон, арг'; 2) 'поэтический язык'; 3) 'способ или манера выражения'. Перспективы сохранения этих значений в семантической структуре слова практически не просматривались в

связи с их очевидным окказиональным статусом. В XIX в. случаи такого словоупотребления нами не обнаружены.

Список литературы

- Алексеев П.А.* Дополнение к церковному словарю. – Москва: Императорский Московский Университет, 1776. – 324 с.
- Алексеев П.А.* Церковный словарь. Ч. 1. А-К. – Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук, 1794. – [28], 359 с.
- Аникин А.Е.* Русский этимологический словарь. – Москва: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН: Ин-т филологии Сибирского отделения РАН, 2019. – 376 с.
- Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – Москва: УРСС, 2004. – 569, [2] с.
- Багриновский Г.Ю.* Большой этимологический словарь русского языка. – Москва: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2020. – 1184 с.
- БАСРЯ – Большой академический словарь русского языка. – Москва; Санкт-Петербург: Наука, 2006. – Т. 5: Деньга-Жюри. – 695 с.
- Борк У.* Созерцание превосходнейших писателей латинского языка в златом, сребреном, медном и железном веке процветавших... / пер. Г. Данкова. – Санкт-Петербург: тип. И.К. Шнора, 1783. – 104, [12] с.
- Геллергоф Ф.* Французский Целлариус, или Полезный лексикон. – Москва: Императорский Московский Университет, 1769. – [10] с., 5–668 стб. [168] с.
- Гильтебрандт П.А.* Наука о языке и естествознании // Филологические записки. – 1864, год 3. – Вып. 1/2. – С. 1–12.
- Гумбольдт В.* О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода / пер. П.С. Билярского. – Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук, 1859. – VI, [2], 366 с.
- Дамаскин. Афонская гора и Соловецкий монастырь. – Санкт-Петербург: тип В.С. Балашева, 1883. – X, 102 с. – (Общество любителей древней письменности; 43).
- Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь. Т. 1. А-А. – Москва: ГИС, 1958. – 1043 с.
- Дело о патриархе Никоне. – Санкт-Петербург: товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1897. – XXXII, 453, 21, [1] с.
- Дилецкий Н.* Идея Грамматики Мусикийстеи составленная прежде Николаем Дилецким в Вилне. Послежде имже преведена на словенский диалект в царствующем Граде Москве лета от создания мира 7187 года // Рукоп. РГБ, ф. № 173. I, ед. хр. № 107. – Москва: б/и, 1679. – 201 с.
- Дурново Н.Н.* Грамматический словарь (Грамматические и лингвистические термины). – Москва; Петроград: изд-во Л.Д. Френкель, 1924. – 124 стб.
- Житецкий П.И.* Очерк звуковой истории малорусского наречия. – Киев: В университетской тип., 1876. – 2, IV, 376 с.
- Кантемир Д.К.* Книга систима или Состояние мухаммеданския религии. – Санкт-Петербург: тип. Царствующаго Санктьипитербурха, 1722. – [4], 379 с

- Касаткин Л.Л.* Диалект // Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – С. 132–133.
- Кирилов Н.* Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Т. 1. А-О. – Санкт-Петербург: тип. губернского правления, 1845. – 324, XVII [4] с.
- Комаров М.* Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина всей его жизни и странных походов. – Санкт-Петербург: [Сенат. тип.], 1779. – [9], 1–104, [2], 109–199, 100–130, 231–232 с.
- Крашенинников С.П.* Описание Земли Камчатки. Т. 2. – Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук, 1755. – [4], 319 с.
- Курганов Н.Г.* Словарь разноречный... // Письмовник, содержащий в себе науку русского языка. Ч. 2. – Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук, 1793. – С. 224–289.
- ЛЛ* – Латинский лексикон с российским переводом, из лучших латинских писателей собранный... Фомою Розановым. – Москва: б/и, 1797. – [2], IV с, 2068 стбл.
- Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т. 7. Труды по филологии 1739–1758 гг. / ред. В.В. Виноградов, С.Г. Бархударов, Г.П. Блок. – Москва; Ленинград: АН СССР, 1952. – 993 с.
- Ломоносов М.В.* Примечания на предложение о множественном окончании прилагательных имен // Русский Архив. Год 4-й. Вып. 3. – Москва: тип. В. Грачева и Комп., 1866. – Стб. 325–329.
- ЛРС* – Латинско-русский словарь // Рукоп. РГБ, ф. 173/1, № 343. – 254, [10] с.
- ЛСЛ* – Лексикон словено-латинский Є. Славинецького та А. Корецького-Сатановського / підготував до видання В.В. Німчук. – Киев: Наукова думка, 1973. – 541 с.
- Магницкий Л.Ф.* Арифметика, сиречь наука числительная. С разных диалектов на славенский язык преведеная, и во едино собрана, и на две книги разделена. – Москва: б/и, 1703. – 306 с.
- Материалы для истории раскола за первое время его существования.* Т. 4. Историко- и догматико-полемические сочинения первых расколоучителей / под ред. Н. Субботина. – Москва: тип. Э. Лисснер и Ю. Роман, 1878. – XXXII, 315 с.
- НЛ* – Новый лексикон на французском, немецком, латинском, и на российском языках. Ч. 1. А-Г / сост. С.С. Волчков. – Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук, 1755. – [4], 1062 с.
- Нордстет И.И.* Российский с немецким и французским переводами словарь. Ч. 1. А-Н. – Санкт-Петербург: тип. И.К. Шнора, 1780. – [4], 434 с.
- НС* – Настольный словарь для справок по всем отраслям знания. Т. 2. Под ред. Ф.Г. Толля. – Санкт-Петербург: Издание Ф. Толля, 1863. – 1132, [2] с.
- Описание рукописей, хранящихся в библиотеке Императорского Казанского университета, составленное А.И. Артемьевым // Летопись занятий Археографической Комиссии 1876–1877 гг.* – Санкт-Петербург: тип. Пантелеевых, 1884. – Вып. 7. – С. 1–366.
- Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 2. Описание славяно-русских книг и типографий 1698–1725 годов. – Санкт-Петербург: товарищество «Общественная польза», 1862. – II, 694, XXV с.

- Переверзев И.А.* Краткие Правила Российского правописания, из разных грамматике выбранные и по свойству Украинского диалекта для употребления малороссиянам дополненные в Харькове. – Москва: тип. Компании Типографической, 1787. – 39 [1] с.
- Переводы из Энциклопедии. Т. 2. – Москва: Императорский Московский Университет, 1767. – 158, [1] с.
- П-ий Н.Ф.* Современный взгляд на происхождение языка // Филологические записки, 1862, год 2. – Вып. 1. – С. 51–68.
- ПНРЛ – Полный немецко-русский лексикон. Ч. 2. М-Z. – Санкт-Петербург: тип. Ивана Вейтбрехта, 1798. – [4], 1060, [4] с.
- Половцов В.А.* Тетрадь русской грамматики для русских. – Санкт-Петербург: тип. Деп. воен. поселений, 1835. – [12], 174 с.
- Протасов С.* Греческая грамматика или Наставления Греческого языка... – Москва: тип. Пономарева, 1788. – [8], 1–104, 113–378, [2] с.
- Ренофанц И.И.* Карманная книжка для любителей чтения русских книг, газет и журналов... – Санкт-Петербург: б/и, 1837. – [2], IV, 305 с.
- Роллен Ш.* Римская история от создания Рима... / пер. В. Тредиаковского. – Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук, 1763. – [14], XXXVI, 355 [2] с.
- РЭС – Русский энциклопедический словарь. Т. 4. Д-Ж. Под ред. И.Н. Березина. – Санкт-Петербург: товарищество «Общественная польза», 1874. – XXVII, 676 с.
- САР – Словарь Академии Российской. – Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук. – Ч. 2: Г-З. – 1790. – XIII, [52] с., 1200 стлб.; Ч. 5: Р-С. – 1794. – [2] с., 1084 стлб.
- СИС₁ – Словарь иностранных слов с добавлением некоторых не вполне понятных русских слов. – Киев: Редакция Киевского народного календаря, 1881. – 248 с.
- СИС₂ – Словарь иностранных слов / под ред. А.Д. Михельсона. – Санкт-Петербург: Русская типография, 1883. – [2], 718 с.
- СИС₃ – Словарь иностранных слов / сост. М. Заский. – Киев: тип. Ф.А. Иогансон, 1893. – [2], 376 с.
- СИС₄ – Ефремов Е. Новый полный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык, с указанием происхождения их, ударений, отраслей знания и с расширенной энциклопедической частью / под ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ. – Москва: тип. А.А. Левенсон, 1912. – [2], 605 с.
- Скрижаль. – Москва: Московский Печатный двор, 1656. – 8, [4], 16, [2], 62, [4], 63–509, 600–736, 737/738, 739–773, 639–734, 736–810, 812–817, [18], 818–865, 60, [6], 200, [2], 64, 66–195, 232 с.
- Смотрицкий М.* Грамматика Славенская. – Москва: Московский Печатный двор, 1648. – 378 л.
- СРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. Г-Д. – Москва: Наука, 1977. – 407 с.
- СЭС – Справочный энциклопедический словарь. Т. 4. Д-З. Ред. А.В. Старчевский. – Санкт-Петербург: тип. военно-учебных заведений, 1855. – 430 [3] с.
- Три челобитныя справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соловецкого монастыря. – Санкт-Петербург: Издание Д.Е. Кожанчикова, 1862. – [2], 181 с.
- Ундольский В.М.* Славяно-русские рукописи В.М. Ундольского, описанные самим составителем и бывшим владельцем собрания с № 1-го по 579-й. – Москва: Университетская типография (Катков и К^о), 1870. – [4] IV, 65 с., 468 стлб.

- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. А-Д. Под ред. Б.А. Ларина. – Санкт-Петербург: Терра: Азбука, 1996. – 573, [3] с.
- Феофан Прокопович.* Слова и Речи поучительные, похвальные и поздравительные. Ч. 1. – Санкт-Петербург: при Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, 1760. – [8], 268, [10] с.
- Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. А-Пантомима. – Москва: Русский язык, 1993. – 621 с.
- Шапошников А.К.* Этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. А-Начальство. – Москва: Флинта: Наука, 2021. – 584 с.
- Яновский Н.М.* Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Ч. 1. А-И. – Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук, 1803. – [8], IV с., 868 стб.
- Bragone M.C.* Alfavitarradiučenijamalychdetej. Unabbedario nella Rossia del Seicento. – Firenze: Firenze University Press, 2008. – 285 p. – (Biblioteca di Studi Slavistici; 6).
- DLS – Dictionarium Latino-Slavonicum // Рукоп. РГБ № 173. I. Ед. хр. № 335 (Ин. 2172). – Москва: б/и, 1700. – 402, [4] с.
- Hrammatiki ili pismennica jazyka sloven'skaho, Kremjaneč, 1638: eine gekürzte Fassung der kirchenslavischen Grammatik von Meletij Smotryčkyj / Hrsg. von Olexa Horbatsch. – München: Kubon & Sagner, 1977. – 120 S. – (Specimina philologiae Slavicae; Bd. 11).*

ОПАРИНА Е.О.¹

1.2. К ПРОБЛЕМЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ: НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЕВРОПЕЙСКИХ ЛИНГВИСТОВ

Аннотация. В главе анализируются подходы к разграничению языков и диалектов, разработанные в современной европейской лингвистике. Вопросы, относящиеся к данной теме, имеют внутриязыковой и экстралингвистический аспекты. С одной стороны, проблематика связана с происхождением идиомов, структурными особенностями. С другой – языки и диалекты различаются по степени распространения, сферам функционирования, уровню стандартизации и роли в образовании. Для современной Европы этот вопрос имеет большое значение, так как здесь в разном состоянии сохранилось немало языков, статус которых как полноценных языков или диалектов до настоящего времени носит спорный характер. Между тем вопрос о статусе миноритарных языков отражается на их сохранении и витальности в целом.

Введение

Проблематика разграничения языков и диалектов весьма актуальна для Европы, где издавна существует множество языков меньшинств, которые сумели сохраниться в основном в местном применении в форме устной речи. Часто статус таких идиомов либо как языков, либо как диалектов остается спорным и неопределенным, что отражается в терминологии, используемой исследователями, обозначающими один и тот же язык разными наименованиями в зависимости от своей точки зрения по данному вопросу. Например, в англоязычных работах применяются названия «minority languages», «regional languages», что подразумевает отнесение территориальных

¹ Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия; ellenoparina@gmail.com

вариантов к языкам, при том что статус того или иного идиома как самостоятельного языка не всеми признается. Употребляются также словосочетания «contested language», «disputed language», «debated language», в которых подчеркивается оспариваемость статуса языка [Ammon, 2006; Kloss, 1967]. Идиомы меньшинств квалифицируются также как «patois». Данный термин, имеющий французское происхождение, отличается широтой приложения: практически он относится к самым разным территориальным идиомам, а также к языкам и диалектам социальных групп. В российской лингвистике помимо термина «диалект» употребляются названия «языки малых народов», «миноритарные языки». А.Д. Дуличенко для обозначения таких языков, обладающих письменностью и литературой, ввел термин «(литературные) микроязыки» [Дуличенко, 1981].

В отечественной школе лингвистической географии и диалектологии было также разработано разграничение понятий, отражающее сложность диалектного членения языка. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» они объясняются следующим образом: «говор» – минимальная ареальная единица языка; «наречие» – наоборот, наиболее крупная единица диалектного членения, совокупность диалектов, объединенных рядом общих признаков [Касаткин, 1990, с. 133]. Диалект занимает в этом членении центральное место. Однако в статье Л.Л. Касаткина, помещенной в словарь, отмечается также сложность разграничения диалектов и их отграничения от языков: «Отнесение диалекта, находящегося на границе двух близкородственных языков, к тому или другому языку, а также определение ареальной единицы как диалекта данного языка или как самостоятельного языка в ряде случаев представляет значительные трудности» [там же]. К тому же указывается, что приведенные выше термины могут употребляться как синонимы, при этом дефиниция территориального диалекта как средства общения людей, связанных тесной территориальной общностью [там же, с. 132], не дает четкого ответа на вопрос о границах диалектов и их отличии от языка.

Между тем вопрос о статусе идиома как диалекта или самостоятельного языка важен не только с позиции лингвистической теории, он имеет социально-политические результаты и следствия. Статус отражается на условиях и перспективах существования территориального идиома, включая политику государства, языковые права говорящих, их самосознание и культурную жизнь, престиж языка или диалекта, его роль в образовании, его развитие и часто даже возможность выживания.

Основная часть

В разных частях Европы сохранились территориальные идиомы, статус которых как диалектов или самостоятельных языков, хотя и «миноритарных», до настоящего времени спорен. Их по-разному характеризуют в лингвистических исследованиях, в сфере государственного и местного администрирования, в сфере культуры и в среде «простых» носителей территориальных идиомов. Среди многочисленных миноритарных территориальных идиомов Италии, например, романские по происхождению ломбардский и пьемонтский, а также говор германоязычного баварского диалекта, о статусе которого также нет единого мнения. Это также романский по генеалогии окситанский (провансальский) язык, распространенный на юге Франции и на севере Италии; кашубский, относящийся к западославянским языкам, в Польше; финно-угорский язык ливов и балтийский по происхождению ливонский язык в Латвии и другие идиомы. Многие из них, как считают ученые и отмечают международные организации, следящие за состоянием языков меньшинств, находятся под угрозой исчезновения. Главным образом – вследствие того, что число говорящих на них постепенно сокращается. Например, кашубский язык сформировался на севере Польши – на побережье Балтийского моря, в устье Вислы. По переписи 2011 г. в Польше его назвали родным 106 тыс. человек, он используется в бытовой сфере также в США, Канаде и некоторых других странах. С 2005 г. в Польше ему присвоен статус регионального языка на территории Поморского воеводства. Тем не менее в «Атласе языков мира, находящихся под угрозой исчезновения» ЮНЕСКО кашубский отнесен к исчезающим¹. Драматична судьба ливонского языка, который в современной ситуации может быть назван мертвым, так как последний носитель этого языка скончался около 10 лет назад. Ливонский относится к балтийской группе. Изначально территорией его распространения был район Курземе в Латвии, и на него влиял финно-угорский по происхождению язык ливов, с которыми балтийские племена были в тесном контакте². Сегодня в Латвии предпринимаются усилия по его возрождению, в чем активно участвуют жители края, считающие себя потомками ливов [Moseley, 2021].

¹ https://ru.wikipedia.org/wiki/Кашубский_язык (дата обращения: 08.03.2024).

² <https://www.google.com/search?q=язык+ливов> (дата обращения: 08.03.2024).

Законы и хартии стран Европы, следующих принципам Совета Европы, в целом гарантируют права малым языкам. Вместе с тем квалификация многих из них как диалектов все же ограничивает их функционирование в социолингвистическом плане и, в случаях разработки их стандартов, «подстраивает» внутриязыковые структурные особенности миноритарных идиомов под нормы национальных языков, вариантами которых они считаются по законам своих стран [Tamburelli, Tosco, 2021].

Европейские лингвисты, изучающие соответствующий круг тем, по-разному видят критерии, по которым следует определять статус идиома как языка или диалекта. Возникающие споры основываются на различных аргументах, когда во главу угла ставится либо структурно-языковая сторона проблемного языка, либо генеалогическая, либо социолингвистическая. Доводом является также утверждение о непрерывности языкового континуума и связанной с этим невозможности в принципе вычленить и отделить друг от друга языки и диалекты. Крайним выражением этой точки зрения является утверждение о том, что языки и диалекты являются исключительно конструктами, выдуманными учеными. Наиболее традиционным является взгляд, согласно которому язык в отличие от диалекта должен иметь письменность, литературу и быть нормированным. Однако среди оспариваемых языков современной Европы есть такие, которые имеют письменную литературную традицию и определенный уровень нормирования. Кроме того, не все исследователи согласны с тем, что названные выше критерии отражают реальную картину многоязычия. Утверждается, что эти критерии во многом являются субъективными, основанными на взглядах и интересах людей. Имеется в виду, что выбор и стандартизация языков, получивших в результате высокий и общенациональный статус в обществе, осуществлялись определенными группами людей в политических целях. Поэтому оспаривается сама точка зрения, согласно которой разграничение языков и диалектов может производиться на социолингвистических основаниях. В противовес таким теориям выдвигается точка зрения, согласно которой определение статуса языка или диалекта должно основываться на лингвистических критериях, прежде всего на структурных характеристиках идиомов. При этом подчеркивается, что интерес лингвистов в любом случае заключается в том, чтобы способствовать сохранению, развитию и продвижению малых языков [Tamburelli, Tosco, 2021].

Базовыми в данной лингвистической тематике можно считать два понятия, введенные в научный обиход Х. Клоссом [Kloss, 1967], – *Abstandlanguages* и *Ausbaulanguages*. Вокруг этих понятий строятся дискуссии исследователей и противоположные подходы к вопросу о соотношении языков и диалектов. Немецкое существительное *Abstand* букв. означает «дистанция, расстояние»; *Abstandlanguage* – это язык, значительно расходящийся в лингвистическом плане с другими идиомами. В первую очередь принимается во внимание его отличие от языка, имеющего ту же генеалогию и обретшего статус общенационального литературного. Таким образом, согласно критерию *Abstand*, внутриязыковые свойства являются критерием для признания за идиомами статуса самостоятельных языков. Среди таких свойств – лексическое, фонетическое и структурное отличие идиома от других диалектов и языков, а также степень взаимопонимания между носителями одного языка или диалекта и, наоборот, трудностей понимания со стороны носителей других идиомов. При этом признается, что различие между идиомами все же носит скорее ступенчатый (*scalar*), чем абсолютно дискретный (*discreet*) характер. На основании такого подхода самостоятельными языками были признаны, например, баскский (на территории северных областей Испании) и ретороманский (на территории Швейцарии) [Tamburelli, Tosco, 2021].

Немецкий термин *Ausbau* имеет значение «расширение», «развитие»; *Ausbaulanguage* – автономный стандартизованный язык, служащий ориентиром для других вариантов того же диалектного континуума. Как правило, это относится к национальному литературному языку, принятому в государстве. Понятие *Ausbaulanguage* связано прежде всего с социально-политическими функциями языкового варианта и признанием со стороны государственных институтов. Такой подход увеличивает разрыв между официально признанными и оспариваемыми языками или диалектами меньшинств. Поэтому теория, основанная на понятии *Ausbaulanguage*, рассматривается ее противниками как «политическое оружие», влияющее на возвышение одного языка в ущерб другим [Tamburelli, Tosco, 2021]. Теория может иметь негативные последствия для развития малых языков и для оценки языковой ситуации во многих регионах, в том числе для оценки состояния билингвизма или многоязычия. Например, если какой-либо идиом не считается самостоятельным языком, то билингвизм жителей определенного ареала не фиксируется: считается, что они монолингвальны в рамках одного национального языка, даже если в повседневной жизни

они общаются как на местном, так и на общенациональном языке, используя переключение кодов.

В настоящее время положение языков со спорным статусом различно, и часто стоит вопрос об их выживании. Состояние и перспективы зависят от ряда условий: от количества говорящих, от отношения государственных и местных административных органов к проблемам языков меньшинств, от использования языка не только в семье и повседневной жизни, но также в СМИ, в области культуры и образования. У государственных органов, с одной стороны, и представителей международных организаций, лингвистов и носителей миноритарных языков – с другой, разное отношение к языковым проблемам. В Италии, где насчитывается более 30 миноритарных региональных языков и диалектов, государственные органы поддерживают моноязычие, признавая статус языка только за национальным литературным идиомом. Международные организации придерживаются иной позиции: многие миноритарные идиомы Италии, например пьемонтский и сицилийский, признаны ЮНЕСКО самостоятельными региональными языками и зафиксированы в таком качестве в «Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств» («European Charter for Regional or Minority Languages») ¹ [ibid].

Значительную роль в судьбе таких языков играют отношение населения региона к своему малому языку или диалекту, его оценка как важной части идентичности и связанная с этими условиями готовность участвовать в его сохранении и возрождении. На основе интервью носителей двух миноритарных языков Европы – кашубского (в Польше) и пьемонтского (в Италии) – Н. Доловы-Рыбинска (Nicole Dolowy-Rybińska) и К. Сория (Claudia Soria) разработали вопросник для определения перспектив выживания миноритарного языка или диалекта, в который включены шесть позиций, среди которых следующие: 1) оценка большинством интервьюируемых и каждым участником опроса индивидуально собственной компетенции в этом языке (устная и письменная практика, уровень понимания и осмысления); 2) применение языка в разных ситуациях и в общении с разными собеседниками;

¹ Хартия, принятая Советом Европы в 1992 г. и вступившая в силу 1 марта 1998 г., является конвенцией о защите языков меньшинств. Согласно конвенции, Совет Европы обязуется поддерживать традиционные языки меньшинств. <https://www.coe.int/ru/web/european-charter-regional-or-minority-languages/> (дата обращения: 11.03.2024).

3) передача языка младшим поколениям; 4) отношение к языку, которое проявляется в корреляции языка и идентичности, в оценке целесообразности использования данного конкретного языка, а также в отношении к нему со стороны носителей других языков и диалектов; 5) оценка статуса языка и его эффективности; 6) оценка дискриминации данного миноритарного языка [Dolowy-Rybińska, Soria, 2021].

Однако в целом ситуация с миноритарными языками является сложной, при которой затруднительно определить, какой вектор развития будет решающим для судьбы языка – позитивный или негативный. Авторы работы отмечают, что кашубский признается в Польше в качестве самостоятельного языка, в то время как пьемонтский в Италии – нет, однако участники опроса в обоих случаях в значительном большинстве относятся к своему идиому как к диалекту, и осознание необходимости его поддержки находится на недостаточно высоком уровне. Авторы полагают, что витальность обоих миноритарных языков находится под вопросом, несмотря на то что количество их носителей немалое, во всяком случае для языка меньшинства. Это приводит Н. Доловы-Рыбинска и К. Сория к важному выводу: при прогнозировании витальности миноритарного идиома не следует переоценивать фактор числа говорящих и недооценивать социальный и психологический контекст его существования, который в немалой степени зависит от отношения говорящих к своему языку или диалекту [ibid]. В этом плане ситуацию с пьемонтским миноритарным языком характеризует отношение его носителей к нормам его письменности. Для пьемонтского разработана относительно стандартизованная орфография, однако ее нормы соблюдаются только небольшим кругом использующих этот язык – представителями гуманитарной творческой интеллигенции или активными сторонниками его развития. Остальная часть населения, включая участников цифрового общения, ориентируется на нормы итальянского языка. Только в некоторых случаях используются графические варианты, предложенные при попытке реформировать письменность пьемонтского языка в сторону большего соответствия его фонематическому строю и произношению. Такой же линии поведения придерживаются носители других региональных языков Италии, отвечая на попытки разработать подходящие для каждого из них нормы письменности, например носители ломбардского [Miola, 2021].

Однако в функционировании языков со спорным статусом в настоящее время наблюдаются не только негативные обстоятель-

ства. Важной позитивной тенденцией являются разработка образовательных программ и участие в них, на разных уровнях образования. Например, пьемонтский преподается в университете Турина, где также преподаются курсы по романской филологии и итальянской диалектологии. При этом в университетах Италии, следуя государственному законодательству, его называют не языком, а диалектом. Изучается пьемонтский также в некоторых университетах Северной Америки: в штате Массачусетс (США), в г. Торонто (Канада), в Аргентине, где немало эмигрантов из области Пьемонт [Duberti, Tosco, 2021]. Несмотря на стремление регионального правительства области Сардиния увеличить возраст обучающихся местному языку, язык начали преподавать школьникам как в устной, так и в письменной форме, стандарт которой продолжает разрабатываться [Gobbo, Vardeu, 2021].

Распространенным способом поддержки миноритарных языков Европы стало в последнее время добровольное финансирование проектов, направленных на их сохранение и развитие (crowdfunding). В этой деятельности участвуют не только состоятельные индивидуальные спонсоры и организации, но и простые жители регионов, отдающие денежные средства на осуществление языковых проектов. Подобным образом были собраны средства для издания грамматики и литературной антологии пьемонтского языка. В тех ситуациях, когда жители региона демонстрируют психологическую и финансовую поддержку проектов и акций по сохранению и возрождению местного идиома, он имеет шанс на выживание, развитие и расширение сфер своего функционирования [Tamburelli, Tosco, 2021].

Таким образом, анализ исследований, касающихся состояния миноритарных идиомов современной Европы, свидетельствует о сложности ситуации – как в отношении вопросов их сохранения, развития, поддержки их прав, так и в плане лингвистических теорий, касающихся разграничения вариантов на диалекты и отдельные языки. Превалирующая точка зрения лингвистов, занимающихся исследованиями в этой области, состоит в том, что ученые должны поддерживать языковое многообразие, которое тесно связано с культурным многообразием. В Европе, несмотря на заботу региональных и неправительственных организаций и внимание со стороны академических и университетских кругов, множество миноритарных языков находятся под угрозой исчезновения уже в силу того, что число их носителей постепенно уменьшается. Успех деятельности по их сохранению и перспектива передачи следующим поколениям в значительной степени зависят от отношения

самих носителей этих языков к своим идиомам и осознания ими языка как необходимой части региональной культурной идентичности.

Список литературы

- Дуличенко А.Д. Славянские литературные микроязыки: вопросы формирования и развития. – Таллин: Валгус, 1981. – 324 с.
- Касаткин Л.Л. Диалект // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – С. 132–133.
- Ammon U. Language contacts in the European Union // Intern. j. of applied linguistics. – 2006. – Vol. 16 (3). – P. 319–338.
- Dolowy-Rybińska N., Soria Cl. Surveying the ethnolinguistic vitality of two contested languages: The case of Kashubian and Piedmontese // Contested languages: The hidden multilingualism in Europe / ed. by M. Tamburelli a. M. Tosco. – Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins publ. comp., 2021. – P. 125–142.
- Duberti N., Tosco M. Teaching Piedmontese: A challenge // Contested languages: The hidden multilingualism in Europe / ed. by M. Tamburelli a. M. Tosco. – Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins publ. comp., 2021. – P. 199–208.
- Gobbo F., Vardeu L. Which Sardinian for education? The chance of CLIL – based laboratories. A case study // Contested languages: The hidden multilingualism in Europe / ed. by M. Tamburelli a. M. Tosco. – Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins publ. comp., 2021. – P. 221–236.
- Kloss H. “Abstand languages” and “Ausbau languages” // Anthropological linguistics. – 1967. – P. 29–41.
- Miola E. Contested orthographies: Taking a closer look at spontaneous writing in Piedmontese // Contested languages: The hidden multilingualism in Europe / ed. by M. Tamburelli a. M. Tosco. – Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins publ. comp., 2021. – P. 143–162.
- Moseley Ch. Citizenship and nationality: The situation of the users of revived Livonian in Latvia // Contested languages: The hidden multilingualism in Europe / ed. by M. Tamburelli a. M. Tosco. – Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins publ. comp., 2021. – P. 237–246.
- Tamburelli M., Tosco M. What are contested languages and why should linguists care? // Contested languages: The hidden multilingualism in Europe / ed. by M. Tamburelli a. M. Tosco. – Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins publ. comp., 2021. – P. 3–20.

ГАЛИНСКАЯ Е.А.¹

1.3. ЗАДАЧИ И АСПЕКТЫ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИНГВОГЕОГРАФИИ

Аннотация. В главе рассматриваются задачи русской исторической лингвогеографии и аспекты ее разработки, а именно: создание лингвистических карт, демонстрирующих в той или иной степени полную лингвистическую картину на разных синхронных срезах; восстановление диалектного членения для различных этапов развития языка; реконструкция расширения или сужения изоглосс с течением времени в пространстве; восстановление по современным диалектным картам языковых процессов, протекавших в прошлом. Все эти аспекты иллюстрируются конкретными примерами: показано, каким было диалектное членение в раннедревнерусский период; приводятся образцы исторических лингвистических карт; продемонстрировано диахроническое изменение распространения предлога *у*; определяется примерное время появления изоглоссы произношения твердого [ч]; по современным диалектным картам восстанавливаются относительная хронология перехода [е] в [о] и возникновения аканья, а также направление его распространения в южнорусских говорах.

Исторический аспект лингвистической географии связан, в частности, с картографированием данных письменных памятников, отражающих определенные этапы развития языка. Опыт создания исторических атласов в мировой науке уже есть. Например, в результате исследования 351 памятника 1280–1430 гг. составлен историко-лингвистический атлас югозападнонемецкой области, в котором имеются 237 карт, причем памятники, на основе которых они сформированы, локализируются в 114 географических точках [Kleiber, 1979]. С опорой на 3300 памятников, отражающих говоры

¹ Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; eagalinsk@mail.ru

28 диалектных зон в Северной Франции и Бельгии, был создан Атлас форм и конструкций хартий XIII в. [Dees, 1980].

Среди важнейших задач русской исторической лингвогеографии – составление диахронных лингвистических карт, которые отражали бы конфигурацию языковых изоглосс применительно к разным периодам прошлого, и сравнение этих изоглосс с современными. Об этом говорил в свое время Р.И. Аванесов, полагавший, что современные топоизоглоссы можно соединить с хроноизоглоссами, которые восстанавливает историческая грамматика, и получить двумерные хронотопоизоглоссы [Аванесов, 1963, с. 312]. Эту мысль развил впоследствии Л.Л. Касаткин, по мнению которого, историко-диалектологические карты могут быть не плоскостными, а рельефными, где высота соответствовала бы времени, так что можно было бы увидеть как уменьшающуюся со временем территорию языкового явления, так и зарождение на той или иной территории нового языкового явления и его распространение на соседние территории [Касаткин, 1999, с. 28]. Для решения этой задачи необходимо исследование обширнейших материалов датированных и локализованных памятников письменности, которые отражают местные диалектные особенности. Идеально было бы описать с точки зрения диахронной лингвогеографии все исторические срезы, начиная с древнейшей эпохи письменной фиксации русского языка. Но эта цель, скорее всего, полностью недостижима, так как в нашем распоряжении нет памятников раннедревнерусской письменности (до XIV в.), которые представляли бы все территории исконного распространения русских диалектов. Древнейшие тексты делового и бытового содержания, которые наиболее пригодны для воссоздания живого языка, отражают новгородский, псковский и смоленско-полоцкий диалекты, об остальных диалектах древнерусского периода мы можем судить лишь по более поздним рукописям и по данным современной диалектологии. Памятники церковнославянского языка также отражают в той или иной степени черты живого языка, но полноценная лингвистическая реконструкция не может быть сделана по ним применительно ко всем языковым явлениям.

Самый ранний синхронный срез, для которого достаточно полноценная лингвистическая реконструкция осуществима, – это конец XVI – первая половина XVII в. Нижняя граница этого периода определена тем, что именно начиная с конца XVI в. практически все территории исконного распространения русского языка представлены памятниками письменности, пригодными для линг-

вистических реконструкций (в основном это относится к фонетике, особенности которой письменные источники отражают наиболее достоверно). Верхняя же граница – середина XVII в. – обусловлена тем, что 50 лет – это период, в течение которого существенных языковых изменений не происходит. Здесь можно привести слова А.А. Зализняка, который, говоря о датировке новгородских берестяных грамот, заметил, что «для лингвистических целей датирование с точностью до 20–50 лет как правило вполне достаточно, поскольку этот интервал меньше, чем срок протекания любого, даже относительно быстрого, диахронического процесса в языке» [Зализняк, 2004, с. 19].

Итак, создание лингвистических карт, демонстрирующих в той или иной степени полную лингвистическую картину на разных синхронных срезах, – это один из важнейших аспектов исторической лингвогеографии. Но есть и другие аспекты, а именно:

- восстановление диалектного членения для разных этапов развития языка;
- реконструкция расширения или сужения изоглосс с течением времени в пространстве;
- восстановление по современным диалектным картам языковых процессов, протекавших в прошлом.

Эти аспекты лингвогеографии далее будут проиллюстрированы конкретными примерами.

1. Древнейшее диалектное членение

Для древнейшего периода большой пучок изоглосс, который определял диалектное членение, выявил А.А. Зализняк. По материалам книги [Зализняк, 2004] можно заключить, что северо-западные говоры (новгородско-псковский диалект) имели более 25 специфических особенностей, не характерных для других древнерусских диалектов. Для раннего периода, когда все славянские языки были весьма близки между собой, это весьма значительное число.

Среди фонетических явлений, которые характеризовали новгородско-псковский диалект и противопоставляли его всем остальным восточнославянским диалектам раннедревнерусского периода, можно отметить, например, отсутствие эффектов II палатализации заднеязычных согласных, отсутствие эффекта III палатализации у местоимения *въхъ*, изменение *tl, *dlv [kl], [gl], специфические рефлексy *zgj, *zdj, *skj, *stj, а именно [ž'g'], [š'k'].

Весьма существенно отличалась морфологическая система, прежде всего у именных частей речи.

В первую очередь это касается экспансии окончания **-ѣ** в склонении существительных и нечленных форм прилагательных. Это окончание представлено в Р. п. ед. ч. тв. вар. **ā*-склонения; Д.-М. пп. ед. ч. мяг. вар. **ā*-склонения; И.-В. пп. мн. ч. тв. вар. **ā*-склонения; М. п. ед. ч. мяг. вар. **ō*-склонения; И. п. мн. муж. р. обоих вариантов **ō*-склонения; В. п. мн. ч. муж. р. тв. вар. **ō*-склонения. Уникальным для всего славянского языкового мира было окончание И. п. ед. ч. муж. р. тв. вар. **ō*-склонения **-е** у существительных, кратких прилагательных, причастий на **-л-** и на **-н-**, неличных местоимений.

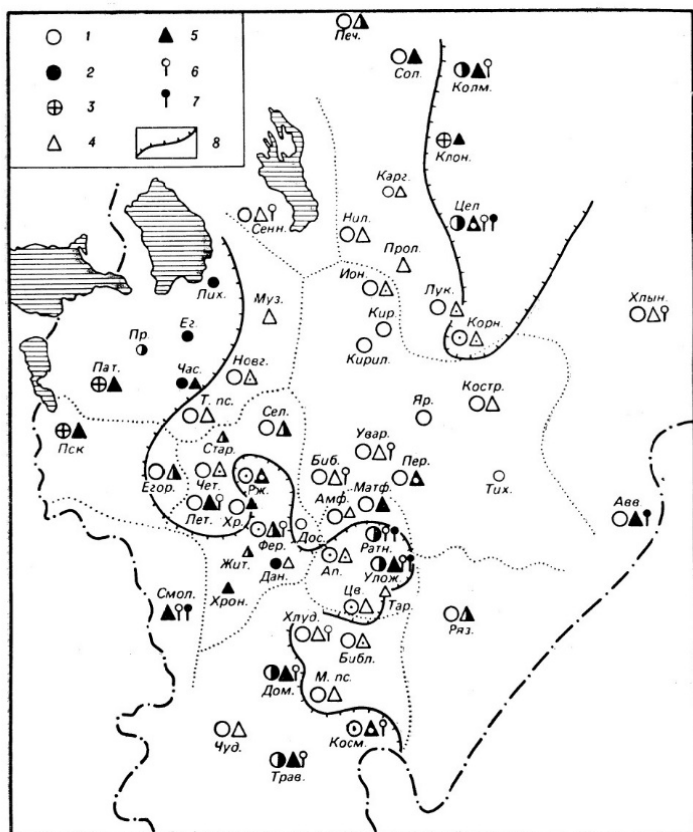
В адъективном склонении сохранялись исконные стяженные окончания без влияния склонения неличных местоимений, осуществившегося лишь за пределами новгородско-псковского диалекта, причем в членных формах прилагательных в древних северо-западных говорах были сохранены падежные показатели именных форм, так что флексии были такими: И. ед. муж. тв. вар.: ок. **-еи**; Р. ед. муж. и ср.: ок. **-аго**; М. ед. муж. и ср. тв. вар.: ок. **-ѣмь**; Р. ед. жен.: ок. **-ѣѣ**, **-ѣи**; Д.-М. ед. жен. тв. вар.: ок. **-ѣи**; И.-В. мн. жен.: ок. **-ѣѣ**.

Уникальными в новгородско-псковском диалекте были флексии местоименного склонения: Р. ед. муж. и ср.: ок. **-ога**; в твердом варианте Т. ед. муж. и ср., Р-М. дв., Р., М., Т. мн.: **-и** в окончании.

Очень рано в северо-западных диалектах развилась унификация в глагольной сфере, неизвестная в древнейший период другим восточнославянским говорам: здесь обобщился показатель **-и** в формах мн. ч. императива (глаголы I–II классов попали под влияние глаголов III–IV классов), а действительные причастия настоящего времени от гл. I и II классов в И. п. ед. ч. муж. и ср. р. получили окончание **-’а** под влиянием причастий, образованных от глаголов III–IV классов.

Таким образом, древнейшее диалектное членение восточнославянского языкового континуума было таким: северо-запад (говоры, которые располагались в пределах древненовгородского государства) и все остальные территории.

2. Исторические лингвистические карты

Карта 18. Ударение инфинитивов:

1 — у С-корневых глаголов на -ти с первоначальным ударением на -ти модель *нест́и*, 2 — модель *нест́и* (*нест́ь*), 3 — акцентное распределение по модели *нест́и-нест́ись*; 4 — у V-корневых глаголов с первоначальным ударением на -ти (не считая книжных; § 3.71) модель *взя́ти*, 5 — модель *взя́ти* (*взя́ть*); 6 — у С-корневых глаголов на -чи с первоначальным ударением на -чи встретился модель *берё́чь*, 7 — встретился модель *берё́чи* (*берё́чь*); 8 — граница зоны, где встретилось ударение по модели *нест́и* (*нест́ь*).

Карта 1

Целый ряд лингвистических карт создал А.А. Зализняк, и касаются они отдельных акцентологических явлений. Эти карты, как правило, охватывают всю территорию исконного распространения

русского языка применительно к XIV–XVII вв., поскольку акцентированы в основном рукописи, написанные на церковнославянском языке, а от XVI–XVII вв. их дошло до нашего времени довольно много. В качестве примера можно привести карту, демонстрирующую ударение инфинитивов [Зализняк, 2010, с. 352].

Для конца XVI–XVII в. есть возможность составлять исторические карты разнообразных фонетических диалектных явлений, поскольку, как уже было сказано, практически все территории исконного распространения русского языка оказываются представленными памятниками деловой письменности, пригодными для лингвистических реконструкций. И конкретно для синхронного среза конца XVI – первой половины XVII в. по материалам текстов делового письма разной локализации уже составлено 27 лингвистических карт [Галинская, 2002, с. 195–254]. В качестве примера можно привести карту, отражающую состояние шипящих <ш> и <ж>. Принципы определения качества шипящих по памятникам письменности таковы: твердость отражается буквенными сочетаниями **жы, шы**, а мягкость – сочетаниями **жя, шя, жү, шю**. Например, в псковской отдельной книге 1618–1623 гг. (РГАДА, фонд. 1209. Поместный приказ. Опись 2, № 8455) имеются следующие написания: *допрашыва^н* л. 144, *латышы* л. 708 об., *Шы^шкину* л. 427 об., *жы^н* л. 250, *Ива^н Пажы^нскои* л. 51, *прожыто^чное* л. 505 об., и др., а в документах Смоленской приказной избы 1609–1611 гг. [Памятники обороны Смоленска, 1912] фиксируются многочисленные написания сочетаниями **жя, шя, жү, шю**. Например:

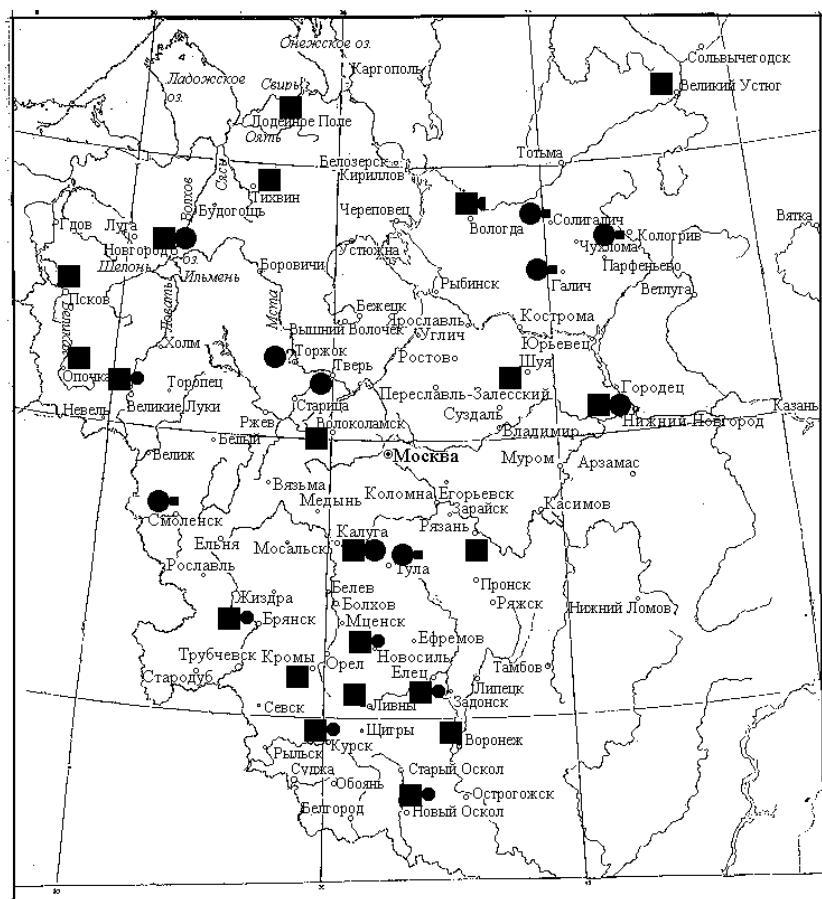
Шятихин 159¹, *упрашял* 222, *шяпок* (Р. мн.) 7;

Бестужяв 159, *нарежялся* 26, *пожялуи* 33, *убежяли* 9, *хотят жя* 39;

Ошюшкина (Р. ед.) 243, *в болюю меру* 242, *шюбка* 283, *две шюбы* 101;

у Велижю 32 (М. п. от топонима Велиж), *кажюшной* 283 (прилагательное, образованное от существительного *кожух*), *к... рубезжю* 39, *на... сторожю* 39.

¹ Число, следующее за примером, обозначает номер текста по изданию [Памятники обороны Смоленска, 1912].

Условные обозначения:

- – [ш] и [ж] твердые;
- – [ш] и [ж] твердые при реликтовом сохранении мягких [ш'] и [ж'];
- ◻ – [ш] и [ж] твердые при реликтовом сохранении мягкого [ш'];
- – сосуществование твердых [ш] и [ж] и мягких [ш'] и [ж'] (шипящие находятся в процессе отвердения);
- – преимущественно мягкие [ш'] и [ж'], процесс отвердения которых только начинается;
- – [ш'] и [ж'] мягкие при отсутствии в рукописных источниках указаний на существование [ш] и [ж];
- ? – то же под вопросом ввиду ограниченности материала письменных источников.

Карта 2

Это диахронное лингвогеографическое описание разрушает общепринятую идею о том, что шипящие на основной территории исконного распространения русского языка отвердели в XIV в. Действительно, в ряде говоров они в это время отвердели, о чем свидетельствуют отдельные написания из текстов XIV в., например: *межсы*, *кнажыль* (Договорная гр. Дм. Донского с Олгердом 1372 г.), *Шышкина* (Р. ед.), *слоужыти* (Духовная гр. Дм. Донского 1389 г.), *жылами* (Лаврентьевский список летописи 1377 г.). Однако это произошло не во всех говорах, в том числе не во всех центральных, таких как, например, тверские.

3. Изменение изоглосс с течением времени в пространстве

В современных русских говорах фиксируется предлог *ув* на месте предлога *в* (*ув окна*, *ув уха* и т.д.). Он появился в результате возникновения возможности произношения [у] полного образования в соответствии с [в] в начале фонетического слова [Соболевский, 1907, с. 123; Шахматов, 1915, с. 290–291; Образование..., 1970, с. 37]. Предлог *ув* распространен сплошной широкой полосой на обширной юго-западной территории, и на севере его ареал заходит в южную часть Псковской группы. Однако изучение памятников деловой письменности западной диалектной зоны показывает, что в конце XVI – первой половине XVII в. этот предлог был распространен значительно дальше на север – в севернопсковских, новгородских и ладого-тихвинских говорах. Ср. некоторые из многочисленных примеров, которые обнаруживаются в текстах, происходящих из Пскова, Новгорода и Тихвина:

ув отдѣльных книг Псковская отдельная книга 1618–1623 гг. (РГАДА, ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 2, № 8455), л. 204; *ув озера* (там же, л. 130); *ув Офона^ая* Столбцы Поместного двора Новгородской приказной избы 1596 г. (РГАДА, ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 2, № 42757), дело 37, л. 7; *ув Ове^рки* (там же, дело 33, л. 1); *ув Олексея* Книги таможенной избы 1624–1625 гг. (СПБИН РАН, ф. 132. Тихвинский Успенский монастырь. Оп. 2, № 1260), л. 25 об.; *ув обоихъ* 1260–19 (там же, л. 19); *ув уха* (там же, л. 9 об.).

Таким образом, за последние три с половиной – четыре столетия ареал распространения предлога *ув* существенно сократился.

4. Возникновение новых изоглосс

В многих северо-западных русских говорах (псковских, гдовских, новгородских, ладого-тихвинских, смоленских) сейчас распространено твердое произношение аффрикаты <ч> [ДАРЯ, карта 45]. В первой половине XVII в. его еще не было, рукописи этого времени практически всех территорий отражают мягкое [ч'], о чем свидетельствуют регулярно встречающиеся буквенные сочетания **чя** и **чю**. См. некоторые примеры:

Ивана Васи^евичя Псковская отдельная книга 1618–1623 гг. (РГАДА, ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 2, № 8455), л. 342; *Лачюги^и* [там же, л. 23]; *в придачю* [там же, л. 164]; <деревню> *Чяполево* Столбцы Поместного двора Новгородской приказной избы 1596 г. (РГАДА, ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 2, № 42757), дело 2, л. 1; *нонечя* [там же, дело 40, л. 4]; *в додачю* [там же, дело 39, л. 2]; *чяша* [Книги расходные казначея 1590–1592 гг.] [СПБИБИ РАН, ф. 132. Тихвинский Успенский монастырь. Оп. 2, № 1], л. 60; *епанчя* [там же, л. 105]; *епанчю* [там же, л. 58]; *тотчас* Документы Смоленской приказной избы 1609 г. [Памятники обороны Смоленска 1912, текст № 39]; *плачюца* [там же, текст № 7].

Следовательно, отверждение <ч'>, захватившее огромную диалектную территорию, произошло относительно недавно, меньше чем 400 лет назад.

5. Выявление по современным диалектным картам языковых процессов, протекавших в прошлом

Начальный этап формирования аканья очень слабо отражен памятниками древнерусской письменности. Так, первые надежные примеры относятся ко второй половине XIV в. и фиксируются в текстах московского происхождения: в духовных грамотах московских великих князей наблюдается колебание в написании названия одной из волостей Коломенского уезда: *Брошевую* (Дух. гр. Ивана Калиты ок. 1339 г.) – *Брашевана* (Дух. гр. вел. кн. Ивана Ивановича ок. 1358 г.), *Брашева* (Дух. гр. вел. кн. Дмитрия Ивановича 1389 г.). Написание с **о** этимологически верно, а написание с **а** отражает реальное произношение. В памятниках конца XIV в. случаев отражения аканья (и прямого, и гиперкорректного) становится больше. Ср. примеры из Моск. Евангелия 1393 г.: *прикаснусл*. 45,

прадающимъл. 156, вертаградъл. 171, неновидахутьл. 107 об., облязонъл. 147 об.

Однако вполне возможно, что аканье зародилось раньше, чем в XIV в. Есть неоспоримые свидетельства того, что аканье развилось лишь после падения древнерусских редуцированных, ведь если бы исконные редуцированные [ъ] и [ь] еще сохранялись, новые редуцированные должны были бы с ними совпасть и в дальнейшем разделить их судьбу. Но после падения редуцированных аканье могло возникнуть в любое время, в том числе и в период, непосредственно следующий за падением редуцированных, причем зародиться оно могло на территориях более южных, нежели те, что представлены московскими памятниками XIV в., а до московского говора дойти лишь с течением времени. Ранних же памятников южнорусской письменности не сохранилось. За неимением таких памятников мы не обладаем и документальными свидетельствами наличия и примерного времени возникновения такой разновидности аканья в широком смысле слова, как яканье. Тем не менее анализ большинства моделей современного диссимилятивного, ассимилятивно-диссимилятивного и умеренно-диссимилятивного яканья позволяет определить относительную хронологию их возникновения по отношению к фонетическому процессу изменения [е] в [о]. Речь идет о диссимилятивном яканье щигровского, суджанского и мосальского типов, об ассимилятивно-диссимилятивном яканье всех типов (новоселковского, кидусовского, ореховского и култуковского) и об умеренно-диссимилятивном яканье новоселковского и кидусовского типов.

В данном случае нас интересуют именно эти модели вокализма, поскольку здесь перед ударными гласными среднего подъема неразличающиеся гласные неверхнего подъема имеют в первом предударном слоге разные реализации – [’а] и [и]. При остальных же типах диссимилятивного яканья (архаическом, жиздринском, донском, дмитровском) различий в реализации гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге перед ударными гласными среднего подъема нет, и поэтому для наших последующих рассуждений они материала не дают.

Интересующие нас модели вокализма в своей совокупности покрывают обширную область южнорусского наречия [ДАРЯ, карта № 8]. Их можно разделить на две группы в зависимости от того, как реагируют гласные первого предударного слога на ударный [’о] (из *е, *ь) – так же, как на [е], не перешедший в [’о], или так же, как на [о], стоящий после твердых согласных.

I группа моделей

Щигровский тип диссимильного яканья

Гл. 1-го предуд. слога в соотв. с фон. неверхн. под.	Гл. в слоге под ударением		
'а	и	Ы	у
	*ê		*ô
и	е, 'о	А	о

Суджанский тип диссимильного яканья

Гл. 1-го предуд. слога в соотв. с фон. неверхн. под.	Гл. в слоге под ударением		
'а	И	Ы	у
	*ê		*ô
и	е, 'о	А	о

Новоселковский тип ассимильно-диссимильного яканья

Гл. 1-го предуд. слога в соотв. с фон. неверхн. под.	Гл. в слоге под ударением		
'а	и	Ы	у
	*ê		*ô
и	е, 'о	А	о

Кидусовский тип ассимильно-диссимильного яканья

Гл. 1-го предуд. слога в соотв. с фон. неверхн. под.	Гл. в слоге под ударением		
'а	И	Ы	у
	*ê		*ô
и	е, 'о	А	о

При умеренно-диссимилятивном яканье новоселковского и кидусовского типов также реализуются две последние схемы – но только в позиции перед мягкими согласными (в позиции перед твердыми согласными все гласные неверхнего подъема совпадают с [’а]).

II группа моделей

Ореховский тип ассимилятивно-диссимилятивного яканья

Гл. 1-го предуд. слога в соотв. с фон. неверхн. под.	Гл. в слоге под ударением		
’а	и *ê	Ы	у *ô
и	Е	А	’о, о

Култуковский тип ассимилятивно-диссимилятивного яканья

Гл. 1-го предуд. слога в соотв. с фон. неверхн. под.	Гл. в слоге под ударением		
’а	И	Ы	у
и	*ê Е	А	*ô ’о, о

Мосальский тип диссимилятивного яканья

Гл. 1-го предуд. слога в соотв. с фон. неверхн. под.	Гл. в слоге под ударением		
’а	И	Ы	у
и	*ê Е	А	*ô ’о, о

Легко заметить, что в типах вокализма, отнесенных здесь к I группе (шигровском, суджанском, новоселковском и кидусовском), [и] произносится как перед [е], не перешедшим в [’о] (напр., [д’ир’эвн’ь]), так и перед [’о] из *е, *ь (например, [в’ис’оль]),

тогда как перед [o] открытым, стоящим после твердого согласного (исконно это может быть только бывший сильный [ъ]), в первом предударном слоге звучит [ʼa] (например, [лʼасóк]). В то же время в говорах, характеризующихся типами вокализма, отнесенными ко II группе (култуковским, ореховским, мосальским), реакция гласного первого предударного слога на [e], не перешедшее в [ʼo], и на [ʼo] из *e, *ь разная: с одной стороны, произносится [дʼирʼэвнʼь], а с другой стороны – [вʼасʼóль] – так же, как [лʼасóк].

Это со всей очевидностью свидетельствует о том, что в говорах I типа яканье развилось до того, как осуществился переход [e] в [ʼo], а в говорах второго типа – после, тогда, когда [o], стоявшее после твердых согласных, и [ʼo] из *e, *ь еще представляли собой одну единицу.

Модели, отнесенные к I группе (с разной реакцией гласного первого предударного слога на [ʼo] и [o]), занимают обширную территорию центральной части южнорусского наречия, располагаясь в пределах межзональных говоров типа А южнорусского наречия, Курско-Орловской группы, елецких, оскольских говоров, а также на западе и частично в центре Рязанской группы. Далее на восток эти модели представлены отдельными «островами».

Распространение моделей, отнесенных ко II группе, таково.

Култуковский и ореховский типы ассимилятивно-диссимилятивного яканья локализуются на крайней восточной периферии южнорусского наречия – в восточной и частично центральной части Рязанской группы, причем сплошной зоны распространения они не имеют, а отображены на карте в виде «островов», расположенных попеременно с «островами» говоров, отнесенных к I группе, реже – накладываясь на них [ДАРЯ, карта 8].

Мосальский тип диссимилятивного яканья имеет чрезвычайно малое распространение и представлен несколькими точечными «островками» в юго-западной диалектной зоне. В двух разрозненных населенных пунктах в северо-западной части смоленских говоров он зафиксирован в чистом виде, в остальных же случаях – в сосуществовании с другими типами вокализма. Так, там же, на северо-западе Смоленской группы, имеются два «островка», состоящих соответственно из одного и двух населенных пунктов, где мосальский тип диссимилятивного яканья накладывается на диссимилятивное яканье жиздринского типа. В пределах Верхнедеснинской группы говоров, к северо-западу от Брянска, также имеются два «островка», где мосальское яканье сосуществует с жиздринским диссимилятивным яканьем (три населенных пункта) и с жиздринским

умеренно-диссимилятивным яканьем (один населенный пункт). На севере той же группы, к юго-западу от Мещовска, в одном населенном пункте мосальское яканье накладывается на суджанское диссимилятивное яканье. Аналогичная ситуация наблюдается в одном населенном пункте на границе с Белоруссией, к западу от Новозыбкова, причем рядом располагаются населенные пункты с жиздринским диссимилятивным и умеренно-диссимилятивным яканьем. В одном населенном пункте на территории межзональных говоров типа А южнорусского наречия, к северу от Суджи, мосальское яканье накладывается на жиздринский тип диссимилятивного яканья (в окружении говоров с суджанским диссимилятивным яканьем и кидуовским ассимилятивно-диссимилятивным яканьем).

Таким образом, в обобщенном виде картина выглядит так: подавляющий массив говоров центральной части южнорусского наречия характеризуется моделями вокализма I группы (где гласный первого предударного слога по-разному реагирует на [’о] и [о] ударного слога). На востоке имеют распространение модели из II группы (где перед [’о] произносится [’а], а перед [е] – [и]). И наконец, на западе, в зоне распространения жиздринского диссимилятивного яканья, непоказательного для наших рассуждений, поскольку тут перед всеми гласными среднего подъема в первом предударном слоге на месте неразличающихся гласных неверхнего подъема звучит [’а], единичными маленькими разрозненными «островками» представлен мосальский тип диссимилятивного яканья со звуком [’а] перед [’о] ударным и с [и] перед ударным [е], не перешедшим в [’о].

Это позволяет сделать вывод о том, что первоначально аканье-яканье развилось после падения редуцированных и до перехода [е] в [’о] в центральной части южнорусского наречия и лишь позднее распространилось на восток – тогда, когда осуществился указанный переход. Видимо, и на запад аканье-яканье пришло также позднее – опять-таки после того, как прошел переход [е] в [’о]. Сами по себе, конечно, «островки» мосальского типа диссимилятивного яканья на фоне огромного массива говоров с яканьем жиздринского типа, не показательного, как уже было сказано, для наших рассуждений, послужить подтверждением такого вывода не могут, однако имеются доказательства другого типа, свидетельствующие именно о такой последовательности развития фонетических процессов в смоленских говорах.

Необходимый материал извлекается из памятников смоленской деловой письменности. В текстах смоленского происхождения

1609–1611 гг. [Памятники обороны Смоленска, 1912] имеются свидетельства изменения [е] в [о] после непарных и парных по твердости-мягкости согласных, например: *по 7 решот* 97 (2 р.), *пашол* 11, *сам-шость* 242, *жонку* 8, *посожон* 203, *Щоголяв* 227 (IV), *пчолы* 8, *бьот* 20, *вперот* 118, *сам-сом* (= сам сем), 242 и др. Здесь же широко отражаются аканье и яканье. Ср.: *на дароге, даганили, с абех, к абедни, старажей, с сабою, пашол, на пагостъ* и т.д. (все примеры из текста № 11); *не измянити, с стяны, Беклямишев, Бястужав, Вяснин, Голянищав, по Пятре, Пятрыкин, Сяделников, Сямой Сяменов сынъ, Сяргей* и т.д. (все примеры из текста № 159). И, наконец, тут находит отражение изменение безударного [о] в [у] – явление, довольно распространенное и в современных смоленских говорах, см.: [Расторгуев, 1960, с. 52 – 54; Карский, 1955, с. 118; ДАРЯ, карта 10]. Ср.: *взлумили* 169, *Скуморох* (прозвище) 234 (ср.: *Скоморох* 235), *з Дукучаемъ* 283. Имеются также гиперкорректные написания: *ввозможает* 168 (ср.: *взмужает* ib.), *гомна* (И. мн.) 15, *трицать зипонов* 9, *Жоровлев* 42, *Хрипоновы* 9, *Хрипонову* 270 (ср.: *Хрипуновы* 14, *Хрипунову* 270). При этом важно, что [’о], возникшее в древности из [е] перед твердым согласным, также дало [’у], что и отражено в одном из исследованных текстов: *нищюва* (В. ед.) 101. Очевидно, что процесс изменения безударного [о] в [у] прошел в смоленских говорах раньше, чем в них развились аканье и яканье, ведь после того, как аканье возникает, исчезает безударное [о]. Значит, сначала произошло изменение [е] в [о], затем лабиализация [о] в [у], и лишь потом развились аканье и яканье.

Таким образом, действительно, и в западных южнорусских говорах аканье и яканье появились позднее, чем на центральной южнорусской территории. В итоге следует полагать, что обнаружилось подтверждение высказанного более полувека назад предположения Р.И. Аванесова о том, что смоленские говоры раньше принадлежали к севернорусскому наречию, а южновеликорусские черты (аканье и [γ] фрикативное) начали распространяться в них тогда, когда в исконно южновеликорусских говорах они уже устойчиво существовали [Аванесов, 1952, с. 41, 46–47].

Список литературы

Аванесов Р.И. Лингвистическая география и история русского языка // Вопросы языкознания. – 1952. – № 6. – С. 25–47.

- Аванесов Р.И.* Описательная диалектология и история языка // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963). Доклады советской делегации. – Москва, 1963. – С. 293–317.
- Галинская Е.А.* Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. – Москва: Издательство Московского университета, 2002. – 272 с.
- Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Выпуск 1. Фонетика. Под ред. Р.И. Аванесова и С.В. Бромлей. – Москва: Наука, 1986.
- Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 872 с.
- Зализняк А.А.* Труды по акцентологии. Т. 1. – Москва: Языки славянской культуры, 2010. – 848 с.
- Карский Е.Ф.* Белорусы. Язык белорусского народа. Вып. 1. Исторический очерк звуков белорусского языка. – Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1955. – 476 с.
- Касаткин Л.Л.* Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. – Москва: Языки славянской культуры, 1999. – 529 с.
- Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров (По материалам лингвистической географии) / отв. ред. В.Г. Орлова. – Москва: Наука, 1970. – 456 с.
- Памятники обороны Смоленска 1609–1611 гг. / под ред. и с предисл. действительного члена Ю.В. Готье. – Москва: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, 1912. – 282 с.
- Расторгуев П.А.* Говоры на территории Смоленщины. – Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1960. – 207 с.
- Соболевский А.И.* Лекции по истории русского языка. – Москва: Унив. тип., 1907. – 309 с.
- Шахматов А.А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. – Петроград: Тип. Имп. Академии наук, 1915. – 367 с.
- Dees A.* Atlas des formes et des constructions des chartes françaises du 13e siècle / Anthonij Dees, avec le concours de Pieter Th. Van Reenen et de Johan A. De Vries. – Tübingen: Niemeyer, 1980. – XIV, 371 p.
- Kleiber W.* Historischer südwest deutscher Sprachatlas. Auf Grund von Urbaren des 13. bis 15. Jahrhunderts / W. Kleiber, K. Kunze, H. Löffler. – Bern; München: Francke, 1979. – Bd. 1: Text. Einleitung, Kommentare und Dokumentationen. – XIII + 328 S.; Bd. 2: Karten. Einführung, Haupttonvokalismus, Nebentonvokalismus, Konsonantismus. – 18 + 218 S.

БУКРИНСКАЯ И.А., КАРМАКОВА О.Е.¹

1.4. РЕГИОЛЕКТЫ, РЕГИОНАЛИЗМЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В главе рассматривается русское языковое пространство. Основными типами речи жителей современной деревни и небольших городов являются, как считают авторы, региолекты и локально окрашенные варианты литературного языка. В региолекте отмечаются диалектные особенности всех языковых уровней. В региональных вариантах литературного языка присутствует только небольшое количество фонетических черт, свойственных говорам, не затрудняющих процесс коммуникации, а также местная лексика, но при этом отсутствуют грамматические диалектизмы. Кроме того, рассматриваются регионализмы – слова и выражения, которые употребляются на определенной территории большинством жителей вне зависимости от их социального, образовательного, профессионального, гендерного и возрастного статуса.

Социально-политические и экономические катаклизмы XX в. разрушили облик традиционной русской деревни и тем самым ускорили процессы расслоения и изменения, происходящие в диалектных идиомах. В связи с этим языковеды уже начиная с 30-х годов прошлого века обращали внимание на гетерогенный характер русских говоров, выделяя в их составе традиционный (архаический) и передовой слои, а также различные переходные формы. Некоторыми лингвистами тогда же прогнозировались разрушение архаических говоров, повсеместный переход их носителей на промежуточные формы речи и на литературный (стандартный) язык (ЛЯ). По мнению американского исследователя А. Нахимовского, который изучал письма русских крестьян периода Советско-финской войны (1939–1940), это поколение «было последним, получившим

¹ Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва;
irbukr@gmail.com okarmakova@list.ru

свой язык в крестьянской семье и сохранившим его до конца жизни... <...> когда же это поколение в начале нового века сошло на нет, то с ним ушел и язык крестьян, который мы слышим в письмах 1939 г. и в записях конца века» [Нахимовский, 2018, с. 190]. Действительно, массовый сбор материала для Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ), проходивший в центре европейской части России сразу после Великой Отечественной войны, в 1950–1960-е годы, показал, что крестьянские идиомы на тот период были в хорошей сохранности. Этот временной срез состояния диалектов нашел отражение на картах ДАРЯ всех уровней языка [ДАРЯ I, Фонетика, 1986; ДАРЯ II, Морфология 1989; ДАРЯ III (1), Лексика, 1997; ДАРЯ III (2) Синтаксис. Лексика, 2004]. На основе карт и материалов атласа было разработано новое диалектное членение [Захарова, Орлова, 1970]. Таким образом, прогнозы относительно скорого исчезновения диалектов не оправдались. Не случайно в 90-е годы XX в. Н.И. Толстой писал: «Диалектные фольклорные тексты, как и элементы народной духовной культуры, и диалектные языковые явления во многих случаях весьма устойчивы» [Толстой, 1995, с. 21]. Подобные выводы можно найти в работах других лингвистов [Касаткин, 1993; Калнынь, 1997; Язык русской деревни, 1994].

Ежегодные экспедиции (2000–2023) отдела диалектологии и лингвогеографии Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН показали, что традиционные говоры в деревнях, поселках городского типа и даже небольших городках сохраняются лучше, чем этого можно было ожидать. Полевые исследования дают надежный материал для изучения не только старых, архаических говоров, но и идиомов, приходящих им на смену, а число носителей диалекта во многом зависит от конкретных историко-географических и экономических условий.

В 1960-е годы в отечественной науке получает распространение термин *полудиалект*, заимствованный из немецкой диалектологии. При этом использующий его гораздо раньше В.М. Жирмунский пояснял, что из полудиалекта исчезают «более резкие и заметные особенности», которые легко воспринимаются на слух, противопоставлены литературному языку и существенно препятствуют общению, но в то же время полудиалект сохраняет менее яркие местные черты [Жирмунский, 1936, с. 90]. Термин при описании языковой ситуации послевоенной деревни использует лексиколог Т.С. Коготкова (один из авторов Деулинского словаря): «Полудиалект – это такая языковая структура, которая представляет

собой сплав сосуществующих языковых элементов диалекта и литературного языка» [Коготкова, 1979, с. 6–7]. Он фигурирует в некоторых социолингвистических исследованиях [Современный русский язык, 2003, с. 52] и в других работах. Диалектологи Московской школы лингвистической географии этот термин не употребляют, поскольку стоящее за ним лингвистическое содержание представляется достаточно расплывчатым: не ясно, с какого момента можно говорить о переходе диалекта в полудиалект и какие структурные категории его характеризуют. Изменения, наблюдаемые на протяжении XX – начала XXI в. в народно-разговорной речи, связаны не только с воздействием ЛЯ, но и с взаимовлиянием говоров, а также с эволюцией внутренней системы самих идиомов. Поэтому всегда актуальным является исследование динамики развития говоров, социолингвистических процессов, языковой ситуации в деревне и в малых городах России, взаимодействия диалектов и литературного языка.

Современная языковая ситуация характеризуется, с одной стороны, появлением различных трансформированных диалектов, а с другой – расшатыванием литературных норм, связанным с демократизацией общества. С каждым годом среди лингвистов растет число сторонников более гибкого подхода к понятию «литературный язык», поскольку для исследователей живой разговорной речи становятся очевидными «варьирование литературного языка в зависимости от территориального фактора и формирование промежуточных языковых форм, в которых литературная речь оказывается в большей или меньшей степени диалектно окрашенной» [Крысин, 2013, с. 69–70]. В связи с изучением современных идиомов появились и новые термины для их обозначения: *региолект*, *регионализм*, *регионально окрашенный вариант литературного языка*.

Термин *региолект* (принятый в романской диалектологии) был введен петербургским диалектологом В.И. Трубинским [Трубинский, 1991]. Ученый пишет, что диалекты не исчезают, а видоизменяются в «новые территориально-системные образования – региолекты» [Трубинский, 2004, с. 93], и делает вывод, что происходит стабилизация народно-разговорной речи, а говоры, утратив некоторые архаические черты, перестают быть подвижными, выравниваются и преобразуются в системы, более устойчивые и менее склонные к изменениям.

Современные полевые исследования, активизировавшиеся в конце XX – начале XXI в., полностью подтверждают этот факт.

Впоследствии термин *региолект* стал широко использоваться диалектологами (и не только ими), было написано много работ, трактующих его суть, но единого представления, на наш взгляд, не существует до сих пор, поэтому остановимся подробнее на этом термине, по-разному понимаемом лингвистами.

Так, разработке и уточнению понятия *региолект* посвящен ряд работ А.С. Герда [Герд, 1998; Герд, 2000; Герд, 2005], в одной из них он пишет: «Региолект – особый тип языкового состояния, который является сегодня основной формой устно-речевого общения больших групп русских как на селе, так и в городах и поселках городского типа. В отличие от просторечия региолект – ареально ограничен...»¹ [Герд, 2000, с. 48], а его носителями выступает местная по происхождению интеллигенция. Таким образом, А.С. Герд трактует рассматриваемое понятие достаточно широко и в географическом смысле.

Подобную точку зрения разделяют многие лингвисты: например, Е.А. Оглезнева выделяет дальневосточный региолект [Оглезнева, 2013], С.А. Кошарная – региолект Белгородчины [Кошарная 2017], В.И. Теркулов – донецкий региолект [Донецкий региолект, 2018], И.С. Зварыкина пишет о региональных особенностях Астраханского края [Зварыкина, 2013] и др.²

Дальнейшее развитие этого понятия находим в работах Е.В. Ерофеевой, изучавшей языковую ситуацию Пермского края вероятностно-статистическим методом и определившей региолект как «промежуточный идиом... который рождается на пересечении местных говоров, литературного языка и просторечия (и естест-

¹ Заметим, что просторечие тоже может быть как территориально маркированным, так и общерусским.

² Критический анализ некоторых из перечисленных работ содержится в рецензии [Супрун, 2020]. Автор считает, что главным для определения разновидности речи как региолекта является наличие субэтноса, и на этом основании региолектом считает только донецкий региолект: «...региолект обладает следующими чертами: 1) ограничен территориально, встречается только на территории проживания субэтноса; 2) ограничен социально, является речью людей, причисляющих себя к субэтносу; 3) имеет гомогенные лингвальные черты; 4) может обладать престижностью, связанной с позитивными представлениями носителей о своем субэтносе; 5) имеет собственное ономастическое пространство, состоящее из особых моделей ономообразования и характерных только для этого субэтноса онимов; 6) включает в себя говоры с некоторыми специфическими лингвальными чертами, однако не разрушающими гомогенное единство народной речи; 7) представлен в фольклорных, художественных и публицистических текстах» [там же, р. 836].

венным образом взаимодействует с различного рода жаргонами) и является основной формой местной речи в провинции» [Ерофеева, 2005, с. 292]. Как справедливо замечает Л.А. Грузберг, «признание региолекта реальной устно-речевой сущностью выявило совершенно новый и, как показали дальнейшие события, весьма научно плодотворный объект социолингвистики» [Грузберг, 2010].

Углубление социолингвистических исследований, а также происходящие изменения в языковой ситуации ряда регионов все более отдаляют лингвистов от исходного, предложенного Трубинским, определения термина *региолект*. В этом отношении показательно, что в одном из словарей лингвистических терминов дается следующее определение рассматриваемого понятия: «Региолект – термин, обозначающий речь жителей средних и малых городов, в которых ощущается влияние местных говоров и просторечия. От территориальных диалектов региолект отличается тем, что распространен на более обширной территории, в крупных и некрупных городах, расположенных на небольшом расстоянии друг от друга. От речи больших городов региолект отличается единообразием, так как его основные носители – местная городская интеллигенция, служащие административных учреждений» [Жеребило, 2010, с. 300–301].

При такой трактовке исследователи не делают различий между регионально окрашенным литературным языком и региолектом, который противопоставлен, с одной стороны, нормированному ЛЯ, а с другой – традиционному диалекту. Пермский лингвист Н.В. Хорошева, сравнивая ситуацию с региолектом в русском и французском языках, пишет: «Схематично обозначим локализацию региолекта в континууме, расположенном между полюсами, представленными литературным языком и диалектами, таким образом: литературный язык – региолект – диалект. При этом необходимо сделать две существенные оговорки. Во-первых, для русского языка точкой смыкания литературного языка и региолекта на этой оси будет, по-видимому, региональный вариант литературного языка, по своим характеристикам близкий и литературному языку, и региолекту...» ([Хорошева, 2011, с. 35], см. также: [Черемисина, 2015, с. 47–48]). Такая позиция понятна – всякое проявление региональной специфики, даже исключительно на уровне лексики, рассматривается как нарушение литературной нормы.

О нестыковках в концепции региолекта, разработанной А.С. Гердом, а вслед за ним другими лингвистами, пишет немецкая исследовательница М. Краузе: «Основное противоречие

сводится, на мой взгляд, к следующему: с одной стороны, региональная окраска приписывается носителям литературного языка, правда, преимущественно в устной коммуникации, с другой стороны, она не сочетается с пониманием нормы, которая, судя по всему, подразумевает единство. Опора на “центральную норму” (или на норму центра), да еще на такой огромной территории, как Россия, по существу ставит под сомнение правомерность существования региональных разновидностей литературного языка» [Краузе, 2008, с. 88].

Многие диалектологи, как и Трубинский, придерживаются более узкого понимания термина *региолект* (или трансформированный диалект), различая региолект и локально (регионально) окрашенный ЛЯ [Нефедова, 2009; Букринская, Кармакова, 2013]. Нам представляется принципиально важным разграничивать эти два типа речи, отличающиеся главным образом тем, что в регионально окрашенном ЛЯ нет грамматических диалектных черт.

Для распознавания вариаций языка в разных лингвистических традициях эффективно применяются методы перцептивной диалектологии, т.е. оценки речи людьми с разным уровнем образования, прежде всего наивными носителями языка (нелингвистами). Исследованием восприятия речи разных регионов России (диалектов и стандартного литературного языка), включая ментальное представление о диалектах у носителей русского языка, плодотворно занимается М. Краузе с соавторами [Краузе, Саппок, Люблинская, 2001; *Mentale Dialektkarten und Dialektimages in Russland in Metasprachliches Wissen und Bewertung von Dialekten*, 2003]¹. В нашем эксперименте студентам-филологам предлагалось оценить аудиозаписи разных информантов, и оказалось, что тексты, где присутствовали грамматические особенности говора, не воспринимались как литературные, в то время как речь, в которой звучало небольшое количество диалектно маркированных фонетических черт, признавалась литературной. Таким образом, в регионально окрашенном варианте ЛЯ сохраняются отдельные фонетические признаки, не затрудняющие коммуникацию, и небольшое

¹ Интересны результаты, полученные лингвистами: «В целом было обнаружено, что стандартная разновидность занимает самое высокое место по положительной шкале, за ней следуют южнорусские диалекты. Севернорусские диалекты оцениваются как более удаленные от стандарта и связанные с довольно негативным образом. Сибирские диалекты как конвергентные разновидности вызывают менее четкие решения» [*Mentale Dialektkarten und Dialektimages in Russland in Metasprachliches Wissen und Bewertung von Dialekten*, 2003, S. 188].

количество местных слов (регионализмов), но при этом отсутствуют грамматические диалектизмы.

В таком подходе к языковому континууму, типичном для диалектологов, точкой отсчета выступает традиционный говор, а по мере утраты нескольких или многих признаков на всех языковых ярусах происходит его трансформация в региолект; между тем, как показывает опыт, граница между диалектом и региолектом может быть нечеткой, размытой. Однако мы полагаем, что есть критерий, позволяющий установить эту границу: традиционно диалектный тип речи характеризуется системностью и последовательностью в проявлении признаков, а региолект – меньшим количеством диалектных черт и большей вариативностью и непоследовательностью их употребления.

Носителями региолекта являются в первую очередь деревенские жители и жители малых городов, не имеющие высшего образования, а местная интеллигенция в городе говорит на региональном варианте ЛЯ. Более подробно диалектные черты всех уровней, характеризующие региолекты разных территорий центральной части России, приведены в: [Букринская, Кармакова, 2012; Букринская, Кармакова, 2016].

Остановимся на описании региональных вариантов ЛЯ. Напомним, что изучение локально окрашенной литературной речи имеет давнюю традицию, ведущую начало от А.А. Шахматова. Аналитический обзор литературы, посвященной этому вопросу, содержится в работе: [Гельгардт, 1959], где автор отмечает тенденцию к демократизации литературного языка: «История русского литературного языка представляется неуклонным процессом его национальной демократизации, и в этом плане массовые территориальные говоры выступают источником обогащения литературного языка новыми средствами выражения. Областное становится литературно нормализованным, внелитературное получает качество «литературности» [там же, с. 96–97] – и Гельгардт считает вслед за Б. Лариным изучение языка города «специальной задачей» лингвистов.

Изучением языка города занимаются во многих научных центрах России: в Великом Новгороде, Екатеринбурге, Калуге, Красноярске, Новосибирске, Нижнем Новгороде, Перми, Ростове-на-Дону, Саратове, Твери и др. (И.Т. Вепрева., О.П. Ермакова, Т.И. Ерофеева, Н.А. Купина, О.Б. Сиротинина, Л.А. Шкатова, Т.В. Шмелева и др.). Важные результаты исследований, касающиеся фонетических особенностей региональной городской речи,

включая суперсегментные средства, были обобщены еще 40 лет назад в работе: [Региональные особенности реализации русской речи (на фонетическом уровне), 1984], где приведены наиболее устойчивые региональные черты, выявленные с учетом данных статистики.

С 2002 по 2019 г. мы обследовали речь жителей небольших городов (районных центров) и окружающих их деревень. Информантами стали люди старшего и среднего возраста, т.е. 1920–1960-х годов рождения; регистрация речи молодого поколения не входила в задачи экспедиций. При сборе материала были записаны разные типы разговорной речи: традиционный говор, региолект, региональный вариант ЛЯ. Основным типом является региолект, в котором в зависимости от уровня образования информанта, его возраста и социальной принадлежности в той или иной степени сохраняются диалектные черты. Информанты – как правило, люди, имеющие среднее и среднее специальное образование. Полагаем, что уровень образования больше влияет на тип речи, чем возраст, поскольку образованным носителям свойственно осознание своей речи. Представители местной (не приезжей!) интеллигенции обычно говорят на ЛЯ, имеющем региональную окраску¹. Среди интеллигенции встречаются и диглоссы – местные жители, которые могут переходить с одного кода на другой, т.е. с регионально окрашенного ЛЯ на говор в зависимости от коммуникативной ситуации. Количество диалектных особенностей в речи зависит в каждом конкретном случае от ситуации общения и тематики: если речь заходит о деревенской жизни, детстве, семье, оно увеличивается.

Перечислим диалектные черты, характеризующие речь местной интеллигенции в разных «уездных» городах. Полевые исследования проводились в следующих местах: 1) пгт. Любытино на северо-востоке Новгородской обл., г. Устюжна и г. Белозерск Вологодской обл., г. Кологрив Костромской обл. (территория северного наречия); 2) г. Вышний Волочёк Тверской обл., г. Муром и г. Гороховец Владимирской обл. (территория среднерусских говоров); 3) г. Невель Псковской обл., г. Кимовск и пос. Епифань Тульской обл. (территория южного наречия). Нашими информантами были учителя, библиотекари, сотрудники местной администрации, музеев, клубов.

¹ Термины «региональный вариант ЛЯ» и «регионально окрашенный вариант ЛЯ» мы употребляем в качестве синонимов.

Для *северного регионального варианта ЛЯ* устойчивыми являются следующие фонетические черты: неполное оканье – различие [o] и [a] в 1-ом предударном слоге: [горóх], [дорого́й], [оп'áт']; еканье: [в'есно́й], [р'ека́], [н'е зна́ю], в ряде случаев сохраняется частичное различие гласных в 1-ом предударном слоге – произношение [a] после мягкого согласного: [вы́яс'н'áт'], [д'эв'ацот́], [пов'азáт'], отвердение губных согласных на конце слова в ограниченном круге лексики: *сем, вóсем, цёркоф*; упрощение групп согласных на конце слова в отдельных словах: *есть* (есть), *радо́сь* (радость), *ше́сь* (шесть); утрата интервокального -j с последующим стяжением (или без него) в формах глаголов и прилагательных: *оки́дываашь* / *оки́дывашь* (окидываешь) *взгля́дом*, *рабо́этаат* / *рабо́этат* (работает) *до́лго*, *воё́ннаа* / *воё́нна служба́*, *ячме́нноо* / *ячме́нно* (ячменное) *пи́во*. Интересно, что в Любытине Новгородской обл. у некоторых информантов достаточно устойчиво сохраняется дифтонг на месте ударного ъ (ять): *б[и э́]гали*, *д[и э́]гали*, *хл[и э́]б*, хотя эта черта представляется достаточно специфической.

Еще раз подчеркнем, что перечисленные признаки присущи речи местной интеллигенции, включая филологов, осознающих свои произносительные особенности. Но случаются и парадоксальные ситуации: так, информантка с филологическим образованием из г. Белозерска, которая знала о свойственном ее речи стяжении в глагольных формах, стяжение в окончаниях прилагательных у себя не замечала, пока мы не обратили внимание на это обстоятельство. Бывает, что диалектные особенности жители малых городов культивируют сознательно. Например, сотрудник краеведческого музея Любытина рассказала, как специально сохраняла оканье, учась в ленинградском пединституте, чтобы подчеркнуть свою принадлежность к новгородцам, в то время как сокурсники из других городов старались избавиться от диалектных черт и перейти на социально престижный ЛЯ. Но следует отметить, что оканье сохраняется не у всех носителей северного регионального варианта ЛЯ.

Любопытная ситуация наблюдается в Архангельске, который тоже окружен окающими говорами, но при этом в местном варианте ЛЯ оканья нет: на месте [o] и [a] произносится гласный, по своему качеству близкий к редуцированному [ɤ]. Наоборот, во Владимире сохраняется оканье. Этот факт, по всей вероятности, объясняется различиями в ритмической структуре слова: во владимирских говорах первый предударный гласный по длительности равен ударному, поэтому совпадения не происходит, в то время

как в архангельских говорах он существенно короче ударного [Высотский 1973].

Региональный вариант ЛЯ на территории **среднерусских восточных окающих** говоров мы, как уже говорилось, изучали на материале речи жителей Мурома и Гороховца. В нем отмечаются те же фонетические особенности в области вокализма, что и в северном: оканье, еканье, частичное различие гласных в 1-ом предударном слоге. У некоторых информантов встречается редукция [y] во 2-ом предударном слоге: [сьндук'й], [ч'игун'й].

В области консонантизма наблюдаются отличия от северного варианта ЛЯ. Муромские и гороховецкие говоры, входящие в Центральную диалектную зону [Захарова, Орлова 1970; Букринская, Кармакова 2014], именно чертами консонантизма противопоставлены периферийным говорам. В Центральную диалектную зону входят говоры Владимирской, северо-восточной части Московской, Нижегородской, Ярославской, части Костромской области, т.е. говоры, расположенные к востоку и северо-востоку от Москвы. Соответственно, в региональном варианте ЛЯ на территории среднерусских восточных говоров представлены следующие черты: сохранение мягкости губных на конце слова: се[м'], восе[м'], церко[ф']; ассимиляция губных перед мягкими задненебными: де[ф']ки, ма[м']ки, на останó[ф']ки, такое произношение характеризовало старомосковскую норму и в настоящее время отмечается у некоторых носителей ЛЯ. Зафиксированы и другие черты, свойственные старомосковскому произношению, в современных орфоэпических словарях такое произношение дается с пометой *устар.* или *старш.* [Каленчук М.Л., Касаткина Р.Ф., Касаткин Л.Л., 2012]. Произношение [р'] перед мягкими губными и зубными: ко[р']мит, па[р']ни, а также в слове це[р']ковь; твердые задненебные согласные в основе прилагательных муж. р. ед. ч. И. п.: ста́рень[кь]й, ми́лень[кь]й, хоро́шень[кь]й, а также твердый -с в возвратной частице у глаголов в формах прош. вр.: *возврати́л[с]а, верну́ла[с], сде́лала[с]*. Шире, чем в литературном языке, представлено произношение [ш] на месте ч в сочетании *чн*: *яйи́шница, пешни́к* (печник), *нали́шник* (наличник). Подробно все особенности старомосковской нормы рассмотрены в [Аванесов, 1972].

Восточные среднерусские говоры – потомки ростово-суздальского диалекта – легли в основу ЛЯ, как считают многие ученые [Аванесов, Горшкова]. С.Л. Николаев называет их «восточные говоры литературного типа» [Николаев, 1994]. Поэтому в «восточном» региональном варианте ЛЯ сохраняются черты ста-

ромосковского произношения. С.В. Бромлей, изучавшая говоры Центральной диалектной зоны, считает, что они отличаются большей консонантностью и противопоставлены периферийным, более вокальным [Бромлей, 2010].

Западные среднерусские акающие говоры, которые являются периферийными, характеризуются большей вокальностью, в связи с чем **региональный вариант ЛЯ** на территории **среднерусских западных акающих** говоров сохраняет те же черты, что и северный, кроме оканья: еканье, отверждение губных на конце слова: *сем, голуп*; sporadически упрощение групп согласных в конце слова: *грысь* (грызть), *месь* (мести), также sporadически стяженные формы местоименных прилагательных: *такá, какá-то, котóра, такí, котóры*. У отдельных информантов отмечено выпадение интервокального *в*: *дéушка, кушíн*; произношение начального *-j* в указательных местоимениях и в местоименном наречии: *éтом, éта, поётóму*; предлог *через* с мягким согласным – *чере[c']*.

Южный региональный вариант ЛЯ мы рассматриваем только на материале речи интеллигенции, живущей в г. Кимовск и пос. Епифань Тульской области (230 км от Москвы). Епифанский острог (упоминается с 1560 г.) возник как форпост на южной границе Московского государства. С 1708 г. Епифань приписана к Московской губернии, а с 1777 г. стала уездным городом Тульского наместничества Московской губернии. На XIX в. – начало XX в. приходится расцвет города, а в настоящее время Епифань превратилась в село, здесь наряду с местными уроженцами проживают выходцы из близлежащих деревень.

В области вокализма местной интеллигенции свойственны аканье и иканье, как в ЛЯ, редукция [у] во 2-м предударном слоге: *сындуки́, мыжики́*. В области консонантизма: произношение фрикативного [γ] с глухой парой [x]: [нау́а – нох]¹, которое «бросается в уши» носителям ЛЯ (заметим в скобках, что при утрате южанами γ-фрикативного в их речи часто остается конечный [x]: *друх, флах*); sporadически вставной *-j-* в указательных местоимениях *это, éтом*; регулярное произношение мягкого [p'] перед последующим мягким: *á[p']мия, вто[p']ник, не́[p']вный, Се[p']гéй*. Зубные согласные тоже произносятся мягко перед последующими

¹ В журнале «Брянская тема [10 (132) 2018] в статье «Фрикативный “г” – особенность каждого второго брянца и визитная карточка региона» приводится пошаговая инструкция для освоения произношения г-взрывного, поскольку «правильная, чистая речь влияет на успешность человека в деловых кругах».

мягкими губными: [д']верь, [з']верь, [с']метана, спорадически сохраняется мягкость губных перед мягкими задненебными: ба[п']ки, ла[ф']ки, тря[п']ки. Как уже говорилось, ассимилятивная мягкость согласных характеризовала старомосковское произношение и зафиксирована у представителей старой интеллигенции [Розанова, 1984; Земская, Китайгородская, 1984].

В Епифани в речи экскурсовода, молодой девушки, только что окончившей школу, появляется [γ]-фрикативный только в том случае, когда она с заученного текста экскурсии переходит на спонтанную речь и начинает неформальное общение – отвечает на вопросы.

На западе России (юг Псковской обл. и Смоленская обл.) в *юго-западном региональном варианте ЛЯ*¹ отмечается диссимилятивное аканье [трьваэ – травЫ – травУ – трав'э – травОй], как и в южном варианте, пара[γ] – фрикативный – [x], спорадически альвеоло-палатальное («шепелявое») произношение мягких зубных согласных [с'], [з']: [с'']*эры́й*, [з'']*имá*.

В регионально окрашенных вариантах ЛЯ, безусловно, имеются свои релевантные акцентологические и интонационные особенности, требующие специального углубленного изучения.

Из приведенного материала видно, что в региональных вариантах ЛЯ представлено небольшое количество фонетических признаков, не затрудняющих коммуникацию, этим и объясняется относительная толерантность по отношению к ним со стороны других носителей стандартного языка.

Помимо произносительных различий территориальные идиомы характеризуются лексической специфичностью, которая актуализируется в регионализмах. Именно наличие регионализмов объединяет диалект и регионально окрашенный вариант ЛЯ.

Естественно, что описание региональной лексики всегда привлекало внимание языковедов. Так, например, представителями пермской социолингвистической школы были составлены словари локализмов в речи интеллигенции [Ерофеева, Скитова, 1992; Ерофеева, 2020] и др.

Но особенно востребованным в научном сообществе изучение региональной лексики стало в последние десятилетия: активно обсуждаются объем понятия *регионализм*, источники региональной лексики и возможности ее лексикографического описания.

¹ Региональные варианты ЛЯ на территории юго-восточных и более южных говоров нами не были обследованы.

Рассмотрение разных точек зрения на эту тему содержится в публикации: [Резвухина, 2015]. Под регионализмами (в отличие от диалектизмов) понимаются специфические для конкретного города или региона (географического ареала) языковые единицы, которые активно используются жителями вне зависимости от их социального, образовательного, профессионального, гендерного и возрастного статуса¹.

Приведем ряд регионализмов, которые были записаны нами в экспедициях последних лет. В региональном варианте ЛЯ на территории северного наречия: *баско́* ‘красиво’, *баско́й* ‘красивый, хороший’, *вы́шка* ‘чердак’, *годи́на* ‘годовщина смерти’, *сэ́йгод* ‘в этом году’, *уго́р* ‘небольшая гора, возвышенность’. Юго-западную диалектную зону характеризует употребление слов *ау́рэст* ‘крыжовник’ (также в блр., укр., литв., польск.), *по́рэчка* ‘красная смородина’ (также в укр., *парэ́чка* – в блр.), *холод́ник* ‘холодный суп из свеклы’, ‘свекольник’ (*халад́ник* – в блр.), *пья́тка*, *пья́точка* ‘горсть чего-либо’ (характерно больше для речи старшего поколения), *глу́мить го́лову* ‘морочить голову, надоедать с ерундой, путать’. Регионализмы, известные на южных территориях: *тормозо́к* ‘еда, которую берут с собой, обычно на работу’, пришло из речи шахтеров, *ча́пельник* ‘съемная ручка для сковороды’, ‘сковородник’, *пото́лок* ‘чердак’. В наших материалах были отмечены и семантические регионализмы, например: *ма́лец* ‘мужик, парень, мужчина’ (*псков.*), ср. с ЛЯ, где *мале́ц* ‘мальчик, подросток’, *пого́да* ‘нечастые’ (*тульск.*), *пала́тка* ‘небольшой каменный домик, предназначенный для хранения ценных вещей на случай пожара и стоящий на расстоянии от жилого строения’ (*владимир.*). По свидетельству нашей информантки из г. Белозерска Т.А. Гавриловой, окончившей филологический факультет Вологодского пединститута, с возрастом число местных слов в ее речи увеличивается, поскольку она считает, что они ярче и точнее передают оттенки смысла.

¹ В таком определении внимание сосредоточено на функциональной стороне языковой единицы. Ср. определение, где на первое место выходят лексикографический и культурологический аспекты: «Регионализмы – слова, функционирующие на определенной территории, не зафиксированные в толковых словарях литературного языка или получающие в них пометы *обл.*, *местн.*, *прост.*, *разг.*, являются частью региональной культуры. Обращение к таким лексемам позволяет выявить культурное своеобразие региона, влияние других языков и культур» [Кадоло, 2011, с. 22].

К регионализмам относятся этнографизмы¹, которые, как известно, называют предметы, понятия, характерные для быта, хозяйства территориально ограниченной части национальной культуры. Достаточно много этнографизмов связано с именованиями еды, это наиболее устойчивые языковые единицы: *калі́тки* ‘различные по форме открытые пироги или лепешки из ржаного пресного теста с начинкой’ (*арх., вологод., новгород.*), *ка́танка* ‘вид лапши’ (шарики, которые готовят достаточно долго – несколько часов, обкатывая крупинки пшена в тесте; *белг., воронеж.*); *коко́рки*, ‘открытые пироги с картошкой’ (*новгород.*), *коку́рки* ‘пресные пироги’ (*владимир.*), *комы́* ‘вареные шарики из картофельного теста’ (*псков.*), *лапи́енник* ‘густое кушанье из домашней лапши типа запеканки, которое можно резать ножом’ (*владимир.*), *по́левка* ‘мясной или грибной бульон с поджаренным луком, заправленный подкисшей (заквасившейся) болтушкой из ржаной муки’ (*псков.*, в некоторых местах подавался на поминках, слово сохраняется преимущественно в речи старшего поколения), *пресну́шки*, *пресня́ки* ‘пироги из пресного теста’ (*вологод., новгород.*), *су́щик* ‘сушеная рыба’ (ерш, чаще снеток, сушеные в печи, *арх., вологод.*), *ша́ньги* ‘круглые пироги или лепешки с творогом, картошкой, не сладкие’ (*общесевер.*).

Некоторые регионализмы широко используются в языке художественной литературы и таким образом фиксируются в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), например: *баской*, *шань-ги*, *угор*.

Кроме регионализмов *исконных*, пришедших из диалектов, часто употребляются так называемые *новые регионализмы*, возникшие в современных языковых условиях для обозначения вновь появившихся реалий и понятий или же для выражения экспрессивности, нередко они заимствуются из молодежного сленга или языков соседних этносов, например: *мультифо́ра* ‘файл’ (*сибир., алтайск.*), *патéнт* ‘молния’ (*арх.*), *па́стик* ‘стержень шариковой ручки’ (*арх.*); *квадра́т* ‘квартира’ (*уральск.*), *иши́карь* ‘тот, кто добывает в тайге кедровые шишки’ (*сибир.*).

Большой вклад в изучение вопросов, связанных с региональной лексикой, внес В.И. Беликов, не раз отмечавший, что нет единой нормы для всех, говорящих по-русски, что «городская регионально маркированная лексика, фразеология и коллокации характерны для всех языковых регистров: официального стиля, по-

¹ По материалам экспедиций авторов.

вседневно-разговорного словоупотребления, профессиональной речи, общего, молодежного и специализированных жаргонов» [Беликов, 2013, с. 7].

Пока в научной лексикографии словари регионализмов не находят места, эту лакуну занимают разного рода словарики, созданные энтузиастами-любителями¹. Осознанное стремление продемонстрировать уникальность региона проявляется в создании разнообразных местных сайтов и форумов, где обсуждаются материалы по этнографии края, но, пожалуй, в первую очередь диалектные и региональные слова. Обзор и анализ интернет-ресурсов в связи с изучением лексических регионализмов содержится в работе [Ахметова, 2014], в которой приведено важное наблюдение, касающееся собирательской деятельности пользователей Интернета: «...с одной стороны, она наследует практикам по сбору местных диалектизмов в образовательных и культурных институциях (школы, вузы, кружки при краеведческих музеях и т.д.), а с другой – обусловлена популярностью жанра словаря (энциклопедии, азбуки и пр.) в массовой культуре начала XXI в.» [там же, с. 161]. Об этом свидетельствуют не только информация в Интернете, но и, как уже говорилось, публикации большого количества любительских («народных»), т.е. составленных не лингвистами, словарей (в том числе сувенирных), отражающих диалектную, региональную, экспрессивно-просторечную лексику – все то, что, по мнению составителей, характеризует местный язык и не входит в стандартный литературный.

За последние годы появилось большое количество словарей местных слов и выражений. Рассмотрим наиболее значимые, с нашей точки зрения, работы. Достаточно представительным является интернет-проект, созданный под научным руководством В.И. Беликова и В.П. Селегея «Языки российских городов». Задача, которую ставили авторы, – «определение масштаба и типологии регионального варьирования РЯ...» [Корпусная региональная лексикография: принципы, методы и предварительные результаты, 2021, с. 2]. Базой проекта послужили тексты из региональных СМИ и социальных сетей, а особенностью работы явилось широкое обсуждение значения слов, их географического распространения на форуме «Городские диалекты». Впоследствии его наследником стал новый проект «Язык Городов и Людей», который до

¹ Далее следует сокращенный фрагмент статьи «Регионализмы в словарях XXI в.» [Букринская, Кармакова, 2024].

2021 г. реализовывался на базе ГИКРЯ (Генерального интернет-корпуса русского языка). С сентября 2021 г. проект приостановлен, но информация о завершенных статьях доступна по ссылке: <https://int.webcorpora.ru/reg2/index.php> (дата обращения: 01.02.2024).

Технология поиска слова, его верификация, инкорпорированность в местный узус, определение региональной вариативности не только в узусе, но и в норме, выявление ареала употребления, типология регионализмов и их лексикографическое описание подробно рассмотрены на конкретных примерах в программной статье: [Корпусная региональная лексикография: принципы, методы и предварительные результаты, 2021].

Желание подчеркнуть свою региональную идентичность и уникальность языка стимулировало появление небольших по формату сувенирных словарей, как любительских, так и составленных специалистами. Назовем некоторые из них: «По-пермски говоря» [2013]; И. Ливинская, А. Матвеев «Словарь региональной лексики и народных топонимов г. Новосибирска» [2015]; «Пермско-английского разговорник» [2015]; «Слова Урала» [2018]. Подобные словарики представляют интерес еще и для изучения тенденций в разговорной речи, так как отражают установку разговорного языка на эмоциональность, экспрессивность и использование молодежного жаргона. В словарях, созданных на базе интернет-ресурсов, экспрессивных языковых единиц не так много по вполне понятным причинам: они реже попадают в региональные СМИ, поэтому сувенирные словари интересны именно для изучения региональной экспрессивной лексики. Большинство лингвистов считают необходимым включать в региональные словари народные микротопонимы и урбанонимы.

Нами был рассмотрен состав книги «Слова Урала», который включает 150 единиц с толкованием, иллюстративным материалом. Как отмечают составители, словарь имеет юмористическую направленность. Естественно, что подобные словари в целях привлечения внимания потребителя ориентированы на раскованность и браваду при подаче материала, поэтому в них включено много просторечных, жаргонных и грубых слов. Авторы ироничны, формулируя некоторые дефиниции и приводя перевод «с уральского» на русский в своих примерах: «Ватокáт – человек вяложивущий, прокрастинирующий. *Прим.* Мне Вася-ватокат все сроки просрал. – Василий сорвал наш дедлайн, до чего медленный человек!» [Слова Урала, с. 5]. Словарь вызвал бурную дискуссию в Интернете и не только, звучало много протестных отзывов в связи с большим

количеством жаргонной лексики и, как считают многие пользователи, неправильным представлением, которое дает книга о языке уральцев. Но, нам кажется, издания подобного рода содержат полезную для лингвистов информацию о современных языковых тенденциях.

Мы постарались проверить слова, вошедшие в него, по другим источникам¹. Итак, в словарь вошло небольшое число регионализмов диалектного происхождения, некоторые из них известны не только на Урале, например: *баско́й* ‘красивый’, *вехо́тка*² ‘мочалка’, *губни́ца* ‘грибной суп’, *ди́коша́рый* ‘невоспитанный, непослушный, озорной’, *ёйный* ‘ее’, *ро́бить* ‘работать’, *своро́тка* ‘поворот налево или направо’, а другие непосредственно уральские: *куля́тать* ‘неправильно или некачественно что-то делать’, *ря́мкí* (*рямо́к*) 1. ‘старая неопрятная или немодная одежда’, 2. ‘поистрепавшийся человек’; новые регионализмы: *лентя́йка* ‘швабра’, *о́днерка* ‘цифра один, трамвайный маршрут’, *ЕЖК* ‘майонез’ (производства Екатеринбургского жирового комбината), в том числе урбанонимы: *Индуст́рия* ‘ул. Индустрии’, *Ки́ровский* (*Ки́рчик*) ‘магазин «Кировский»’. В словаре также приведено значительное количество общерусской экспрессивно-просторечной и жаргонной лексики – около 50 слов, например: *байда* ‘что-то неудачное, некачественное’, *за́шкериться*, *и́кериться* ‘спрятаться’ (пришло из уголовного жаргона), *уэ́сть* ‘уязвить’, *и́кандыба́ть* ‘ходить’.

То, что в словник вошло значительное количество общерусской лексики, неудивительно, такую же картину мы наблюдаем и в других любительских работах, как уже говорилось, составители очень четко ощущают ее «нелитературность».

Так, в «Пермско-английском разговорнике»³, хотя составители все время подчеркивают, что их цель – показать «сочное пермское словцо», общерусская экспрессивная и жаргонная лексика

¹ Приносим глубокую благодарность профессору Уральского федерального университета М.Э. Рут за помощь в уточнении толкования и стилистической окраски слов.

² Лексема *вехотка* широко распространена в диалектах: в северном наречии, части среднерусских говоров (Новг., Псков., Твер.), по всей Сибири, Уралу, Пермскому краю, а также в Екатеринбурге [СРНГ 4].

³ В разговорнике приводятся не столько слова, сколько фразеологизмы, ситуативные выражения, а также их перевод на русский и английский языки, и нет традиционных толкований, в нем выдерживается тематический принцип подачи материала, при этом перед каждой темой помещается вступление авторов иронического характера.

преобладает: *впахивать, лям отдал, не мельтеши, с какого пере-пуга, уродоваться* и др., а обещанных местных слов приведено мало: *Баско!* Зыбанско! ‘классно’, хочу кошку-богатку взять ‘хочу взять разноцветную кошку’, ну и *гайно* у тебя ‘ну у тебя и беспопрядок’, *мяргать* ‘мяукать’, *посику́нчиков*¹ хочешь? ‘нет аналогов’, *егáрма* ‘несимпатичная женщина со сложным характером’, *Дунька с Бахаревки* ‘чучело, безвкусно одетая девушка’, *рассекать по Компросу* ‘гулять по Комсомольскому проспекту’ и др. Эти же слова отмечены и в словаре «По-пермски говоря», который содержит 310 лексических единиц. Судя по подбору слов с толкованием и рисункам к ним, словарь тоже имеет иронический характер и стремится подчеркнуть экспрессивное своеобразие пермской речи.

По мнению А.А. Зализняка, экспрессивная установка осознанно или неосознанно в большинстве случаев повышает престиж говорящего: «Можно выделить два основных механизма выражения позиции “сверху вниз” у говорящего.

Первый механизм – использование вместо нейтрального наименования обсуждаемого предмета некоторого другого слова, за которым в языке уже закреплена стилистическая окраска фамильярности, грубости, просторечия, жаргонности и т.п., или того же слова с добавлением экспрессивного суффикса...

Другой механизм – уменьшение роли основного наименования предмета, а именно либо его полное или частичное устранение, либо тот или иной способ его ослабления...» [Зализняк, 2012, с. 653].

Языковыми способами выражения такой экспрессии являются выбор слов, морфем, ударения. Все названные способы отражены в отборе языковых единиц для упомянутых словарей. Использование суффиксов, отражающих оттенки значений (уменьшительные, насмешливые, пренебрежительные, презрительные), понижает статус упоминаемых предметов, таким образом повышается статус говорящего. Так же работают и жаргонные слова, которые указывают на принадлежность говорящего к какой-то престижной, с его точки зрения, группе.

В сувенирных словарях интерес представляют именно региональные экспрессивные и сленговые слова, но при этом трудно проверить тот факт, что приведенное слово является именно региональным, а не входит в общемолодежный жаргон, не является

¹ Маленькие жареные пирожки с мясной начинкой.

окказионализмом или принадлежностью небольшой группы людей. Приведем примеры.

1. Отбор жаргонных слов: *облóмы* ‘сухарики, чипсы и прочая закуска к пиву’, *ужа́лить* ‘взять чужую еду с тарелки’, *присуха́рить* ‘отложить на потом’ (не о еде), *синячить* ‘пьянствовать’, *чухонить* ‘обижать’.

2. Использование слов с экспрессивным суффиксом: *игру́ха* ‘компьютерная игра’, *урву́ха* ‘нечаянная удача игра’, *малу́шка* ‘небольшой гостевой домик’, *трóмвик* ‘трамвай’, *кíнчик* ‘кино’, *клу́бешник* ‘клуб’, *Пермя́га* ‘название города Перми’, *сквоза́нуть* 1. ‘отправиться в путешествие’; 2. ‘убежать’, *стоно́та* ‘нытик’, *чу́рик* ‘немного’.

3. Полное или частичное устранение наименования предмета: *доставля́ть* сокращение от ‘доставлять удовольствие’ (видимо, общерусское), *исполня́ть* ‘делать глупости’, *ущё́рб* ‘ущербный человек’, *вы́хи*, *вых* ‘выходные’.

4. Перенос ударения на окончание: *пудра́*, *румяна́*, *меды́* ‘что-то приятное, что доставляет’.

Перенос ударения, как считает А.А. Зализняк, «убирает из зоны внимания корень, т.е. главную часть слова», смысл сминается, таким образом слово приобретает пренебрежительный оттенок [Зализняк, 2012, с. 658].

Перечисленные экспрессивные слова подчеркивают высокую степень освоенности носителем идиома, а также его главенствующее положение. Говорящий, в данном случае составитель, может быть, даже бессознательно демонстрирует свое снисходительно-покровительственное отношение к объектам и словам, их обозначающим.

Таким образом, мы видим, что регионализмы как предмет исследования все больше привлекают внимание лингвистов и энтузиастов, которые широко используют возможности Интернета, позволяющие не только фиксировать местные слова, но и верифицировать их семантику, ударение, локализацию. При изучении регионального слова для лингвиста интересен любой источник, включая сувенирные словари, поскольку они показывают метаязыковую деятельность носителя языка, его представление о территориальной маркированности слова и его самобытности. Подобные лексикографические работы ярко отражают современную ситуацию, связанную с демократизацией литературного языка, признанием регионально окрашенных вариантов ЛЯ, трансформацией диалектов, появлением региолектов как особого лингвистического

образования, ослаблением границ между литературным, экспрессивно-разговорным, просторечным и жаргонным пластами национального языка

Список литературы

- Аванесов Р.И.* Русское литературное произношение. – Москва, 1972. – 415 с.
- Ахметова М.В.* Лексические регионализмы и локализмы в русскоязычном Интернете: проблемы сбора материала // Русский язык и новые технологии / под ред. М.В. Ахметовой, В. Беликова. – Москва, Новое литературное обозрение, 2014. – С. 156–171.
- Беликов В.И.* Региональные варианты русского языка и традиционные сельские диалекты // Региональные варианты национального языка: материалы всероссийской (с международным участием) научной конференции / науч. ред. А.П. Майоров. – Улан-Удэ: 2013. – С. 7–9.
- Бромлей С.В.* Различие степени вокализованности сонорных и их роль в противопоставлении русских центральных и периферийных говоров // Проблемы диалектологии, лингвогеографии и истории русского языка. – Москва, 2010. – С. 136–164.
- Букринская И.А., Кармакова О.Е.* Языковая ситуация в малых городах России // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 15. Особенности сосуществования диалектной и литературной форм языка в славяноязычной среде. – Москва, 2012. – С. 153–164.
- Букринская И.А., Кармакова О.Е.* Провинциальная речь: от диалекта к литературному языку // Региональные варианты национального языка: материалы всероссийской (с международным участием) научной конференции. – Улан-Удэ, 2013. – С. 12–16.
- Букринская И.А., Кармакова О.Е.* Русские говоры центра: из истории изучения // Труды Института русского языка. Вып. 3. – Москва, 2014. – С. 258–272.
- Букринская И.А., Кармакова О.Е.* Еще раз о понятии «региолект» // *Verbamagistro*: Сб. научных статей памяти профессора А.С. Герда / отв. ред. А.Х. Гирфанова, С.А. Мызников. – Санкт-Петербург: Нестор-история, 2016. – С. 124–134.
- Букринская И.А., Кармакова О.Е.* Региональные разновидности русской речи // Русская речь. – 2020. – № 4. – С. 7–18.
- Букринская И.А., Кармакова О.Е.* Региональная лексика в словарях XXI в. // Труды Института русского языка РАН. – Москва, 2024. – Вып. II (40). (В печати).
- Высотский С.С.* О звуковой структуре русских говоров // Исследования по русской диалектологии. – Москва, 1973. – С. 17–41.
- Гельгардт Р.Р.* О литературном языке в географической проекции // ВЯ. – 1959. – № 3. – С. 95–101.
- Герд А.С.* Диалект – региолект – просторечие // Русский язык в его функционировании. – Москва, 1998. – С. 20–21.
- Герд А.С.* Несколько замечаний касательно понятия «диалект» // Русский язык сегодня. – Москва, 2000. – Вып. 1. – С. 45–52.

- Герд А.С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. – Санкт-Петербург: Изд.-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – 457 с.
- Грузберг Л.А. Региолект [Электронный ресурс] // Филолог. – 2010. – № 11. – URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_11_208 (дата обращения: 20.01.2024).
- ДАРЯ I. Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. 1. Фонетика. – Москва, 1986.
- ДАРЯ II. Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. 2. Морфология. – Москва, 1989.
- ДАРЯ III, ч. 1. Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. 3. Лексика. Часть 1. – Минск, 1997.
- ДАРЯ III, ч. 2. Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. 3. Синтаксис. Лексика. Часть 2. – Москва, 2004.
- Донецкий региолект: монография / под ред. В.И. Теркулова. – Донецк: Издательство ООО НПП «Фолиант», 2018. – 265 с.
- Ерофеева Е.В. Вероятностная структура идиомов: социоллингвистический аспект. – Пермь: Изд.-во Пермск. ун-та, 2005. – 308 с.
- Ерофеева Т.И. Социоллингвистический глоссарий пермских локализмов: 60–90-ые годы XX в. – Пермь, 2020. – 238 с.
- Ерофеева Т.И., Скитова Ф.Л. Локализмы в литературной речи горожан. – Пермь, 1992. – 92 с.
- Жирмунский В.Д. Национальный язык и социальные диалекты. – Москва: Ленинград, 1936. – 280 с.
- Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
- Зализняк А.А. Механизмы экспрессивности в языке // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: сборник статей в честь 80-летия И.А. Мельчука. – Москва: Языки славянской культуры, 2012. – С. 650–664.
- Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. – Москва, 1970. – 166 с.
- Зварыкина И.С. К вопросу о соотношении диалектного и регионального в русском языке (на примере лексики Астраханского края) // Гуманитарные исследования. – 2013. – № 2 (46). – С. 30–36.
- Земская Е.А., Китайгородская М.В. Наблюдения над просторечной морфологией // Городское просторечие: проблемы изучения. – Москва, 1984. – С. 66–102.
- Кадола Т.А. Региональная лексика как проявление поликультурности // Язык и культура. – 2011. – № 2 (14). – С. 22–28.
- Каленчук М.Л., Касакина Р.Ф., Касаткин Л.Л. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение нач. XXI в.: норма и ее варианты / под ред. Л.Л. Касакина. – Москва, 2012. – 1020, [1] с.
- Калнынь Л.Э. Русские диалекты в современной языковой ситуации и их динамика // ВЯ. – 1997. – № 3. – С. 115–124.
- Касаткин Л.Л. Русские диалекты и языковая политика // Русская речь. – 1993. – № 2. – С. 82–90.
- Коготкова Т.С. Русская диалектная лексикология. – Москва: Наука, 1979. – 335 с.
- Корпусная региональная лексикография: принципы, методы и предварительные результаты / Беликов В.И., Дубяга А.О., Званова Л.Ю., Селегей В.П. – URL: <https://www.dialog-21.ru/media/5559/belikovvipusetal060.pdf>

- Кошарная С.А.* Региолект Белгородчины как лингвокультурное образование // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. Филология. Журналистика. Педагогика. Психология – Белгород, 2017. – № 14 (263), вып. 34. – С. 14–25.
- Краузе М., Сапнок К., Люблинская В.В.* Дialeктное сознание в современной России: географическое определение диалектных текстов и их оценка // Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. – Москва: изд. МГУ, 2001. – С. 67–68.
- Краузе М.* Язык города в свете концепции региолекта // Язык современного города. Тезисы докладов международной конференции Восьмые Шмелевские чтения. – Москва, 2008. – С. 86–90.
- Крысин Л.П.* О параметрах регионального варьирования современного русского языка // Региональные варианты национального языка: материалы Всероссийской научной конференции / науч. ред. А.М. Майоров. – Улан-Удэ, 2013. – С. 66–71.
- Ливинская И.В., Матвеев А.И.* Словарь региональной лексики и народных топонимов г. Новосибирска. – Новосибирск, 2015. – 160 с.
- Нахимовский А.* Письма крестьянских женщин на Финский фронт (1939–1940 гг.) // Актуальные проблемы русской диалектологии: материалы международной конференции, 26–28 октября 2018 г. – Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2018. – С. 182–190.
- Нефедова Е.А.* О диалектном варьировании // Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества. Тезисы докладов международной конференции 19–21 октября 2009 г. – Москва, 2009. – С. 161–163.
- Николаев С.Л.* Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // ВЯ. – 1994. – № 3. – С. 23–49.
- Оглезнева Е.А.* Дальневосточный региолект русского национального языка: к вопросу о его формировании и специфике // Региональные варианты национального языка. – Улан-Удэ, 2013. – С. 3–42.
- Пермско-английский разговорник с переводом на русский язык.* – Пермь, 2015. – 112 с.
- По-пермски говоря (словарь).* – Пермь, 2013. – 126 с.
- Резвухина Ю.А.* Регионализм: к определению понятия [Электронный ресурс] // Интерэкспо. Гео-Сибирь. Языкознание. – 2015. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalizm-k-opredeleniyu-ponyatiya> (дата обращения: 29.01.2024).
- Региональные особенности реализации русской речи (на фонетическом уровне)* / Вербицкая Л.А., Игнаткина Л.В., Литвачук Н.Ф., Сергеева Т.А., Цветкова М.В., Щукин В.Г. // Вестник ЛГУ. – 1984. – № 8, вып. 2. – С. 71–80.
- Розанова Н.Н.* Современное московское просторечие и литературный язык (на материале фонетики) // Городское просторечие: проблемы изучения. – Москва, 1984. – С. 37–65.
- Слова Урала. Авторский проект Ивана Золотухина и Ольги Паниковской.* – Екатеринбург, 2018. – 62 с.
- Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация* / под ред. Л.П. Крысина. – Москва, 2003. – 565 с.

- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Т. 4. – Ленинград: Наука, 1969. – 359 с.
- Супрун В.И. Региолект vs диалект: новые поиски этнолингвистов // Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. Неофилология. – 2020. – Т. 6, № 24. – С. 836–845. – Размышления по поводу книги: Донецкий региолект: монография / под ред. В.И. Теркулова. – Донецк: Фолиант, 2018. – 265 с.
- Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – Москва, 1995. – 512 с.
- Трубинский В.И. Современные русские региолекты: приметы становления // Псковские говоры и их окружение. – Псков, 1991. – С. 156–162.
- Трубинский В.И. О новых территориально-системных образованиях в русской разговорной стихии // Исторические судьбы. Русский язык и современность. II Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. – Москва: МГУ, 2004. – С. 93–94.
- Черемисина Е.В. О региолекте в современном языкознании // Перспективы развития современных гуманитарных наук: сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. – Воронеж, 2015. – Вып. 2. – С. 45–49.
- Фрикативный «г» – особенность каждого второго брянца и визитная карточка региона // Брянская тема. – 2018. – № 10 (132). – URL: <https://tema32.ru/articles/2018/9-131-2018/fricative-g-feature-every-second-branca-and-the-business-card-of-the-region/> (дата обращения: 24.01.2024).
- Хорошева Н.В. Региолект как промежуточный идиом во французском и русском языках // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2011. – Вып. 3 (15). – С. 32–36.
- Язык русской деревни: Школьный диалектологический атлас / Букринская И.А., Голубева Н.Л., Кармакова О.Е., Николаев С.Л., Саркисян С.Г. – Москва, 1994. – 160 с.
- Mentale Dialektkarten und Dialektimages in Russland: Metasprachliches Wissen und Bewertung von Dialekten* / Marion Krause, Valentina Ljublinskaja, Christian Sappok, Aleksandr Evdokimov, Anna Kopylova, Elena Moäkina, Vera Podruänjak // Zeitschrift für Slawistik. – 2003. – Vol. 48, iss. 2. – P. 188–211. – URL: <https://doi.org/10.1524/slwa.2003.48.2.188> (date of access: 31.01.2024).

КНЯЗЕВ С.В., ДЬЯЧЕНКО С.В.¹

1.5. АРХАИЧЕСКИЙ СЛОЙ ФРАЗОВОЙ ПРОСОДИИ В ЗАПАДНЫХ СРЕДНЕРУССКИХ АКАЮЩИХ ГОВОРАХ

Аннотация. Глава посвящена исследованию фразовой просодии в архаическом слое западных среднерусских акающих говорах Островского района Псковской области и Вышневолоцкого района Тверской области на материале спонтанной речи информантов 1927–1936 гг. рождения. Проведенный анализ дает основания утверждать, что между этими говорами наблюдается явное сходство в оформлении общего вопроса и незавершенности; различие же сводится к распределению вариантов тональных акцентов: в первом на смену уровневому Н* приходит весьма близкий ему (L+) Н*, во втором – преимущественно L+Н*. При этом в псковском говоре вопрос с вопросительным словом оформляется обычно одним нисходящим акцентом с очень широкой вариативностью в отношении тайминга – от сверхраннего Н+L* до максимально позднего Н*, в селигеро-торжковском наряду с мелодическим контуром, содержащим один тональный акцент (Н*+L, Н*(+L) или Н*), регулярно используется и двухакцентный контур, ни один из акцентов в котором не является восходящим. В интонационном оформлении нейтральных утверждений с широким фокусом в исследованных говорах наблюдаются существенные различия: в первом используется мелодический контур %Н L* L%, во втором фонологическое противопоставление начальных пограничных тонов отсутствует, утверждение с широким фокусом оформляется нисходящим тональным акцентом Н+L*. При оформлении не нейтральных высказываний с широким фокусом для вышневолоцких говоров характерен восходящий конечный пограничный тон после нисходящего тонального акцента (Н+L* LН%), для островского – низкий после восходящего (%Н L*+Н L%). В отношении просодического оформления утверждений с узким фокусом псковский и селигеро-торжковский говоры демонстрируют значительную степень сходства, связанную, по-видимому, с эволюцией соответствующих тональных акцентов от собственно диалектных уровневых Н* и L* к контурным (нисходящим и восходящим), свойственным литературному языку, причем на этом пути селигеро-торжковский говор продвинулся существенно дальше псковского.

¹ Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук, Москва, Россия; svknia@gmail.com; svet-lan-a@list.ru

1. Введение

1.1. Осуществленное ранее исследование тонального контура общего вопроса в западных среднерусских акающих говорах Вышневолоцкого и Островского районов Псковской области показало, что в речи самых старших информантов отмечается сверх-ранний тайминг восходящего тонального акцента. Полученные данные позволяют предположить, что в этих говорах происходит перестройка мелодического контура общего вопроса: тональный максимум восходящего акцента смещается от начала ударного гласного акцентоносителя к его середине (по всей видимости – под влиянием литературного языка, в котором восходящее движение характеризуется максимально поздним таймингом) [Князев, Дьяченко, 2023; Князев, Дьяченко, 2023 а].

В настоящей главе предпринята попытка более полного описания архаического слоя фразовой просодии этих говоров, включающего в себя оформление таких коммуникативных типов, как незавершенность, специальный вопрос, утверждения с широким и узким фокусом, императив и вокатив.

1.2.1. Материалом исследования первого говора, относящегося к Псковской группе западных среднерусских говоров, служили данные, извлеченные из звуковых записей спонтанной речи самых старших жительниц деревни Дарьино Островского района Псковской области (25 км на юго-восток от Острова)¹. Материал представляет собой сплошную выборку соответствующих конструкций из 12 часов аудиозаписей. Все информанты – коренные деревенские жительницы Островского района, т.е. и они сами, и их предки родились и всю жизнь прожили в тех деревнях, где были сделаны аудиозаписи, или в соседних с ними:

- 1) ТПП1930² – д. Дарьино, образование 2 кл.,
- 2) ТИИ1932 – д. Дарьино, образование 1 кл.,
- 3) ВИИ1936 – д. Дарьино, образование 7 кл.

1.2.2. Материалом исследования второго говора, относящегося к Селигеро-Торжковским западным среднерусским говорам, служили данные, извлеченные из звуковых записей спонтанной

¹ Аудиозаписи сделаны С.В. Дьяченко и И.И. Исаевым в экспедиции 2014 г., организованной по проекту TriMCo: <https://www.trimco.uni-mainz.de/>. Копии этих записей хранятся в аудиоархиве Отдела диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН; общий объем записанных материалов – около 40 часов.

² Цифры после инициалов означают год рождения информанта.

речи самых старших жительниц деревни Федово и села Ильинское Вышневолоцкого района Тверской области¹. Материал представляет собой сплошную выборку соответствующих конструкций из 9,5 часов аудиозаписей. Информанты – коренные жительницы Вышневолоцкого района, т.е. и они сами, и их предки родились и всю жизнь прожили в Вышневолоцком районе:

- 1) КАП1929 – д. Федово, образование 3 кл.,
- 2) ЗВП1927 – с. Ильинское, образование 7 кл.

2. Общий вопрос

Интонация общего вопроса в островском и вышневолоцком говорах подробно описана в: [Князев, Дьяченко, 2023; Князев, Дьяченко, 2023 а]; ниже приводятся лишь некоторые иллюстративные примеры.

2.1. Псковский говор

Самым типичным вариантом оформления общего вопроса в архаическом слое Дарьина является вариант Н* L%: повышение частоты основного тона (ЧОТ) начинается в инициали ударного слога; высшая точка ЧОТ достигается в начале ударного гласного (реже – на предшествующем ему согласном); после достижения тонального максимума наблюдается продолжительный отрезок ровного тона, после чего происходит падение (см. рис. 2.1.1, 2.1.2). Так интонируются около $\frac{2}{3}$ всех общих вопросов в произношении старших информантов (ВИИ – 29 из 44, ТИИ – 23 из 38, ТПП – 35 из 55).

¹ Аудиозаписи выполнены С.В. Дьяченко и Е.В. Колесниковой в экспедиции 2017 г., они хранятся в аудиоархиве Отдела диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН. Общий объем записанных материалов – около 17 часов.

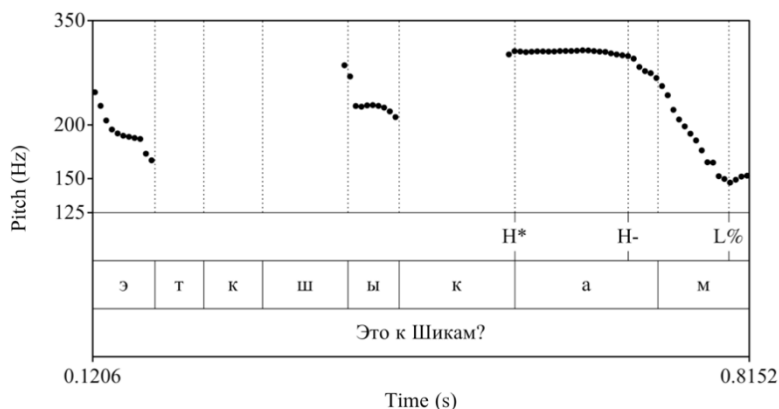

Рис. 2.1.1.

Кривая ЧОТ общего вопроса «*Это к Шика́м?*» (ТИИ1932)

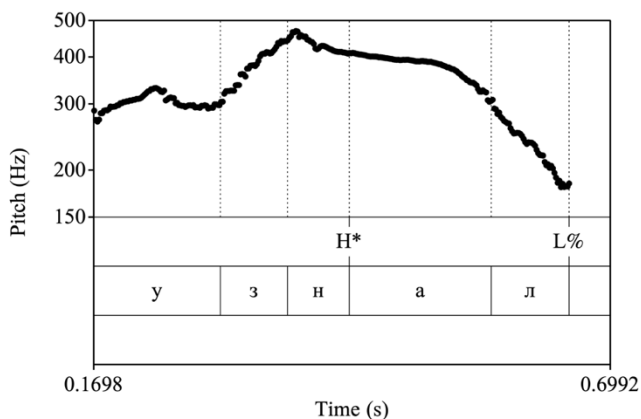

Рис. 2.1.2.

Кривая ЧОТ общего вопроса «*Узнал?*» (ТПП1930)

В других случаях тональный максимум достигается приблизительно в середине ударного гласного, после чего фиксируется продолжительный отрезок ровного тона, падение начинается на заударном слоге (см. рис. 2.1.3). Мы интерпретируем этот акцент как (L+) H*, считая его вариантом «на пути» от исходного диалектного H* с ровным высоким тоном к современному литературному (L+H)*, ориентированному на повышение тона.

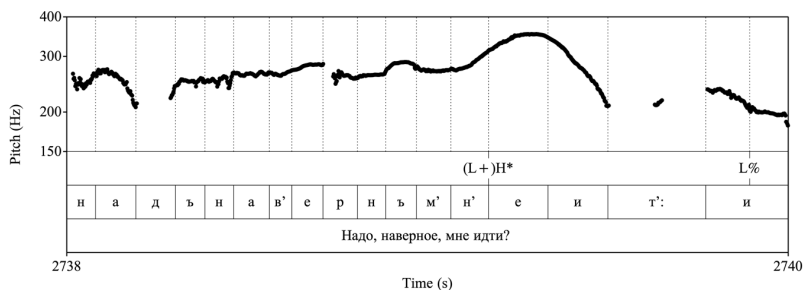

Рис. 2.1.3.

Кривая ЧОТ общего вопроса «*Надо, наверное, мне идти?*» (ВИИ1936)

Наконец, самым редким тональным акцентом, представленным в Дарьине при оформлении общего вопроса, является L+H*, когда после достижения максимума ЧОТ в середине ударного гласного падение начинается сразу, без существенной ровной части на ударном гласном (см. рис. 2.1.4).

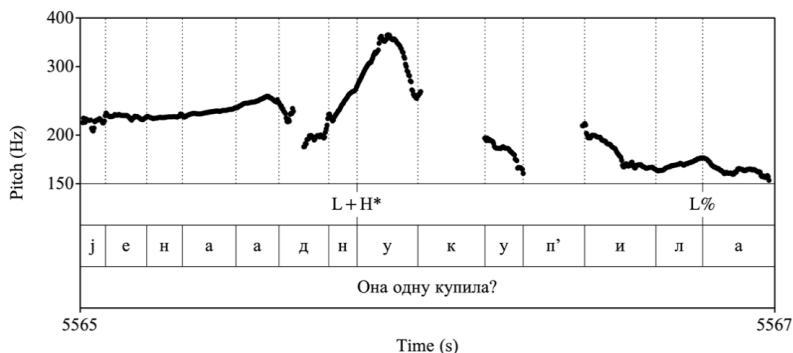

Рис. 2.1.4.

Кривая ЧОТ общего вопроса «*Она одну купила?*» (ВИИ1936)

2.2. Селигеро-торжковский говор

В целом оформление общего вопроса в архаическом слое вышневолоцкого говора очень сходно с псковским. Самым частым в нем также является вариант H* – 80% всех случаев (КАП – 40 из 51, ЗВП – 41 из 51), см. рис. 2.2.1, 2.2.2.

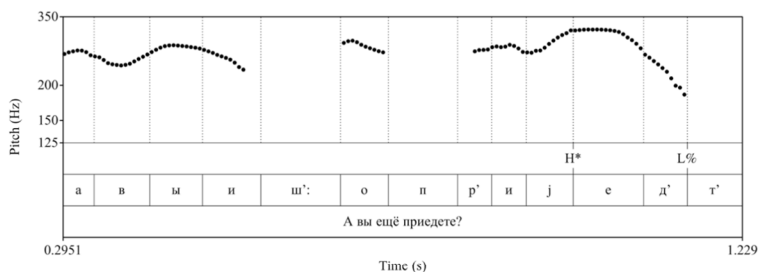

Рис. 2.2.1.

Кривая ЧОТ общего вопроса «А вы ещё приедете?» (ЗВП1927)

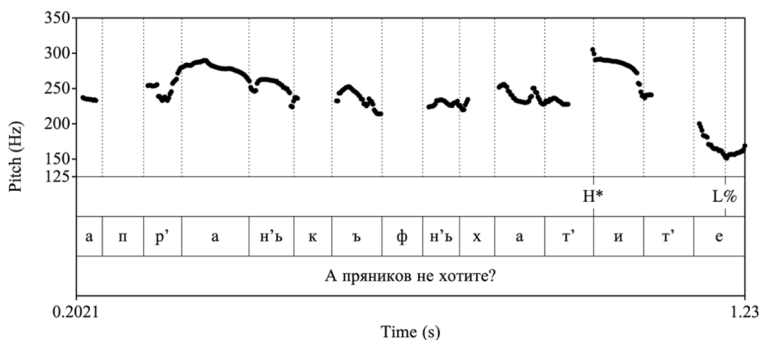

Рис. 2.2.2.

Кривая ЧОТ общего вопроса «А пряников не хотите?» (КАП1929)

При этом акцент (L+) H* (без падения на ударном гласном, рис. 2.2.3) встречается относительно реже, чем в псковском говоре, а акцент L+H* (рис. 2.2.4) – гораздо чаще, нежели в Дарьине.

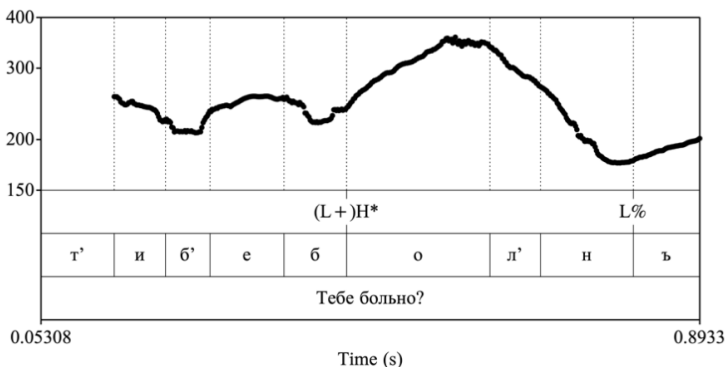

Рис. 2.2.3.

Кривая ЧОТ общего вопроса «Тебе больно?» (ЗВП1927)

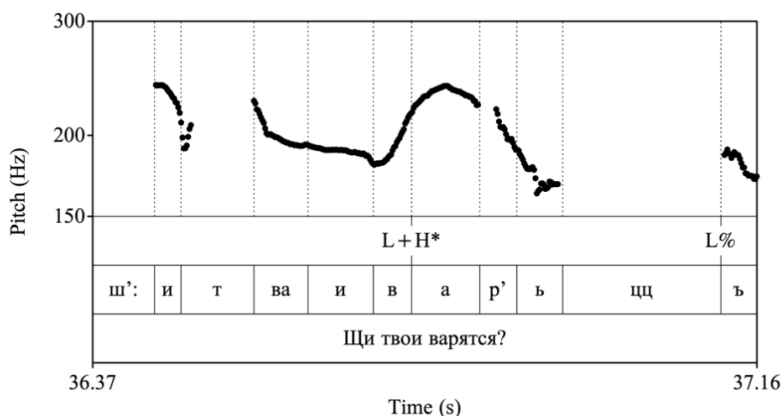

Рис. 2.2.4.

Кривая ЧОТ общего вопроса «*Щи твои варятся?*» (КАП1929)

2.3. Выводы

Итак, между псковским и селигеро-торжковским говорами наблюдается явное сходство в отношении типов тональных акцентов, используемых при оформлении общего вопроса; различие же сводится к распределению их вариантов: если в Дарьине на смену уровневому Н* (ровный высокий) приходит весьма близкий ему (L+) Н* (восходящий + ровный высокий тон), то в Федове и Ильинском – преимущественно L+H* (восходящий + нисходящий).

3. Незавершенность

Как и в большинстве русских говоров, в островском и вышневолоцком незавершенность оформляется преимущественно теми же тональными акцентами, что и общий вопрос, но с большей вариативностью в выборе конечного пограничного тона: в вопросе он низкий (L%), в незавершенных высказываниях может быть и высоким (H%).

3.1. Псковский говор

Как и в общем вопросе, при оформлении незавершенности в Дарьине наиболее частотным вариантом восходящего тонального акцента является Н* (см. рис. 3.1.1, 3.1.2), почти столь же часто встречается (L+) Н* (см. рис. 3.1.3), реже всего – L+Н* (см. рис. 3.1.4). Конечный пограничный тон может быть как низким (в сочетании со всеми этими типами, см. рис. 3.1.1–3.1.4), так и высоким (обычно после акцента (L+) Н*, см. рис. 3.1.5).

Рис. 3.1.1.

Кривая ЧОТ синтагмы «(Я когда поехала в Остров)
вступать в комсомол...» (ВИИ1936)

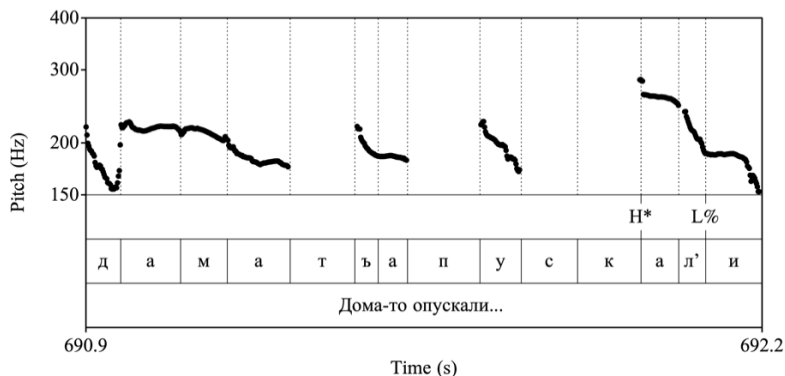

Рис. 3.1.2.

Кривая ЧОТ синтагмы «Дома-то опускали...» (ТИИ1932)

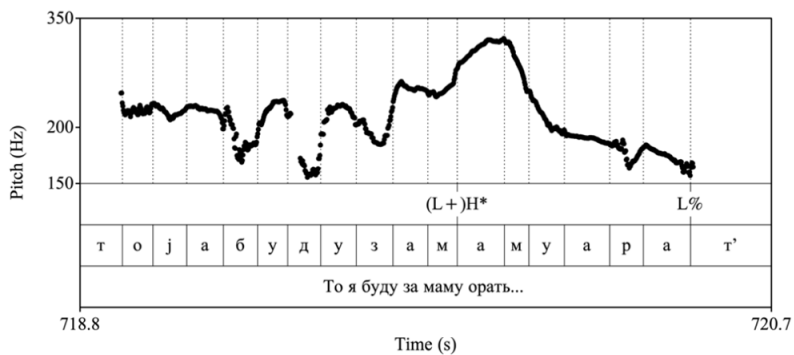

Рис. 3.1.3.

Кривая ЧОТ синтагмы «То я буду за маму орать...» (ВИИ1936)

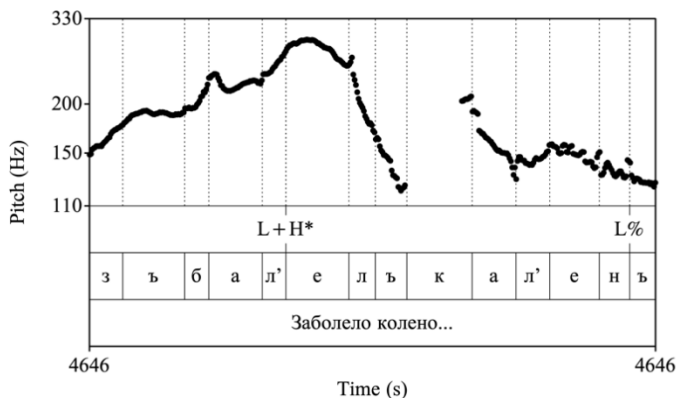

Рис. 3.1.4.

Кривая ЧОТ синтагмы «Заболело колено..» (ТИИ1932)

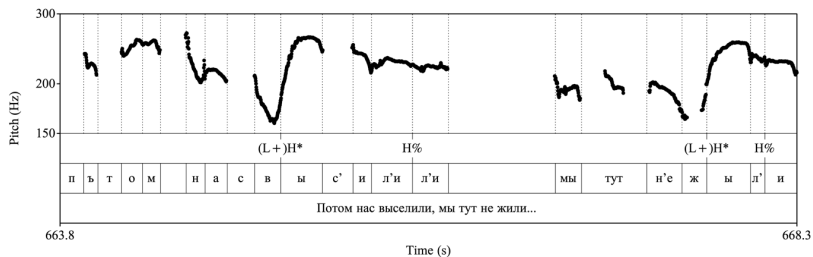

Рис. 3.1.5.

Кривая ЧОТ фрагмента «Потом нас выселили,
мы тут не жили...» (ВИИ1936)

3.2. Селигеро-Торжковский говор

В говоре Федова / Ильинского при оформлении незавершенности наблюдается в целом та же картина, что и в Дарьине: используются те же три варианта восходящего тонального акцента – Н* (см. рис. 3.2.1, 3.2.2), (L+) Н* (см. рис. 3.2.3), L+Н* (см. рис. 3.2.4), но с преобладанием типа (L+) Н*. Конечный пограничный тон может быть низким (в сочетании со всеми вариантами, см. рис. 3.2.1–3.2.4) или высоким (обычно после акцента (L+) Н*, чаще всего при перечислении, см. рис. 3.2.5, 3.2.6).

Рис. 3.2.1.

Кривая ЧОТ синтагмы «А поругала бы...» (КАП1929)

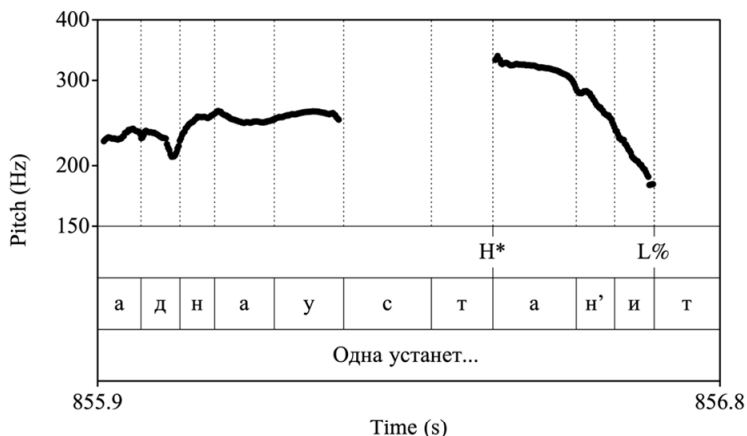

Рис. 3.2.2.

Кривая ЧОТ синтагмы «Одна устанет...» (ЗВП1927)

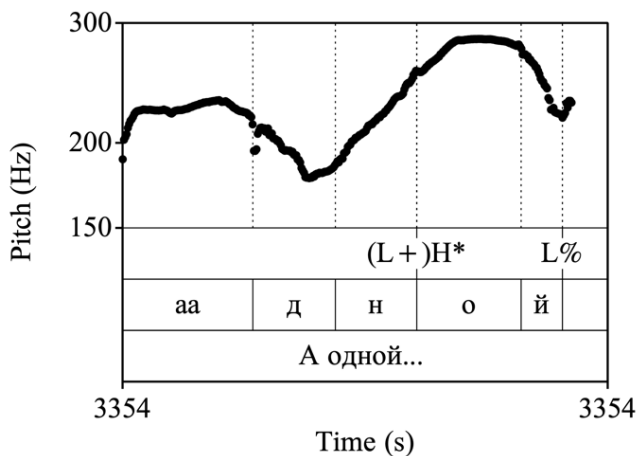

Рис. 3.2.3.
Кривая ЧОТ синтагмы «А одной...»
(ЗВП1927)

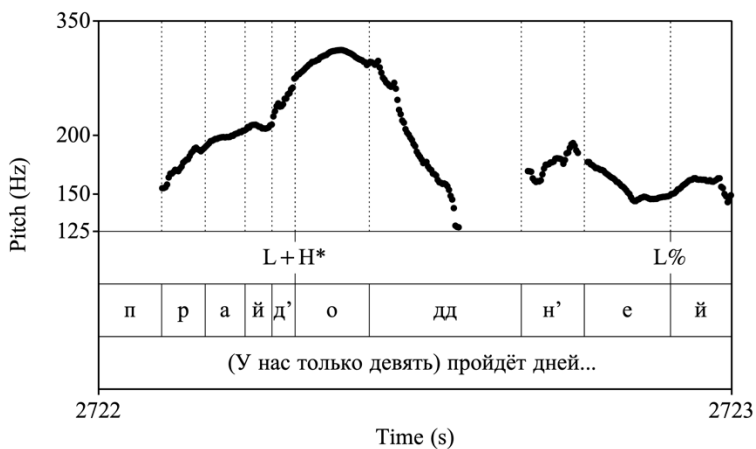

Рис. 3.2.3.
Кривая ЧОТ синтагмы «(У нас только девять)
пройдет дней...» (КАП1929)

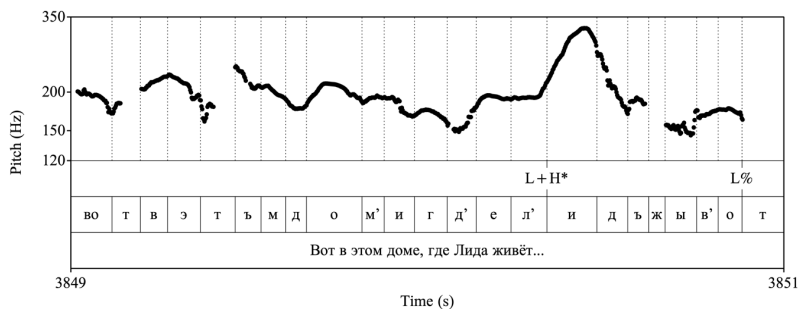

Рис. 3.2.4.
Кривая ЧОТ синтагмы «Вот в этом доме,
где Лида живет...» (ЗВП1927)

Рис. 3.2.5.
Кривая ЧОТ фразы «В Удомле, в Калинин, в Волочке...»
(КАП1929)

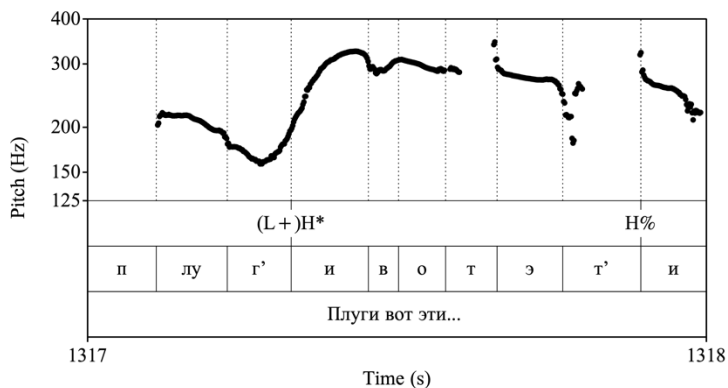

Рис. 3.2.6.
Кривая ЧОТ синтагмы «Плуги вот эти...» (ЗВП1927)

3.3. Выводы

Как и в общем вопросе, при оформлении незавершенности исследованные говоры характеризуются использованием одних и тех же вариантов восходящих акцентов, но отличаются их частотным распределением. От вопросительной просодии интонацию незавершенности отличает возможность использования высокого пограничного тона.

4. Утверждение с широким фокусом

Если в отношении интонации общего вопроса и незавершенности в исследованных нами говорах наблюдается явный параллелизм, то в плане просодического оформления утверждений с широким фокусом в псковском и селигеро-торжковском диалектах фиксируются явные фонологические различия. При этом утверждения с широким фокусом в обоих идиомах отчетливо подразделяются на две группы, различающиеся просодическим оформлением; в дальнейшем мы будем с большой долей условности называть их нейтральными и ненейтральными (оставляя пока вопрос о семантике «нейтральных» высказываний с широким фокусом открытым).

4.1. Псковский говор

Нейтральные утверждения с широким фокусом оформляются в Дарьи нетипичным для (юго-)западных говоров мелодическим контуром $\%H L^* L\%$ ¹ (см. ниже, рис. 4.1.1–4.1.6): фраза начинается с высокого (фонетически – иногда сверхвысокого, рис. 4.1.2, 4.1.3, 4.1.5) пограничного тона ($\%H$), после чего сразу следует резкое падение до низкого (L^*), затем ЧОТ сохраняется на низком уровне до самого конца фразы ($L\%$).

¹ Подробнее о нем см.: [Князев 2024].

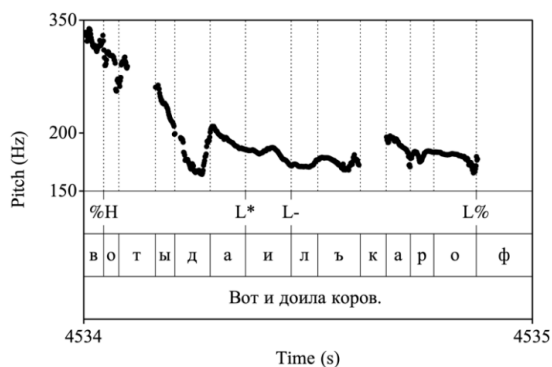

Рис. 4.1.1.

Кривая ЧОТ фразы «Вот и доила коров» (ВИИ1936)

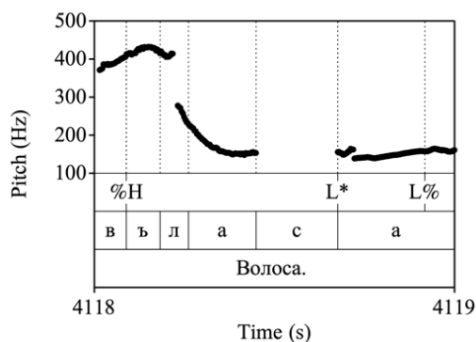

Рис. 4.1.2.

Кривая ЧОТ фразы «Волоса» (ТИИ1932)

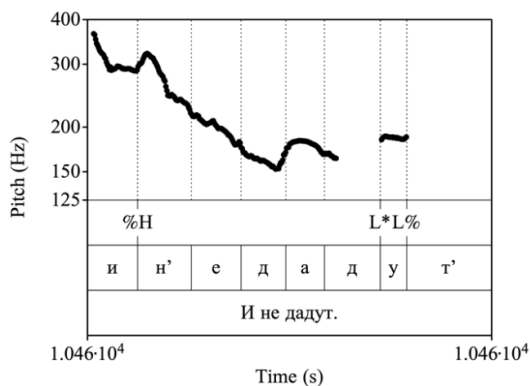

Рис. 4.1.3.

Кривая ЧОТ фразы «И не дадут» (ВИИ1936)

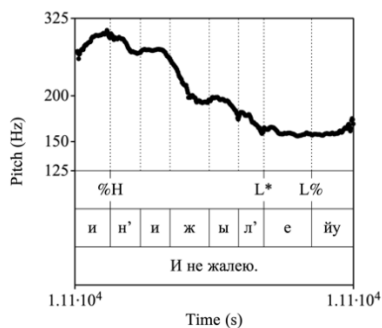

Рис. 4.1.4.

Кривая ЧОТ фразы «И не жалею» (ВИИ1936)

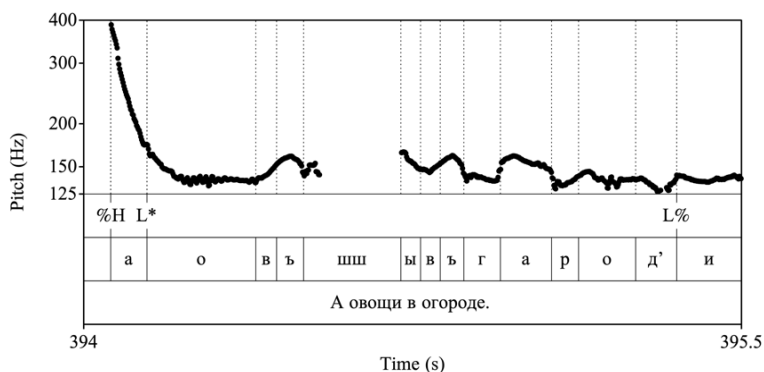

Рис. 4.1.5.

Кривая ЧОТ фразы «А овощи в огороде» (ТИИ1932)

Рис. 4.1.6.

Кривая ЧОТ фразы «И корову надо было попасть» (ТИИ1932)

Ненейтральные утверждения с широким фокусом характеризуются такой же начальной частью: фраза начинается с высокого пограничного тона (%H), после чего сразу следует резкое падение до низкого, затем во второй части ударного гласного начинается повышение ЧОТ, продолжающееся обычно в инициали заударного слога (тональный акцент L*+H), далее происходит понижение тона, и на конечном слоге во фразе он низкий (L%) – см. рис. 4.1.7–4.1.14. Этот контур – %H L*+H L% – весьма сходен с соответствующим восточным севернорусским L*(+H) H- L% [Князев, 2023], но отличается от него отсутствием высокого тонального плато после повышения тона (H-): в псковском говоре падение ЧОТ происходит сразу.

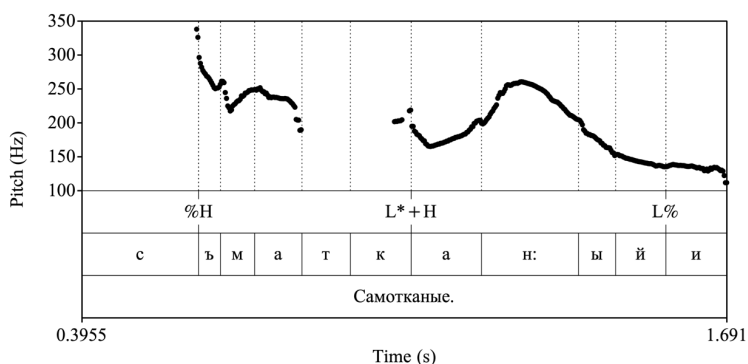

Рис. 4.1.7.

Кривая ЧОТ фразы «Самотканые» (ТИИ1932)

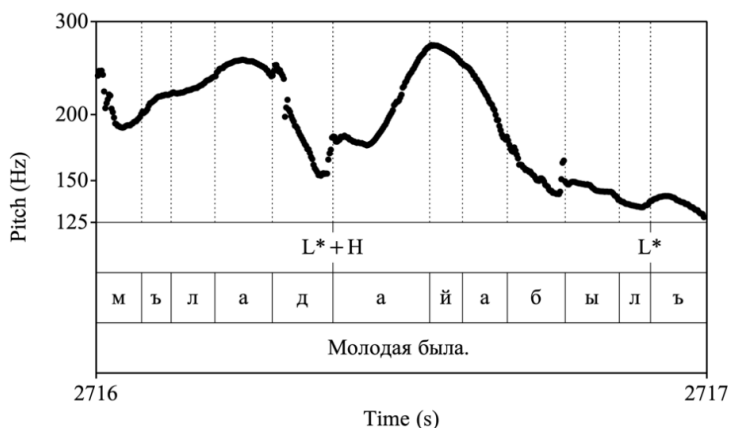

Рис. 4.1.8.

Кривая ЧОТ фразы «Молодая была» (ТИИ1932)

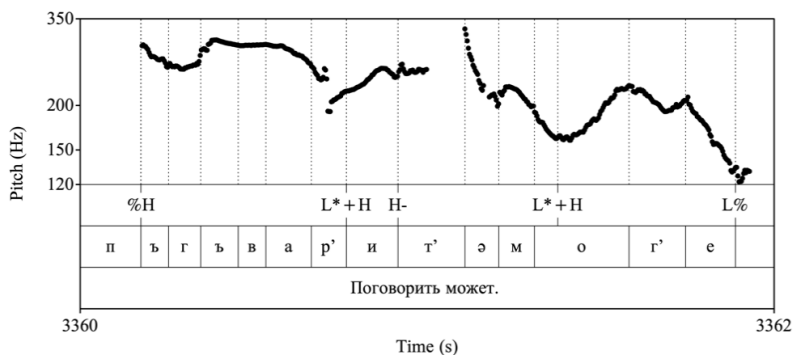

Рис. 4.1.9.

Кривая ЧОТ фразы «Поговорить может» (ТИИ1932)

Рис. 4.1.10.

Кривая ЧОТ фразы «Наверное, помогало» (ТИИ1932)

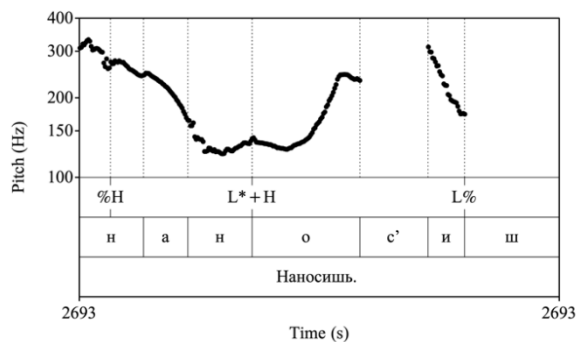

Рис. 4.1.11.

Кривая ЧОТ фразы «Наносишь» (ТИИ1932)

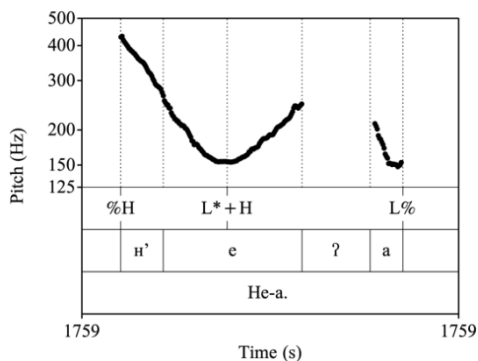

Рис. 4.1.12.
Кривая ЧОТ фразы «He-a» (ТИИ1932)

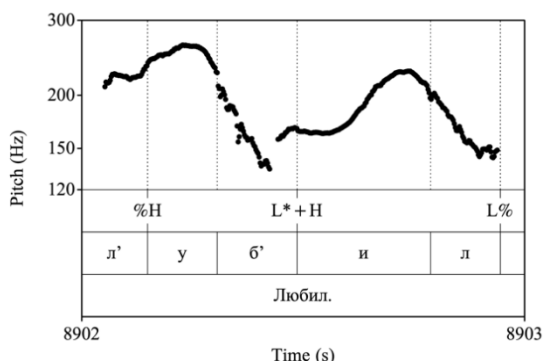

Рис. 4.1.13.
Кривая ЧОТ фразы «Любил» (ВИИ1936)

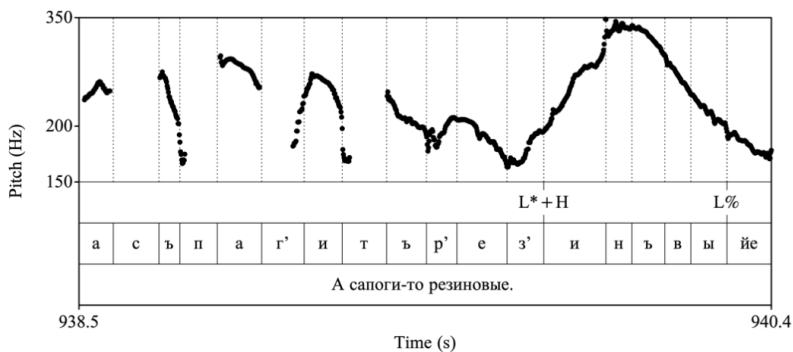

Рис. 4.1.14.
Кривая ЧОТ фразы «А сапоги-то резиновые» (ВИИ1936)

4.2. Селигеро-Торжокский говор

Просодическое оформление нейтральных утверждений с широким фокусом в Федове и Ильинском существенно разнится с тем, что зафиксировано в Дарьине. Главное отличие заключается в отсутствии в вышневолоцком говоре немедленного (на первых двух-трех слогах фразы) падения тона; наоборот, тон этот, начавшись на среднем уровне, сохраняется до ударного слога словоформы-акцентоносителя, где и происходит понижение ЧОТ, основная часть которого может приходиться на согласный инициали ударного слога, но в любом случае заканчивается до окончания ударного гласного, в заключительной части которого обычно наблюдается участок с ровным низким тоном (см. рис. 4.2.1–4.2.4). На этом основании мы интерпретируем такой тип тонального движения как нисходящий акцент с ранним таймингом – $H+L^*$. В дальнейшем тон сохраняется ровным на низком уровне до последнего слога фразы ($L\%$).

Таким образом, весь контур имеет вид $H+L^* L\%$, при этом начальные пограничные тоны в говоре Федова / Ильинского фонологически не противопоставлены – в отличие от дарьинского идиома.

Аналогичный псковскому контур $\%H L^* L\%$ тоже встречается в говоре Федова / Ильинского, но лишь в исключительных случаях (см. рис. 4.2.5).

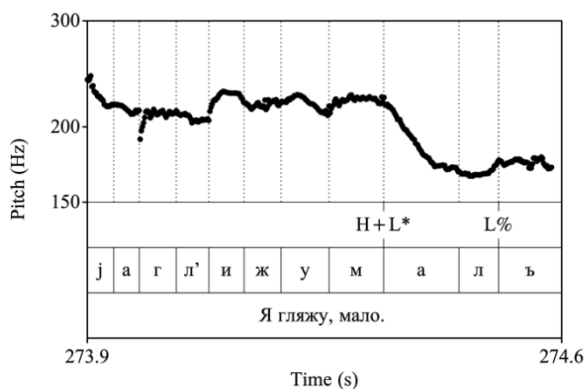

Рис. 4.2.1.

Кривая ЧОТ фразы «Я гляжу, мало» (КАП1929)

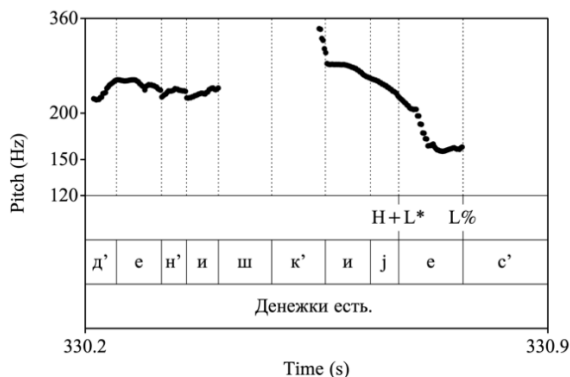

Рис. 4.2.2.

Кривая ЧОТ фразы «Денежки есть» (КАП1929)

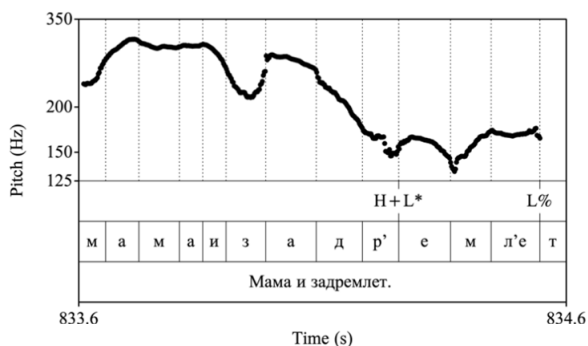

Рис. 4.2.3.

Кривая ЧОТ фразы «Мама и задремлет» (ЗВП1927)

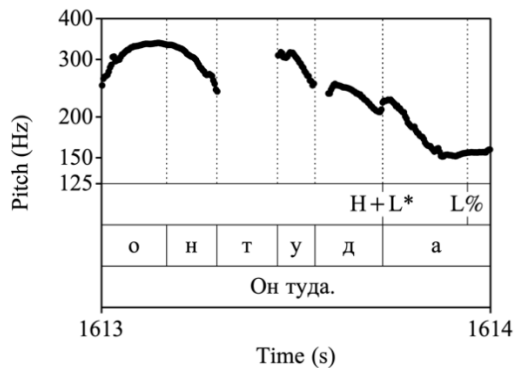

Рис. 4.2.4.

Кривая ЧОТ фразы «Он туда» (ЗВП1927)

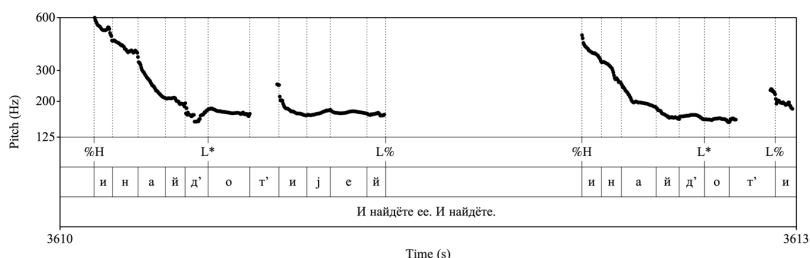

Рис. 4.2.5.

Кривая ЧОТ фраз «И найдёте её. И найдёте»
(КАП1929)

В случае ненейтрального утверждения в Федове и Ильинском за тем же тональным акцентом H+L* следует не низкий пограничный тон (L%), а восходящий (LH%) (см. рис. 4.2.6–4.2.9); причем повышение ЧОТ ассоциировано обычно с самым последним слогом фразы¹ (см. рис. 4.2.10–4.2.11).

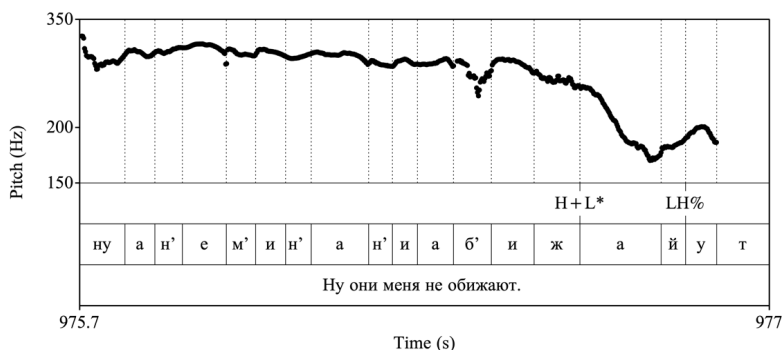

Рис. 4.2.6.

Кривая ЧОТ фразы «Ну они меня не обижают»
(КАП1929)

¹ И этим данный контур отличается от ИК-4 литературного языка, где повышение ЧОТ после тонального акцента не привязано строго к конечному слогу [Князев, Савельева, 2021].

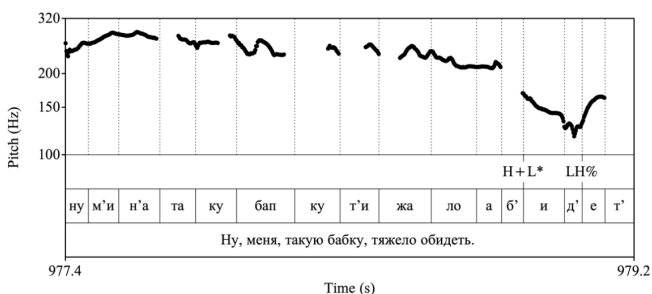

Рис. 4.2.7.

Кривая ЧОТ фразы «Ну, меня, такую бабу, тяжело обидеть» (КАП1929)

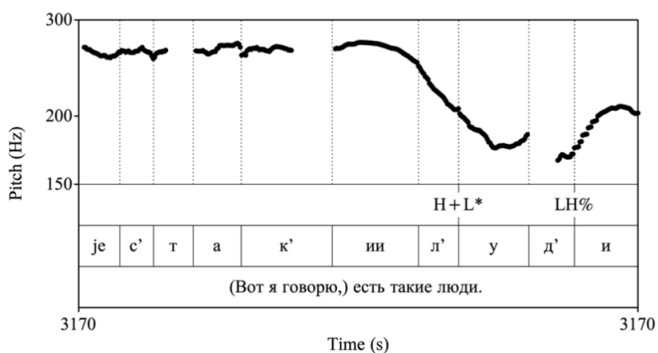

Рис. 4.2.8.

Кривая ЧОТ фрагмента «(Вот я говорю,) есть такие люди» (КАП1929)

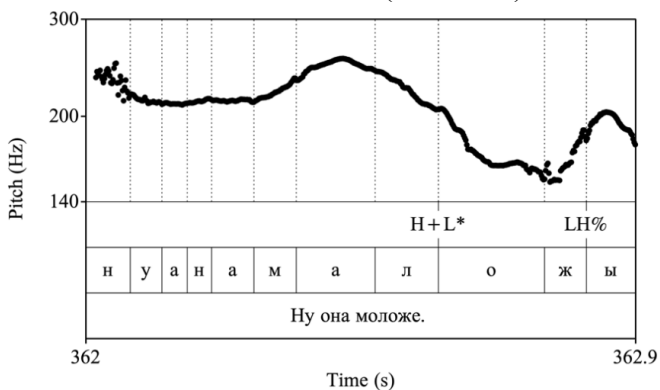

Рис. 4.2.9.

Кривая ЧОТ фразы «Ну она моложе» (ЗВП1927)

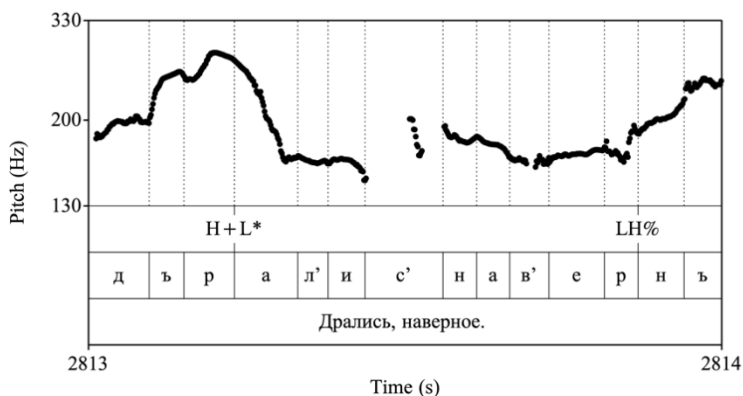

Рис. 4.2.10.

Кривая ЧОТ фразы «Дрались, наверное» (ЗВП1927)

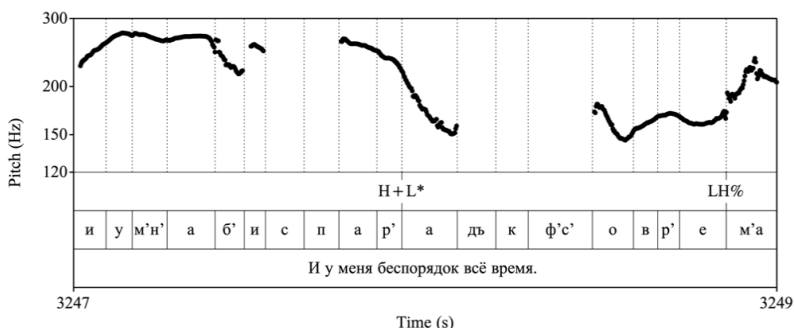

Рис. 4.2.11.

Кривая ЧОТ фразы «И у меня беспорядок все время» (ЗВП1927)

4.3. Выводы

В отношении просодического оформления нейтральных утверждений с широким фокусом в псковском и селигеро-торжковском говорах наблюдаются существенные различия, позволяющие надежно противопоставить эти два идиома: в первом засвидетельствован мелодический контур с высоким начальным пограничным тоном и тональным акцентом L* (ровный низкий тон), во втором фонологическое противопоставление начальных пограничных тонов отсутствует, утверждение с широким фокусом оформляется нисходящим тональным акцентом с ранним таймингом H+L*.

Зафиксированы также различия между говорами в способе интонационного оформления ненейтральных высказываний с широким фокусом: для вышеуказанных говоров характерен восходящий конечный пограничный тон после нисходящего тонального акцента ($H+L^* L\%$), для островского – низкий после восходящего ($\%H L^*+H L\%$).

5. Утверждение с узким фокусом

В оформлении утвердительных высказываний с узким фокусом в говорах Дарьина и Федова / Ильинского наблюдается значительный параллелизм с тем, как устроена интонация общего вопроса и незавершенности: в обоих диалектах прослеживается эволюция тонального акцента от уровневого к контурному.

5.1. Псковский говор

В островском идиоме утверждение с узким фокусом может быть оформлено тремя вариантами «нисходящего» тонального акцента:

1) ровный высокий тон на протяжении большей части ударного гласного словоформы-акцентоносителя (H^*), который мы считаем для говора исходным (рис. 5.1.1–5.1.4);

2) акцент, совмещающий в себе ровный высокий тон в начале и понижение ЧОТ во второй части гласного, – $H^*(+L)$ (см. рис. 5.1.5–5.1.9);

3) собственно нисходящее движение тона на всем протяжении ударного гласного, как в литературном языке, – H^*+L (см. рис. 5.1.10).

В отношении частотности этих типов можно сказать, что первые два (не всегда отчетливо различимые, см. рис. 5.1.5) существенно преобладают над последним¹.

¹ Но в речи более молодых информантов ситуация уже обратная.

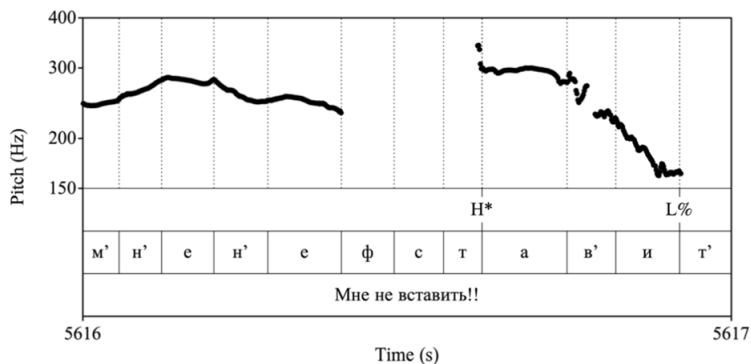

Рис. 5.1.1.

Кривая ЧОТ фразы «Мне не вставить!!» (ВИИ1936)

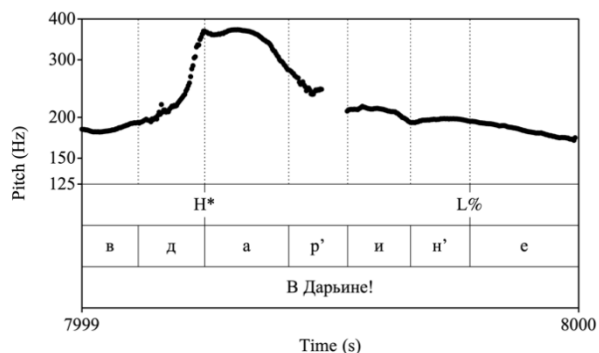

Рис. 5.1.2.

Кривая ЧОТ фразы «В Дарьине!» (ВИИ1936)

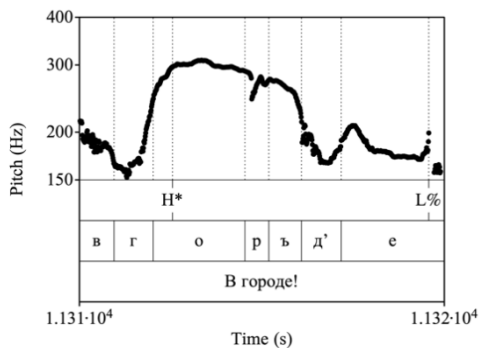

Рис. 5.1.3.

Кривая ЧОТ фразы «В городе!» (ВИИ1936)

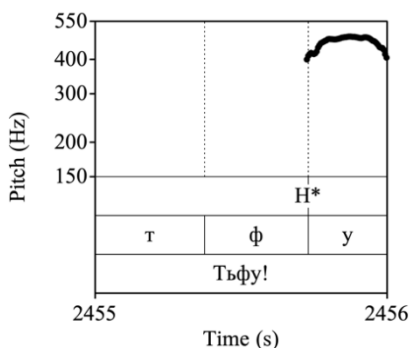

Рис. 5.1.4.
Кривая ЧОТ фразы «Тьфу!» (ТИИ1932)

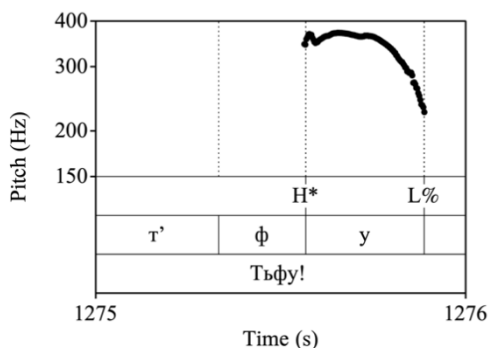

Рис. 5.1.5.
Кривая ЧОТ фразы «Тьфу!» (ВИИ1936)

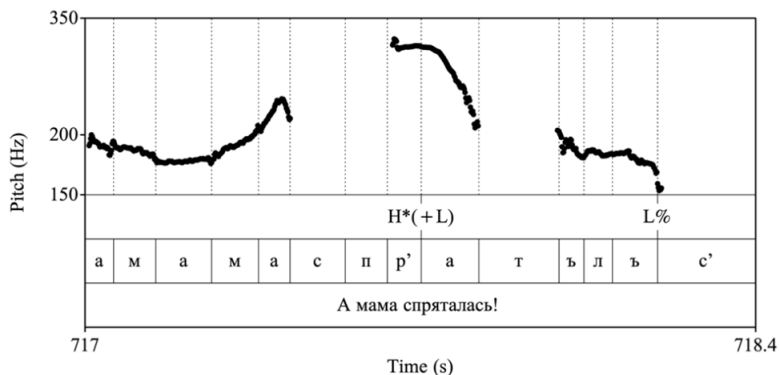

Рис. 5.1.6.
Кривая ЧОТ фразы «А мама спряталась!» (ВИИ1936)

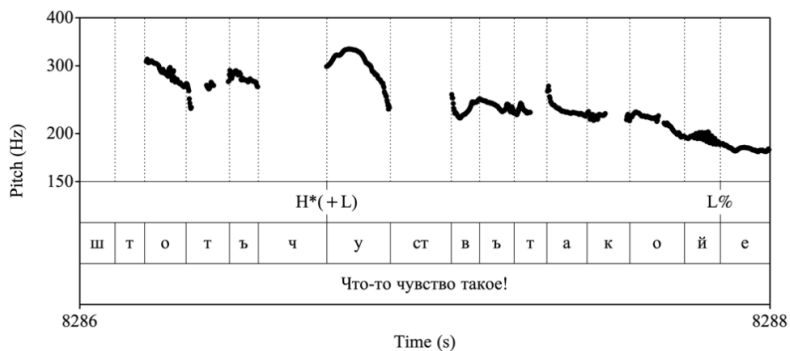

Рис. 5.1.7.

Кривая ЧОТ фразы «Что-то чувство такое!» (ВИИ1936)

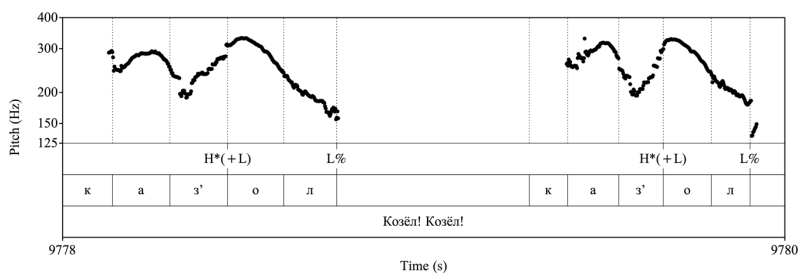

Рис. 5.1.8.

Кривая ЧОТ фраз «Козёл! Козёл!» (ВИИ1936)

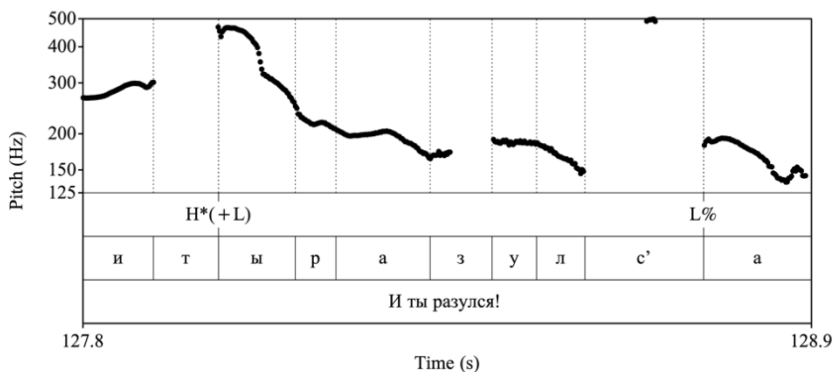
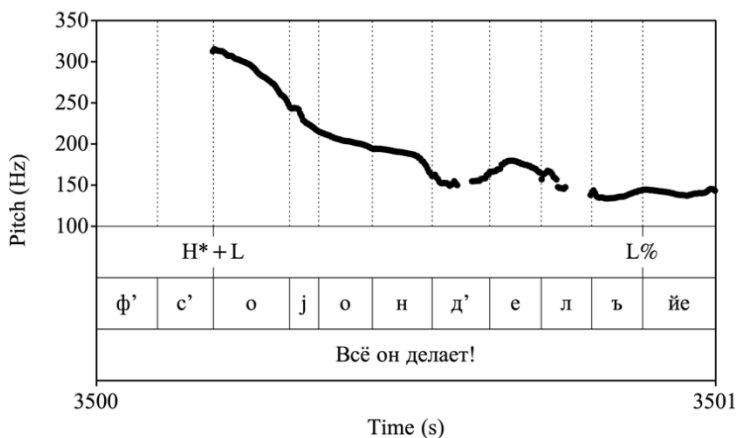

Рис. 5.1.9.

Кривая ЧОТ фразы «И ты разулся!» (ТИИ1932)

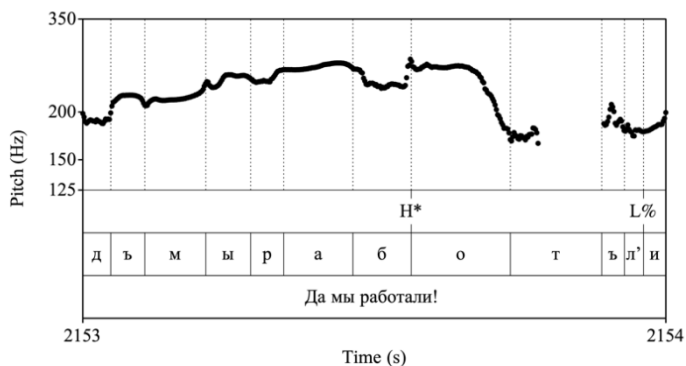

Рис. 5.2.2.

Кривая ЧОТ фразы «Да мы работали!» (ЗВП1927)

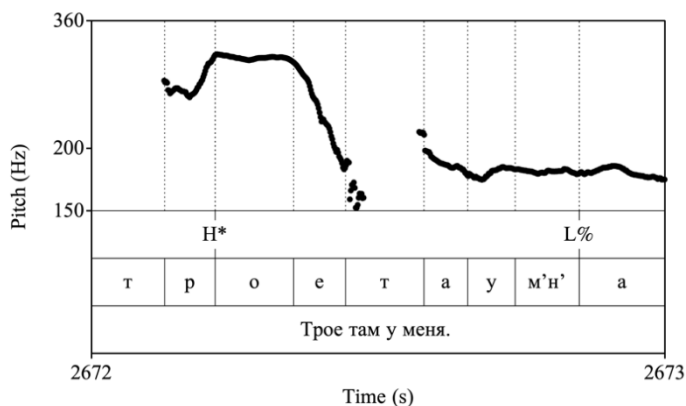

Рис. 5.2.3.

Кривая ЧОТ фразы «Трое там у меня» (ЗВП1927)

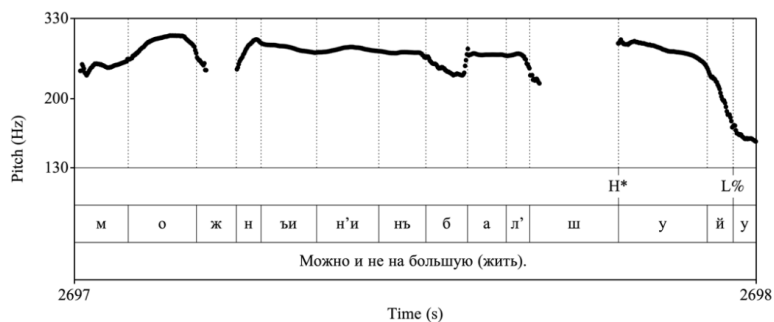

Рис. 5.2.4.

Кривая ЧОТ фразы «Можно и не на большую (жить)» (ЗВП1927)

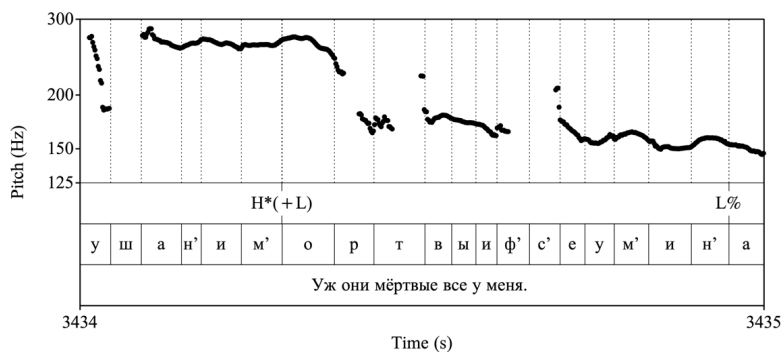

Рис. 5.2.5.

Кривая ЧОТ фразы «Уж они мертвые все у меня» (КАП1929)

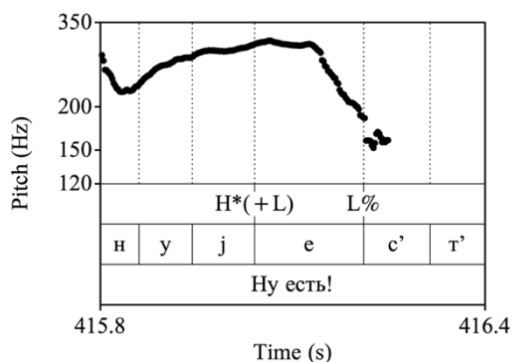

Рис. 5.2.6.

Кривая ЧОТ фразы «Ну есть!» (КАП192)

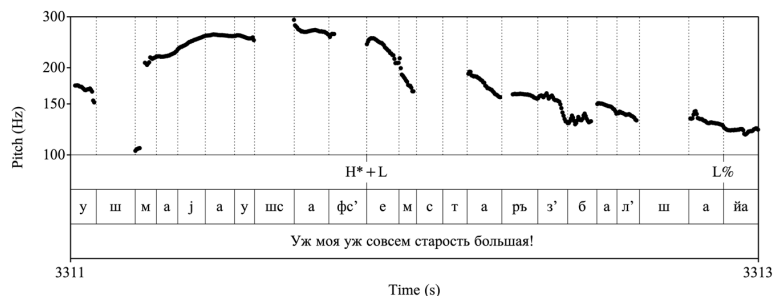

Рис. 5.2.7.

Кривая ЧОТ фразы «Уж моя уж совсем старость большая!» (ЗВП1927)

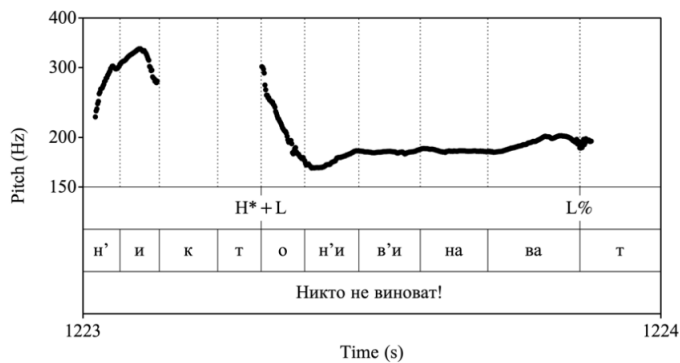

Рис. 5.2.8.

Кривая ЧОТ фразы «Никто не виноват!» (ЗВП1927)

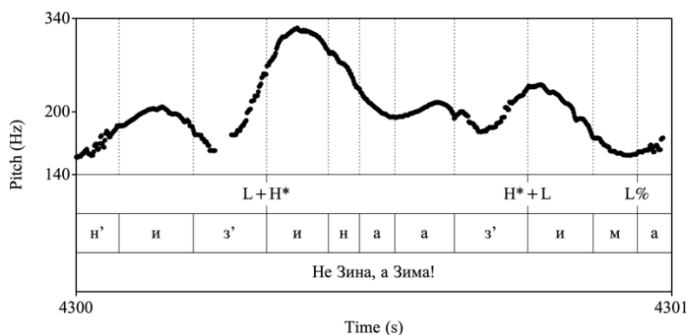

Рис. 5.2.9.

Кривая ЧОТ фразы «Не Зина, а Зима!» (ЗВП1927)

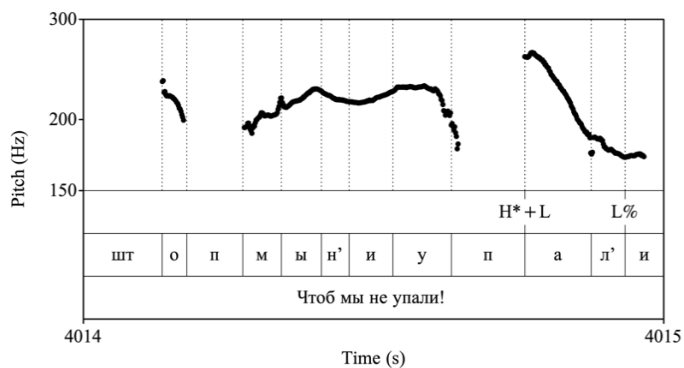

Рис. 5.2.10.

Кривая ЧОТ фразы «Чтоб мы не упали!» (ЗВП1927)

5.3. Выводы

В отношении просодического оформления утверждений с узким фокусом псковский и селигеро-торжковский говоры демонстрируют значительную степень сходства, связанную, по-видимому, с эволюцией соответствующего тонального акцента от собственно диалектного уровневого Н* (ровный высокий тон) к контурному Н*+L (нисходящий), свойственному литературному языку. Можно утверждать, что на этом пути говор Федова / Ильинского продвинулся несколько дальше дарьинского.

6. Вопрос с вопросительным словом

В целом специальный вопрос в исследованных нами западных среднерусских акающих говорах, как и в большинстве вариантов русского языка, оформляется во многом так же, как и утверждения с узким фокусом, но существуют и довольно существенные отличия.

6.1. Псковский говор

В Дарьине в оформлении специального вопроса представлены четыре варианта «нисходящего» тонального акцента – те же три, что и в утверждениях с узким фокусом:

- 1) Н* (см. рис. 6.1.1–6.1.3);
- 2) Н* (+L) (см. рис. 6.1.4);
- 3) Н*+L (см. рис. 6.1.5–6.1.8);

плюс еще один – с понижением ЧОТ, начинающимся еще до начала ударного гласного и заканчивающимся до его окончания:

4) Н+L* (см. рис. 6.1.9–6.1.11¹) (использование такого варианта в этой функции в псковском говоре возможно в силу того, что, в отличие от селигеро-торжковского, в нем этот акцент не используется при оформлении утверждений с широким фокусом).

¹ Следует обратить внимание на то, что во фразах, представленных на рис. 6.1.7 и 6.1.8, падение тона начинается довольно рано, еще на согласном инициали ударного слога, так что, строго говоря, эти примеры тоже могут интерпретироваться как содержащие акцент Н+L*.

Отметим, что в подавляющем большинстве случаев словоформой-акцентоносителем в островском говоре является вопросительное слово, и причем только оно. Пример с двумя тональными акцентами Н*+L встретился только один из общего числа в 173 вопроса (см. рис. 6.1.12).

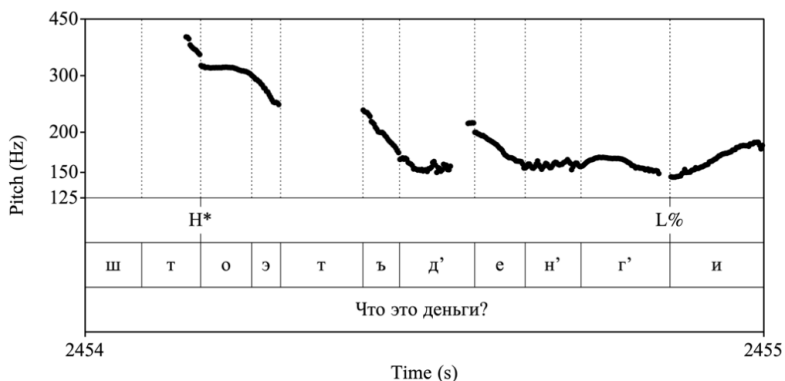

Рис. 6.1.1.

Кривая ЧОТ фразы «Что это деньги?» (ТИИ1932)

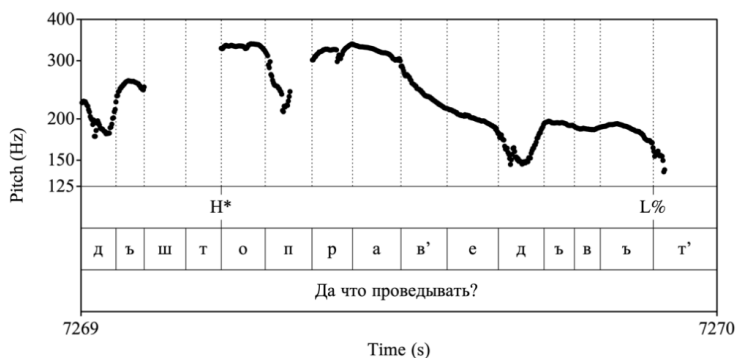

Рис. 6.1.2.

Кривая ЧОТ фразы «Да что проведывать?» (ВИИ1936)

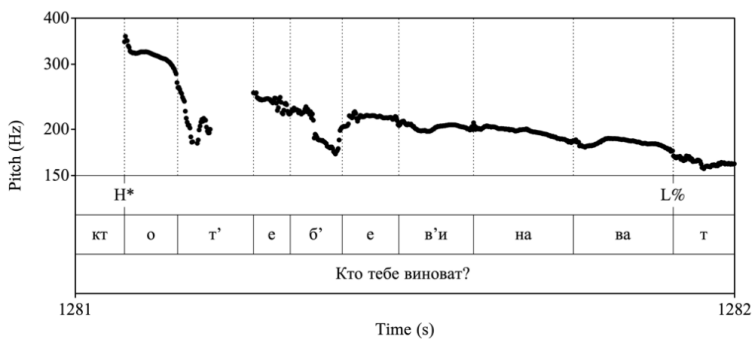

Рис. 6.1.3.

Кривая ЧОТ фразы «Кто тебе виноват?» (ВИИ1936)

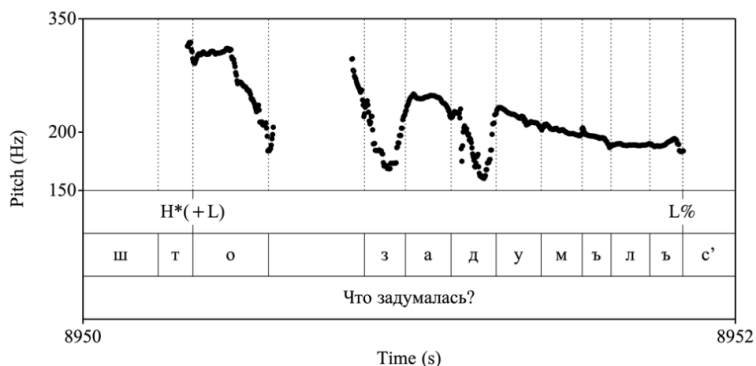

Рис. 6.1.4.

Кривая ЧОТ фразы «Что задумалась?» (ВИИ1936)

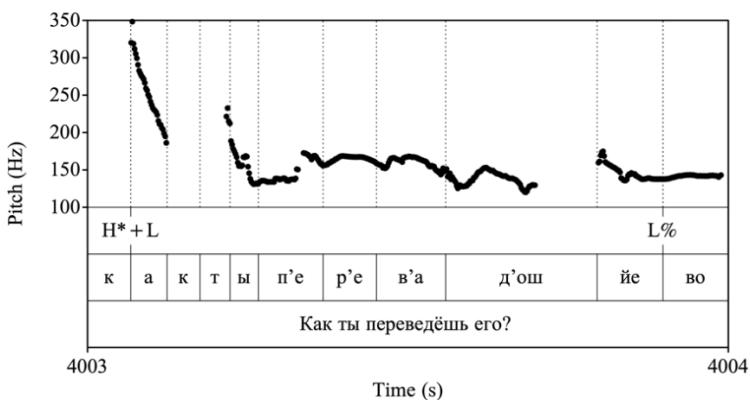

Рис. 6.1.5.

Кривая ЧОТ фразы «Как ты переведешь его?» (ВИИ1936)

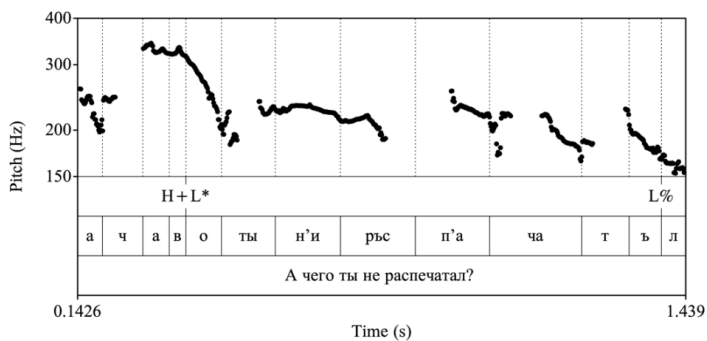

Рис. 6.1.6.

Кривая ЧОТ фразы «А чего ты не распечатал?» (ТПП1930)

Рис. 6.1.7.

Кривая ЧОТ фразы «Какие это выносливые?» (ВИИ1936)

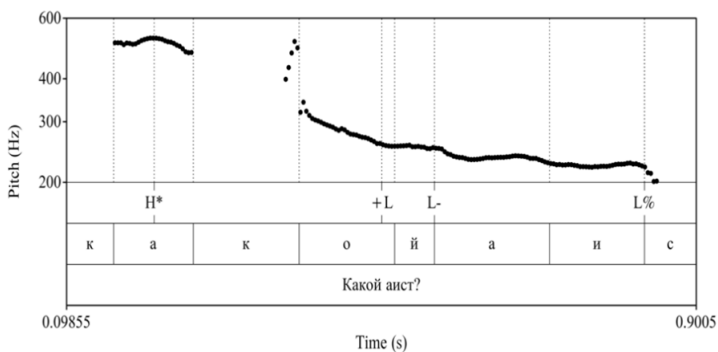
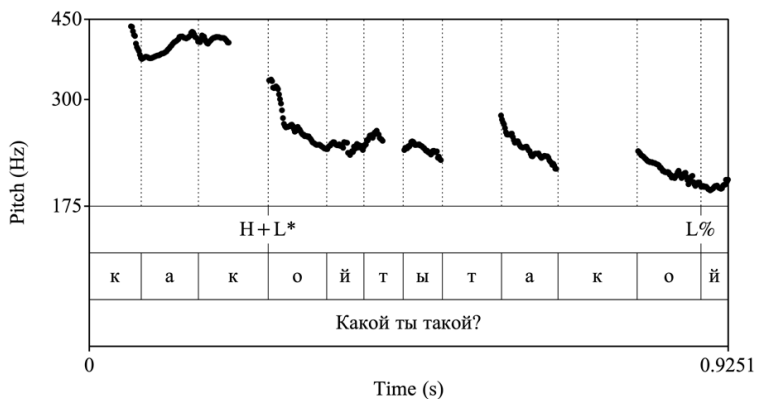
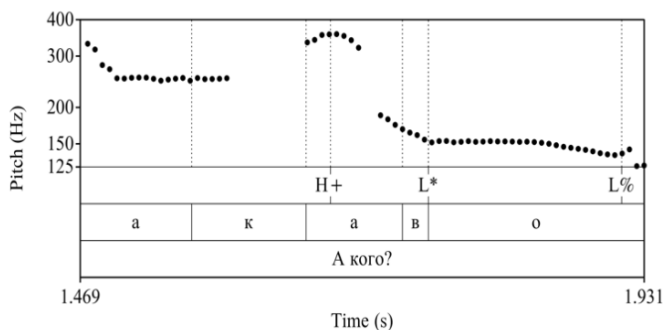

Рис. 6.1.8.

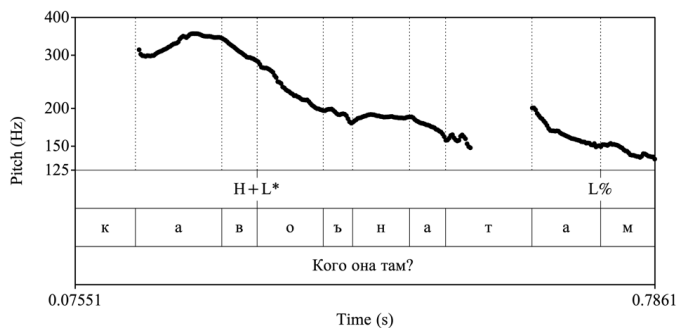
Кривая ЧОТ фразы «Какой аист?» (ТПП1930)

Кривая ЧОТ фразы «Какой ты такой?» (ТПП1930)

Кривая ЧОТ фразы «А кого?» (ТИИ1932)

Кривая ЧОТ фразы «Кого она там?» (ТПП1930)

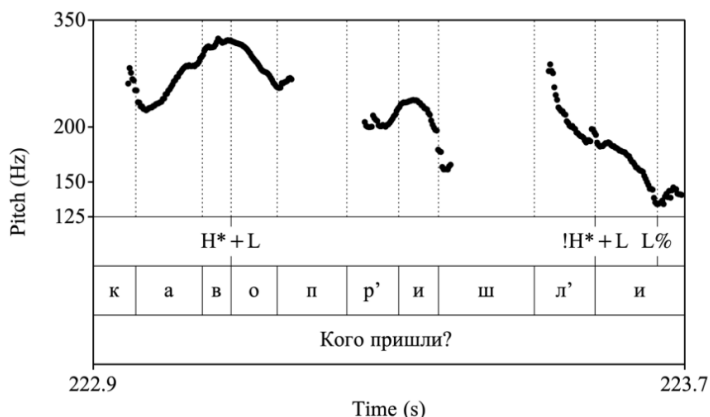

Рис. 6.1.12.

Кривая ЧОТ фразы «Кого пришли?» (ТИИ1932)

6.2. Селигеро-Торжковский говор

В Федове и Ильинском для оформления вопроса с вопросительным словом используются те же три варианта «нисходящего» тонального акцента, что и в утверждениях с узким фокусом:

- 1) H^* (см. рис. 6.2.1–6.2.3);
- 2) $H^*(+L)$ (см. рис. 6.2.4–6.2.7);
- 3) H^*+L (см. рис. 6.2.8, 6.2.9).

Среди этих вариантов с одним тональным акцентом количественно в вышневолоцком говоре явно преобладают первые два.

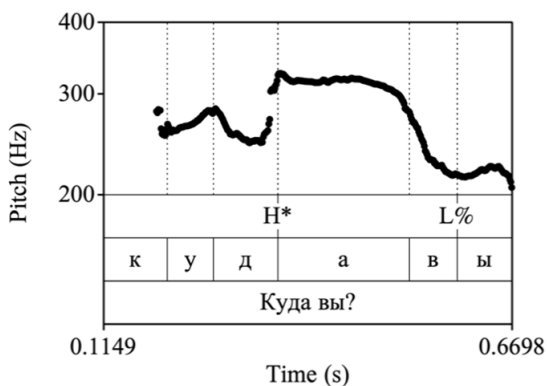

Рис. 6.2.1.

Кривая ЧОТ фразы «Куда вы?» (ЗВП1927)

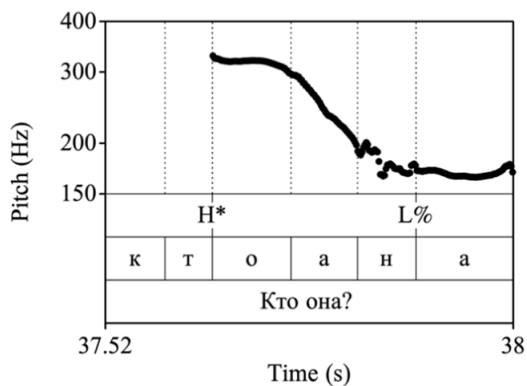

Рис. 6.2.2.

Кривая ЧОТ фразы «Кто она?» (КАП1929)

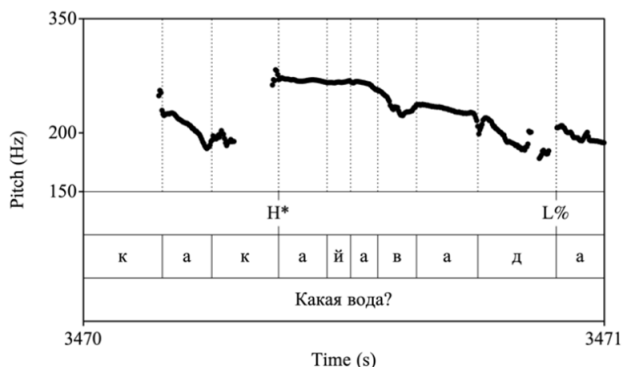

Рис. 6.2.3.

Кривая ЧОТ фразы «Какая вода?» (КАП1927)

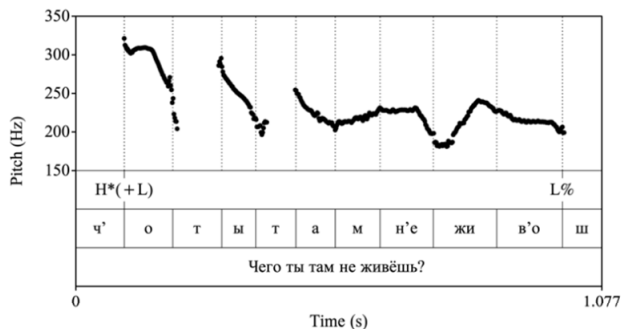

Рис. 6.2.4.

Кривая ЧОТ фразы «Чего ты там не живёшь?» (ЗВП1927)

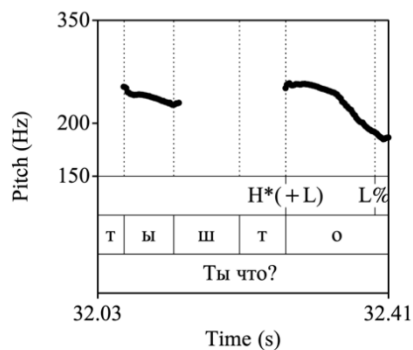

Рис. 6.2.5.

Кривая ЧОТ фразы «Ты что?» (КАП1929)

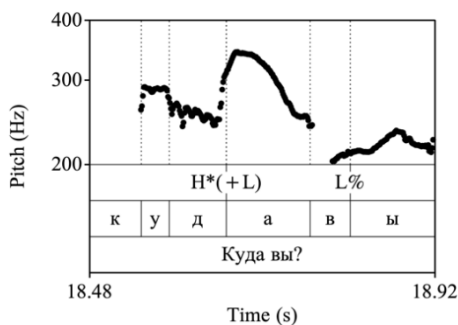

Рис. 6.2.6.

Кривая ЧОТ фразы «Куда вы?» (КАП1929)

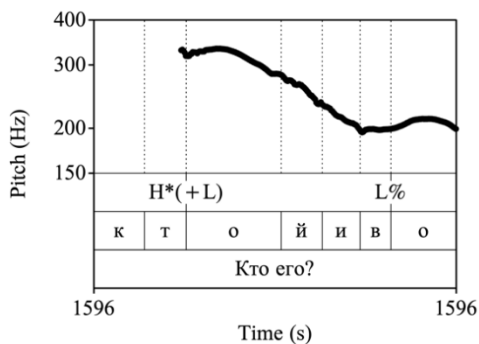

Рис. 6.2.7.

Кривая ЧОТ фразы «Кто его?» (КАП1929)

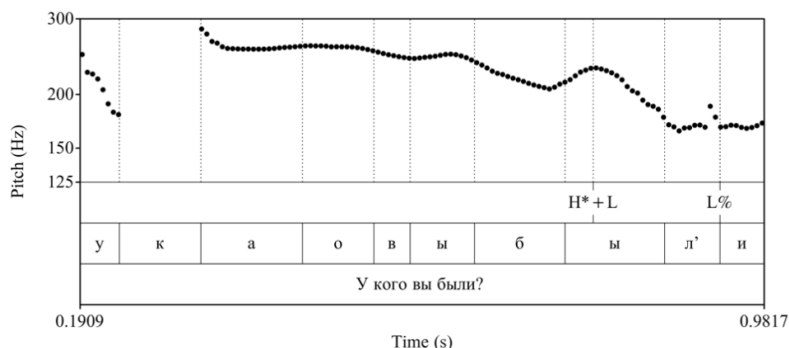

Рис. 6.2.8.

Кривая ЧОТ фразы «У кого вы были?» (ЗВП1927)

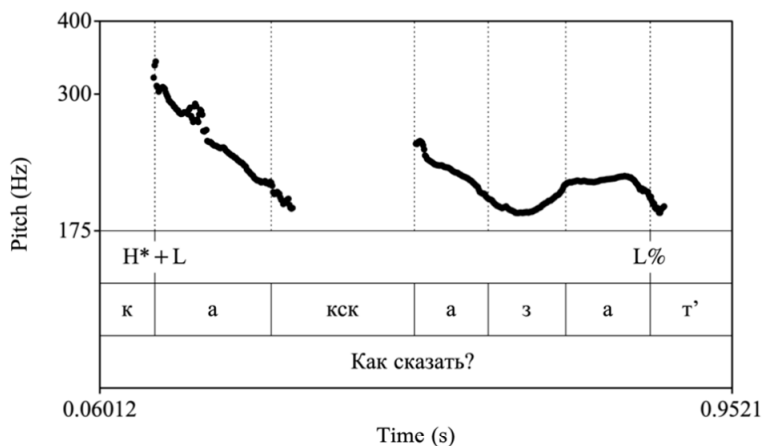

Рис. 6.2.9.

Кривая ЧОТ фразы «Как сказать?» (ЗВП1927)

Едва ли не более распространенным типом просодического оформления частного вопроса в Федове и Ильинском является вариант с двумя тональными акцентами, второй из которых обычно реализуется с даунстепом (обозначается знаком '!'') (см. рис. 6.2.10–6.2.17). Сами тональные акценты в большинстве таких случаев являются нисходящими $H^* + L$, однако достаточно регулярно встречаются и реализации с ровным высоким H^* – в качестве только первого (рис. 6.2.11, 6.2.13–6.2.16) или (гораздо реже) и первого, и второго (рис. 6.2.17). Легко видеть, что эта конструкция весьма сходна с ИК-5 литературного языка, но принципиально от-

личается от нее типом первого акцента: в СРЛЯ он восходящий, в Ильинском и Федове – нисходящий (или ровный высокий).

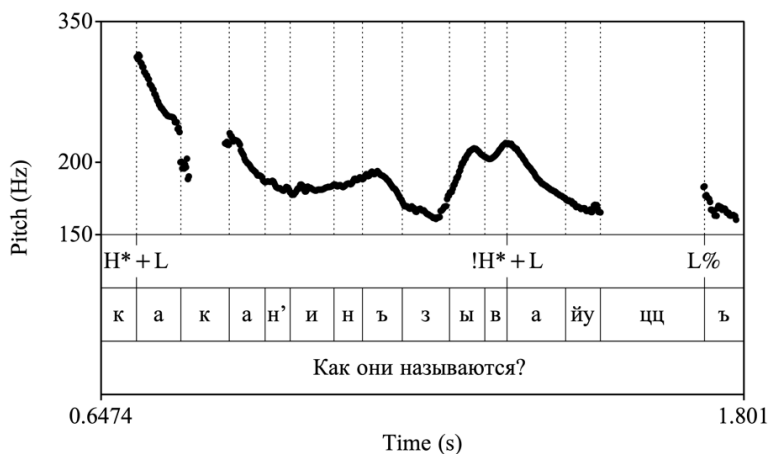

Рис. 6.2.10.
Кривая ЧОТ фразы «Как они называются?»
(ЗВП1927)

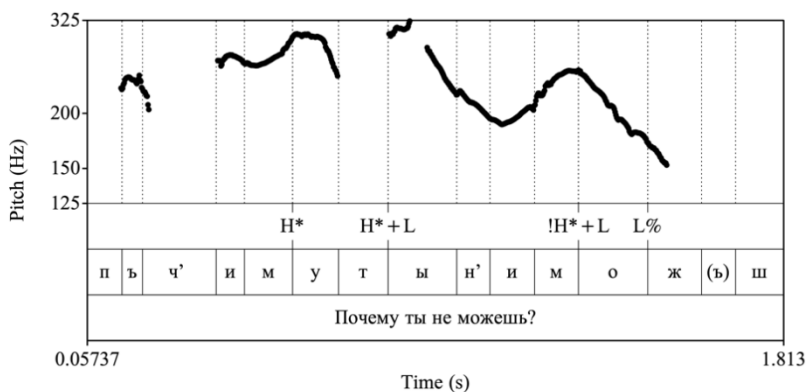

Рис. 6.2.11.
Кривая ЧОТ фразы «Почему ты не можешь?»
(ЗВП1927)

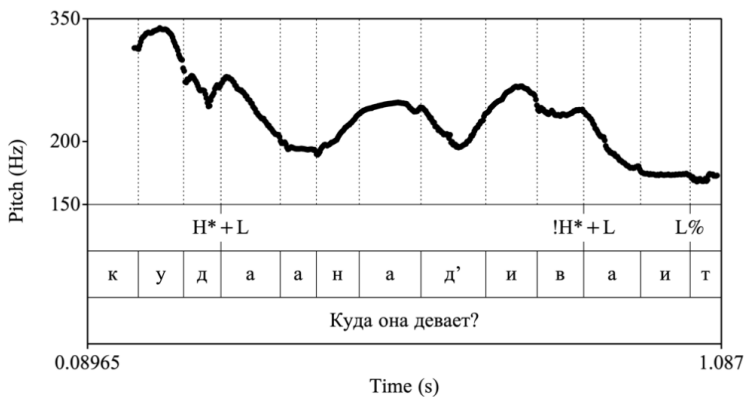

Рис. 6.2.12.

Кривая ЧОТ фразы «Куда она деваает?» (ЗВП1927)

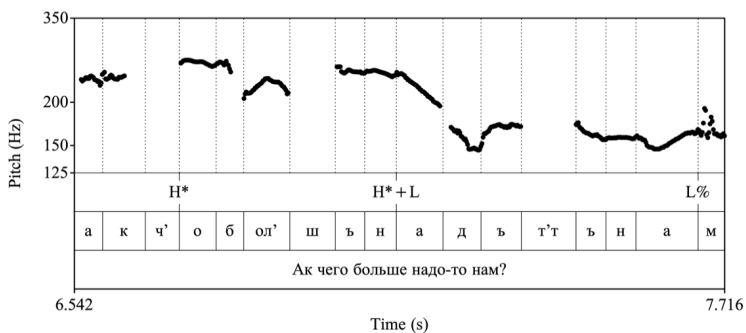

Рис. 6.2.13.

Кривая ЧОТ фразы «Ак чего больше надо-то?» (КАП1929)

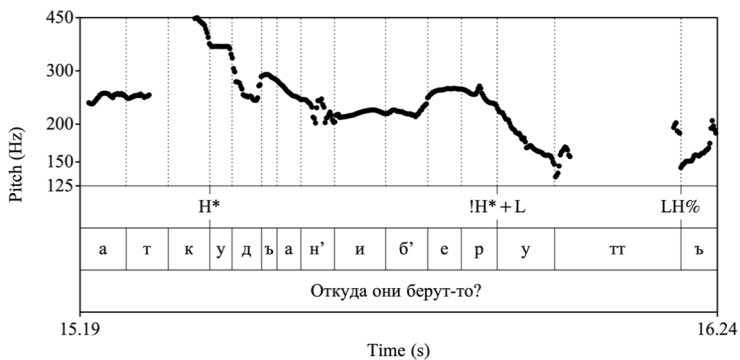

Рис. 6.2.14.

Кривая ЧОТ фразы «Откуда они берут-то?» (КАП1929)

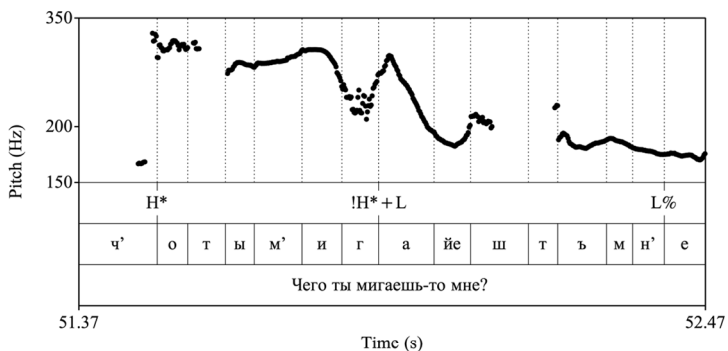

Рис. 6.2.15.

Кривая ЧОТ фразы «Чего ты мигаешь-то мне?» (КАП1929)

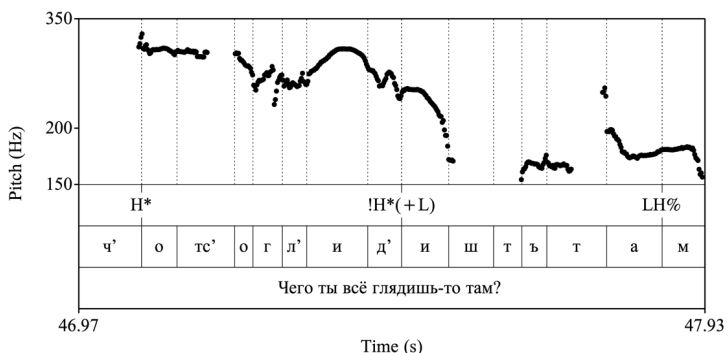

Рис. 6.2.16.

Кривая ЧОТ фразы «Чего ты все глядишь-то там?» (КАП1929)

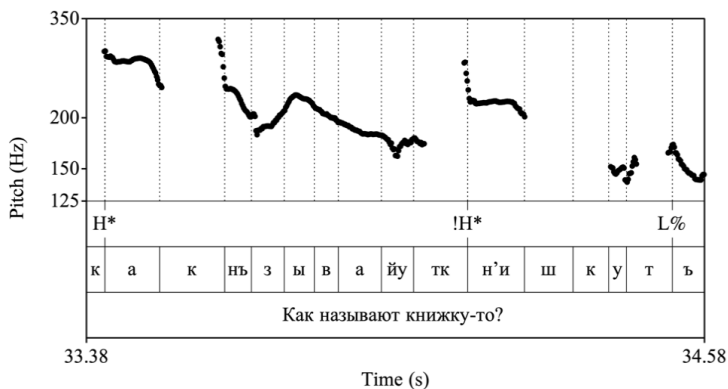

Рис. 6.2.17.

Кривая ЧОТ фразы «Как называют книжку-то?» (КАП1929)

6.3. Выводы

Итак, в псковском говоре вопрос с вопросительным словом оформляется обычно одним нисходящим акцентом с очень широкой вариативностью в отношении тайминга начала падения тона – от сверхраннего $H+L^*$ до максимально позднего H^* .

В селигеро-торжковском говоре наряду с мелодическим контуром, содержащим один тональный акцент (H^*+L , $H^*(+L)$, H^*), регулярно используется и двухакцентный контур, причем первый из этих акцентов не является восходящим.

7. Императив и вокатив

Требования и обращения встречаются в диалектных записях крайне редко, поэтому мы можем сделать лишь некоторые предварительные замечания о просодии императива и вокатива в проанализированных нами говорах.

7.1. Псковский говор

В Дарьине для оформления императивов используются те же три варианта «нисходящего» тонального акцента, что и в утверждениях с узким фокусом:

- 1) H^*+L (см. рис. 7.1.1–7.1.3);
- 2) H^* (см. рис. 7.1.4);
- 3) $H^*(+L)$ (см. рис. 7.1.5).

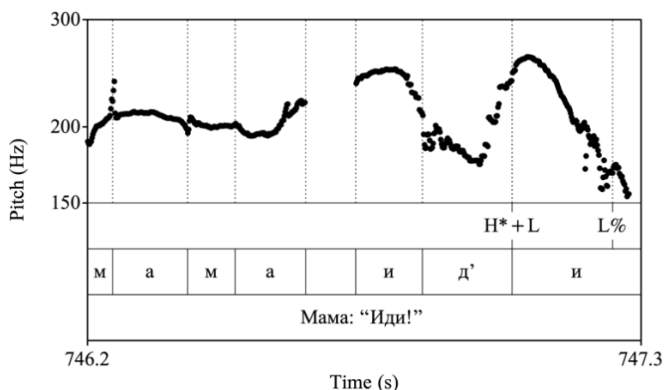

Рис. 7.1.1.

Кривая ЧОТ фразы «Мама: «Иди!»» (ВИИ1936)

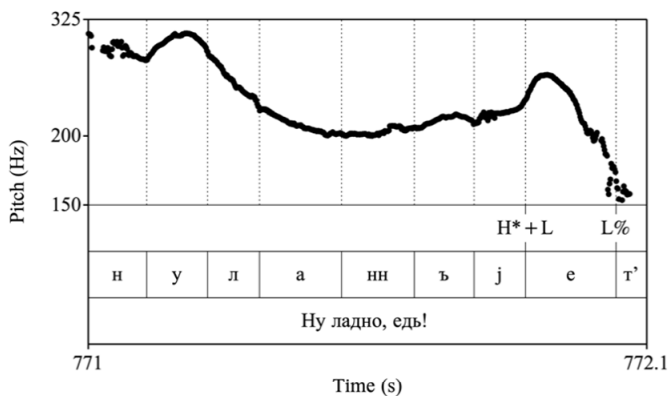

Рис. 7.1.2.

Кривая ЧОТ фразы «Ну ладно, едь!» (ВИИ1936)

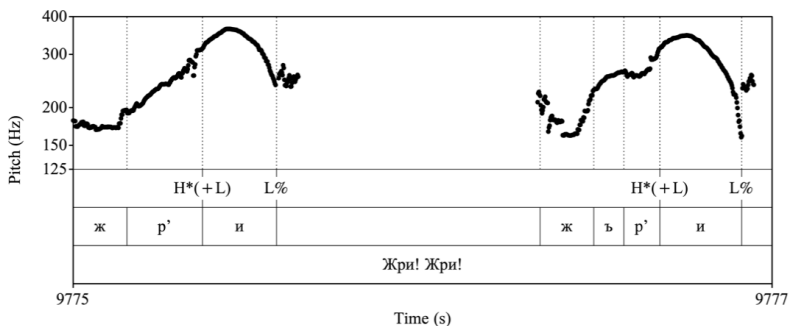

Рис. 7.1.3.

Кривая ЧОТ фразы «Жри! Жри!» (ВИИ1936)

Рис. 7.1.4.

Кривая ЧОТ фразы «Иди, дочуш, на лежанку, погрейся» (ТИИ1932)

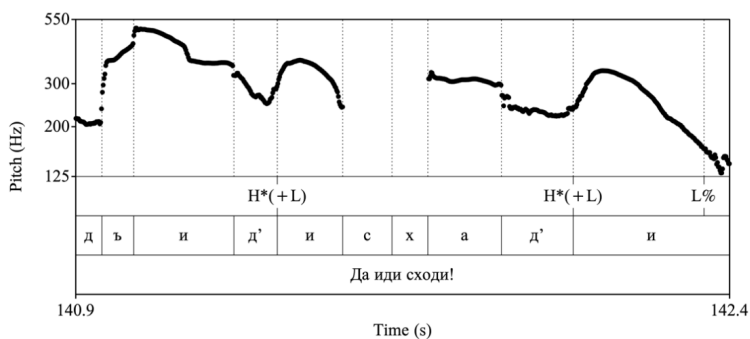

Рис. 7.1.5.

Кривая ЧОТ фразы «Да иди сходи!» (ТИИ1932)

В вокативах встречается акцент $H^*(+L)$ (см. рис. 7.1.6–7.1.9).

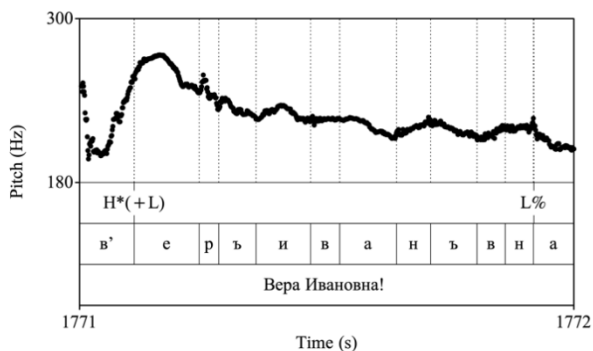

Рис. 7.1.6.

Кривая ЧОТ фразы «Вера Ивановна!» (ВИИ1936)

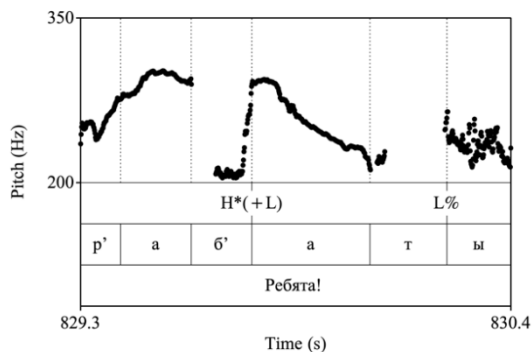

Рис. 7.1.7.

Кривая ЧОТ фразы «Ребята!» (ВИИ1936)

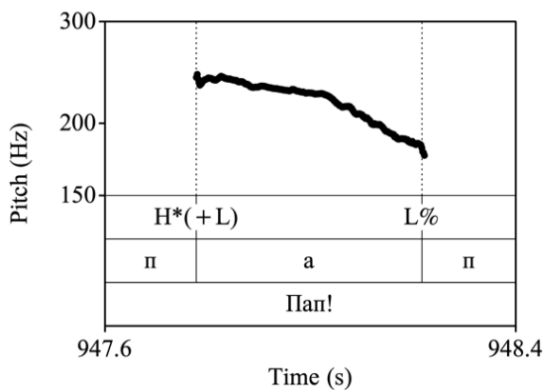

Рис. 7.1.8.
Кривая ЧОТ фразы «*Пап!*» (ВИИ1936)

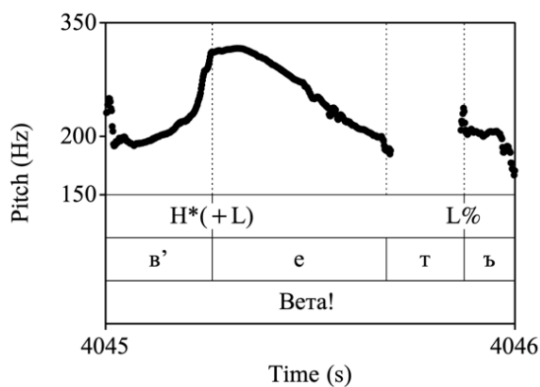

Рис. 7.1.9.
Кривая ЧОТ фразы «*Бета!*» (ВИИ1936)

7.2. Селигеро-торжковский говор

В Федове и Ильинском при оформлении императива зафиксированы акценты H^*+L (см. рис. 7.2.1) и $H^*(+L)$ (см. рис. 7.2.2).

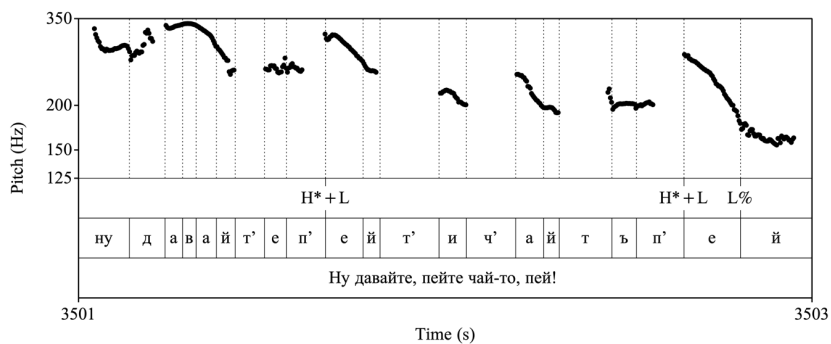

Рис. 7.2.1.
Кривая ЧОТ фразы «Ну давайте, пейте чай-то, пей!»
(КАП1929)

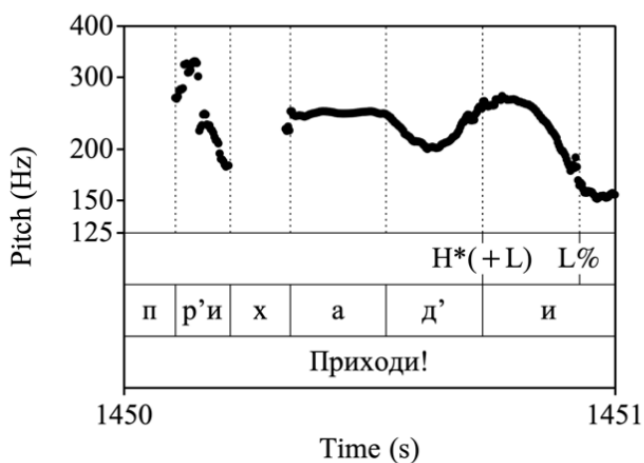

Рис. 7.2.2.
Кривая ЧОТ фразы «Приходи!» (ЗВП1927)

В вокативах отмечены акценты H^* (рис. 7.2.3) и $H^*(+L)$ (см. рис. 7.2.4–7.1.6).

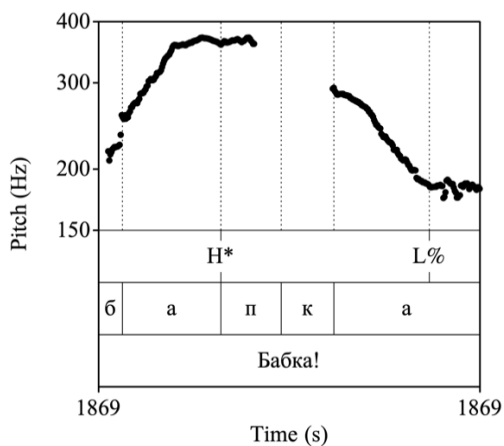

Рис. 7.2.3.
Кривая ЧОТ фразы «Бабка!» (КАП1929)

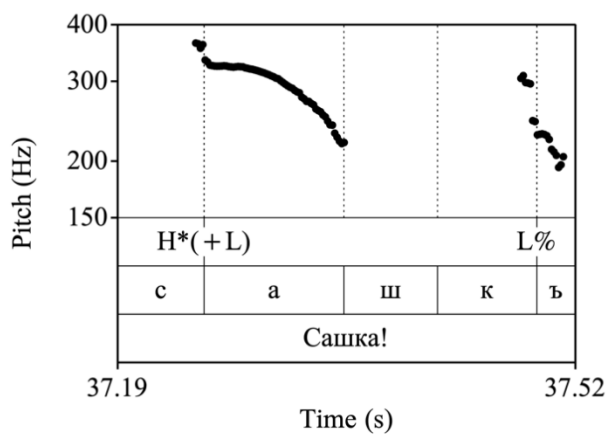

Рис. 7.2.4.
Кривая ЧОТ фразы «Сашка!» (КАП1929)

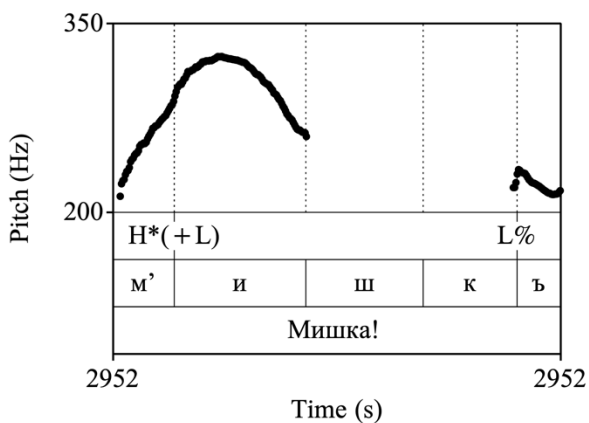

Рис. 7.2.5.

Кривая ЧОТ фразы «Мишка!» (ЗВП1927)

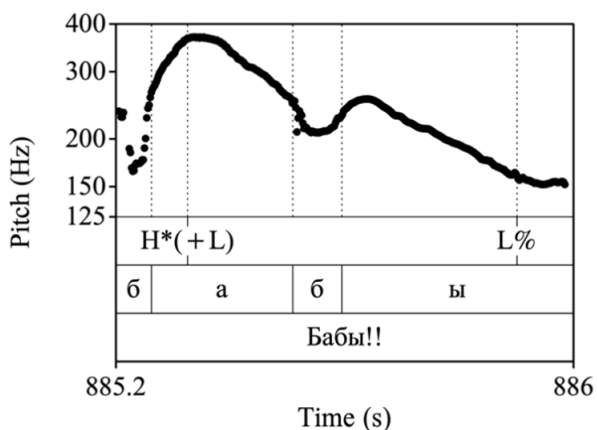

Рис. 7.2.6.

Кривая ЧОТ фразы «Бабы!!» (ЗВП1927)

7.3. Выводы

Таким образом, предварительно можно отметить, что просодическое оформление обращений и императивов в исследованных говорах сходно с интонацией, которая характерна для утверждений с узким фокусом.

8. Заключение

8.1. Проведенный нами анализ фразовой просодии в архаическом слое западных среднерусских акающих говоров Островского района Псковской области и Вышневолоцкого района Тверской области на материале спонтанной речи информантов 1927–1936 гг. рождения дает основания утверждать, что:

1) между этими говорами существует значительная близость в оформлении общего вопроса и незавершенности; отличия между ними заключаются лишь в количественном распределении вариантов «восходящих» тональных акцентов: в первом уровневый H^* постепенно сменяется весьма сходным с ним $(L+)$ H^* , во втором – восходяще-нисходящим $L+H^*$;

2) в островском говоре для специального вопроса характерен мелодический контур с одним нисходящим акцентом с весьма значительным разнообразием в реализации: его тайминг варьирует от сверххранного $H+L^*$ до максимально позднего H^* , в вышневолоцком наряду с контуром, содержащим один тональный акцент (H^*+L , $H^*(+L)$ или H^*), имеет место и двухакцентный контур, ни один из акцентов которого не является восходящим;

3) при оформлении нейтральных утверждений с широким фокусом в исследованных говорах наблюдаются максимальные различия: в псковском стандартным является мелодический контур с высоким начальным пограничным тоном $\%H L^* L\%$, в селигеро-торжковском – $H+L^* L\%$;

4) ненейтральные высказывания с широким фокусом в вышневолоцких говорах маркируются восходящим конечным пограничным тоном после нисходящего тонального акцента ($H+L^* L H\%$), в островских – низким после восходящего ($\%H L^*+H L\%$);

5) в отношении просодического оформления утверждений с узким фокусом (а также, по-видимому, вокатива и императива) псковский и селигеро-торжковский говоры демонстрируют значительную степень схождения в реализации «нисходящих» тональных акцентов с разными типами тайминга.

Полученные нами данные дают основания утверждать, что в обоих говорах наблюдается эволюция системы тональных акцентов, заключающаяся в постепенном переходе от собственно диалектных уровневых H^* и L^* к контурным (нисходящим и восходящим), свойственным литературному языку, причем на этом пути селигеро-торжковский говор продвинулся существенно дальше псковского.

8.2. В заключение приведем некоторые соображения о возможном фонологическом описании исследованных нами говоров. Мы постулируем следующий набор тональных просодических средств для селигеро-торжковского говора:

1) фонологическое противопоставление начальных пограничных тонов отсутствует;

2) конечные пограничные тоны – L% (низкий), H% (высокий), LH% (восходящий);

3) тональные акценты – H+L*, H*(+L), (L+) H*/L+H*.

Для псковского говора:

1) начальные пограничные тоны – %L (низкий), %H (высокий);

2) конечные пограничные тоны – L% (низкий), H% (высокий);

3) тональные акценты – L*, H*(+L), (L+) H*, L*+H.

8.2.3. Утверждения с широким фокусом представляются в обоих говорах наиболее стабильной (наименее вариативной) частью системы и однозначно описываются в островском говоре конструкциями %H L* L% (нейтральные) и %H L*+H L% (ненейтральные), а в вышневолоцком – H+L* L% (нейтральные) и H+L* LH% (ненейтральные).

Утверждения с узким фокусом (а также вокатив и императив), наоборот, весьма вариативны. Мы считаем, что для настоящего момента эволюции системы фразовой просодии в этих говорах наиболее адекватной моделью описания является конструкция H*(+L) L%, в наибольшей мере отражающая возможность разных типов тайминга начала падения тона – от сверхпозднего до относительно раннего. То же относится и к вопросам с вопросительным словом с тем лишь дополнением, что в селигеро-торжковских идиомах для их оформления вполне регулярно используется также конструкция с двумя «нисходящими» тональными акцентами.

Наконец, для общего вопроса и незавершенности мы на тех же основаниях постулируем в качестве основного тонального акцента в Дарьине вариант (L+) H*, а в говоре Федова / Ильинского, с учетом того, что процесс смены уровневого тона скользящим зашел в нем явно дальше, акцент L+H*.

Приведенные выше данные суммированы в итоговой таблице 1.

Таблица 1

**Фонологическая система фразовой просодии псковского
и селигеро-торжковского говоров**

	Псковский	Селигеро-торжковский
Утверждение с широким фокусом	%H L* L%, %H L*+H L%	H+L* L%, H+L* LH%
Утверждение с узким фокусом	%L H*(+L) L%	H*(+L) L%
Специальный вопрос	%L H*(+L) L%	H*(+L) L%, H*(+L)! H*(+L) L%
Общий вопрос	%L (L+) H* L%	L+H* L%
Незавершенность	%L (L+) H* L%, %L (L+) H* H%	(L+) H* L%, (L+) H* H%
Вокатив, императив	%L H*(+L) L%	H*(+L) L%

Список литературы

- Князев С.В. Фразовый завершитель в архангельских говорах: фонетическая реализация и фонологическая интерпретация // *Русский язык в научном освещении*. – 2023. – Т. 44, № 1. – С. 32–65. [Knyazev S. V. Phrase finalizer in Arkhangel'sk dialects: phonetic realisation and phonological interpretation. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2023, 1: 32–65.]
- Князев С.В. Фразовая интонация южнорусского говора: Роговатое // *Вопросы языкознания*. – 2024. – № 1. – С. 85–127. [Knyazev S. V. Phrase prosody of a Southern Russian dialect: Rogovatoe. *Voprosy Jazykoznanija*, 2024, 1, 85–127.]
- Князев С.В., Дьяченко С.В. Мелодический контур общего вопроса в западном среднерусском акающем говоре. Часть 1. Селигеро-Торжковские говоры // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология*. – 2023. – № 1. – С. 50–70. [Knyazev S.V., Dyachenko S.V. (2022) Melodic contour of yes-no question in Western middle-russian dialect with akan'je. Part I: Seliger-Torzhok dialect. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, 2023, № 1, 50–70.]
- Князев С.В., Дьяченко С.В. Мелодический контур общего вопроса в западном среднерусском акающем говоре. Часть 2. Псковские говоры // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология*. – 2023 а. – № 2. – С. 44–60. [Knyazev S.V., Dyachenko S.V. Melodic contour of yes-no question in Western middle-russian dialect with akan'je. Part II: Pskov dialect. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, 2023, no. 2, 44–60.]
- Князев С.В., Савельева К.А. Фонетическое и фонологическое описание в интонации (ИК-4 в русском языке: постцентр или пограничный тон?) // *Русский язык в научном освещении*. – 2021. – Т. 42, № 2. – С. 41–64. [Knyazev S.V., Savelyeva K.A. Phonetics and phonology in intonational description (IK-4 in Russian: postcenter or boundary tone?) *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2021, 2: 41–64.]

ИЗОТОВ А.И.¹

1.6. КОЙНЕ, ДИАЛЕКТ И ЧЕШСКАЯ ДИГЛОССИЯ

Аннотация. На последующих страницах рассматривается феномен современного чешского обиходно-разговорного койне, которое распространено на большей части территории современной Чешской республики, где оно вступает в диглоссные отношения с чешским литературным языком (на остальной части территории страны в подобные же отношения с литературным чешским языком вступает местный диалект / интердиалект). Данная ситуация закономерно отражается, хотя и в разной степени, в произведениях художественной литературы. Экспансия обиходно-разговорного чешского койне / диалекта в области, изначально закрепленные за литературным чешским языком, способствует трансформации диглоссной ситуации в постдиглоссную.

Характерной особенностью современной чешской языковой ситуации является ее близость к классической ситуации диглоссии как особого варианта двуязычия, при котором на одной и той же территории в одном и том же социуме сосуществуют два идиома («высокий» и «низкий»), применяемые их носителями в различных функциональных сферах. На большей части территории современной Чешской республики (западные две трети ее территории) мы обнаруживаем, с теми или иными оговорками, все основные признаки классической диглоссии в понимании Ч. Фергюсона [Ferguson, 1972].

1. Различаются «высокий» (spisovná čeština) и «низкий» (obecná čeština) идиом, находящиеся в отношениях дополнительной дистрибуции: в ситуациях, когда употребляется один из них, неуместно, а часто и невозможно употребление другого.

¹ Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; a.i.izotov@mail.ru

2. Социальный престиж первого идиома (*spisovná čeština* – ‘литературный чешский язык’) высок, социальный престиж второго идиома (*obecná čeština* – ‘обиходно-разговорное чешское койне’) низок.

3. Литературный чешский язык соотносится с многовековой литературной традицией: так называемая Пражская Библия на чешском языке была напечатана в 1488 г. – за 93 года до Острожской Библии Ивана Фёдорова.

4. Обиходно-разговорный чешский усваивается «естественным» путем, т.е. через живое общение, литературный чешский усваивается в школе посредством формального обучения.

5. Литературный чешский кодифицирован, обиходно-разговорный чешский не кодифицирован, хотя и характеризуется общепринятой в социуме имплицитной нормой.

6. Сложившаяся чешская диглосная ситуация достаточно стабильна, во всяком случае, она существует в течение целого ряда поколений.

7. Грамматический строй обиходно-разговорного чешского на синхронном уровне выглядит как упрощенный вариант грамматического строя литературного чешского.

8. Хотя основная часть лексики является общей для обоих идиомов, существует немалое количество лексических вариантов, выбор одного из которых однозначно относит высказывание к литературному чешскому или же к обиходно-разговорному чешскому.

9. Система фонем обоих идиомов идентична или практически идентична (возможны неоднозначные интерпретации фонологического статуса некоторых единиц или их сочетаний).

Истоки данного положения вещей следует искать, по нашему мнению, в особенностях исторического развития Чехии и всего региона за последние несколько столетий. В результате ряда исторических событий, приведших в итоге к трансформации Священной Римской империи как наднационального образования в империю наследственных земель габсбургской династии, Чехия из региональной сверхдержавы к XVIII в. фактически превратилась в австрийскую провинцию, а чешский язык оказался вытесненным (полностью или почти полностью) из большинства сфер функционирования естественного языка – сфер науки, литературы, повседневного общения значительной части населения Чехии и Моравии, оказавшейся к тому времени немецкой или германизированной. Вспомним, что в 1918 г. Масарику и Бенешу, чтобы сформировать Чехословакию как мононациональное государство (с националь-

ными меньшинствами – немцами, венграми, украинцами и т.д.), пришлось сделать основой государственной доктрины концепцию «чехословакизма», постулирующую существование «чехословацкого» этноса и «чехословацкого» языка, иначе немцы не укладывались в традиционное национальное меньшинство (см.: [Obrátil, 1936]).

Даже в сельской местности на рубеже XVIII–XIX вв. целые регионы были немецкоязычными, в городах же чешский язык воспринимался зачастую как «язык служанок» (Dienerinnensprache). Видимо, чехов ждала участь полабских славян, без остатка растворившихся в немецком массиве, или лужицких сербов, растворяющихся сейчас. Весьма показательна ситуация, описанная в романе Б. Немцовой «Бабушка», когда зять главной героини (носящий не просто славянские имя и фамилию, но эту славянскую фамилию в ее исконной, пока еще не германизированной огласовке, – в отличие от, например, персонажа фильма *Musíme si pomáhat* (2000) пражского немца Хорста Прохазки (Horst Prohazka), фамилия которого отличается от очень распространенной чешской фамилии Procházka отсутствием знака долготы над буквой á, а также заменой диграфа «ch» на букву «h»), не умеет говорить по-чешки:

«С первой же встречи бабушка всецело завладела сердцами своих внучат и сама отдала им свое сердце. Пан Прошек, бабушкин зять, – с ним до сих пор она не была знакома – завоевал ее расположение своей добротой и сердечностью, которыми дышало его красивое лицо. Одно только огорчало ее: зять не говорил по-чешки. Сама же она если и знала что по-немецки, то давно забыла. А ей так хотелось поговорить с Яном! Однако зять утешил ее, уверив, что понимает чешскую речь. И в самом деле, бабушка сразу заметила – в доме говорят на двух языках. Дети и работницы обращались к пану Прошеку по-чешки, а он отвечал им по-немецки, и все хорошо понимали друг друга».

Тем не менее явно наметившаяся тенденция была преодолена. «Патриарх славистики» Йозеф Добровский пишет «Подробное научное описание богемского языка немцам для обстоятельного изучения оного, богемцам же для совершенного понимания» [Ausführliches..., 1809], Йозеф Юнгманн составляет многотомный чешско-немецкий словарь [Slownjk..., 1835–1839], в который смело включает, богемизивав их огласовку, слова иных славянских языков, прежде всего польского и русского.

Однако Й. Добровский, составляя свое «Подробное научное описание...», ориентировался прежде всего на чешские художест-

венные тексты так называемого добелогорского периода – периода расцвета чешской литературы в XVI – начале XVII столетия. В результате в этой грамматике оказались не отраженными вообще либо отраженными в недостаточной степени многие существенные изменения в фонетике, морфологии, синтаксисе, произошедшие в собственно-чешских говорах более чем за два столетия (см. статью [10], где эти основные фонетические, морфологические и синтаксические особенности чешского обиходно-разговорного койне иллюстрируются примерами из популярного мультипликационного сериала и сопровождаются литературными соответствиями). Отметим, что отсутствие в чешском языке редукции безударных гласных делает противопоставление литературных и обиходно-разговорных / диалектных огласовок особенно выразительным, не позволяя воспринимать нелитературную форму просто как результат небрежного выговора.

Среди ответов на извечные вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?» можно услышать и весьма радикальные. Во всем виноват Й. Добровский, который вместо того, чтобы кодифицировать живой чешский язык, почему-то взял за образец язык средневековых манускриптов и инкунабул. Давайте же хоть сейчас (лучше поздно, чем никогда) кодифицируем этот живой язык (см. материалы конференции в Оломоуце [Spisovná..., 1995]).

К сожалению, призывы подобного рода нельзя принимать всерьез. Во-первых, «живой чешский язык» – абстракция. Собственно-чешское обиходно-разговорное койне (obecná čeština), которое под «живым чешским языком» обычно понимается, не покрывает всей территории распространения чешского языка. Сделать обиходно-разговорный чешский язык (так переводила термин obecná čeština ведущий отечественный богемист минувшего столетия профессор А.Г. Широкова, см.: [Васильева, Широкова, 2003]) языком литературным значило бы нарушить естественные права тех чехов, у которых другой «живой чешский язык» (например, obecná moravština – обиходно-разговорное моравское койне или obecná laština – обиходно-разговорное силезское койне).

Если и сейчас, после масштабных унификационных процессов XX в. (мировые войны; преобладание городского населения над сельским; массовая коммуникация) нет единого «живого чешского языка», которым можно было бы заменить литературный чешский язык (успешно функционирующий), справедливо ли упрекать Й. Добровского в том, что он не нашел подходящего для кодификации «живого чешского языка» 200 лет назад, когда чеш-

ские диалекты были практически законсервированы (тогдашний крестьянин, выбиравшийся пару раз в году в город или на ярмарку, всю свою жизнь слышал своих же соседей)? Кроме того, Й. Добровский, в общем-то, и не собирался ничего кодифицировать, так как «не считал, что чешский язык нужно развивать для тонкого языка искусства и научного стиля» [Petr, 1989, p. 35]. Он блестяще выполнил грандиозную задачу помочь современному ему читателю (читателю немецкоязычному, ведь написана его грамматика на немецком языке и в первую очередь для немцев – вчитаемся в само название его грамматики) познакомиться с чешской литературой добелогорского периода. Лишь так называемое «второе поколение чешского национального возрождения» (середина XIX в.) вознамерилось «сделать из чешского языка развитый национальный язык, который мог бы <...> во всех областях жизни заменить немецкий язык» [Petr, 1989, p. 37]. Мы полагаем, что такое полувековое «запаздывание» связано с особенностями земского патриотизма многих тогдашних обитателей Чехии, которые очень долго предпочитали считать себя в первую очередь не чехами или немцами, а «богемцами» (ср.: [Веверкова, 2012, с. 15–18]).

В результате, по образному выражению известных чешских лингвистов Петра Сгалла и Иржи Гронека, «у литературного чешского языка нет естественных носителей» (*spisovná čeština nemá své rodilé mluvčí* [Sgall, Hronek, p. 26]). Различия между кодифицированным литературным чешским языком (*spisovná čeština*) и сложившимся на базе собственно-чешских говоров обиходно-разговорным койне (*obecná čeština*) затрагивают практически все уровни языковой системы и настолько значительны, что, например, иностранцу легко может показаться, что речь идет о разных, пусть и о близкородственных языках.

Чешский дошкольник знакомится естественным путем (т.е. через бытовое общение) с обиходно-разговорным койне либо диалектом, а затем идет в школу и начинает там зубрить парадигмы «родного» литературного языка (к этому процессу, естественно, могут подключаться и родственники). Весьма характерны две сценки из фильма *Dědictví aneb kurvaseneříká* (2012), в которых взрослые, вспомнив о своих обязанностях, поправляют ребенка (в первой сценке ему исправляют диалектную огласовку возвратной частицы *sa* → *se*, во второй – диалектную форму 1 лица ед. числа глагола «быть» *su* → *jsem*). Примечательно, что присутствующий при первой сценке дед ребенка (все они возвращаются с

похорон его жены) воспроизводит сказанную внуком фразу в диалектной, а не литературной огласовке.

Сценка 1.

Ребёнок: *Co je to být mrtvý?*

Дедушка: *Mrtvý jsi když umřeš, když nežiješ.*

Ребёнок: *A babička už nežije?*

Мама: *Bude žít v našich vzpomínkách.*

Ребёнок: *Už sa nevrátí?*

Мама: *Se nevrátí. „Se“, ne „sa“. Se nevrátí.*

Дедушка: *Už sa nevrátí.*

Сценка 2.

Бабушка: *Dědeček je také smutný, víš? Musíš na něho být hodný.*

Ребёнок: *Já su na něho hodný.*

Бабушка: *[J]sem. Říká se [j]sem hodný.*

Немаловажную проблему представляет и сложившаяся терминология. В 30-е годы XX в. богемистами Пражского лингвистического кружка была сформулирована «теория языковой культуры», в соответствии с которой «литературный чешский язык» (*spisovná čeština*) является высшей формой существования языка чешской нации и осваивается в процессе получения формального образования. Большинство же «обычных», т.е. не получивших такого формального образования, чешских обитателей исторического королевства Богемия говорят на «обиходно-разговорном [букв. 'обычном'] чешском языке» (*obecná čeština*), сформировавшемся на базе собственно-чешских диалектов (см.: [Havránek, 1932]). Помимо «литературного чешского» и «обиходно-разговорного чешского» «теория языковой культуры» оперирует понятием «разговорный чешский» (*hovorová čeština*), который предназначен для использования в неофициальных сферах общения теми, кто привык активно употреблять «литературный чешский» (см.: [Bělič, 1959]). Отметим, что в советской традиции термин *hovorová čeština* переводится на русский язык как «разговорный стиль чешского литературного языка». Этот «разговорный чешский» (*hovorová čeština*), будучи свободным как от чересчур книжных, так и от просторечных элементов, был призван, по замыслу его пропагандистов, выступать в роли своего рода фильтра, через который элементы «обычного чешского» должны проникать в «литературный чешский», пополняя и обогащая его (см.: [Bělič, 1958]). Схема *spisovná čeština* – *hovorová čeština* – *obecná čeština* продолжает использоваться до сих пор, хотя это и вызывает все больше возражений.

Самым уязвимым звеном данной схемы оказалась *hovorová čeština*. Как было показано еще полвека назад, в ситуации непринужденного общения даже весьма образованные чехи обращаются отнюдь не к некоему искусственно созданному для нужд интеллектуалов «разговорному чешскому», а к самому обыкновенному «обиходно-разговорному чешскому языку» (см.: [Švehlová-Dvončová, 1956, p. 227]). Необходимо отметить и то, что внутренняя форма термина *hovorová čeština* провоцирует отождествление обозначаемого им понятия с устной речью, так что лингвистам время от времени приходится подчеркивать, что высказывание может быть устным, но не быть при этом «разговорным» и может быть «разговорным», будучи письменным (см.: [Hrbáček, 1995, p. 53]). Нечеткость и непоследовательность в употреблении термина *hovorová čeština*, связанные с неопределенностью обозначаемого им денотата, привели к тому, что один из членов еще «старого» Пражского лингвистического кружка Фр. Данеш в посвященном тенденциям развития языковой ситуации в Чехии сборнике назвал «разговорный чешский язык» (*hovorová čeština*) «химерой» (см.: [Daneš, 1988]).

Термин *obecná čeština*, конечно же, гораздо более устойчив, чем термин *hovorová čeština*, в чем легко убедиться, задав поиск по соответствующим словам в чешском секторе Интернета, однако и он подвергается критике.

Начнем с того, что в эпоху всеобщей грамотности «обычных», т.е. не получивших формального образования, людей не осталось, однако «обиходно-разговорный чешский язык» отнюдь не слился ни с «разговорным чешским», ни с «литературным чешским» в единое целое и, судя по всему, не собирается это делать в ближайшее время. Отметим, что в отличие от ситуации с русским просторечьем, с которым «обиходно-разговорный чешский» иногда соотносится [Бельчиков, 1990], использование в разговоре элементов «обиходно-разговорного чешского» свидетельствует не о «низком культурном и цивилизационном уровне» говорящего, а всего лишь о неформальной обстановке беседы ([Štícha, 1995, p. 59], ср. также: [Изотов, 2013]).

В результате во внутренней форме уже успевшего устояться термина активизировалось другое значение слова *obecný*, а именно значение ‘общий, совместный’ (отметим, что сходным спектром значений обладает и английское прилагательное *common*, употребляемое в английском варианте данного термина: *obecná čeština* / *common* Czech; ср.: *obecný lid* / *common* people, *obecný majetek* / *common* property).

Но является ли *obecná čeština* «общим языком» для всех чехов? Для немалого числа чешских граждан ответ будет отрицательным. В центральной Моравии свой «общий язык» – *obecná hanáctina* («обиходно-разговорный [букв. ‘обычный’] обычный ганацкий»), он же *obecná středomoravština* – «обиходно-разговорный [букв. ‘обычный’] центральноморавский»), на востоке и севере Моравии, а также в чешской Силезии позиции, которые могла бы занять *obecná čeština*, прочно заняты местными диалектами.

Это одна из причин, по которой «обиходно-разговорный чешский» нельзя просто кодифицировать, к чему призывают энтузиасты так называемой «концепции минимальной интервенции». Ведь такой «литературный чешский язык», возникший в результате механического переименования «обиходно-разговорного чешского», перестанет объединять всех представителей чешской нации, будучи чуждым для многих чешских жителей Моравии и Силезии.

Вторая не менее серьезная причина состоит в недостаточной определенности самого содержания термина *obecná čeština*. Для многих *obecná čeština* – это то, что противопоставлено «литературному чешскому», т.е. своего рода набор собственно-чешских интердиалектных элементов, не совпадающих с соответствующими элементами литературного языка, причем речь идет об элементах разной степени употребительности (см.: [Изотов, 2014]). Мы можем встретиться и с мнением, что помимо «обиходно-разговорного чешского языка», сформировавшегося на базе собственно-чешских диалектов, можно говорить и о другом «обиходно-разговорном чешском» – своего рода койне, вышедшем как за географические, так и за социальные рамки собственно-чешского интердиалекта (см.: [Mluvená..., 2011]). Тем самым мы приближаемся к ситуации в германистике, где выделение нескольких вариантов «обиходно-разговорного немецкого языка» – привычное дело [Меркурьева, 2007]. Подобные неоднозначные толкования «обиходно-разговорного чешского» приводят к тому, что уже и о нем также говорят как о химере [Uličný, 1994].

Свою роль в происходящем сыграла и произошедшая в последнее десятилетие так называемая «корпусная революция». Создание крупных (миллиарды словоупотреблений) электронных корпусов и связанное с этим беспрецедентное расширение эмпирической базы исследований привели к необходимости пересмотра многих традиционных взглядов на то или иное языковое явление, которые ранее базировались во многом на интуиции исследователя (речь идет прежде всего о недостаточно документированных явле-

ниях языковой периферии). Но дело не только в возможности надежно установить особенности функционирования малоупотребительных и маргинальных явлений (ср., напр.: [Изотов, 2007; Изотов, 2012]). Обращение к корпусу позволяет придать двумерному грамматическому описанию объем за счет введения третьего измерения, а именно статистической характеристики описываемого (см.: [Изотов, 2008]). Однако поскольку исследователи обращаются к тем корпусам, которые имеются в наличии, т.е. к корпусам письменных и устных чешских текстов (а отнюдь не к несуществующим корпусам «литературного чешского» и «обиходно-разговорного чешского»), то и на выходе получают описания «письменного чешского» (*чеш.* psaná čeština, *англ.* written Czech) или «устного чешского» (*чеш.* mluvená čeština, *англ.* spoken Czech) (ср.: [Mluvená..., 2011]). Следует отметить и то, что термин spisovná čeština, обязанный своим возникновением господствовавшей некогда франкофонной ориентации чешской лингвистической терминологии, все чаще заменяется калькой с соответствующего английского термина «стандартный чешский» (*чеш.* standardní čeština, *англ.* standard Czech). Определенная тенденция к отказу от классической дихотомии «литературный чешский» – «обиходно-разговорный чешский» в пользу дихотомии «письменный чешский» – «устный чешский» прослеживается и в учебной литературе (ср., напр.: [Cvejnová, 2012, p. 55–56]).

Положительной стороной сложившейся ситуации являются богатейшие возможности использования оппозиции «литературный чешский язык» – «обиходно-разговорное койне» в качестве яркого стилистического средства. Обиходно-разговорные и диалектные (интердиалектные) элементы используются в художественной литературе и кинематографе в качестве одного из важных средств создания речевых портретов персонажей именно в силу их «неправильности». Как много это значит, видно на примере популярного чехословацкого сериала 70-х годов о следователе Земане. Поскольку большинство персонажей 30 фильмов шпионско-криминального сериала не особенно искушены в изящной словесности, обиходно-разговорные и сленговые выражения зритель слышит с экрана вполне регулярно. Однако в «чешских титрах для людей с дефектами слуха», которыми сериал снабдила фирма Prague Promotion, s.r.o., выпустившая в 2008 г. на пятнадцати DVD 30-серийный сериал в качестве «памятника тоталитарной эпохи», идет литературный чешский язык (spisovná čeština). Как много теряет фильм при «переводе» на литературный чешский язык, в

данном случае буквально видно невооруженным глазом. Приведем в качестве примера некоторые фразы из первой же сцены первой же серии (нелитературные слова и огласовки здесь и далее выделены полужирным).

Звук: ***Hergot, chlapi, vy jste vopravdu jako nemluvnata, fakt!***

Титры: *Chlapi, vy jste jako nemluvnata!*

Звук: *Snad tam budou potřebovat **felčara**.*

Титры: *Snad tam budou potřebovat doktora.*

Звук: *Už v **Český Třebový**. Pak to nemám daleko.*

Титры: *V České Třebové přestoupím.*

Как нам представляется, значительную, если не основную долю комического в «Приключениях бравого солдата Швейка» Я. Гашека составляет именно макаронизм текста (чешский литературный язык + обиходно-разговорное койне, обильно сдобренное вульгаризмами + германизмы + немецкий язык). В русском переводе П. Богатырева (наиболее удачном из существующих, по мнению крупнейшего чешского специалиста по Я. Гашеку Р. Пытлика [Radko Pytlík], что было высказано в личной беседе с автором настоящих строк) «степень макароничности» понижается за счет неизбежного исчезновения противопоставления «литературный чешский язык» – «обиходно-разговорное койне» (кое-где сохранены немецкие вкрапления, однако в оригинальном чешском тексте этих вкраплений все равно было намного больше, они приводятся там не только в немецкой орфографии, но и «по-чешски» – в разной степени исковерканности, типа *kvér* – *das Gewehr*, *frajtr* – *der Gefreite* и т.д.). В качестве примера можно дать следующий фрагмент из романа Гашека, в котором мы находим, во-первых, приведенные по-немецки команды *Ruht!* и *Abtreten!*; во-вторых, освоенные чешским языком германизмы *lump* (*ové*) (нем. *der Lump*) и *držet hubu* (нем. *das Maul halten*); в-третьих, слова *obršt*, *regiment*, *drek*, *kumpačka*, *defilírovat*, которые по-немецки должны были бы выглядеть как *der Oberst*, *das Regiment*, *der Dreck*, *die Kompanie*, *defilieren*, а по-чешски, соответственно, как *plukovník*, *pluk*, *lejno*, *rota*, *slavnostně pochodovat*, при этом лексема *drek* ‘дерьмо’ и фразеологизм *držet hubu* ‘≈ заткнуть [себе] пасть’ относятся также и к вульгаризмам, а нелитературная лексема *herka* ‘кляча’ и нелитературные огласовки *vodjela*, *celej* – к обиходно-разговорному койне:

*Potom, když komise **vodjela**, dal si nás pan **obršt** všechny seřadit, **celejregiment**, a povídá, že voják je voják, že musí **držet hubu** a sloužit,*

jestli se mu něco nelíbí, tak že je to porušení subordonace. Tak jste si, lumpové, mysleli, že vám ta komise pomůže, 'povídá pan obršt, drek vám pomohla. A teď bude každá kumpačka kolem mne defilírovat a opakovat hlasitě, co jsem řekl'. <...>, Ruht!' povídá pan obršt a chodí po dvoře, seká si bičikem přes holinky, plívá, pak najednou se zastaví a zařve, Abtreten!', sedne si na svou herku a už je z brány venku.

Как мы видим несколькими строками ниже, при переводе данного фрагмента П. Богатырёву удалось сохранить лишь две упомянутые немецкие команды, хотя он и пытался компенсировать исчезнувший макаронизм текста стилистическим контрастом сниженной и возвышенной лексики («ни хрена – пусть громогласно повторит»):

Когда комиссия уехала, полковник выстроил всех нас, весь полк, и заявил, что солдат есть солдат, должен держать язык за зубами и служить, а если кому не нравится, то это нарушение дисциплины. «А вы, мерзавцы, думали, что вам комиссия поможет? – сказал полковник. – Ни хрена она вам не помогла! Ну, а теперь пусть каждая рота промарширует передо мною и пусть громогласно повторит то, что я сказал». <...> «Ruht!» – командует полковник, а сам мечется по двору, хлещет себя хлыстом по сапогу, плюется, а потом вдруг остановился да как заорет: «Abtreten!» Сел на свою клячу и вон.

При переводе книги на немецкий язык исчезают последние остатки макароничности и остается один лишь авторский юмор, не всегда понятный нашему современнику (смешно то, что в иных условиях могло бы быть страшно, поэтому изменившиеся исторические и социокультурные условия могут привести к совершенно иному восприятию одного того же текста). Поэтому, наверное, не случайно многие русские и почти все немцы из круга знакомых автора статьи воспринимают данную книгу Я. Гашека как скучноватую. Отметим, что при озвучивании роли Швейка в кинематографе немецкие актеры коверкают произношение, имитируя «богемский» выговор немцев из Чехии, Моравии, Словакии – Böhmakeln (тем самым макаронический текст оригинала замещается псевдомакароническим текстом перевода; см.: [Torberg, 2008]).

Поскольку в диглоссную оппозицию с литературным чешским языком может вступать не только чешское обиходно-разговорное койне, но и тот или иной диалект, то и он может фиксироваться в художественном тексте. Можно привести три примера из чешской «школьной классики»: (1) из романа А. Ирасека

Psohlavci, (2) из комедии Л. Строупежницкого *Naši furianti*, (3) из драмы А. Мрштика и В. Мрштика *Maryša*.

(1)

»Co **novýho** v městě?«*ptal se hospodář.*

»Ne moc. Povídali si **tám** v krčmě dva **súsedé**, **ha** já **bysúdil**, že **buli** od **městskyho** práva, že se páni po nás **ptáli**. **Šak** **tám** **strejček draženovskej** **teky** **sedili** **ha** **všecko** **slyšili**.«

»Po kom že se **ptáli**?«*zvolal kvapně hospodář.*

»Po **chodovskejch** **právích**. Na **hůradě** v městě. **Chtili** ty **psaný** práva, víš, co **buly** na **našom** zámku.«

»Ha **hdo** je **chtíl**?«

»**Bul** tam z **Kúta** ten správčí Koš a z Trhanova. Nu, **súsedé** se **smili**, že toho **popádli**. Nevím, co se **všecko** **dílo**, **hale** ten Koš se **prej** sápal **ha** prál, **šak** že **von** **tranovskej** **pán** **Chodovákom** **hukáže**.«
(Jirásek A. Psohlavci)

Приведенный фрагмент из разговора двух персонажей исторического романа А. Ирасека изобилует такими характерными особенностями ходских говоров, как протетическое *h* (*ha, nahůradě, hale* в соответствии с литературными *a, na úradě, ale*), рефлексy продления кратких гласных перед эловым причастным суффиксом (*ptáli, sedili, slyšili, chtili, popádli, dílo* в соответствии с литературными *ptali, seděli, slyšeli, chtěli, popadli, dělo*) и, наконец, гласный *u* в формах эловых причастий глагола «быть» (*buli, buly, bul* в соответствии с литературными *byli, byly, byl*).

(2)

MARKÝTKA (*jde do popředí a pozdravuje Bláhu i Hahršperka mluví domazlickým nářečím*). **Sťastnej** **dobrej** večer, **staisodi**!

HABŠPERK, BLÁHA: *I dejž to pámbu, panno Markýtko.*

HABRŠPERK (*žertovně*): **I čechmanta**, panno Markýtko, vy jste letos ještě hezčí než jste byla loni. Tváře máte jako maliny. (*Chce ji objati.*)

MARKÝTKA (*odstrčí jej rázně loktem*): **Hýč!** Ty **maleny** pro vás **nerostly!** (*Odskočí.*)

BLÁHA (*přiskočí k ní s druhé strany a chce ji objati*): **Ale pro mě, vidíte, panno Markýtko!**

MARKÝTKA (*odstrčí Bláhu*): **Ale díte!** Pro vás, **strejko, teky** ne.
(Stroupežnický L. *Naši furianti*)

В данном эпизоде торговка Маркитка говорит, о чем предупреждает ремарка, на домажлицком диалекте, хотя в последующем действии ее идиолект мало отличается от идиолектов прочих пер-

сонажей – носителей южно-чешских говорů, близких к чешскому обиходно-разговорному койне.

MARKÝTKA (píje): *Stále zdraví, **strejčku**. (Vrátí Petrovi sklenici.) Ale **strejčku**, vy si umíte **ňák** **divčata** dobírat!*

PETR: *I **jaký** pak dobírání, panno Markýtko! **Všecko** od srdce! A třeba jsem byl už **starej** dědek, když vidím takovou hezkou mladici v tomhle tom pěkném staročeském kroji, tak se mi srdce v těle rozpálí a je mi tak, jako by se mi tuhle (ukáže si na srdce) skřívánek třepetal a svou jarní písničku vesele propěvoval.*

MARKÝTKA: *No, **strejčku**, vy jste musel za **svýho** mládí **bejvat** náramně **veselej** chasník!*

PETR (s humorem): *I **pardie**, to jsem **bejval**! I **bejval**! Já **uměl** **ňák** holky prohánět. A kdybych já byl dnes **mladej** – no, panno Markýtko, nevím, nevím... vy se mi **saprahertsky** líbíte.*

MARKÝTKA: *Ale **díte**, pantáto. – **Rač** by jste mi **moh** **řect**, kde je pan přednosta... já mám od rána něco na srdci, co bych mu ráda řekla... (Stroupežnický L. Naši furianti)*

Подробный анализ языка пьесы можно найти в: [Utěšný, 1954].

(3)

LÍZAL (po čas vzdalujícího se zpěvu mlčí, ohlíží se po vsi a mračí se. Teprv když hluk zalehne, obrátí se k Vávrovi). *Tak tomu hříběti jen dobře nohu zavaž a hodně často boláčku **vlažnó vodo** vyplachuj. Do **tédňa** bude zas skákat jako jelen. Má vranka taky to měla – **šak** na zadní noze a **včil** – viděl's **ju**! Do Austrálie s **ňó** **možu** jet. A pacholkovi vyhubuj; **šak aji** dívce. Proč nedá na dobytek pozor! Jak nemá dobytek opatrnost co **chvíla** se něco stane.*

VÁVRA (drží v ruce proutek a pošvihuje jím holínky. Tvář má čistě oholenou, tvrdou, ale zdvořile vlídnou). *Eh, málo **platný** je to hubování. Hubuju, peskuju, křičím, hromy svolávám, prosím **celé deň** a nic naplat. Už sem dvě děvečky vyhnal, onehda pacholkovi sem **aji** nabíl a čerta je to **platný**. Koně v maštali **můžó** se zabít – ani se **teho** nevšímne. (Švihne proutkem.) **Dělé** co **dělé**, všecko jde na ruby. **Děčka roztrhaný**, špína z nich jen kape, dobytek zdechá a kde kdo ruce má, krade jako straka. (S důrazem a povzdechem.) Statku moc a dohledu nikde. Myslím, že to dám do **pachtu** – nebo (anebo) to prodám.*

LÍZAL. *To **só** mně řeči! **Dobry** prodáš a **špatný kópiš**. A co s pachtem? **Mlén** ti **rozlámó**, pole nezmrví, **nezvorají**, vycucají až do posledního a abys čekal zas pět nebo šest let, než to přivedeš do pořádku (odmlčí se). Co je pravda – to je pravda, statku máš dost a **krásnýho** statku. Rolí dost, **čisté** dobytek, krávy jako ze dvora – ale jak sem už*

povídal – žena ti umřít neměla. Tak zůstat nemůžeš. – Domluv se a je. (Mrštík A., Mrštík V. Maryša)

В открывающем драму *Maryša* диалоге, как и в последующих сценах, персонажи говорят на смеси ганацкого (центрально-моравского) и брненского диалектов. Впрочем, в задачу обратившегося к диалектному материалу автора художественного произведения входит не лингвистически точная фиксация, а создание местного колорита, в данном случае колорита моравской деревни. Кроме того, текст должен быть понятен читателю и зрителю, а не только специалисту-диалектологу.

Названный эффект достигается посредством использования таких известным всем чехам фонетических моравизмов, как долгий [ē] в соответствии с собственно-чешским дифтонгом [ei]; краткий [e] в соответствии с чешским кратким [i], восходящим к этимологическому краткому [y]; долгий [ō] или долгий [ū] в соответствии с чешским дифтонгом [ou] после твердого или долгим [ī] после мягкого согласного; краткий [o] или краткий [u] после мягкого согласного в соответствии с чешским кратким [i], краткий [a] после мягкого в соответствии с чешским кратким [e], ср.: *děle co děle, mlén, celé, čistě; to só mně řeči, kópiš, rozlámó, s ňó; ju; chvíla*, которые в общо-разговорном чешском койне могли бы выглядеть как, соответственно, *dělej co dělej, mlej, celej, čistej; to jsou mi řeči, koupíš, rozlámou, s ní, ji, chvíle*, а в чешском литературном языке – как *dělej co dělej, mlýn, celý, čistý; to jsou mi řeči, koupíš, rozlámou, s ní, ji, chvíle*. Не обошлось и без лексического моравизма *včil*.

Отметим, что в видеозаписи данного спектакля, выполненной по заказу Чехословацкого телевидения в 1983 г. в театре города Градец Кралове, актеры, в целом корректно воспроизводя авторский текст, могут иногда придавать моравскую огласовку также и тем словам, которые в книжном тексте выглядели «почешски». Например, в приведенном выше фрагменте диалога вместо *Myslím, že to dám do pachtu* звучит (причем звучит после паузы, когда зрительское внимание сосредоточено на последующих словах персонажа) *Meslím, že to dám do pachtu*; вместо *pole nezmrví, nezvorají, vycucají až do posledního* звучит *pole nezmrví, nezvorajó, vycucajó až do posledního*, а вместо *Tak zůstat nemůžeš* мы слышим *Tak zuostat nemóžeš*. Вспомним в связи с этим наблюдение в: [Chloupek, 1955] о том, что зритель готов воспринять больше диалектизмов, чем читатель, хотя, казалось бы, должно быть наоборот – ведь в распоряжении читателя могут быть сноски и комментарии, тогда как зритель этого лишен.

В большинстве случаев использования диалекта в художественном произведении диалектные элементы (вернее, их художественная имитация) группируются в репликах персонажей, сам же собственно авторский текст не отклоняется или отклоняется весьма незначительно от правил литературного языка.

Тем не менее бывают случаи, когда диалект проникает и в собственно авторский текст, как, например, в сборнике рассказов З. Галушки «Slovácko sa súdí aj nesúdí», по которому в 1974 г. был снят 12-серийный телевизионный сериал *Slovácko sa nesúdí* (актеры играют также на диалекте). Ср. начало рассказа *Poslední súd*.

Abych pravdu řekl, nebýl sem ve své koži. Vrátil sem sa do své rodné dědiny po nekolika letech a moja první cesta vedla k soudu. Kdysi sem tam chodil každý týden a furt bylo o čem psát. Tož sem byl zvědavý, co sa za tu dobu přihodilo...

Ve starém zámku, kam si lidé chodili pro spravedlnost, sem sa dověděl, že si ani nepamatují, kdy naposledy tam od nás nekeho soudili. Z toho sem byl tak udivený, že sem sa hnedkaj vypravil za stařečkem Pagáčem, lebo to byla jediná "informační kancelář". Co sa kde v dědině šustlo, o tem hnedkaj věděli a enom tam bych sa mohl něco dovědět.

Přivítali ňa jak ztratěného syna a zvědavo nahlédali do kufra, kerý sem donésl. Dyž tam našli nekolik paklí tabáku z všelijakýma malovanýma obrázkama a dvě fajky – jednu z tu dlouhú tréskú – nebyli k udržání. Hnedkaj ju zmontovali, naspali "tým voňavým, kerý myslím kůřijú enom pán farár", a posvátno bafali. Pochodovali po izbě z vyvaleným břuchem a pochvalovali si: "Takú faju nemajú ani lékárník a nadlesní už teprú neé! Chlapče, toto ti nikdy nezapomenú – z téj budu kůřit enom v nedělu po požehnání a chlapom ju ukážu enom přes okno!"

В только что приведенных строках цитируемого сборника представлен диалект так называемой Моравской Словакии (почешски *Slovácko*), граничащей, но отнюдь не совпадающей с самим государством Словакия (по-чешски *Slovensko*).

На «остравском языке», представляющем собой, как показывает анализ, синтез южно-силезских говоров, собственно-чешского обиходно-разговорного койне и литературного чешского языка, пишет известный силезский писатель и блогер Ладислав Ветвичка (на момент написания данных строк на сайте <https://eshop.knihuchran.cz/ladislav-vetvicka/> можно было заказать любую из 18 его электронных или же изданных традиционным способом книг). Приведем начало его травелога *Okolo Rakusko-Uherska* (напомню, что полу-жирным выделены слова и формы слов, противоречащие литера-

турной норме, будь то характерное для силезских говоров отсутствие долготы гласного или же нечто иное).

Začátky nesu těžke, obvykle su jednodušši, než si myslíte. To třeba chcete postavit dalnicu do Gdaňska a Anglija kvuliva temu proti vam rozputa druhu světovu. Kdo by to byl byval řeknul, že blba dalnica se stane takym vražednym nastrojem. Ale to je jiny příběh, to vam budu vypravjat jindy.

Chtěl sem vypravjat o čěmsik jinem.

To zme tak seděli na terase u Vlastika a pili pivko.

Pivko na terase u Vlastika pijeme od te doby, kdy Libě, kelnerce Na rožku j...o a vyhnala všecyky hosty. To jako ne že by zebrała koště a vyhnala je. Tak to baby dneska nerobi, baby su sofistykovane. Jarka vyhnala hosty tym, že začala čepovat pivo, kere se nedalo pít. Bylo nam to divne, bo u druge kelnerky bylo pivo z te same bečky dobre. Dluho zme to zkumali a pak zme přišli na to, že Jarka, jak je to baba čistotna, myje krygle v Savu. Taku sklinku pak můžete oplachovat jak chcete, ale to Savo tam prostě zustane. A tak po napiti piva ve vysavovanem kryglu měl člověk pocít, jak když liže plechovy kybel zevnitřku. Prostě hnus. Ale to je jiny příběh, to sem vam nechtěl vypravjat.

Od te doby prostě chodíme na terasu k Vlastikovi, bo Vlastik není kokot a z toho logicky vyplýva, že krygle v Savu nemýje.

Особенности лексического состава данного травелога были нами проанализированы в статье [Изотов, 2023], особенности морфологии и синтаксиса – в статье, отправленной нами осенью 2023 г. в редакцию журнала «Славянский альманах».

Проникновение койне и диалекта в область функционирования литературного языка (в данном случае в собственно авторскую речь) способствует разрушению диглоссии «литературный чешский язык» – «обиходно-разговорное койне / диалект», в результате чего существовавшая в течение довольно длительного времени на территории Чехии, Моравии и Силезии диглоссная ситуация буквально на наших глазах превращается в постдиглоссную.

Список литературы

- Бельчиков Ю.А. Просторечие // Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – С. 402.
- Васильева В.Ф., Широкова А.Г. Чешский язык в новом тысячелетии (общая характеристика языковой ситуации и динамических инноваций) // Славянский вестник. – Москва, 2003. – Вып. 1. – С. 46–69.

- Веверкова К.* Земский патриотизм педагога и священника немецкой национальности Антона Кромгольца (1790–1869) в водовороте революционного 1848 года: размышления над церковно-юридическими аспектами сосуществования чехов и немцев в Чехии // *Правова держава*. – Одесса: Астропринт, 2012. – Вып. 14. – С. 12–18.
- Изотов А.И.* Чешский национальный корпус и аналитический императив: опыт корпусного анализа малоупотребительных и маргинальных языковых единиц // *Вестник Оренбургского государственного университета*. – 2007. – № 2. – С. 4–11.
- Изотов А.И.* Императивность как прагмалингвистический феномен: на материале чешского языка. – Москва: Книжный дом «Либроком», 2008. – 255 с.
- Изотов А.И.* Опыт корпусного анализа чешских директивных и директивно-коммиссивных перформативных глаголов // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия Лингвистика. – 2012. – № 3. – С. 99–107.
- Изотов А.И.* Чешское обиходно-разговорное койне vs русское просторечье // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия Лингвистика. – 2013. – № 1. – С. 52–60.
- Изотов А.И.* Опыт корпусного анализа чешской обиходно-разговорной лексики в сопоставительном плане // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия Лингвистика. – 2014. – № 1. – С. 67–76.
- Изотов А.И.* Ляшский (= чешско-силезский = остравский) язык в практическом учебнике и в авторском тексте травелога: лексика // *Филологические науки*. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16, № 8. – С. 2536–2543.
- Меркурьева В.Б.* О разграничении диалекта и обиходно-разговорного языка // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – Т. 5, № 2. – С. 124–130.
- Bělič J.* Vznik hovorové češtiny a její poměr k češtině spisovné // *Československé přednášky pro IV. Mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě*. – Praha: NČAV, 1958. – S. 59–71.
- Bělič J.* Bojujme za upevňování a šíření hovorové češtiny // *Český jazyk a literatura*, 9. – 1959. – S. 433–441.
- Chloupek J.* Nářečí ve filmu o slovácké vesnici // *Naše řeč*. – 1955. – № 7/8. – S. 217–221.
- Cvejnová J.* Česky, prosím II. Učebnice češtiny pro cizince. – Praha: Karolinum, 2012. – 204 s.
- Daneš Fr.* Pojem „spisovného jazyka“ v dnešních společenských podmínkách // *Dynamika současné češtiny z hlediska lingvistické teorie a školské praxe*. – Praha: PFUK, 1988. – S. 21–28.
- Dobrovský J.* Ausführliches Lehrgebäude der böhmischen Sprache zur gründlichen Erlernung derselben für Deutsche, zur vollkommenen Kenntnis für Böhmen. – Prag, 1809. – 399 p.
- Ferguson Ch.* Diglossia // *Language and Social Structures* / Ed. Giglioli P.P. – London: Penguin, 1972. – P. 232–251.
- Havránek B.* Úkoly spisovného jazyka a jeho kultura // *Spisovná čeština a jazyková kultura* / Eds. B. Havránek, M. Weingart. – Praha: Melantrich, 1932. – S. 32–84.
- Hrbáček J.* Hovorová čeština // *Přednášky z XXXIV. a XXXV. běhu letní školy slovanských studií*. – Praha: FFUK, 1995. – S. 53–61.

- Mluvená čeština: hledání funkčního rozpětí / Eds. Čmejrková S., Hoffmannová J. – Praha: Academia, 2011. – 491 s.
- Obrátil K.J. Čítanka Dr.* Edv. Beneše. – Brno: O. Sobek, 1936. – 159 s.
- Petr J.* Preface // Jungmann J. Slovník česko-německý. D. 1. – Praha, 1989. – S. 5–38.
- Sgall P., Hronek J.* Čeština bez příkras. – Praha: H&H, 1992. – 181 str.
- Slowijk česko-německý Josefa Jungmanna. – Praha, 1835–1839. – 1836 s.
- Spisovná čeština a jazyková kultura: Sborník z olomoucké konference 23–27.08.1993. – Praha, 1995. – 398 s.
- Štícha Fr.* K pojetí spisovnosti // Spisovná čeština a jazyková kultura / Eds. J. Jančáková, M. Komárek, O. Uličný. – Praha: FFUK, 1995. – S. 57–60.
- Švehlová-Dvončová J.* Dvě stati A.G. Širokovové o češtině // Slovo a Slovesnost. – 1956. – № 4. – S. 226–230.
- Torberg F.* Anhang: Als noch geböhmakelt wurde // Torberg F. Die Tante Jolesch und die Erben der Tante Jolesch (Doppelband). – München: Verlag Langen Müller, 2008. – S. 615–620.
- Uličný O.* K teorii mluveho jazyka // K diferenciaci spisovného jazyka / ed. D. Davidová. – Ostrava: FFOU, 1994. – S. 19–25.
- Utešný S.* Lidový jazyk v Stroupežnického „Našich furiantech“ // Naše řeč. – 1954. – № 3/6. – S. 115–123.

БУХАРОВ В.М.¹

1.7. НЕМЕЦКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ: ОТ ВЕНКЕРА ДО ЭТНОДИАЛЕКТОВ

Аннотация. Следствием раздробленности Германии вплоть до конца XIX столетия стало сохранение в немецком языке сотен диалектов, использование которых продолжается и в наши дни. Актуальными являются поэтому рассмотрение тенденций в историческом развитии диалектологии и появление на этом фоне новых научных подходов: перцептивной диалектологии, ментального картирования, а также становление новых видов диалектов – урбанистических и мультиэтнических.

1. Становление немецкой диалектогеографии

Основным свойством языка, которое привлекает внимание лингвистов с момента возникновения его научных описаний, является вариативность. Язык, являясь средством коммуникации людей, сопровождает все виды человеческой деятельности, что обуславливает сложность его структуры, поскольку участники общения принадлежат к различным культурам, и соответственно – этносам, народностям, группам с их языками, имеющими определенную историю своего развития и контактов. Подобная языковая ситуация особенно актуальна для немецкого языка, история которого характеризуется многовековым путем развития от совокупности многочисленных, относительно слабо связанных между собой региональных разновидностей языка к его общенациональным формам и нормам.

¹ Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия; vabukharov@yandex.ru

Становление норм языка не означает, однако, формирования единого немецкого национального языка, как общего и единственного средства общения говорящих на нем, тем более что какого-либо единого государственного или иного административного объединения, единственным языком которого являлся бы общенемецкий, не было и нет до настоящего времени. Это обстоятельство является одной из причин особого интереса лингвистов к вариативности в рамках немецкого языка (см., напр.: [Variantenwörterbuch des Deutschen, 2004]).

Как пишет У. Кнооп, уже в древневерхненемецком тексте Нового Завета встречаются варианты графической передачи некоторых слов, различия в региональной принадлежности которых сохраняются и в наши дни, например *schibboleth* и *sibbolleth* (языковые особенности группы людей) [Knoop, 1989, p. 1]. В двуязычном издании «Нового завета» 1863 г. читаем: «Wahrlich, du bist auch einer von denen; denn deine Sprache verrät dich» [Mattäi, p. 26, 73]; и в русском переводе: «Точно, ты тоже один из них, тебя и говор твой выдает». Подобные замечания встречаются в разное время, в различных контекстах, однако систематическое изучение языковых, вернее, речевых особенностей тех или иных групп, проживающих в различных регионах, не велось, потому что в распоряжении интересующихся этим вопросом были преимущественно письменные тексты, которые мало что могли дать для понимания реальной картины функционирования языка. Кроме того, нередко возникали сложности в связи с тем, что обозначения местностей образовывались от устаревших названий типа *Alemannisch* [Knoop, 1989, p. 2].

1.1. Атлас немецких диалектов

Появление системного описания немецкого языка как совокупности многочисленных вариантов или вариаций (*Varietäten*) обычно связывают с работами Георга Венкера (1852–1911), его последователя Фердинанда Вреде (1863–1934) и других сотрудников Марбургской школы немецкой диалектной географии. Достижением Г. Венкера было не только создание географических карт регионального распространения лексических единиц и связанных с ними фонетических изменений. Не менее важной была разработка методики сбора языкового материала и создания карт. Известные 40 предложений Венкера, которые предлагались для произнесения и транскрибирования жителям различных регионов, позволили визуа-

лизовать распределение языковых форм по территории немецко-язычного ареала и динамику изменений границ их распространения. В наше время фактически изменилась лишь техника фиксирования речи: от записи на бумаге до магнитофона и компьютера.

Обращение Ф. Вреде к диалектной географии можно связать с его работами по изучению остготского диалекта. В 1890 г. он защитил в Марбурге докторскую диссертацию о языке остготов в Италии. В качестве основы для исследования Вреде использовал перевод текста Библии с древнегреческого на остготский диалект, сделанный епископом Ульфилой во второй половине IV столетия. Если принять гипотезу о том, что Ульфила был в детстве пленен и вырос среди остготов, то никаким другим диалектом он просто не мог владеть. Не углубляясь в вопросы о спорности происхождения личности и даже о написании имени Ульфила / Вульфила, можно считать бесспорным факт принадлежности текста к остготскому региону, поскольку вестготы не приняли христианства, а фрагменты остготских текстов обнаруживались и в других регионах переселения восточных готов на Эльбу и дальше на юго-восток вплоть до Крыма [Preiser, 2006]. Ф. Вреде обнаружил колебания в остготском написании звука [i] как *i* и *ei*, а также ряд морфологических вариантов в оформлении имен собственных, которые вряд ли можно объяснить случайностью [Wrede, 1891]. Это варьирование можно считать проникновением в текст перевода Библии Ульфила остготских диалектных разговорных форм, отличающихся в написании и морфологии прежде всего от имен собственных, поскольку написание библейских имен всегда более консервативно.

Работая с 1891 г. в Марбургском университете на кафедре немецкой филологии, Ф. Вреде подключился к проекту Г. Венкера «Лингвистический атлас Немецкого рейха» (*Sprachatlas des Deutschen Reichs*), который был начат еще в 1876 г. После смерти Г. Венкера, став директором Института диалектологии при Марбургском университете, Ф. Вреде продолжил работу над классификацией диалектов и созданием Атласа немецкого языка, редактором которого он был с 1926 г. Эту работу ему удалось завершить в 1926–1932 гг. публикацией шеститомного издания атласа [Veith, 2006]. Небольшой экскурс в историю жизни двух, без преувеличения, великих немецких диалектологов необходим не только потому, что созданная ими концепция диалектной географии позволила описать структуру одного из самых сложных и разветвленных языковых образований в индоевропейской языковой семье. Сотрудниками Марбургского проекта было составлено свыше 2500 карт

диалектов Лингвистического атласа, причем на каждой карте обозначены границы нескольких диалектов. В настоящее время их число значительно сократилось, но они явились основой для формирования новых, более крупных региональных языковых образований, которые находятся в постоянной динамике. Совершенно очевидно, что для того, чтобы оценить тенденции и перспективы существования и развития немецких диалектов, необходима некая точка или граница отсчета, которой может быть зафиксированная Атласом немецкого языка ситуация на границе XIX–XX вв. Это является, безусловно, заслугой Г. Венкера и Ф. Вреде.

Вторым обстоятельством, свидетельствующим о большом вкладе этих лингвистов в историю науки о языке, является создание уникальной методики получения данных, что стало фактически революцией в полевой лингвистике. Достоинства лингвистических построений Венкера – Вреде и их коллег, казалось бы, неоспоримы, но они были встречены достаточно прохладно некоторыми немецкими германистами – современниками, поскольку они противоречили устоявшимся традиционным представлениям о немецких диалектах и их границах.

Полемика с одним из таких критиков посвящено издание выпуска Атласа Венкера – Вреде от 1895 г. (титульный лист издания – см. рис. 1). Подзаголовок книги выглядит на первый взгляд немного странно: «*Dichtung und Wahrheit*», что означает в контексте содержания: «*Сочинительство и правда*» [Wenker, Wrede, 1895]. В выпуск включены только два материала: большая статья Г. Венкера «*Herrn Bremers Kritik des Sprachatlas*» (*Критика господином Бремером языкового атласа*) и текст доклада Ф. Вреде на секции германистов 43-го собрания немецких филологов и преподавателей в Кёльне 26 сентября 1895 г.: «*Über richtige Interpretation der Sprachatlaskarten*» (*О правильной интерпретации карт языкового атласа*). Ознакомление с текстами данных публикаций позволяет представить, насколько ожесточенной была полемика.

Поводом для спора диалектологов послужил выпуск Отто Бремером III-го тома Краткой грамматики немецких диалектов под названием: «*Beiträge zur Geographie der deutschen Mundarten in Form einer Kritik von Wenkers Sprachatlas des Deutschen Reichs*» (*Вклад в географию немецких диалектов в форме критики Лингвистического атласа Германского рейха Венкера*). На почти 30 страницах Г. Венкер детально разобрал все критические замечания Бремера. В частности, он указал на то, что тот ориентируется в своих построениях не на реальные факты звуковых изменений, например

при описании дифтонгизации $i > ei$ (ai), а на заранее сформулированное правило о том, как теоретически должна проходить граница, без опоры на доказательства [Wenker, Wrede, 1895, 1 p. 8–19]. Точно так же на предположении строится, по мнению Г. Венкера, утверждение Бремера о том, что проживающие в одном регионе молодые и пожилые люди должны владеть разными версиями произнесения дифтонгов и монофтонгов, а это может иметь следствием проблематичность возможности построения диалектной границы вообще [там же, p. 24].

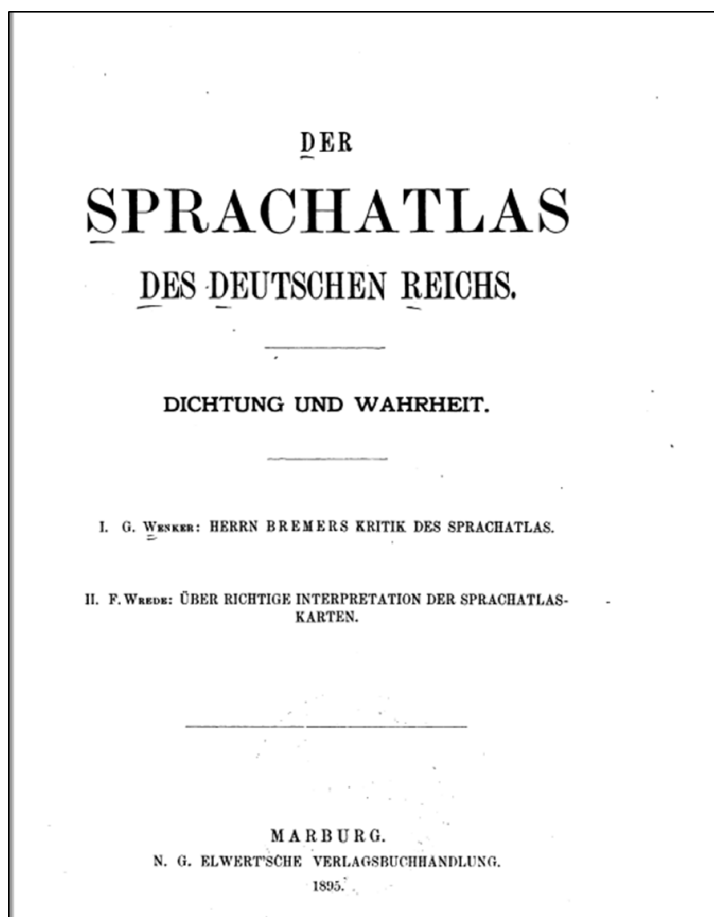

Рис. 1.

Титульный лист Языкового атласа Немецкого рейха 1895 г.

Главный упрек Г. Венкера в адрес О. Бремера заключается в том, что последний руководствовался при рассмотрении диалектных карт сопоставлением полученных полевым методом результатов с данными литературных источников по диалектологии и делал на этом основании выводы об ошибках и недостоверности атласа [там же, р. 30]. Он назвал отношение Бремера к изучению карт атласа «наивной бездумностью» (*naïve Gedankenlosigkeit*) и заявил о нежелании иметь с ним никакого дела: «Mit dem Verfasser eines solchen Elaborates habe ich hiermit ein für allemal abgeschlossen» [там же, р. 31]. Это заявление выпадает по стилю из традиционных норм академической дискуссии, что можно, видимо, объяснить только накалом споров, сопровождавших рождение новой диалектологии.

Дискуссию продолжил последователь и соратник Г. Венкера Фридрих Вреде. По его мнению, одна из главных причин ошибок в интерпретации карт заключается в том, что диалектологи «...находятся часто и сильно под влиянием письменного языка и его единственной знакомой им орфографии». Это стало особенно важной проблемой, поскольку «...внешне единый письменный немецкий язык произносится по-разному, особые диалектные особенности сохраняются, даже если говорящий прилагает усилия к использованию чистого письменного немецкого языка» [Wenker, Wrede, 1895, р. 38–39].

Фактически в работах Венкера – Вреде сформулированы актуальные и сейчас принципы диалектологии, заключающиеся, прежде всего, в необходимости дифференциации стандарта (письменного языка) и его различных реализаций, зависящих от условий и участников общения. Это предполагает рассмотрение языка, имеющего много диалектов, такого как, например, немецкий, как аналогичного многоязычным (мультилингвальным) системам с переключениями кодов. Такой подход к языку предвосхитил в конце XIX в. будущие достижения социолингвистики и способствовал выходу диалектологии на новые уровни. Важным следствием работы по созданию Атласа диалектов явилась разработка технологии сбора, обработки данных и их интерпретации. Кстати, среди критических замечаний О. Бремера были и такие, которые могли оказаться полезными, но были отвергнуты в пылу полемики. В частности, это относится к замечаниям о необходимости учета возраста и / или пола (гендера) респондентов.

Сам О. Бремер интересовался преимущественно северонемецкими диалектами и объездил до 1930 г. остров Вангероог (*Wangerooge*). Он был одним из первых, кто начал использовать

запись звучащей речи сначала на восковые валики, которые были впоследствии переведены на грампластинки и затем оцифрованы. Материалы Бремера стали основой для создания в университете Галле Института речеведения и фонетики (Institut für Sprechwissenschaft und Phonetik der Universität Halle) (подробнее об О. Бремере см.: [Basler, 1955]).

В 1932 г. была завершена публикация Атласа немецких диалектов, но на этом интерес к немецким диалектам в Германии и история атласа не закончились, и одной из причин этого было то обстоятельство, что оригиналы, нарисованные от руки непосредственно Георгом Венкером с участием Ф. Вреде и Э. Маурманна, остались неопубликованными. Всего было создано 1668 таких карт, на которых были представлены исследуемые фонетические, морфологические и лексические единицы. Пример одной из них представлен на рис. 2. Карты были изготовлены в двух экземплярах. Полный набор карт хранится в Исследовательском центре «Немецкий языковой атлас» Марбургского университета. Познакомиться с материалами, связанными с этими картами, можно на сайте оригинала атласа Венкера – Wenkers Atlas (WA) [Sprachatlas].

Вторая часть атласа долгое время считалась утраченной. Она была изготовлена специально для Прусского министерства культуры, финансировавшего проект, и передана в Берлин для отчета и оценки специальной комиссией. Ранняя смерть Г. Венкера, изменения в руководстве коллективом создателей атласа, а затем события 1933 г. и последующих лет, – все это привело к тому, что материалы стали считаться утраченными. Лишь в мае 2006 г. диалектолог Альфред Ламели сделал сенсационную находку в Берлинской государственной библиотеке. Он обнаружил пропавшую часть материалов, созданных непосредственно Г. Венкером, которая содержит 433 рукописные тетради с введением к атласу и пояснениями к отдельным картам, сделанным от руки [Lameli, 2008].

Рукописи и рисунки карт Г. Венкера содержат некоторые неизвестные до сих пор принципы картографирования Венкера, что позволяет по-новому оценить его работу. Благодаря находке появилась возможность воссоздать целостную картину немецких диалектов 20-летнего периода 1889–1911 гг., эпоху смены веков, заложившую основу для функционирования и развития немецкого языка в новых социально-экономических и политических условиях и связанной с этим глобальной перестройкой коммуникативных систем. Результатом этой перестройки явилось возникновение принципиально новых форм региональных языков в немецкоязыч-

ном ареале, изучение которых было бы невозможно без глубокого знания истории.

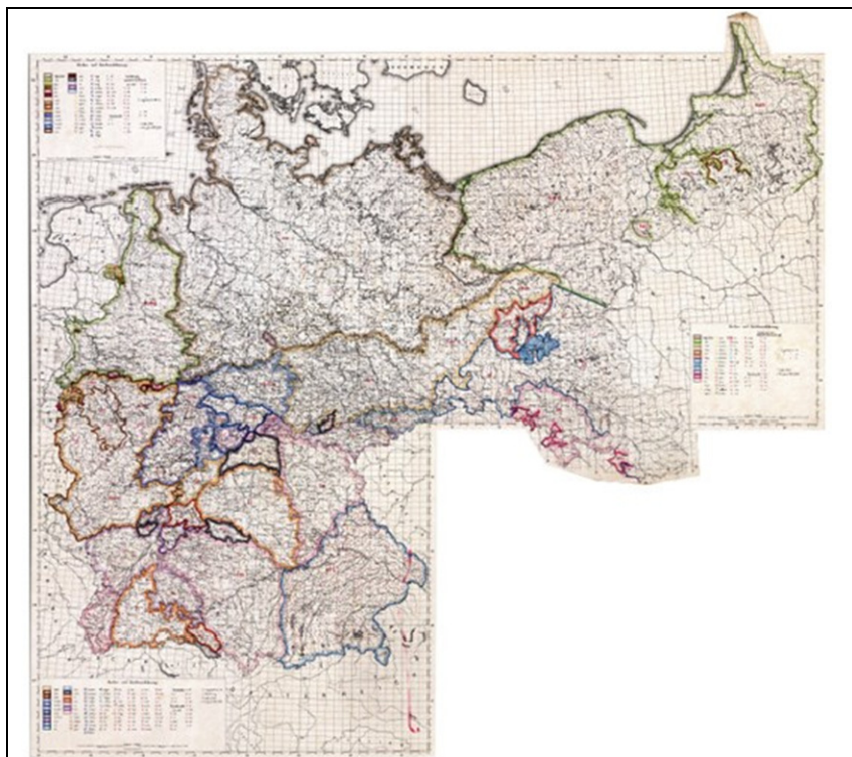

Рис. 2.
Пример карты Венкера (№ 381)
с сайта Sprachatlas des deutschen Reichs

1.2. Российский вклад в немецкую диалектологию

Вклад советской и российской лингвистики в немецкую диалектологию трудно переоценить. Не случайно известный немецкий диалектолог Дитер Штельмахер в лекциях на тему «Der Gang der deutschen Dialektologie» (*Путь немецкой диалектологии*) в университетах Сибири, Венгрии и Испании говорил, что любой диалектолог, желающий получить информацию о немецких диалектах и диалектологии, где бы он ни жил, не может пройти мимо книги

«Немецкая диалектология» Виктора Максимовича Жирмунского (1891–1971). Невозможно переоценить значимость его исследований в области немецкой диалектологии не только для германистов-диалектологов, но и для мировой диалектологии и лингвистики в целом [GeMa, 2008; Stellmacher].

Германия, как никакая другая страна Европы, сохраняла феодальную раздробленность и, соответственно, раздробленность языка до государственного объединения в конце XIX в. в 1871 г. При этом вслед за государственным объединением не произошло автоматического объединения немецкого языка тех территорий, где он использовался. В результате появились варианты, соответствующие не только диалектным регионам, но и государствам, т.е. национальные варианты немецкого языка, по определению А.И. Домашнева [Домашнев, 1967, с. 6] Таким образом возник язык с несколькими центрами на территории одного ареала, в отличие от английского, французского или испанского, варианты которых появились в различных странах и на разных континентах вслед за их колонизацией. Такие языки носят название полицентрических, или плюрицентрических (*pluricentric languages*). Одним из первых этот термин использовал Г. Клосс при описании немецкого языка в Швейцарии [Kloss, 1976].

Длительное время описывались только перечисленные выше национальные варианты плюрицентрических языков, однако вслед за распространением результатов исследования диалектов, имеющих большое количество контактов в рамках одного языка, к вопросу выделения в рамках национальных языков стандартных вариаций обратились лингвисты, изучающие языки в странах с богатой историей контактов. К ним относятся, например, такие языки, как тамильский (*Tamil*) и хинди-урду (*Hindi-Urdu*) в Индии, арабский (*Arabic*), китайский (*Chinese*), которые используются миллионами говорящих. Кроме того, среди плюрицентрических языков в последние годы стали появляться языки без большой истории переселений и контактов их носителей или с малым числом говорящих на них: например, голландский / нидерландский (*Dutch*), шведский (*Swedish*), македонский (*Macedonian*). Особо можно остановиться на корейском языке. Рассматривая его, можно, наверное, провести аналогию с языками разделенной Германии. Однако попытки рассмотреть языки ФРГ и ГДР как варианты одного языкового стандарта оказались безрезультативными, так что вопрос таких образований остался открытым.

С результатами изучения всех вышеперечисленных языков можно познакомиться в интересной публикации, вышедшей под редакцией М. Кляйна: «Pluricentric Languages. Differing Norms in Different Nations» (*Плюрицентричные языки. Различия в нормах у разных народов*) [Pluricentric Languages, 1992].

В.М. Жирмунский не только заложил основу для понимания структуры национальных языков в зависимости от их истории как возможной совокупности вариантов в пределах одного или различных ареалов. Он также сформулировал на материале немецкого языка основы переселенческой диалектологии [Жирмунский, 1976]. Объектами его исследования были география распространения и функционирование диалектов немецких переселенцев из Германии в Россию. Диалекты этих переселенцев и стали так называемыми диалектными островами, возникшими не как следствие колониальных завоеваний, а в результате добровольного переселения с согласия и по приглашению прежде всего Екатерины II, следовательно, задолго до становления немецкоязычных государств и их вариантов национального немецкого языка.

Немецкоязычные переселенцы, преимущественно крестьяне, ехали компактными группами, нередко целыми деревнями, т.е. это было перемещение людей, диалекты которых позднее вошли в Атлас немецких диалектов со всеми характеризующими их фонетическими, грамматическими и лексическими особенностями. В.М. Жирмунский придавал большое значение изучению этих диалектов в естественной среде. Данные, полученные в ходе его экспедиций в 20-е годы прошлого столетия по схожей с методикой Венкера методике, но уже с аудиозаписями речи и песен немецких переселенцев, явились хорошей основой для сопоставительных диалектологических исследований, поскольку они были сделаны почти одновременно с записями, которые сделал Ф. Вреде; однако отмечалось, что переселенцы длительное время находились в изоляции от материнского языка. В отличие от Венкера и Вреде В.М. Жирмунский не ограничился составлением изоглосс. Он сопровождал описание диалектов характеристикой социокультурной ситуации и специфики их функционирования и тем самым намного опередил передовую по тем временам диалектологию Германии. Немецкие исследователи только во второй половине XX столетия перенесли фокус изучения на структурно-географический и коммуникативный аспекты диалектологии [Wiesinger, 1994, S. 15, 17 ff.].

Структуралистический подход В.М. Жирмунского просматривается в его концепции первичных и вторичных диалектных

признаков. Первичными являются признаки, максимально отличающие диалект от стандарта или других диалектов, – в отличие от вторичных «слабых» признаков, которые могут характеризовать не только диалекты, но и разговорные формы языка. В случае утраты диалектом в ситуации потери контакта с основным ареалом самостоятельности прежде всего должны утрачиваться первичные признаки. Исследования показали, что это длительный сложный процесс. Так, например, изучение особенностей швабского островного диалекта в Крыму в 20-е годы прошлого столетия показало сохранение средневерхненемецкой швабской дифтонгизации в «русско-немецкой» версии этого диалекта, т.е. сохранение его первичного признака:

свн. [o:] > шваб. [ao] – *graoß* (groß), *haox* (hoch)

двн. [eo] > свн. [e/i]_ > шваб. [ae] – *ŋae* (Schnee), *dae*ⁿŠteç

(Dienstag)

свн. [y:] (iu) > шваб. [ui] *fuir* (für), *nui* (neu), *sui* (sie [zi:]), *uih*

(euch)

свн. [·] (reht) > шваб. *r· · xt* (recht), *b· · s·* (besser)

Через 60 лет после исследований В.М. Жирмунского была зафиксирована нейтрализация данного первичного признака, т.е. установлены формы *groß*, *hoх* и др. в речи 70–80-летних респондентов, речь которых формировалась в течение прошлого века без реального контакта со стандартной вариацией¹ [Бухаров, Байкова]. Социальный статус носителей диалекта не изменился, но в результате взаимодействия соседствующих разносистемных диалектов и постоянного контакта с русским языком произошла утрата первичных диалектных признаков. Рассматривая подобные случаи, В.М. Жирмунский ввел понятие «диалектографическая иллюзия», объясняющее кажущееся совпадение диалектов, и справедливо отмечал большое значение для решения подобных проблем их изучения в комплексе с вопросами социальной истории, без ограничения только географией, как это было у Венкера и Вреде [Домашнев, 1987, с. 4].

Взгляды В.М. Жирмунского на развитие языков или диалектов за пределами их основного региона распространения находили и находят большое количество последователей. Так, например, на первый взгляд необычное предположение связано с трактовкой тихоокеанского пиджина (*Pacific Pidgin*) как плюрицентрического языка [Wurm, 1992, p. 421]. С.А. Вурм рассматривает пиджин в

¹ Использованы примеры из банка диалектных данных немецких переселенцев Лаборатории Кировского университета.

рамках концепции English Languages (*английских языков Качпу*), т.е. с позиций степени проникновения английского языка в систему местного, которую не во всех случаях можно считать связанной с возникновением нового центра какого-либо языка [Kachru, 2003]. Пиджины могут возникать даже в одном регионе, в частности в тихоокеанском, на базе контактов *различных* местных языков – их там громадное количество – с *различными* пришедшими туда преимущественно европейскими языками. Это означает существование *различных* пиджин-языков, а не вариантов или центров одного языка. Ситуация с языками пиджин включена в настоящий обзор по той причине, что распространение немецкого языка за пределами основного ареала не ограничивается Россией. Диалектные немецкие острова есть в Северной и Южной Америке как следствие миграции из Германии. В Африке в XIX в. также были достаточно большие немецкие поселения и, соответственно, условия для возникновения там как региональных языков, так и пиджинов на основе немецкого. Сейчас можно говорить лишь о случайно сохранившихся элементах немецко-африканского пиджина в речи белого населения ЮАР, которое говорит в основном на английском языке. Пример из наших наблюдений: «I hab komā» – *Ich bin gekommen* (я пришла / пришел).

Идеи В.М. Жирмунского, которые были заложены в 1920–1930-е годы, намного опередили мысль его современников. Как писал профессор В. Нэзер в предисловии к переводу в 1962 г. на немецкий язык книги «Немецкая диалектология», труды В.М. Жирмунского «...и по сей день являются неотъемлемой частью лингвистической основы немецкой лингвистики и изучения языка» [Näser, 1962]. В.М. Жирмунский критически рассматривал методы установления границ диалектов Г. Венкером и Ф. Вреде с помощью изоглосс, не учитывавшие в полной мере историко-культурные и социальные особенности эпохи и регионов. Этот пробел в немецкой диалектологии призваны заполнить появившиеся в последние десятилетия перцептивные или ментальные подходы к лексико-географическому материалу. Одна из важнейших идей, сформулированных В.М. Жирмунским, – его мысль о том, что «...деление диалектов на территориальные и социальные... является мнимым» [Домашнев, 1987, с. 9], – также получила в последние годы активное развитие и стала, по сути, важнейшей составной частью концепции современных урбанистических диалектов Германии. Фактически теоретические взгляды и исследова-

ния В.М. Жирмунского предопределили современное понимание структуры немецкоязычного пространства и места диалектов в нем.

2. Структура современного немецкого языкового пространства

Основными регионами распространения немецкого языка являются Центральная, Западная и частично Восточная Европа. Кроме того, немецкий язык присутствует в ряде мест за пределами этого ареала, как правило, в форме диалектных островов. Развитие немецкого языка исторически проходило в сложных социально-политических и экономических условиях, которые длительное время препятствовали процессу формирования единой нации и, соответственно, единого языка. В результате этого в центре внимания немецких лингвистов длительное время находились вопросы лингвогеографии, связанные с территориями, которые на многие десятилетия определили представления о структуре немецкого языкового пространства.

2.1. Полицентричность в немецком языковом пространстве

Конец XIX и начало XX столетия, благодаря работам Г. Венкера, Ф. Вреде и их последователей, характеризуются интенсивным распространением географического подхода к описанию языка. Логическим продолжением развития этого подхода стали работы Т. Фрингса (1886–1968), который в 1936 г. предложил модель формирования прообраза единого немецкого языка (*Durchschnittssprache*) в виде смешения восточносреднемецких диалектов [Филичева, 1992, с. 10]. Т. Фрингс связывал формирование наддиалектных форм языка не только с заселением восточных территорий. В 1936 г. он писал о тройственном характере этого процесса: единстве территории, сферы влияния и языка. [Frings, 2007, p. 159]. Т. Фрингс обращал внимание на то, что «...все политические приобретения новых земель и изменения в жизни, которые они влекут за собой, следуют по пятам, всегда вращаясь вокруг культурных центров». Одним из таких центров являлся треугольник: Дрезден, Лейпциг, Мейсен. Т. Фрингс называл этот процесс «выравниванием» языка

(*Ausgleichssprache*), закладывающим основу для единого письменного языка (*Schreibsprache*) [Frings, 1921, p. 7].

Модель единого немецкого языка Фрингса можно считать прообразом современного динамического подхода к интерпретации языка, поскольку она носила многовекторный характер и каждый ее параметр влиял на общую структуру. Фрингс писал: «Никакой остановки, всегда только смешивание и уравнивание, новое смешивание и новое уравнивание... локальная, территориальная, ландшафтная и культурная история в широком смысле связывает и разрушает языковые ландшафты и границы в непрерывном взаимодействии». Образующиеся в результате такого взаимодействия языковые формы являются результатом «...мощных социально-лингвистических революций» [Frings, 1921, p. 3–4]. Такая трактовка структуры немецкого коммуникативного пространства сохраняет актуальность и в наши дни, поскольку в процессе выравнивания региональных вариаций появляются все более крупные формы языка, однако различия между ними в той или иной степени сохраняются. Это означает, что члены языкового сообщества используют для своего общения несколько разновидностей немецкого языка [Goossens, 1977]. Традиционно их определяют как диалекты – полудиалекты – разговорные формы языка – разговорно-литературные и литературные вариации, но это лишь часть используемых в диалектологии и истории немецкого языка понятий.

Рассмотрение структуры немецкого языкового пространства позволяет сделать вывод о том, что региональная специфика в нем сохраняется до настоящего времени, однако меняется ее характер. Если раньше исторические диалекты обладали системным своеобразием и самостоятельностью на всех уровнях и достаточно точно вписывались в географические и административно-политические границы внутри ареала распространения немецкого языка, то к концу XIX в. ситуация начала меняться. Здесь также можно обратиться к мнению Т. Фрингса о том, что внимание диалектологов должно перемещаться от связей между территориальными и языковыми границами к связям между региональными и языковыми ландшафтами [Frings, 1921, p. 6]. Это свидетельствует о том, что в ходе формирования наддиалектных форм немецкого языка центр тяжести смещается с географии на социально-политическую и функциональную значимость и объектами рассмотрения становятся не территориальные диалекты, а региональные языки, поскольку их функциональная значимость значительно шире значимости диалектов.

Рассмотрение структуры языкового пространства может проходить на любом языковом уровне, однако наиболее точные сведения о параметрах отдельных форм языка можно получить из анализа их фонетики, поскольку звуковой состав в силу своей ограниченности сильнее, чем лексика и грамматика, сохраняет внутренние структурные связи вариации языка, к которой он принадлежит. Кроме того, нередко только благодаря звуковому составу, т.е. особенностям произношения говорящих, можно утверждать факт присутствия диалекта в речи и устанавливать границы его распространения, поскольку даже стандартная лексика может сохранять диалектные признаки произнесения [Бухаров, 1995].

В языковом пространстве основного ареала распространения языка происходят изменения социально-экономического, политического и культурного плана. Внутри ареала стираются административные и политические границы, увеличивается необходимость наличия общей деятельности у жителей различных регионов, что создает, в свою очередь, центростремительное движение как в социуме, так и в его языке. В результате появляются различные по объему языковые вариации, границы которых следуют прежде всего за национальным государственным делением. Эти формы языка получили название «национальные варианты», большой вклад в их описание внес А.И. Домашнев [Домашнев, 1967; Домашнев, 1983].

К числу национальных вариантов относят обычно немецкий язык в Германии (*Binnendeutsch*), Австрии, Швейцарии, Люксембурге. Три последние государства занимают относительно небольшие территории, на которых распространены генетически близкие диалекты юга и юго-запада ареала. Германия – это большой регион, в котором представлены все три базовые группы диалектов: нижне-, средне- и верхненемецкие, которые распространены, соответственно, на севере, в центре и на юге Германии. Поскольку изучалась связь национальных вариантов языка с территориями государств, предпринимались попытки выделить вариант, соответствующий ГДР, которые, однако, успеха не имели [Mit gespaltener Zunge? 2000]. Наверное, наиболее точная характеристика ситуации с немецким языком в ГДР и ФРГ в 1960-е годы содержится в высказывании Г. Мозера, которое привел А.И. Домашнев: «Ich sage bewusst nicht Spaltung, sondern Sonderung» (*Я специально говорю не о разделении, а об обособлении*) [Домашнев, 1967, с. 12]).

Специфика языка ГДР и ФРГ проявлялась в основном в лексике: частотность заимствований из русского языка в восточной и из английского – в западной части Германии, калькирование, появ-

ление лексики, характерной для общественной жизни и быта той или иной территории. Описание такой лексики было основным содержанием работ, освещавших эту тему (см., напр.: [Язык ГДР]). Тем не менее языковое пространство Германии нельзя считать однородным вариантом *Binnendeutsch* с одним центром. На территории от Мекленбурга до Баварии можно наблюдать различия в религии, культуре, традициях и обычаях, что не могло не отразиться на языке этих регионов. Это касается в первую очередь состояния диалектов, их статуса в жизни населения и отношения к использованию диалектов в современном сообществе.

Региональные различия вариантов немецкого языка, соответствующие национальным государственным образованиям, сохраняют свою специфику, восходящую к «старым» диалектам. Функционально такие варианты обслуживают все сферы общения на территориях своего распространения; однако, с одной стороны, их существование не позволяет говорить о единстве национального немецкого языка, а с другой – процесс сближения диалектов ведет к появлению укрупненных регионов и имеет следствием появление условий для их кодификации, что становится предпосылкой для формирования региональных вариантов стандартной вариации помимо национальных. Статус национального варианта языка нельзя, однако, сравнивать со статусом регионального языка, типа баварского или мекленбургского. (О трактовке понятия «региональный язык» см., напр.: [Schmidt, Herrgen, 2011].) Значимым фактором в процессе становления укрупненных региональных языков с точки зрения диалектологии является то обстоятельство, что их локализация связана с территориями распространения старых (классических) диалектов.

2.2. Новые подходы к локализации современных диалектов

Для социокультурной, политической и экономической жизни Германии характерны во второй половине XX и начале XXI столетия значительные изменения и процессы, имеющие следствием сдвиги в структуре языкового пространства. Можно, конечно, предположить, что процесс сглаживания диалектных различий, запущенный в конце XIX в., со временем станет все более интенсивным и приведет многие из диалектов к отмиранию. Важнейшими обстоятельствами, способствующими такому сглаживанию, являются появ-

ление и развитие электронных СМИ, объединение двух германских государств и процессы миграции населения начала XXI в.

Электронные СМИ фактически полностью уничтожили все границы, как административные, так и языковые, внутри немецко-язычного ареала. Для диагностики ситуации с диалектами можно проанализировать опросы об отношении к использованию диалектов в различных регионах, проведенные в разное время. Поскольку полноценное лонгитюдное исследование невозможно, можно ограничиться минимумом основных параметров: место проживания, время проведения опроса и социолингвистические характеристики респондентов.

Для оценки роли диалектов в жизни немецкого населения были использованы данные двух срезов: 1980–1990-е годы и 2000–2010 гг. Второй переменной являются регионы: Мекленбург (север Германии, Передняя Померания, т.е. нижненемецкие диалекты) и Бавария / Австрия (юг ареала, верхненемецкие диалекты). В качестве респондентов в опросе участвовали студенты в возрасте около 20 лет. Количество опрошенных: 147 на севере и 139 на юге¹.

Респондентам была задана серия вопросов об их отношении к использованию диалекта в различных ситуациях и с различными участниками общения. Для анализа рассмотрим вопрос: «Как часто Вы используете диалект при общении с друзьями или родителями дома и в университете?» Результаты ответов (*всегда – часто – редко – никогда*) обобщены в процентах на графике 1 «Использование диалекта в Мекленбурге и Баварии (1986)».

Из графика видно, что диалект используется дома всегда или часто практически одинаково как на севере, так и на юге: 48% и 54%. В официальной обстановке в университете диалект практически не используется (1% ответов), но достаточно часто он звучит в неофициальном общении с ровесниками (23–27%). Никогда не используют диалект дома 25% опрошенных молодых людей в нижненемецком регионе, на юге их меньше почти в два раза (10%). Ситуация в официальном общении примерно одинаковая в обоих диалектных регионах (38% и 43%). Таким образом, можно сделать вывод, что немецкие диалекты во второй половине XX столетия еще достаточно активно используются в бытовом общении, но постепенно уходят из официальной сферы.

¹ Полные результаты опросов см. в нашей работе: [Бухаров, 1995].

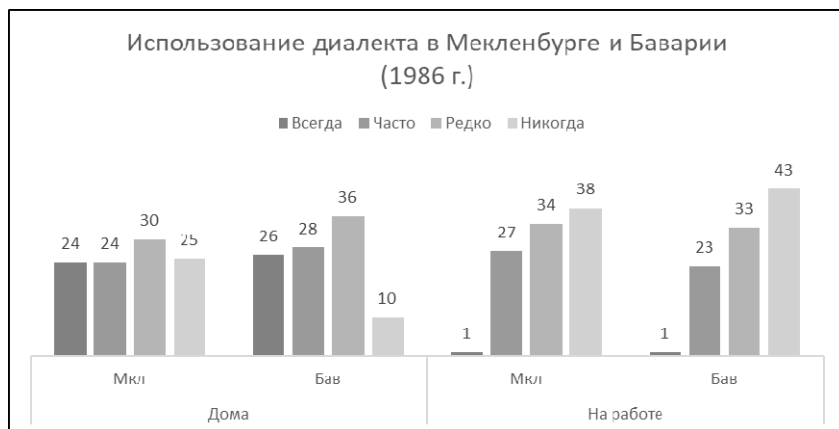

График 1.

Для оценки изменений в функционировании немецких диалектов был рассмотрен второй блок данных. Богатая, качественно обработанная информация о роли диалектов в жизни населения Германии содержится в материалах Института демоскопии в Алленсбахе (Institut für Demoskopie Allensbach), полученных в 2008 г. в различных регионах Германии¹. Респондентам задавался вопрос: «*Можете ли Вы общаться на диалекте этой местности?*», который базировался на приведенных выше данных. Ответы на этот вопрос, полученные почти через четверть века после первого опроса, т.е. после того как повзрослело одно поколение, распределились следующим образом:

- обычно всегда – 26%;
- в кругу друзей – 22%;
- в семье – 21%;
- на работе – 4%;
- никогда – 13%.

Результаты исследования показали, что почти треть населения в Германии (26%) используют или могут использовать диалект в любой ситуации. Это совпадает с аналогичным параметром 80-х годов – 24–27%. Почти половина немецкоязычного населения (43%) использует диалект в быту (в кругу семьи и друзей), т.е. число людей, которые потенциально могут использовать диалект, со-

¹ Данные опросов института приводятся по: [Schmidt, Herrgen, 2011, S. 273–274].

ставляет 69%. Это свидетельствует о чем угодно, но не о вымирании диалектов за годы бурного развития электронных СМИ.

Сопоставление данных по территориям показало, что принадлежность региона к диалектным ниже-, средне, и верхненемецким зонам, как и в прошлом столетии, продолжает играть значительную роль в использовании диалекта. В Баварии (верхненемецкий регион) им пользуются 65,7% населения, в Шлезвиг-Гольштейне (нижненемецкий) – 43,3%, причем юг ареала в целом более активен в использовании диалекта вообще.

Использование диалектов в современной Германии зависит, по данным опросов, и от социальных характеристик личности: места работы, возраста, образования и даже гендера. Так, например, активно используют диалект 58,3% учащихся начальных школ и 34,2% выпускников гимназий; мужчины, использующие диалект часто, составляют 51,1%, женщины – 48,1%. Результаты опросов Института демоскопии подтверждают тезис о том, что диалекты отнюдь не ушли из немецкого языка, изменились лишь их роль и сферы использования. Они становятся все больше языками частного общения с друзьями и в семье, остаются они и в коммуникации молодежи. Все это говорит о том, что региональная специфика диалектов, особенно на звуковом уровне, оказывается и в XXI в. сильнее тенденции к растворению в единой норме.

Границы отдельных частей немецкоязычного пространства традиционно определялись изоглоссами, например тем, в какой местности произносят *ich*, *ik* или *isch*. Причинами языковых различий являлись прежде всего разобщенность, отсутствие совместной трудовой или культурной деятельности. С другой стороны, наблюдаемое в последнее время смягчение различий между региональными вариантами немецкого языка происходит не столько по причине неудобства общения территориально близких сообществ, сколько в результате политико-экономического сближения, миграции и коммуникации населения, в том числе в электронной устной и письменной форме. При этом возникают новые центры, языковые особенности которых распространяются на соседние регионы, и границы диалектных признаков уже не обязательно совпадают с прежними изоглоссами.

Рассмотрим пример: произнесение суффикса *-ig* как палатального *-isch* концентрируется в алеманнском регионе, на юго-западе Германии, севере Швейцарии, западе Австрии и северо-востоке Франции [Schmidt, Herrgen, 2011, S. 270–272]. В восточной части Австрии этот суффикс произносится с ленизированным, т.е.

артикуляционно слабым [g] без придыхания (для нетренированного уха иностранца – фактически глухим [k]), а глухой интенсивный аспирированный [ik^h] звучит только в северной нижненемецкой части Германии. Таким образом, в различных регионах немецкого ареала одно и то же слово или словоформа могут быть представлены различными звуковым составом.

Результатами мобильности населения и развития не зависящих от региональных границ средств коммуникации являются перераспределение диалектных единиц, особенно лексических, и формирование диалектных укрупненных регионов (Großraumvarietäten). Границы этих регионов не обязательно совпадают с границами федеральных земель и даже государств, что видно, например, из простого примера с произнесением суффикса *-ig*. Это, в свою очередь, ставит вопрос о статусе диалектной географии и границах диалектов в целом. Для немецкой диалектологии длительное время было характерно рассмотрение диатопий как стабильных образований с устоявшимися нормами. Многие из них отражены в литературе и даже имели элементы кодификации орфографии [Бухаров, 1995, с. 54–57]. В качестве примера можно привести полное отсутствие буквы «ß» и наличие особой пунктуации в Швейцарии. Известный драматург Герхарт Гауптман создавал естественность театральных ситуаций тем, что в них звучала силезская речь, а герои романов Теодора Шторма говорили на нижненемецких диалектах.

Тенденции в развитии современного немецкого языка свидетельствуют о сглаживании различий между территориальными диалектами, вплоть до их полного слияния. Подобные процессы наблюдаются и в сотнях так называемых малых языков, исчезновение которых вызывает настолько большие опасения, что их поддержка стала одной из задач ЮНЕСКО [Language Vitality, 2003]. Другими словами, судьба диалектов не является частным вопросом диалектологии, проблема их существования и развития становится актуальной для лингвистики в целом. Однако, как показано выше, диалекты не только не исчезают, но и не теряют престижности. Можно говорить лишь об отчетливом смещении их употребления в сферу неформального общения в семье и с близкими друзьями. Происходит определенная перестройка в сфере взаимоотношения региональных и социальных параметров, которая, однако, может иметь далеко идущие последствия.

Характер изменений в диалектах носит, как показывают наблюдения, структурный характер, а это означает, что традиционные представления о границах их локализации становятся уста-

ревшими. Свидетельством этому является появление новых подходов к изучению этой проблемы. Одним из них можно считать появление так называемой «перцептуальной диалектологии», которая рассматривается как разновидность наивной лингвистики [Александров, Рихтер, 2013, с. 14]. Первые упоминания такого подхода к установлению локальной структуры языковых вариаций встречаются уже в конце 80-х годов прошлого столетия [Preston, 1989].

Суть перцептуальной, или перцептивной, диалектологии заключается, по мнению ряда авторов, в том, что колебания в установлении изоглосс рассматриваются не как результат диалектного контактирования, а как имманентное свойство языка, требующее использования специальных методов исследования [Александров, Рихтер, 2013, с. 15]. Это означает, что для получения данных о локализации диалекта и его функционировании в том или ином социуме требуется обращение к восприятию в сознании носителей диалектов их ментальных образов. Важную роль в становлении перцептивной диалектологии сыграло создание в 2007 г. на XXX Дне романских языков (*Romanistentag*) в Вене секции, положившей начало немецкой перцептивной диалектологии (*Wahrnehmungsdialektologie*) [Perzeptive Varietätenlinguistik]. Следствием развития перцептивной лингвистики стало расширение сферы ее исследований. Она изучает сейчас – кроме ставших уже традиционными лингвистических, ареальных и социальных феноменов – еще и когнитивные, которые являются субъективными переменными по отношению к локальным параметрам [Anders, 2010, p. 18].

В качестве примера когнитивного или ментального картографирования диалектов на основе их восприятия проживающими на той или иной территории можно привести работы Дженнифер Крамер, Кристиана Шварца и Филиппа Штёкле [Cramer, 2021; Schwarz, Stoeckle, 2017]. Так, в частности, Дж. Крамер, рассматривая вопросы перцептивной диалектологии и создания ментальных карт, отмечает, что в их основе лежит изучение мыслей и представлений, которые «нелингвисты» (или, как их нередко называют, – «наивные лингвисты») имеют в отношении диалектного окружения. Это значит, что к вопросам о том, к какому диалекту принадлежит то или иное слово, прибавляется информация о связи между использованием языка и местом его функционирования, историей и культурными традициями [Cramer, 2021].

Алгоритмы создания ментальных карт немецких диалектов детально описаны в статье К. Шварца и Ф. Штёкле о взаимодейст-

вии восприятия диалектов и топографии местности. Этот метод носит название *Draw-a-map-task* и не имеет пока однозначного соответствия в русском и немецком языках. Для создания лингвистической карты диалектов на ментальной основе информанты решают три задачи: они должны обозначить на карте все знакомые им диалектные области и указать по возможности их названия, затем дать субъективную оценку степени близости указанных диалектов с их родным и их соотношения со стандартом, в заключение нужно назвать известные респонденту лингвистические признаки диалекта [Schwarz, Stoeckle, 2017, p. 263]. Указанные опросы были проведены в 848 диалектных регионах Швейцарии, т.е. в верхненемецком ареале.

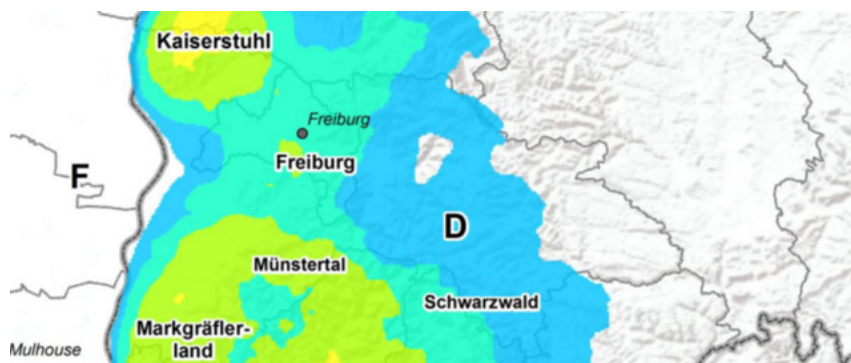

Рис. 3.

Фрагмент ментальной карты региона Оберрейн Швейцарии
из статьи: [Schwarz, Stoeckle, 2017, p. 265]

Различная степень совпадения ответов при обобщении с шагом в 10% передавалась на картах различным цветом [ibid., p. 264–265]. Фрагмент такой карты представлен на рис. 3. Оригиналы карт можно увидеть в работе К. Шварца и Ф. Штёкле [Schwarz, Stoeckle, 2017].

Описанный выше подход к изучению локализации диалектов и их границ, получивший широкое распространение в современной немецкой диалектологии, является не только новым видом их визуализации. Он наглядно демонстрирует тенденции в развитии немецкого языка, которые определяются совокупностью ментальных ориентиров: политическими, национальными связями, топографическими регионами, расположением городов и других поселений, исто-

рико-культурными традициями и степенью жизнеспособности формы языка. Подобная трактовка диалектной локализации может эффективно использоваться при изучении немецких «островных» диалектов за пределами основного ареала, поскольку территории их распространения и взаимоотношения с окружающими диалектами и языками нестабильны (как, например, в ситуации с немецкими диалектами в России) в силу обстоятельств под влиянием которых они развивались в XX столетии [Бухаров, Байкова, 2016].

3. Становление новых этно- и урбанистических немецких диалектов

Рассмотрение тенденций развития немецкой диалектологии свидетельствует о том, что эта научная лингвистическая дисциплина тесно связана с историей государств и регионов распространения немецкого языка. Конец XIX в. характеризуется становлением Германии как единого государства, и это не могло не отразиться на языке, который должен был обслуживать все бывшие ранее самостоятельными регионы – княжества. Однако достаточно успешная кодификация различных языковых систем, и прежде всего фонетики и грамматики, не привела к единству норм их использования. Региональная специфика сохранилась достаточно сильно не только между государствами – Германией, Австрией, Швейцарией, – но и внутри них.

Ход развития немецкой диалектологии достаточно стандартен. В нем можно выделить два периода. Во-первых, это фиксирование состояния языковой ситуации, что проще и нагляднее всего сделать путем проведения опросов о том, какие слова используются в том или ином регионе и как они произносятся. Нанесенные на карты результаты опросов визуализируют их распределение на больших территориях, и в итоге рождается диалектография. Довольно быстро становятся видны недостатки этой методики. Люди, проживающие на одной территории, имеют различные коммуникативные роли, которые зависят от социального статуса, вида профессиональной деятельности, образования, возраста, гендера, а не только от места рождения и проживания. Кроме того, эти роли могут меняться со временем и в зависимости от констелляции ситуаций общения. Все это требует сбора и обработки громадных по объему массивов языкового материала. Появление технических возможностей для проведения аудиозаписей и вычислительной

техники, создание электронных корпусов языкового материала позволили интенсифицировать эту работу и сделать ее более эффективной.

Второй период в развитии диалектологии можно связать со становлением новых лингвистических концепций, поставивших человека в центр науки о языке. Это позволило рассматривать диалекты не только как формы языка, соотносящиеся с территорией, но и как результаты когнитивной деятельности людей, для объединения которых существенными являются не только территория, но и ментальность, традиции, культура и т.д. Хорошими примерами этого являются ментальная или перцептуальная диалектология и присущая ей методология ментального картирования. Однако социальные и этнические изменения в Германии не закончились, и поэтому можно говорить об этническом повороте в диатопической структуре немецкого языка как о новом периоде развития диалектологии.

Для второй половины XX столетия характерны мощные процессы перемещения людей в Европе и особенно в Германии. Первоначально это было связано с потребностью в трудовой силе (*Gastarbeiter*) после Второй мировой войны. В основном «приглашались» рабочие и крестьяне из Турции, Италии, Югославии и некоторых других соседних стран. Многие из них возвратились на родину после нескольких лет работы. Большинство остающихся были жителями Турции, причем, как правило, они приезжали с семьями. Они селились нередко компактно и в местах проживания поддерживали в семьях родной язык. Однако жизнь в немецкоязычном окружении требовала владения немецким языком на работе, при взаимодействии с официальными службами, а для детей – в школах. Следствием этого явилось появление особой формы немецкого языка, получившей название *Kanak*.

Термин *Kanak Deutsch* появился в немецкой лингвистике для обозначения специфического варианта языка общения людей с миграционным прошлым (*Migrationshintergrund*), преимущественно выходцев из Турции. Этот термин впервые активно использовал представитель миграционной литературы Феридун Заимоглу, которого в возрасте одного года родители в 1965 г. привезли в Германию. Длительное время он жил с семьей в Мюнхене, а затем в Киле – в двух полярно расположенных диалектных регионах, преподавал в Берлинском университете, сотрудничал с крупнейшими немецкими газетами; т.е. он получил хорошее образование и большой лингвистический опыт, связанный с использованием

немецкого и турецкого языков. В 1995 г. Ф. Заимоглу опубликовал книгу «Kanak Sprak» о варианте возникающего в те годы турецко-немецкого варианта языка [Zaimoglu, 2011].

Слово *Kanak* появилось еще в XIX в. в жаргоне немецких моряков для обозначения языка жителей островов Полинезии и имело, как можно предположить, значение «чужак». В Германии оно имело значения «турок» или «чужак», а также попытки такого человека говорить на немецком языке. Отрицательная коннотация этого слова сохранялась и в 90-е годы. Ф. Заимоглу в 1995 г. писал, что канакская речь была похожа на гибридное турецко-немецкое бормотание (*Gestammel*) со случайными паузами и импровизированными выражениями. В ней были ошибки, относившиеся как к родному, турецкому языку, так и к «алеманнскому», а также «тарабарщина» (*Kauderwelsch*) из слов и идиом, которых нет ни в одном из этих языков [Zaimoglu, 2011, p. 18].

Рост числа выходцев из Турции, появление их второго и третьего поколений привели к тому, что обозначение *Kanak* стало восприниматься как пренебрежительное и даже оскорбительное для людей, ставших гражданами Германии. Их дети учились в школах и вузах на немецком языке, они стали писателями, актерами, политиками и уже не были «чужаками», однако все они сохраняли традиции, в том числе языковые, своей исторической родины. В среде турецкой молодежи, подрастающей в поликультурном многоязычном обществе, возникали специфические языковые единицы, занимающие промежуточное положение между различными кодами, которые она использовала, т.е. своего рода гибридный код. В. Хинненкамп назвал использование такого кода не переключением, а осцилляцией, т.е. периодическими колебаниями в использовании единиц разных языков без полного перехода на один из них [Hinnenkamp, 2005, p. 95].

Широкое распространение гибридного турецко-немецкого кода становилось все более актуальным объектом исследования в лингвистике. Профессор Фрайбургского университета, известный специалист в области диалектологии, мультилингвизма и переключения кодов П. Ауэр в одной из своих работ описал статус и перспективы развития этого кода. Он определил его как *этнолект* (стиль), использующие который ассоциируются с не немецкой этнической группой. Особенности этнолекта, в отличие от молодежного немецкого языка, затрагивают не только лексику, но и грамматику [Auer, 2003, p. 256]. Будущее этнолекта П. Ауэр видит в его «деэтнизации», поскольку признаки этнолекта фиксируются

и в речи этнически немецких молодежных групп. Это прежде всего касается грамматики: опускание артикля, некоторых предлогов и местоимений, изменение согласования, грамматического рода и т.п. [Auer, 2003, p. 262–263].

Процессы, которые привели к появлению на базе гибридных новых турецко-немецких языковых форм, получили дальнейшее развитие в начале XXI столетия. Это время характеризуется возникновением бурных миграционных потоков из арабских и африканских стран, целью которых во многих случаях была Германия. Кроме того, к этому времени в Германии появилось много русскоязычных переселенцев. Большинство мигрантов нового времени стремились компактно селиться на окраинах и вокруг больших городов. Популярной целью приезжающих был Берлин, поскольку в нем и раньше появлялись целые кварталы, где проживали иностранцы. Все они старались сохранить свой язык и культуру, но не могли не адаптироваться к условиям новой жизни, в том числе и в плане языка. Особенно активными участниками межэтнической и межкультурной коммуникации были молодые люди, и в их среде началось бурное появление новых гибридных языковых форм.

В 2008 г. появляется книга профессора Хайке Визе, посвященная новой языковой вариации, получившей название *Kiezdeutsch* [Wiese, 2008]. В отличие от *Kanak*, который был свидетельством слабой интеграции турецкого населения в Германии, эта новая языковая форма имела все признаки динамически развивающегося диалекта. Слово *Kiez* означает на идиш «местожительство», и его использование связывают прежде всего с Кройцбергом – районом Берлина. Точно так же стали обозначать и другие подобные места в других больших городах Германии.

Х. Визе показала на многочисленных примерах, что *Kiez*, в отличие от *Kanak*, опирается не на один язык, т.е. носит мультиэтнический характер с мультиязыковой основой [Wiese, Pohle, 2016]. Эту форму языка молодые люди используют не потому, что их родители родом из Турции, а потому, что это язык общения мультиэтнической молодежной группы, родными языками которых являются турецкий, арабский, курдский, русский, немецкий и др. В некоторых семьях используются несколько языков. Это означает, что *Kiez* – это символ успешности языковой интеграции молодежи [Wiese, 2010, p. 6]. По мере взросления молодежи он перешагивает возрастные границы, так же как раньше перешагнул гендерное ограничение (этим он отличался от *Kanak* – турецкие девушки в силу традиций принимали не очень активное участие в жизни молодеж-

ных групп). Хатице Денис Каноглу в работе «Kanak Sprak versus Kiezdeutsch» («Канак против Киц») отмечает, что главной функцией Kiez является культурный трансфер, поскольку языковой трансфер – это не что иное, как перенос исходных культурных ценностей из одного языка в другой [Canoğlu, 2012, p. 74].

Обобщая изложенное, можно сказать, что мультиэтнические диалекты типа немецкого Kiez являются языковыми вариациями, которые определяются не только региональными, но и социально-культурными факторами. Как отмечалось выше, еще В.М. Жирмунский указывал на мнимость противопоставления территориального и социального в определениях диалектов. Особенностью мультиэтнических диалектов является то, что возникающие в них языковые единицы носят комплексный характер и используются одинаково успешно людьми с любой языковой основой, как мигрантами, так и немцами. Однако они обладают дефиниционным ограничением – возрастом и местом проживания его носителей. Как правило, мультиэтнические диалекты распространены среди молодежи в городских районах с многочисленным мигрантским населением, что объясняет включение в их определение понятия «урбанистические» – Urban Diversity [Wiese, Pohle, 2016].

Признание статуса языковой формы Kiez как немецкого диалекта предполагает его признание не в качестве фактора, разрушающего немецкий язык, а в качестве новой тенденции развития. Такую позицию разделяет большая группа профессоров немецких университетов, которые еще в 2010 г. выступили в прессе по инициативе Х. Визе с совместным заявлением об опровержении так называемой «двойной полужизности» (*doppelte Halbsprachigkeit*) [Wiese, 2010 b] (утверждения о том, что для гибрида немецкого языка и языка мигрантов характерно то, что каждым из этих языков мигранты владеют наполовину (*Halbsprachigkeit*)). В качестве основы для изучения языка предлагается концепция многоязычия, которая описывает новый языковой профиль современной молодежи. Это подтверждается активно ведущимися исследованиями и публикациями центра Language in Urban Diversity при Берлинском университете в рамках проекта «Немецкий язык в мультилингвальном контексте». Важной задачей проекта является работа по созданию корпуса Kiezdeutsch, которая ведется с 2010 г. В корпусе на данный момент представлено почти 250 000 токенов данных, полученных в мультилингвальных районах Берлина (KiDKo / Mu), и свыше 100 000 – полученных в монолингвальных регионах, где

проживают в основном немцы (KiDKo / Mo) [KiDKo]. Присутствие форм Kiez в языке и в тех, и в других районах говорит о том, что появляется новая форма диатопии, которая выполняет роль диалекта выравнивания в появляющихся мультиэтнических (урбанистических) районах больших городов. Это означает, что не территория и не социальный статус, а весь комплекс условий, в которых происходит общение, формирует структуру новых мультиэтнических урбанистических диалектов в немецкоязычном ареале.

Список литературы

- Александров О.А., Рихтер С.О.* Немечкая перцептуальная диалектология // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 8 (26). – С. 13–17.
- Бухаров В.М., Байкова О.В.* Язык немецкого национального меньшинства Вятского региона: статус и перспективы развития // Вопросы языкознания. – 2016. – С. 75–89.
- Бухаров В.М.* Варианты норм произношения современного немецкого литературного языка: монография. – Нижний Новгород: ННГУ, 1995. – 138 с.
- Домашнев А.И.* Очерк современного немецкого языка в Австрии. – Москва: Высшая школа, 1967. – 180 с.
- Домашнев А.И.* Современный немецкий язык в его национальных вариантах. – Ленинград: Наука, 1983. – 236 с.
- Домашнев А.И.* Проблемы социальной диалектологии в трудах В.М. Жирмунского // Вопросы языкознания. – 1987. – № 6. – С. 3–9.
- Жирмунский В.М.* Проблемы переселенческой диалектологии // Общее и германское языкознание. – Ленинград: Наука, 1976. – С. 491–515.
- Жирмунский В.М.* Немечкая диалектология. – Изд. 2-е. – Москва: Ленанд, 2021. – 636 с.
- Филичева Н.И.* Немечкий литературный язык. – Москва: Высш. шк., 1992. – 176 с.
- Филичева Н.И.* История немецкого языка. – Москва: Academia, 2003. – 304 с.
- Язык ГДР. – URL: <https://www.de-online.ru/yazyk-gdr?ysclid=lqie2fxmwa708384922>
- Anders A.Ch.* Wahrnehmungsdialektologie. Das Obersächsische im Alltagsverständnis von Laien. In der Reihe: Linguistik – Impulse & Tendenzen / Hrsgg. von S. Günthner, K.-P. Konerding, W.-A. Liebert, Th. Roelcke. B. 36. De Gruyter. – 2010. – 448 S.
- Auer P.* Türkenslang: Ein jugendsprachlicher Ethnolekt des Deutschen und seine Transformationen / Spracherwerb und Lebensalter. – Tübingen; Basel: Francke, 2003. – S. 255–265. – URL: <https://www.researchgate.net/publication/291877916>
- Basler O.* «Bremer, Otto» // Neue Deutsche Biographie. – 1955. – N 2. – S. 581–582. – URL: <https://www.deutsche-biographie.de/pnd116482397.html#ndbcontent>
- Canoglu, Hatice Deniz* «Kanak Sprak» versus «Kiezdeutsch». Sprachverfall oder sprachlicher Spezialfall? Eine ethnolinguistische Untersuchung. – Berlin: Frank & Timme, 2012. – 136 S. – (Sprachwissenschaft; 11).

- Cramer Jennifer*. Mental maps and perceptual dialectology // *Language and Linguistics Compass*. – 2021. – Vol. 15, Issue 2 / John Wiley and Sons Ltd. – DOI: <https://doi.org/10.1111/lnc3.12405>
- Frings Th.* Die deutsche Sprachwissenschaft und die deutsche Mundartenforschung // *Zeitschrift für Deutsche Mundarten*. – 1921. – Bd. 16. – S. 2–12. – URL: <https://archive.org/details/zeitschriftfurdeutsch1921/page/6/mode/2up?view=theater>
- Frings Th.* Die Grundlagen des Meißnischen Deutsch // *Die Entstehung der neu-hochdeutschen Schriftsprache* / K.-P. Wegera (Hrsg.). – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2007. – S. 150–164.
- GeMa*. Germanistisches Magazin. – 2008. – N 2. – URL: http://www2.arts.u-szeged.hu/gema/zeitung/15/germanistik_dialektologie.htm
- Goossens J.* Deutsche Dialektologie. – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1977. – 147 S. – URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9783110853889.5/html>
- Hinnenkamp V.* «Zwei zu bir miydu?» – Mischsprachliche Varietäten von Migrantenjugendlichen im Hybriditätsdiskurs // *Sprachgrenzen überspringen. Sprachliche Hybridität und polykulturelles Selbstverständnis. Studien zur deutschen Sprache*. – 2005. – Bd. 32. – S. 51–104.
- Kachru B.* Nelson C. World Englishes. In: *Analysing English in a Global Context*. – London: Routledge, 2003. – P. 9–25.
- KiDKo* – Das KiezDeutsch-Korpus. – URL: <https://www.linguistik.hu-berlin.de/de/institut/professuren/multilinguale-kontexte>
- Kloss H.* Abstandsprachen und Ausbausprachen // *ZDL*. – 1976. – H. 16. – S. 310–312.
- Knoop U.* Das Interesse an Mundarten und die Grundlegung der Dialektologie // *Dialektologie*. Erster Halbband. – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1989. – S. 1–22.
- Language Vitality and Endangerment*. UNESCO Ad Hoc Expert Group on Endangered Languages. – 2003. – URL: <https://ich.unesco.org/doc/src/00120-EN.pdf>
- Lameli A.* Was Wenker noch zu sagen hatte... Die unbekannten Teile des Sprachatlas des Deutschen Reichs // *ZDL*. – 2008. – Bd. 75, H. 3. – S. 255–281. – URL: <https://www.jstor.org/stable/40504285>
- Mattäi.* Das Neue Testament. – Köln, 1863. – URL: https://www.google.ru/books/edition/_/IGX7yrlMkQsC?hl=ru&gbpv=1&pg=PA521&dq=das+neue+Testament
- Mit gespaltenen Zunge?: Die deutsche Sprache nach dem Fall der Mauer* / Hrsg. von R. Reiher, A. Baumann. – Berlin: Aufbau Taschenbuch Verl., 2000. – 277 S.
- Näser W.* Vorwort zu «Deutsche Mundartkunde» – Berlin: Akademie-Verlag, 1962. – 662 S. – URL: <https://wolfgang-naeser-marburg.lima-city.de/hm/schirmunski.htm>
- Perzeptive Varietätenlinguistik*. 10 Jahre Perzeptive Varietätenlinguistik. – Wien, 2017. – URL: <https://homepage.univie.ac.at/elissa.pustka/veranstaltungen/perzeptive-varietätenlinguistik/>
- Pluricentric Languages. Differing Norms in different Nations* / Ed. by M. Clyne. – Berlin; New York, 1992. – 471 p. – URL: https://books.google.ru/books?idwawGFWNuHiwC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false
- Preiser J.* Die letzten Goten. Die Geschichte ihres Staates auf der Krim. – 2006. – URL: [https://ya.ru/search/?text=The last Goths A history of their state on the Crimea Communicating Science to the Public_&lr=47&clid=2175661](https://ya.ru/search/?text=The+last+Goths+A+history+of+their+state+on+the+Crimea+Communicating+Science+to+the+Public_&lr=47&clid=2175661)
- Preston D.R.* Perceptual Dialectology. Nonlinguists' Views of Areal Linguistics. – Dordrecht: Foris Publications, 1989. – 139 p.

- Schmidt J.E., Herrgen J.* Sprachdynamik. Eine Einführung in die moderne Regional-sprachenforschung. – Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2011. – 464 S.
- Schwarz Ch., Stoeckle Ph.* Stadt, Land, Berg. Vom Zusammenspiel von Dialektwahrnehmung und Topographie // Linguistik online. – 2017. – Bd. 85, N 6. – S. 257–274. – URL: <https://bop.unibe.ch/linguistik-online/issue/view/771>
- Sprachatlas des Deutschen Reichs: Georg Wenkers handgezeichnetes Original (WA). – URL: <https://regionalsprache.de/wa.aspx>
- Stellmacher D.* Der Gang der «Deutschen Dialektologie» von Viktor Schirmunski bis heute. – URL: <https://docplayer.org/27380984-Der-gang-der-deutschen-dialektologie-von-viktor-schirmunski-bis-heute.html>
- Variantenwörterbuch des Deutschen. Die Standardsprache in Österreich, der Schweiz und Deutschland sowie in Liechtenstein. – Luxemburg: Ostbelgien und Südtirol; Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2004. – 954 S.
- Veith W.H.* Wrede, Ferdinand. Encyclopedia of Language & Linguistics (Second Edition). – 2006. – P. 670–671. – DOI: <https://doi.org/10.1016/B0-08-044854-2/02996-5>
- Wenker G., Wrede F.* Der Sprachatlas des deutschen Reichs: Dichtung und Wahrheit. – Marburg, 1895. – URL: https://books.google.ru/books?id=-FotAQAAMAAJ&hl=ru&source=gbs_book_other_versions
- Wiese H.* Kiezdeutsch. Ein neuer Dialekt entsteht. – München: C.H. Beck, 2008. – 280 S. – URL: <https://www.chbeck.de/wiese-kiezdeutsch/product/9324629>
- Wiese H.* Kiezdeutsch – ein neuer Dialekt des Deutschen // Politik und Zeitgeschichte. Themenheft «Sprache und Gesellschaft». – 2010. – N 8.
- Wiese H.* Die sogenannte «Doppelte Halbsprachigkeit»: eine sprachwissenschaftliche Stellungnahme. Leibniz-Zentrum. Allgemeine Sprachwissenschaft. – 2010 b. – URL: https://www.unipotsdam.de/fileadmin/projects/svm/PDFs/Pressemitteilung_Doppelte_Halbsprachigkeit.pdf
- Wiese H., Pohle M.* «Ich geh Kino» oder «...ins Kino»? Gebrauchsrestriktionen nicht-kanonischer Lokalangaben // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. – 2016. – N 35 (2). – S. 172–216.
- Wiesinger P.* Zum gegenwärtigen Stand der phonetisch-phonologischen Dialektbeschreibung // Dialektologie des Deutschen. Forschungsstand und Entwicklungstendenzen / K. Mattheier; P. Wiesinger (Hgg.). – Tübingen: Niemeyer, 1994. – S. 3–27.
- Wrede F.* Über die Sprache der Goten in Italien. – Strassburg: K.J. Trübner, 1891. – 228 S. – URL: <https://archive.org/details/berdiespracheder00wred/page/202/mode/2up?ref=ol&view=heater>
- Wurm S.A.* Pacific Pidgin Englishes. Pluricentric languages. Differing Norms in different Nations / Ed. by M. Clyne. – Berlin; New York, 1992. – P. 421–436.
- Zaimoglu F.* Kanak Sprak / Koppstoff. Die gesammelten Misstöne vom Rande der Gesellschaft. KIWI-Taschenbuch. – 2011. – 235 S. – URL: <https://www.book2look.com/book/9783462043204>

ЯКОВЛЕВА Э.Б.¹

1.8. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФОНЕТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ШВЕЙЦАРСКО- НЕМЕЦКОГО ДИАЛЕКТА (СЕГМЕНТНЫЙ УРОВЕНЬ)

Аннотация. Экспериментально-фонетическое исследование, посвященное выявлению фонетических особенностей швейцарско-немецкого диалекта на сегментном уровне, проводилось на материале спонтанной монологической речи с использованием аудитивного метода и привлечением статистико-математической обработки данных. Полученные результаты на основе анализа спонтанной речи еще раз подтвердили наличие глубоких фонетических расхождений в реализации сегментного уровня швейцарского диалекта, швейцарского литературного стандарта и тем более германского произносительного стандарта.

Введение

Двуязычие, как и многоязычие в целом, – закономерное явление современного глобализированного мира. Билингвальные и полилингвальные ареалы широко распространены на всех континентах земного шара. Швейцарию по праву можно назвать ярким примером полилингвального региона Европы. Помимо четырех официальных языков в этой стране бытуют и языки мигрантов. Поэтому языковые зоны Швейцарии не представляют собой ригидные гомогенные единицы. Многовековое наличие адстратного языкового воздействия создает ситуацию постоянного контактирования населения, что не может не сказаться на вариантах главенствующих языков данного ареала.

¹ Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия; jakovlevaemma@mail.ru

В настоящее время можно назвать следующие две главенствующие функциональные формы немецкого языка в Швейцарии: *литературный стандарт* в его швейцарском варианте и швейцарско-немецкий *диалект*. Функции у этих двух форм языка неодинаковые. Литературный стандарт (Schweizerhochdeutsch, Schriftdeutsch) употребляется как письменная норма языка, а также и устная в официальной сфере: парламенте, образовательных учреждениях, на торжественных мероприятиях государственного масштаба, переговорах, встречах с представителями других стран и т.д. В качестве распространенного средства повседневного устного общения используется швейцарско-немецкий диалект (Schwyzerdütsch) – западноюжнемецкий (алеманнский), который В. Лерх и Ф. Шойффеле рассматривают как совокупность 50 швейцарско-немецких поддиалектов [Lerch, 1971; Schäuuffele, 1972] и который фактически считается национальным языком страны [Языки мира. Германские языки. Кельтские языки, 2000, с. 380].

Швейцарско-немецкий диалект в значительной степени отличается от литературного швейцарского стандарта. Опрос, проведенный швейцарским радио DRS среди студентов университета Цюриха в 2006 г., показал, что 80% опрошенных считают стандартный литературный немецкий язык иностранным языком [Моя Швейцария, 2024]. В последнее время можно констатировать, что и швейцарский диалект все больше находит письменное применение, особенно в переписке по электронной почте, СМС, в мессенджерах, объявлениях, небольших газетных заметках, т.е. постепенно швейцарский диалект приобретает черты самостоятельного языка.

Процедура эксперимента. Подготовительный этап

Основная *цель* экспериментально-фонетического исследования состояла в выявлении лишь некоторых фонетических особенностей швейцарско-немецкого диалекта на сегментном уровне, поскольку на обсуждаемый момент у нас не было достаточно времени и возможностей для более развернутого исследования, поэтому его можно определить как *пилотное*.

На стадии планирования были поставлены следующие *задачи*.

1. Подготовить экспериментальный аутентичный звучащий материал (осуществить запись) для проведения аудитивного анализа. Определить его объем и виды предъявления информантам.

2. Определить инвентарь фонетических явлений в системе вокализма и консонантизма швейцарско-немецкого диалекта, подлежащих анализу.

3. Графически зафиксировать звучащий материал в качестве возможного вспомогательного источника для информантов. Данный пункт в планировании эксперимента носил факультативный характер и мог быть исключен из плана как нерелевантный

4. Определить количество и компетентный статус информантов для участия в аудитивном анализе.

5. Провести статистическую обработку полученных данных и их лингвистическую интерпретацию.

В качестве экспериментального *материала* были использованы спонтанные монологические дискурсы ($n = 5$) носителей швейцарско-немецкого диалекта, реализованные пятью информантами в естественном темпе: четырьмя женщинами и одним мужчиной в возрасте от 18 до 22 лет, с неполным высшим и средним специальным образованием. Общее время звучания – 20 мин.

Информантам предлагалось высказаться на любые интересные их темы в непринужденной обстановке. Их речевая деятельность не ограничивалась жесткими тематическими и временными рамками. Цель эксперимента не сообщалась.

Все экспериментальные монологи отличались импровизированным, неподготовленным характером общения, проходили в неофициальной, непринужденной обстановке. Данные характеристики коммуникативного акта являются основными экстралингвистическими факторами, характеризующими разговорную речь, что, в свою очередь, позволяет нам рассматривать исследуемые монологические дискурсы как образцы живой разговорной, непринужденной речи.

Информанты

В начале эксперимента было решено не предоставлять графический материал группам испытуемых, поскольку одну группу информантов составляли преподаватели ($n = 10$), владеющие немецким языком, вторую группу – студенты-лингвисты ($n = 10$), которые хотя и изучали немецкий язык в качестве второго иностранного языка, однако уже обладали навыками аудирования, достаточными для того, чтобы успешно работать с экспериментальным материалом. Кроме того, в целях эксперимента было необходимо, чтобы информанты опирались только на слуховые

впечатления, так как непроизвольное влияние графики само по себе могло сыграть деструктивную роль в слуховых ожиданиях информантов.

Аудиторы-преподаватели и аудиторы-студенты в фонетическом эксперименте участвовали впервые, поэтому с ними были проведены предварительные консультации по процедуре выполнения заданий. Поскольку аудиторы-преподаватели не являлись специалистами в области фонетики немецкого языка, а аудиторы-студенты обладали лишь минимальными практическими навыками, то их описания своих слуховых впечатлений носили естественный характер, что отвечало целям эксперимента.

Методика проведения аудитивного анализа

Цель аудитивного анализа состояла в выявлении фонетических особенностей (сегментный уровень) в швейцарско-немецком диалекте на перцептивно-слуховом уровне.

В *задачи* информантов-аудиторов входило: 1) указать отличия реализации гласных фонем в швейцарско-немецком диалекте от их реализации в германском стандарте; 2) указать отличия реализации согласных фонем в швейцарско-немецком диалекте от их реализации в германском стандарте.

До проведения анализа информантам были розданы письменные инструкции-протоколы, в которых они должны были фиксировать отклонения в реализации гласных и согласных фонем в швейцарско-немецком диалекте от их реализации в германском стандарте.

Число прослушиваний звучащего материала не ограничивалось.

Обработка данных, полученных в процессе аудитивного анализа, осуществлялась следующим образом: 1) сопоставлялись результаты работы внутри каждой группы информантов; 2) между двумя группами информантов; 3) решение о наличии отклонений в швейцарском варианте от германского стандарта принималось в том случае, если совпадения оценок в группах аудиторов составляли не менее 75%.

Результаты аудитивного анализа

Прежде чем приступить к описанию фонетических особенностей сегментного уровня швейцарско-немецкого диалекта,

следует указать на некоторые важные экстралингвистические факторы, которые оказывают существенное влияние на реализацию как гласных, так и согласных звуков в речевом потоке.

Даже литературный швейцарский произносительный стандарт, в наибольшей степени приближенный к германскому стандарту, в целом далек от него, не говоря уже о спонтанно генерированной неподготовленной речи.

Фактор спонтанности порождения речи накладывает особый отпечаток на реализацию звуков речи в речевом континууме. Процессы синхронности обдумывания и продуцирования речи, неприужденность обстановки, использование разных каналов общения одновременно, паралингвистическое сопровождение речи (мимика, жесты, кинесика и т.д.) приводят к «небрежной», «размытой» артикуляции, где ассимиляционные, аккомодационные, редуциционные звуковые механизмы проявляют себя иначе, чем в подготовленной речи или при чтении.

Темп речи, который информанты отметили как быстрый, очень быстрый и средний, также существенно влияет на реализацию всех звуков и взаимодействие между ними в потоке речи. Слишком быстрый естественный темп также мешал восприятию спонтанного материала, поскольку информанты обеих групп отметили лишь общее понимание речи без деталей.

Система вокализма

В системе вокализма швейцарско-немецкого диалекта **в группе преподавателей** были отмечены следующие особенности.

1. Нереализация твердого приступа (') в словах или слогах, начинающихся с гласной. 100% совпадений ответов.

2. Несовпадение долготы и краткости гласных в швейцарском варианте и германском стандарте. 100% совпадений ответов.

3. По поводу реализации редуцированного [ə] в безударных приставках и суффиксах единодушие в ответах не было достигнуто: 75% совпадений в ответах отмечают реализацию [ə] или его элизию в названных позициях, и лишь 25% ответов показывают совпадение со швейцарской стандартизированной нормой, т.е. реализацию [e] вместо [ə], отсутствие элизии. Данный факт может объясняться разными причинами: отсутствием специальных навыков аудирования, как у фонетистов-профессионалов, особенностями спонтанного речепроизводства, использованием прежних ауди-

тивных впечатлений, быстрым темпом речи, средним количественным составом группы и др. факторами.

4. Реализация дифтонга [ae] как [ae] и [i] была указана в 75% ответов. Определение реализации дифтонга [œ] вызвало определенные затруднения. 25% ответов определили его как [э], 25% как [у], 50% информантов не дали ответов.

5. В иностранных словах *Ägypten*, *Gymnasium* в середине слова и в первом слоге была констатируется реализация [y] в 75% ответов. 25% ответов фиксировали скольжение [y] к [i].

В словах *gemütlich*, *für* зафиксирована реализация [u] с призвуком гортанности [h] – 75%. В 25% ответов зафиксирована реализация [y] со скольжением к [i].

В системе вокализма в **группе студентов** были отмечены следующие особенности.

1. Нереализация твердого приступа (') в словах или слогах, начинающихся с гласной. 75% совпадений ответов. 25% ответов показали частичную реализацию твердого приступа.

2. В отличие от группы преподавателей ответы студентов показали 100%-ное совпадение долготы и краткости гласных в швейцарском диалекте и германском стандарте. Данный факт следует объяснять перцептивной незрелостью данной группы информантов.

3. Полную реализацию [e] в швейцарском диалекте по сравнению с германским стандартом с редуцированным [э] в безударных позициях не фиксируют и студенты – по тем же самым причинам, что и преподаватели. Процентное соотношение примерно совпадает с таковым в группе преподавателей.

4. Реализация дифтонга [ae] как [ae] в 75% ответов совпадает с ответами группы преподавателей, однако не совпадает с оценкой реализации данного дифтонга как [i], отмеченной в группе преподавателей. Лишь 25% ответов определяют реализацию дифтонга как [ae].

Определение реализации дифтонга [œ] не вызвало затруднений в группе студентов. 100% ответов идентифицируют его как [э].

5. В заимствованных словах, содержащих в корне букву у (*Ägypten*), был идентифицирован [y] лишь в 25% по сравнению с группой преподавателей. 25% ответов фиксировали скольжение [y] к [i]. 50% фиксировали стойкое [i].

В словах *gemütlich*, *für* и др. фиксируется 100%-ная идентификация [y], что в целом расходится с идентификацией в группе преподавателей.

Система консонантизма

В системе консонантизма в швейцарском варианте в **группе преподавателей** были отмечены следующие особенности.

1. Реализация эксплозивных [p] [t] [k] в анлауте в ударных слогах и ауслауте без придыхания зафиксирована в 100% ответов.

2. Реализация в середине или конце слова перед [t] в словах *lustig, machst, Dunstig, erst* звука [ʃ] в 75% ответов. В 25% ответов была отмечена реализация [s].

3. Вместо ожидаемой реализации [f] в таких словах, как *Observatorium, November*, зафиксирована реализация [v] в 100% ответов, что можно считать новой тенденцией в швейцарском диалекте, сближающей его с германским стандартом.

4. Фиксируется отпадение конечного [t] в словах *ist, weißt*.

5. В определении реализации конечного звука в словах: *Wohnig, Mäntig, Dunstig, lustig* процентное соотношение ответов выразилось следующим образом: 50% ответов определяли *ig* как [ɪk], что соответствует швейцарско-австрийской южной норме. 50% ответов зафиксировали [x] вместо германского стандартизованного [ç], что не соответствует ни южной алеманнской, ни северной германской норме.

6. Увулярность [R] прослеживается редко, фиксируется стойкая реализация переднеязычного дрожащего сонанта [r]. 100%-ное совпадение ответов.

7. [j] в начале слова *jetzt* теряет признаки консонантности, реализуясь как гласный [ɛ] без йотового призвука.

При определении расхождений в словесном ударении в швейцарском диалекте и германском стандарте выявились затруднения, вызванные быстрым темпом речи и спонтанным характером ее генерирования, относительно небольшим объемом звучащего материала. 50% ответов отметили расхождения. 50% ответов их не обнаружили.

В системе консонантизма **студентами** были отмечены следующие особенности.

1. Реализация эксплозивных [p] [t] [k] в анлауте в ударных слогах и ауслауте без придыхания зафиксирована в лишь 75% ответов. 25% ответов фиксируют напряженность артикуляции.

2. Реализация в середине или конце слова перед [t] в словах *lustig, machst, Dunstig, erst* звука [s] фиксируется в 75% ответов. И лишь в 25% ответов была отмечена реализация [ʃ], что в корне отличается от ответов преподавателей. Данный факт может объяс-

няться разными причинами: перцептивной незрелостью данной группы информантов, недостаточным знанием языка, недостаточным количеством прослушиваний, быстрым темпом речи и др. факторами.

3. Идентификация в *Observatorium, November* звука [v] в 100% ответов студентов дает и 100% совпадение с ответами преподавателей. Данный факт не подтверждает выводы А.И. Домашнева о произношении в поздних заимствованиях v как [f] [Домашнев, 1983, с. 179].

4. Отпадение конечного [t] и реализация [ʃ] в словах *ist, weißt* фиксируется лишь в 25% ответов. В 75% ответов отмечается реализация [t], что прямо противоположно ответам преподавателей. Очевидно, данный факт можно объяснить действием привычного визуального фактора, а не собственно слуховыми впечатлениями информантов.

5. В определении реализации конечного звука в словах: *Wohnig, Mäntig, Dunstig, lustig* процентное соотношение выразилось следующим образом: лишь 25% ответов зафиксировали [ɪk] по сравнению с 50% ответов преподавателей. В 50% ответов зафиксирован [x], что, как мы отметили выше, не соответствует ни южной алеманнской, ни северной германской норме. 25% ответов зафиксировали конечный [g], что может объясняться интерференцией первого иностранного языка – английского.

6. Увулярная реализация [R] отмечена лишь в 25% ответов. 75% ответов фиксируют реализацию переднеязычного дрожащего сонанта [r], что в целом совпадает с ответами преподавателей. Отмеченные реализации увулярного [R] объясняются тем, что не все студенты, изучающие немецкий язык, овладели нормативными вариантами: [R] – увулярным и [ʁ] – фрикативным задненебным и сличение данных реализаций с реализацией [r] представляет для них определенные трудности.

7. Потерю признака консонантности [j] в начале слова *jetzt* фиксируют 75% ответов. Йотовый признак фиксируется лишь в 25% ответов информантов-студентов, которые в данном случае ориентировались на свою визуальную память.

При определении расхождений в словесном ударении в швейцарском варианте и германском стандарте процентное соотношение ответов не совпало с ответами группы преподавателей. 75% ответов не зафиксировали расхождения, 25% зафиксировали единичные расхождения.

Выводы

100%-ное совпадение ответов в группах преподавателей и студентов в системе вокализма касается реализации редуцированного [ə] в безударных позициях. Отмечаются его редукция или элизия в 75% ответов и его реализация как [e] лишь в 25%.

100%-ное совпадение ответов в обеих группах в системе консонантизма относится к реализации [v] вместо [f] в иностранных словах при написании буквы v.

Все остальные случаи артикуляторных совпадений в обеих группах фиксируются в 75% ответов, что позволяет сделать вывод о действительном наличии зафиксированных произносительных тенденций в современном швейцарско-немецком диалекте.

Заключение

Эксперимент, посвященный выявлению некоторых фонетических особенностей в швейцарско-немецком диалекте на сегментном уровне, проведенный на материале спонтанной монологической речи, позволяет сделать некоторые предварительные выводы и сравнить их с выводами, сделанными несколько десятилетий тому назад на основе кодифицированной литературной швейцарской речи [Домашнев, 1983].

Следует отметить, что спонтанный характер речепроизводства накладывает существенный отпечаток на артикуляционные характеристики как гласных, так и согласных, что в еще большей степени отдаляет получаемый спонтанный швейцарский речевой вариант от германского стандарта. Небрежность артикуляции, «разрыхленность» спонтанной речи в силу экономии произносительных усилий при быстром темпе и другие факторы усугубляют и без того отличающуюся фонетическую картину швейцарского диалекта от швейцарского литературного стандарта и тем более от германского произносительного стандарта.

Фиксация в нашем небольшом исследовании фонетические особенности можно считать лишь предварительной. В целом выявленная картина современных фонетических реалий совпадает с некогда сделанными выводами А.И. Домашнева. Однако окончательно подтвержденные выводы можно будет получить лишь на количественно увеличенном экспериментальном материале с привлечением большего числа информантов.

Список литературы

- Домашнев А.И.* Современный немецкий язык в его национальных вариантах. – Ленинград: Наука, 1983. – 231 с.
- Моя Швейцария. – 2024. – URL: <https://my-swiss.ru/culture/shvejcarskij-nemeckij.htm> (дата обращения: 18.01.2024).
- Языки мира: Германские языки. Кельтские языки. – Москва: Academia, 2000. – 471 с.
- Lerch W.* Probleme der Schreibung bei schweizerdeutschen Mundartschriftstellern. – Frauenfeld, 1971. – 180 S.
- Schäuffele F.* Hoch- und Schweizerdeutsch // Der Sprachdienst. – 1972. – Н. 8. – S. 147–148.

АНИЩЕНКО А.В.¹

1.9. НЕМЕЦКИЙ В НАМИБИИ: ЯЗЫК НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ВРЕМЕН И КУЛЬТУР

Аннотация. Исследование посвящено анализу немецкого языка в особом историко-культурном лингвопространстве Намибии. Исследуя факты взаимовлияния культуры и языка, находящие отражение в системе языка, автор ставит цель выявить проявления вариативности немецкого языка в Намибии и определить его социолингвистический статус и функциональный потенциал. Такая тема представляется актуальной на фоне тенденций к глобализации, когда язык выступает как серьезное средство, способствующее сохранению и поддержанию самобытных региональных традиций и этнической идентичности. Актуальность исследования определяется также растущим интересом современной науки к изучению языковых знаков как трансляторов культурных смыслов.

Территориальное распространение большинства современных плюрицентрических языков, т.е. языков, имеющих нормированные языковые варианты в разных государствах, берет начало в эпоху Великих географических открытий, когда зарождаются предпосылки колониализма, не только основанного на прямой эксплуатации природных и людских ресурсов, но и предполагавшего культурный трансфер, часто принимавший характер цивилизационной экспансии, которая включала в себя навязывание другим народам чуждых представлений об устройстве мира, государственности, образе жизни, насаждение чуждой культуры, религии, языка, обычаев, дискриминацию местной культуры.

Став единым государством только в 1871 г., Германия смогла претендовать на титул колониальной державы гораздо позже других европейских стран. Однако и после провозглашения Герман-

¹ Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; allan031@yandex.ru

ской империи вектор ее внешней политики был европейским. Отто фон Бисмарк заявлял тогда, что Германия не будет проводить колониальную политику, пока он является канцлером:

«So lange ich Reichskanzler bin, treiben wir keine Kolonialpolitik. Wir haben eine Flotte, die nicht fahren kann, und wir dürfen keine verwundbaren Punkte in fernen Weltteilen haben, die den Franzosen als Beute zufallen, sobald es losgeht» [цит. по: Baumgart, 2011, p. 142].

Он отрицательно относился к идеям колониальных захватов, опасаясь, что претензии Германии на колонии не принесут стране существенной прибыли и вызовут негативную реакцию со стороны признанных колониальных держав, а сами колонии могут стать уязвимыми территориями в отдаленных частях света, которые достанутся другим в качестве трофеев, как только дело дойдет до столкновений [Heine, 2018, p. 95]. Менее известно другое его высказывание, свидетельствующее о нелепости, с его точки зрения, вступления Германии в борьбу за колонии:

«Und für uns in Deutschland – diese Kolonialgeschichte wäre für uns genau so wie der seidene Zobelpelz in polnischen Adelsfamilien, die keine Hemden haben» [цит. по: Kauf, 2004, p. 5].

Начало формированию германской колониальной системы было положено в Юго-Западной Африке, и связано оно было не с государственной, а с частной инициативой. В 1883 г. предприниматель из Бремена Адольф Людериц (*Adolf Lüderitz*) приобрел залив Ангра-Пекена (*Bucht Angra-Pequena*) и земли в его окрестностях, а также территории, простиравшиеся на север и восток. В 1884 г. Германская империя объявила европейским державам о своем протекторате над территориями, приобретенными Людерицем. Бисмарку приписывают введение соответствующего термина *Schutzgebiete* (рус. *подзащитные территории*) специально для новых территориальных приобретений. Обращение к этому термину подчеркивало, что речь идет не о колониях в прямом смысле слова, а о защите от политического давления со стороны иностранных конкурентов компаний, созданных частными предпринимателями на приобретенных территориях [Власов, 2018, с. 181]. Таким образом, Германская Юго-Западная Африка (*Deutsch-Südwestafrika*) – сородняшняя Намибия – с территорией примерно в полтора раза больше Германской империи – была в период с 1884 по 1915 г. первой африканской колонией в статусе подзащитной территории. Но уже спустя год Германия стала третьей после Великобритании и Франции колониальной империей, а к началу Первой мировой войны, в 1914 г., в Германскую колониальную империю входили

семь колоний в Африке, Азии и Океании: Германское Того, или Тоголенд (*Togo, auch Togoland oder Deutsch-Togo*), где среди миллиона туземцев проживали 320 немцев; Германская Юго-Западная Африка (*Deutsch-Südwestafrika*) с населением 86 000 человек, в том числе 12 135 немцами; Германский Камерун (*Kamerun*) с 1359 выходцами из Германии и общим числом населения в 2,54 млн человек; Германская Восточная Африка (*Deutsch-Ostafrika*), где проживали около 7,5 млн человек (среди них 4107 немцев); Германская Новая Гвинея (*Deutsch-Neuguinea*), включая архипелаг Бисмарка (*Bismarck-Archipel*), которые населяли 530 000 коренных жителей и 578 немцев, и Микронезия (*Mikronesien*), где 194 немца жили среди 54 000 индейцев; Цзяо-Чжоу (*Kiautschou*) (200 000 китайцев, 4300 немецких гражданских лиц, 2632 военнослужащих) и Самоа (*Deutsch-Samoa*) (38 000 туземцев, 294 немца) [Heine, 2018, p. 100].

Германская Юго-Западная Африка (современная Намибия) была единственной немецкой колонией, в которой обосновалось значительное число немецких поселенцев. Решающим фактором стало то, что Юго-Западная Африка, благодаря своим размерам, низкой плотности населения и не слишком большой удаленности от Германии по сравнению с другими колониями, стала предпочтительной переселенческой колонией (*Siedlungskolonie*) Германской империи, в отличие от других, сырьевых или эксплуатируемых колоний (*Ausbeutungskolonien*). Важным фактором был тот факт, что сухой климат страны был достаточно суровым, но не способствовал распространению тропических болезней в такой степени, как в других колониях [Heine, 2018, p. 136]. Большую роль в создании германских колоний сыграли немецкие колониальные организации, целью которых стало продвижение идеи колониальной экспансии Германии: Германский колониальный союз (*Deutscher Kolonialverein*), Общество германской колонизации (*Deutsch-Ostafrikanische Gesellschaft*), Германское колониальное общество (*Deutsche Kolonialgesellschaft für Südwestafrika*).

В результате жестокой колониальной политики в 1904–1908 гг. было уничтожено до 80% местного населения из племени гереро и 50% – из племени нама. Десятки тысяч гереро были вытеснены в пустыню Калахари, где, оставшись без воды, многие погибали. В 1985 г. ООН расценил эти действия как акты геноцида, который Германия впоследствии признала.

С началом колонизации в окружении чуждой этнической и социально-политической среды формируются немецкие сообщества, позволяющие переселенцам ощущать национально-культурное

единство и поддерживать этнокультурную идентичность. В качестве объединяющих факторов можно рассматривать бытовые трудности жизни в Африке, отдаленность от Европы, непривычный климат, враждебность со стороны местного населения, затруднявшие социально-психологическую адаптацию немцев в колониальной среде. В качестве основных механизмов адаптации выступали приверженность немецким традициям, обустройство пространства в соответствии с немецкими образцами, возведение типичных общественных и жилых зданий, следование традиционному немецкому образу жизни. В новых условиях при поддержке правительства немецкие переселенцы за короткий срок смогли обустроить колониальную инфраструктуру, построить порты, города, фермы, наладить школьное образование и выпуск колониальных печатных изданий, создать новый неповторимый облик колоний, что помогло им не только адаптироваться, но и развиваться в Африке. Со временем обыденный уклад жизни немецких переселенцев под влиянием африканской действительности обрел специфические черты, которые проявлялись во многих сферах: в особенностях ведения хозяйства, в способах передвижения колонистов, приготовлении пищи, в организации досуга и развлечений, во взаимоотношениях, в особенностях местной моды и т.д. Таким образом, в Германской Юго-Западной Африке, как и в других протекторатах, за относительно короткий срок сформировался особый «немецкий колониальный стиль», который проявлялся в местной архитектуре, скульптуре, литературе и живописи, а немецкие колониальные общины выработали особую субкультуру, имеющую отличающие ее от традиционной европейской культуры уникальные характеристики [Луценко, 2018].

В 1903 г. Оскар Кауш (*Oskar Kausch*) опубликовал «Немецкий колониальный словарь» (*Deutsches Kolonial-Lexikon*), содержащий общий обзор колониальных территорий Германии, алфавитный перечень новых географических названий (стран, народов, рек, гор, местностей), сведения о правительственных, военных, таможенных и миссионерских учреждениях, транспортных объектах, торговых представительствах и фермах, пояснения к названиям и сведения о важнейших исследователях колоний. Под таким же названием вышел в свет в 1920 г. уже после окончания Первой мировой войны и лишения Германии колоний трехтомный «Немецкий колониальный лексикон» (*Deutsches Kolonial-Lexikon*), издателем которого был бывший губернатор немецкой Восточной Африки Генрих Шнее (*Heinrich Schnee*). В предисловии к энцикло-

педии, аргументируя целесообразность ее издания после крушения Германской колониальной империи, он указывает на научную ценность труда 80 выдающихся представителей колониальной науки и практики, который поможет сохранить в немецком народе колониальную идею:

«Das Werk ist das Ergebnis des Zusammenwirkens von etwa 80 der bedeutendsten Vertreter kolonialer Wissenschaft und Praxis und enthält eine Fülle wertvollen Wissens aus allen Gebieten. Diese große wissenschaftliche Arbeit zu verlieren wäre schade. Der wissenschaftliche Wert des Werks bleibt trotz des Verlustes der Kolonien bestehen.

Der Inhalt des Deutschen Kolonial-Lexikons stellt ferner ein Denkmal unserer deutschen Kolonialarbeit dar. Es wird zu seinem Teil dazu beitragen, den kolonialen Gedanken im deutschen Volke zu erhalten» [Deutsches Kolonial-Lexikon, 1920, p. VII].

Уже в первые месяцы Первой мировой войны Германия потеряла контроль над большинством своих колоний, а 1 января 1920 г. вступил в силу Версальский мирный договор, по которому Германия признала свое поражение в войне и потеряла все свои колонии. Немцы были вынуждены покинуть бывшие колониальные территории, и только в Юго-Западной Африке значительная часть поселенцев смогла остаться. Их язык и культура не подавлялись даже после Второй мировой войны, хотя во время войны немецкие переселенцы явно симпатизировали нацистской Германии. Большинство немецких намибийцев, живущих сегодня в Намибии, – потомки фермеров, чиновников колониальной администрации, ремесленников, сохранившие немецкую культуру.

В колониях Германской империи немецкий язык стал использоваться наряду с языками коренных народов. В семи немецких колониях аборигены говорили примерно на 1300 языках. Кроме того, на китайском языке говорили в Цзяо-Чжоу, на испанском – в северной части Новой Гвинеи, на африкаанс – на юго-западе Африки, а на английском – почти на всех территориях [Heine, 2018]. Пиджины на основе английского языка развивались на многих территориях с XVIII в. Усиление этой тенденции можно было наблюдать в период немецкой колонизации, особенно в Тихоокеанском регионе, что объяснялось большим числом иностранных рабочих на плантациях. Английский язык служил средством общения в многоязычном сообществе европейцев и туземцев, занимавшихся наемным трудом.

После Первой мировой войны Юго-Западная Африка стала протекторатом ЮАР, немецкий язык был заменен африкаанс и анг-

лийским. Политика апартеида, официально введенная в Южной Африке в 1948 г., была распространена и на Юго-Западную Африку. В период 1984–1990 гг. немецкий язык существовал как полуофициальный язык, т.е. официальный язык второго уровня (*semi-offizielle Amtssprache / Amtssprache auf zweiter Ebene*), наряду с английским и африкаанс [Häusler, 2018, p. 2]. После обретения Намибией независимости от ЮАР в 1990 г. английский стал единственным государственным языком страны, а немецкий, наряду с африкаанс, – одним из национальных языков.

Примерно с 1900 г. пиджины на основе немецкого языка развивались в отдельных колониях без какого-либо контроля и регулирования. В этот период колониальное правительство стало чаще поощрять изучение немецкого языка в миссионерских школах, где до этого обучение в Германской Юго-Западной Африке проходило преимущественно на языках коренного населения. Кроме того, немецкоязычные фермеры того времени настаивали на том, чтобы на рабочем месте говорили только по-немецки. В результате многие аборигены овладели немецким языком, что послужило основой для появления языковой разновидности, известной как *Kiche Duits (Küchendeutsch / кухонный немецкий*, англ. *Namibian Black German (NBG)*), которая использовалась местным населением, работавшим преимущественно в домах немецкоязычных колонизаторов. *Küchendeutsch* сопоставим с *Unserdeutsch* в Папуа – Новой Гвинее или *Hunsrik (Riograndenser Hunsrückisch / Katharinensisch)* в Бразилии. В настоящее время эта форма немецкого языка, обнаруживающая типичные черты контактного языка, такие как сильная редукция морфологических и синтаксических категорий, влияние языков коренного населения, английского и африкаанс, представляет собой почти вымерший язык, на котором говорят лишь около 15 000 пожилых намибийцев [Deumert, 2009, p. 392–405].

И сегодня относительно небольшое население Намибии (2,5 млн человек) отличается языковым и культурным разнообразием. Более 10 языков являются коренными для Намибии, но благодаря космополитическому обществу в Намибии говорят на языках со всего мира, как правило, на двух или трех языках; причем примерно половина населения владеет языком ошивамбо. Из-за колониальной истории страны африкаанс, язык предыдущих южноафриканских оккупантов, по-прежнему широко распространен и выступает в Намибии в качестве *lingua franca*.

Немецкий язык является родным или вторым языком для 20–25 тыс. намибийцев; для значительной части белого населения

немецкий язык – язык коммуникации. В основном это потомки переселенцев, обосновавшихся в немецком протекторате в период с 1884 по 1915 г. Количество людей в многоязычной Намибии, использующих немецкий язык в качестве второго или третьего языка, определить затруднительно, но можно считать, что оно является стабильным или имеет тенденцию к росту, поскольку немецкий язык продолжает пользоваться высоким престижем как язык высшего образования и необходим для карьерного роста [Häusler, 2018]. В Намибии существуют как частные, так и государственные школы, где немецкий преподается в качестве родного или иностранного языка (немецкий как родной язык – 14 государственных школ; немецкий как иностранный – 51 государственная школа) [Shah, Zimmer, 2022]. Немецкий язык можно изучать и в основном после обретения страной независимости Университете Намибии (*University of Namibia / UNAM*). Кроме того, с 2015 г. в самом большом городе и столице Намибии Виндхуке функционирует Гёте-институт (*Goethe-Institut*), задачами которого являются популяризация немецкого языка за рубежом и содействие международному культурному сотрудничеству; работает Немецкая служба академических обменов (*DAAD*); существуют немецкие церкви, немецкая ежедневная газета (*Allgemeine Zeitung*), а также немецкая радиостанция (*Hitradio Namibia*).

Немецкий язык в Намибии сегодня имеет статус национального наряду с африкаанс, гереро и ошивамбо и некоторыми другими языками коренного населения, которые используются в административных, законодательных и судебных органах в регионах Намибии, а также в качестве языка обучения в государственных школах, поскольку на этих языках в соответствующем регионе говорит значительная часть населения [The Constitution of the Republic of Namibia]. При этом языки коренных народов включены в школьную программу на начальном уровне, а начиная со средней школы обучение ведется на английском языке.

Статусом официального языка обладает английский язык. Выбор английского в качестве официального языка был обусловлен политическими причинами. Во-первых, правящая партия СВАПО (SWAPO) в Намибии считала английский «политически необремененным» (*politisch unbelastet*) языком – в отличие от африкаанс или немецкого. Во-вторых, при выборе языка не должно было отдаваться предпочтение какой-либо этнической группе, населяющей страну; и, в-третьих, в XX в. английский получил статус дипломатического, научного и технического языка. Кроме того,

английский также является рабочим языком Африканского союза [Häusler, 2018].

Сильная позиция английского языка и африкаанс, а также относительно небольшое количество говорящих на немецком языке в Намибии не способствуют, по мнению У. Амона, сохранению немецкого языка в Намибии, дополнительным отрицательным фактором и когнитивным бременем является также трехязычие носителей немецкого языка. По этой причине немецкоговорящие намибийцы особенно заинтересованы в сохранении немецкого языка в качестве своего национального, они в целом более решительно, чем некоторые другие немецкоязычные меньшинства, сохраняют немецкий как родной язык:

«Jedoch bewahren die Deutschnamibier generell entschiedener als manche andere deutschsprachige Minderheiten Deutsch als ihre Muttersprache, bekennen sich dazu und gebrauchen sie regelmäßig» [Ammon, 2015, p. 361].

Таким образом, немецкоговорящая Намибия (преимущественно южная и центральная части страны) может рассматриваться как *языковой остров* (*Sprachinsel*) – относительно небольшой закрытый языковой ареал, находящийся в пределах более крупного иноязычного ареала. Ряд исследователей используют также по отношению к намибийскому немецкому термин *эритажный язык*, или *унаследованный язык* (нем. *Heritage-Sprache*; англ. *Heritage language*), понимая под этим язык, употребляемый в качестве родного языка в сформированном сообществе носителей языка, поддерживающих этот язык, например, в семье или среди друзей в определенном контексте, и отличный от основного языка окружения, распространенного на данной территории. Во многих странах – бывших протекторатах Германии, где изначально существовала активная немецкоязычная община, немецкий как эритажный язык вымирает и используется лишь пожилыми людьми в некоторых ситуациях общения [Deutsch im mehrsprachigen Kontext, 2014; Ammon, 2015].

Таким образом, немецкий язык в Намибии находится в гораздо более многообразной и динамичной языковой и культурной среде, чем в Германии.

Коммуникативный и культурный контекст, в котором функционирует немецкий язык, характеризуется многоязычием и принятием языкового разнообразия. Кроме того, и этническая немецкая община в Намибии в целом многоязычна: как правило, носители немецкого языка свободно говорят на африкаанс и

английском и активно используют эти языки в повседневной жизни. Помимо этих индоевропейских языков, некоторые носители в той или иной степени владеют афро-намибийскими языками, такими как отжигереро, нама / дамара или ошивамбо. Эта специфика находит свое отражение, например, в интеграции в немецкий язык слов из различных контактных языков.

Поскольку немецкий язык в Намибии не ограничен только сферой бытового употребления, а используется также в формальных ситуациях, здесь можно наблюдать развитую регистровую дифференциацию. Как отмечает М.В. Дьячков, «официально в стране существует один стандартный немецкий язык, уподобляемый стандартному немецкому языку Германии, а фактически существует два языка – стандартный немецкий (СН) и намибийский немецкий (НН)» [Дьячков, 2015, с. 87].

Намибийский немецкий, обнаруживающий отличия от стандартного немецкого на всех уровнях языка, можно рассматривать как отражение не только лингвистических, но и социокультурных процессов. Наибольший интерес с этой точки зрения представляет лексический состав языка. Исследователи отмечают, что словарный состав намибийского немецкого в целом не отличается от словарного состава стандартного немецкого языка [Amon; Дьячков; Kellermeier-Rehbein; Shah]. При этом именно сходство трех индоевропейских языков позволяет носителям немецкого языка легче перенимать лексические единицы и грамматические структуры из английского и африкаанс и внедрять их в немецкий язык [Shah, 2007, S. 42]. По этой причине количество заимствованных единиц из английского и африкаанс, с которыми немецкий язык находился в многолетнем и стабильном контакте, в намибийском немецком значительно превышает число заимствований из языков коренного населения [Kellermeier-Rehbein, 2015, p. 46].

Следует отметить различные экстралингвистические факторы проникновения заимствований в намибийский немецкий язык. Так, африкаанс, будучи в течение продолжительного времени *lingua franca* в этом регионе, оказывает большее влияние на намибийский немецкий, чем английский, в то время как влияние английского языка на немецкий объясняется тем, что английский является официальным языком. Именно по этой причине влияние английского языка на все языки в регионе будет расти [Shah, 2007, p. 42].

Языки коренного населения (языки банту и койсанские языки), также являясь неотъемлемой частью многоязычной реальности Намибии, не оказывают, однако, сильного влияния на словар-

ный состав немецкого намибийского, поскольку, с одной стороны, они менее престижны в социуме, а контакты между носителями немецкого и африканских языков, возможно, менее интенсивны; с другой стороны, языки коренного населения настолько сильно отличаются от индоевропейских языков, что языковые единицы и структуры не всегда могут быть интегрированы в язык намибийских немцев [Kellermeier-Rehbein, 2015, p. 47]. В связи с этим исследователи отмечают небольшое число заимствований в намибийском немецком из языков коренного населения – гереро и овамбо – и приводят следующие примеры: *ettan* (гер. *eta*) 'превосходить'; *das Mariba* (гер. *mariba*) 'деньги'; *der Tatte* (гер. *tate*) 'очень черный человек'; *der, die Kanatschi* (ов. *kanachi*) 'подросток'; *niawa* (ов. *nawa*) 'все хорошо'; *das Monoko* (ов. *monokko*) 'барахло'; *der Panga* (ов. *panga*) 'кинжал'¹.

Заимствования из английского более многочисленны, представлены различными частями речи, охватывают различные сферы и тематические области, например:

– существительные: *das Baks* (англ. *bucks*) 'деньги'; *der Bietsch* (англ. *beach*) 'пляж'; *der Donkie* (англ. *donkey*) 'осел'; *das Gäpp* (англ. *gap*) 'отверстие, дыра'; *das Görl* (англ. *girl*) 'девушка'; *das Kahr* (англ. *car*) 'автомобиль'; *der Kona* (англ. *corner*) 'угол'; *das Leihsens* (англ. *licence*) 'водительские права'; *der Ouwna* (англ. *owner*) 'собственник, владелец'; *der Pell* (англ. *pal*) 'друг, приятель'; *die Sapport* (англ. *support*) 'поддержка'; *der Trolly* (англ. *trolley*) 'тележка для покупок';

– глаголы: *krusen* (англ. *cruise*) 'ехать'; *desseiden* (англ. *decide*) 'решать'; *hitten* (англ. *hit*) 'ударять, толкать'; *jusen* (англ. *use*) 'использовать, употреблять'; *jorpen* (англ. *job*) 'работать'; *puschen* (англ. *push*) 'толкать';

– наречия и прилагательные: *änitaim* (англ. *anytime*) 'в любое время'; *fain* (англ. *fine*) 'хорошо, хороший, милый'; *miehnwail* (англ. *meanwhile*) 'тем временем'; *plenty* (англ. *plenty*) 'много' и др.

Также широко представленные в намибийском немецком заимствования из африкаанс. Приведем некоторые примеры:

¹ Здесь и далее: иллюстративный материал приводится по следующим источникам: словарь «NAM-Slang – Deutsch» под редакцией Дж. Пютца (Pütz 2011); А.Е. Кузнецова «Нэм-сленг как проявление вариативности немецкого языка», выпускная квалификационная работа, 2020; Datenbank des Gesprochenen Deutsch DNam; Shuh 2007.

– существительные: *der Bakkie* (афр. *bakkie*) ‘грузовичок’; *die Beestes* (афр. *bees*) ‘ском’; *die Droewurs* (афр. *droewurs*) ‘сухая колбаса’; *der Klippe* (афр. *klip*) ‘камень’; *das Loksai* (афр. *lokasie*) ‘земто’; *der Maat* (афр. *maat*) ‘приятель’;

– глаголы: *prahten* (афр. *praat*) ‘беседовать’; *auspahsen* (афр. *paasuit*) ‘засыпать’;

– наречия и прилагательные: *duhr* (афр. *doer*) ‘далекий’; *ferda* (афр. *verder*) ‘опять’; *frachtach* (афр. *vragtag*) ‘правдивый’; *helsen* (афр. *helse*) ‘огромный’; *lekka* (афр. *lekker*) ‘отлично’; *minn* (афр. *min*) ‘мало’; *mooi* (афр. *mooi*) ‘красивый, прекрасный’; *naar* (афр. *naar*) ‘неприятный, плохой’; *risstach* (афр. *rustig*) ‘спокойный’ и др.

Наблюдается тенденция к увеличению числа англоязычных заимствований относительно заимствований из африкаанс, что может свидетельствовать о растущем влиянии английского языка на намибийский немецкий. Если Неклер (1963) говорит о 196 заимствованиях из африкаанс и только 77 заимствованиях из английского, то в работах Пютца (1982 и 1983 гг.) зарегистрировано примерно такое же количество заимствований из африкаанс (185), но количество английских заимствований увеличилось до 180 [Häusler, 2018, p. 9]. Анализ семантики заимствованных единиц в намибийском немецком, проведенный Неклером, показал, что все большее число заимствований из английского языка происходит в основном из административной и деловой сферы, в которых английский язык является доминирующим, в то время как более старые заимствованные слова из африкаанс, как правило, относятся к сельскому хозяйству, флоре и фауне, что в конечном счете объясняется историей немецкой колонизации территории нынешней Намибии [цит. по: Häusler, 2018, p. 11].

Заимствования подстраиваются под правила немецкой орфографии (написание существительных с заглавной буквы), приобретают категорию рода (как правило, род заимствованного существительного соответствует роду аналогичной лексемы в стандартном немецком языке), но часто подвергаются фонетическим изменениям. Различия наблюдаются в системе падежей и предлогах: «*Seine Pellen, die heute bleiben an die obersten Posten, sind alte Leute*».

Заимствованные из других языков глаголы приспосабливаются к немецкой парадигме, но предпочтительнее употребляются в перфектных формах, чем в имперфектных, а также обнаруживается тенденция к их использованию в сильных формах: «*Wir haben mit Piet Venter geredet. Der war leutselig und hat Wasserski gelaiken*». Среди других грамматических особенностей исследователи называют использование определенных артиклей *der*, *die*, *das*, *die* вместо

личных местоимений третьего лица во всех падежах (*Die hat nie zu mir gekommen zu Kaapstadt*); образование будущего времени при помощи глагола *gehen* (*Ich geh nich hier in Windhoek wohnen*); предпочтение пассивных форм активным (*Im NAM-Släng wird nich so geworried wegen der Rechtschreibung*); использование притяжательного датива (*meinem Freund seine Schwester*); использование конструкции *um... zu* в инфинитиве цели (*Ich habe keine Lust, um morgen in der Schule zu gehen*). Как видно из приведенных примеров, имеет место интеграция грамматических структур из контактных языков – английского и африкаанс.

Можно констатировать, что актуальное состояние немецкого языка в Намибии не позволяет квалифицировать его однозначно как стандартный (литературный) или разговорный, поскольку намибийский немецкий имеет различные формы существования. В разговорном намибийском языке имеется тенденция к упрощению языковых структур, он характеризуется динамикой словаря за счет заимствований и образования новых слов. Будучи средством коммуникации представителей субкультуры, он также служит для укрепления культурной идентичности, в том числе и в молодежной среде. Так, успешный немецко-намибийский артист EES (*Eric E. Sell*) использует нэм-слэнг (*Nam-Släng*) в квайто (*kwaito*), особом музыкальном жанре, зародившемся в Южной Африке и имеющем некоторое сходство с рэпом. В своих музыкальных клипах и короткометражных фильмах на своем канале¹ он знакомит интернациональную молодежную аудиторию с образом жизни намибийцев, продвигая нам-слэнг как отражение культурной идентичности спомощью мультимедийных ресурсов:

«Wir in NAM sollen nicht skaam sein (uns nicht schämen) um so zu sein und so zu reden wie wir als Deutsch-Namibiana sind. Jahre lang waren wir “die vergessenen” Deutschen in Afrika und haben immer getraut, überall rein zu fitten und anzupassen – aber jetzt sind wir eine eigene Naasie (Nation) hier als NAMIBIER – und net (nur) so sollten wir bleiben und einfach uns enjojn»².

Таким образом, современный немецкий язык в Намибии является отражением динамики развития особой субкультуры, воз-

¹ EES. TV. YouTube. – URL: <https://www.youtube.com/channel/UCAwsqkvE8UW3ytTnLmr2rRw>

² Anonymous, 2017, Die Jugendsprache Namslang als Spiegel eines Orientierungsprozesses zwischen lokaler und globaler Identität. – Munich: GRIN Verlag, 2017. – URL: <https://www.grin.com/document/430034>

никшей в Африке в конце XIX в. и трансформировавшейся в особое сообщество со свойственными только ему идеологией, бытом и социальным укладом. В отличие от других разновидностей за пределами страны, немецкий язык в этой культурной среде активно и последовательно культивируется, транслируется последующим поколениям и используется как в официальных, так и в неофициальных ситуациях. Будучи вписанным в многоязычный поликультурный контекст, немецкий язык в Намибии существует в интенсивном контакте с двумя германскими языками – английским и африкаанс, а также в менее выраженном контакте с языками коренного населения.

Несмотря на относительно небольшое число носителей и ареал распространения, немецкий язык в Намибии как язык общины немецкого происхождения за пределами Европы не является гомогенным, а функционально и стилистически дифференцирован. С одной стороны, его литературная форма (*Standarddeutsch*) – это престижное средство коммуникации в образовательных и профессиональных контекстах, где стилистически сниженные речевые образцы воспринимаются негативно. С другой стороны, его неформальная разговорная разновидность (*Nam-Slang / Nam-Släng*) является зеркалом социокультурной идентичности немецкоязычных намибийцев и отражением процесса глокализации – сохранения и поддержания локальной идентичности на фоне глобализационных тенденций. Все это делает намибийский немецкий интересным объектом исследования, в частности для таких областей, как контактная лингвистика, вариативная лингвистика, социолингвистика, лингвокультурология.

Список литературы

- Власов Н.А. Германия Бисмарка: империя в центре Европы. – Санкт-Петербург: Наука, 2018. – 207 с.
- Дьячков М.В. Народы Намибии. Языки немецкий и африкаанс в Намибии // Исследования по языкам Африки. – Москва: Ключ-С, 2015. – Вып. 5 / Институт языкознания РАН; [редколл. В.А. Виноградов (отв. ред.), А.И. Коваль, А.Б. Шлуинский]. – С. 78–101.
- Луценко С.М. Немецкие колониальные сообщества в Африке: Формирование и повседневная жизнь (1884–1918 гг.) / Мультимедийное издательство Стрельбицкого. – URL: https://sharlib.com/read_715074-1
- Ammon U. Die Stellung der deutschen Sprache in der Welt. – Berlin; München; Boston: Walter de Gruyter, 2015. – 1295 S.

- Baumgart W. Bismarcks Kolonialpolitik. – 2011. – URL: <https://openscience.ub.uni-mainz.de/bitstream/20.500.12030/540/1/2660.pdf>
- The Constitution of the Republic of Namibia. – URL: <https://web.archive.org/web/20130523000116/http://www.orusovo.com/namcon/NamCon.pdf>
- Datenbank für gesprochenes Deutsch. – URL: https://dgd.ids-mannheim.de/dgd/pragdb.dgd_extern.welcome
- Deumert A. Namibian Kiche Duits: The Making (and Decline) of a Neo-African Language // Journal of Germanic Linguistics. – 2009. – 21.4. – S. 349–417. – DOI: 10.1017/S1470542709990122
- Deutsch im mehrsprachigen Kontext: Beobachtungen zu lexikalisch-grammatischen Entwicklungen im Namdeutschen und Kiezdeutschen / Heike Wiese, Horst J. Simon, Marianne Zappen-Thomson, Kathlenn Schuhmann // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. – 2014. – N 81. – S. 274–307.
- Häusler S. Das Deutsche als plurizentrische Sprache. Ansprüche – Ergebnisse – Perspektiven. Sonderheft der Zeitschrift für deutsche Philologie, Heinz Sieburg / Hans-Joachim Solms (eds.). – 2018. – N 1: Zur Varietät des Deutschen in Namibia. – URL: https://www.academia.edu/34320870/Zur_Variet%C3%A4t_des_Deutschen_in_Namibia
- Kauf T. Bismarcks Haltung zur Kolonialfrage. – Munich: GRIN Verlag, 2004. – 17 S.
- Kellermeier-Rehbein B. Namslang – Deutsche Jugendsprache in Namibia? // Sprachvariation und Sprachreflexion in interkulturellen Kontexten / hrsg. v. Corinna Peschel, Kerstin Runschke. – Frankfurt am Main, 2015. – S. 41–62.
- Das Korpus *Deutsch in Namibia* (DNam): Eine Ressource für die Kontakt-Variations- und Soziolinguistik / Zimmer Ch., Wiese H., Simon H.J., Zappen-Thomson M., Leugner J., Bracke Y., Stuhl B., Schmidt Th. // *Deutsche Sprache* 3. – 2020. – S. 210–232.
- Häusler S. Das Deutsche als plurizentrische Sprache. Ansprüche – Ergebnisse – Perspektiven. Sonderheft der Zeitschrift für deutsche Philologie, Heinz Sieburg / Hans-Joachim Solms (eds.). – 2018. – N 1: Zur Varietät des Deutschen in Namibia. – URL: https://www.academia.edu/34320870/Zur_Variet%C3%A4t_des_Deutschen_in_Namibia
- Heine M. Letzter Schultag in Kaiser-Wilhelmsland. Wie der Erste Weltkrieg die deutsche Sprache für immer veränderte. Hoffmann und Campe. – Hamburg, 2018. – 224 S.
- Pütz J. NAM-Slang – Deutsch. Windhoek, 2011. – 224 S.
- Schnee H. (Hrsg.): Deutsches Kolonial-Lexikon. 3 Bände. Quelle & Meyer. – Leipzig, 1920. – URL: https://archive.org/details/bub_gb_jYszAQAAMAAJ/page/n9/mode/2up
- Shah Sh. German in a contact situation. The case of Namibian German // eDUSA 2. – 2007. – S. 2, 20–45.
- Shah Sh., Zimmer Ch. Grammatical innovations of German in multilingual Namibia: The expanded use of linking elements and gehen ('go') as a future auxiliary. – 2022. – URL: <https://www.researchgate.net/publication/359712006>

БОНДАРЧУК Г.Г.¹

1.10. ЛЕКСИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. Глава посвящена проблеме региональной вариативности полинациональных языков. С когнитивной точки зрения анализируются лексические различия в двух основных вариантах английского языка – британском и американском. Исследуется, в частности, создание сложных слов в категории предметно-бытовой лексики с помощью таких когнитивных механизмов, как фокусирование, профилирование и др.

Проблема региональной вариативности полинациональных языков, в частности английского языка, не нова. Стимулом для ее изучения послужила в свое время докторская диссертация А.Д. Швейцера [1966], в которой ученый впервые представил системное сопоставление двух наиболее распространенных и прагматически важных национальных вариантов – британского английского и американского английского. В основе такого сопоставления на лексико-семантическом уровне лежало разное соотношение плана выражения и плана содержания лексических единиц. Вслед за данной работой в последующие десятилетия были выполнены и другие сопоставительные исследования, посвященные, например, проблеме региональной вариативности в терминологии [Ильин, 1979], соотношению и взаимодействию американского и британского вариантов английского языка на уровне словосочетания [Кириченко, 1981], слоговой структуре британского и американского вариантов английского языка [Антонова, 1994].

¹ Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; bondarchuk.gal@yandex.ru

Справедливо полагают, что работы А.Д. Швейцера заложили основу изучения других национально негомогенных языков, в частности немецкого [Домашнев, 1970] и испанского [Степанов, 2004]. При разговоре об испанском языке особого упоминания заслуживают, на наш взгляд, работы известной ученой Н.М. Фирсовой, которая на материале испанского языка и его вариантов в странах Латинской Америки изучала проблемы семантико-стилистического и территориального варьирования языковых единиц, национально-культурную специфику вербальной и невербальной коммуникации, разговорно-обиходную речь, языки и культуры в сопоставительном плане и другие вопросы (см., напр.: [Фирсова, 2007]).

В настоящее время продолжается работа по изучению национальных вариантов английского языка, особенно американского и британского вариантов. Всего насчитывается 20 вариантов английского языка, что в науке привело к появлению специального термина *Englishes* (*варианты английского языка*), а также терминов для обозначения региональных вариантов английского языка, например, на африканском континенте – *African Englishes*, в Южной Азии – *South Asian Englishes* и др. Приходится, однако, констатировать, что современные исследования осуществляются почти исключительно на материале одного из вариантов, ощущается недостаток исследований британо-американских различий в сопоставительном плане, в связи с чем в задачи науки о языке сегодня входит дальнейшее, более глубокое изучение различий и взаимосвязи этих вариантов, в том числе в русле современной парадигмы лингвистического знания – когнитивной лингвистики.

Одним из первых исследований, проведенных с опорой на научно-методологическую базу когнитивно-дискурсивной парадигмы, была кандидатская диссертация Д.Л. Амитировой-Тургеновой [2009]. Нельзя не согласиться с автором в том, что «проблема вариативности современного английского языка и тенденций его развития приобретает новое звучание в контексте когнитивной лингвистической парадигмы» [Амитирова-Тургенева, 2009, с. 11]. И далее: «Современные лингвистические исследования не ограничены изучением структуры единиц, их семантических связей, сочетаемости, структуры текста и т.д. Эти явления рассматриваются сквозь призму внутреннего мира человека, в связи с умственной деятельностью номинатора (когнитивно-номинативный аспект), интенциями, прагматическими условиями (коммуникативно-прагматический аспект)» [там же]. В работе выдвинута гипотеза о том, что «типологические различия между британским и амери-

канским вариантами английского языка обусловлены факторами когнитивного, социокультурного, исторического и географического характера» [Амитирова-Тургенева, 2009, с. 2]. В связи с этим одним из положений, доказанных в диссертации, является то, что «мотивировочный признак, который ложится в основу номинации, имеет когнитивную природу и формируется под воздействием ряда факторов, таких как: социокультурная среда, историческое развитие, географическое положение» [там же, с. 6–7].

Появляются диссертационные исследования, посвященные изучению языковой репрезентации отдельных концептов в национальных вариантах языков. Так, в исследовании А.Л. Игнаткиной изучается специфика репрезентации сравнительно нового концепта Public Relations (связи с общественностью) фразеологическими средствами американского и британского вариантов английского языка. Автор справедливо полагает, что подобные исследования важны, поскольку «через призму его [концепта] языковой репрезентации можно получить доступ к пониманию современного миропонимания конкретного этноса» [Игнаткина, 2005, с. 6]. В работе содержится ряд теоретически значимых выводов, в частности вывод о том, что когнитивная интерпретация результатов исследования языковой картины мира для описания первичной, концептуальной картины служит лингвокогнитивным методом изучения национального сознания народа и его специфики. Восприятие мира, отраженное в семантике языковых единиц, несет следы коллективного национального опыта, национальной культуры [Игнаткина, 2005].

Важно, что в современной лингвистике анализ вариативности на различных структурных уровнях в национальных разновидностях английского языка изучается с привлечением новых методов исследования, в частности, с привлечением корпусов текстов (см., напр.: [Гойло, 2019]).

Интересное исследование лексического материала британского и американского вариантов английского языка с привлечением не только культурно-исторических данных, но и положений когнитивной лингвистики было проведено И.А. Краевой [Краева, 2024]. Разделяя мнение большинства ученых о том, что *причинами* большинства расхождений в указанных вариантах являются особенности исторического и культурного развития Великобритании и США, влияние СМИ и рекламы, И.А. Краева предложила объяснить причину тех случаев, когда один и тот же объект или явление обозначаются в национальных вариантах разными лексическими

единицами, с помощью когнитивной лингвистики, в частности рассмотреть подобные номинации с точки зрения таких явлений, как прозрачность значения и фокусировка внимания. В итоге это позволило ученой прийти к заключению о том, на чем концентрировалось внимание в процессе номинации того или иного объекта, или, как писала Е.С. Кубрякова, «каким видится окружающий человека мир, что в нем остановило его внимание и какие именно крупницы опыта, знаний и оценок человек счел для себя наиболее существенными» [Кубрякова, 2004, с. 430].

Нельзя не согласиться с И.А. Краевой в том, что трудно и даже вряд ли возможно объяснить, в том числе с когнитивной точки зрения, все лексические различия между вариантами языка, но в рассматриваемой работе было убедительно доказано, что в целом ряде случаев это вполне возможно. В качестве примеров были подробно рассмотрены номинации предметов из разных областей: мобильные телефоны (*mobile phone* (BrE) – *cellphone* (AmE)), блюда из сферы питания (*jacket potato* (BrE) – *baked potato* (AmE)), названия домашней утвари «столовые приборы» (*cutlery* (BrE) – *silverware* (AmE)). Кроме того, был проанализирован более сложный случай наименования съедобного растения *баклажан* (*aubergine* (BrE) – *eggplant* (AmE)), явившийся результатом сочетания культурно-исторических особенностей развития английского языка и когнитивных процессов, протекающих в ходе номинации.

Мы разделяем мнение ученых о том, что современная парадигма лингвистического знания – когнитивная лингвистика – позволяет по-новому взглянуть на ряд проблем, в том числе и на различия в национальных вариантах языка. Вопрос о возможности использования аппарата когнитивной лингвистики для объяснения лексических различий в вариантах английского языка является актуальным для проводимого нами исследования, поскольку предметом исследования является семантика английских производных слов – членов категории предметно-бытовой лексики (наименований жилища, одежды, питания), используемых как в общеанглийском фонде, так и в американском и британском вариантах английского языка. Цель – показать возможные пути анализа английских сложных слов из категории предметно-бытовой лексики с использованием таких когнитивных операций, как фокусирование и профилирование.

В своей работе мы, как и многие другие когнитологи, опираемся на идеи, высказанные Е.С. Кубряковой, которые имеют огромное значение для познания языка в целом, его роли в познании

мира, во взаимодействии человека с окружающей его действительностью и ее осмыслении. Остановимся на некоторых из них в силу их важности для проведения семантического анализа.

Несомненно, особое место занимает вопрос о роли разноструктурных единиц языка (слов, словосочетаний и т.п.) в системе номинации. При этом, как отмечала Е.С. Кубрякова, «...нас интересует более всего вопрос о том, как соотносится способ представления семантики в этих единицах с их когнитивными и дискурсивными характеристиками и каковы реальные отличия самих этих характеристик у разноструктурных единиц номинации» [Кубрякова, 2004, с. 429].

Соглашаясь с мнением коллег о том, что номинативную функцию выполняют не только словообразование, но и другие компоненты языковой системы, ученая полагала, что в результате этого в качестве единиц номинации могут выступать не только продукты словообразования, т.е. производные слова, но и разные виды словосочетаний и даже предложения. Е.С. Кубрякова писала в связи с этим: «Уточним первоначально само понятие единицы номинации: такой единицей можно, по всей видимости, считать любую языковую форму и тем более любую языковую конструкцию, которая служит в тексте и дискурсе выделению, распознаванию и характеристике любой реалии (объекта, события, признака и т.д.), стоящей за этой формой или конструкцией, и – одновременно – способствует активизации знаний о ней. С этой точки зрения единицы номинации выполняют не только собственно назывательную функцию, но и функции репрезентации отдельных фрагментов мира и его концептуализации» [Кубрякова, 2004, с. 430].

Тем не менее особое внимание она уделяла положению производных слов среди других единиц номинации, называя производные слова «поразительной» и «уникальной» единицей номинации, которая играет в номинативном процессе исключительную роль [Кубрякова, 2004, с. 438].

В своей работе мы изучаем с когнитивных позиций семантику английской предметно-бытовой лексики, единицы которой, согласно классификации Е.С. Кубряковой, необходимо отнести к классу номинативных единиц системных, готовых, фиксируемых словарями и воспроизводимых в актах речи, т.е. к единицам-обозначениям (или просто – к обозначениям), в отличие от другого, противопоставляемого им класса номинативных единиц, представляющих собой свободно создаваемые в речи комбинации уже

имеющихся в ментальном лексиконе говорящего единиц, т.е. аналитические дескрипции, или единицы-описания.

Как показало исследование, английская предметно-бытовая лексика включает в себя полнозначные конвенциональные обозначения, которые являются в подавляющем большинстве производными словами – аффиксатами и сложными словами, которые играют огромную роль в когнитивно-дискурсивной деятельности человека. Будучи конвенциональными номинациями, данные обозначения, по мысли Е.С. Кубряковой, входят в число общеизвестных и общепринятых в обществе говорящих наименований реалий мира и «образуют в своей совокупности область разделенных знаний (shared knowledge) для всего сообщества говорящих на одном языке» [Кубрякова, 2004, с. 431].

Для изучения семантики предметно-бытовой лексики мы используем в своей работе лексикографические источники, исходя при этом из того, что объединение слова и его дефиниции можно считать примером простейшего номинативного ряда, поскольку все словари базируются на презумпции эквивалентности правой и левой частей словарной статьи [Кубрякова, 2004, с. 433]. В ходе исследования стало очевидным, в какой максимально свернутой и компрессированной форме предметно-бытовые слова передают индивидуальные значения. Используя терминологию Е.С. Кубряковой, можно сказать, что предметно-бытовые обозначения – это номинативные свертки с разной степенью семантической компрессии.

Полагаем, что проводимое в ходе исследования описание семантики производных слов – обозначений английской предметно-бытовой лексики в терминах когнитивной лингвистики (**семантической прозрачности, перспективы, фокусирования, профилирования и т.п.**) позволяет объяснить целый ряд особенностей производных слов.

Поясним данное положение на одном английском сложном слове **car-coat**. Посмотрим, на каких деталях обозначаемого фокусируется внимание при его наименовании, или, иначе говоря, как фиксируется в наименовании распределение внимания, а от каких само собой разумеющихся признаков обозначенного объекта производное слово дает возможность абстрагироваться.

Например, существительному **car-coat** можно дать обобщенную дефиницию «a short (over)coat comfortable / designed especially for the use of car-drivers / driving in a car» / «короткое пальто, удобное / разработанное специально для использования водителями автомобилей / вождения автомобиля». Из данного суждения о

предмете одежды в поверхностную структуру его наименования как основной вынесен элемент *saг*, т.е. внимание сфокусировано на месте ношения данного вида пальто. А признаки *короткое, удобное* видятся как второстепенные, само собой разумеющиеся, поскольку данный вид пальто специально смоделирован для водителей, поэтому такое пальто и должно быть коротким и удобным для вождения.

Важно отметить в связи с этим, что именование сложным словом всегда помогает осуществить субкатегоризацию объекта. По мнению Е.С. Кубряковой, выполнение словообразовательными средствами процессов субкатегоризации знаний (а не только собственно категоризации) имеет чрезвычайно важное значение. В указанном примере *saг-coat* выступает как разновидность пальто, наименование одного из возможных фасонов.

С помощью явлений фокусировки внимания и профилирования можно, на наш взгляд, объяснить целый ряд различий, существующих между двумя вариантами английского языка, выраженных английскими сложными словами из категории предметно-бытовой лексики. Приведем некоторые из многочисленных возможных примеров с кратким пояснением.

В британском варианте английского языка словосочетанию *зеленый лук* соответствует сложное слово **spring onions**, образованное по традиционной для английского языка модели $n + n \rightarrow N$. В основу номинации положен категориальный признак – *время года / сезон* произрастания данного овоща, т.е. *spring* «весна»: «**spring onion** noun [c] *British* – a small white onion with a long thin stem with *green* leaves on it that is often eaten raw in salads» / «маленькая белая луковица с длинной тонкой ножкой и зелеными листьями на ней, которую часто едят сырой в салатах». Категориальный признак цвета – *green* «зеленый» – актуализирован в значении слова, поэтому в британском варианте он не выносится в атрибутивную позицию слева. В то же время в американском варианте данный съедобный овощ называют *green onion* (ср. с русским наименованием *зеленый лук*), т.е. в основу номинации положен категориальный признак *цвета* (причем только одной части растения – перьев), именно на нем фокусируется внимание в ходе номинации.

В качестве другого примера можно привести название водонагревающего устройства для кипячения воды – *кипятильник*. В британском варианте английского языка данный бытовой прибор называют **immersion heater**: «*noun* [c] – a piece of electrical equipment that heats water for use in the home» [MED, с. 754]. Оче-

видно, что при номинации прибора фокусировка внимания происходит на принципе его использования (*immersion* – the process of putting something in to a liquid / процесс погружения чего-либо в жидкость). Действительно, кипяtilьник в отличие от электрического чайника не имеет сосуда для жидкости и предполагает погружение в жидкость – нагревательный элемент ТЭН (трубчатый электронагреватель) погружается в воду и нагревает ее при помощи тока. В американском варианте кипяtilьник называют **water heater**. В этом случае левый компонент сложного слова указывает на то, что при номинации внимание было сфокусировано на наименовании жидкости, которую нагревают, – water (*вода*).

Примеры можно было бы продолжить, проанализировав в подобном ракурсе такие пары сложных слов предметно-бытовой лексики, как: standard lamp (*BrE*) – floor lamp (*AmE*) (торшер), swiss roll (*BrE*) – jelly roll (*AmE*) (пудинг с вареньем), tea towel (*BrE*) – dish towel (*AmE*) (кухонное полотенце), stock cube (*BrE*) – bouillon cube (*AmE*) (бульонный кубик), brown bread (*BrE*) – wheat bread (*AmE*) (черный хлеб), face flannel (*BrE*) – wash cloth (*AmE*) (полотенце для лица), bicarbonate of soda (*BrE*) – baking soda (*AmE*) (питьевая сода), butter bean (*BrE*) – lima bean (*AmE*) (бобы каролинские), china graphpencil (*BrE*) – grease pencil (*AmE*) (карандаш для макияжа), carrier bag (*BrE*) – shopping bag (*AmE*) (сумка, полиэтиленовый пакет для покупок), double cream (*BrE*) – heavy cream (*AmE*) (жирные сливки), fairy cake (*BrE*) – cupcake (*AmE*) (маленькое пирожное), greatcoat (*BrE*) – overcoat (*AmE*) (пальто), neat drink (*BrE*) – straight drink (*AmE*) (неразбавленный спиртной напиток), oven holder / kettle-holder (*BrE*) – pot holder (*AmE*) («прихватка» для горячей посуды), polo neck (*BrE*) – turtle neck (*AmE*) (свитер «водолазка») и др.

В ходе исследования лексических различий английской предметно-бытовой лексики было также выявлено, что правый компонент сложных слов в обоих вариантах часто остается тем же. В проанализированных примерах это onions, heater, т.е. встает вопрос о важности такого явления, как упомянутая выше субкатегоризация объектов.

Интересны в этом отношении наименования блюд – например, видов традиционного английского десерта – пудинга (pudding). В их названиях, многие из которых являются сложными словами, левый компонент часто обозначает основной продукт, из которого определен вид пудинга изготовлен, на нем фокусируется внимание в процессе номинации. А другие признаки, указываемые обычно в дефиниции слова pudding (a soft sweet food eaten

at the end of a meal / мягкое сладкое блюдо, которое едят в конце трапезы), – характерны для всех видов этого блюда и поэтому в данном случае не релевантны. Так возникли названия *vanilla pudding*, *chocolate pudding*, *banana cream pudding*, *strawberry cream pudding*, *mango pudding*, *lemon pudding* и др. Но в новейший период у последнего наименования *lemon pudding* появилось синонимичное *canary pudding*, в названии которого с помощью существительного *canary* (канарейка) внимание акцентируется на необычном ярко-желтом цвете этого блюда, который ему придает основной ингредиент – лимон.

Очевидно, что в когнитивной лингвистике вопрос о субкатегоризации знаний непосредственно связан с таким явлением, как профилирование лексической единицы, которое также помогает объяснить значение сложных слов – обозначений предметно-бытовой лексики. Опираясь на теорию Е.С. Кубряковой, можно сказать, что анализировать значение сложных слов минуя их отнесенность к определенной ономаσιологической категории, указанной ономаσιологическим базисом производного слова, нельзя. В английском языке, являющемся правовершинным языком, правый компонент сложного слова и выражает ономаσιологический базис. Другими словами, в своей морфолого-деривационной структуре сложные слова содержат базу профилирования, т.е. прямо указывают на профиль значения.

Так, в новейший период истории английского языка появился ряд названий костюмов (*trouser suit*, *shirt suit*, *safari suit*, *pantsuit*, *cocktail suit*, *leasure suit*, *bodysuit*, *drape suit*, *jump suit*, *catsuit*), юбок (*slit skirt*, *pantskirt*, *dirndl skirt*, *cuddle skirt*) и других предметов одежды.

Всё вышесказанное позволяет, на наш взгляд, сделать общий вывод о том, что лексическое варьирование в британском и американском вариантах английского языка еще раз свидетельствует о наличии у носителей данных вариантов своей языковой картины мира, т.е. исторически сложившейся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженной в языке совокупности представлений о мире, определенного способа восприятия и устройства мира, концептуализации действительности. Представляется, что проводить подобные исследования необходимо на большом фактическом материале, детально изучая каждое лексическое различие между вариантами, причем с привлечением всех возможных данных – этимологических, культурно-исторических, и в том числе – где это позволяет материал – когнитивных.

Список литературы

- Амитирова-Тургенева Д.Л.* Типология британо-американских различий в лексической номинации и их лексикографическое представление: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2009. – 23 с.
- Антонова Т.В.* Слоговая структура британского и американского вариантов английского языка (сопоставительное и экспериментально-фонетическое исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 1994. – 18 с.
- Гойло А.А.* Синтаксическая вариативность в национальных разновидностях английского языка по данным корпусов текстов и анкетирования // Вариативность в языке и речи: тез. докл. Междунар. науч. конф., Минск, 4–5 апреля 2019 г. / редкол.: Л.М. Лещева (отв. ред.) [и др.]. – Минск: МГЛУ, 2019. – С. 55–56.
- Домашнев А.И.* Национально-региональная вариативность немецкого литературного языка и австрийский национальный вариант современного немецкого литературного языка: дис. ... д-ра филол. наук. – Ленинград, 1970.
- Игнаткина А.Л.* Специфика репрезентации концепта Public Relations фразеологическими средствами американского и британского вариантов английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2005. – 25 с.
- Ильин Ю.В.* Проблема территориальной вариативности в терминологии (ономазиологическая и лексико-семантическая характеристика спортивной терминологии в английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 1979. – 247 с.
- Кириченко Н.А.* Соотношение и взаимодействие американского и британского вариантов литературного английского языка на уровне словосочетания: дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 1981. – 192 с.
- Краева И.А.* Взгляд на вариативность английского языка с когнитивной точки зрения // Материалы Международной научно-практической конференции VI Фирсовские чтения «Современные языки и культура: вариативность, функции, идеологии в когнитивном аспекте», 19–21 октября 2023 года, РУДН, Москва. Когнитивные исследования языка. – Москва, 2024. – Вып. 1 (57), Часть 2. – С. 431–434.
- Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 555 с.
- Степанов Г.В.* К проблеме языкового варьирования: Испанский язык Испании и Америки. – 2-е изд. – Москва: УРСС, 2004. – 325 с.
- Фирсова Н.М.* Современный испанский язык в Испании и странах Латинской Америки: учебное пособие. – Москва: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 342 с.
- Швейцер А.Д.* Различительные элементы американского и британского вариантов современного литературного английского языка: в 2-х томах: дис. ... д-ра филол. наук. – Москва, 1966. – 739 с.
- MED – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. – Second edition. – Oxford: MacmillanPublishersLtd, 2012. – 1748 p.

ШЕВЧЕНКО Т.И.¹

1.11. БРИТАНСКИЕ ГОРОДСКИЕ ДИАЛЕКТЫ СЕГОДНЯ: СВИДЕТЕЛЬСТВА ФОНЕТИСТОВ

Аннотация. В главе рассматривается языковая ситуация на Британских островах на основании фонетических данных. Учитываются социодемографическая обстановка и два основных измерения: социальное и географическое. Социолекты мультикультурного Лондона (MLE), эстуарного английского (Estuary English) и мокни (Mockney) оцениваются по признаку социальной привлекательности типов произношения и распространенности в определенных социальных кругах речевого сообщества на фоне сохранения британского стандарта (RP). Корпусное исследование интонации в британских городах (IViE) отражает вариативность этнического состава населения, которая влияет на многообразие просодических форм английской речи. Кельтские акценты в Ирландии, Шотландии и Уэльсе в сопоставлении с южноанглийским типом произношения в Кембридже свидетельствуют о сохранении традиционных долговременных межрегиональных связей. Социальный аспект взаимодействия в дискурсе выявляет функции типично региональных тонов.

«Лоскутное одеяло» диалектов в социальном измерении

Во всем мировом англоязычном сообществе вряд ли найдется страна, где произношение является таким важным социальным маркером, как в Англии. Как справедливо отмечала Л. Милрой, идеология стандарта в Великобритании отличается от идеологии стандарта в США именно тем, что его элитарность противопоставлена «мейнстриму» американцев и ассоциируется с особым вниманием к произношению, в то время как американский стандарт ориентируется на лексико-грамматические формы языка. Соответственно, «нестандарт» по-британски подразумевает принадлежность к рабочему классу, преимущественно на севере Англии, а в

¹ Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; tatashevchenko@mail.ru

США «нестандартом» является речь представителей таких многочисленных этнических групп, как афроамериканская, латиноамериканская и азиатская [Milroy, 2010].

Не отменяя главного принципа социотерриториального деления традиционных диалектов и британского орфоэпического стандарта (RP), в эту классификацию британских диалектов вторглись индийский (от хинди), панджабский (от панджаби), карибский (от переселенцев с Ямайки и других жителей островов Карибского бассейна), все как следствие миграции, или, как обозначили это английские диалектологи, «мести тех, кого колонизировали» [Bauer, 2002, p. 84]. В Интернете можно найти сведения о демографии населения Англии и Уэльса, в частности о том, что в школах больших городов типа Лондона, Ноттингема и Бирмингема «белые» дети (очевидно, этнически – европейцы) составляют примерно одну треть обучающихся, что рассматривается как перспектива изменения английского языка в ближайшем будущем [UK Government education statistics, 2022].

Американский тип произношения формировался за последние века посредством «переплавки в тигеле» (melting pot) разных языков и диалектов, которые по причине сегрегации оставили без значительных изменений только афроамериканский английский (AAVE – Afro-American Vernacular English); в Англии же чаще оценивают ситуацию как «лоскутное одеяло» (patchwork): при этом произношение жителей на разных территориях отличается через каждые 25 миль, как отмечал выдающийся британский лингвист Д. Кристал, который, подобно младограмматикам, наблюдал эти сдвиги, путешествуя по стране [Crystal, 2007]. Характерно то, что несмотря на мнение других лингвистов о том, что традиционные диалекты исчезают путем выравнивания (levelling) [Wells, 1982], Д. Кристал считает, что они не исчезают, а модифицируются. Он также отмечал наличие смешанных типов произношения, возникающих в результате мобильности населения [Crystal, Crystal, 2014].

Самым известным продуктом смешения как минимум двух типов произношения, карибского и кокни, на северо-востоке Лондона оказался английский язык «мультикультурного Лондона» (MLE). Социолингвисты отмечали, что молодежь рабочих кварталов на востоке Лондона этнически состояла из переселенцев с Ямайки, из Западной Африки, а также из Индии, Пакистана и других азиатских стран, которые общались с местными кокни. При этом молодые люди с карибским акцентом в силу своих психофизических возможностей пользовались наибольшим авторитетом –

по сравнению, например, с азиатами, которые проявляли признаки покорности и конформизма по отношению к местной культуре [Fox, 2012]. Так, например, по результатам восьми экзаменов, которые сдают 16-летние выпускники английских школ, самые высокие баллы набирают китайские обучающиеся, на втором месте – индийцы, а англичане – на 3-м месте со средним результатом 48% [UK Gov. edu. stat.].

Мультикультурный Лондон имеет своих кумиров в поп-музыке, в частности в популярном стиле грайм (*grime*), который представляет собой декламацию в стиле рэп (*raggaмафин*), слоговой ритм на фоне разных мелодий с ярко выраженным ритмом. Он проникает в СМИ и влияет на речь в других регионах [Kerswill, 2013; Kerswill, 2014]. Этот тип произношения уместен в определенных профессиональных кругах, например среди актеров в поп-культуре, журналистов [Фрейдина, 2016]. Фонетическими признаками произношения, возникшего путем сращения карибского типа с кокни, являются:

- замена межзубных, как глухих, так и звонких, обозначаемых на письме диграфом *th*, щелевыми *f*, *v*, например, *move(r)* вместо *mother*;

- вокализация *l*, например: *I few* вместо *I feel*;

- глоттализация *t* (*glottal stop*), в том числе между гласными и на конце слов, например: *star?ed, I don?ge?* вместо *started, I don't get*;

- выпадение *j* (*yod-drop*), т.е. твердое произношение ряда согласных, например: *sooper*, вместо *super*;

- монофтонгизация дифтонгов или сдвиг дифтонгов, как в кокни, например: *po', taik* вместо *poor, take*;

- один случай, когда нет опущения *h*, например, в словах *human, he* [Абрамова, 2012].

Знакомство, даже самое беглое, с перечисленными признаками современных тенденций произношения молодых людей в Лондоне убеждает нас в том, что практически все они присутствовали в кокни в течение очень долгого времени. Так, например, у Ч. Диккенса в «Записках Пиквикского клуба» слуга м-ра Пиквика, литературный герой Самуэль Уеллер, был охарактеризован автором как кокни благодаря следующим признакам: глоттализация *t*, опущение *h*, смещение дифтонгов. В тексте это произношение отражалось как обилие апострофов вместо пропущенных согласных, что сильно затрудняло его понимание. В жизни многих поколений такое произношение, естественное для кокни, осуждалось и слу-

жило социальным маркером с отрицательным результатом для социальной мобильности.

Однако уже к середине прошлого столетия часть этих произносительных тенденций проникла в речь молодых представителей среднего класса, а в 80-е годы лингвисты и СМИ стали писать о целом поколении «эстуарного английского» (*Estuary English*, от *estuary* – устье реки Темзы, как был обозначен регион юго-восточной Англии) [Rosewarne, 1994; Parsons, 1998]. Сегодня тем молодым людям уже за 40, и принадлежность к среднему классу обязывает их быть оплотом общества, носителями языковой культуры. «Эстуарный» английский язык охарактеризован авторитетным британским фонетистом, автором произносительного словаря английского языка Джоном Уэллзом, как «стандартный английский язык с произношением, в котором есть элементы кокни»: глоттализация *t*, вокализация *l*, замена межзубных *th* губно-зубными *f*, *v* и некоторые черты произношения гласных. Тем не менее в целом этот тип произношения признается стандартом, т.е. модифицированным RP, который регионально ассоциируется с юго-востоком Англии, и Дж. Уэллз написал одобрительное предисловие к книге о современных тенденциях в английском произношении [Lindsey, 2019].

Как показывает опыт разных поколений, мода на просторечные черты в произношении присутствовала в речи среднего класса, когда возрастал престиж региональной речи и когда СМИ организовывали специальные проекты, привлекающие внимание к сохранению многообразия типов произношения, в том числе в речи дикторов – ведущих информационных каналов. В бизнесе также проводились опросы мнений пользователей кол-центров относительно привлекательности и разборчивости речи, чтобы увеличить эффективность рекламы и продажи товаров и услуг. Это было особенно актуально, когда ради использования дешевой рабочей силы кол-центры размещались в Индии или на Филиппинах. Социальные оценки, обнаруженные путем опросов в бизнесе и в других сферах (например, при подборе голосов для озвучки в фильмах), могли не совпадать. Но неизменным оставался один принцип: элитарный стандарт RP уступал в социальной привлекательности и считался слишком «шикарным», «высокомерным», а с другой стороны – ярко выраженные, малопонятные жителям других регионов акценты типа бирмингемского также отвергались. Стандарт, таким образом, безусловно остается, но «без пафосности»,

слегка модифицируясь в межличностном и даже в медийном дискурсе [Crystal, Crystal, 2014; Setter, 2019].

Существует практика личного выбора диалекта либо для карьеры, либо для социальной привлекательности, и в последнем случае социальная мимикрия может способствовать намеренному принижению собственного типа произношения за счет вкрапления просторечных фонетических форм. В результате возникает модифицированный RP представителей среднего и даже высшего среднего класса, включая молодых членов королевской семьи. Его называют «мокни» (*Mockney* – от *mock* + *cockney*), т.е. фальшивый кокни, который исчезает в случае, если говорящий забывает о своей маске, например в моменты эмоционального возбуждения [Абрамова, 2012; Фрейдина, 2016].

В известном проекте австралийских фонетистов под руководством Дж. Харрингтона материалом долговременных записей для анализа вокалических изменений в британском произношении были, с позволения королевского двора, рождественские речи королевы Елизаветы II за 40 лет. Исполнители обнаружили, что демократические тенденции затронули вокалическое пространство королевы, что вызвало комментарий относительно соверена, который «прислушивается к своему народу». Пресса позволяла себе менее благосклонные отзывы относительно «королевского английского» (*Queen's English*), который теряет свою исключительность [Garrett, 2010].

Территория или этнос: просодия речи населения британских городов

О взаимосвязи социального и территориального варьирования английского языка в Великобритании было написано немало отечественных работ, в центре внимания которых стали просодические особенности речи [Shevchenko, 1983; Скуланова, 1987; Shevchenko, 1989; Скопинцева, 1995; *Welsh English intonation and social identity*, 2017] и методология современного анализа звучащей речи [Методы анализа..., 2020], в то время как британские лингвисты сосредоточились на произношении городского населения, учитывая его изменившийся этнический состав [Coupland, 1990; *Urban Voices*, 1999].

Корпусное исследование интонации в британских городах (IViE – *Intonation Variation in English*), выполненное в начале те-

кущего столетия, отражает вариативность этнического состава населения, которая влияет на многообразие просодических форм английской речи. Так, в частности, записи речи старшеклассников в английских школах предоставили материал для изучения следующих акцентов, влияющих на высотно-мелодические уровни и контуры в чтении разных синтаксических типов предложений: в г. Лондон – переселенцев из Ямайки, т.е. карибский вариант английского языка; в г. Бредфорд – индийский вариант английского языка; в г. Лидс – акцент переселенцев из Пакистана, панджабский (от Panjabi) вариант; в г. Белфаст – североирландский; в г. Дублин – ирландский; в г. Ньюкасл – северо-английский; в г. Кембридж – южно-английский вариант произношения, в силу его географического положения и состава населения в наибольшей степени приближенный к национальному стандарту RP, который, как известно, ассоциируется с юго-востоком Англии.

Корпус IViE составлялся в 1999–2001 гг., а в 2002 г. стал доступен в Интернете. Интернациональная команда лингвистов во главе с немецким лингвистом Э. Грабе опубликовала несколько работ, основанных на материале корпуса по следующим направлениям:

- сопоставительный анализ ритма в семи британских городах, основанный на измерении длительности с применением методов математической лингвистики [Loukina, Kochanski, 2010];

- анализ фонетической и фонологической вариативности ядерных тонов в чтении пяти синтаксических типов английских предложений молодыми жителями семи британских городов [Grabe, 2004; Grabe, Kochanski, Coleman, 2005];

- квантитативное моделирование интонации на основе измерения средней частоты основного тона (ЧОТ) и контура ЧОТ в четырех синтаксических типах предложений носителями семи диалектов [Grabe, Post, Nolan, 2001].

Общим результатом оказался вывод о том, что в интонации диалектов выявлены различия, сопоставимые с различиями при сравнении разных языков, что, на наш взгляд, могло быть вполне предсказуемым, если учитывать не только географическое, но и этническое разнообразие респондентов – носителей английского языка. Так, например, в городе Лидс это были билингвы, которые дома говорили на панджаби, языке, который стал вторым после английского по численности носителей на Британских островах; билингвы, владеющие хинди, были из г. Бредфорда, а в Лондоне респонденты были монолингвами, владеющими только карибским (преимущественно с Ямайки) вариантом английского языка. Усло-

вием записи было место рождения и постоянного проживания – тот город, который они представляют. Это говорит о том, что данный этнос уже укоренился на указанной территории, и очевидно, что к настоящему времени 16-летние подростки стали 40-летними взрослыми людьми.

Результаты сопоставления ритма в разных городах оказались менее предсказуемыми: не обнаружались искомые признаки общности слогового ритма в карибском, индийском и панджабском вариантах, но выявилась общность ирландского диалекта в г. Дублин с южноанглийским ритмом в г. Кембридж. Авторы объясняют это явление близкими связями и консервативностью двух городов. Более оправданным результатом оказалась общность двух северных городов, Ньюкасла и Лидса, несмотря на то что в Лидсе, как уже отмечалось, проживают переселенцы из Пакистана, которые являются билингвами [Loukina, Kochanski, 2010]. Молодежь, как можно предположить, усвоила ритм речи местного населения, что находит свои аналогии в речи арабов-подростков в рабочих районах г. Парижа (слоговой ритм французского в отличие от акцентного ритма арабского языка) [Fox, 2012].

Развивая идею вариативности интонации, Э. Грабе подробно рассмотрела вариативность ядерных тонов в четырех типах предложений: повествовательных, вопросительных специальных, вопросительных общих и вопросительных, имеющих форму утверждения, т.е. не имеющих лексико-грамматических признаков вопросительности. Сосредоточившись на структуре и частотности восходящих тонов как показателях вопросительности, автор нашла подтверждение компенсации средствами просодии отсутствия формальных лексических и грамматических признаков вопросительности, известной российским фонетистам как «принцип замены» А.М. Пешковского [Grabe, 2004].

В отношении частотности определенных типов тонов было установлено безусловное своеобразие только одного диалекта – североирландского в г. Белфасте, где восходящие тоны доминируют в утверждениях, а не только в вопросах. Вывод автора о том, что вариативность обнаружена не только между диалектами, но и внутри диалектов (максимальное совпадение типов тонов между носителями одного диалекта – не выше 30%), как и в репертуаре каждого говорящего, состоит в скептическом заключении, что в речи существует большой потенциал непонимания, если судить по употреблению тонов [Grabe, Kochanski, Coleman, 2005].

Математическое моделирование интонационных контуров, характерных для разных диалектов и для тех же четырех типов предложений в чтении подростков, было выполнено путем вычисления медианных значений ЧОТ на определенных участках контуров. Значимыми оказались уровни ЧОТ и форма контура. Во всех семи диалектах респонденты различали утверждение (declarative) и утверждение со знаком вопроса (declarative question), а специальные и общие вопросы занимали промежуточные уровни в этом противопоставлении. Впрочем, контраст первых двух моделей был отмечен не во всех диалектах: типичные модели отмечали в Кембридже, Лондоне и Дублине; в Белфасте и в Лидсе, однако контуры были очень похожи между собой. В Белфасте, например, все контуры отличались подъемом, а в Лидсе, напротив, во всех контурах отмечалось только понижение ЧОТ. В Ньюкасле и в Бредфорде утверждение со знаком вопроса могло завершаться подъемом ЧОТ, в то время как контуры всех других типов предложений характеризовались понижением. Дифференциация утверждений и вопросов последовательно коррелировала с уровнями ЧОТ, при этом различались способы такой дифференциации, характерные для конкретных диалектов. Во всех диалектах самый высокий уровень ЧОТ был в утверждениях со знаком вопроса, ниже – в собственно вопросах, и самый низкий уровень – в утверждениях. Авторы сочли различие уровней ЧОТ в утверждениях и вопросах языковой универсалией [Grabe, Post, Nolan, 2001].

Форма контура ЧОТ значительно различает утверждения и утверждения-вопросы. Специфика английского языка, как и немецкого, проявилась в более резком понижении уровня ЧОТ сразу после начала предложения в специальных вопросах, что связано с акцентуацией: понижение отмечается сразу после первого (ударного) вопросительного слова в специальных вопросах. Специфика отдельных диалектов проявилась в том, что в некоторых из них, например в Кембридже и в Лондоне, четыре типа предложений различаются по месту ударений, т.е. по типам акцентных моделей, влияющих на форму контура, в то время как в других, например в Белфасте и в Лидсе, таких локальных изменений формы контуров не было обнаружено [Grabe, Post, Nolan, 2001].

Мелодический континуум кельтских регионов: традиционные связи сохранились

Из корпуса IViE мы выбираем материал кельтских городов Ирландии (Дублин), Северной Ирландии (Белфаст), Уэльса (Кардифф), находим сопоставимый материал по Шотландии (Глазго), чтобы проследить сохранность долговременных связей традиционных кельтских диалектов между собой, а также с Юго-Востоком Англии (Кембридж). Новизна сопоставительного анализа состоит в следующем:

- отбор исключительно наследников *традиционных диалектов*;
- выбор *стиля* естественной, неподготовленной (спонтанной) аутентичной речи, который отличается от чтения определенного набора предложений с установленными синтаксическими конструкциями или чтения стандартного текста;
- учет *гендерного фактора* как при подборе респондентов, так и при статистической обработке данных;
- расширение набора просодических параметров за счет *длительности* и *диапазона*, включенных в структурные характеристики мелодических образцов;
- сочетание аудиторского (перцептивно-слухового) и инструментального (компьютерного) типов анализа [Boersma, Weenink, 2012];
- использование инструментария MATLAB (MATrix LABoratory) и ANOVA для трехступенчатого статистического анализа.

Цель анализа – выявить идентичность обозначенных кельтских регионов на основании комбинаторики изученных мелодических типов (тонов) в сочетании с длительностью их структурных элементов и мелодическим диапазоном; сопоставить полученные данные во всех кельтских диалектах и выявить общие черты, которые свидетельствуют о долговременных, исторически сложившихся связях между регионами [Chubarova, Shevchenko, 2022].

Установленная корреляция между фактором *региона* и частотностью мелодических типов (тонов), их акустической структурой, определяемой длительностью и диапазоном составляющих элементов, в спонтанной беседе молодых людей из пяти городов Великобритании и Ирландии дает основания утверждать, что специфика каждого кельтского региона, в отличие от южно-английского, складывается из сочетания восходящих, нисходящих и восходяще-нисходящих тонов; общей чертой остается употреб-

ление ровных тонов во всех кельтских регионах. В целом по изученным образцам спонтанной речи можно сделать вывод о *континууме* мелодических форм кельтских диалектов, сохранивших эту общность между собой и с южно-английским регионом Кембриджа.

Диалект *Белфаста* (*североирландский* тип произношения) проявляет самые ярко выраженные региональные мелодические характеристики по сравнению с другими городскими диалектами: доминируют восходящие тоны, в то время как нисходящие тоны менее частотны, что представляет собой исключительную черту в английской речи. Ранее подобные наблюдения описывали Алан Краттенден и его соавторы [Cruttenden, 2001; Jarman, Cruttenden, 1976], а также разработчики корпуса IViE [Grabe, 2004]. Наш прежний опыт позволил нам выявить другие характерные черты произношения североирландского диалекта – самый широкий речевой диапазон на фоне всех других диалектов Великобритании [Шевченко, 1990]. В настоящем исследовании, наряду с частотностью восходящих терминальных тонов, мы отмечаем такие структурные особенности реализации, как большую длительность и больший диапазон (мелодический интервал) североирландских тонов [Chubarova, Shevchenko, 2022].

В отношении наблюдаемых общих для кельтских регионов восходящих тонов следует отметить, что относительно высокую частотность произношения продемонстрировали также подростки из *Глазго* (*шотландский* тип произношения) и *Кардиффа* (*валлийский* тип произношения), однако своеобразие каждого диалекта также очевидно: у валлийцев восходящие тоны близки по структуре к североирландским, но уступают им в частотности; у шотландцев в таких же тонах меньше длительность и более узкий мелодический диапазон (интервал). Таким образом, ранее охарактеризованные как типичные черты северобританских диалектов, восходящие тоны ярко проявились именно в спонтанной речи молодых людей в городах, исторически имеющих кельтскую общность. Историческая справка, которую мы находим в работе Д. Бритена, напоминает об истоках шотландского влияния в Ольстере: в XVII в. по воле короля Джеймса шотландцев переселяли в Северную Ирландию, это называли «плантациями» [Hickey, 2014, p. 15]; с тех пор этнические межрегиональные связи сохранялись.

Особого комментария заслуживает установленная общность мелодического репертуара у жителей *Дублина* (*ирландский* тип произношения) и *Кембриджа* (*южно-английский* тип произношения), которые оказались близки по составу, прежде всего по

частотности нисходящих тонов, типичных для британского стандарта. Полученные данные подкрепляют результат исследований, ранее опубликованный А. Лукиной и Г. Кочанским, о близости двух диалектов по показателям длительности, что объяснялось их «консервативностью» (см. выше: [Loukina, Kochanski, 2010]. Тем не менее дублинский диалект одновременно сохраняет некоторые общие черты с Белфастом, т.е. североирландским типом произношения, например по частотности типично кельтских восходяще-нисходящих тонов. Это сочетание ирландских и южно-английских черт характеризует Дублин как столицу Ирландии, расположенную ближе всего к английскому городу Кембриджу.

Кельтская мелодика в контексте социального взаимодействия

Описание номенклатуры изученных мелодических типов в речи носителей кельтских диалектов дает только общее представление относительно их функций в контексте социального взаимодействия. Если фонологический анализ Э. Грабе относился к функции вопросительности, которая приписывается восходящему тону или просто повышению уровня ЧОТ в высказывании (автор ссылается на теорию «частотного кода» Джона Охалы, сторонником которой также считается Карл Гассенховен), то продемонстрировать ее было несложно на чтении синтаксически отобранных коммуникативных типов предложений [Grabe, 2004]. Более сложную задачу приходится решать в ситуации общения на материале неподготовленной диалогической речи.

Данный раздел посвящен специфике британской диалектной речи, которая проявилась в эксперименте «задание по карте», в котором приняли участие молодые жители города Глазго [HCRC Map Task Corpus, 1991]. Цель эксперимента состояла в выявлении модификаций тонов в зависимости от двух факторов: новизны информации и взаимодействия собеседников, т.е. интеракции.

Мелодические особенности английской диалектной речи упоминались в работах британских интонологов в отношении частотности одной конфигурации, необычной с точки зрения универсальных функций базовых моделей: утверждение ассоциируется в большинстве языков с нисходящим тоном, а вопрос – с восходящим, в то время как в северных диалектах Англии в утверждениях, напротив, звучит восходящий тон [Cruttenden, 2001]. В дальней-

шем те же авторы разъясняли, чем восходящий тон традиционных диалектов отличается от современной тенденции к повышению тона в нарративе (*uptalk*), отмеченной в определенных социальных слоях речевого сообщества в Австралии и в США [Cruttenden, 2007; Bolinger, 1978; Шевченко, 1990]. Функционально, как считают образованные лингвисты – носители языка, *uptalk* в нарративе сочетает в себе значение сообщения с запросом обратной связи («ты меня слушаешь?») [Bolinger, 1978], в отличие от частотного восходящего тона, например в Северной Ирландии, который подобной коннотации не содержит.

Напомним, что корпусное исследование (см. выше) чтения определенного списка синтаксически различающихся предложений (повествовательное, общий вопрос, специальный вопрос и т.д.) подростками-старшеклассниками в девяти городах Англии, Уэльса и Северной Ирландии, обнаружило такое разнообразие в тонах, что авторы усомнились в успешности коммуникации молодых жителей Британских островов. Особой спецификой были отмечены носители североирландского произношения, в номенклатуре которых было больше всего восходящих тонов [Grabe, Kochanski, Coleman, 2005].

В описаниях британских авторов, таким образом, главной темой оказывалась частотность восходящих тонов, которая воспринималась как произнесение вопроса вместо утверждения. Однако разнообразие тонов, которое характеризует по-разному такие регионы Великобритании, как Юг, Север, Уэльс, Шотландия и Северная Ирландия, не ограничивается только восходящим тоном, что было доказано в работах отечественных исследователей. Такими специфическими тонами можно считать и восходященисходящий тон, и ровный тон, практически не упоминаемый в британских отчетах [Welsh English intonation and social identity, 2017; Chubarova, Shevchenko, 2022]. По мнению российских авторов, наиболее общей характеристикой диалектной речи было названо *выравнивание* всего мелодического контура, связанное с *узким диапазоном*, что отличает речь северян от южно-английского стандарта [Скуланова, 1987; Шевченко, 1990; Скопинцева, 1995]. Как мы уже отмечали, Л. Милрой считает, что в Великобритании идеология произносительного стандарта связана с социальной элитой, которая противопоставлена рабочему классу Севера Англии [Milroy, 2010], и эта особенность, как мы полагаем, проявляется в мелодике речи, причем особенно заметно в речи молодежи.

Как известно, мелодическая структура английской фразы или синтагмы как речевой единицы тесно связана с ее информационной структурой, а также с семантико-синтаксическими категориями слов и прагматическим заданием всего высказывания. *Новизна информации*, как ее оценивает говорящий, способствует более ярким высотно-мелодическим характеристикам речи, а ее потеря в случае повторов, превращающих те же слова в «старую» информацию, отражается на понижении высотно-мелодических и других количественных показателей. Так, например, как было установлено ранее, самые важные слова в монологах убеждающей речи выделялись именно при первом упоминании, а затем показатели неизменно снижались при первом повторе, но могли частично восстановить свой уровень при последующих повторах [Шевченко, Садовникова, Сибилева, 2012].

В данном исследовании при *взаимодействии* в диалоге, в отличие от монолога, повторы слов или словосочетаний могут появиться в речи другого участника, и они становятся повторами-подхватами, просодическую форму которых на материале молодежной диалектной речи ранее не рассматривали.

Можно предположить, что в случае согласованности собеседников повторы-подхваты могут повторять форму первоначального произнесения слова, включая характер тона и его высотный диапазон, но этим взаимодействие не ограничивается, если появляются сомнения или непонимание, которые провоцируют переспрос или возражение.

Материал и метод. Изучение влияния факторов *новизны информации* и *интеракции* на мелодику молодежной речи мы выполнили на материале эксперимента в г. Глазго, в ходе которого были записаны четыре диалога «задания по карте» [HCRC Map Task Corpus, 1991]. Подобные эксперименты успешно применялись лингвистами в ряде стран для выявления связи просодических форм и информационной новизны слова [Baumann, Schumacher, 2020]. Условия эксперимента не давали возможности участникам в каждой паре видеть друг друга, они общались только дистанционно. При этом один участник, «ведущий», инструктировал другого, «ведомого», как следует двигаться по маршруту, с помощью карты на экране монитора. Слова, названные инструктором, обозначали ориентиры на карте или направление движения. Эти слова повторялись как *повтор-подхват* ведомым и как *самоповтор* ведущим. Таким образом, первое упоминание слова в инструкции представляло, безусловно, новую информацию. В даль-

нейшем при повторах слово теряло эту новизну, что должно было отражаться в просодической форме его произнесения. При повторах-подхватах включался фактор взаимодействия с собеседником. Изменение информационного статуса слова продолжалось благодаря самоповтору участника, который инициировал введение данной лексемы в текст диалога.

В связи с изложенным подходом контекстный анализ состоял в следующем: выбор лексем (слов или словосочетаний), которые представляли собой инструкцию первого собеседника, повторенную вторым собеседником и самим первым собеседником. Получены три группы лексем, всего 315 единиц:

- а) первое упоминание;
- б) повтор-подхват;
- в) самоповтор.

Комплексный метод фонетического анализа включал следующие этапы:

- 1) перцептивно-слуховой (разметка пауз, ударений и тонов);
- 2) электронно-акустический (измерения ЧОТ макс, ЧОТ мин, диапазон ЧОТ ядерных тонов в программе Praat [Boersma, Weenink, 2012]);
- 3) статистический (MatLab);
- 4) сопоставительный, включая лингвистическую интерпретацию данных.

Результаты: частотность тонов. Первое наблюдение относительно частотности ядерных тонов относится к показателям процентного соотношения различных конфигураций в диалектной речи молодых носителей шотландского варианта английского языка, жителей г. Глазго: в отличие от стандартного южно-английского произношения, описанного Д. Кристалом по совместной работе с Д. Дейви [Crystal, Davy, 1969, p. 225], уменьшается доля нисходящих тонов в первой же реплике: 22% vs 58,9%. Это происходит за счет возрастания следующих конфигураций, представленных в сопоставлении с южно-английским стандартом:

- восходящих тонов 27% vs 16,3%;
- восходящих-нисходящих тонов 16% vs 4,2%;
- ровных тонов 30% vs 8%.

Таким образом, специфика молодежной диалектной речи состоит, как мы отмечали ранее, в возрастании доли не только *восходящих* тонов, но и типичных кельтских *восходяще-нисходящих* тонов (циркумфлекс); однако в наибольшей степени эта специфика

проявляется в доминирующей доле *ровных* тонов (30%), столь редких в стандартном произношении (табл. 1).

Таблица 1

**Частотность употребления разных типов ядерных тонов
в синтагмах первого упоминания**

Тип тона	Доля использованных тонов в синтагмах первого упоминания (%)
Восходящие тоны	27
Нисходящие тоны	22
Ровные тоны	30
Нисходяще-восходящие тоны	5
Восходяще-нисходящие тоны	16

Следующие наблюдения относятся к частотности тонов в динамике, относительно трех позиций, соответствующих изменению информационного статуса слов в контексте диалога. При этом вторая позиция, где звучит повтор-подхват, в большей мере подвержена влиянию фактора интеракции, когда реплики двух собеседников следуют непосредственно друг за другом и фактически представляют собой последовательность типа «стимул – реакция». Второй собеседник вступает в разговор, потому что он слышит обращенную к нему инструкцию. Варианты его повтора-подхвата имеют следующие прагматические типы: согласие выполнять инструкцию, т.е. следовать в указанном направлении, тогда звучит повтор-эхо; подхват-переспрос – это уточняющий вопрос, запрос дополнительной информации; и, наконец, отмечается редкий случай сомнения и несогласия, когда вопрос произносится с удивлением. Во всех случаях второй собеседник проявляет заинтересованность во взаимодействии с инструктором, что обеспечивает высокий уровень частотных модуляций и наличие восходящих либо нисходящих тонов. Ровный тон в таком оживленном взаимодействии неуместен, его частотность резко падает.

Появление слова в самоповторе, напротив, может иметь рутинный характер, поскольку инструктор только закрепляет, подтверждает первоначальную инструкцию в такой же мере для себя, как и для исполнителя его команд. Эта «старая» информация оформляется ровным тоном.

Частотность ядерных тонов в трех позициях

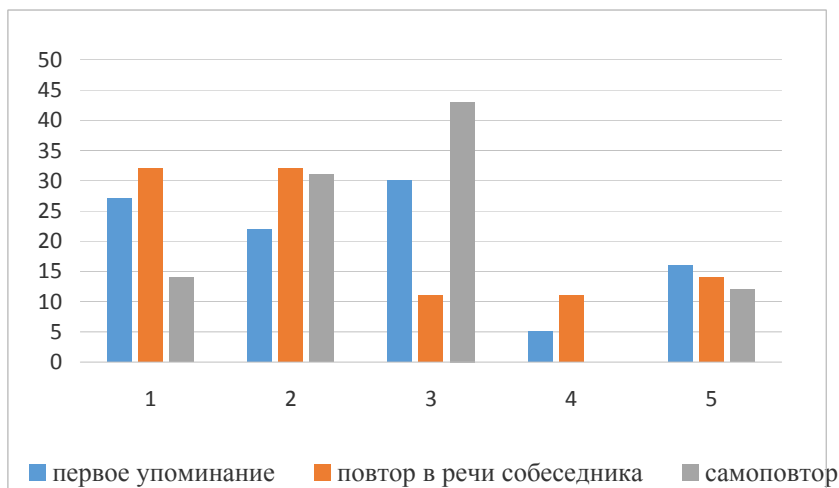

Рис. 1.

Частотность ядерных тонов в синтагмах с разным информационным статусом (%): 1) восходящие тоны; 2) нисходящие тоны; 3) ровные тоны; 4) нисходяще-восходящие тоны; 5) восходяще-нисходящие тоны.

Характерно, что в повторах-подхватах доля ровных тонов уменьшается втрое – с 30% до 11%, а в самоповторах, напротив, проявляется тенденция к их полному доминированию (43%) (рис. 1). Очевидно, что подобные изменения конфигураций тонов высотного характера затрагивают и собственно высотный диапазон тонов.

Высотный диапазон. Сопоставляя медианные высотно-диапазональные показатели двух основных конфигураций тонов, восходящих и нисходящих, мы обнаружили, что:

- во всех позициях нисходящие тоны имеют более широкий диапазон, чем восходящие;
- диапазон восходящих тонов относительно стабилен при переходе от позиции к позиции, в то время как диапазон нисходящих тонов вариативен.

Эта особенность реализации восходящих и нисходящих тонов в сравнении дает повод предположить, что восходящие тоны

столь же рутинны и маловыразительны, как и ровные тоны, в то время как утверждающие новую информацию нисходящие тоны расширяют свой диапазон под влиянием фактора взаимодействия, требующего оживленной реакции на стимул. Итак, как правило, в повторах-подхватах отмечается расширение диапазона тонов (62,5%), а в самоповторах – тенденция обратного порядка, т.е. сужение диапазона. Данные показали, что в молодежной речи сужение диапазона столь критично в самоповторах, что мы получили в результате иную категорию тонов: переход в ровные тоны достиг 46%.

Представленные в данном анализе результаты дают основание утверждать, что эксперимент «задание по карте» имеет большое преимущество перед записью свободной дружеской беседы, поскольку вариативность мелодики ограничена условиями взаимодействия собеседников, при которых исключено взаимодействие посредством визуального канала, ограничена тематика заданий и установлен порядок выполнения инструкций, создающий четкую последовательность в интеракции, определяющей выбор тона и высотно-мелодических характеристик диапазона.

Специфика молодежной диалектной мелодики состоит в следующем:

- большая частотность *ровных, восходящих и восходяще-нисходящих* тонов в утверждениях и командах по сравнению с южно-английским стандартом;

- *узкий высотно-мелодический диапазон*, который приводит к замене восходящих и нисходящих тонов ровным тоном при изменении статуса информации, т.е. замене «новой» информации на «старую» при *самоповторе*;

- относительно более *широкий диапазон нисходящих* тонов по сравнению с восходящими, что обеспечивает использование первых при оживленном *взаимодействии* с собеседником; *восходящий* тон в силу своей малой выразительности носит *рутинный* характер, подобно *ровному* тону.

Теоретически важна для описания функций мелодических конфигураций установленная связь с изменением высотного диапазона в трех позициях, соответствующих разной степени влияния интерактивного и информационного факторов. *Ровный* тон как зауженный вариант прежде всего *восходящего* тона выступает в качестве его *функционального аналога*, используемого не столько для вопроса, сколько для передачи рутинных сообщений.

Выводы

Современные условия массовых социодемографических изменений на территории Британских островов вызвали интерес к сохранению традиционных типов произношения и изучению новообразованных социолектов мультикультурного лондонского, эстуарного английского и мокни. Фонетические описания этих типов произношения свидетельствуют о проникновении просторечных форм в речь различных слоев британского речевого сообщества, в том числе через влияние колониальных вариантов английского языка.

Создание корпусов звучащей речи молодых жителей больших городов и анализ вариативности их просодии в чтении показали влияние факторов территории и этноса. Ритмически молодые люди адаптированы к ритму речи тех регионов, которые они представляют. Мелодически способны выразить разные степени вопросительности посредством ядерных тонов, высотных уровней и конфигураций контуров ЧОТ. Акцентное разнообразие синтаксических типов предложений обнаружено в Кембридже и в Лондоне, но его нет в Белфасте и Лидсе. Вариативность диалектов сопоставима с вариативностью разных языков. Отмечается внутридиалектная и внутриличностная вариативность. Обнаруживается сходство двух северных городов, Ньюкасла и Лидса, а также ирландского Дублина и английского Кембриджа.

Кельтские диалекты Северной Ирландии, Ирландии, Шотландии и Уэльса, изученные на материале неподготовленной речи, с точки зрения мелодических характеристик представляются как континуум меняющихся сочетаний типичных восходящих, восходяще-нисходящих и ровных тонов. Отмечается узкий диапазон речи молодых людей. В контексте социального взаимодействия выявляются большой потенциал выразительности нисходящих тонов и рутинный характер восходящих, переходящих в ровные тоны, сопутствующих «старой» информации. Доказывается сохранение исторически сложившихся долговременных связей Северной Ирландии и Шотландии, столицы Ирландии Дублина и Кембриджа на юго-востоке Англии.

Список литературы

- Абрамова Г.С. Социально обусловленная вариативность фонетических средств как фактор регуляции общения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2012. – 18 с.
- Методы анализа звучащей речи: новые измерения и результаты / Шевченко Т.И., Буряя Е.А., Галочкина И.Е., Кузьмина М.О., Сокорева Т.В., Федотова М.В.; под ред. Е.А. Бурой, Т.И. Шевченко. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Дубна: Феникс+, 2020. – 252 с.
- Скопинцева Т.С. Территориальная вариативность английской интонации на Британских островах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 1995. – 22 с.
- Скуланова Г.М. Региональная вариативность интонации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 1987. – 22 с.
- Фрейдина Е.Л. Социокультурные источники вариативности английского произношения в современном устном речевом дискурсе // Преподаватель XXI век. – 2016. – № 1. – С. 282–290.
- Шевченко Т.И. Социальная дифференциация английского произношения. – Москва: Высшая школа, 1990. – 142 с.
- Шевченко Т.И., Садовникова Н.А., Сибилева Л.Н. Ритм и смысл просодии дискурса: когнитивный подход и статистика // Вестник Моск. гос. лингв. унив. – 2012. – № 1 (634). – С. 175–187.
- Bauer L. An Introduction to International Varieties of English. – Edinburgh University Press, 2002. – 136 p.
- Baumann S., Schumacher P. The incremental processing of focus, givenness and prosodic prominence // Glossa: a journal of general linguistics. – 2020. – N 5 (1). – P. 1–30.
- Boersma P., Weenink D. Praat doing phonetics by computer [Computer program], Version 6.1.13. Retrieved on 25 July 2022 from <http://www.praat.org/> 2012.
- Bolinger D. Intonation across languages. In Greenberg, J.H. (ed.), *Universals of Human Language 2 Phonology*. Stanford: Stanford University Press. 1978. 471–524.
- Chubarova M., Shevchenko T. Celtic English Continuum in Pitch Patterns of Spontaneous Talk: Evidence of Long-Term Contacts // Prasanna S.R.M., Karpov A., Samudravijaya K., Agrawal S.S. (eds). *Speech and Computer. SPECOM 2022. Lecture Notes in Computer Science*. – 2022. – Vol. 13721. – P. 128–138.
- Coupland N. English in Wales: Diversity, Conflict and Change. Avon / A.R. Thomas (ed.). – 1990. – 209 p.
- Cruttenden A. Intonational diglossia: A case study of Glasgow // *Journal of the International Phonetic Association*. – 2007. – N 37 (03). – P 257–274.
- Cruttenden A. *Gimson's Pronunciation of English*. – 6th ed. – London: Edward Arnold, 2001. – 339 p.
- Crystal D., Davy D. *Investigating English style*. – Bloomington: Indiana University Press, 1969. – 244 p.
- Crystal D. *Walking English. A Journey in Search of Language*. – New York: The Overlook Press, 2007. – 314 p.
- Crystal B., Crystal D. *You Say Potato. A Book about Accents*. – London: Macmillan, 2014. – 248 p.

- Fagyal Z.* Rhythm Types and the Speech of Working-Class Youth in a Banlieue of Paris: the Role of Vowel Elision and Devoicing // D.R. Preston, N. Niedzielski (eds.). *A Reader in Sociophonetics*. – New York: Walter de Gruyter, 2011. – P. 91–132.
- Fox S.* Ethnicity, Religion and Practices: Adolescents in the East End of London // *Language and Identities* / Edited by C. Llamas and D. Watt; Edinburgh University Press. – 2012. – P. 144–156.
- Garrett P.* *Attitudes to Language*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 257 p.
- Grabe E.* Intonational variation in urban dialects of English spoken in the British Isles // Gilles P. and Peters J. (eds.). *Regional Variation in Intonation*. *Linguistische Arbeiten*. – Tuebingen: Niemeyer, 2004. – P. 9–31.
- Grabe E., Kochanski G., Coleman J.* The Intonation of Native Accent Varieties in the British Isles: Potential for Miscommunication? // *English pronunciation models: a changing scene*. – 2005. – P. 311–338.
- Grabe E., Post B., Nolan F.* Modelling intonational Variation in English: the IViE system // Puppel S. and Demenko G. (eds). *Proceedings of Prosody*. – Poznan, Poland: Adam Mickiewicz University, 2001. – P. 51–58.
- HCRC Map Task Corpus / A. Anderson, M. Bader, E. Bard, E. Boyle, G.M. Doherty, S. Garrod, S. Isard, J. Kowtko, J. McAllister, J. Miller, C. Sotillo, H.S. Thompson, R. Weinert. – Human Communication research center.
- University of Edinburgh. URL HCRC Map Task Corpus (ed.ac.uk) // *Language and Speech*, 1991. – 34 (4). – P. 351–366
- Hickey R.* *The Handbook of Language Contact*. – Chichester: John Wiley & Sons, 2014. – 457 p.
- Jarman E., Cruttenden A.* Belfast intonation and the myth of the fall // *Journal of the International Phonetic Association*. – 1976. – Vol. 6 (1). – P. 4–12.
- Kerswill P.* Identity, ethnicity and place: the construction of youth language in London. – Walter de Gruyter, 2013. – URL: http://eprints.whiterose.ac.uk/75329/1/BS_Kerswill_PKrev02.pdf
- Kerswill P.* The objectification of ‘Jafaican’: the discorsal embedding of Multicultural London English in the British media. The media and sociolinguistic change. – Walter de Gruyter, 2014. – URL: http://eprints.whiterose.ac.uk/93713/1/17_Kerswill_corr.pdf
- Loukina A., Kochanski G.* Patterns of durational variation in British dialects // Paper presented at PAC workshop. – Montpellier, France, 2010. – 13 Sept. – P. 1–49.
- Lindsey G.* *English after RP. Standard British Pronunciation Today*. – London: Palgrave Macmillan, 2019. – 153 p.
- Milroy J.* Britain and the United States: two nations divided by the same language (and different language ideologies) // *Journal of Linguistic Anthropology*. – 2010. – N 10 (1). – P. 56–69.
- Rosewarne D.* Estuary English tomorrow's RP? // *English Today*. – 1994. – Vol. 10, N 1. – P. 3–9
- Setter J.* *Your Voice Speaks Volumes*. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – 194 p.
- Shevchenko T.* What's in a Voice A System of Regional and Social Acoustic Characteristics Based on the Analysis of 100 British English Voices // J.P. Tubach, J.J. Mariani

- (eds). Eurospeech 89. European Conference on Speech Communication and Technology. – 1989. – Vol. 2. – P. 131–134.
- Shevchenko T.I.* An Analysis of Regional Variation in English Intonation. In M.P.R. Van den Broeke, A. Cohen (eds). ICPhS 1983. Proceedings of the Tenth International Congress of Phonetic Sciences. Foris Publications, 1983, p. 582–586.
- Urban Voices: Accent Studies in the British Isles / Edited by P. Foulkes and G.J. Docherty. – London: Arnold, 1999. – 313 p.
- UK Government education statistics. – URL: <https://explore-education-statistics.service.gov.uk/data-tables/school-pupils-and-their-characteristics>
- Wells J.C.* Accents of English. Vol. 2. The British Isles. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – 464 p.
- Welsh English intonation and social identity* / Shevchenko T., Buraya E., Fedotova M., Sadovnikova M. // *Sciolinguistic Studies*. – 2017. – N 11.1. – P. 153–174.

КАЗАК Е.А.¹

1.12. АНГЛИЙСКИЙ ДИАЛЕКТ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ: ESTUARY ENGLISH

Аннотация. В главе исследуется онтологический статус предположительно нового диалекта эстуарного английского (Estuary English) в сравнении с произносительной нормой литературного языка (Received Pronunciation) и кокни, двумя вариантами, с которыми эстуарный английский часто сравнивается. Выделяются характерные черты нового диалекта, а также его дискуссионный статус.

Введение

На протяжении XX в. в лингвистике методы исследования в диалектологии и социалингвистике рассматривались в парадигме «диалектология vs социалингвистика» и, соответственно, воспринимались как противостоящие друг другу. В первые десятилетия XXI в. ситуация изменилась: противопоставление оказалось нерелевантным, когда наука получила возможность работать с более обширными массивами эмпирического материала. Деление подходов на исторический и актуальный оказалось преодоленным благодаря пониманию того, что и пространственную, и социальную дифференциацию языка следует рассматривать как явления универсального порядка, присущие языку в разные периоды его развития, даже если некоторые характеристики при этом подвергаются изменениям. В этом отношении применительно к английскому языку можно указать на следующую его особенность: *диалектный ландшафт* Англии существенно менялся за последнее столетие. Во-первых, вымирание отдельных диалектов было неразрывно

¹ Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия; ladykazak@gmail.com

связано с интенсификацией контактов носителей диалектов, так же как и с интенсификацией личных и групповых контактов вообще. Во-вторых, очевидным явилось то, что процесс вымирания диалектов не способствовал общему сдвигу в направлении использования носителем единого языкового стандарта. Напротив, доминирующей, стала тенденция к образованию ряда новых, обусловленных социальными и региональными факторами, койнеизированных, «компромиссных» диалектов. Эти диалекты сформировались под влиянием контактов между собой локальных, региональных, межрегиональных и других вариантов, включающих даже литературный вариант. Процессы, влияющие в настоящее время на английские диалекты, в Англии не являются новыми, но заслуживают внимания из-за пространственного размаха, который стал результатом некоторых обширных социальных и экономических изменений, облегчивших процесс коммуникации между носителями структурно различных диалектов. К данным процессам можно отнести урбанизацию и контрурбанизацию; миграцию и иммиграцию; повышенную «делокализацию», вызванную требованиями рынка труда; увеличившуюся роль политики мегаполисов в предоставлении различных услуг; а также британскую политику развития новых городов и расселения перенаселенных старых городов, нацеленную на решение проблемы недостатка жилья, появившейся в послевоенное и последующее время, и обеспечения занятости населения в крупных городских центрах Великобритании.

Таким образом, из реликтов многих диалектов, находящихся на грани вымирания, появляются новые диалекты (в противоположность существующей сильной социальной сети городских диалектов / социолектов, традиционным сельским диалектам и литературному языку).

Вышеуказанные процессы, связанные с возникновением новых диалектов, свидетельствуют о том, что в Великобритании городская речь имела большой диапазон. Постепенно речь Лондона, крупного мегаполиса Великобритании, становилась доминирующей и начала распространяться на территориях примыкающих к нему графств. Уже в течение многих лет на первый план выдвигается положение о том, что большинство экстерриториальных вариантов английского языка, существующих в мире, исторически происходят из южных диалектов. И это не удивительно, поскольку южные регионы всегда были густонаселенной частью страны, однако эта область остается одной из наименее исследованных с позиций как диалектологии, так и социолингвистики.

В частности, исторически важным городам – Лондону, Бристолу, Нориджу, Эксетеру и Винчестеру – всегда уделяли очень мало внимания. Лингвистам нечего было сказать о языке рабочего класса в графстве Кент, языке среднего класса в графстве Хэмпшир или языке высшего общества в графстве Глостершир, будь то сейчас или многими годами ранее.

Южная часть Англии на протяжении более столетия характеризуется не только высокой плотностью населения, но и наличием многоязычия. Правда, языковым и речевым характеристикам обитателей этого региона лингвисты должного внимания не уделяли. Кейти Вейлс полагает, что «Британия, по сути, уже более 100 лет является урбанизированным обществом, и тем не менее, несмотря на устойчивый рост социолингвистических исследований в последние годы, мы все еще относительно мало знаем о ее городских диалектах» [Wales, 2002, p. 62]. Пол Керсвилл проанализировал работы известного лингвиста XIX в. А. Эллисса (A.J. Ellis; 1814–1890), исследовавшего речевые особенности жителей Большого Лондона (Greater London) в 1880-х годах, и отметил, что проведенные Эллисом исследования морфологии глагола в речи информантов, проживающих вокруг мегаполиса, свидетельствуют о том, что в новых пригородных районах она не была похожа на речь жителей сельской местности, окружавшей мегаполис в те времена, и содержала больше вариантов, чем обнаруживаются в этом районе сейчас [Ellis, 1889]. Пол Керсвилл рассматривает конкурирующие возможности образования новых диалектов: либо это образование гибридных форм под влиянием речи эмигрантов; либо стабилизация, сохранение и распространение старых местных особенностей (своего рода реликта). Под влиянием фундаментального принципа «набора характерных черт» (feature pool), выдвинутого Саликоко Муфвене [Mufwene, 2001], и социолингвистической типологической модели Питера Траджилла [Trudgill, 2011], опираясь на данные переписи населения, Пол Керсвилл полагает, что диалекты новых промышленных районов Британии в основном могли быть сглаженными вариантами уже существующего регионального диалекта [Kerswill, 2018].

Обратной стороной процесса индустриализации и последующей урбанизации является сокращение численности населения; при этом в сельских районах, которые становятся малонаселенными из-за переселения части жителей в города, диалекты остаются практически нетронутыми. Уменьшение численности населения имеет и свои лингвистические последствия: в данном случае теория комплексности языковых процессов Питера Траджилла

предполагает, что именно в этих частях страны более вероятно найти исключительно сложные черты. Не говоря уже о том, что, находясь в условиях изоляции в течении долгого периода времени, эти диалекты имели благоприятные предпосылки для развития своих особенностей (идиосинкразии) и своего обновления. Эти наиболее изолированные диалекты также, вероятнее всего, сохраняют более ранние черты, которые вышли из употребления в литературном английском языке. Таким образом, не является парадоксальным то обстоятельство, что в этих диалектах необычные новые явления и сохранившиеся архаичные черты тесно переплетены.

Происхождение и характерные черты Estuary English

Эстуарный английский диалект (ЕЕ) получил свое название от английского названия устья Темзы у Северного моря (Thames Estuary). На данном диалекте говорят часть жителей Лондона, графства Кент, севера графства Суррей и юго-востока графства Эссекс, а также графства Хертфордшир. Хотя территория, окружающая Темзу и ее устье, предположительно является колыбелью ЕЕ, влияние этого диалекта ощущается на всем юго-западе Англии. Не является случайным тот факт, что в XX в. многочисленное муниципальное жилье, построенное для расселения жителей Лондона, носителей кокни, находилось в устье Темзы. Один из примеров – жилищно-строительный кооператив Becontree Estate, построенный в период с 1921 до 1935 г. в районе Дагенхэм на юго-востоке Большого Лондона, который после завершения строительства включал в себя 24 000 домов. Даже на сегодняшний день он является самым крупным муниципальным жилым комплексом в Европе. Кроме того, после закрытия доков в восточных районах Лондона в 1970-х годах многие рабочие переселились ближе к единственному оставшимся открытыми докам в Тилбери, Эссексе и устье Темзы.

В течение нескольких последних десятилетий юго-восток Англии, и в частности Лондон, пережили значительные социальные и демографические трансформации. Эти изменения порождались прежде всего процессами, которые зарождались и развивались в самом Лондоне, крупнейшем мегаполисе Западной Европы. Во-первых, речь идет о так называемой кокни диаспоре: рабочий класс Восточного Лондона, сложившийся на протяжении второй

половины XIX – первой половины XX в., начал переселяться в соседние с Лондоном графства. Во-вторых, в 50-е годы XX в. поднялась иммиграционная волна, изменившая к началу XXI в. этнический состав британской столицы [Fox, 2015; Cohen, 2013].

Кокни диаспора сложилась в результате ряда взаимосвязанных факторов: организация правительством программы по расчистке лондонских трущоб в период между 1920 и 1960 гг.; желание населения переехать туда, где можно улучшить свое благосостояние (восточная часть Лондона традиционно и справедливо считалась районом бедноты); а также процесс деиндустриализации Лондона. Все это привело к крупномасштабному сокращению коренного населения Лондона (White British), которое многие исследователи называли даже бегством белых (White Flight) [Butler, Hamnett, 2011].

Графство Эссекс, примыкающее к Лондону на юго-востоке, стало основной территорией, на которой формировалась кокни диаспора и где вообще находили новое место жительства коренные лондонцы. Следует отметить, что данное графство с давних времен было местом, куда жители Лондона любили ездить на однодневные прогулки или на выходные дни, теперь же оно стало местом их постоянного проживания. Экономическая социальная ситуация, связанная с разнообразной деятельностью жителей Лондона, заставила их пересечь внутренние районы и из его восточной части переехать в графство Эссекс, граничащее с ним на востоке. Данный процесс проходил в течение большей части послевоенного периода, и мобильность населения привела к появлению кокни диаспоры, состоявшей из белых эмигрантов (*white émigrés*) из Ист Энда Лондона, которая начала расселяться в сельских, приморском и речном районах Эссекса. Хотя кокни диаспора не является диаспорой в классическом понимании, тем не менее волна бывших столичных жителей обладает рядом определенных качеств, присущих диаспоре (распределение, рассеяние на определенной территории, а также осознание себя представителями местного населения в новых географических координатах). Города Таррок (Thurrock) и Саутенд-он-Си (Southend-on-Sea) являются двумя административными единицами графства Эссекс, которые давно идентифицированы как символические места расселения кокни диаспоры [Watt, Millington, Huq, 2014].

Начиная с 1980-х годов населению графства была присуща экономическая и социальная мобильность. Ранее граница между Внешним Лондоном и графством Эссекс наиболее ясно определялась принадлежностью к социальным классам, а в настоящий мо-

мент эта граница определяется этнической принадлежностью. В то время как численность населения, которое составлял местный рабочий класс, продолжала уменьшаться во второй половине XX в., численность этнических меньшинств начала стремительно расти в 1980-е годы. В период между 1991 и 2011 гг. численность иммигрантских меньшинств выросла на 57% [Buttler, Hamnett, 2011, p. 6]. В результате данных процессов Восточный Лондон стал районом, отличающимся этническим, культурным и языковым разнообразием.

Широкомасштабные социальные и демографические изменения, происходящие на юго-востоке Англии в течение нескольких десятилетий, сказались и на языковой ситуации в регионе. Особенности традиционного лондонского социолекта кокни в определенной степени сместились на юго-восток Англии. Складывающаяся региональная форма языка получила обозначение «эстуарный английский» (Estuary English, EE), при этом она обычно рассматривается как диалект. В 1980-х годах EE встречался в речи 20-летних и воспринимался как своего рода молодежный вариант, включающий достаточно широкий спектр – от литературного варианта и произносительной нормы RP до кокни, привнесенный на юго-восток Англии переселенцами из столицы.

Дэвид Роузворн, впервые обративший внимание на EE еще в 1984 г., считал, что данный диалект может прийти на смену произносительной норме литературного языка (RP) на юго-востоке Англии. Он трактовал его как разновидность измененного территориального диалекта, включающего черты фонологии литературного языка, литературную произносительную норму (RP) и региональные юго-восточные речевые модели. Он поместил EE в континууме произношения между RP и кокни где-то посередине, где они могут сходиться сверху и снизу, пока не окажутся в положении, когда их речь будет отражать схожие черты [Rosewarne, 1984].

Английский фонетист Джон Уэллс отмечает, что EE включает в себя ряд особенностей, присущих «классическому лондонскому кокни».

Гортанная смычка или твердый приступ (T-glottalling)

Смычно-взрывной согласный звук [t] часто заменяется гортанной смычкой (можно услышать у носителей языка между частями восклицания *uh-oh*), обозначаемой в транскрипции знаком [ʔ],

как в *football* [ˈfʊtbɔ:l], *quite good* [kwaiɹ god], *witness* [ˈwɪznəs], *quite wrong* [kwaiɹ rɒŋ].

Вокализация L. В RP традиционно описываются два основных аллофона [l] – светлый оттенок, используемый перед гласными и сонантом [ɹ], и темный [ɫ], используемый перед согласными и в конце слов. Именно темный оттенок [ɫ] подвергается процессу вокализации и становится гласным, т.е.: [ɫ] [°]. Таким образом, в ЕЕ при произнесении таких слов, как, например, *milk*, кончик языка может вообще не касаться альвеол: вместо этого произносится новый вид дифтонга – [m₁ok]. По аналогии *shelf* [ʃ^{eo}ʃ], *tables* [teɪboz], *apples* [ˈæp^o].

Сращение согласных звуков [tj] и [dj] (Yod-coalescence выпадение и сращивание йоты) – тенденция превращать [tj] в [tʃ], [dj] в [dʒ]. Так, например, слово *Tuesday*, первоначально имеющее в начале [ˈtju:z-], может звучать как [ˈtʃu:z-], идентично слову *choose* [tʃu:z-]. Слова *tune* и *duke* звучат как [tʃu:n], [dʒu:k], а в *reduce* второй слог может произноситься как *juice*.

Удлинение и напряженный характер [i:] в позиции перед гласным и на конце слова: *happy* [ˈhæpi:], *city* [sɪti:]. Для обозначения конечного [ɪ] используется значок [i] – [hæpɪ, ˈkɒfɪ, vælɪ].

Опускание звука [h] (H-dropping), т.е. отсутствие звука [h] в ударных словах: например, *hat* – [æɹ], [əʊˈtel].

Замена согласных [θ] звуками [f,v] (Th-fronting) – замена межзубных согласных [θ] губными звуками [f,v], соответственно [Wells, 1997].

На грамматическом уровне Дэвид Кристал выделяет следующие случаи: а) отсутствие окончания **-ly** у наречий, например: *you are turning it too slow*; *they talked very quiet for a while*; б) использование определенных предлогов, например: *I got off of the bench*, *I looked out the window*; в) обобщение форм глагола в третьем лице единственного числа **I gets** out of the car, **we was** walking down the road [Crystal, 1995, p. 327].

Характерными лексическими чертами, упомянутыми в исследованиях Дэвида Роузворна и Пола Когла, являются: частое употребление слова **cherrs** вместо **thank you** и **good bye**, использование слова **mate** в значении «дружище», «чувак»; расширение подлинного значения слова **basicall** для заполнения пауз хезитации в разговорной речи [Rosewarne, 1994; Coggle, 1993].

Следует также отметить, что как Дэвид Роузвор, так и Пол Когл утверждают, что носители ЕЕ находятся под влиянием американского варианта английского языка (АЕ) (см. табл. 1).

Таблица 1

Американизмы, заимствованные ЕЕ¹

Americanisms absorbed by Estuary English	British equivalents
There you go	Here you are
Excuse me	Sorry
No way	By no means
Hopefully	I hope that
Hi	Hello
Right	Correct
Sure	Certainly

Использование этих американизмов, согласно мнению вышеназванных авторов, можно объяснить их использованием в молодежной субкультуре, а не жесткими рамками ограниченного использования их в ЕЕ.

Рассмотрев концепцию ЕЕ, включающую в себя его происхождение, территориальное распространение, а также социальные и языковые характеристики, мы можем остановиться на образе носителя данного диалекта. Во многих исследованиях типичный носитель ЕЕ обычно описывается как «молодой представитель верхней прослойки среднего среднего класса, достаточно активный и – вопреки убеждениям газетных обозревателей – имеющий определенный уровень образования» [Haenni, 1999, p. 5]. В то время как одна группа говорящих на ЕЕ «звучит» как представители среднего класса, другая группа пытается не следовать этой традиции. Как справедливо отмечает Ульрике Алтендорф, «данный социальный компромисс также отражается и в лингвистической составляющей ЕЕ. Он включает черты RP, так же как и черты “классического лондонского кокни”, заимствует при этом престиж из обоих вариантов, но не придерживается ни одного из них. Данная расплывчатость чрезвычайно затрудняет возможность лингвистического определения ЕЕ» [Altendorf, 1999, p. 1].

Причина, по которой молодежь решает разговаривать на ЕЕ, в том, что они предпочитают быть частью определенного сообщества и не хотят выделяться, говоря на социолекте высшей прослойки среднего класса. Разговаривая на ЕЕ, «они легко проникают на все уровни общества» [Haenni, 1999, p. 55]. Сегодня даже носители RP «принижают» свой акцент, как считает Руди Хейни,

¹ Coggle P. Do you speak Estuary? The new Standart English: How to spot it and speak it. – London: Bloomsbury Publishing Ltd, 1993. – P. 27.

для того, «чтобы идентифицировать себя как ‘одного из нас’, а не ‘одного из них’» [Наенни, 1999, р. 56]. Кроме того, носители кокни также видоизменяют свою речь, «чтобы вписаться в новую географическую среду или продвинуть свою социальную мобильность» [Coggle, 1993, р. 26].

К говорящим на ЕЕ в современном британском обществе мы можем отнести, например, Дэвида Бэкхэма (David Beckham) – известного английского футболиста, а также его супругу, Викторию Бэкхэм, в прошлом популярную певицу, а сейчас модного дизайнера и предпринимательницу. Кроме того, на ЕЕ говорят актеры сэр Майкл Кейн (Sir Michael Caine) и Боб Хоскинс (Bob Hoskins), а также такие известные медийные персоны, как телеведущий, кинокритик Джонатан Росс (Jonathan Ross) и журналист Джанет Стрит-Портер (Janet Street-Porter). Все они имеют разное происхождение, что подтверждает тот факт, что ЕЕ распространяется по различным социальным стратам английского общества. Так, например, Дэвид Бэкхэм родился в простой рабочей семье (его отец – монтажник кухонного оборудования, а мать – парикмахер) и был любимым ребенком, в то время как Джанет Стрит-Портер появилась на свет в результате случайного романа своих родителей и ее отношения с ними были чрезвычайно плохими. Джонатан Росс посещал два университета, а сэр Майкл Кейн в подростковом возрасте бросил школу. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что ярлыки, которые иногда прикрепляют к нелитературным вариантам языка, таким как ЕЕ, часто, по сути, некорректны, так как признаки, которые они пытаются отразить, не совпадают с действительным положением в обществе говорящего на данном варианте языка.

Дискуссионный статус Estuary English

Возникновение термина Estuary English послужило толчком к началу активной дискуссии о концепции в целом. Отметим, что лингвисты считают эту дискуссию несколько надуманной.

Противоречивыми являются ответы на вопросы, относящиеся как к самому термину, так и к природе обозначаемой им реалии. Открытыми остаются вопросы о границах территории, на которой говорят на ЕЕ, причинах возникновения и распространения ЕЕ, а также его статусе как однородного (гомогенного) языкового варианта. Не было достигнуто согласие относительно того, является ли

ЕЕ регионолектом, диалектом, говором или стилем. Более того, есть ученые, яростно выступающие против самой идеи существования ЕЕ как целостного явления. Трудности также возникают при определении характерных черт ЕЕ; обнаруживаются расхождения в данных исследований влияния ЕЕ на другие говоры и диалекты. Перспективы развития ЕЕ вызывают сомнения у исследователей, а предположение Дэвида Роузворна о том, что ЕЕ, возможно, заменит RP, представляется еще более сомнительным.

Еще один аспект, который является предметом обсуждения, — это социальный портрет носителей ЕЕ. Кто и что формирует этот диалект? Что известно простому обывателю о ЕЕ?

Последним, но не менее важным является вопрос о том, каким может быть специализированное практическое применение ЕЕ. Является ли ЕЕ подходящей моделью для преподавания его иностранным студентам, как когда-то предполагал Дэвид Роузворн? Может ли он служить средством международного делового общения, с учетом увеличивающейся популярности английского языка среди бизнесменов?

В данной главе не представляется возможным остановиться на всех дискуссионных вопросах, связанных с природой ЕЕ. Однако постараемся осветить некоторые из них.

Предложенный Роузворном неологизм Estuary English (эстуарный английский) свидетельствует о том, что «центральный район, где его используют, находится вдоль берегов реки Темзы и ее устья» [Rosewarne, 1984]. При этом в его названии Темза никак не упомянута. Эта ситуация вызвала недовольство ряда исследователей, не желавших принять этот неологизм. Они отмечали, что приходится принимать как должное тот факт, что под понятием Estuary (устье) подразумевается устье Темзы (Thames Estuary). В Великобритании насчитывается много устьев рек, и существует несколько региональных говоров, которые используют жители этих районов.

Другая группа исследователей критиковала этот термин, потому что он ограничивает район использования этого варианта только устьем Темзы. Питер Траджилл достаточно резко критикует как саму концепцию ЕЕ, так и его название, указывая на то, что «подразумевается, будто этот вариант ограничен в своем использовании берегами устья Темзы, но это не так» [Trudgill, 2001]. В свою очередь, Дэвид Кристал считает ЕЕ «чем-то, что неправильно названо, так как речь Лондона в течение долгого периода времени, очевидно, встречалась далеко за пределами устья Темзы, в

особенности, в районах, составляющих треугольник: Оксфорд – Кембридж – Лондон, а также в районах к югу и востоку от Лондона вплоть до побережья» [Crystal, 1995, p. 50].

Представляется важным остановиться еще на одной дискуссионной проблеме: а именно, является ли ЕЕ новым вариантом. В последнее время в прессе появляются статьи, посвященные ЕЕ, в которых говорится о том, что это, относительно новый языковой вариант с чертами кокни, который проникает в различные регионы страны быстрыми темпами.

В этом отношении мнения основателя этого термина и других лингвистов совпадают, но отличаются от мнения ряда журналистов. Дэвид Роузворн объяснял, что вариант английского языка, который он выбрал, чтобы назвать его *Estuary English*, не являлся новым.

Джон Уэллс отмечает, что влияние Лондона на этот диалект нельзя не заметить. Его точка зрения сводится к тому, что *Estuary English* является новым названием, но не новым явлением. Становление этого диалекта является продолжением тенденции, которая существует свыше 500 лет, – тенденции к распространению черт речи Лондона географически (и в других регионах страны) и социально (среди высшей прослойки различных социальных классов). Размывание английской классовой системы и значительная социальная мобильность сегодня в Британии означают, что данная тенденция становится более заметной, чем когда-либо ранее [Wells, 1997].

В подтверждение вышесказанного следует отметить, что отдельные особенности диалекта кокни можно обнаружить в определенной степени на всей территории юго-востока Англии, и в основном вдоль устья Темзы, они уже не употребляются молодым поколением из Восточного Лондона. Вместо этого на востоке и севере Лондона среди молодежи возник новый диалект английского языка – *мультикультурный лондонский английский* (*Multicultural London English, MLE*). Этот диалект является результатом контактов носителей многих различающихся языков и диалектов. Хотя этот диалект наиболее часто используется жителями Внутреннего Лондона, он начинает распространяться за его пределы. Например, он встречается в меньшей степени восточнее Лондона в районе Хаверинг [*Ethnicity, friendship network and social practices as the motor of dialect change*, 2008].

Этот несколько обобщенный вариант английского языка, согласно наблюдениям Ричарда Киршера и Сьюзен Фокс, можно

охарактеризовать наличием инновационной системы гласных, в которой не разделяется сдвиг дифтонга, являющийся центральной особенностью диалекта кокни [Kircher, Fox, 2019]. По сравнению с гласными звуками кокни, в MLE дифтонги нисходящие и более централизованные.

Ряд исследователей, изучающих MLE Восточного Лондона, выделяют две категории его носителей: «англоговорящие» (Anglo) и «неанглоговорящие» (non-Anglo) [Kerswill, Torgersen, Fox, 2008], определяемые, соответственно, как «дети исконного белого населения и дети иммигрантов почти из всех развивающихся стран» [Kerswill, Torgersen, 2017]. В работах этих исследователей приводятся данные о том, что на MLE главным образом говорят молодые «неанглоговорящие» жители Лондона, независимо от их этнического происхождения. В результате этого очень трудно дифференцировать «британских азиатов» и «черных британцев», которые говорят на этом диалекте в Лондоне, так же как и, возможно, на всей территории юго-востока Англии, так как теоретически они являются носителями единого диалекта.

Вышеуказанные исследования свидетельствуют о том, что на юго-востоке Англии вариант языка зависит от этнической принадлежности, но при этом может также выступать посредником, если говорящий из Лондона или других графств. Например, представители этнических меньшинств с большой вероятностью будут в своей речи использовать языковые особенности MLE, но это связано с тем, что этнические меньшинства также, скорее всего, живут в Лондоне, где население разговаривает на MLE. Аманда Коул, проводившая исследование в области корпусной лингвистики речевых стимулов в речи проживающих на юго-востоке Англии, отметила, что среди участников проекта было намного больше британских азиатов и британцев африканского происхождения, проживавших в Лондоне, чем коренных британцев [Cole, 2020].

Таким образом, затруднительно сделать вывод о том, можно ли рассматривать MLE в качестве этнолекта, который встречается в речи молодых представителей этнических меньшинств на всей территории юго-восточной Англии (или даже за ее пределами) лишь в определенной степени; или же данный диалект наиболее прочно укоренился в Восточном Лондоне.

В данном случае следует отметить, что практически не существует исследований, отвечающих на вопрос о том, в какой степени языковые особенности MLE также используются в речи этнических меньшинств за пределами Лондона. Однако известно,

что в гораздо меньшей степени, чем в речи представителей этнических меньшинств, особенности MLE встречаются в речи молодых людей – представителей исконного населения (White British), проживающих во Внутреннем Лондоне и имеющих тесные контакты с этнически смешанными группами населения [Fox, 2015].

Заключение

Появление термина Estuary English отражает сдвиги, происходящие в последнее время в пространственно-функциональном измерении вариативности английского языка. В основе этих сдвигов лежит сложный комплекс социально-экономических и этнокультурных процессов, которыми отмечена британская реальность последних десятилетий. Меняется и коммуникативный контекст, в результате чего устоявшиеся были понятийные ориентиры – диалект, языковой стандарт и субстандарт, городское просторечие и жаргоны – перестают отражать меняющуюся языковую реальность. Появляются такие понятия, как «социоэтнолект», «региональный вариант языка», статус которых в данный момент остается недостаточно определенным в первую очередь потому, что процессы, которые они отражают, еще не завершились. Делать прогнозы сложно в том числе и потому, что речь идет не только о языковых явлениях; задачами лингвистов на данный момент представляются внимательное наблюдение за происходящим и систематизация полученных данных.

Список литературы

- Altendorf R.* “Estuary English: Is English going cockney?” // *Moderna Sprak* XCII. – 1999. – P. 1–11.
- Butler T., Hamnett C.* Ethnicity, class and aspiration: Understanding London’s New East End. – Bristol: Policy press, 2011. – 280 p.
- Cohen P.* On the wrong side of the track? East London and the Post Olympics. – London: Lawrence & Wishart, 2013. – 424 p.
- Coggle P.* Do you speak Estuary? The new Standard English: How to spot it and speak it. – London: Bloomsbury Publishing Ltd., 1993. – 106 p.
- Cole A.* Identifications of speaker ethnicity in South-East England: Multicultural London English as a divisible perceptual variety // *Proceedings of the LREC 2020 Workshop on «Citizen linguistics in language resource development»*. – 2020. – P. 49–57.

- Crystal D.* Estuary English // *The Cambridge Encyclopedia of the English Language*. – Cambridge: Cam. Univ. press, 1995. – P. 327
- Ethnicity, friendship network and social practices as the motor of dialect change: linguistic innovation in London / Cheshire J., Fox S., Kerswill P., Torgersen E. // *Sociolinguistica*. – 2008. – N 22 (1). – P. 1–23
- Ellis A.J.* The existing phonology of English dialects, compared with that of West Saxon Speech. – New York: Greenwood Press, 1889. – XXVII, 176 p.
- Fox S.* The New Cockney. New ethnicities and adolescent speech in the traditional East End London. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. – 247 p.
- Haenni R.* The case of Estuary English: Supposed evidence and perceptual approach. University of Basel dissertation. – URL: www.phon.ulc.ac.uk/home/estuary/haenni1999.pdf
- Kerswill P.* Dialect formation and dialect change in the Industrial Revolution: British vernacular English in nineteenth century // *Southern English varieties then and now* / ed. by Wright L. – Berlin, 2018. – P. 8–38.
- Kerswill P., Torgersen E.* London's Cockney in the twentieth century: Stability or cycles of contact-driven change? // *Listening to the Past* / ed. Hickey R. – Cambridge, 2017. – P. 85–113.
- Kerswill P., Torgersen E., Fox S.* Reversing “drift”: Innovation and Diffusion in the London Diphthong System // *Language variation and change*. – London, 2008. – N 20 (3). – P. 451–491.
- Kircher R., Fox S.* Multicultural London English and its speakers: a corpus-informed discourse study of standard language ideology and social stereotype // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. – 2019. – P. 1–19.
- Mufwene S.* The Ecology of Language Evolution. *Cambridge Approaches to Language Contact*. – New York: Camb. Univ. press, 2001. – 255 p.
- Trudgill P.* Sociolinguistic typology: Social determinants of linguistic complexity. – New York: Oxford Univ. press, 2011. – 236 p.
- Trudgill P.* Sociolinguistic variation and change. – Edinburgh: Edinburgh Univ. press, 2001. – X, 197 p.
- Rosewarne D.* Estuary English // *Times Educational Supplement*. – 1984. – P. 5–7.
- Rosewarne D.* Estuary English: Tomorrow's RP? // *English Today*. – London, 1994. – N 37 (10.1). – P. 3–8.
- Wales K.* ‘North of Watford Gap’: A cultural history of Northern English (from 1700) // *Alternative Histories of English* / Peter Trudgill, Richard J. Watts (eds.). – London, 2002. – P. 45–66.
- Watt P., Millington G., Huq R.* East London Mobilities: ‘The Cockney Diaspora’ and the Remaking of the Essex Ethnoscape // *Mobilities and Neighbourhood Belonging in Cities and Suburbs* / Eds. Watt P., Smets P. – Palgrave Macmillan, 2014. – P. 121–144.
- Wells J.* What is Estuary English? // *English Teaching Professional*. – London, 1997. – Issue 3. – P. 46–47.

РАРЕНКО М.Б.¹

1.13. ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ШОТЛАНДИИ КАК РЕЗУЛЬТАТ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТРЕХЪЯЗЫЧИЯ²

Аннотация. Своеобразие языковой ситуации в современной Шотландии характеризуется наличием трехъязычия, которое исторически формировалось под влиянием как собственно языковых, так и экстралингвистических факторов. Вышеупомянутые процессы происходили как результат контаминации двух языковых ареалов: кельтского и германского. В главе обсуждаются проблемы данной сложившейся языковой ситуации.

Введение

Одной из наиболее важных задач современного многонационального общества, что подтверждается и одним из основополагающих принципов деятельности Европейского сообщества, в том числе и в области языковой политики, признается курс на сохранение национального своеобразия и национального языка, известный как «единство в многообразии» (unity in diversity). В настоящее время в большинстве стран мира языки национальных меньшинств признаны национальным достоянием и частью национального наследия народов, на них говорящих, и как таковые подлежат защите и поддержке в разных сферах общественной

¹ Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия; garenco@rambler.ru

² При подготовке данной статьи использовались материалы, вошедшие в другие статьи автора: [Раренко, 2016; Раренко, 2020 а; Раренко, 2020 б; Раренко, 2020 в; Раренко, 2021].

жизни. Официальным документом, утверждающим права малых языков стран – членов Евросоюза, является сегодня «Хартия региональных языков и языков меньшинств» (Страсбург, 5 ноября 1992 г.)¹.

Под языковой ситуацией традиционно понимается «совокупность форм существования (а также стилей) одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-политических образований» [Швейцер, Никольский, 1978, с. 101; Виноградов, 1990, с. 616].

Важным социолингвистическим признаком языковой ситуации выступает наравне с двуязычием также и трехязычие, которое можно проиллюстрировать на примере современной Шотландии.

В словаре социолингвистических терминов трехязычие определяется как «функционирование трех языков в пределах территориальной общности (государства, региона, города, поселка), как владение индивидом тремя языками в пределах его коммуникативных потребностей» [Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 231].

Шотландия, находящаяся на севере от Англии и занимающая 78,7 тыс. кв. км, характеризуется неоднородным и разнообразным рельефом, в связи с чем выделяются три основных региона: Южно-Шотландская возвышенность, Средне-Шотландская низменность (Лоуленд) и Шотландское нагорье (Хайленд), к которому исторически тяготеют Внутренние и Внешние Гебридские острова. Население страны составляют приблизительно 5 млн человек, 98% которых являются этническими шотландцами. Три четверти населения сосредоточено в Лоуленде, где расположены крупнейшие городские и промышленные центры страны [Донскова, 2007; Павленко, 2003].

Сегодня три языка² – шотландский английский³ (т.е. местный вариант английского языка, или шотландский вариант английского языка), скотс⁴ и гэльский язык⁵ – на территории Шотлан-

¹ Россия присоединилась к странам, подписавшим хартию (распоряжение Президента РФ от 22 февраля 2001 г. № 90-РП).

² В научной литературе не наблюдается единства в использовании терминологии, и иногда под шотландским языком понимается гэльский.

³ Шотландский английский язык представляет собой литературный вариант английского языка, функционирующий на территории Шотландии и являющийся территориальным вариантом английского языка.

⁴ Скотс – германский по происхождению язык, развившийся из нортумбрийского (северного) диалекта древнеанглийского языка.

⁵ Гэльский язык – кельтский по происхождению язык, развившийся из принесенного на территорию Шотландии ирландскими переселенцами.

дии используются в качестве основных, помимо многочисленных диалектов.

Шотландия: исторический экскурс

Для всестороннего понимания сложившейся сегодня на территории Шотландии непростой языковой ситуации необходим краткий экскурс в историю страны. Историки придерживаются точки зрения, что первые люди появились на территории современной Шотландии приблизительно 8 тыс. лет назад, а первые постоянные поселения могли возникнуть не ранее 6 тыс. лет назад. В середине первого тысячелетия нашей эры Шотландия полностью сохраняла кельтский облик, и значительную часть территории страны на тот момент занимали племена, известные под названием «пикты»¹ (так их называли римляне), происхождение названия которых обычно объясняется тем, что пикты свои тела обильно украшали рисунками. На юге страны проживали группы бриттов, вытесненные из Англии англосаксами.

В конце V – начале VI в. на западные берега современной Шотландии с территории современной Ирландии переселились кельтские племена скоттов, название которых постепенно перешло на название всей страны и которые к середине IX в., после завоевания пиктов, создали единое королевство, распространившее свое влияние на всю остальную территорию.

В начале XI в. районы восточного побережья и равнина Лотиана, заселенные на тот момент племенами англов, вошли в состав королевства. В результате этого была установлена граница между Шотландией и Англией в ее современном виде, а также в значительной степени была определена дальнейшая история Шотландии. В частности, включение в состав Шотландии англосаксонских районов, более плодородных и более развитых в экономическом отношении, чем другие районы страны, привело к постепенному распространению там древнеанглийского языка. Однако государственным языком по-прежнему оставался гальский.

¹ Этническая принадлежность древних обитателей Шотландии – пиктов, или каледонцев, как их также называли римские авторы, до сих пор не выяснена. Некоторые авторы считают, что их предками были докельтские племена, другие связывают их формирование с первой волной кельтских переселенцев на Британские острова.

Завоевание Англии норманнами (1066), не коснувшееся Шотландии непосредственно, поскольку Вильгельм Завоеватель (1027/28–1087) на первых порах удовлетворился тем, что шотландский король признал себя его вассалом, тем не менее послужило причиной цепи событий, из-за которых Шотландия изменила своей гэльской культурной ориентации. Малкольм III (1031–1093) женился на Маргарите, сестре Эдгара Этлинга, свергнутого англосаксонского претендента на английский трон, который впоследствии получил поддержку со стороны Шотландии. Маргарита сыграла важную роль в снижении кельтского влияния в стране, а ее сын, Давид I (1084–1153), стал англо-норманнским властителем, определившим в значительной степени путь развития страны. Последствия политики Давида I, однако, не всегда способствовали сохранению единства языка в королевстве и приводили к постепенной англоизации региона. Приток на шотландскую землю англосаксов, бежавших от норманнов, способствовал дальнейшему распространению их языка на этих землях. Английское влияние в значительной степени усилилось в XII в. вследствие браков между шотландскими и английскими королевскими фамилиями.

Таким образом, шотландский королевский двор постепенно англоизировался и становился центром англосаксонской культуры в Шотландии, а проводниками этой новой для страны культуры становились английские феодалы, которых шотландский король приглашал на службу.

Следует отметить, что Шотландия на протяжении всей своей истории стремилась сохранить свое национальное своеобразие, в частности свой язык. В конце XIII в. Англия пыталась захватить Шотландию, но английские войска были разбиты, и по договору 1328 г. Англия вынуждена была признать независимость Шотландии, что еще в большей степени способствовало национальному сплочению шотландцев, которое выражалось, в частности, и в стремлении сохранить свою культуру и свой национальный язык. Важными событиями в шотландской истории было создание в конце XIII в. парламента и особенно – церковная реформа, благодаря которой в стране с середины XVI в. было утверждено пресвитерианство. В 1560 г. шотландский парламент принял закон о признании пресвитерианской церкви государственной церковью Шотландии, а официальным языком Шотландии был признан язык, образовавшийся на основе языка англосаксонских переселенцев при значительном влиянии местного кельтского (гэльского) языка и получивший название скотс (Scots).

К концу Средневековья Шотландия была разделена на две культурные зоны: 1) равнинную, жители которой говорили на скотс; 2) горную, население которой использовало в качестве языка общения гэльский язык. Несмотря на то что скотс становился все более популярным на территории Шотландии, в удаленных частях юго-запада страны, входивших в графство Галлоуэй, использовался (возможно, до XVIII в.) галовейский гэльский диалект.

Важным в истории Шотландии стал 1603 г., когда после смерти английской королевы Елизаветы I (1533–1603), не оставившей прямых наследников, король Шотландии Иаков VI (1566–1625), сын Марии Стюарт (1542–1587) и племянник Елизаветы I, унаследовал английский престол и стал королем Англии Иаковом I. За исключением периода существования Британского содружества наций Шотландия оставалась отдельным государством, но вместе с тем имели место значительные конфликты между монархом и шотландскими пресвитерианами по поводу формы церковного управления. После Славной революции и свержения католика Иакова II (1633–1701) Вильгельмом III (1650–1702) и Марией II (1662–1694) Шотландия некоторое время стремилась избрать собственного монарха-протестанта, но под угрозой разрыва Англией торговых и транспортных связей шотландский парламент совместно с английским в 1707 г. принял «Акт об унии». В результате объединения было образовано королевство Великобритания.

Взаимодействие трех языков на территории Шотландии

Рассмотрим в исторической перспективе, как взаимодействовали между собой языки на территории Шотландии. Как можно видеть из краткого исторического экскурса, в VI в. н.э. на равнинной части Шотландии (Лоуленд), вследствие особых исторических условий, сосуществуют два языковых ареала – кельтский и германский. Именно сюда, в южную часть Лоуленда – территории к северу и югу от гор Чевиот-Хилс и реки Твид, – стали заселяться англы, германское племя, войдя в состав королевства Нортумбрии. В конце X в., после нескольких войн между англосаксонскими и кельтскими королями, эта часть Нортумбрии отошла шотландскому королю Кеннету III (997–1005), но по условиям договора английскому населению данного региона было разрешено сохранить свои законы и свой язык – северную ветвь нортумбрийского диалекта древнеанглийского языка.

1. Гэльский язык.

До конца XI в. в данном регионе использовался и гэльский язык, однако после того, как на трон объединенного Шотландского королевства взошел Малькольм III Кенмор (ок. 1031–1093), сын короля Данкена и нортумбрийки из знатного рода, шотландская династия стала фактически англосаксонской, что способствовало дальнейшему распространению северной разновидности древнеанглийского языка за счет вытесняемого гэльского.

Гэльский¹ язык – язык преимущественно, жителей горной части Шотландии и островов, ей принадлежащих. Самые серьезные испытания на долю гэльского языка выпали в XVIII в., в результате второго якобитского восстания 1745 г., которое повлекло за собой сначала размывание, а затем и полное разрушение клановой системы и эмиграцию многих вождей и рядовых членов кланов, что и привело к очень малой плотности населения в горной Шотландии и большой разобщенности носителей языка при одновременно усилившемся притоке англоязычного населения.

Гонению подверглась древняя кельтская культура – было запрещено носить национальную одежду, запрещена была даже шотландская волынка, причисленная к «орудиям войны». Шотландские власти пытались искоренить и гэльский язык, запрещая его использование в церкви и в школах. Однако трудности обучения гэльских детей были настолько велики, что в 1766 г. было принято решение разрешить употребление гэльского языка наряду с английским. В 1767 г. в Шотландии вышло Евангелие на гэльском языке, а в начале XIX в. – Библия, но несмотря на все принятые меры, гэльский язык сохранился лишь как разговорный.

Современный литературный гэльский язык начинает оформляться в конце XVIII – начале XIX в. на основе юго-восточных диалектов, при этом он продолжает сохранять много консервативных черт, которые уже исчезли в диалектах к XVIII в., как в орфографии, так и в лексике, и в морфологии. В появляющихся в этот период изданиях фольклорных текстов авторы пытаются как можно полнее и адекватнее передать особенности живых диалектов.

¹ В научной литературе встречаются следующие варианты названия данного языка: шотландский, гаэльский, гельский, эрский, горношотландский. Гэльский язык (самоназвание *Gàidhlig*; англ. *Gaelic*, или *Scottish Gaelic*) относится к гойдельской ветви кельтских языков, носители которого – кельтская народность гэлы – традиционно проживали в горной части Шотландии, а также и на Гебридских островах.

Письменный гэльский язык, развившийся в таких условиях, стал синтезом старого (ирландского) языка и западно-центральных шотландских диалектов.

2. Скотс¹.

В XIV в. на базе языковой нормы эдинбургского королевского двора и университета г. Сент-Эндрюс сформировался общенациональный языковой стандарт Шотландии того времени, получивший название Inglis. Во второй половине XV в. этот язык стал именоваться Scottis, а название Inglis стало использоваться исключительно для обозначения близкородственного языку Scottis среднеанглийского языка, который был распространен на территории Англии.

В 1603 г. произошло объединение корон Шотландии и Англии, и Scottis стал постепенно утрачивать статус государственного языка, а после 1707 г., после объединения английского и шотландского парламентов, национальный английский язык того времени, развившийся на основе лондонского диалекта, полностью и окончательно утвердился в качестве языка политики, образования и религии на территории Шотландии. Еще в течение долгого времени Scottis оставался среди шотландцев языком повседневного, домашнего общения, но доминирование английского языка в официальной среде постепенно привело к размыванию и в конечном счете фактической утрате единой нормы языка, сложившейся в XIV–XV вв. Таким образом, Scottis сохранился только как совокупность территориальных диалектов. Но на протяжении XVII и даже XVIII вв. иностранцы продолжали воспринимать Scottis как самостоятельный язык, автономный по отношению к английскому.

К концу XIX – началу XX в. скотс стал восприниматься как язык низших слоев населения, и, соответственно, число говорящих на нем стало уменьшаться, а сам язык приобретает статус социально непрестижного. Однако в 20-е годы XX в., в период так называемого «Шотландского возрождения», интерес к языку возникает вновь. В этот период была создана Шотландская национальная партия. У истоков современного шотландского национального движения стоял общественный деятель, писатель и поэт Хью Макдермид² (1892–1978), который в своих художественных произведениях стремился к синтезу шотландских диалектов нача-

¹ Более подробно см.: [Денисова, 2010].

² На английском языке его имя пишется как Hugh MacDiarmid, поэтому можно встретить и другой русскоязычный вариант его имени: Хью Мак Диармид.

ла XX в. с элементами языка шотландской литературы более ранней эпохи.

Однако стремления укрепить позиции языка скотс в 20–30 годы XX в., а также после Второй мировой войны особого успеха не имели, что в значительной мере объясняется тем фактом, что все более широкое распространение на территории Шотландии получают теле- и радиовещание на стандартном английском языке (стандарт RP).

3. Шотландский английский язык.

Шотландский английский язык (Scottish English) начал формироваться примерно после XVII в. на почве взаимодействия языка скотс и британского английского. Считается, что через значительный промежуток времени местное кельтоязычное население было практически полностью англизировано, причем происходило это не через естественную языковую среду – через семью, а в порядке принуждения – через церковь и школу. Шотландский английский язык всегда отличался повышенной нормативностью речи и участием литературной нормы.

Языки на территории Шотландии сегодня

1. Гэльский язык.

В конце XX в. языковая ситуация в Шотландии несколько изменилась, и с образованием шотландского парламента гэльский был провозглашен официальным языком страны.

Говорящие на гэльском языке расселены на территории современной Шотландии неравномерно: около 30% проживают в автономной области Западных островов (т.е. Внешних и Внутренних Гебридов), 21% – на материке в горной Шотландии и 31,5% – в районе г. Глазго, остальные рассредоточены по стране.

На гэльском языке сегодня говорит часть населения западных регионов Северной Шотландии и Гебридских островов. По данным на 1961 г., говорящих на гэльском языке насчитывалось 81 тыс. человек, в 1971 г. говорящие на гэльском языке составляли 88 тыс. человек (по другим данным – 89 тыс.), из них только 1,5 тыс. человек были одноязычными. В 1981 г. численность носителей языка несколько уменьшилась – до 79,5 тыс. человек, из них 3 тыс. могли на нем только читать и писать. Число носителей гэльского языка в Шотландии, согласно переписи 2001 г., составляло

58 652 человека¹. Постоянное сокращение числа говорящих на гэльском языке (речь в данном случае идет не столько о естественном сокращении числа говорящих на гэльском языке (с уходом из жизни пожилых людей, являющихся «естественными носителями» гэльского языка, а о добровольном отказе «естественных носителей» языка) использовать его в качестве основного) показательно – оно характеризует отношение населения, проживающего на территории Шотландии, к гэльскому языку как к не являющемуся социально престижным в современных условиях и «неперспективному» (в первую очередь потому, что говорящие на этом языке имеют по сравнению с говорящими, например, на стандартном английском гораздо меньше возможностей при обучении в университете, поиске работы, установлении социальных контактов и пр.). Более того, отказ от использования гэльского в качестве «домашнего» языка можно считать проявлением заботы родителей о судьбе подрастающего поколения². Данные переписи 2001 г. показали 11%-ное сокращение численности носителей этого языка по сравнению с 1991 г., так что гэльский язык находится в серьезной опасности и причислен к языкам, которым грозит исчезновение. Тем не менее на нем ведутся теле- и радиопередачи, издаются газеты и книги. В настоящее время в стране существует движение за более широкое использование гэльского языка в общественной жизни.

Отметим, что меры по сохранению гэльского языка принимались постоянно, но не системно, часто носили спорадический характер. Так, в конце XIX в. Департамент образования Шотландии законодательным актом ввел гэльский язык как обязательный предмет в школьном образовании. В принятом в 1993 г. «Положении о начальном образовании, с 5 до 12 лет», регулирующем процесс образования в начальной школе в Шотландии, указывалось на необходимость изучения гэльского языка уже на раннем этапе образовательного процесса. В целях сохранения языка, находящегося под защитой государства, в 2005 г. в стране была открыта первая средняя школа, где преподавание идет только на гэльском языке.

¹ Небольшие сообщества носителей гэльского языка сохранились на территории США, в Австралии, Новой Зеландии, Южно-Африканской Республике. Общее количество носителей языка в мире составляет, по разным оценкам, от 60 тыс. до 90 тыс. человек, при этом 500–1000 носителей языка проживают в Канаде (провинция Новая Шотландия, преимущественно на острове Кейп-Бретон).

² Более подробно см., напр.: [Марусенко, 2015 а; Марусенко, 2015 б; Марусенко М.А., Марусенко Н.М., 2024].

Принимаемые правительством Шотландии меры, однако, не возымели сколько-нибудь заметного действия и не привели к желаемым результатам – число говорящих на гэльском языке стабильно сокращается. Даже в том случае, когда семья в целом поддерживает меры правительства по сохранению языкового разнообразия, родители стремятся практиковать в семьях билингвизм.

Таким образом, приходится констатировать: несмотря на активно принимаемые меры по сохранению и поддержке гэльского языка в Шотландии, пока что сохраняется ситуация, когда самые сильные позиции гэльский язык удерживает на Гебридах, среди пожилого населения, численность которого с каждым годом естественным образом уменьшается, соответственно, сокращается и число говорящих на гэльском жителей страны.

2. Скотс.

В 2001 г. правительство Соединенного Королевства ратифицировало Европейскую хартию региональных языков и языков меньшинств, утвержденную Советом Европы в 1992 г. Правительство Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии признает язык скотс как региональный язык, указывает на необходимость сохранения языка Scottis как элемента культурного наследия, но не оказывает ему практической поддержки. Важнейшей проблемой современного состояния языка скотс является то, что у языка нет единого литературного стандарта. При парламенте Шотландии после его утверждения в 1997 г. была создана межпартийная группа по вопросам Scottis, в стране функционирует Центр языка скотс (Scots Language Centre¹), одной из задач которого является издание словарей. Финансированием проектов занимается правительство Шотландии.

В настоящее время в Шотландии нет единой программы обучения скотс, однако с целью сохранения шотландских культурных и литературных традиций осуществляется государственная поддержка шотландского диалекта на всех уровнях национальной системы образования в форме различных мероприятий (более подробно см.: [Григорьева, 2010]). В средней школе изучение шотландского диалекта проходит в обязательном режиме в рамках курсов по шотландской литературе, учащиеся также знакомятся с произведениями знаменитых шотландских авторов и основными фактами литературной истории Шотландии. Поскольку скотс не имеет официального статуса, не имеет единого литературного

¹ У организации есть собственный сайт. – URL: <http://www.scotslanguage.com>

стандарта и существует в виде диалектов, разработка единых, стандартных учебников скотс представляет определенные сложности. Тем не менее отдельные издательства время от времени предлагают учебные пособия в помощь изучающим скотс. В качестве примера можно привести выпущенную в 1996 г. в рамках проекта «Языки Шотландии» антологию шотландской и гэльской литературы (в комплект вошли также аудиозаписи и необходимые материалы для учителей средней школы), а также изданный в 2001 г. в одном из лондонских издательств учебник скотс для средней школы «Turnstones 1», состоящий из шести частей и содержащий пояснения на английском и скотс. Также внимание уделяется изучению скотс и шотландской литературы в колледжах и университетах Шотландии, расположенных в крупнейших городах страны – Эдинбурге, Абердине, Глазго и Данди.

Отсутствие у скотс единого литературного стандарта в то же самое время не позволяет языку получить статус официального в Шотландии. Попытки создания наддиалектного литературного варианта языка скотс, широко известного сейчас как лалланс, были предприняты еще Хью Макдермидом, который полагал, что успешное распространение лалланса может способствовать укреплению статуса языка скотс (что представляется нам вполне разумным). Уровень развития литературного языка скотс в XX в. продолжал повышаться, однако диалектные формы также развивались. На сегодняшний день большое количество диалектов языка скотс по-прежнему сохраняется. Согласно данным организации «Словари шотландского диалекта», выделяются следующие основные варианты скотс и их подгруппы: диалект Шетландских и Оркнейских островов, северный вариант (северный и северо-восточный), центральный (восточный, западный, юго-западный) и южный, а также ольстерский шотландский (более подробно см.: [Григорьева, 2010]).

В 2011 г. в Шотландии состоялась перепись населения, в ходе которой впервые был задан вопрос о владении языком скотс; в том же 2011 г. Языковой центр скотс создал интернет-сайт с образцами речи на различных диалектах Scottis (Scots), чтобы говорящие сами могли определить, каким именно диалектом языка они владеют. Однако, как отмечает Павленко, далеко не всегда просто определить диалект говорящего [Павленко, 2005], поскольку даже на равнинной территории Шотландии языковая ситуация «имеет континуальный характер и для нее характерно огромное количество переходных вариантов, широкое многообразие отдельных идио-

лектов и зачастую непоследовательное использование говорящими языковых средств» [там же, с. 175].

В мае 2011 г. члены шотландского парламента от набравшей большинство голосов Шотландской национальной партии давали присягу Елизавете II на языке скотс.

Учрежденная шотландским правительством Рабочая группа по вопросам языка скотс (The Scots Language Working Group) выступила с инициативой введения в программу начальной и средней школы предмета Scottish Studies, который сочетал бы в себе сведения о шотландской истории, литературе, культуре, современной обстановке в Шотландии, истории языков скотс и гэльского. 21 марта 2013 г. был открыт интернет-ресурс Studying Scotland.

По результатам опроса, проведенного среди населения Шотландии в 2009–2010 гг., около 64% шотландцев считают, что скотс, называемый прошотландскими общественными деятелями «mither tongue», т.е. «родным языком», языком не является; 85% опрошенных говорят на скотс; 67% считают, что скотс должен продолжать использоваться в Шотландии. В научной литературе также до сих пор не сложилось единого мнения относительно того, как следует относиться к языковому феномену «скотс». Некоторые исследователи настаивают на том, чтобы считать его диалектом английского языка, частью парадигмы английского языка, другие – самостоятельным языком, близкородственным современному английскому.

Характеризуя современную ситуацию, сложившуюся вокруг языка скотс в равнинной Шотландии, где проживает подавляющее число жителей страны, А.Е. Павленко отмечает, что «в реальной действительности наиболее распространенный в настоящий момент... речевой тип демонстрирует сравнительно низкую частотность лексических и грамматических шотландизмов и получил, поэтому, эпитет “thin Scots” (т.е. буквально “жидкий” или “разреженный” скотс)» [McClure, 1979, с. 29–31]. Этот диалект представляет собой скорее вариант английского языка с большим количеством разноуровневых черт, восходящих к скотс. Он крайне непоследователен в использовании лексических и прочих языковых средств и разительно отличается в этом отношении от синтетического диалекта современной шотландской литературы – лалланса [Павленко, 2005, с. 175].

Шотландские исследователи Э. Игл [Eagle, 2005] и Н. Маккаллум и Д. Первес [Mac it new..., 1995] указывают на то, что определение статуса языка скотс зависит не столько от сугубо линг-

вистических, сколько от политических факторов, среди которых – будущее Шотландии как государства и его языковой политики; т.е. изменения в политической жизни страны могут привести к повышению престижа и возрождению языка скотс, а также переоценке его лингвистического статуса.

3. Шотландский английский язык, или шотландский вариант английского языка¹.

На территории современной Шотландии ведущую роль в качестве языка, принятого в данном коммуникативном сообществе, выполняет литературный шотландский английский, использующийся во всех сферах общественной жизни, включая административно-законодательную, информационную, образовательную, культурную.

В языковом плане шотландский английский отличается рядом особенностей, хорошо заметных на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях.

Так, прежде всего следует отметить, что в ряде позиций происходит «подмена» звуков относительно RP (Received pronunciation – принятый британский произносительный стандарт): в открытом слоге «а» произносится как [i:]: make [mi:k], shame [ʃi:m]; «е» в закрытом слоге может произноситься как [a] или [ɔ:]: dwell [dwal], well [wɔ:l]; «i» в закрытом слоге – как [ʌ]: bill [bʌl], mill [mʌl], cliff [klɪf], pill [pʌl]; «о» в закрытом слоге – как [ʌ]: top [tʌp], lot [lʌt], dot [dʌt], bottom [bʌtm], cotton [cʌtn]; «ou» в английском шотландском произносится как [u:]: mouse [mu:s], house [hu:s]. Особенно произношения затрагивают и систему согласных. Так, «wɪ» произносится как [vɪ]: wrong [vrʌ], а «wh» как [f]: what [fa:t], when [fan], «ch» – как [k]: each [i:k], church [kɜ:k], teach [ti:k].

Отклонения от стандарта RP прослеживаются в шотландском английском и на уровне слога. Для структуры слога в английском шотландском характерна фонологическая последовательность СГС (согласный – гласный – согласный), в связи с чем между согласными [rɪ], [ɪm], [lɪm] в аудите произносится вставная безударная гласная фонема [ə] и возникает дополнительный слог в словах, подобных world [wʌrəld], farm [fɑ:ɪm], film [fɪlɪm] (см.: [Естафьева, 2017]).

¹ Шотландский английский считается, собственно говоря, территориальным диалектом, в отличие от канадского и австралийского английского, которые имеют статус «региональных вариантов», несмотря на то что довольно часто в специальной литературе на него ссылаются как на «шотландский вариант английского языка».

Шотландский английский отличается и набором специфических регионально маркированных супrasegmentных средств, при этом важное место в системе интонации занимает региональная вариативность. Так, отмечается, что на западе Шотландии для утверждений характерен восходящий или восходяще-нисходящий ядерный тон, при этом восходящий тон отличается от повседневного английского восходящего тона «недосказанности» (Up-Talk). Для утверждений диалекта Оркнейских островов характерна «напевная» интонация (Sing-Song Intonation), при которой чередуются восходящий и нисходящий тон. В диалекте Анструтер (восточная часть области Файф) присутствует падающая шкала (Falling Slope) (более подробно см.: [Евстафьева, 2017, с. 44]).

На уровне грамматики наиболее яркие расхождения наблюдаются в способах образования степеней сравнения прилагательных. Так, прилагательные, образующие степени сравнения супплетивным путем в стандартном английском, в шотландском английском образуют их синтетически, например: bad – *badder* – *the baddest*; little – *littler* – *the littlest*. В ряде случаев степени сравнения образуются синтетическим и аналитическим путями одновременно: happy – *more happier* – *the most happiest*.

В отличие от английского стандарта в шотландском английском возможно двойное употребление модальных глаголов, одним из которых обычно бывает глагол «can»: He might *can* correct her mistakes.

При модальных глаголах вместо отрицательной частицы «not» используется «nae»: don't – *dinnae*, can't – *cannae*, won't – *willnae*.

Обращает на себя внимание употребление артиклей. В шотландском английском отсутствует вариант артикля «an», употребляющийся в стандарте RP в позиции, если после артикля употребляется лексическая единица, начинающаяся с гласного звука, например: a small article, но an interesting film (норма RP) // a small article, a interesting film (шотландский английский). Таким образом, в шотландском английском во всех позициях используется артикль «a»: a apple, a elephant. Также говорящие на шотландском английском довольно часто используют неопределенный артикль с существительным во множественном числе: a books, a films (в стандарте RP в этих случаях используется так называемый нулевой артикль).

Как еще одну яркую грамматическую особенность шотландского английского следует отметить образование форм множествен-

ного числа у существительных. Существительные, образующие множественную форму в английском стандарте RP путем изменения корневых гласных, в шотландском варианте образуют ее и путем изменения корневых гласных, и путем добавления к слову окончания -s одновременно, например: foot – feets, goose – geeses, man – mens.

Что касается лексики, то она характеризуется значительными заимствованиями из скотс, что придает языку особый колорит.

Заключение

В заключение следует отметить, что наблюдающееся сегодня на территории Шотландии трехязычие является вполне закономерным результатом, с одной стороны, исторического развития страны (прежде всего того, что сегодня в стране проживают потомки и германцев, и кельтов, сохраняющие свой язык, помимо, конечно, представителей других этносов), а с другой – геополитических процессов, происходящих в современном мире.

Итак, на сегодняшний день на территории Шотландии функционируют три языка. Прежде всего, это шотландский английский, или шотландский вариант английского языка (Standard Scottish English), представляющий собой вариант английского и признанный стандартом английского языка в этой стране, которым владеет и на котором говорит большая часть населения Шотландии. От британского варианта английского языка (RP) шотландский стандарт отличают специфический акцент, особая грамматика, а часть лексики, в том числе общеупотребительной, заимствована из скотс, что, с одной стороны, придает варианту особый колорит, с другой – создает трудности при общении с другими англоязычными людьми – англичанами, американцами, австралийцами и пр. Говорящие на английском языке как иностранном также испытывают значительные трудности при общении с местным населением.

Именно стандартный шотландский английский язык занимает сегодня центральное место в экономической, политической и культурной сферах жизни страны, являясь официальным языком высших государственных институтов, образования, деловой коммуникации, органов местного управления и СМИ, официальным языком церкви Шотландии, к которой принадлежит 41% населения.

Несмотря на то что шотландский гэльский имеет сегодня статус официального языка Шотландии (наряду с шотландским английским), только небольшая часть населения в настоящее время

использует его в качестве основного (он используется преимущественно в быту). Гэльский язык по-прежнему находится в зоне риска, т.е. под угрозой исчезновения, хотя официально находится под защитой государства.

Приблизительно 85% населения Шотландии владеют скотс. Он довольно активно используется в неформальном общении внутри семьи или в кругу друзей среди рабочего и сельского населения страны. В последние годы, в рамках популяризации языка, скотс получает все больше внимания в учебном процессе (например, при выполнении творческих заданий), во внешкольной деятельности (например, в театральных постановках учащихся). В периодической печати публикуются статьи в основном юмористического характера и заметки на скотс, описывающие национальные праздники шотландцев. В художественных произведениях использование скотс служит задаче создания местного колорита, т.е. также используется фрагментарно. Население сельских районов Шотландии и небольших городков говорит преимущественно на территориальных диалектах скотс.

Особо стоит отметить, что образованное население Шотландии, говорящее в основном на английском языке, довольно часто использует в обиходно-разговорной речи шотландизмы, но чем выше социальный статус говорящего и его уровень образования, тем меньший процент шотландизмов будет представлен в его речи. Скотс и лалланс также проникают в обиходно-разговорную речь, однако их использование носит чаще декларативно-идеологический характер и не становится нормой речевой практики в этой сфере.

Особенностью трехязычия на территории Шотландии стоит признать то, что большая часть населения владеет двумя языками – шотландским английским и гэльским / скотс в разной степени (при том, что сегодня эти языки включены в школьные программы в стране). Всего лишь небольшой процент населения в той или иной степени владеет всеми тремя языками. При необходимости в разных ситуациях общения современные жители Шотландии способны переходить с одного языка на другой, т.е. «переключать код», применяя один из языков в определенной функциональной сфере. Особенно важным представляется то, что переход с одного языка на другой происходит осознанно, при этом языки обладают разной степенью престижности, что осознается говорящими на них. Так, использование гэльского языка или скотс часто выступает маркером принадлежности к определенной социальной группе.

Список литературы

- Виноградов В.А.* Языковая ситуация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – Москва: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 616–617.
- Григорьева В.П.* Язык в национальной системе образования (на примере языковой ситуации в Шотландии) // Социосфера. – 2010. – № 1. – С. 9–12.
- Денисова Е.А.* Язык Шотландии Scots как продукт внешних и внутренних взаимодействий: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2010. – 22 с.
- Донскова И.И.* Шотландия: мистическая страна кельтов и друидов. – Москва, 2007. – 320 с.
- Евстафьева Н.М.* Особенности супrasegmentных средств шотландского варианта английского языка // Диалог культур: лингвокультурологическая база гуманитарного образования: сборник научных статей V Международной научно-практической конференции. – 2017. – С. 41–44.
- Марусенко М.А.* Эволюция мировой системы языков в эпоху постмодерна: языковые последствия глобализации. – Москва: Изд-во ВКН, 2015 а. – 496 с.
- Марусенко М.А.* Языки и национальная идентичность: современные вызовы национальному единству и территориальной целостности. – Москва: Научно-политическая книга, 2015 б. – 757 с.
- Марусенко М.А., Марусенко Н.М.* Образовательная языковая политика в современном мире. – Москва: ИНФРА-М, 2024. – Т. 1: Политическое и идеологическое измерение образовательной языковой политики; т. 2: Двухязычное обучение.
- Павленко А.Е.* Региональный язык и его статус: (На материале языковой ситуации в равнинной Шотландии). – Москва, 2003. – 243 с.
- Павленко А.Е.* На каком языке написан текст? Еще раз к проблеме близкородственного двуязычия // Материалы чтений, посвященных памяти профессора И.М. Тронского. – Санкт-Петербург, 2005. – С. 175–182. – (Индоевропейское языкознание и классическая филология; 9).
- Раренко М.Б.* Проблемы взаимодействия языков на территории современной Шотландии // Вопросы психолингвистики. – 2016. – № 30. – С. 194–205.
- Раренко М.Б.* Английский язык в современном мире (вместо предисловия) // Английский язык на территории Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и за его пределами: сб. науч. трудов. Сер. Теория и история языкознания / отв. ред. Раренко М.Б. – Москва, 2020 а. – С. 5–11.
- Раренко М.Б.* Английский язык в Шотландии // Английский язык на территории Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и за его пределами: сб. науч. трудов. Сер. Теория и история языкознания / отв. ред. Раренко М.Б. – Москва, 2020 б. – С. 39–58.
- Раренко М.Б.* Национально-языковые проблемы в полиэтнических странах // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2020 в. – № 2. – С. 38–43.
- Раренко М.Б.* Трехязычие в Шотландии как результат социально-политических трансформаций в стране и мире // Язык в глобальном контексте: Языковые контакты и языковые конфликты в современном мире: сб. науч. трудов. Сер. Теория и история языкознания / РАН, ИНИОН, Центр гуманит. науч.-информ.

- исслед., Отд. языкознания; отв. ред. Потапов В.В., Казак Е.А. – Москва, 2021. – С. 134–144.
- Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В.Ю. Михальченко. – Москва: Институт языкознания РАН, 2006. – 312 с.
- Швейцер А.Д., Никольский Л.Б.* Введение в социолингвистику. – Москва: Высшая школа, 1978. – 216 с.
- Шило Н.П., Паренюк Н.Ю.* Территориальные диалекты английского языка в Соединенном Королевстве // Образовательная система: структурные преобразования и перспективные направления развития научной мысли: сборник научных трудов. – Казань, 2019. – С. 76–79.
- Eagle A.* Wir Ain Leid: An Innin tae modren Scots. – 2005. – 300 p.
- Mac it new: An anthology of twenty years of writing in Lallans / Ed. by MacCallum N.R., Purves D.* – Edinburgh, 1995. – 178 p.
- McClure J.D.* Scots and its range of uses // *Languages of Scotland.* – Edinburgh, 1979. – P. 26–48.

ГАЛАКТИОНОВ С.С.¹

1.14. ОБ ОСОБЕННОСТЯХ НИГЕРИЙСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В главе особое внимание уделено специфике *нигерийского английского*, сформировавшейся под влиянием коренных культур Нигерии и языковых субстратов нигеро-конголезской семьи языков. Проводится разграничение между *нигерийским английским* и *нигерийским пиджином*, которые функционируют по принципу диглоссии и подвержены влиянию со стороны коренных нигерийских языков, но каждый из которых при этом выполняет свою строго определенную социальную функцию. Наблюдается тенденция, согласно которой нигерийский английский продолжает активно использоваться не только как средство общения и образования, но и как язык – посредник в сохранении целого ряда коренных языков Нигерии.

Введение

Нигерия – страна со сложным колониальным прошлым, которое оказало огромное влияние не только на ее политическую и экономическую систему, но и на культурную и языковую ситуацию. Уникальные исторически обусловленные языковые контакты привели к возникновению языковых разновидностей, одной из которых является нигерийский английский. Эта общепризнанная разновидность английского языка сформировалась в результате взаимодействия английского со многими коренными языками Нигерии, создав таким образом уникальный вариант в рамках концепции *World Englishes*.

¹ Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия; e-mail: semengal98@mail.ru

Территории, на которые делится Нигерия, имеют запутанную и сложную историю. До колонизации эти территории состояли в основном из децентрализованных общин, которые объединялись по принципу общности языка и религии, а также благодаря межплеменным бракам [Falola, Heaton, 2008, p. 21–22]. Первые контакты европейцев с коренными нигерийскими племенами были зафиксированы в XVI в., когда на территорию современной Нигерии прибыли португальские исследователи. Сначала европейский рынок был заинтересован в предметах роскоши, однако растущий спрос на рабов в Америке в 1600–1800 гг. привел к тому, что многие нигерийские территориальные образования и племенные государства начали активно участвовать в трансатлантической работорговле [Falola, Heaton, 2008, p. 40–41]. Со второй половины XIX в. Великобритания стремилась расширить свое влияние в регионе, и начать она решила с аннексии Лагоса в 1861 г., за которой последовало 40 лет активных боевых действий. К 1903 г. крупнейшее централизованное государство, Халифат Сокото, было аннексировано, и Британия сформировала единую Колонию и протекторат Нигерия [Falola, Heaton, 2008, p. 93].

Целями британского колониального правления были продвижение ценностей «западной цивилизации» и устранение любых аспектов нигерийского общества, которые корона считала отсталыми и «дикими». При этом колонизаторы предпочитали действовать косвенно, без прямого применения силы, чтобы не привлекать негативного внимания со стороны международного сообщества [Falola, Heaton, 2008, p. 110]. Несмотря на сохранение некоторых традиционных общественных институтов, британское влияние привело к значительным изменениям, таким как появление наемного труда и британской валюты, а также урбанизация и создание крупных городских центров по европейскому образцу. Английский язык теперь приобрел решающее значение для среднестатистического нигерийца, так как без владения английским невозможно было сделать карьеру и занять более высокую позицию в навязанной социально-экономической иерархии. Однако получить полноценное образование в то время могли немногие, и к 1921 г. лишь около 0,5% жителей южных районов Нигерии получили классическое европейское образование. Те, кто его получил, сформировали новый класс англоговорящих нигерийцев-христиан, которые претендовали на более высокие позиции во властной иерархии Нигерии и хотели оказывать влияние на управление колонией [Falola, Heaton, 2008, p. 111]. Англоязычные нигерийцы, как

правило, смешивали свои нигерийскую и западную идентичности: например, исповедовали христианство, но модифицировали и трансформировали его за счет нигерийских культурных традиций, таких как религиозные танцы и полигамия [Falola, Heaton, 2008, p. 130].

После того как по всей Африке начали появляться антиколониальные протестные движения и движения за независимость, Нигерия подхватила эту волну и в 1960 г. стала независимым государством [Falola, Heaton, 2008, p. 136–137]. Однако страна продолжала страдать от политической нестабильности, так как в 1967–1970 гг. разразилась гражданская война, за которой последовала череда сменявших друг друга коррумпированных военных хунт, приходивших к власти в период с 1970 по 1999 г. [Falola, Heaton, 2008, p. 158]. Только в 1999 г. Нигерия перешла к демократическому режиму, однако сегодня страна по-прежнему сталкивается с проблемами коррупции, политических беспорядков и бедности [Falola, Heaton, 2008, p. 278–279].

Нигерия – одна из самых разнообразных в языковом отношении стран Африки, где почти 200 млн жителей говорят на более чем 500 языках [Crystal, 2003, p. 51]. Хотя некоторые местные региональные языки занимают видное место (например, хауса, на котором говорят около 48 млн человек), официальным языком является английский [World Population Review, 2024]. Выбор английского языка был обусловлен тем, что он уже широко используется в правительстве после длительного колониального периода, однако главная особенность заключается в том, что по всей стране говорят на нескольких разновидностях английского. Нигерийский пиджин – самый распространенный язык в Нигерии, представляющий собой неформальный вариант языка, на котором говорят представители всех социально-экономических групп и который используют для межличностного общения [Noss, 1998, p. 502]. Когда о нигерийском английском говорят в академической среде, имеют в виду такой вариант английского, на котором говорят люди с более формальным образованием и который основан на британском английском.

Особенности нигерийского варианта английского языка

Нигерия является разнообразной в языковом и культурном отношении страной, что приводит к множеству существенных различий между стандартным английским (*Standard British English*) и

нигерийским английским. Одно из наиболее очевидных различий – это специфическая лексика. Адамо подчеркивает, что нигерийский английский подвергся нативизации, в ходе которой он был адаптирован под своих носителей. Наиболее очевидное влияние на нигерийский английский оказали заимствования из коренных нигерийских языков, такие как, например, *agbada* («мужская одежда») или *akara* («бобовый пирог»), которые отражают уникальные нигерийские реалии [Adamo, 2007, p. 44].

Менее очевидные изменения связаны с семантическими сдвигами и расширениями: например, такие английские лексемы и словосочетания, как *settle* и *long legs*, обозначают взяточничество [Adamo, 2007, p. 44–45]. Летона Лопес подчеркивает, что отношение населения к коррупции, с которой Нигерия борется с момента обретения независимости, отражается в новых лексических единицах [Letona López, 2017, p. 20–21]. Кроме того, термины родства, такие как «мать», «отец», «сестра», «брат», также подверглись семантическому расширению для описания небιологических отношений родства [Letona López, 2017, p. 23]. Это расширение учитывает культурные различия, так как в некоторых коренных общностях Нигерии допускается полигамия, что существенно отличает нигерийские семьи от европейских. Наконец, для нигерийской коммуникативной культуры также свойственна чрезмерная вежливость, при этом использование чьего-либо настоящего имени не приветствуется. Поэтому уважительное обращение к кому-либо в нигерийском английском обычно включает формальный титул, такой как профессор, доктор или начальник, с необязательным *sir* после титула, чтобы выразить максимальное уважение [Adamo, 2007, p. 45]. Все эти изменения свидетельствуют о важности нигерийских культурных традиций в формировании нигерийского варианта английского языка и одновременно наглядно демонстрируют процесс нативизации.

Профессор Айо Бамгбосе, который рассматривает нативизацию как один из ключевых параметров стандартного нигерийского английского, выделяет три вида нативизации – лингвистическую, прагматическую и творческую. Лингвистическая нативизация включает в себя замену гласных и согласных звуков нигерийского языка на английские, изменения в ударениях, расширение значений слов и увеличение числа случаев полисемичности, появление заимствований и неологизмов, интеграцию заимствованных слов из коренных нигерийских языков и пиджинов, использование в речи переводных эквивалентов, придание характера исчисляемости некоторым неисчисляемым существительным, преобразование раз-

личных грамматических функций, а также употребление синтаксических структур, характерных для коренных нигерийских языков. Более детально эти лингвистические особенности исследовались целым рядом специалистов в области африканской вариантологии в 1990-х годах [Bokamba, 1992; Igboanusi, 1998 и Schmied, 1991].

Прагматическая нативизация предполагает, что правила использования языка, характерные для английского языка как родного, были изменены, чтобы соответствовать социокультурной обстановке в Нигерии. В качестве примеров можно привести несколько английских выражений, которые в контексте нигерийского английского выполняют какую-то дополнительную функцию или же являются калькой с одного из коренных языков. Например, *sortu* используется для выражения сочувствия кому-то, с кем только что случилось несчастье, но в то же время является пожеланием по типу «будь здоров» тому, кто чихнул. Фраза *thanks for yesterday* является калькой с приветствия на йоруба *Esé àná*, которое употребляется в отношении человека, сделавшего вам что-то приятное в предыдущий день. Или же фраза *well done*, которая используется для приветствия кого-то, кто занимается чем-то общественно важным, и является английским эквивалентом сразу нескольких выражений на разных нигерийских языках: *sannu da aiki* на хауса, *ekuisse* на йоруба и *daaluolu* на игбо.

Творческая нативизация проявляется в использовании выражений, придуманных для отражения нигерийского образа жизни и мировоззрения. Например, *area boys* (йоруба *agbèrò*) – фраза, используемая для обозначения уличных банд, состоящих преимущественно из детей и подростков мужского пола и осуществляющих свою криминальную деятельность в таких крупных городах, как, например, Лагос. Составное *four-one-nine* обозначает определенный вид мошеннических схем, при которых злоумышленник притворяется представителем властей и обещает жертве крупную денежную компенсацию в обмен на уплату выдуманной пошлины. Оно также может употребляться в отношении самого мошенника, проворачивающего подобные схемы. Фраза *money-doubler* также относится к сфере мошенничества и обозначает человека, который обманывает людей, обещая им, что может каким-то образом умножить их денежные вложения. Еще одним показательным примером является *second burial*, относящееся к области традиционных ритуальных практик, – здесь подразумевается повторная и более торжественная церемония захоронения усопшего, проходящая спустя месяц, несколько месяцев или даже год после смерти человека,

длящаяся вплоть до нескольких недель и объединяющая в себе жертвоприношения животных и различные творческие практики (поэтические чтения, ритуальные танцы и музыкальные выступления).

Морфосинтаксис нигерийского английского и британского английского также значительно расходятся. Ало и Местри иллюстрируют это отсутствием различий между глаголами состояния и действия. Это позволяет использовать такие фразы, как (1) и (2):

(1) I am smelling something burning;

(2) We are having something to do [Alo, Mesthrie, 2004, p. 815].

Летона Лопес предполагает, что отсутствие различия между глаголами состояния и действия может быть связано с влиянием родного языка, поскольку в нигеро-конголезских языках это различие также отсутствует [Letona López, 2017, p. 9–10]. Еще контрастирующей областью является модальность нигерийского английского. Как уже упоминалось ранее, в нигерийском обществе вежливость ценится очень высоко. При выражении вежливости модальные формы настоящего времени (*will, can*) предпочтительнее форм прошедшего времени (*would, could*), что позволяет использовать такие фразы, как *I will like to see you, sir* [Alo, Mesthrie, 2004, p. 815]. Опять же, подобная замена, скорее всего, является результатом влияния родного языка, поскольку другие географически близкие разновидности английского языка, такие как, например, ганский английский, демонстрируют такое же явление [Letona López, 2017, p. 13]. Еще одно существенное отличие – использование инфинитива. Частица *to* в сочетании с инфинитивом либо отсутствует после некоторых глаголов (например, *enable him do it*), либо вставляется в конструкции, начинающиеся с *instead of* + именная группа, вместо того чтобы использовать форму *-ing* (например, *instead of him to travel home*) [Alo, Mesthrie, 2004, p. 818–819]. Летона Лопес предполагает, что такое чрезмерное обобщение и огрубление правил использования инфинитива – распространенное явление, которое присутствует и в других ситуациях, когда английский выступает как иностранный [Letona López, 2017, p. 12].

Наконец, еще одна область, в которой наблюдаются различия, – это употребление артиклей. Нигерийский английский имеет тенденцию к тому, чтобы опускать большинство артиклей в тех контекстах, когда стандартный английский их применяет, что видно из примера (3), где $\emptyset$ обозначает опущенный артикль.

(3) $\emptyset$ Depreciating value of the naira and $\emptyset$ increase in $\emptyset$ cost of wheat in the international market have been identified [Alo, Mesthrie, 2004, p. 820].

Пример (3) показывает, что существует вариативность в употреблении артиклей, поскольку многие из них отсутствуют, но при этом сохраняются некоторые стандартные английские артикли, как во фразе *the international market*. Несмотря на то что конкретная модель употребления артиклей не выявлена, некоторые исследователи отмечают тенденцию к опущению неопределенного артикля перед сущ. ед. числа, которое функционирует как объект для часто употребляемых и полнозначительных глаголов [Jowitt, 1991, p. 114; Alo, Mesthrie, 2004, p. 820]. Эта закономерность прослеживается в таких расхожих фразах, как *make effort* и *tell lie* [Alo, Mesthrie, 2004, p. 820].

Летона Лопес предполагает, что такое непоследовательное использование артиклей способствует отсутствию дифференциации именных классов в языке [Letona López, 2017, p. 16–17]. Отсутствие дифференциации замечено в существительных множественного числа нигерийского английского – например, в словосочетании *the poors*. Это также проявляется в неисчисляемых и абстрактных существительных, которые становятся существительными исчисляемыми, что можно показать на примере *informations* и *furnitures* [Letona López, 2017, p. 17]. В целом представляется, что вопросы употребления артиклей и дифференциации именных классов требуют дальнейшего изучения; это связано с тем, что не было создано универсальной последовательной модели употребления артиклей, а отсутствие дифференциации именных классов приводит к чрезмерной плюрализации.

Существенное различие между стандартным и нигерийским английским кроется в особенностях просодии. Стандартный английский – это изохронический язык, основанный на ударе, в то время как нигерийский английский не поддается четкой классификации. Сравнивая нигерийский английский с тремя западноафриканскими тональными языками, Гут и Мильде выявили, что высота тона слогов в нигерийском английском определяется грамматически. Это видно по тому, что артикли, предлоги и союзы всегда произносятся с низким или средним тоном, в то время как глаголы, прилагательные и существительные произносятся с высоким тоном [Gut, Milde, 2002, p. 3]. Последовательное употребление ударения существует в многосложных словах с первичным ударением на первом слоге, что может быть показано на примере слов *walking*, *nothing* и *tiger*, в которых все слоги имеют высокий тон. Более того, слова с первичным ударением на втором или последующих слогах, такие как *continued* и *began*, также демонстрируют

последовательную модель: высокий тон начинается с первого ударного слога и идет дальше [Gut, Milde, 2002, p. 3]. Это позволяет предположить, что просодия нигерийского английского ближе к просодии западноафриканских тональных языков, а не стандартного английского, поскольку тона связаны с грамматическими функциями [Gut, Milde, 2002, p. 4].

В целом стандартный английский и нигерийский английский представляют собой два варианта английского языка, различающихся по многим ключевым аспектам. Эти различия являются результатом влияния субстрата родного языка (в особенности отмечают влияние языка йоруба) и влияния нигерийской культуры [Letona López, 2017, p. 25–26]. Многие исследователи поддерживают существование нигерийского английского и отмечают, что он был успешно адаптирован для удовлетворения потребностей носителей коренных языков Нигерии. Однако против этого мнения выступает Адамо, который считает, что, несмотря на обширную нативизацию английского, необходим подлинно национальный язык, который должным образом репрезентировал бы нигерийскую культуру и стал бы гордостью народа [Adamo, 2007, p. 46]. Мнение о том, что нигерийский английский никогда не сможет стать подходящим национальным языком, не так популярно, поскольку нигерийский английский продолжает дистанцироваться от британского английского. При условии дальнейшего развития нигерийский английский может стать наиболее подходящим языком для такой этнически и лингвистически разнообразной страны, как Нигерия. И все же трудно обойти стороной нигерийский пиджин, который нередко называют идеальным кандидатом на роль национального языка, поскольку он уже выступает в качестве общенационального лингва франка.

Отличие нигерийского английского от нигерийского пиджина

Одним из наиболее спорных вопросов при изучении нигерийского английского является выявление различий между ним и так называемым нигерийским пиджином. Большинству нигерийцев-неспециалистов трудно их разграничить, поскольку эти языки находятся в диглоссических отношениях и находятся под влиянием одних и тех же субстратных нигеро-конголезских языков [Todd, 1995, p. 37]. Сравнение нигерийского английского и нигерийского

пиджина, проведенное Агбо и Плагом, показало, что эти разновидности участвуют в конгруэнтной лексикализации [Agbo, Plag, 2020]. Это означает, что благодаря грамматическому сходству двух разновидностей лексические единицы оказываются взаимозаменяемыми. Показательным примером лексической взаимозаменяемости в этом случае является включение связок из нигерийского пиджина (выделены курсивом) в предложение, где преобладает нигерийский английский [Agbo, Plag, 2020, p. 359], как во фразе (4).

(4) *Na some Africans dey control the place.*

Связки *na* и *dey* здесь становятся соответствующими заменами конструкции *there are* и наречия места в конструкции *there that*. В стандартном английском это предложение звучало бы следующим образом: *There are some Africans there that control the place.*

Так создается связь между двумя языковыми вариантами, что позволяет использовать лексические единицы из нигерийского пиджина в нигерийском английском в соответствующих контекстах. Нигерийский пиджин чаще всего используется в неформальном контексте, в то время как нигерийский английский используется в ситуациях более формальной коммуникации [Agbo, Plag, 2020, p. 355].

Однако наиболее существенное различие между двумя рассматриваемыми языками заключается в их доступности для понимания по сравнению со стандартным английским. Это видно из сравнения следующих фраз из нигерийского английского (5) и нигерийского пиджина (6).

(5) *I met the teacher our new* [Bokamba, 1992, p. 133].

Происходит изменение порядка слов во фразе: *I met our new teacher.*

(6) *A sabi yu bifo yu kom wok for Pitakwa* [Faraclas, 2004].

Это же предложение на нигерийском английском (происходит утрата локатива *for*, отсутствует частица *to* после глагола, а сам глагол употреблен не в форме прошедшего времени): *I know you before you come work Port Harcourt.*

Это же предложение на стандартном английском: *I knew you before you came to work in Port Harcourt.*

Приведенные примеры показывают, что эти языки действительно разные. При этом нигерийский английский легко сопоставим со стандартным английским, поэтому может считаться вариантом английского, в то время как нигерийский пиджин едва ли будет понятен человеку, который не является его носителем, поэтому

можно утверждать, что он не является вариантом английского [Ndolo, 1989, p. 682].

И нигерийский пиджин, и нигерийский английский имеют стандартный английский в качестве языка-субстрата и поэтому оба перенимают большой объем его лексики. При этом нигерийский пиджин испытывает более явное влияние языков-субстратов нигеро-конголезской группы [Letona López, 2017, p. 8]. Поэтому нигерийский пиджин использует более широкий спектр лингвистических средств для создания новой лексики. К таким приемам относятся: редупликация (*tu-tu* – «слишком много») [Faraclas, 1996, p. 118], словосложение (*longthroat* – «обжора»), сокращение слов (*gree* – «соглашаться»), аббревиатуры (*OYO* – «сам по себе») и метафорическое расширение (*pancake* – «косметика») [Ifechelobi, Ifechelobi, 2015, p. 211–212]. Нигерийский английский гораздо менее модифицирован и имеет больше общего со стандартным английским, чем с нигерийским пиджином. Это видно по множеству слов нигерийского английского, которые сохранили свои стандартные английские формы, например *mother* и *sister*, в то время как их аналоги из нигерийского пиджина сильно отличаются, например *màma* / *moda* («мать») и *sista* («сестра») [Faraclas, 1996, p. 277–278].

Еще одно различие – статус, поскольку, как было отмечено выше, нигерийский английский имеет больший престиж, чем нигерийский пиджин. Нигерийский английский используется в сфере образования, СМИ и государственного управления [Agbo, Plag, 2020, p. 352]. Нигерийский пиджин, несмотря на то что он выступает в качестве неофициального языка общения, имеет более низкий статус, что видно из ранних оценок и опросов, которые показывали, что для большинства респондентов нигерийский пиджин ассоциируется с плохим образованием и низким социальным статусом. В последнее время нигерийский пиджин получил большее признание со стороны такого ученого, как Балогун, который подчеркивает роль нигерийского пиджина в таких областях, как радиовещание, бизнес и сфера развлечений [Balogun, 2013, p. 95]. Но если взглянуть на ситуацию в целом, станет очевидным, что нигерийский пиджин все еще не получил официального признания, тогда как нигерийский английский только укрепляет свои позиции и набирает популярность в более влиятельных кругах нигерийского общества [Balogun, 2013, p. 96].

Нигерийский пиджин также не имеет приемлемой орфографической традиции по сравнению с нигерийским английским.

Орфография нигерийского английского языка определена и в целом последовательна, даже если орфографическая система запутанна и трудна для понимания и освоения для большинства нигерийцев [Ekundayo, 2014]. И наоборот, нигерийский пиджин не имеет традиционной и стандартизированной орфографической модели, что видно из примеров (7), (8) и (9).

(7) *I dey come.*

Эта же фраза в стандартном английском: *I am coming.*

(8) *He dey come.*

Эта же фраза в стандартном английском: *He is coming.*

(9) *We dey come* [Balogun, 2013, p. 96].

Эта же фраза в стандартном английском: *We are coming.*

Эти примеры показывают, что на письме в нигерийском пиджине грамматическая категория времени выражается без использования вспомогательного глагола и без согласования. В нигерийском пиджине также отсутствуют гендерные различия: *im* или *e* (обрезанная форма местоимений *him* и *he*) используются для обозначения обоих полов [Balogun, 2013, p. 96]. Кроме того, несмотря на предложения по реформированию орфографии нигерийского пиджина, в нем по-прежнему существуют несоответствия в написании и редуцированные фразы, такие как *koro-koro* («хорошая видимость»). По мнению Балогун, все это способствует формированию мнения о том, что нигерийский пиджин является менее качественным языком по сравнению с нигерийским английским [Balogun, 2013, p. 96].

В целом нигерийский английский и нигерийский пиджин, несмотря на некоторые сходства, выполняют совершенно разные функции и выступают как два разных языка. Нигерийский английский – это более формальный, последовательный вариант английского, на котором говорят немногие и который продолжает распространяться благодаря высшим учебным заведениям; нигерийский пиджин – неформальный, непоследовательный и широко распространен как язык межличностного общения в «глубинке». Заглядывая в будущее, многие исследователи отмечают, что популярность и простота нигерийского пиджина могут привести к тому, что он станет все более популярным и, возможно, войдет в академическую среду и превратится в объединяющий национальный язык [Balogun, 2013, p. 97].

Классификации нигерийского английского

Было предпринято множество различных попыток вывести стандарт нигерийского английского и классифицировать его по разным признакам. Одна из ранних попыток была предпринята Броснаханом в 1958 г. В своей статье, посвященной английскому языку в южных регионах Нигерии, Броснахан классифицирует стандартный нигерийский английский по четырем различным уровням, каждый из которых соответствует определенному уровню образования носителей и в разной степени сближается со стандартным английским [Brosnahan, 1958, p. 99–101].

Уровни нигерийского английского по Броснахану

Уровень 1. Пиджин, которым пользуются люди, не получившие формального образования.

Уровень 2. Нигерийский английский, носители которого получили первичное школьное образование. Это наиболее многочисленная группа.

Уровень 3. Нигерийский английский, носители которого получили среднее образование. Носителей отличают повышенная беглость речи, расширенный словарный запас и сознательный отказ от использования языка первого уровня, т.е. пиджина.

Уровень 4. На этом уровне нигерийский английский оказывается близок к стандартному английскому, но сохраняет некоторые характерные черты уровней 2 и 3. На нем говорят люди, получившие университетское образование.

В целом, хотя уровень образования и кажется значимым фактором, влияющим на то, кто говорит на нигерийском английском, классификация Броснахана не учитывает уникальность нигерийского английского и нигерийского пиджина. Нигерийский английский не обязательно напрямую сравнивать со стандартным английским, поскольку это обособленные варианты английского языка, для каждого из которых свойственны свои нормы. Более того, нигерийский пиджин – это отдельный язык, на котором, как уже отмечалось выше, начинают говорить не только необразованные люди [Brosnahan, 1958, p. 98–100].

Следующую попытку классифицировать нигерийский английский предпринял Банджо [Banjo, 1971]. В этой классификации также выделяются четыре отдельных подвида нигерийского анг-

лийского, причем каждый из этих подвидов характеризуется определенным уровнем социальной допустимости и понятности для людей, не являющихся носителями [Окого, 2017, р. 31].

Классификация подвидов нигерийского английского по Банджо

Подвид 1. Характеризуется массовым переносом фонологических, синтаксических и лексических особенностей языков ква и прочих языков нигеро-конголезской семьи в английский. На нем говорят люди с несовершенным знанием английского. Не является социально приемлемым в Нигерии и непонятен для людей, не являющихся носителями.

Подвид 2. Синтаксис близок к синтаксису стандартного британского английского, но имеет ярко выраженные фонологические и лексические особенности. На нем говорят до 75% людей в стране, владеющих английским языком. Социально приемлемый, но все еще слабо понятен для людей, не являющихся носителями.

Подвид 3. Близок к стандартному британскому английскому как по синтаксису, так и по семантике. Фонологически они также схожи, но различаются по фонетическим, а также некоторым лексическим признакам. Социально приемлемый и понятный для носителей. На нем говорят менее 10% населения.

Подвид 4. Идентичен стандартному британскому английскому по синтаксису, семантике, демонстрирует идентичные фонологические и фонетические особенности британского регионального варианта английского языка. Максимально понятный для неносителей, но социально неприемлемый. На нем говорит лишь небольшое количество потомственных нигерийцев, родившихся или выросших в Англии.

Банджо называет подвид 3 стандартным нигерийским английским, а подвиды 1 и 2 – нестандартным. Эта классификация более привлекательна, чем модель Броснахана, поскольку она определяет, что сверхзадача стандартного нигерийского английского не в том, чтобы стать стандартным английским, а в том, чтобы быть английским, отвечающим языковым и культурным потребностям Нигерии. Банджо отмечает, что подвид 4, максимально приближенный к стандартному английскому, не может стать социально приемлемым в нигерийском контексте, так как стандартный нигерийский английский должен отличаться от стандартного анг-

лийского в некоторых областях. Таким образом, подвид 3 становится наиболее подходящим выбором для определения стандартного нигерийского английского.

Более поздней классификацией является классификация Удофота, который фокусируется на разговорном нигерийском английском и разделяет его на три подвиды [Udofot, 2004, p. 109].

Классификация подвидов нигерийского английского по Удофоту

Подвид 1 (нестандартный). Носителями являются выпускники начальной и средней школы, первокурсники университетов, некоторые студенты вторых курсов, обладатели дипломов государственного образца и национальных сертификатов об образовании, учителя начальной школы. Особенности речи: фонематические ошибки; смешение некоторых звуков; часто повторяющиеся неуместные паузы; тенденция ставить ударение почти на каждом слове; преобладание нисходящего тона.

Подвид 2 (стандартный). Носителями являются студенты третьих и последних курсов, выпускники университетов, преподаватели университетов и колледжей, прочие специалисты, учителя английского языка в средней школе, а также обладатели государственных дипломов о высшем образовании. Особенности речи: проводятся некоторые значимые фонематические различия; используются аппроксимации для объяснения незнакомых понятий; относительно беглая речь; много выделяющихся слогов; преобладание однонаправленных тонов (восходящего и нисходящего).

Подвид 3 (продвинутый). Носителями являются преподаватели английского языка и лингвистики, выпускники факультетов английского языка и гуманитарных наук, а также те нигерийцы, которые жили в местах, где английский был государственным языком. Особенности речи: проводятся все фонематические различия; беглая речь; несколько дополнительных выделяющихся слогов; гибкое использование интонации.

Уровень образования также является одним из определяющих факторов классификации, причем Удофот считает, что второй подвид представляет собой стандартный нигерийский английский. В некоторых случаях классификация Удофота применима, поскольку она признает, что носители стандартного нигерийского английского испытывают трудности со многими нюансами стан-

дартного английского. Однако эта модель не учитывает влияние родных языков. Эти родные языки сильно влияют на фонологию разговорного нигерийского английского, поэтому должны быть учтены в данной модели [Окого, 2017, р. 33].

Если классификация нигерийского английского в принципе возможна, то из всех представленных классификаций модель Банджо кажется наиболее подходящей в качестве универсальной. В отличие от модели Броснахана, эта модель уделяет больше внимания различиям, существующим между нигерийским английским и стандартным английским, и тому, как многочисленные языки Нигерии влияют на нативизированный английский. Кроме того, Банджо использует более подходящие критерии, такие как понятность для неносителей и социальная приемлемость, и рассматривает более широкий спектр характеристик – такие как семантика, синтаксис и лексика, – что становится главным отличием его классификации от классификации Удофота, который проводит свое разграничение исключительно на основании принадлежности человека к той или иной группе в академической иерархии. Общий критерий образования, широко используемый Броснаханом и Удофотом, требует уточнения, поскольку более высокий уровень образования не всегда гарантирует, что человек будет говорить на более стандартизированном нигерийском английском. Однако представляется, что все эти модели не учитывают должным образом важность региональных различий, поскольку контрастное влияние региональных разновидностей, таких как английский язык игбо и хауса, существенно усложняет задачу выделения однородного стандартного нигерийского английского [Окого, 2017, р. 33].

Заключение

В целом можно сказать, что нигерийский английский – это самобытный и уникальный вариант английского языка, с годами успешно встроившийся в концепцию *World Englishes*. Нигерийский английский, хотя он по-прежнему понятен носителям стандартного английского, имеет множество лексических, морфологических, синтаксических и фонетических отличий, которые делают его уникально нигерийским. Кроме того, нигерийский английский и нигерийский пиджин, хотя и имеют общую лексику, фактически являются двумя разными языками, выполняющими разные общественные функции. Наконец, классификация нигерийского

английского – сложный вопрос, который ускользнул от внимания многих ученых, так как на данный момент не имеет конкретного решения из-за чрезвычайного языкового разнообразия Нигерии. Пройдя через процесс нативизации, английский хоть и остался доминирующим по количеству носителей языком, но подвергся ощутимому влиянию со стороны таких коренных языков Нигерии, как хауса, йоруба, игбо и т.д. Конечно, отказаться от доминантного языка в пользу какого-то одного коренного сегодня просто не представляется возможным, но сам факт того, что английский в Нигерии оказался настолько восприимчив к особенностям коренных языков, позволяет делать относительно оптимистичные прогнозы. Мы видим, что на школьном уровне и на уровне высшего образования появляется все больше инициатив по сохранению коренных культур, и нигерийский вариант английского языка становится эффективным вспомогательным средством в реализации этой задачи.

Список литературы

- Adamo G.* Nigerian English // *English Today*. – 2007. – Vol. 23, N 1. – P. 42–47.
- Agbo O.F., Plag I.* The Relationship of Nigerian English and Nigerian Pidgin in Nigeria: Evidence from Copula Constructions in Ido-Nigeria // *Journal of Language Contact*. – 2020. – Vol. 13, N 2. – P. 351–388.
- Alo M.A., Mesthrie R.* Nigerian English: morphology and syntax / B. Kortmann & E. Schneider (eds.) // *A Handbook of Varieties of English*. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. – P. 813–827.
- Balogun T.A.* In Defense of Nigerian Pidgin // *Journal of Language and Culture*. – 2013. – Vol. 4, N 5. – P. 90–98.
- Banjo A.* Towards a definition of Standard Spoken Nigerian English // *Actes du 8 e Congres de la Société Linguistique de l’Afrique Occidentale*. – 1971. – P. 24–28.
- Bokamba E.G.* The Africanization of English / Kachru B.B. (ed.) // *The other tongue: English across cultures*. – Urbana: University of Illinois Press, 1992. – P. 125–147.
- Brosnahan L.F.* English in Southern Nigeria // *English Studies*. – 1958. – Vol. 39, N 3. – P. 97–110.
- Crystal D.* English as a Global Language. – 2nd edition. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 229 p.
- Ekundayo S.B.* O. Suggested Spelling Reform in Educated Nigerian English (ENE) // *SAGE Open*. – 2014. – Vol. 4, N 2. – P. 1–14.
- Falola T., Heaton M.* A History of Nigeria. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 368 p.
- Faraclas N.* Nigerian English: morphology and syntax / B. Kortmann & E. Schneider (eds.) // *A Handbook of Varieties of English*. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. – P. 2020–2045.
- Faraclas N.* Nigerian Pidgin. – London: Routledge, 1996. – 314 p.

- Gut U.B., Milde J.* The Prosody of Nigerian English // Proceedings of the International Conference on Speech Prosody. – 2002. – P. 1–4.
- Gut U.B.* Nigerian English: phonology / B. Kortmann & E. Schneider (eds.) // A Handbook of Varieties of English. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. – P. 68–97.
- Ifechelobi J.N., Ifechelobi C.U.* Beyond Barriers: The Changing Status of Nigerian Pidgin // International Journal. – 2015. – Vol. 3, N 1. – P. 208–216.
- Jowitt D.* Nigerian Usage: an Introduction. – Lagos: Longman, 1991. – 277 p.
- Letona López A.* English as a Contact Language: Nigerian English as a case study. – Leioa: University of the Basque Country, 2017. – 29 p.
- Ndolo I.* The Case for Promoting the Nigerian Pidgin Language // The Journal of Modern African Studies. – 1989. – Vol. 27, N 4. – P. 679–684.
- World Population Review. What Languages do People Speak in Nigeria? – 2024. – URL: <https://worldpopulationreview.com/countries/nigeria/language> (date of access: 01.03.2024).
- Noss P.A.* Review: Nigerian Pidgin by Nicholas G. Faraclas // Anthropological Linguistics. – 1998. – Vol. 40, N 3. – P. 503–505.
- Okoro O.N.* Nigerian English Usage and the Tyranny of Faulty Analogy III: Pronunciation // California Linguistic Notes. – 2017. – Vol. 41, N 1. – P. 26–62.
- Todd L.* Tracking the homing pidgin: A millennium report // English Today. – 1995. – Vol. 11. – P. 33–41.
- Udofot I.M.* Varieties of spoken Nigerian English / S. Awonusi & E.A. Babalola (eds.) // The Domestication of English in Nigeria. A festschrift in honour of Abiodun Adetugbo. – Lagos: University of Lagos Press, 2004. – P. 93–113.
- Bokamba E.* The Africanization of English / B.B. Kachru (ed.) // The Other Tongue: English across Cultures. – Urbana, Illinois: University of Illinois Press, 1992. – P. 77–98.
- Igboanusi H.* Lexico-semantic innovation processes in Nigerian English // Research in African Languages and Linguistics (RALL). – 1998. – Vol. 4, N 2. – P. 87–102.
- Schmied J.J.* English in Africa: An Introduction. – London: Longman, 1991. – 264 p.

Шахназарян В.М.¹

1.15. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУБДИАЛЕКТНОГО ЧЛЕНЕНИЯ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА В МЕКСИКЕ (ШТАТ КИНТАНА-РОО)

Аннотация. Глава посвящена разработке проблемы разграничения субдиалектных зон внутри мексиканского территориального диалекта испанского языка штата Кинтана-Роо. Автором была проведена экспериментальная работа по выявлению национально-культурных особенностей испанского языка указанного штата Мексики на фонетическом уровне. Эмпирическую базу составили результаты проведенного полевого исследования в регионе. В результате влияния на испанский язык мексиканского штата Кинтана-Роо ряда экстралингвистических фактов, с одной стороны, а также ситуации длительного лингвистического контакта с автохтонным языком полуострова Юкатан – майя – с другой, внутри единой диалектной зоны на фонетическом уровне выделяются три субдиалектные зоны: центральная, южная и прибрежная, каждая из которых обладает своим набором национально-культурных характеристик.

В зарубежной романистике изучение региональных разновидностей испанского языка в большей мере сконцентрировано на описании фонетического и лексического многообразия испанского языка в рамках национального варианта. Академик Г.В. Степанов полагал, что «исторически сложившийся комплекс фонетических признаков, характерных для ибероамериканского испанского языка (учитывая все национальные варианты), основан на закономерных языковых изменениях, свойственных испанскому языку, но расшатанных в той или иной степени различными процессами» [Степанов, 1976, с. 154]. Иными словами, причинами столь обширной фонетической вариативности служат как экстралингвистические факторы, влияющие на развитие и становление языка

¹ Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия; vlad_shakhov@mail.ru

определенной общности, так и собственно лингвистические, например эволюционный.

Диалектология, как отрасль лингвистической науки, не располагает собственными и уникальными методами сбора и обработки информации. Сравнительный метод, который часто применяется в социолингвистических исследованиях, не относится к собственно фонетическим методам, но является неотъемлемой частью данной работы и призван описать территориальные и социальные варианты языка в сопоставлении с литературной нормой.

Известный мексиканский ученый Р. Перес Агилар акцентировал внимание на том, что региональная разновидность не может изучаться вне рамок общей диалектологии и истории испанского языка. Следовательно, диалектологическое исследование тяготеет к географическому, социальному и историческому сравнению с другими разновидностями испанского языка вообще и мексиканского в частности [Pérez Aguilar, 2002, с. 24].

Фонологическая система языка майя оказала наибольшее влияние на испанский язык именно в данной части штата. Так, в 1987 г. Х.М. Лопе Бланч в своей работе «Estudios sobre el español de Yucatan» подчеркивал, что фонетическая система испанского языка Юкатана подверглась интенсивному влиянию фонетики майя [Lope Blanch, 1987, с. 33].

Вследствие высокой внутренней миграции населения и неоднородности распределения миграционных потоков, на территории штата происходит неоднородная диффузия разных территориальных диалектов Мексики и национальных вариантов соседних испаноговорящих стран. На основе проведенного нами лингвистического анализа мы пришли к выводу, что внутри мексиканского территориального диалекта испанского языка штата Кинтана-Роо можно выделить три-субдиалектные зоны: *южную, центральную и прибрежную*, обладающие набором специфических фонетических характеристик.

Выделение субдиалектных зон связано с определенными географическими особенностями региона, социальными и этническими группами, проживающими на его территории. Субдиалекты мексиканского территориального диалекта испанского языка отражают разные локальные фонетические особенности и влияние других культур внутри единой диалектной зоны.

В основе выделения нами трех субдиалектных зон на фонетическом уровне лежали следующие принципы: исторический, социолингвистический, географический и лингвистический.

Представим в виде рисунка субдиалектное членение мексиканского территориального диалекта испанского языка штата Кинтана-Роо (см. рис. 1).

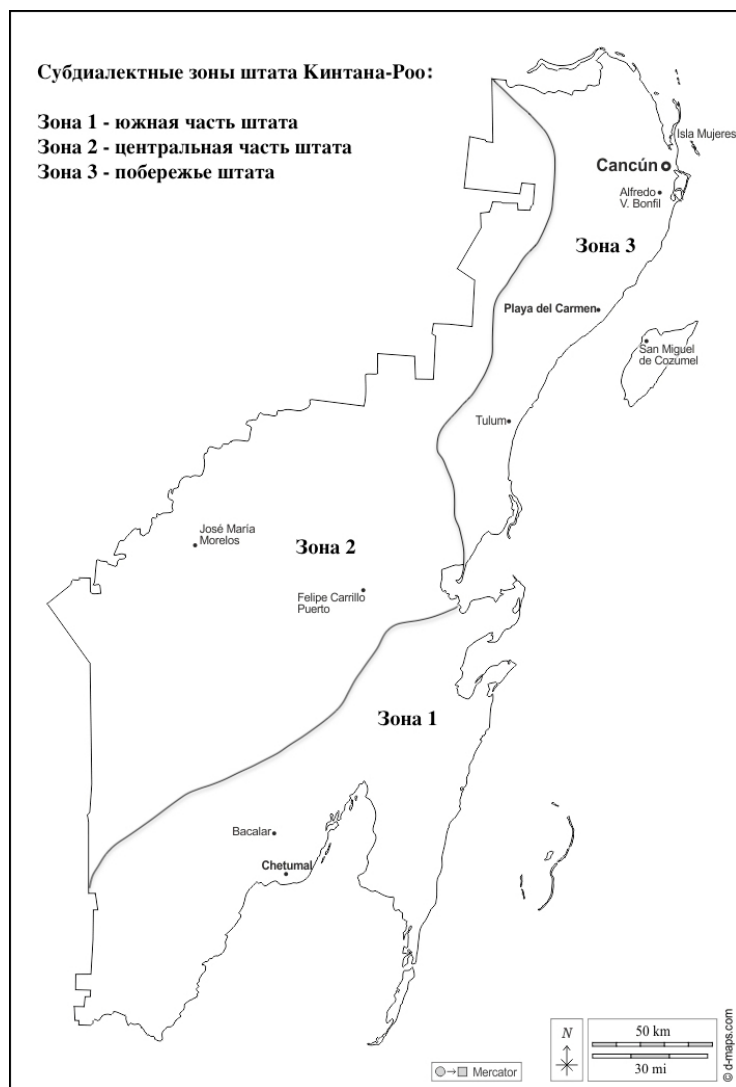

Рис. 1.
Субдиалектное членение мексиканского территориального диалекта испанского языка штата Кинтана-Роо

Эмпирическую базу настоящей работы составили результаты полевых исследований, проведенных нами в ходе научной стажировки в 2020 г. в Университете Кинтана-Роо в учебных корпусах г. Четумаль, Плайя дель Кармен, Канкун и о. Косумель. Опрос информантов мы также проводили в следующих городах штата: Фелипе Карильо Пуэрто, Хосе Морелос Мария, Бакалар, Кальдеритас, Тулум, Акумаль, Пуэрто-Морелос. Таким образом, географический охват региона для проведения полевых исследований составил 11 наиболее крупных населенных пунктов штата Кинтана-Роо.

Информантами ($n = 200$ чел.) выступили коренные жители штата Кинтана-Роо и лица, проживающие на его территории не менее 10 лет, представители четырех возрастных групп:

- группа 1: 22–30 лет (25 мужчин и 25 женщин);
- группа 2: 31–40 лет (25 мужчин и 25 женщин);
- группа 3: 41–50 лет (25 мужчин и 25 женщин);
- группа 4: 50–65 лет (25 мужчин и 25 женщин).

Одним из главных критериев отбора информантов был уровень образования – не ниже высшего, включая студентов последних курсов бакалавриата лингвистических специальностей, магистрантов, докторантов, профессорско-преподавательский и административный персонал университета Кинтана-Роо, менеджеров отелей, врачей и т.д.

В рамках фонетического эксперимента информантам было предложено прочитать вслух фрагмент текста. Образцы речи были записаны на диктофон. На этапе обработки экспериментального материала в фонетической лаборатории Университета Кинтана-Роо записи были расшифрованы и сегментированы при помощи специальной аппаратуры, также определены характеристики звуков: частота, длительность и амплитуда.

Национально-культурные особенности фонетических единиц, присущие всей территории штата Кинтана-Роо

Подчеркнем, что испанскому языку данной области Мексики присущи общие черты, которые обнаруживаются во всех муниципалитетах штата Кинтана-Роо.

В мексиканском территориальном диалекте испанского языка штата Кинтана-Роо, так же как и в остальных национальных вариантах испанского языка, отмечается сохранение артикуляции

онных и акустических характеристик всех гласных фонем: /i/, /e/, /a/, /o/, /u/.

Система консонантизма

В отличие от пиренейского стандарта, где предусмотрено звучание [ks] (а мексиканская орфоэпическая норма, наряду с этим, предполагает щелевой [s] и фрикативный [h] в зависимости от положения в слове и происхождения), в испанском языке штата Кинтана-Роо /x/ фонемы передается в речи аффрикатой [sh']: *mulix* [mulish'] 'кудрявый', хух [sh'úsh'] 'улей', *Xcaret* [Sh'karét] 'Шкарет' (название города).

Фонема /h/ здесь (в отличие от мексиканской и пиренейской норм) вместо [ø] произносится как [h]. Данное явление прослеживается у 100% информантов в словах-топонимах, «восходящих» к языку майя: *Holbox* [Holbósh'] 'Холбош', *Xel-Há* [Sh'elhá] 'Шельха'. Нужно отметить, что 60% информантов, из которых 70% – женщины и 30% – мужчины, по аналогии с топонимами, «переносят» данную особенность произношения на общеиспанскую унаследованную лексику. В связи с этим обратимся к некоторым примерам (см. табл. 1).

Таблица 1

Произношение фонемы /h/ в мексиканском территориальном диалекте испанского языка штата Кинтана-Роо

Лексическая единица	Мексиканский территориальный диалект испанского языка штата Кинтана-Роо	Пиренейский и мексиканский стандарты
albahaca 'базилик'	[albaháka]	[albaáka]
almohada 'подушка'	[almoháda]	[almoáda]
zanahoria 'морковь'	[sanahórja]	[sanaórja] – Мексика; [θanaórja] – Испания

Изучению фонетических особенностей испанского языка полуострова Юкатан посвящены работы мексиканских лингвистов А. Барреры Баскеса (1937), П. Энрикеса Уреньи (1938), М. Альвара Лопеса (1969), П. Кассано (1977), Х. Гарсии Фахардо (1984), Х.М. Лопе Бланча (1991), Ф. Морено Фернандеса (1990), Х. Пеньи Аресе (2016), К. Матос (2018), Р. Переса Агилара (2011) и др.

Во всех этих работах среди тем, связанных с прочими национально-культурными особенностями функционирования фонетических единиц, поднимается тема вариации назальной палатальной фонемы /ɲ/ на территории региона.

Х. Мойя Корраль, Э.Х. Гарсия Вайдеман (1995) и Х. Пенья Аресе (2016) склонны полагать, что ее высокая вариативность – общая тенденция в романских языках из-за утраты палатального латерального звука и долгих языковых контактов. Некоторые ее варианты, например диспалатализация фонемы /ɲ/ в [nj], распространены не только на всей территории штата Кинтана-Роо, но и на всем полуострове Юкатан (реже – в штате Кампече), и являясь яркой отличительной особенностью живой разговорной речи.

Мексиканский лингвист Х.М. Лопе Бланч писал, что феномен диспалатализации носового звука встречается и в других испаноговорящих странах, однако распространен не в такой степени. По его наблюдениям, на территории всего полуострова Юкатан фонема /ɲ/ имеет несколько вариантов произнесения:

- 1) [nj] *año* [ánjo] ‘zod’, *mañana* [manjána] ‘ymo’;
- 2) [nj] *año* [ájno] ‘zod’, *mañana* [majána] ‘ymo’;
- 3) [nʲ] *año* [ánʲo] ‘zod’, *mañana* [manʲána] ‘ymo’.

Далее им же представлено важное уточнение: диспалатализация чаще всего происходит перед гласной фонемой /i/: «...ante, de vocal /i/ la despalatalización de la nasal es más nítida y frecuente»¹ [Lope Blanch, 1991, с. 191].

Другой мексиканский исследователь Х. Гарсия Фахардо в своей работе, посвященной изучению особенностей испанского языка в городе Вальядолид, штат Юкатан, пришел к выводу, что фонема /ɲ/ имеет два варианта, отличающихся от общепринятого стандарта: диспалатализованный [nj] и альвеопалатальную артикуляцию [nʲ]. Оба варианта данной фонемы были обнаружены во всех группах информантов, разделенных по возрасту, полу и уровню образования. Превалирующим вариантом оказался диспалатализованный [nj]².

Проблеме вариативности языковых единиц (ЯЕ) в испанском языке на территории мексиканского города Мерида посвящено исследование Л. Росадо Робледо (2012), в котором были проанализированы 989 различных ЯЕ, полученных в рамках полевых иссле-

¹ «...перед гласной /i/ депалатализация носовой части более четкая и частая» (Пер. наш. – В. Ш.).

² Подробнее см.: [GarcíaFajardo, 1984, с. 56].

дований на территории штата Юкатан. Полученные результаты свидетельствовали о том, что в 73% случаев фонема /ɲ/ реализуется так, как предписывает стандарт [ɲ], а в остальных 27% – как [ɲj] и [ɲɟ]. В связи с этим интерес представляет следующий вывод: испаноязычные монолингвы «произвели» больше нестандартных вариантов назальной палатальной фонемы /ɲ/, чем билингвы (мая – испанский) [Rosado Robledo, 2012, с. 46].

Наши наблюдения показывают, что на территории штата Кинтана-Роо функционируют три варианта фонемы /ɲ/ (см. рис. 2).

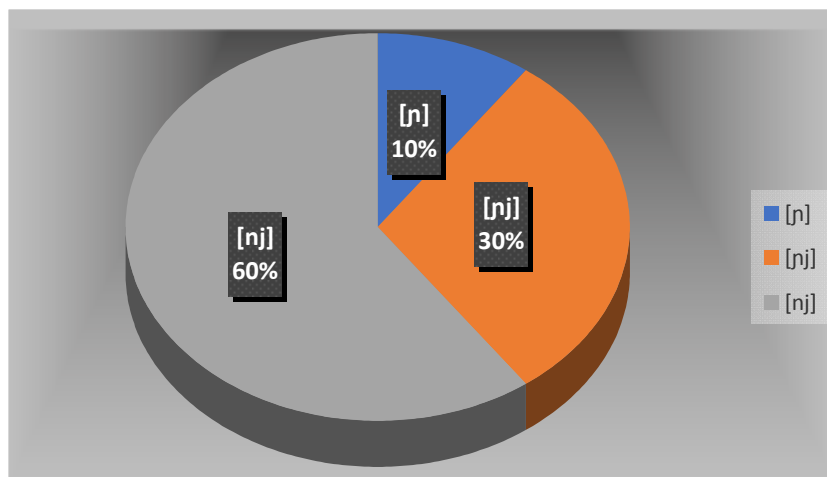

Рис. 2.
Реализация вариантов фонемы /ɲ/ в %

Как видно из данного рисунка, реже всего встречается артикуляция, «предписанная» стандартом (альвеопалатальный [ɲ]), – 10% (встречается у ассимилированного населения штата, не владеющего майя); сохраненный палатальный [ɲ] в сочетании с сонорным полусогласным [j] – 30%, что характерно для молодежной речи населения штата; диспалатализованный [ɲɟ] – самый распространенный вариант (60%) (употребляется в речи билингвов в возрасте от 40 до 65 лет, что можно объяснить схожей реализацией данной фонемы в языке майя).

Национально-культурные особенности фонетических единиц в южной части штата Кинтана-Роо

В работах мексиканских исследователей П. Энрикеса Уреньи (1938), А. Саморы и Х. Канельяды (1960), Р. Переса Агилара (2002) отмечено, что в южной части штата, в городах Четумаль (административная столица Кинтана-Роо), Кальдеритас, Бакалар, Шуль-Ха, Шкалак, сохраняются артикуляционные и акустические характеристики всех гласных фонем и наблюдаются редукция или выпадение согласных фонем.

Р. Перес Агилар отмечал, что говоры так называемых «нижних земель», таких как Четумаль, обычно характеризуются «сильным» вокализмом и «слабым» консонантизмом [Pérez Aguilar, 2002, с. 27].

Однако на основе полученных нами данных мы можем утверждать, что среди респондентов с высоким уровнем образования данные фонетические явления носят фрагментарный, несистематический характер, который обусловлен социальными характеристиками акта коммуникации: местом, регистром общения, темой беседы и т.д. К наиболее частотным особенностям произношения гласных фонем здесь можно отнести следующие:

1) редукцию гласных фонем /e/ и /o/ в сочетаниях «смычная глухая согласная + гласная + /s/» (как правило, во множественном числе): *permisos* [permís^os] ‘разрешения’, *presos* [prés^os] ‘заключенные’, *lentos* [lént^os] ‘медленные’, *pocos* [pók^os] ‘малочисленные’, *meses* [més^os] ‘месяцы’, *frases* [frás^os] ‘предложения’;

2) редукцию гласных фонем перед /s/ в абсолютном начале слова в безударной позиции: *oscuridad* [°scuridá^d] ‘темнота’, *estuvimos* [°stúbimos] ‘мы были, мы находились’;

3) эллипсис фонем в словах *entonces* ‘тогда’ и *nosotros* ‘мы’: [tóes], [tónses], [tóses], [tóns], [nótros], [nóstros];

4) континуацию гласной фонемы – явление окказиональное и используется при:

4.1) перечислении: *casas* [ká:sas] ‘дома’, *baños* [bá:ños] ‘ванные комнаты’, *frutas* [frú:tas] ‘фрукты’, *familias* [famí:lias] ‘семьи’;

4.2) постановке «логического ударения» на совершенном действии: *meembaracé* [membarasé:] ‘я забеременела’, *mecasé* [mekasé:] ‘я вышла замуж’;

5) зияние: *quintanarroense* [kin-ta-nar:úen-se] ‘житель Кинтана-Роо’, *ecólico* [jó-liko] ‘ветровой’, *oleo* [ó-ljo] ‘масло’, *loar* [lúar] ‘хвалить’, *croata* [crúá-ta] ‘хорватец’, *almohada* [al-múá-^da] ‘подушка’;

teatro [tját-ro] ‘театр’, *planeaba* [pla-njá-ba] ‘он планировал’, *chispear* [chis-pjár] ‘сплетничать’.

В южной части штата нами зафиксированы следующие особенности произношения согласных фонем:

1) окклюзия звонкой согласной /d/ в положении между двумя гласными или после согласной /r/: *nudo* [nú^{do}] ‘узел’, *gordo* [gó^{do}] ‘полный’, *medida* [medí^{da}] ‘мера’;

2) оглушение звонкой фонемы /d/ в финальной позиции слова: *pared* [paré^d] ‘стена’, *ciudad* [siudá^d] ‘город’, *bondad* [bondá^d] ‘доброта’;

3) ослабление согласной /g/: *agua* [á^gуа] ‘вода’, *aguardiente* [a^guardiēnte] ‘спирт из агавы’;

4) фонема /s/ имеет несколько вариантов произношения в зависимости от позиции и этимологии слова:

4.1) озвонченный [s] в положении перед носовой /n/ и перед смычной звонкой фонемой: *limosnas* [limóznas] ‘милостыня’, *noviazgo* [noβiáz^{go}] ‘помолвка’;

4.2) палатальный [š] в словах, «восходящих» к языку майя: *makex* [makéš] ‘крышка’, *Hol-box* [xolbóš] ‘Холбош – город на побережье Кинтана-Роо’;

4.3) среднеязычный [s’] перед [j]: *siempre* [s’jémpre] ‘всегда’, *profesión* [profes’iōn] ‘профессия’, *conclusión* [konklus’iōn] ‘заключение’, ‘вывод’.

Национально-культурные особенности фонетических единиц в центральной и прибрежной частях штата Кинтана-Роо

Центральная часть штата Кинтана-Роо по праву считается «консервативной зоной майя» [Blaha Pfeiler, Holfing, 1989, с. 30]. Наше исследование проводилось в наиболее крупных городах с населением от 1000 до 3000 человек: Фелипе Каррильо Пуэрто, Хосе Мария Морелос, Тампак и Тискакаль Гуардия. Малонаселенность данного ареала объясняется удалением от основного источника дохода штата – туристической зоны. Население данных городов – монолингвы майя (80%), 50% из которых не понимают испанского, 20% – образованное население – билингвы и владеющие испанским языком как вторым.

Произношение гласных фонем в указанном ареале характеризуется «сильным вокализмом» и не подвергается редукции,

отмечается континуация гласной ударной фонемы, которая не придает дополнительной коннотации высказыванию. Обратимся к примерам:

– *estuve tan sorprendida cuando lo ví* [estú:^βetánsorprendí:^βakuándolo^βi:] ‘я была так удивлена, увидев его’ [запись информантов];

– *antier secayó y se le rompió el brazo* [ant^h:jérsekajó:ysel^herompió:^hel^hbrá:so] ‘позавчера он упал и сломал руку’ [запись информантов].

Наибольшему влиянию языка майя подверглась система консонантизма. К наиболее частотным можно отнести следующие особенности произношения согласных фонем:

1) соноризацию билабиальной окклюзивной глухой фонемы /p/: *tlapalería* [tlapalería] ‘магазин, в котором продаются инструменты и запчасти для ремонта электрики, сантехники и т.д.’, *compañeros* [compañé:jos] ‘приятели’, *poder* [po^βde:] ‘власть, сила’, *política* [po^βlitika] ‘политика’;

2) соноризацию зубной окклюзивной глухой фонемы /t/ в позиции после гласной, перед сонорной согласной: *camioneta* [kam^hjo^hnéta] ‘минивен’, ‘кроссовер’; *otro* [ótro] ‘другой’; *punto* [pú^hño] ‘точка’;

3) ретрофлекс фонемы /t/: *comerciante* [come^hrsjánte] ‘коммерсант’, *persona* [pe^hrsóna] ‘персона’, *parecer* [pa^hresé:] ‘быть похожим’;

4) аспирацию велярной глухой согласной /x/: *caja* [kája] ‘ящик’, *mexicano* [me^hjikáno] ‘мексиканец’, *trabajar* [tra^βajá:] ‘работать’;

5) неразличение фонем /n/ и /m/ в финальной позиции: *Yucatán* [jukatám] ‘Юкатан’, *ladrón* [la^hró^hm] ‘вор’, *camión* [camjó^hm] ‘грузовик’;

6) эллипсис окклюзивной фонемы /g/ перед гласной /u/: *agua* [á^hɰa] ‘вода’, *aguardiente* [aɰardiénte] ‘водка’;

7) замещение фонемы /j/, «передаваемой» буквосочетанием «ll», на дифтонги [ja], [jo], [je]: *llamar* [jamá:] ‘звать, звонить’, *batalla* [batája] ‘сражение’, *cabello* [sa^βéjo] ‘волосы’. Данная особенность, как отмечено в работах мексиканских лингвистов Х.М. Лопе Бланча (1989) и Р. Переса Агилара (2002), характерна для испанского языка на территории всего полуострова Юкатан.

Прибрежная зона штата Кинтана-Роо представляет собой наиболее обширное «объединение» различных территориальных диалектов мексиканского национального варианта испанского языка и других национальных вариантов испанского языка, таких как кубинский, гондурасский, сальвадорский, гватемальский и др. По данным Национального института статистики, информатики и географии, на территории штата в указанной зоне также проживают

уроженцы США – 269 000 человек [INEGI, 2020], занимающие руководящие должности в туристической инфраструктуре. Ежегодно население штата, а именно самых развитых туристических центров в городах Тулум, Акумаль, Пуэрто-Морелос, Канкун, остров Косумель и Остров Мухерес, увеличивается на 50 000 человек.

С учетом этих данных, для чистоты эксперимента мы приняли решение проводить опрос информантов на некотором удалении от отелей и всей туристической инфраструктуры данных городов, в районах, где проживает коренное население. Однако, как показали результаты исследования, особенности фонетических единиц на территории этой зоны, как и южной части штата, также характеризуются сильным вокализмом и слабым консонантизмом, в том числе дополнительно обладают своими специфическими чертами:

1) эллипсисом звонкой фонемы /d/ в интервокальной позиции: *conservado* [konser^βáo] ‘консервированный’, *pintado* [piŋtáo] ‘раскрашенный’, *determinado* [dete^ɾmináo] ‘определенный’;

2) оглушением и переходом звонкой фонемы /d/ в конце слога и слова в глухой смычный звук [s]: *facultad* [fakultá^s] ‘факультет’, *edad* [e^{dá}s] ‘возраст’, *bondad* [bondá^s] ‘доброта’;

3) ослаблением имплозивной глухой фонемы /s/ в конце слога: *desde* [dé^zde] ‘от’, *mosca* [mó^ska] ‘муха’, *esto* [é^sto] ‘это’.

Вышеперечисленные фонетические особенности свойственны многим территориальным диалектам испанского языка, которые ранее уже были «привнесены» в данный ареал колонизаторами. Их распространение и укоренение в речи жителей региона можно объяснить увеличенным миграционным потоком на указанные территории и вытеснением коренного населения из сферы трудовой деятельности в области индустрии сервиса.

Список литературы

- Степанов Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. – Москва: Наука, 1976. – 224 с.
- Alvar López M. Nuevas notas sobre el español de Yucatán // Iberoromanía. – Madrid, 1969. – N 1. – P. 159–189.
- Barrera Vázquez A. Mayismos y voces mayas en el español de Yucatán // Investigaciones Lingüísticas. – México, 1937. – N 4. – P. 3–35.
- Cassano P. La influencia del maya en la fonología del español de Yucatán // Anuario de Letras, XV. – México, 1977. – P. 95–113.
- García Fajardo J. Fonética del español hablado en Valladolid. – México: UNAM, 1984. – 190 p.

- Henríquez Ureña P.* Datos sobre el habla popular en México // BDH, IV. – México, 1938. – P. 277–324.
- Instituto Nacional de Estadística, Geografía e Informática (INEGI). Censo de población y vivienda. – 2020. – URL: <https://www.inegi.org.mx/programas/ccpv/2020/> (дата обращения: 12.06.2023).
- Lope Blanch J.M.* Estudios sobre el español de Yucatán. – México: UNAM, 1987. – 138 p.
- Lope Blanch J.M.* Estudios sobre el español de México. – México: UNAM, 1991. – 181 p.
- Matos López K.* Variación del fonema nasal palatal /ɲ/ en español de Chetumal. – Chetumal: Universidad de Quintana Roo, 2018. – 107 p.
- Moya Corral J., García Wiedemann E.J.* El habla de Granada y sus barrios. – Granada: Universidad de Granada, 1995. – 330 p.
- Pérez Aguilar R.* El habla de Chetumal. – Chetumal: Sans Serif Editores, 2002. – 191 p.
- Pérez Aguilar R.* Léxico quintanarroense para un diccionario // Revista Escritos BUAP. – 2011. – N 1. – P. 3–33.
- Peña Arece J.* Despalatalización de ñ en el español de Yucatán // Cuadernos de Lingüística de El Colegio de México. – México, 2016. – N 4. – P. 105–129.
- Rosado Robledo L.* Estudio sociolingüístico de la Ciudad de Mérida, Yucatán. – México: UNAM, 2012. – 167 p.

МИХЕЕВА Н.Ф.¹, ШАХНАЗАРЯН В.М.²

1.16. ОСОБЕННОСТИ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В МЕКСИКАНСКОМ ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ ДИАЛЕКТЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА ШТАТА КИНТАНА-РОО

Аннотация. В настоящей главе рассматривается функционирование национально-культурных особенностей на уровне грамматики в мексиканском территориальном диалекте испанского языка штата Кинтана-Роо. Помимо общих тенденций, свойственных всем национальным вариантам испанского языка в Латинской Америке, авторами исследования на основе опроса информантов выявлены характерные черты вышеуказанного диалекта. Среди них: изменение парадигмы спряжения неправильных глаголов по модели правильных, расхождения в употреблении безударных форм личных местоимений в третьем лице единственного и множественного числа в функции прямого дополнения, особенности функционирования диминутивов и процесс упрощения системы глагольных времен и наклонений.

Основные различия национальных вариантов испанского языка и его диалектов присущи в основном фонетическому и лексическому уровням языковой системы. Однако мы обнаружили в испанском языке мексиканского штата Кинтана-Роо ряд особенностей грамматического строя, отличающих его от мексиканского и пиренейского стандартов.

Случаи изменения морфологической структуры неправильных глаголов свойственны многим территориальным диалектам испанского языка. В испанском языке штата Кинтана-Роо, по нашим подсчетам, у 56% информантов всех возрастных и гендерных групп мы также отмечаем тенденцию к изменению парадигмы

¹ Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, институт иностранных языков, Москва, Россия; mikheeva_rudn@mail.ru

² Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия; vlad_shakhov@mail.ru

спряжения неправильных и отклоняющихся глаголов в сторону модели спряжения правильных глаголов.

Наиболее частотными выступают случаи изменения парадигмы спряжения неправильных глаголов всех трех спряжений в настоящих временах: презенсе индикатива и презенсе субхунтива, а также, в меньшей степени, претерито индефинидо. Указанные случаи чаще всего связаны с исчезновением дифтонгов в личной форме глаголов. В табл. 1 мы приводим наиболее употребляемые глаголы с изменением их парадигмы спряжения.

Таблица 1

Изменение парадигмы спряжения неправильных глаголов в презенсе индикатива и презенсе субхунтива

Инфинитив глагола	Пиренейский и мексиканский стандарты	Мексиканский территориальный диалект испанского языка штата Кинтана-Роо
1	2	3
encontrar 'находить'	enc <u>u</u> entro 'я нахожу' enc <u>e</u> ntre 'чтобы я нашел'	encontro (29%) 'я нахожу' encontre 'чтобы я нашел'
forzar 'вынуждать'	fue <u>r</u> zo 'я вынуждаю' fue <u>r</u> ce 'чтобы я вынудил'	forzo (63%) 'я вынуждаю' force 'чтобы я вынудил'
sembrar 'сеять'	si <u>e</u> mbro 'я сею' si <u>e</u> mbre 'чтобы я посеял'	sembro (15%) 'я сею' sembre 'чтобы я посеял'
tostar 'поджаривать, подрумянивать'	tue <u>s</u> to 'я поджариваю' tue <u>s</u> te 'чтобы я поджарил'	to <u>s</u> to (80%) 'я поджариваю' to <u>s</u> te 'чтобы я поджарил'
tronar 'зреть, ругаться'	tru <u>e</u> no 'я ругаюсь' tru <u>e</u> ne 'чтобы я ругался'	trono (77%) 'я ругаюсь' trone 'чтобы я ругался'
cocer 'варить'	cue <u>z</u> o 'я варю' cue <u>z</u> a 'чтобы я сварил'	cozo (82%) 'я варю' coza 'чтобы я сварил'
querer 'хотеть'	qu <u>i</u> ero 'я хочу' qu <u>i</u> era 'чтобы я захотел'	quero (19%) 'я хочу' quera 'чтобы я захотел'
entender 'понимать'	enti <u>e</u> ndo 'я понимаю' enti <u>e</u> nda 'чтобы я понял'	entendo (15%) 'я понимаю' entenda 'чтобы я понял'
sentir 'чувствовать'	siento 'я чувствую' sienta 'чтобы я почувствовал'	sento (35%) 'я чувствую' senta 'чтобы я почувствовал'
mentir 'обманывать'	miento 'я обманываю' mienta 'чтобы я обманул'	mento (40%) 'я обманываю' menta 'чтобы я обманул'
morir 'умирать'	mu <u>e</u> ro 'я умираю' mu <u>e</u> ra 'чтобы я умер'	mo <u>r</u> o (15%) 'я умираю' mo <u>r</u> a 'чтобы я умер'
renegar 'отрицать'	reni <u>e</u> go 'я отрицаю' reni <u>e</u> gue 'чтобы я отрицал'	renego (25%) 'я отрицаю' renegue 'чтобы я отрицал'
quebrar 'ломать'	quie <u>b</u> ro 'я ломаю' quie <u>b</u> re 'чтобы я сломал'	quebro (60%) 'я ломаю' quebre 'чтобы я сломал'
apretar 'сжимать'	apri <u>e</u> to 'я сжимаю' apri <u>e</u> te 'чтобы я сжимал'	apreto (55%) 'я сжимаю' aprete 'чтобы я сжимал'
empedrar 'мостить'	empiedro 'я мостю' empiedre 'чтобы я мостил'	empedro (10%) 'я мостю' empedre 'чтобы я мостил'
enterrar 'хоронить'	entierro 'я хороню' entierre 'чтобы я хоронил'	enterro (40%) 'я хороню' enterre 'чтобы я хоронил'

Обратимся к примерам:

- *¿Marta, no **encontro** mi celu, lo viste?* ‘Марта, я не могу найти свой мобильный, ты его не видела?’ [запись информантов];

- *¿**Quieres** que **tosto** el pan?* ‘Хочешь, чтобы я поджарил хлеб?’ [запись информантов];

- ... *Es que me **sento** mal. Quedamos otro día, ¿ok?* ‘Дело в том, что я чувствую себя неважно. Встретимся в другой день, хорошо?’ [запись информантов].

Приведем несколько примеров изменения парадигмы спряжения неправильных глаголов по образцу правильных глаголов в претерито индефинито:

- *Ayer Juan me **dició** que no vendría a la clase* ‘Вчера Хуан мне сказал, что не приедет на занятие’ [запись информантов];

- *Ese año cuando **morió** el jefe de la empresa, me quedé parada.* ‘В тот год, когда умер шеф компании, я осталась без работы’ [запись информантов].

В ходе опосредованного наблюдения за речевым поведением жителей штата Кинтана-Роо, а также непосредственного участия в беседе (как в устной форме, так и в письменной фиксации), нами были выявлены расхождения в употреблении безударных форм личных местоимений в третьем лице единственного и множественного числа в функции прямого дополнения: lo/los, la/las в сторону изменения их рода. Рассмотрим пример:

«...Me gustaría regalarle “**El Diccionario** bilingüe ilustrado español-maya de recursos naturales” que surgió en la primera etapa; ¿dónde y cuándo **se la** (se lo) podría entregar? Claro, si es que está interesado.

Saludos cordiales,

Dra. Jennifer»

‘...Мне бы хотелось подарить Вам первое издание «Двуязычного иллюстрированного словаря природных ресурсов испанский – майя». Где и когда я могла бы Вам **его** передать? Конечно, если **Вам** это интересно.

С уважением,

Доктор Дженнифер’ [фрагмент личной переписки с профессором Университета Кинтана-Роо].

Как и в других странах Латинской Америки, данное явление широко распространено на территории всего штата, в особенности в его южной и центральной частях среди информантов-билингвов возрастной группы – 50–65 лет. Как отмечают мексиканские лингвисты Э. Эрнандес Мендес и Е. Сима Лозано (2015), вышеуказанные случаи

несогласования свойственны носителям-билингвам и определяются тенденцией к упрощению прономинальной системы испанского языка в данном ареале, вызванной ситуацией длительного контакта с языком майя [Hernández Méndez, Sima Lozano, 2015, с. 421].

Национально-культурные особенности функционирования диминутивов в мексиканском территориальном диалекте испанского языка штата Кинтана-Роо

Особое внимание романистов привлекает употребление слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Как отмечает мексиканский исследователь Х.И. Давила Гариби, данное явление распространено в испанском языке Латинской Америки, но в большей степени присуще мексиканскому, эквадорскому, боливийскому и перуанскому национальным вариантам¹. Использование диминутивных конструкций лежит в плоскости как лингвистических, так и экстралингвистических факторов, что делает его одним из самых сложных и полемичных феноменов современной романистики.

По мнению мексиканских ученых В. Суареса (1945), Х.И. Давила Гариби (1959), В. Хименеса Морено (1965), К.Р. Маргаина (1966), Х.А. Фарфана Флореса и П. Муйскена (1966), Р. Менендеса Пидалья (1973), Ф. Гонсалеса Олле (1962), занимающихся историей языка, к повсеместному использованию диминутивных конструкций на территории Мексики привела ситуация лингвистического контакта с самым распространенным автохтонным языком страны – наuatль. Основным аргументом выступает наличие оценочных морфологических маркеров в обоих языках. В связи с этим мексиканский лингвист В. Хименес Морено отмечал, что четко прослеживается параллель между употреблением испанского суффикса *-ito* как эквивалента суффикса *-tzin (-tli)* в языке наuatль, который выполняет в этом языке оценочную и диминутивную функции [Jiménez Moreno, 1965, с. 40].

Известный мексиканский историк и языковед К.Р. Маргаин считал, что влияние наuatль на испанский язык началось в период колонизации страны, когда женщины индейских племен растили и воспитывали детей завоевателей, в общении при этом переводили

¹ Подробнее см.: [Dávila Gáribi, 1959, с. 25–27].

грамматические структуры из науатль в испанский [Margaín, 1966, с. 539].

Отметим, что современной романистикой в полной мере не исследованы ситуации языкового контакта испанского языка с языками коренных народов Латинской Америки. Несмотря на то что написано немало работ в области диалектологии и вариантологии испанского языка, они не складываются в единую «картину» взаимодействия и взаимовлияния, что может быть обусловлено противостоянием научных методов исследования автохтонных языков и испанистов, а также отсутствием должной инфраструктуры, которая послужила бы базой для научных исследований. Другой проблемой, на наш взгляд, является изучение речевого поведения в первую очередь жителей крупных городов; меньше всего внимания исследователей привлекает испанский язык индейцев-билингвов, также редки работы, в которых анализируется речь сельских жителей с низким уровнем образования. Очевидно, что употребление диминутивных суффиксов является маркером, отличающим пиренейский национальный вариант испанского языка от национальных вариантов Латинской Америки, Мексики в частности.

В мексиканском национальном варианте, в отличие от кастильского, где диминутивные суффиксы выполняют лишь формообразующую функцию и не изменяют семантики слова, они наделены различными семантическими функциями. Так как образование уменьшительно-ласкательных конструкций выступает частью словообразовательного процесса, диминутивные суффиксы являются лингвистическим «инструментом», который предоставляет свободу выбора языковых единиц (ЯЕ) говорящему. А. Эскобар уже ранее обращал внимание на то, что использование диминутивных маркеров в речи определяется *прагматическим аспектом дискурса* [Escobar, 2001, с. 62].

К наиболее частотным можно отнести следующие уменьшительно-ласкательные суффиксы: *-ito/-ita*, *-itos/-itas*; *-ico/-ica*, *-icos/-icas*; *-illo/-illa*, *-illos/-illas*.

Как правило, они используются с существительными: *casa* 'дом' – *casita* 'домик', *león* 'лев' – *leoncito* 'львенок', *carta* 'письмо' – *cartica* 'письмецо', *ventana* 'окно' – *ventanilla* 'форточка'; прилагательными: *chico* 'маленький' – *chiquito* 'малюсенький', *lento* 'медленный' – *lentico* 'медленный', *espabilado* 'хитрый' – *espabiladillo* 'хитренький'; наречиями: *ahora* 'сейчас' – *ahorita* 'сейчас-сейчас' (*orita* – форма, более распространенная на территории штата Кинта-

на-Poo), *cerca* 'близко' – *cerquita* 'близёхонько' (*cerquitas* по аналогии с наречием *lejos* 'далеко').

Поскольку диминутивные суффиксы в испанском языке Мексики вообще и штата Кинтана-Роо в частности характеризуются не только наличием экспрессивно-оценочных коннотаций, но и «включениями» культурного и ментального кодов, лингвистом Национального автономного университета Мексики Ж. Рейносо Новедон (2001) была предложена модель классификации уменьшительно-ласкательных «конструкций» на основе лексико-семантического значения:

- количественные – объективно указывают на размер, объем, отрезок времени: *casita* 'домик', *librito* 'книжечка', *cartica* 'письмецо', *cerquita* 'близёхонько', *ahorita* 'сейчас-сейчас';
- качественные – выражают положительные и отрицательные эмоции;
- относительные – самая большая группа диминутивных конструкций, выражающая субъективную форму оценки действительности с целью манипулирования сознанием собеседника: «*el diminutivo es una herramienta que le permite al hablante modular el mensaje que desea emitir y conducirlo al punto exacto de su interés*»¹ [Reynoso Novedón, 2001, с. 49]. Среди них она выделяет иронизирующие, эвфемизирующие, выражающие уважение и обращение в вежливой форме².

Приведем примеры диминутивов каждой группы.

1. Количественные:

– *¿Yatemudaste?* – *Sí, ahoritavivoacá cerquita* – 'Ты уже переехала? – Да, теперь я живу тут рядышком' [запись информантов].

2. Качественные:

– *Ese doctor cito lediagnosticó mal* – 'Этот докторишка ее плохо обследовал' [запись информантов].

3. Относительные:

– *Doña Aurorita, pase, porfavor* – 'Донья Аврора, проходите, пожалуйста' [запись информантов].

– *Diosito, bendígale* – 'Боженька, благослови его' [запись информантов].

¹ «Диминутив – это инструмент, который позволяет говорящему модулировать сообщение, которое он хочет передать, и довести его до определенной точки своего интереса» (Пер. наш. – Н. М., В. Ш.).

² Подробнее см.: [Reynoso Novedón, 2001].

– *¿Me regala otro cafecito, por favor?* – ‘Принесете мне еще один кофеик, пожалуйста?’ [запись информантов].

Интересными, на наш взгляд, являются следующие примеры. Конструкции *mijito* / *mijita* ‘мой сынок / моя доченька’ образованы путем «сложения» основ притяжательного местоимения *mi* ‘мой / моя’ и существительных *hijito* / *hijita* ‘сынок / доченька’, которые, в свою очередь, образовались от существительных *hijo* / *hija* ‘сын / дочь’ суффиксальным способом. Данные уменьшительно-ласкательные конструкции широко используются в некоторых территориальных диалектах мексиканского национального варианта испанского языка, в том числе в штате Кинтана-Роо.

– *Ay, mijita, ¿cómo vas a viajar tan lejos sola?*

– *Mamá, ¡no te preocupes, todo va a estar bien!*

‘– Ах, доченька, как же ты поедешь одна так далеко?’

– *Mam, ne волнуйся, все будет хорошо!*’ [запись информантов].

Рассмотрим следующий пример.

Mamá: Limpías tu cuarto, o no sales con tus amigos.

Hijo: Sí, má; orita.

Mamá: Ningún orita: ¡orititita!

‘Мама: «Ты убереешь свою комнату или не пойдешь гулять со своими друзьями».

Сын: «Да, ма, сейчас».

Мама: «Никаких сейчас! Сию секунду!»’ [запись информантов].

Чтобы понять данный диалог, нужно расшифровать культурный код, содержащийся в нем. Конструкция *orita* образовалась от конструкции *ahorita* путем сокращения основы, которая, в свою очередь, образована от наречия *ahora* ‘сейчас’. Под наречием *orita* все участники коммуникации понимают – «сейчас»: *Orita vengo* ‘Сейчас я приду’, *Orita le llamo* ‘Сейчас я позвоню ему / ей’ [запись информантов]. А для побуждения к действию при помощи двойной суффиксации образовалась императивная диминутивная конструкция: *orititita* ‘сейчас же, сию секунду’.

Система глагольных времен в мексиканском территориальном диалекте испанского языка штата Кинтана-Роо

Упрощение системы глагольных времен в живой разговорной речи наблюдается во всех национальных вариантах испанского языка. Однако, как показывают исследования А. Алкалы Альба [1982]

(Пуэрто-Рико), Х. Кардоны [1989] (Мексика), Э. Картина де Гиера [2013] (Коста-Рика), Г. Лул и К. Пинарди [2014] (Аргентина), А. Рабаналеса [2000] (Панама), М. Трой Дениз [2007] (Испания) и др., упрощение системы глагольных времен и наклонений в каждой стране «идет своим путем», так как в качестве замены вышедших из употребления глагольных времен на смену в каждом отдельном национальном варианте испанского языка «привносятся» разные глагольные формы.

Ученый из университета Лас Пальмас де Гран-Канария М. Троя Дениз в ходе исследования сравнения частоты употребления глагольных форм индикатива и субхунтива в «культурной речи» жителей Испании и Латинской Америки отмечал, что в процентном соотношении перфект индикатива и презенс субхунтива не превышают 10%, простой кондиционал и имперфект субхунтива не достигают 3%; каждая из оставшихся форм – менее 1%. С другой стороны, подтверждается исчезновение миграции в разговорной речи плюсквамперфекта индикатива и составного будущего субхунтива [Troya Déniz, 2007, с. 600].

По мнению испанских лингвистов Х.Р. Вингейер и Н. Морено Севайос, глагольная парадигма в Латинской Америке подверглась упрощению, что необходимо учитывать при рассмотрении отдельных лингвистических аспектов конкретной географической области [Wingeyer, Moreno Cevallos, 2000, с. 521].

В 1991 г. Х.М. Лопе Бланч писал о том, что их утрата порождает ситуацию, когда оставшиеся глагольные формы расширяют функции своего употребления в качестве компенсаторного явления [Lope Blanch, 1991, с. 153].

К аналогичному выводу приходит ученый из Университета Каролины в Праге А. Миштинова, когда говорит о том, что категория времени в испаноамериканских вариантах представляет некоторые важные вопросы с позиции полицентричной нормы испанского языка и функционирования геолингвистических вариантов, и не все факты упрощения глагольной системы в испанском языке Америки одинаковы [Mistinova, 2012, с. 239].

С целью уточнения особенностей «упрощения» системы глагольных времен и наклонений в мексиканском территориальном диалекте испанского языка штата Кинтана-Роо нами был проведен грамматический эксперимент, где информантам было предложено раскрыть скобки / выбрать ту или иную глагольную форму в предложенном тексте.

На основе полученных результатов анкетирования и тестирования информантов мы предлагаем разделить все глагольные времена на четыре группы:

- группа 1 – продуктивные глагольные времена в изъявительном наклонении: презенс индикатива (51,5%), индефинидо (33,3), имперфект индикатива (20%);

- группа 2 – времена средней частотности: утвердительная форма императива (30%), презенс субхунтива (11,3), простой кондиционал (5,5), перфект индикатива (2,1), простое будущее (1,6%);

- группа 3 – временные формы глаголов низкой частотности: имперфект субхунтива (1,1%), плюсквамперфект индикатива (0,5%), перфект субхунтива (0,2%);

- группа 4 – простое будущее субхунтива, перфектное будущее субхунтива, плюсквамперфект субхунтива, сложный кондиционал.

Наши наблюдения свидетельствуют о том, что презенс индикатива используется в следующих ситуациях:

- для передачи фактов, которые происходят в момент говорения: *Creo que la situación con el virus va a empeorar* 'Я думаю, что ситуация с вирусом будет ухудшаться' [запись информантов];

- для передачи фактов в прошедшем времени с перфективным значением (presente histórico): *Hablé con mi jefe y me dice «lo solucionamos como lo de siempre* 'Я побеседовал с боссом, и он мне говорит: «Мы все решим, как обычно»' [запись информантов];

- для передачи будущего времени: *Elviernes notenemos la clase es el día de Carnaval* 'В пятницу у нас нет занятий, это – день карнавала';

- для передачи верований, привычек, обыденных действий: *Las personas del sur somos más abiertas y amables*. 'Мы, южане, более открыты и любезны' [запись информантов];

- для эвфемизации высказывания: *Es que Chetumal era un pueblo muy aislado, no tenía comunicación para nada. Para nada lo que se llama nada*. 'Четумаль был очень изолированным городком. Не было совсем никакой коммуникации' [запись информантов];

- вместо имперфекта индикатива: *¿Cómo se llama (se llamaba) la tienda de antigüedades que vimos en Coyoacán?* 'Как называлась антикварная лавка, которую мы видели в Койакане?' [запись информантов];

- для замещения перфекта индикатива: *Tres años que no viajo (no he viajado), el trabajo no me da tiempo*. 'Уже три года, как я не

путешествовал. *Работа мне не оставляет времени*’ [запись информантов];

- вместо презенса субхунтива: *Te llamaré cuando termino (termine)*. *‘Я тебе позвоню, когда закончу’* [запись информантов];

- для замещения утвердительной формы повелительного наклонения: *Le das besitos a tu abuela*. *‘Поцелуй бабушку’* [запись информантов].

Замену повелительного наклонения, по нашему мнению, можно объяснить стремлением общества выразить солидарность и равноправие, пришедшие на смену многовековому социальному, классовому и этническому неравенству. Его использование в межличностном общении, как правило, воспринимается как форма грубости и проявления авторитарности.

Перфект индикатива (*haber + participiopasado*), как и в большинстве стран Латинской Америки, в Мексике используется для передачи приобретенного опыта говорящего в прошлом и утратило свое значение «связи с настоящим» (в отличие от кастильской нормы) *Ной he hablado con José* (Исп.). *Ной habló con José* (Мексика) *‘Сегодня я поговорил с Хосе’*. Функции традиционного перфекта индикатива в речи жителей штата Кинтана-Роо выполняют перифрастические конструкции с перфективным значением, образованные при помощи личной формы глагола *tener* в презенсе и participia (*tener + participiopasado*). Сравним ответы на вопросы, полученные от резидентов штата, носителей мексиканской и пиренейской норм (см. табл. 2).

Таблица 2

Выражение перфектности в мексиканском территориальном диалекте испанского языка штата Кинтана-Роо

Вопрос	Испания	Мексика	Штат Кинтана-Роо
<i>¿Marta, has visto la última temporada de Elite?</i> <i>‘Марта, ты посмотрела последний сезон Элиты?’</i>	<i>Sí, la he visto</i> <i>‘Да, я его уже посмотрела’</i>	<i>Sí, la vi</i>	<i>Sí, ya la tengo vista</i>
<i>¿Has leído alguna novela de Dostoyevski?</i> <i>‘Ты читал какой-либо из романов Достоевского?’</i>	<i>Solamente he leído «El crimen y el castigo»</i> <i>‘Я читал только «Преступление и наказание»’</i>	<i>Solamente lei «El crimen y el castigo»</i>	<i>Solamente la tengo leída «El crimen y el castigo»</i>
<i>¿Has comprado el pan?</i> <i>‘Ты купил хлеб?’</i>	<i>Sí, lo he comprado</i> <i>‘Да, я его купил’</i>	<i>Sí, lo compré</i>	<i>Sí, lo tengo comprado</i>

Для выражения будущего времени в штате Кинтана-Роо используется перифрастическая глагольная конструкция **ir + a + infinitivo**. Например:

1. – ¿Tienes planes para este finde?

– Pues, sí. **Voy a cenar con mi familia el sábado y el domingo voy a ir al cine con mi pareja.**

‘– У тебя есть планы на эти выходные?’

– Да, в субботу я буду ужинать со своей семьей, а в воскресенье пойду в кино с девушкой’ [запись информантов].

2. – Manuel, ¿cuándo **vas a comprar** (comprarás) un auto nuevo? Lo que tienes ahorita es un desastre.

– Lo **voy a cambiar** (cambiaré), cuando tengo dinero.

– ‘Мануэль, когда ты поменяешь машину? Та, что у тебя сейчас, просто ужас.

– Я ее меняю, когда будут деньги’ [запись информантов].

Тенденция к замещению синтетического будущего времени перифрастическим наблюдается во всех национальных вариантах испанского языка Латинской Америки: от Мексики до Аргентины и Чили [Aleza Izquierdo, Enguita Utrilla, 2002, с. 130]. Однако мексиканский лингвист Х.Г. Мореноде Альба пришел к следующему выводу: приблизительно половина выражений в разговорной речи строится перифразой, 25% – презенсом индикатива и другие 25% – формой простого будущего времени на -ré [Moreno de Alba, 1988, с. 176].

По нашим наблюдениям, в штате Кинтана-Роо произошло сужение грамматического значения простого будущего времени, которое здесь функционирует только для выражения вероятности или возможности совершения действия в настоящем времени и для этих целей звучит в речи 1,6% информантов.

1. – Disculpa, ¿sabes si hay por acá una librería?

– No te **sabré decir**, disculpa.

‘– Прошу прощения, ты не знаешь, есть ли неподалеку книжный магазин?’

– Я не могу тебе ответить, извини’ [запись информантов].

2. – ¿Cuánto cuesta ese disfraz de carnaval?

– No lo sé. **Costará unos 3 mil pesos.**

‘– Сколько стоит этот карнавальный костюм?’

– Я не знаю. Около 3 тысяч песо’ [запись информантов].

Таким образом, выход из употребления одних форм глагольных времен приводит к тому, что оставшиеся формы времени расширяют сферу своего использования. Тенденция к упрощению системы форм глагольных времен коснулась всех без исключения

индоевропейских языков. В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что испанский язык в мексиканском штате Кинтана-Роо развивался в ситуации тесного контакта с автохтонными языками данного региона, что кардинальным образом повлияло на его отличие от языка метрополии.

Список литературы

- Alcalá Alba A.* Oraciones condicionales incompletas en el español de México // *AdeL.* – 1982. – Vol. 20. – P. 345–354.
- Aleza Izquierdo M., Enguita Utrilla J.M.* El español de América: aproximación sincrónica. – Valencia: Tirant Lo Blanch, 2002. – 335 p.
- Cardona J.* El aspecto verbal en el español de Puerto Rico // *BAPLE.* – 1989. – Vol. 7. – P. 93–110.
- Cartín de Guier E.* El español de Costa Rica // *Boletín de La Academia peruana de la lengua.* – 2013. – Vol. 55. – P. 37–56.
- Dávila Gáribi J.I.* Posible influencia del nahuatl en el uso y abuso del diminutivo en el español de México // *Estudios de Cultura Nahuatl.* – México, 1959. – Vol. 1. – P. 25–27.
- Escobar A.M.* Función semántica y pragmática del diminutivo en el español en contacto con quechua // *Nueva Revista de Filología Hispánica.* – Madrid, 2001. – Vol. 4 (68). – P. 61–79.
- Farfán Flores J.A., Muysken P.* Lenguas en contacto en Iberoamérica: México y Los Andes Centrales // *Revista del Instituto de Lingüística.* – 1966. – Vol. 3. – P. 98–127.
- González Ollé F.* Los sufijos diminutivos en el español medieval // *Revista de Filología Española.* – 1962. – Vol. 2. – P. 18–27.
- González Violante G.* Estudio fonético del español hablado en Tampico. Tesis de maestría. – México: UNAM, 1980. – 156 p.
- Hernández Méndez E., Sima Lozano E.* El español en el contacto con el maya y el inglés en la Península de Yucatán // *Lengua española, contacto lingüístico y globalización.* – México: UNAM, 2015. – P. 413–442.
- Jiménez Moreno W.* La transculturación lingüística hispano – indígena. – Santander: UIMP, 1965. – 230 p.
- Lloll G., Panardi C.* El español en Buenos Aires: una aproximación a las representaciones de sus hablantes // *Actitudes lingüísticas en la Argentina.* – 2014. – Vol. 5. – P. 1–62.
- Lope Blanch J.M.* Estudios sobre el español de México. – México: UNAM. – 1991. – 181 p.
- Margaín C.R.* En torno a Malinche // *Cuaderno hispanoamericano.* – México, 1966. – Vol. 204. – P. 536–548.
- Menéndez Pidal R.* Manual de la gramática histórica española. – Madrid: Espasa-Calpe, 1973. – 188 p.
- Mistínova A.* La expresión del tiempo en las variedades hispanoamericanas del español // *Verba hispánica.* – 2012. – Vol. 20/1. – P. 231–243.
- Moreno de Alba J.G.* El español en América. – México: Fondo de cultura económica, 1988. – 232 p.

- Rabanales A.* El español de Chile: presente y futuro // ONOMAZEIN. – 2000. – Vol. 5. – P. 135–141.
- Reynoso Novedón J.* Los diminutivos en el español. Un estudio de dialectología comparada. – México: UNAM, 2001. – 334 p.
- Suárez V.* El español que se habla en Yucatán. – Mérida: Díaz Massa, 1945. – 198 p.
- Troya Denz M.* Frecuencia de los tiempos verbales de indicativo y subjuntivo en la norma culta de España y América // Revista de Filología. – 2007. – Vol. 25. – P. 589–602.
- Wingeyer H.R., Moreno Cevallos N.* La simplificación del sistema verbal en el español de América // ASELE. Actas XI. – 2000. – P. 521–525.

БЕЛЯЕВ О.И.¹

1.17. ПРОБЛЕМЫ ДИАЛЕКТНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ОСЕТИНСКИЙ, ДАРГИНСКИЙ, ТАТСКИЙ

Аннотация. В главе рассматриваются проблемы диалектологии применительно к северокавказскому ареалу на примере трех частных случаев: осетинского, даргинского и татского языков. Показано, что все они представляют различные трудности для традиционного подхода и требуют применения новых, более объективных методов языковой систематики и диалектометрии.

1. Введение

Такие традиционные понятия языковой систематики, как *говор*, *язык* или *диалект*, были разработаны преимущественно на материале европейских языков с богатой письменной традицией, существующих в обществах с высоким уровнем национального самосознания. Применение этих понятий к другим ареалам часто сопряжено со сложностями. Одним из интереснейших с этой точки зрения регионов является Северный Кавказ, так как он представляет собой область с очень высоким уровнем языкового разнообразия, в которой при этом различные *linguae francae*, сменяя друг друга, всегда сосуществовали с местными, преимущественно бесписьменными языками. Большинство частей Северного Кавказа до недавнего времени были слабо интегрированы в какие-либо централизованные государственные образования, и поэтому в них не могли сформироваться привычные для нас модели существования языков и диалектов. При этом контакты между близкородственными языками приводят к высокой степени конвергенции, накладыва-

¹ Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Институт языкознания РАН; belyaev@ossetic-studies.org

вающейся на исходное диалектное ветвление. Попытки же государства начиная с 1920-х годов привести различные языковые сообщества к лингвистическому единству не всегда приводили к желаемым результатам.

В настоящей главе я проиллюстрирую эти положения на трех примерах, знакомых мне из практики. В разделе 2 будет обсуждаться диалектологическая проблематика на примере осетинского языка, в котором существуют два достаточно дивергентных диалекта с собственными литературными стандартами, а также высокая степень фонетической вариативности внутри крупнейшего из них – иронского. В разделе 3 я опишу языковую ситуацию в даргинской группе, где под видом единого языка скрывается более десятка идиомов, не обладающих взаимопонимаемостью. Наконец, в разделе 4 я приведу пример языка татов-мусульман Дербентского района, который, при всей близости к персидскому, никогда не был объектом какой-либо стандартизации и поэтому пока никак не соотносится с какой-либо выраженной этнической или языковой идентичностью его носителей.

2. Осетинский язык

Осетинский язык преимущественно распространен на территории Республики Северная Осетия – Алания в составе России и в Республике Южная Осетия. Его традиционно относят к северновосточной подгруппе внутри иранской группы индоевропейских языков. Осетинский восходит к аланскому – языку одного из скифо-сарматских племен, ранее населявших Северное Причерноморье. В Средние века аланы создали на Северном Кавказе достаточно крупное государственное образование – Аланское царство – однако в результате монгольских завоеваний и походов Тамерлана это государство было уничтожено, а ареал распространения осетинского языка оказался значительно уменьшен, так что к началу фиксации современного осетинского языка в XVIII в. он был преимущественно распространен только в горных районах современной Северной Осетии и на территории Южной Осетии.

Из этого краткого очерка видно, что осетинский, как единственный сохранившийся представитель так называемых скифо-сарматских наречий, много лет развивался без прямых контактов с другими иранскими языками и поэтому не имеет многих черт, которые те приобрели в результате общих инноваций и контактной

конвергенции. В то же время он обладает и особенностями, связанными с влиянием соседних языков (прежде всего, картвельских, абхазо-адыгских, нахско-дагестанских и тюркских), следы которого обнаруживаются как в лексике, так и в фонетике, морфологии и синтаксисе.

В этом разделе я кратко рассмотрю два аспекта осетинской диалектологии, которые, на мой взгляд, наиболее ярко иллюстрируют проблемы применения таких понятий, как *язык*, *диалект*, *орфоэпическая норма*, к языкам со сравнительно молодой литературной традицией. Это, во-первых, проблема «язык или диалект» применительно к иронскому и дигорскому; во-вторых, проблема вариативности, прежде всего фонетической, внутри иронского.

2.1. Иронский и дигорский

В осетиноведении до сих пор отсутствует единое мнение о числе диалектов внутри осетинского языка. Одни исследователи, следуя традиции, заложенной еще А.М. Шёгреном, выделяют три диалекта: иронский, кударский (джавский, кударо-джавский, двальский) и дигорский [Шёгрень, 1844; Ахвледиани, 1960; Дзиццойты, 1998]; другие выделяют два диалекта – иронский и дигорский, – считая кударский одним из иронских говоров (ср.: [Тыбылты, 1964, с. 110; Абаев, 1949, с. 496–497; Бекоев, 1985; Камболов, 2006, с. 431]). В любом случае, однако, не вызывает сомнения, что с синхронной точки зрения различия между иронским и кударским, с одной стороны, и дигорским – с другой, носят гораздо более глубокий характер. Это отмечалось еще в самых первых описаниях осетинского языка и хорошо видно при рассмотрении основных различий иронского и дигорского [Абаев, 1949; Исаев, 1966; Камболов, 2006, с. 422–434], которые охватывают как лексику, так и фонетику, и морфологию. Это позволяет некоторым авторам даже говорить о дигорском как об отдельном языке: ср., напр.: [Erschler, 2020], где иронский рассматривается как один из двух близкородственных языков. Для адекватного понимания обсуждаемой проблематики ниже я кратко рассмотрю основные отличия между иронским и дигорским.

Пожалуй, наиболее существенные различия иронского и дигорского лежат в области фонетики. В большинстве случаев дигорский может рассматриваться как более архаичный; как писал В.И. Абаев, «в ряде явлений фонетики и морфологии дигорский и

иронский диалекты могут быть рассматриваемы как два последовательных этапа развития одного и того же языка» [Абаев, 1949, с. 360]; об этом же пишет Ф. Тордарсон [Thordarson, 2009, p. 20]. Это относится как к наличию в иронском ряда инноваций, отсутствующих в дигорском (например, палатализация велярных, апокопа конечной *-æ* и т.д.; см. обзор исторической фонетики в: [Cheung, 2002]), так и к самим фонетическим системам, в особенности к вокализму. Для праосетинского (общего предка иронского и дигорского) должен реконструироваться, по всей видимости, именно дигорский вокализм, тогда как в иронском произошел своего рода «цепной переход» (chain shift): *и* и *у* слились в фонему *ы* [э], тогда как *е* и *о* заняли их места (*е* → *и*, *о* → *у*); ср., напр., дигорский глагол *есун* ‘брать’, который в иронском имеет вид *исын*.

Эти фонетические изменения делают облик слов в двух идиомах достаточно различным, однако фонетическая близость трудно поддается объективной оценке. Одним из возможных критериев оценки может быть подсчет процента родственных слов (когнатов) в списке базовой лексики [Коряков, 2017]. Метод основан на предположении, что скорость замены лексики в этом списке является сравнительно стабильной в различных языках; следовательно, доля когнатов (без учета заимствований) отражает относительную близость идиомов.

Важным условием применения этого метода является наличие качественно составленных лексических списков, так как неточный учет семантики может привести к ложным расхождениям или совпадениям. На сегодняшний день соответствующая методология была наиболее полно разработана в рамках двух проектов: «Глобальной лексикостатистической базы данных» [The Global Lexicostatistical Database, 2011–2019] и базы данных по когнатам в индоевропейских языках IE-CoR (<https://iecor.clld.org/>) [Language trees with sampled ancestors support a hybrid model for the origin of Indo-European languages, 2023]. Базы данных сопоставимы, но GLD использует 110-словный список с семантическими определениями по: [The Swadesh wordlist. An attempt at semantic specification, 2010], тогда как IE-CoR использует расширенный 170-словный список. Для обеих баз данных мною были составлены списки для иронского и дигорского [Belyaev 2014; Belyaev, 2023 a; Belyaev, 2023 b]. Процент соответствий в базовой лексике по данным GLD составляет 93%. При использовании расширенного списка IE-CoR процент оказывается несколько ниже: 90,6% при учете заимство-

ванной лексики и 92,1% при исключении заимствований из рассмотрения.

Эти цифры можно сравнить с процентом соответствий между другими близкородственными языками и диалектами в тех же базах данных. Если говорить о явных близкородственных языках, доля соответствий, например, между туровским диалектом белорусского языка (Гомельская область) и деулинским диалектом русского языка (Рязанская область) [Saenko, 2016 a] по GLD составляет 88%; по IE-CoR доля когнатов между русским [Jocz, 2023 b] и белорусским [Jocz, 2023 a] составляет 87,1%, с исключением заимствований – 88,3%. Для общепризнанных диалектов – представителей одного языка процент соответствий существенно выше. Так, между различными хорватскими чакавскими говорами, вошедшими в GLD (Орбаничи [Saenko, 2016 b], Орлец [Saenko, 2017], Врбада [Saenko, 2018]), доля схождений составляет от 91 до 95%. Для нидерландского [Verkerk, 2023] и фламандского (обычно считающегося диалектом последнего) [Dewey-Findell, 2023] доля соответствий по IE-CoR равна 91,8% с включением заимствований и 92,1% – без учета заимствований.

Весьма интересен также случай хинди и урду, которые обычно рассматривают как два варианта плюрицентрического хиндустанского языка [Masica, 1991, p. 27–30]. Если учитывать весь 170-словный список IE-CoR [Stroński, Stroński, 2023 a; Stroński, 2023 b], включая заимствования, то доля когнатов составляет всего лишь 82,3% (149 из 181 пары лексем) – на уровне отдельных языков. Это связано с тем, что хинди и урду по культурно-историческим причинам имеют большие доли сравнительно поздних заимствований из санскрита и персидского / арабского соответственно. Если исключить из сопоставления заимствования, то доля соответствий увеличивается до 93,7% (119 из 127), что вполне соответствует диалектам или вариантам одного языка.

Таким образом, процент когнатов между иронским и дигорским входит в область, характерную для диалектов одного языка, хотя и относится скорее к ее нижней границе. Следует, впрочем, отметить, что как иронский список, так и дигорский список собраны у студентов СОГУ им. К.Л. Хетагурова – жителей Владикавказа и его пригородов. Можно ожидать, что в условиях тесного взаимодействия между носителями двух вариантов осетинского языка произошло вторичное сближение дигорского с иронским. На это указывает, например, тот факт, что слово ‘живот’ в собранном мною дигорском списке (а также по словам некоторых других оп-

рошенных мною носителей) имеет форму *губун*, которая соответствует иронскому *гуыбын*. Однако в Историко-этимологическом словаре осетинского языка [Абаев, 1958, с. 528] В.И. Абаев отмечает, что для дигорского эта форма не характерна и вместо нее чаще используется *хъæстæ*. Возможно, что форма *губун* стала преобладать под влиянием иронского диалекта. Если так, то это должно было произойти достаточно давно: в дигорском корпусе (<http://corpus-digor.ossetic-studies.org>), основанном в основном на периодике и художественной литературе, имеется всего 16 вхождений *хъæстæ* против 145 у *губун*. Следовательно, при оценке сходства и различия дигорского и иронского следует учитывать то обстоятельство, что эти идиомы могут сейчас быть ближе друг к другу, чем 100 лет назад.

В области грамматики отличия дигорского от иронского минимальны. В области именной морфологии, помимо морфонологических отличий (усечение конечного *-æ* в косвенных падежах в дигорском, расхождения в образовании форм множественного числа), обращает на себя внимание отсутствие в дигорском комитатива на *-имæ* (иронской инновации, см.: [Абаев, 1949, с. 101]), вместо которого используется послелог *хæццæ*. Системы глагольных форм практически совпадают, хотя их окончания демонстрируют ряд нетривиальных соответствий [Cheung, 2002, р. 138–148]; в дигорском также не употребляется преверб *а-*. Интересно и то, что в иронском и дигорском кардинально различаются системы связок. В иронском глагол ‘быть’ в 3 л. ед. ч. различает две формы: идентификационную *у* (*Зауыр студент у* ‘Заур – студент’) и экзистенциальную *ис* (*Чиныг мæм ис* ‘у меня есть книга’). Также имеется хабитуальный вариант связки *вæййын* ‘бывать’, который спрягается, как обычный глагол. В дигорском глагол ‘быть’ также имеет две формы 3 л. ед. ч., и если из них экзистенциальная *-йæс* – регулярно соответствует иронской *ис*, то идентификационная связка *æй* не имеет фонетического соответствия в иронском. Зато в значении ‘бывать’ дигорский использует особый глагол, который в 3 л. ед. ч. имеет вид *уй*, по-видимому, соответствующий иронскому *у*. Основа *вæйй-* в дигорском не употребляется. Таким образом, при полном функциональном тождестве двух систем мы имеем дело с их формальным несоответствием. Это может указывать на то, что некоторые различия между иронским и дигорским восходят к достаточно раннему периоду. Тем не менее с синхронной точки зрения системы грамматических категорий иронского и дигорского, как уже было указано выше, практически идентичны.

В качестве иллюстрации различия между иронским и дигорским, при всей условности такого сопоставления, приведу первую строфу стихотворения дигорского поэта Георгия Малиева «Зар» («Песня») в оригинале и в иронском переводе:

(1) дигорский

<i>Мæ</i>	<i>синхон кызг-æн</i>	<i>æ</i>	<i>зæрдæ</i>
мой	соседский	девушка-DAT	ее сердце
<i>Ку</i>	<i>зонинæ,</i>	<i>ку,</i>	<i>бæлвурд, –</i>
если	знать-OPT. 1 SG	если	точно
<i>Уæд</i>	<i>зæгъ-инæ</i>	<i>ин</i>	<i>ци-дæр-тæ,</i>
тогда	сказать-OPT. 1 SG	она. ENCL.DAT	что-INDEF-PL
<i>Уæд</i>	<i>зæгъ-инæ</i>	<i>ин</i>	<i>еу дзурд...</i>
тогда	сказать-OPT. 1 SG	она. ENCL.DAT	один слово

‘Если бы я точно знал сердце соседской девушки, тогда я бы сказал ей кое-что, я сказал бы ей одно слово’;

(2) иронский

<i>Мæ</i>	<i>сыхаг чызг-æн</i>	<i>йæ</i>	<i>зæрдæ</i>
мой	соседский	девушка-DAT	ее сердце
<i>Куы</i>	<i>ба-зон-ин,</i>	<i>куы</i>	<i>бæлвырд, –</i>
если	PV-знать-OPT. 1 SG	если	точно
<i>Гъе-уæд ын</i>	<i>зæгъ-ин</i>	<i>цы-дæр-тæ,</i>	
EMPH-тогда	она. ENCL.DAT	сказать-OPT. 1 SG	что INDEF-PL
<i>Гъеуæд ын</i>	<i>зæгъин мæ</i>	<i>дзырд...</i>	
EMPH-тогда	она. ENCL.DAT	сказать-OPT. 1 SG	мой слово.

Итак, из вышесказанного ясно, что большинство внутрилингвистических критериев скорее говорят в пользу трактовки иронского и дигорского как диалектов одного языка. Другим критерием, который обычно привлекается при обсуждении данной проблематики, является критерий взаимопонимаемости. Этот критерий, однако, с трудом поддается объективной оценке. Субъективные мнения самих носителей значительно варьируют и во многом зависят от их личной точки зрения на социолингвистический статус иронского и дигорского. Очевидно, что степень взаимопонимаемости зависит от многих факторов: жанр и регистр текста, степень знакомства носителей с иронским и дигорским соответственно (все дигорцы изучали иронский в школе и хотя бы поэтому понимают его), темп речи и т.д. В социолингвистике используется ряд экспериментальных методов для оценки взаимопонимания между носителями [Gooskens, van Heuven, 2021]; представляется, что было бы

интересно применить эти методы к вариантам осетинского языка, причем не только к литературному иронскому и дигорскому, но и к другим их разновидностям.

Вне зависимости от результата применения вышеуказанных критериев, об иронском и дигорском как отдельных языках оправданно говорить в контексте существования у них самостоятельных литературных норм. В этом смысле близкой ситуацией представляется соотношение между хинди и урду, о котором упоминалось выше. Несмотря на их структурную идентичность, существование для них самостоятельных литературных норм на основе разных письменностей и обусловленные этим значительные лексические расхождения позволяют говорить о хиндустанском как плюрицентрическом языке с двумя стандартными вариантами. Представляется, что аналогичный статус – с полным равноправием иронского и дигорского вариантов – следует признать за осетинским языком.

3.2. Вариативность внутри иронского

Некоторые аспекты внутренней организации иронского варианта осетинского языка также заслуживают обсуждения. Прежде всего это вопрос об орфоэпической норме и вопрос о соотношении исторически засвидетельствованных и современных диалектных черт.

Осетинский является одним из немногих языков на кириллической основе, которые, имея сравнительно недавно созданную письменность (современный вариант осетинского алфавита восходит к грамматике А.М. Шёгрена [Шёгрень, 1844], а современная осетинская художественная литература берет свое начало в конце XIX в.), обладают существенными расхождениями между исходным фонетическим значением кириллических букв и их наиболее распространенным произношением. А именно, в наиболее распространенном сегодня варианте иронского осетинского орфографические зубные аффрикаты – графемы <ц> и <дз> – произносятся как фрикативные [s] и [z], тогда как зубные фрикативные <с> и <з> имеют произношение [ʃ] и [ʒ] соответственно. То есть, как и в случае с иронским вокализмом, мы имеем дело с «цепным переходом»: [ts], [dz] → [s], [z]; [s], [z] → [ʃ], [ʒ]. Для того чтобы понять причину такого положения вещей, нужно обратиться к некоторым базовым принципам осетинской диалектологии.

Одним из основных параметров фонетической классификации иронских диалектов является отражение в них праиранских аффрикат *č и *ǰ. По этому параметру они делятся на «цокающие» ([ts] и [dz] соответственно – именно такое распределение отражено в иронской орфографии), «сокающие» ([s] и [z] – наиболее распространенный вариант иронского в Северной Осетии), «чокающие» ([tʃ] и [dʒ] – таким был наиболее распространенный в Южной Осетии кударский диалект в начале XIX в., что отражено в текстах И. Ялгузидзе, см.: [Ахвледиани, 1960 б]) и «шокающие» ([ʃ] и [ʒ] – таким является кударский диалект примерно с середины – конца XIX в.).

С исторической точки зрения очевидно, что первичными являются «цокающий» и «чокающий» варианты, а «сокающий» и «шокающий», соответственно, производны от них в результате произошедшей в этих говорах спирантизации аффрикат [Ахвледиани, 1960 в]; на это указывает, в частности, сохранение [ts] и [č] как аффрикат в определенных позициях даже в «сокающих» и «шокающих» говорах (в абруптивах, при геминании, после сонорных). Какой из двух исходных вариантов – цокающий или чокающий – является исходным, неясно. Как справедливо указывает Ю.А. Дзиццойты [Дзиццойты, 1998], чокающий ближе к праиранской языковой системе; признание цокающего исходным требует постулирования в чокающих говорах «циклического» перехода *č → *c → č, что менее экономно, хотя и не исключено полностью.

Как бы то ни было, к началу письменной фиксации современного осетинского языка в Северной Осетии преобладали цокающие говоры, в Южной – чокающий кударский говор (наряду с цокающим ксанским). Сокающее произношение стало доминировать в Северной Осетии уже несколько позднее; аналогичный процесс перехода из чокающего варианта в шокающий происходил в кударском диалекте в Южной Осетии в течение XIX в., как видно из сопоставления «старокударского» варианта, записанного И. Ялгузидзе [Ахвледиани, 1960 б], с современной формой кударского.

Кроме того, большое влияние на формирование иронской письменной нормы оказало творчество народного поэта Осетии К.Л. Хетагурова, который был носителем цокающего произношения.

Таким образом, на то, что в качестве письменной иронской нормы, вопреки современному произношению большинства, закрепился именно цокающий вариант, повлиял, с одной стороны, тот факт, что на момент формирования кириллической письменности

сти соответствующие языковые изменения еще не завершились; с другой – престиж этого варианта, связанный с творчеством прославленного поэта.

При этом интересно, что, несмотря на явное расхождение с реальным узусом, долгое время цокающее произношение было не только основой для письменного языка, но и официальной орфоэпической нормой. Так, в грамматике под редакцией Г.С. Ахвледиани вообще ничего не сказано о фрикативном произношении аффрикат [Грамматика осетинского языка, 1963, с. 46–47]; Н.К. Багаев, указывая на использование в куртатинском «среднего между *ц* и *с*, *дз* и *з*, причем более близкого к *с* и *з*, чем к *ц* и *дз*», там же подчеркивает нормативность цокающего произношения [Багаев, 1965, с. 91–92]. Судя по всему, такая орфоэпическая норма в советское время поддерживалась в театре, на телевидении и радио, преподавалась в рамках школьной программы, однако в постсоветский период была вытеснена реально преобладающим произношением во всех сферах существования языка. В Южной Осетии, напротив, сложились две параллельные нормы: на радио и телевидении дикторы все еще пользуются цокающим вариантом; его же можно встретить в речи образованных людей, представителей интеллигенции; однако в большинстве сфер жизни, в том числе в речи политиков, преобладает именно шокающее кударское произношение.

Таким образом, даже в иронском варианте осетинского языка, кодифицированном сравнительно недавно, внутри которого все основные говоры взаимопонимаемы и отличаются преимущественно фонетикой, сегодня стихийно сформировались три орфоэпические нормы, причем их распределение не всегда соответствует исторической дистрибуции соответствующих диалектов.

3. Даргинские языки

Дагестан славится своим языковым разнообразием. Сосуществование большого числа близкородственных идиомов на сравнительно небольшой территории часто создает проблемы для их диалектологической классификации. Одним из наиболее ярких примеров является даргинский. Согласно официальным данным, даргинский – это второй по численности язык Дагестана после аварского, на котором говорят около полумиллиона носителей преимущественно в четырех районах: Акушинском, Левашинском, Сергокалинском и Дахадаевском, а также в ряде населенных пунк-

тов равнинного Дагестана. Однако эта информация не вполне отражает реальную языковую ситуацию внутри даргинского сообщества. Даргинские «диалекты» настолько сильно отличаются друг от друга по своей фонетике, лексике и грамматике, что взаимопонимание между наиболее отдаленными из них отсутствует. Если выше для дигорского и иронского обсуждались «пограничные» цифры когнатов в базовой лексике в районе 91%, то процент сходжений между даргинскими идиомами, по данным Ю.Б. Корякова [Коряков, 2013], может быть таким низким, как 73% между северодаргинским и кайтагским, или даже 67,5% для наиболее дивергентных идиомов (северодаргинский и чирагский). Это сопоставимо с различиями, например, внутри германской языковой группы. Даже между лексически близкими идиомами могут наблюдаться существенные расхождения в фонетике и грамматике. Так, даргинские идиомы с. Шири и с. Амузги Дахадаевского района имеют очень высокую долю лексических сходжений – 95%, что позволяет считать их диалектами одного языка. Однако системы пространственных падежей в них радикально различаются: ширинские показатели ближе к показателям соседнего санжинского диалекта, амузгинские – к показателям кубачинского [Беляев, 2019 а]. Это может указывать как на влияние соседних диалектов на грамматику, искусственно «отдалившее» диалекты друг от друга с морфологической точки зрения, так и, наоборот, на вторичное лексическое сближение ширинского и амузгинского.

Одним из самых дивергентных даргинских идиомов считается кубачинский язык. В качестве иллюстрации степени расхождения между кубачинским и литературным даргинским приведу первый стих молитвы «Отче наш» на обоих этих идиомах (анализ по: [Беляев, 2019 б]):

(3) кубачинский
Ццуппацивзив ниссила Атта, хабарбѣхваб ила дибāла!
c:ub-b.a-c:i-w-zi-w nis:i-la at:a, хабар-b-e:χ^w-ab
 небо-PL-INTER-M[ESS]-ATTR-M мы-GEN отец слава-
 N-пойти. PFV-OPT[3]
i-la diba:la
 ты-GEN имя
 ‘Наш отец (, который) на небесах, да славится Твоё имя’ (перевод А.Дж. Магомедова);

(4) литературный даргинский

Зубрачивси нушала Дудеи, Хела у дурхъабираб!

zub-r.a-č'i-w-si

nuša-la dudeš, he-la u

небо-PL-SUPER-M[ESS]-ATTR

мы-GENотец

ты-GEN имя

durqa-b-ir-ab

ценный-N-быть. IPFV-OPT[3]

‘Наш отец (, который) на небесах, да будет священным Твоё имя!’ (перевод Х.А. Юсупова)

Из этого видно, что, во-первых, далеко не все слова в этом, казалось бы, достаточно простом предложении являются когнатами. Прежде всего это слово ‘отец’ (*at:a* в кубачинском, *dudeš* в литературном языке), а также местоимение ‘мы’ (в абсолютиве в кубачинском *nusa*, в литературном – *nuša*; несмотря на фонетическое сходство, эти местоимения, скорее всего, восходят к разным корням). Слово ‘имя’, хотя вероятно и восходит в обоих языках к одному и тому же корню, формально не имеет никакого фонетического сходства между двумя диалектами; кроме того, в кубачинском этот корень явно осложнен дополнительными формантами. Если не учитывать различие в выборе перевода глагола ἁγιασθήτω, в Синодальном переводе ‘да святится’ («да славится» и «да будет ценным» соответственно), то остальные слова в этих примерах родственны, однако фонетические различия делают их практически неузнаваемыми.

С чем же связано столь явное расхождение между официальным статусом даргинского как единого языка и дивергентным статусом входящих в него «диалектов»? Ответ на этот вопрос требует рассмотрения аспектов языковой политики СССР в 1920–1930-е годы. В то время властями был взят курс на «языковое строительство», предполагавший создание и развитие в национальных автономиях и республиках литературных языков, пригодных для употребления во всех функциональных регистрах. В Дагестане эта программа столкнулась с трудностями из-за чрезвычайно высокого уровня языкового разнообразия. Было решено одновременно развивать в качестве литературных языки наиболее крупных народов. Но если такие языки, как аварский или лезгинский, обладают сравнительно небольшим диалектным разнообразием и, что важно, уже до революции имели сформировавшиеся стандартные варианты, то такого понятия, как «даргинский язык», на тот момент не существовало. Регионы, населенные даргинцами, не имели политического единства и относились к разным государственным и племенным обра-

зованиям (так, кайтагский был основным языком Кайтагского улуса, северные даргинцы входили в вольное общество Акуша-Дарго, с. Кубачи входило в состав Казикумухского ханства и т.д.). Советская национальная политика, однако, предполагала, что если даргинцы рассматриваются как единая национальность, то для них должен быть создан единый литературный язык, вне зависимости от степени дивергенции между даргинскими идиомами. Такой литературный язык было решено создавать на базе акушинского диалекта. В качестве причин такого решения обычно называют тот факт, что Акушинское вольное общество (Акуша-Дарго) было на тот момент наиболее густонаселенным даргинским политическим образованием; кроме того, предполагалось, что акушинский является наиболее фонетически простым диалектом (в нем отсутствуют геминированные и огубленные согласные, фарингализованные гласные, кроме /a^ɣ/), так что выучить его для носителей других идиомов должно быть проще, чем для акушинцев и других северных даргинцев выучить идиом из какой-либо другой диалектной группы. Подробнее об особенностях литературного даргинского и его связи с другими даргинскими идиомами см. в статье: [Беляев, Муталов, 2021].

Результаты этой языковой политики оказались неоднозначными. С одной стороны, был создан стандартный даргинский язык с достаточно большим корпусом художественной литературы, регулярной периодикой, учебниками и т.д. Он изучается в школах, на нем исполняются музыкальные произведения и т.д. С другой стороны, его распространенность как реального языка междиалектного общения представляется довольно ограниченной, хотя исследования на это счет недостаточны и приходится опираться преимущественно на личные наблюдения и анкетные свидетельства. Судя по всему, для носителей северных даргинских идиомов литературный даргинский действительно может считаться литературным языком, так как все эти идиомы взаимопонимаемы и при этом достаточно близки к акушинскому. Однако остальные даргинские идиомы не образуют однородной группы, так что даже между речью соседних селений может быть затруднено взаимопонимание; тем более что литературный язык для многих даргинцев непонятен. Это мешает принятию его как междиалектного койне; при общении между собой носители разных диалектов либо используют русский, либо пытаются, насколько им позволяют знания, адаптироваться к речи собеседника.

Итак, проблема классификации и таксономии даргинских языков представляется прямо противоположной проблеме диалектологической классификации осетинского языка. В осетинском еще до революции сложились две литературные нормы, основанные на достаточно близких с лингвистической точки зрения идиомах (хотя их современная близость и может быть результатом более поздних процессов). Даргинская группа идиомов, напротив, исходно обладала высокой степенью диалектного разнообразия при отсутствии какого-либо общего койне или письменного варианта, однако особенности языковой политики в раннесоветский период привели к искусственной унификации всех этих идиомов под знаком единого языка.

4. Татские языки

В этом разделе мы снова рассмотрим один из иранских языков, на сей раз относящийся к совершенно другой группе и имеющий иную историю, чем осетинский. Слово *тат* изначально использовалось тюрками-кочевниками для обозначения оседлого ираноязычного населения [Suleymanov, 2020, с. 24]. В дальнейшем на Восточном Кавказе оно стало использоваться для обозначения группы идиомов, относящихся к юго-западной группе иранских языков. Татские языки восходят к среднеперсидскому или к родственному ему языку; они появились на Кавказе вместе с персидской империей Сасанидов и, скорее всего, доминировали на значительной части территории Азербайджана и южного Дагестана до того, как были постепенно вытеснены тюркскими языками.

Татские диалекты преимущественно распространены в Азербайджане, однако и на российском Северном Кавказе бытовало и до сих пор еще сохраняется несколько татских идиомов, среди которых самым известным является горско-еврейский язык, или джуури. Этот язык в советское время получил официальное признание, письменность и литературную норму; в послевоенный период его чаще обозначали просто как «татский язык», имея в виду именно еврейский вариант. Однако, помимо еврейского татского, в Дагестане с давних времен были распространены и говоры татов-мусульман. Точно оценить историческую численность их носителей затруднительно, однако, по имеющимся источникам, в конце XIX в. мусульманский татский был еще достаточно распространен как в г. Дербенте, так и во многих окрестных селениях, тогда как с

начала XX в. произошел стремительный языковой сдвиг в сторону азербайджанского языка [Коряков, 2023]. На сегодняшний день в Дагестане татоговорящие мусульмане проживают только в четырех населенных пунктах, находящихся в районе г. Джалган: с. Джалган и с. Нижний Джалган; с. Митаги и с. Митаги-Казмаляр. Эти разновидности татского никогда ранее не были объектами самостоятельного изучения; впервые систематические лингвистические данные о них были собраны в экспедициях, прошедших в 2022 и 2023 гг.

Классификация языков и диалектов татской группы сталкивается с целым рядом сложностей, которые отчасти перекликаются с теми проблемами, которые обсуждались для осетинского и даргинского выше. Прежде всего, существует представление, до сих пор встречающееся даже в некоторых академических работах [Windfuhr, Perry, 2009, p. 417], что татские идиомы являются диалектами персидского языка. Этот взгляд не может быть оправдан ни со структурно-лингвистической, ни с социолингвистической точки зрения. Татские идиомы и собственно персидский (т.е. фарси, кабульский дари и таджикский) не взаимопонимаемы. Их грамматические системы радикально отличаются, в особенности глагольная морфология: татский существенно видоизменил общеперсидскую систему глагольных основ и времен. Достаточно упомянуть, что персидские формы настоящего-будущего времени и импрефекта с префиксом *те-* / *ти-* в татском получили модальное значение, сменившись новыми образованиями на базе инфинитива, так что *настоящее* время в татском формально образуется от исторической основы *прошедшего* времени (см. сопоставление в табл. 1). Не меньшие отличия наблюдаются в структуре именной группы, в синтаксисе сложного предложения (где, в отличие от персидского, широко употребляются или даже преобладают нефинитные формы). С лексической точки зрения расстояние между татским и персидским также весьма велико: процент когнатов составляет около 79%, против 94% у персидского с таджикским [Коряков, 2023]. Всё это делает взгляд на них как на разновидности одного языка невозможным.

Классификация идиомов внутри самой татской группы также неясна. До советского периода татский никогда не имел официального статуса и функционировал только как разговорный язык; письменными языками были классический персидский и, позднее, азербайджанский языки. В советское время в качестве «татского языка» был разработан литературный вариант горско-еврейского языка, однако в среде татов-мусульман он не использовался, так

как они с точки зрения советской национальной политики относились к азербайджанской национальности и, соответственно, имели в качестве литературного азербайджанский язык. Таким образом, на сегодняшний день стоит задача разработки лингвистической классификации татской группы. Современный общий обзор разновидностей татского можно найти в работе: [Suleymanov, 2020]; предварительные сведения о лексико-статистической близости между различными идиомами содержатся в работе: [Коряков, 2023].

Таблица 1

**Сопоставление форм настоящего времени
в литературном персидском и джалганском татском**

	Литературный персидский		Джалганский татский	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
1	mi-rav-am	mi-rav-im	mu-raft-am	mu-raft-en-im
2	mi-rav-i	mi-rav-id	mu-raft-eni	mu-raft-en-it
3	mi-rav-ad	mi-rav-and	mu-raft-e	mu-raft-en-ut

По предварительным результатам Ю.Б. Корякова, документированные на сегодня татские идиомы можно разделить на четыре кластера, которые могут рассматриваться как самостоятельные языки: джуури, восточно-татский, ширванский и митаги-джалганский. Таким образом, речь селений Митаги и Джалган образует отдельный язык, при этом примечательно, что он не обладает какой-либо особенной лексической близостью к соседнему горско-еврейскому языку (87% когнатов), но при этом имеет существенно более высокий процент сходжений с восточнотатским (89% когнатов), что может указывать на то, что таты-мусульмане и горские евреи Дербентского района относятся к разным волнам миграции. Таким образом, ясно, что и в случае с татским традиционная точка зрения весьма далека от лингвистических реалий: вместо единого языка или даже диалекта персидского мы имеем дело как минимум с четырьмя различными языками.

Наконец, важной особенностью татов-мусульман, влияющей и на социолингвистический статус их языков, является слабый уровень этнической самоидентификации. Как уже было сказано выше, процесс формирования национальных идентичностей и литературных языков в Советском Союзе во многом направлялся сверху. Поэтому те этнические группы, которые по каким-то причинам были лишены собственного официального статуса как «национальностей» и, соответственно, официально признанного

письменного языка, часто оказывались «в тени» более крупных национальных групп, к которым они были формально приписаны. Носители мусульманского татского в большинстве были отнесены к азербайджанцам, и именно азербайджанский изучался ими в школах. При этом если в Азербайджане этноним *тат* в большинстве случаев употребляется самими носителями [Suleymanov, 2020], то в Дагестане носители митагинского и джалганского, по нашим наблюдениям, никогда не применяют его к себе; для них таты – это горские евреи. При этом джалганцы не относят себя и к азербайджанцам, во всяком случае, на сегодняшний день; если и используется какое-либо самообозначение, то это *джалганцы* или *фарси* (язык – *джалганский* или *фарсидский*). В современных реалиях отсутствие сильной этнической идентичности и официального статуса языка в системе образования способствует переходу носителей на другие языки, в данном случае – азербайджанский и русский.

5. Заключение

Итак, в настоящей главе я рассмотрел три примера, которые, как представляется, неплохо иллюстрируют сложности, с которыми сталкивается диалектологическая классификация на Северном Кавказе. Проблемы в каждом случае оказываются различными. Осетинский представляет собой язык со сравнительно небольшим уровнем междиалектного варьирования и ярко выраженной этнической идентичностью его носителей, имеющий при этом две сформировавшиеся литературные нормы и три «стандартных» орфоэпических варианта внутри крупнейшей из них. Внутри даргинского, напротив, степень дивергенции такова, что позволяет говорить о целой языковой группе, однако официальный статус литературного языка и довольно высокая степень этнической солидарности многих даргинцев не позволяют пока добиться официального признания для малых языков этой группы. Наконец, разновидности речи татов-мусульман долгое время оставались в тени престижа персидского, считаясь лишь его диалектами и не будучи ассоциированы с какой-либо конкретной этнической группой, однако с лингвистической точки зрения должны описываться как отдельные языки. Представляется, что для решения этих и подобных им проблем лингвистика должна выработать строгий аппарат, позволяющий регулярно и единообразно учитывать как собственно

лингвистические, так и социолингвистические и социальные факторы при решении проблем систематики и классификации.

Список литературы

- Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. Ч. 1. – Москва; Ленинград, 1949. – 601 с.
- Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. А–К. – Москва; Ленинград, 1958. – 655 с.
- Ахвледиани Г.С.* К истории осетинского языка I. Распределение диалектов осетинского языка по палатализованным велярным смычным и аффрикатам // Сборник избранных работ по осетинскому языку. – Тбилиси, 1960 а. – Т. 1. – С. 48–59.
- Ахвледиани Г.С.* «Южноосетинский» или «двальский»? // Сборник избранных работ по осетинскому языку. – Тбилиси, 1960 б. – Т. 1. – С. 60–64.
- Ахвледиани Г.С.* К истории осетинского языка II. Иван Ялгузидзе и его переводы с грузинского на осетинский // Сборник избранных работ по осетинскому языку. – Тбилиси, 1960 в. – Т. 1 – С. 80–90.
- Багаев Н.К.* Современный осетинский язык. Ч.I. Фонетика и морфология. – Орджоникидзе, 1965. – 487 с.
- Бекоев Д.Г.* Иронский диалект осетинского языка. – Цхинвали, 1985. – 387 с.
- Беляев О.И.* Место ширинского и амузгинского среди диалектов даргинского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований, 2019 а. – Т. 2, вып. 24. – С. 20–38. DOI: 10.23951/2307-6119-2019-1-29-43
- Беляев О.И.* Молитва Господня на кубачинском и литературном даргинском языке // Родной язык, 2019 б. – № 1. – С. 84–113.
- Беляев О.И., Муталов Р.О.* Литературный даргинский язык. Postnauka, 3 марта 2021 г. URL: <https://postnauka.org/longreads/155749>
- Грамматика осетинского языка / Ахвледиани Г.С. (ред.). Т. 1. Фонетика и морфология. – Орджоникидзе, 1963. – 368 с.
- Дзиццойты Ю.А.* Этногенез южных осетин по данным диалектологии // Известия Юго-Осетинского НИИ им. З.Н. Вансеева. – Цхинвал, 1998. – Вып. 35. – С. 181–197.
- Исаев М.И.* Дигорский диалект осетинского языка. – М., 1966. – 224 с.
- Камболов Т.Т.* Очерк истории осетинского языка. – Владикавказ, 2006. – 464 с.
- Коряков Ю.Б.* Проблема «язык или диалект» и попытка лексикостатистического подхода // Вопросы языкознания, 2017. – № 6. – С. 79–101.
- Коряков Ю.Б.* Татоидные языки в свете лексикостатистики. Доклад на Традиционных чтениях памяти С.А. Старостина, 23–24 марта 2023 г.
- Тыбылты А.А.* Равзаргае уацмыстæ [Избранные произведения]. – Цхинвали, 1964. – 98 с.
- Шёгрень А.М.* Осетинская грамматика съ краткимъ словаремъ осетинско-российскимъ и росийско-осетинскимъ. – Санкт-Петербург, 1844. – 298 с.
- Belyaev O.* Annotated Swadesh wordlists for Iron and Digor Ossetic, 2014. Online version at: Starostin, George (ed.) 2011–2019. The Global Lexicostatistical Database, <http://starling.rinet.ru/new100/>. Moscow: Higher School of Economics, & Santa Fe: Santa Fe Institute.

- Belyaev O.* Ossetic: Iron // IE-CoR [Data set] / Heggarty P., Anderson C., Scarborough M. (eds.). – Zenodo. – URL: <https://doi.org/10.5281/zenodo.8089434> <http://iecor.clld.org/contributions/124> (date of access: 18.03.2024).
- Belyaev O.* Ossetic: Digor // IE-CoR [Data set] / Heggarty P., Anderson C., Scarborough M. (eds.). – Zenodo. <https://doi.org/10.5281/zenodo.8089434> <http://iecor.clld.org/contributions/125> (date of access: 18.03.2024).
- Cheung J.* Studies in the historical development of the Ossetic vocalism. – Wiesbaden, 2002. – 331 p.
- Dewey-Findell T.K.* Flemish // IE-CoR [Data set] / Heggarty P., Anderson C., Scarborough M. (eds.). [Data set]. Zenodo. – URL: <https://doi.org/10.5281/zenodo.8089434> <http://iecor.clld.org/contributions/24> (date of access: 18.03.2024).
- Erschler D.* Iron Ossetic // The Oxford Handbook of Languages of the Caucasus / Polinsky M. (ed.). – Oxford, 2020. – P. 641–688.
- The Global Lexicostatistical Database / Starostin G. (ed.). – Moscow: Higher School of Economics, & Santa Fe: Santa Fe Institute, 2011–2019. – URL: <http://starling.rinet.ru/new100/>
- Gooskens C., van Heuven V.J.* Mutual intelligibility // Zampieri M., Nakov P. Similar languages, varieties, and dialects: a computational perspective. – Cambridge, 2021. – P. 51–95.
- Jocz L.* Belarusian // IE-CoR [Data set] / Heggarty P., Anderson C., Scarborough M. (eds.). – Zenodo. – URL: <https://doi.org/10.5281/zenodo.8089434>; <http://iecor.clld.org/contributions/16> (date of access: 18.03.2024).
- Jocz L.* Russian // IE-CoR [Data set] / Heggarty P., Anderson C., Scarborough M. (eds.). – Zenodo. <https://doi.org/10.5281/zenodo.8089434> <http://iecor.clld.org/contributions/60> (date of access: 18.03.2024).
- Koryakov Yu.B.* Convergence and divergence in the classification of Dargwa languages // 46th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea (SLE 2013). 18–21 September 2013. Book of abstracts. – Split, 2013. – Part 1. – P. 51–53.
- Language trees with sampled ancestors support a hybrid model for the origin of Indo-European languages / Heggarty P. [et al.] // Science. – 2023. – P. 381, eabg0818. – DOI: 10.1126/science.abg0818
- Masica C.P.* The Indo-Aryan languages. – Cambridge, 1991. – 540 p.
- Saenko M.* Annotated Swadesh wordlists for Turov Belarusian, Deulino Russian, 2016 a. Online version at: Starostin, George (ed.) 2011–2019. The Global Lexicostatistical Database, <http://starling.rinet.ru/new100/>. Moscow: Higher School of Economics, & Santa Fe: Santa Fe Institute.
- Saenko M.* Annotated Swadesh wordlist for Orbaniči Chakavian, 2016 b. Online version at: Starostin, George (ed.) 2011–2019. The Global Lexicostatistical Database, <http://starling.rinet.ru/new100/>. Moscow: Higher School of Economics, & Santa Fe: Santa Fe Institute.
- Saenko M.* Annotated Swadesh wordlists for Orlec Čakavian, Mistřice Moravian, Pilisszántó Slovak, 2017. Online version at: Starostin, George (ed.) 2011–2019. The Global Lexicostatistical Database. <http://starling.rinet.ru/new100/>. Moscow: Higher School of Economics, & Santa Fe: Santa Fe Institute.
- Saenko M.* Annotated Swadesh wordlists for Vrgada Chakavian, Zatoľmin Slovenian, 2018. Online version at: Starostin, George (ed.) 2011–2019. The Global Lexicosta-

- tistical Database, <http://starling.rinet.ru/new100/>. Moscow: Higher School of Economics, & Santa Fe: Santa Fe Institute.
- Suleymanov M.* A grammar of Şirvan Tat. – Wiesbaden, 2020. – 400 p.
- The Swadesh wordlist. An attempt at semantic specification / Kassian A., Starostin G., Dybo A., Chernov V. // *Journal of Language Relationship*. – 2010. – N 4. – P. 46–89.
- Thordarson F.* Ossetic grammatical studies. – Wien, 2009. – 259 p.
- Verkerk A.* Dutch // *IE-CoR* / Heggarty P., Anderson C., Scarborough M. (eds.). – Zenodo. – URL: <https://doi.org/10.5281/zenodo.8089434>; <http://iecor.clld.org/contributions/21> (date of access: 18.03.2024).
- Windfuhr G., Perry J.R.* Persian and Tajik // *The Iranian languages* / Windfuhr G. (ed.). – London, 2009. – P. 416–544.

КУРЬЯНОВА И.В.¹

1.18. ЭВОЛЮЦИЯ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА И ЕГО ДИАЛЕКТОВ

Аннотация. В главе представлено современное состояние таджикского литературного языка и его диалектов с позиции современного языкознания. Дан краткий экскурс в историю таджикского языка, приведена традиционная классификация таджикских диалектов. Рассмотрены некоторые лингвистические и социокультурные особенности таджикских говоров, особое внимание уделено русско-таджикскому билингвизму в условиях современного двуязычия.

Интерес к изучению современного таджикского литературного языка и его диалектов как для отечественного, так и для таджикского языкознания обусловлен изменением современных экономических, политических и социокультурных связей на территории Российской Федерации и стран ближнего зарубежья. Распространение русско-таджикского билингвизма, активный процесс взаимодействия указанных языков, характеризующийся социальной обусловленностью, является одним из центральных вопросов таджикской этнолингвистики и диалектологии. Это связано не только с сущностью самого таджикского литературного языка, но и с его функционированием в условиях быстро меняющейся геополитической ситуации в XXI в.

Таджикское языкознание имеет давнюю традицию. Изучение и исследование диалектов и говоров таджикского языка берет свое начало в 1861 г. с издания книги профессора Казанского уни-

¹ Государственное бюджетное учреждение г. Москвы «Московский исследовательский центр» Департамента региональной безопасности и противодействия коррупции г. Москвы; Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; ivkuryanova@mail.ru

верситета В.В. Григорьева «О некоторых событиях Бухары, Каканда и Кашкара» [Шарифова, 2018], в которой приводятся сведения о некоторых специфических чертах бухарских говоров на основе воспоминаний бухарского торговца Мирзошамса [Шарифова, 2018].

В дальнейшем опыт и научная школа ученых-востоковедов в период Советского Союза предоставили исследователям широкие возможности для развития таджикского языкознания. Ценный вклад в развитие таджикской диалектологии внесли такие иранисты, как И.И. Зарубин, А.В. Лившиц, В.С. Расторгуева, А.З. Розенфельд, А.Л. Грюнберг, Дж.И. Эдельман, А.Л. Хромов, Р.Х. Додихудоев, Г. Джураев, С. Назарзода, Ф.Х. Шарифова, Б.Б. Лашкарбеков, М.К. Назарова и др. Также в этом контексте можно упомянуть, например, следующие актуальные исследования последнего времени: [Фомин, 2011; Шарифова, 2018; Матробиён, 2022; Мухиддинова, 2022] и др.

Таджикский литературный язык имеет тысячелетнюю историю и восходит к языку классической персидско-таджикской литературы IX–XV вв., единому для носителей современного персидского, таджикского и дари языков, принадлежит к юго-западной группе иранских языков, входящей в индоевропейскую языковую семью, к которой относятся также и славянские языки [Фомин, 2011].

Традиционно исследователями выделяются три периода в истории становления и развития указанных близкородственных языков [Лашкарбеков, 2011]:

1) древний – древнеперсидский язык, засвидетельствованный в древнеперсидских клинописных памятниках VI–III вв. до н.э.;

2) средний – среднеперсидский язык, представленный разнообразными письменными памятниками с IV в. до н.э. по VIII–IX вв. н.э.;

3) новый – новоперсидский язык (классический персидский / персидско-таджикский) и образовавшиеся на его базе современные языки – персидский, таджикский и дари.

Разговорный таджикский язык начал распространяться с VIII в. (до этого периода предки таджиков говорили на согдийском и бактрийском языках) с приходом в Среднюю Азию ислама: проповеди велись на близкородственном местным говорам персидском языке, в связи с чем он получил большое распространение и заменил восточноиранские языки; а персоязычные жители Средней Азии постепенно стали называться «таджиками» [Иванов, Семенова, Хушкадамова, 2009].

Название «таджикский язык» появилось сравнительно недавно – в 1920-е годы, прежде он именовался «таджикским наречием персидского языка». Группа ученых под руководством выдающегося деятеля культуры и литературы С. Айни разработала нормы таджикского языка, основной целью которых была демократизация языка для его доступности для понимания всем населением [Иванов, Семенова, Хушқадамова, 2009]. В течение многих столетий этот язык, представленный такими поэтами, как Рудаки, Фирдоуси, Хафиз, Саади и др., существенно не подвергался изменениям с позиции грамматической структуры; модификации касались в основном лексики и стиля [Керимова, 1997]. Разговорная речь, напротив, на протяжении некоторого времени претерпевала трансформации как в грамматике, так и в лексике: в таджикских говорах появилось много грамматических новообразований, а также слов, которые в литературном языке не функционировали [Керимова, 1997]. В 1930 г. письменность на основе арабской графики переведена на латиницу, с 1940 г. используется русская графика с добавлением нескольких знаков, отсутствующих в русском языке [Лашкарбеков, 2011].

Новой страницей в современной истории таджиков и таджикского языка стало издание первого закона «О языке» 22 июля 1989 г., когда таджикский язык был определен как государственный язык Таджикской ССР. В настоящее время согласно Закону Республики Таджикистан от 2009 г. «О государственном языке Республики Таджикистан» общаться с органами государственной власти и управления, предприятиями и учреждениями, получать информацию и документы в Таджикистане можно только на таджикском языке, который функционирует как язык образования, общественно-политической жизни, средств массовой информации, науки, кино, театра, художественной литературы.

Современный таджикский литературный язык – язык номинативного строя, флективно-аналитического типа [Лашкарбеков, 2011]. Порядок слов при построении высказываний строго регламентирован: подлежащее стоит преимущественно в начале высказывания, сказуемое – в конце (место сказуемого достаточно строгое) [Иванов, Семенова, Хушқадамова, 2009]. В таджикском языке отсутствуют категории грамматического рода или определенных артиклей, но при этом есть изменения по лицам и числам. Так, грамматическая категория рода в русском языке представлена системой трех рядов форм, выражающих грамматическое значение мужского, женского и среднего рода. В таджикском же языке

понятие грамматического рода, связанное с делением слов на классы со специальными морфологическими показателями, отсутствует. Фактическое отсутствие грамматической категории рода в таджикском языке – а точнее, наличие формальных показателей лишь мужского рода – продиктовано, вероятно, этнической традицией: доминирующим социальным и семейным положением мужчины по сравнению с женщиной. По данным этнокультурологии, главенство мужа и отца при подчиненном положении женщины проявлялось и в образе жизни (женщины жили во внутренней половине дома, куда посторонние мужчины не допускались, горюжанка выходила на улицу, скрытая паранджой – *фаранҷӣ* и черной сеткой из конского волоса – *чашибанд*), и перед законом (сын наследовал в два раза большую долю, чем дочь; как по шариату, так и по обычному праву дети принадлежали отцу, а не матери, – в случае развода и ухода жены из дома она обычно уносила с собой только детей грудного возраста, остальные дети должны были остаться при отце; унесенные матерью дети, повзрослев, также должны были вернуться к отцу, даже в случае смерти отца мать могла оставить себе детей только с согласия родных мужа). На первый взгляд это мелочи, но все это находит отражение как в самом языке, так и формах речевого взаимодействия. Разграничение таджикских существительных по роду основывается не на лексико-грамматических, а на семантических принципах указания на биологический пол для одушевленных существительных: «хохар» – «сестра», «бародар» – «брат», «мард» – «мужчина», «зан» – «женщина». Однако все это деление слов носит чисто семантический характер и не имеет ничего общего с грамматическим родом. Оно не влияет ни на формы словоизменения, ни на связь слов в предложении и никакими грамматическими средствами не выражается [Керимова, 1990].

Если в русском языке еще одним способом формальной экспликации категории рода является использование соответствующих личных местоимений («он», «она», «оно»), то в таджикском языке род слова не может быть выражен через использование местоимений, так как и «он», и «она», и «оно» представлены в таджикском языке одним местоимением – «*ӯ*» / «*вай*» («он»). Род лексических единиц в таджикском языке может быть определен исключительно контекстом. Категории грамматического рода в таджикском языке нет, а для названия некоторых живых существ имеются различные лексические единицы, выражающие их принадлежность к мужскому или женскому полу, что фактически не

имеет никакого грамматического значения [Ефимов, Расторгуева, Шарова, 1982].

Таджикский язык отличается большим диалектным многообразием. В 1930 г. в качестве диалектной базы для обновляемого литературного языка были приняты северные диалекты, в первую очередь говоры Бухары и Самарканда (языковая ситуация, когда в основе нормативного языка лежат говоры, присущие жителям городов, находящихся в настоящее время на территории другого государства) [Агафонова, 2021]. В качестве основного признака, на котором базируется данная классификация, взят характер отражения в говорах группы исторических гласных заднего ряда: [u], [ū], [ō] [Лашкарбеков, 2011; Назарова, 2014; Иванов, Семенова, Хушкадамова, 2009; Керимова, 1997].

В соответствии с принятой классификацией [Файзов, 1992; Лашкарбеков, 2011; Назарова, 2014; Иванов, Семенова, Хушкадамова, 2009; Керимова, 1997] они делятся на четыре большие группы:

- 1) *северная группа*;
- 2) *южная группа*;
- 3) *юго-восточная* (дарвазская) *группа*;
- 4) *центральная* (верхнезеравшанская) *группа*.

Кроме указанной традиционной классификации, в последние годы сформировался так называемый междиалектный язык – *душанбинский койне*, который, наряду с диалектами и наречиями, активно используется в разговорной речи [Керимова, 1997]. Вне упомянутых четырех групп и так называемого душанбинского койне остаются группы, представляющие типы переходных говоров между (а) центральной и северной группами (верхнечирчинские, северно-ферганские и южно-ферганские говоры) и (б) южной и юго-восточной группами (вахито-болинский или вахинско-дарвазский говоры). Данным говорам присущ вокализм одного типа диалектной группы, а глагольная система и синтаксис – другого (например, фонетическая система, в частности вокализм вахинско-дарвазского говора, соответствует южному типу, а глагольная система – юго-восточному) [Лашкарбеков, 2011].

Каждая группа диалектов делится на крупные диалекты, которые, в свою очередь, распадаются на более мелкие группы говоров, говоры и подговоры. Всего известно более 50 таджикских диалектов и говоров. Изоглоссы отдельных диалектных явлений обычно не совпадают, поэтому выделение диалектов, говоров и подговоров может быть затруднительным. Границы между отдельными диалектами не абсолютны, так как говоры незаметно

переходят один в другой, поэтому расхождения между говорами не нарушают общего взаимопонимания у их носителей [Лашкарбеков, 2011]. Исследования таджикских диалектов последних лет свидетельствуют о том, что изоглоссы отдельных диалектных явлений выходят далеко за пределы Таджикистана, находя свое продолжение в Афганистане и в северной части Ирана (в частности, в Хорасане) (см., напр.: [Файзов, 1992; Лашкарбеков, 2011; Назарова, 2014; Иванов, Семенова, Хушкадамова, 2009; Керимова, 1997]).

В трудах исследователей-иранистов отмечается, что территориально по классификационным признакам наиболее четко очерчиваются северная и южная группы; юго-восточная группа имеет довольно компактную зону распространения, внутреннее деление этой группы пока еще точно не установлено (см., напр.: [Файзов, 1992; Лашкарбеков, 2011; Назарова, 2014; Иванов, Семенова, Хушкадамова, 2009; Керимова, 1997]). Внутри центральной (верхнезеравшанской) группы выделяются матчинский и фальгарский диалекты, распространенные на территории Матчи, Фальгара и долины реки Фан-Дарьи [Файзов, 1992; Лашкарбеков, 2011; Назарова, 2014; Иванов, Семенова, Хушкадамова, 2009; Керимова, 1997]. Внутри северной группы выделяются 10 основных диалектов, распространенных на территории Ленинабада, Бухары, Пенджикента, Дербента и др.: самаркандско-бухарский и самаркандско-еврейский диалекты, западно-ферганский и восточно-ферганский диалекты, пенджикентский городской и пенджикентский сельский диалекты, уратюбинский, варзобско-ггиссарский, байсунский и дербентский диалекты [Файзов, 1992; Лашкарбеков, 2011; Назарова, 2015; Иванов, Семенова, Хушкадамова, 2009; Керимова, 1997]. Южная группа насчитывает пять диалектов, к которым относятся каратегинский, северно-кулябский и южно-кулябский, рогский и бадахшинский диалекты [Файзов, 1992; Лашкарбеков, 2011; Назарова, 2014; Иванов, Семенова, Хушкадамова, 2009; Керимова, 1997].

Представленная классификация таджикских говоров основывается в первую очередь на фонетических различиях. Так, например, отличительными фонетическими признаками всех южных диалектов являются регулярная спирантизация интервокального и поствокального [b], а также регулярный переход [o] в [u] перед носовыми согласными; северный тип консонантизма характеризуется отсутствием фарингальных согласных в большинстве говоров, тогда как фонетической особенностью диалектов центральной группы является, напротив, наличие фарингальных согласных [Лашкарбеков, 2011]. Кроме того, современные говоры таджикского

языка различаются между собой в употреблении согласных звуков, унаследованных от исходной иранской системы консонантизма, которые по-разному представлены в говорах с учетом их позиционного распространения [Лашкарбеков, 2011].

Фонетические и грамматические особенности диалектов таджикского языка достаточно подробно изучены с позиции требований современного языкознания. Фундаментальные же исследования диалектной лексики таджикского языка начались только во второй половине 70-х годов XX в. и связаны прежде всего с такими именами, как Т. Максудов, Р.Л. Неменова, Г. Джураев, Ш. Исмоилов. При этом многими исследователями отмечается, что в настоящее время особенности лексики таджикских диалектов, в частности группы говоров северных, центральных, юго-восточных, а также переходных диалектов, еще недостаточно изучены с позиции современного состояния таджикского языка и требуют всестороннего анализа [Сулаймонов, 2018].

Социокультурные инновации, затрагивающие различные стороны жизни, наиболее ярко проявляются в лексике современного литературного таджикского языка и его диалектах. Этнолингвистические ареалы Таджикистана бесконечно разнообразны, поскольку различные этносы, живущие в регионах Таджикистана, неизбежно влияют друг на друга. При этом в каждом отдельном регионе сохраняются свои уникальные этнолингвистические особенности, которые проявляются в обычаях и традициях, коммуникации и культуре. В разных регионах Таджикистана можно услышать не только свой собственный говор и произношение, но и совершенно особые слова и фразы, присущие именно этой местности. Проиллюстрируем вышесказанное на примере худжанского говора северной группы диалектов, кулябского говора южной группы и говора жителей Памира.

Северные группы диалектов Таджикистана отличаются большим многословием. Лица, говорящие на худжанском диалекте, обращаются на «вы» даже к маленьким детям, а общение на «ты» считается признаком необразованности. Даже при семейном общении и воспитании провинившихся детей говорящие обязательно употребляют местоимение «шумо» («вы») – так требуют сложившаяся традиция и культура речи. У жителей северного региона принято начинать свою речь с долгого приветствия, в котором традиционно спрашивается обо всех членах семьи адресата, включая дальних родственников, их здоровье и самочувствии, настроении, сердцебиении и прочем, – это традиционная «прелюдия»

к основному разговору. Еще одной социолингвистической особенностью худжанцев является их любовь к юмору и шуткам над самим собой, в одной из популярных среди таджиков групп в социальных сетях «Я люблю Худжанд» можно встретить такие высказывания: «Только в Худжанде пьют чай полулежа, потому что лежа совсем неудобно», «Только худжанцы называют зелень голубой (кабуди), а морковь зеленой (сабзи)», «Только у нас на свадьбе жених не знает 50% приглашенных, а невеста 80%» и др. [Сулаймонов, 2018]. Худжанцы никогда не говорят «в лоб», замечания из их уст звучат как сочетание укора, юмора, сарказма и намека; например, если кто-то оставил открытой дверь, худжанцы вместо побуждения закрыть ее используют фразу: «Хонатонанда дар нет ми?» («У вас дома нет дверей?»), подразумевающую не только просьбу закрыть дверь, но и определенный упрек в невнимательности [Сулаймонов, 2018]. Кроме того, худжанская речь, в отличие от речи других регионов Таджикистана, богата разнообразными пословицами и поговорками, а также отличается наличием разнообразного молодежного сленга, не распространенного на других территориях республики. Некоторые фразы худжанского диалекта не подлежат дословному переводу, поскольку их при переводе возможно передать оригинальный смысл сказанного (например, дословный перевод худжанской фразы «чах зада битон» – «покрутитесь и приходите», а на самом деле высказывание означает, что вас вежливо пригласили зайти в гости). Речь худжанцев плавная и мелодичная, особый ритм худжанского говора достигается за счет употребления различных окончаний фраз с растягиванием ударных гласных, типа «дия», «охир», «дэ» и др.

В южном регионе, в частности в кулябских диалектах, напротив, мелодический контур преимущественно изрезанный, голос аудитивно воспринимается как резкий и грубый настолько, что неосведомленному человеку может показаться, что с ним общаются на повышенных тонах и грубят [Назаров, 2015]. Такое перцептивно-слуховое восприятие описываемого диалекта основывается на диалектологических особенностях: как правило, в кулябских диалектах гласные звуки [y] и [a] заменяются на [ы], а остальные вовсе пропускаются [Назаров, 2015].

В общении южане предпочитают обращаться ко всем окружающим на «ты», эта манера сохраняется даже во время разговора детей с родителями, что на севере Таджикистана считается неприемлемым [Назаров, 2015]. Такой способ общения (на «ты») стал даже поводом высмеивания южных регионов Таджикистана в раз-

личных комедийных шоу [Назаров, 2015]. Отличительной особенностью кулябских говоров является обилие метафор: например, «Кандта бзан!» («Кушай сахар!») – излюбленное выражение при выражении одобрения и похвалы. В отличие от худжанского диалекта, кулябский не отличается многословием.

Сложность и многообразие проявления всех диалектных особенностей и многоязычия в Таджикистане хорошо иллюстрируется описанием ситуации на Памире. Восточно-иранский язык памирцев – наследие предков, которым очень дорожат жители этого региона, поэтому даже при наличии познаний в области таджикского языка понять их бывает иногда невозможно. Это объясняется тем, что каждая народность на Памире имеет свой язык – шугнанский, рушанский, ваханский, язгулямский и т.д. [Назаров, 2015]. Как правило, жители Памира владеют тремя и более языками. Памирский этнологический регион представляет большой интерес с позиции частного и общего языкознания, так как в нем зафиксировано большое количество памирских бесписьменных языков [Лашкарбеков, 2011]. Отличает язык жителей Памира и использование алфавита (некоторые буквы в нем, в отличие от остальных таджикских диалектов, пишутся латиницей, чтобы не терять особенностей их произношения), и обильное использование звука [ц], что делает говор памирцев непохожим ни на литературный таджикский язык, ни на территориальные диалекты [Иванов, Семенова, Хушкадамова, 2009; Керимова, 1997]. Язык Памира, так же как и южные диалекты, богат на метафоры: «Гир ке хофцам» (в дословном переводе – «Останови, я выйду») передает не просьбу, а раскрытие обмана, когда говорящий продолжает лгать и это известно собеседнику.

Обилие таджикских диалектов и говоров способствует полилингвизму, который распространен не только в официальном общении, но и в повседневной жизни людей. Практически все таджики двуязычны [Иванов, Семенова, Хушкадамова, 2009; Керимова, 1997]. Сложность и многообразие проявления диалектных особенностей и многоязычия в Таджикистане связано с многолетними языковыми контактами с иноязычными народами и, как следствие, интенсивным распространением билингвизма и полилингвизма. Таджики, живущие в соседстве с узбеками, владеют, активно или пассивно, узбекским языком. Для жителей городов и районов, где имеется большой контакт с русскими, русский язык стал вторым языком. Современный исследователь таджикского языка Н.Н. Розгозная отмечает, что в настоящее время билингвизм в Республике

Таджикистан «рассматривается как общественная норма, в соответствии с которой русский язык, наряду с таджикским, выступает в качестве второго изучаемого языка» [Рогозная, 2022, с. 10]. Проведенное ученым анкетирование среди студенческой молодежи Таджикистана показало, что социально востребованными на сегодняшний день в республике являются таджикский, русский, английский, узбекский, киргизский и китайский языки [Рогозная, 2022].

Приобретение независимости Республикой Таджикистан, придание таджикскому языку статуса государственного, социально-политические изменения, происходящие в конце XX – начале XXI в., т.е. в период независимости республики, расширение международных связей Таджикистана с другими странами – все это вызвало интенсивное обновление и изменение словарного состава таджикского языка. Сегодня на таджикском языке разговаривают порядка 3–4 млн человек в Таджикистане, Узбекистане (в частности, Бухаре и Самарканде), частично в Афганистане, Иране, Казахстане и Киргизии.

Специфика появившихся новых лексических единиц обусловлена социокультурными и экстралингвистическими факторами, влияющими на формирование целого пласта неологизмов. Среди основных источников обогащения современного языка таджиков можно выделить собственно словарный фонд таджикского языка (возрождение «забытых» архаичных слов), персидский язык и язык дари, а также русско-интернациональные слова. Остановимся подробнее на основных тенденциях в таджикском языке, сопровождающих активное контактирование русского и таджикского языков на территории Таджикистана.

Большинство русских заимствований в таджикском языке составляют существительные («электричество», «лампочка», «машина», «театр», «автобус», «стол», «сумка» и пр.). В словарях, изданных в советский период, можно обнаружить большое количество русизмов и интернационализмов, попавших в таджикский язык посредством русского языка: «телевизор», «синама» / «кино», «антенна» и т.д. Это в основном научно-техническая, общественно-политическая терминология, а также бытовая лексика. В речи таджиков также могут наблюдаться кальки, созданные по модели таджикских сложных глаголов с вспомогательным «кардан» – «делать»: например, «телефун кардан» – «звонить» (ср. тадж.: «занг кардан»). Это явление характерно для таджикской молодежи, изучавшей русский язык в постсоветский период. Иногда рус-

ские слова остаются неизменными, а иногда обрастают таджикскими окончаниями или приставками, например «почтаи электро-ни» [Курьянова, 2011; Курьянова, Елемешина, 2013].

В связи с тем что русский язык во время существования Советского Союза был государственным языком Республики Таджикистан и после его распада продолжает изучаться в таджикских школах, интерференция таджикского языка на русский на лексическом уровне наименее заметна. Заимствования из русского языка в таджикский обычно происходит устным путем, поэтому русские и интернациональные слова подвергаются фонетическим изменениям согласно законам таджикского языка. Большинство русскоязычных заимствований, особенно в разговорной речи, меняют свою фонетику, обретая более удобное для таджикского языка произношение (смена ударения, выпадение мягкого знака, замена звуков и др.) [Курьянова, 2011; Курьянова, Елемешина, 2013]. С учетом фонетических норм русского языка групповыми признаками, характерными русской речи таджиков, будут являться такие, как неразличение звуков [и] и [ы] (в таджикском языке фонема [ы] отсутствует): «вибор», «ви», «ми»; так как ударные таджикские гласные характеризуются более продвинутым вперед стилем произнесения, как правило, эти особенности сохраняются в русской речи; в связи с практическим отсутствием редукции в таджикском языке дикторам-билингвам свойственно заменять безударные русские гласные на «устойчивые» в таджикском языке (каким, например, является таджикский [о]): «мошин». Что касается согласных, то характерными для речи таджиков являются процессы неразличения категорий твердости / мягкости перед гласными переднего ряда, а также смягчение шипящих в аналогичных позициях, так как звуки [ж], [ш] в таджикском языке могут быть палатализованными («не знаю, не звонил», «проживали»). Характерно нарушение законов оглушения / озвончения – например, отсутствует замена звонкого согласного на глухой в позиции конца слова: «через», «раз». В согласных сохраняется увулярное произношение заднеязычных звуков [к], [х] наряду с велярным, характерным для русского языка; преобладает чрезмерная назализованность согласных [м], [н]. Так как в таджикском языке не допускается стечение согласных в начале и в середине слова, в речи дикторов при наличии двух и более гласных между согласными или перед первым из них появляется эпентетический гласный: «м[и]не», «п[и]люс», «сам[у]са» [Курьянова, 2011; Курьянова, Елемешина, 2013].

В то же время следует отметить, что ряд фонетических особенностей отдельных говоров, отличных от литературного варианта, в то же время сближает их с произносительной нормой русского языка. Например, в северных говорах переднеязычные согласные являются зубными дорсальными, а не апикальными и не альвеолярными, звонкие шумные согласные на конце слов полностью оглушаются, а вместо увулярного нередко произносится веларный щелевой; в ряде южных и дарвазских говоров часто наблюдается регрессивная ассимиляция по звонкости в сочетаниях «глухой шумный – звонкий шумный», сильная степень смягчения согласных перед гласными переднего ряда; в говоре Айни и ряде других говоров при произнесении [ш], [ж] отсутствует средний смягчающий фокус – реализуются однофокусные альвеолярные или даже какуминальные согласные, близкие по звучанию к нормативным русским [Курьянова, 2011; Курьянова, Елемешина, 2013].

Взаимовлияние двух культур, русской и таджикской, находит особенно яркое отражение в разговорной речи как наиболее подвижной сфере литературного языка. Дальнейшие исследования диалектов и говоров, распространенных на территории Республики Таджикистан, могут открыть широкие возможности для распространения и развития лексики таджикского литературного языка и совершенствования его стилей. Современные тенденции таджикского языкознания, касающиеся, в частности, графики и орфографии таджикского языка, а также орфоэпических и фонетических норм, подлежат дальнейшему изучению.

Список литературы

- Агафонова М.П. Динамика таджикско-русской интерференции в разных типах речи при реализации супraseгментных единиц: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Санкт-Петербург, 2021. – 434 с.
- Ефимов В.А., Расторгуева В.С., Шарова Е.Н. Персидский, таджикский, дари // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. – Москва: Наука, 1982. – 571 с.
- Иванов В.Б., Семенова Е.В., Хушгадамова Х.О. Учебник таджикского языка для стран СНГ: в 2 ч. / под ред. М.С. Мейера. – Москва: Ключ-С, 2009. – 144 с.
- Керимова А.А. Таджикский язык // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – С. 502.
- Керимова А.А. Современный таджикский литературный язык (функционирование и развитие): автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.08. [Электронный ресурс]. – Москва, 1997. – 34 с. – URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01000117732#?page=2> (дата обращения: 24.01.2024).

- Курьянова И.В.* Языковые маркеры универсального и специфического в этнической идентичности // Вестник Московского государственного лингвистического университета «Речеведение и прагмалингвистика». – Москва: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2011. – Вып. 13 (619). – С. 117–136.
- Курьянова И.В., Елемешина Ю.А.* Таджикско-русская интерференция в речи дикторов-билингвов применительно к задаче идентификации // Вестник Московского государственного лингвистического университета «Междисциплинарный подход в теоретической и прикладной лингвистике». – Москва: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2013. – Вып. 13 (673). – С. 91–102.
- Лашкарбеков Б.Б.* Русско-таджикский разговорник. – Москва: Говорун, 2011. – 256 с.
- Матробиён С.К.* Этнолингвистическое исследование языковой картины мира таджиков: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.6. – Душанбе, 2022. – 348 с.
- Мухиддинова Т.Х.* Этнолингвистический анализ лексики поверий и традиций в таджикском языке и их соответствий в английском: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Душанбе, 2022. – 348 с.
- Назаров М.М.* Лингвокультурные особенности примет в южном говоре таджикского языка (на материале кулябских диалектов): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22. – Душанбе, 2015. – 178 с.
- Назарова М.К.* Типология фразового ударения в современном английском и таджикском языках. [Электронный ресурс] // «Номаи Донигоҳ * Ученые записки * Scientific Notes». – 2014. – Вып. 4 (41). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-frazovogo-udareniya-v-sovremennom-angliyskom-i-tadzhikskom-yazykah> (дата обращения: 01.02.2024).
- Рогозная Н.Н.* Би- и полилингвизм в современном Таджикистане: сборник научных трудов / отв. ред. З.Н. Якушкина. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т., 2022. – 319 с.
- Сулаймонов И.О.* Лексика говора горного Гиссара: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.22. – Душанбе, 2018. – 189 с.
- Файзов М.* Гласные звуки таджикского литературного языка. – Душанбе, 1992. – 116 с.
- Фомин А.Ю.* Глоттохронологическое исследование дивергенции таджикского, дари и персидского языков. – Душанбе, 2011. – 30 с.
- Шарифова Г.М.* Лексика таджикских говоров на современном этапе: состояние и развитие (на материале матчинского говора): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Душанбе, 2018. – 172 с.

АЛПАТОВ В.М.¹

1.19. СТАРЫЕ И НОВЫЕ ДИАЛЕКТЫ В ЯПОНИИ

Аннотация. В Японии (в отличие от многих государств, включая Россию) территориальные диалекты вполне устойчивы и широко используются, несмотря на массовое владение стандартным (литературным) языком. Это связано с фундаментальным для японской культуры противопоставлением «свой – чужой». Обычно со своими говорят на диалекте, а с чужими – на литературном языке. При функциональной устойчивости диалекты структурно находятся под сильным влиянием стандартного языка и теряют многие особенности.

Территориальные диалекты могут, как известно, изучаться в разном плане: с чисто лингвистической и с социолингвистической точки зрения. Традиционно их исследовали, прежде всего, в чисто лингвистическом плане, фиксировали специфическую фонетику, грамматику, лексику, а социолингвистические характеристики обычно бывали однотипными. Территориальные диалекты в основном распространены в сельской местности, используют их необразованные люди, они обладают низкой престижностью, при определенных условиях диалект может лечь в основу литературного (стандартного) языка, но в наше время нередко исчезает. Так характеризуются, в частности, русские диалекты. В то же время арабские, китайские или немецкие языковые образования, традиционно именуемые диалектами, могут не обладать вышеуказанными признаками. Исследователи часто замечали, что территориальные диалекты изменяются чаще всего в сторону сближения с литературным языком, но от этого явления при описании диалекта стараются отвлекаться.

¹ Институт языкознания РАН, Москва, Россия; v-alpatov@iling-ran.ru

В Японии (притом что уже к середине I тысячелетия сложился японский этнос) традиционно диалектные различия были значительными. Гористый рельеф и прикрепление крестьян к земле не способствовали интенсивным контактам между жителями разных частей страны. Население издавна большей частью контактировало в пределах обособленных территорий, часто носители разных диалектов не понимали друг друга.

В течение многих веков первостепенную роль в жизни японцев играло и играет противопоставление «свой ↔ чужой», хотя стандартные способы его выражения в языке еще не существовали. Также это противопоставление определяло отношение к «иностранным», которые могли быть только чужими. Япония всегда сохраняла независимость.

В качестве единого для всей Японии языка использовался либо японизированный китайский язык (камбун), либо бунго – старописьменный язык на основе диалекта Киото VIII–XII вв. Оба они могли использоваться по всей территории страны как при общении со своими, так и при общении с чужими. Типологически бунго сходен с такими языками, как латынь или церковнославянский.

После буржуазной революции 1867–1868 гг. и начала европеизации Японии сформировался новый литературный язык на разговорной основе, господствующую роль в этом процессе играл диалект Эдо (Токио). Окончательно эта разновидность языка сложилась в первой четверти XX в., тогда же стали издаваться нормативные грамматики.

Однако широкое распространение литературного языка не привело к исчезновению того, что принято называть диалектами. Достаточно часто в разных государствах в период формирования и становления общего для всех стандартного (литературного) языка господствует представление о том, что диалекты – «порча» языка, а в задачу школы входит их искоренение, такие идеи в этот период господствовали, скажем, для русского языка, встречались они и в Японии. Но и сейчас указывают, что там «семейным средством коммуникации» по-прежнему служит территориальный диалект [Grootaers, Shibata, 1982, с. 328]. Дети до школы чаще всего владеют лишь им и окончательно начинают отличать его от литературного языка лишь под влиянием школы, через которую проходят практически все японцы. Хотя каждый коренной житель Японии считает себя носителем единого японского языка, он / она (кроме части населения крупных городов) владеет двумя или даже больше языковыми образованиями (не считая иностранных языков). В на-

стоящее время носители разных диалектов (кроме островов Рюкю) в основном понимают друг друга, но особенности тех или иных вариантов замечаются и часто служат индикатором местности, из которой происходит данный человек.

Значительная часть японцев без труда, за одним исключением (о котором ниже), производят переключение кодов, которое социально обусловлено. Оно связано с вышеупомянутым фундаментальным для японской культуры противопоставлением «свой ↔ чужой». В японском языке постоянно употребляются существительные *uchi* ‘пространство внутри; внутри’ и *soto* ‘пространство вне; вне’. Много и сложных слов из китайского слоя лексики с соответствующими корнями *nai* и *gai* (в том числе слово *gaijin*, именуемое иностранца). Как пишет одна из исследовательниц японской языковой культуры, противопоставление *uchi* – *soto* – «основное понятие, которое формирует японское общество» [Tanaka, 1990, с. 22] (см. также: [Гуревич, 2005, с. 69–78]).

В самом общем виде можно сказать, что для любого говорящего и собеседник, и все лица, упоминаемые в его речи, должны обязательно оцениваться с точки зрения принадлежности или непринадлежности к одной и той же с ним группе. Понятия «своего» и «чужого» не абсолютны, а относительны. Как «свои» могут рассматриваться члены своей семьи в противоположность остальным людям, соседи в противоположность далеко живущим, уроженцы одной местности в противоположность уроженцам иных мест, сотрудники своей фирмы в противоположность персоналу иных фирм, люди одного пола в противоположность иному полу и т.д. Каждый человек может для того же самого человека быть «своим» в одной ситуации и «чужим» в другой. Предельный случай – отношение к всегда «чужому» иностранцу, при котором «своим» будет считаться любой соотечественник. Следующая ступень – незнакомый человек, о котором все-таки что-то можно сказать: бывают очевидны пол, возраст, раса (является ли он японцем, ясно не всегда: например, кореец по внешнему виду может от японца не отличаться). Однако у незнакомого может не быть категории, в которую его можно включить, поэтому в общении с ним могут возникать трудности: скажем, неясно, как к нему обратиться [Takiura, 2007, с. 37]. Наоборот, предельный случай «своего» – сам говорящий, который в каких-то ситуациях может быть противопоставлен всем остальным людям.

Диалект в современной Японии представляет собой в той или иной степени средство объединения некоторой группы (терри-

ториальной и / или социальной). Диалект – естественная форма общения со «своими»; чем в большей степени собеседник рассматривается как «свой», тем больше возможность обращения к нему на диалекте. Предельный случай – семья. А для обращения к чужому было найдено средство: к незнакомому человеку, тем более к иностранцу, будут стараться обращаться на литературном языке, в той или иной степени известном благодаря школе и СМИ. Раньше этому мешало недостаточное распространение стандартного языка, теперь им владеют практически все. Наш выдающийся ученый Е.Д. Поливанов, изучая в 1910-е годы нагасакский диалект, освоил его настолько, что мог на нем говорить, однако это вызвало отрицательное отношение местных жителей [Oya no hoogen akusento ga kodomo no akusentokata no hatsuwa ni ataeru eikyoo, 1984], и его контакт с информантами был потерян. Иностранец – чужой по определению. Не обратятся на диалекте и к социально высшему (если он не родственник). Указывают, что жители деревни или небольшого города обратятся к друзьям на диалекте, к старосте или учителю – на чем-то среднем между литературным языком и диалектом, с незнакомым человеком или перед телекамерой будут говорить на литературном языке [Nihongo no 21 seiki. Nihongo wa doo kawaru ka, 1983, с. 38]. В последние десятилетия, когда литературный язык активно внедряется в быт через школу и СМИ, такой переход для большинства трудностей не вызывает. Мне приходилось видеть телепередачи, в которых деревенские женщины говорили между собой на диалекте, но увидев перед собой телекамеру, переходили на стандартный язык.

На особую значимость противопоставления «свой ↔ чужой» для японцев в разные периоды указывают специалисты по японской культуре. Для традиционно воспитанных японцев группа, ее вкусы и интересы необычайно важны, с детства прививается стремление «быть, как все», группа больше, чем в Европе или Америке, влияет на поведение и мировоззрение граждан [Дьяконова, 1985, с. 99]. «Японцы часто трактуют понятие группы расширительно: группа – это может быть семья, колледж, фирма, страна» [Дьяконова, 1985, с. 99]. В том числе разновидностью группы может быть совокупность лиц, проживающих на данной территории. В прошлом разграничение «языка для своих» и «языка для чужих» сдерживало владение лишь диалектом для большинства. Но когда в 1947 г. было установлено всеобщее девятилетнее обучение на основе общего для всех литературного языка (хедзюngo),

владение этой разновидностью языка значительно поднялось и роль «языка для чужих» окончательно перешла к нему.

Таким образом, нелитературные, в том числе диалектные разновидности языка продолжают функционировать. Однако они заметно отличаются от того, что было еще недавно. Все до сих пор сказанное относится в первую очередь к функциональной роли нелитературных разновидностей японского языка, включая диалекты. Но каждая такая разновидность имеет некоторые структурные особенности, изучаемые не социолингвистикой, а фонологией или грамматикой. Если функциональная роль диалектов в Японии сохранилась и даже выросла в связи с повышением владения литературным языком, то структурно нелитературные разновидности языка испытали и испытывают влияние литературного (стандартного) языка.

Еще 100 с небольшим лет назад Е.Д. Поливанов мог изучать традиционные диалекты в разных частях Японии. Теперь же они почти исчезли. Вышеупомянутый Нагасакский диалект, подробно описанный в книге: [Поливанов, 1917], имел уже всего несколько носителей – женщин пожилого возраста [Oya no hoogen akusento ga kodomo no akusentokata no hatsuwa ni ataeru eikyoo, 1984, с. 195]. В структурном плане место традиционных диалектов занимают так называемые новые диалекты, в которых сосуществуют элементы прежних диалектов, заимствования из литературного языка и даже элементы, более нигде не встречающиеся. По сути это то же, что в отечественной германистике называется *полудиалектами*.

Как показывают сравнительные исследования японских старых и новых диалектов, в том числе массовые обследования информантов, разные структурные особенности там обладают различной устойчивостью. Наименее устойчиво все связанное с сегментной фонологией. В частности, проведенные в г. Цуруока на севере острова Хонсю в 1950 и 1972 гг. массовые обследования показали, что в течение данного периода нелитературное произношение фонем почти исчезло (в отличие от акцентуации). А исследование того, как говорят в крупных городах, показало, что в разных частях страны системы фонем практически идентичны [Chiiki, 1974, с. 117, 146–155]. В большей степени сохраняются традиционные морфологические и лексические особенности, но к 1972 г. и они присутствовали в речи менее чем половины информантов [Chiiki, 1974, с. 137–143]. Устойчивее всего диалектная акцентуация. У многих информантов она не менялась при перемене места жительства [Oya no hoogen akusento ga kodomo no

akusentokata no hatsuwa ni ataeru eikyoo, 1984]. Эта черта отмечается для многих новых диалектов. Даже виднейший японский социолингвист Сибата Такэси на конференции Общества японского языка в 1984 г. говорил, что, прожив почти полвека в Токио, не знает литературную акцентуацию многих слов. Он отмечал и большой процент слов, для которых норма допускает два ударения. Японские и зарубежные специалисты отмечают, что слова, отличающиеся лишь ударением, обычно рассматриваются в словарях как омонимы, это отличие играет, прежде всего, роль индикатора места, откуда происходит данный человек: еще одно разграничение своих и чужих. В кинофильмах провинциалы нередко говорят с подчеркнутой диалектной акцентуацией, используя в других случаях литературный язык.

В наиболее чистом виде новые диалекты существуют на острове Хоккайдо. Его большая часть (кроме крайнего юга) заселялась японцами вместо айнов в конце XIX в. за счет переселенцев из самых разных регионов. Традиционные диалекты постепенно исчезли, и образовался новый диалект (имеющий близкие друг к другу локальные варианты). Грамматика и система фонем совпадают с таковыми в литературном языке, но появилась литературная лексика, а общая для всего острова акцентуация – не самая распространенная, но самая простая из конкурировавших систем. То есть традиционная акцентуация исчезла, ее место заняла другая, но также отличная от старой [Igarashi, 1982].

Трудно найти территорию в Японии, где бы не бросались в глаза языковые особенности в данном аспекте. Даже в пределах Токио выделяются две зоны: Yamanote и Shitamachi [Yokota, 1984]; во второй отличия от стандарта заметнее [Ogino, 1983].

Отмечу отношение к таким диалектам в современной Японии, резко отличное от отношения к ним и во многих странах, включая и Россию, и Японию в конце XIX – первой половине XX в.: они рассматриваются как национальное достояние, и их записи хранятся наряду с записями голосов известных артистов. Надо отметить и активность изучения старых (и новых) диалектов: очень заботятся, чтобы данные о них были зафиксированы, в большинстве провинциальных университетов созданы кафедры диалектологии.

Если в русском и ряде других языков роль территориальных диалектов уменьшается и они вытесняются, с одной стороны, литературным языком, с другой – не имеющим территориальной привязки просторечием, то в Японии эти диалекты нашли свое

место в языковой ситуации. Территориальные диалекты уже не считают «порчей языка». При этом языковая дробность, уменьшившись за счет исчезновения наиболее резко отличных от стандартного языка элементов, осталась значительной, поскольку сохранение противопоставления «свой ↔ чужой» этого требует.

Разумеется, невозможно установить норму для всех диалектов, можно лишь сформировать необходимые нормы для тех или иных регионов. В школьное обучение еще в прошлом веке были введены курсы местного диалекта, разные для разных регионов страны. Школьники учат правильному использованию диалекта и осознанию его отличий от литературного языка. Местное вещание полугосударственного канала NHK ведет аналогичного характера передачи, даже есть передача «Как не надо говорить на диалекте». По местному радио бывают и информационные, и культурные передачи на диалекте. По сути, это уже не диалекты в обычном смысле слова: сознательно формируются региональные варианты японского языка. В прошлом такие варианты не были частым явлением, отдельные обособленные языковые образования с малым числом носителей были более характерны, теперь же употребительные региональные варианты охватывают значительную часть Японии.

Все это мало похоже на быстрое сокращение роли диалектов в Японии. Впрочем, и на Японских островах немало пессимистов. Один из них писал: «Участки, где рождались и воспитывались диалекты, идут под бульдозер. Следовательно, сохранить диалекты невозможно» [Hosono, 1983, с. 38]. Но сейчас до этого еще далеко.

Следует учесть еще один фактор. В общеупотребительной японской лингвистической терминологии привычным для нас синонимичным обозначениям *литературный язык* и *стандартный язык* соответствуют различные по значению термины *hyoojungo* и *kyootsuugo*. Буквально они означают соответственно *стандартный язык* и *общий язык*. «Стандартный язык» – норма, зафиксированная в учебниках и грамматиках (в том числе для иностранцев), на практике не реализуемая полностью, а «общий язык» – тот, на котором реально говорят образованные люди, допускающий варианты (в том числе региональные) и небольшие отклонения от жесткого стандарта [Неверов, 1982, с. 14–15]. Как пишут японские авторы, сейчас по всей Японии болтают на *kyootsuugo*, но, разумеется, не на *hyoojungo* [Nihongo no 21 seiki. Nihongo wa doo kawaru ka, 1983, с. 137]. Нормы *hyoojungo* едины для всей Японии, но на

нем не говорят, это идеал, а нормы *kyootsuugo* могут различаться по регионам. В японской лингвистической литературе постоянно приводятся примеры слов и форм, которые не соответствуют стандартным нормам, но допускаются в разговорной речи образованных людей, например потенциальная форма от глагола 'видеть' *mireru* вместо строго нормативной формы *mirareru*. Степень допустимости таких форм дискутируется в японской лингвистике уже около полувека. Сейчас уже можно сказать, что такие формы не входят в *hyoojungo*, но допускаются в *kyootsuugo*.

Таким образом, вариативность японского языка одновременно растет за счет различий двух более или менее стандартизованных вариантов и уменьшается за счет вытеснения мало понятных для большинства диалектизмов. Противопоставление «свой ↔ чужой» меняет границы, но остается основополагающим.

Об описываемых здесь процессах подробнее см.: [Алпатов, 2003, с. 23–35; Алпатов, 2008, с. 79–88].

Список литературы

- Алпатов В.М. Япония: язык и общество. – Москва: Муравей, 2003. – 208 с.
- Алпатов В.М. Язык и культура. – Москва: Языки славянских культур, 2008. – 206 с.
- Гуревич Т.М. Человек в японском лингвокультурном пространстве. – Москва: МГИМО, 2005. – 201 с.
- Дьяконова Е.М. Текст и интерпретация текста. Психология и социология чтения в Японии // Япония: культура и общество в эпоху НТР. – Москва, 1985. – С. 92–103.
- Неверов С.В. Общественно-языковая практика современной Японии. – Москва: Наука, 1982. – 149 с.
- Поливанов Е.Д. Психофонетические наблюдения над японскими диалектами. – Петроград, 1917. – III–XXIV, 113 с.
- Chiiki shakai no gengo seikatsu. – Tokyo, 1974. – 586 p.
- Grootaers W.A., Shibata T. Dialectology and Sociolinguistics: a General Survey // Lingua. – 1982. – Vol. 57, N 2–4. – P. 327–355.
- Igarashi Saburoo. Nihon kyootsugo to hokkaidoo // Sapporo-daigaku-jooshi-kyooyoubu-joshi-tiki-daigakubu-kiyoo. – 1982. – N 20. – P. 1–4.
- Hosono Tetsuo. Kyootsuugo no fukyuuo // Kotoba no kenkyuu. – Nagoya, 1983. – N 2. – P. 32–47.
- Nihongo no 21 seiki. Nihongo wa doo kawaru ka / Nakajo, Nettowaku, Kabushiki. – Tokyo: Chuuo seihan insatsu kabushiki kaysa, 1983. – 189 p.
- Ogino Tsunao. Yamanote to Shitamachi ni okeru reigoshiyoo ni chigai // Gengo-Kenkyuu. – 1983. – N 83. – P. 45–76.

Oya no hoogen akusento ga kodomo no akusentokata no hatsuwa ni ataeru eikyoo/Sugito M. (ed) // Oosaka-shooin-joshi=daigaku-ronshuu – 1984. – N 21. – P. 3–211.

Takiura Masata. Kooshoo no poraitonesu // Gengo. – 2007. – N 12. – P. 32–39.

Tanaka Keiko. «Intelligent Elegance». Women in Japanese Advertising // Unwrapping Japan Society and Culture in Anthropological Perspective. – Manchester, 1990. – VIII, 237 p.

Yokota Mitsugi. Tookyoo shitamachi k1 ishitsu to sono kotoba shiron 3 // Tookyoo-seitoku-tanki-daigaku-kiyoo. – 1984. – N 47. – P. 77–91.

ЦЭНД-АЮУШ ГАНБААТАР¹

1.20. МОНГОЛЬСКИЙ ЯЗЫК И ЕГО ДИАЛЕКТЫ

Аннотация. В главе представлены основные выводы исследований монгольских диалектов, проведенных за последние более чем 100 лет. Особое внимание уделяется классификации диалектов монгольского языка, а также проблемам, связанным с установлением границ между ними. Было проведено аналитическое исследование высказываний ведущих ученых в данной области, таких как Ш. Лувсанвандан, Б.Я. Владимирцов и Н. Поппе и др. Несмотря на споры и неопределенность в разграничении диалектов монгольского языка, литературной нормой современного монгольского языка считается халхаский диалект, изучение которого с применением современных методов исследования остается актуальным для востоковедения.

Введение

Изучение монгольской диалектологии имеет большое значение для любого специалиста в области монгольского языка и литературы, как теоретика, так и практика. В данном случае значение имеют такие категории, как «*территориальность*» и «*социальность*». Под *территориальными диалектами*, наречиями и говорами какого-либо языка, в нашем случае монгольского, как правило, понимают «разновидности данного языка на определенной части территории, занятой этим языком, характеризующиеся, помимо черт, свойственных всему языку в целом, также некоторыми своими специфическими чертами» [Русская диалектология, 1973, с. 5].

Монгольский язык относится к группе языков алтайской семьи наряду с маньчжуро-тунгусским, тюркским, японским и корейским языками. Когда монголы занимали обширные территории

¹ Московский государственный лингвистический университет, Улан-Батор, Монголия; gnasun11@gmail.com

Центральной Азии, они вели кочевой и оседлый образ жизни и разговаривали на многих диалектах монгольского языка. На текущий момент, помимо Монголии, монголы проживают в Автономном районе Внутренней Монголии, Синьцзян-Уйгурском автономном районе, Цанхае (Hohonor), Ганьсу, Хэйлунцзяне и в некоторых районах провинции Ляонин Китайской Народной Республики. В России монголы проживают в Республике Бурятия, Усть-Ордынском Бурятском округе Иркутской области, Читинской области, Агийском районе, ближе к Нижней Волге, в Республике Калмыкии и некоторых районах Астраханской, Ростовской, Волгоградской областей и Ставропольского края. Помимо этого, монголы проживают в Гератской, Майманской, Бадахшанской областях Афганистана и в районе озера Иссык-Куль в Кыргызстане. Проживающие на этих территориях монголы находятся под влиянием разных языков, культур и религий [Тумуртоого, 2017]. По этой причине диалекты монголов, появившиеся при разных условиях, с одной стороны, сохранили свои древние особенности языка, а с другой – отражают различные изменения, например, вследствие влияния со стороны других языков.

1. Обзор исследования диалектов монгольского языка

Диалекты монгольского языка начали изучаться в начале прошлого века. Вопросы классификации и систематизации многих диалектов интересовали таких языковедов, как Г.И. Рамstedт, А.Д. Руднев, Б.Я. Владимирцов, Г.Д. Санжеев, Б.Х. Тодаева, Н. Поппе, Ш. Лувсанвандан, Чингэлтэй, Хас-Эрдэнэ, Д. Тумуртоого, Ж. Санжаа, Г. Батзаяа, Ж. Цолоо, Б. Амаржаргал и др. Однако ученые в области монголоведения до сих пор расходятся во мнениях по данному вопросу.

Впервые классификация монголов по языку была предложена А.Д. Рудневым:

- восточные монголы: ордосы, чахары, тумуты, суниты, хорчины, харчины, барины, хешиктэны, горлосы, дурбуты, халхи, хотогойты и др.;
- западные монголы: калмыки, баиты, торгуты, хошуты;
- северные монголы: буряты [Рамstedт, 1908].

Другая система классификации была представлена Б.Я. Владимирцовым в труде под названием «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия», опубли-

кованном в 1929 г.; согласно ей монгольские наречия были разделены на ветви следующим образом:

1) восточная ветвь: бурятское, баргу-бурятское, дагурское, харачинское, горлосское, найманское, чахарское, ордосское и халхаские;

2) западная ветвь: дурбутские в аймаке Ховд Монголии и в Астрахани России, торгутское и ойратское в аймаке Ховд Монголии [Владимирцов, 1929].

В 1954–1955 гг. известный монголовед Н. Поппе предложил новую классификацию, разделяющую монгольские диалекты на восточные и западные:

1) восточные:

а) дагурский;

б) монгорский (включая дунсяньский, шира-йогурский как диалекты монгорского языка);

с) восточный монгольский (монгольский язык): халхаский, ордосский, харачинский, чахарский;

д) бурятский (включаются диалекты бурятского языка);

2) западные: могольский, ойратский, калмыцкий [Рорре, 1987].

В 1957 г. диалектолог Китайской Народной Республики Чингэлтэй представил результаты исследования по диалектам монгольского языка. Работа над проектом велась с 1955 г. В исследовательском отчете была предложена следующая классификация, предполагавшая выделение шести языков:

1) монгольский язык;

2) дагурский язык;

3) монгорский язык;

4) дунсяньский язык;

5) баоаньский язык;

6) шира-йогурский язык [Лувсанвандан, 2023].

Таким образом, в научной литературе представлены различные системы классификации монгольских диалектов на основе географического положения и степени изученности различных уровней языка. Классификация академика Ш. Лувсанвандан является продвинутой в этом отношении. Он разделил диалекты монгольского языка на следующие четыре основных диалекта:

1) центральные диалекты:

а) халхаский диалект;

б) чахарский диалект;

с) ордосский диалект;

2) восточные диалекты:

- а) хорчинский диалект;
- б) харачинский диалект;
- 3) западные диалекты:
 - а) ойратский диалект Синьцзян-Уйгурского;
 - б) ойратский диалект (ближе к Нижней Волге);
- 4) северные диалекты:
 - а) добайкальский диалект;
 - б) забайкальский диалект [Лувсанвандан, 2023].

Языковед Н. Поппе утверждал, что «одной из самых сложных проблем языкознания является определение того, что такое язык и что такое диалект. Иногда трудно определить, является ли рассматриваемый язык действительно независимым языком или просто диалектом языка. Часто основу языковых определений формируют политические соображения, что вызывает большую путаницу» [Рорре, 1987]. Таким образом, в монголоведении этот вопрос и на сегодняшний день является достаточно спорным.

Академик Д. Тумуртоого объясняет существование этой проблемы тем, что носители монгольского языка проживают в нескольких странах, вследствие чего классификация диалектов монгольского языка до сих пор вызывает споры. Например, монголы, проживающие в России и КНР, считаются одним из многих этносов внутри этой страны, а их язык понимается как самостоятельный язык. Однако с точки зрения Монголии калмыки и буряты в России, ойраты и буряты, проживающие в КНР, являются частью ойратов и бурятов в Монголии, а их языки являются закрайними поддиалектами ойратского и бурятского диалектов монгольского языка [Тумуртоого, 2017].

Относительно монгорского, дунсяньского, баоаньского, шарйогурского, дагурского и моголского языков академик Д. Тумуртоого также отмечал в своей работе, что эти языки, отделившиеся от родного монгольского языка сотни лет назад, находились под влиянием других иностранных языков и отражают характеристики смешанных языков, поэтому их можно считать самостоятельными языками.

2. Халхаский диалект

На халхаском диалекте современного монгольского языка сегодня говорят халха-монголы, живущие в столице Монголии Улан-Баторе и в 21 аймаке Монголии. Этот диалект сегодня

является литературной нормой современного монгольского языка.

Предки халхаского народа, «Халх түмэн – Халхаский тумен», существовали в XIV в., и они являлись частью левого крыла «Шести туменов» после распада Монгольской империи. Позже, в XVI в., Батумункэ Даян-хан передал власть в Халхаском тумене своему сыну Гэрсэндзэ-Джалаир-хунтайджи, а он, в свою очередь, разделил его между своими семерыми сыновьями. С того времени образовалось семь северных отоков Халхи, которые со временем объединились под одним названием «халх», который стал великим предком нынешнего халхаского народа [Тумуртоого, 2017].

Исследование халхаского диалекта началось в первом десятилетии прошлого века, когда вышли известные труды Г.Й. Рамсфелда «Сравнительная фонетика монгольского письменного языка халхаско-ургинского говора» (1902), Б.Я. Владимирцова «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия» (1929), Г.Д. Санжеева «Дархатский говор и фольклор» (1931) и др. [*История исследования монгольского языка: изучение монгольского языка, его диалектов, письменностей и фонетики*, 2020].

С 1955 по 1970 г. в Институте рукописей и манускриптов Монголии (в настоящее время Институт языка и литературы Монгольской академии наук) активно изучаются диалекты монгольского языка. В это время ведущие исследования проводят монгольские ученые Д. Эрдэнэбилэг, Н. Шарав-Иш, Ш. Барайшир, Э. Вандуй, Д. Тумуртоого и др. В этот период существенный вклад в развитие этой области внесли такие зарубежные лингвисты, как Б.Х. Годаева, В.М. Надеяев, Д.Г. Стюарт, Ж. Боссон, В.И. Рассадин, М. Номура и др.

На основе исследований халхаский диалект делят на подгруппы следующим образом (см. схему 1).

Хотогойты, которые принадлежат к западной халхаской диалектной подгруппе, проживают в западных аймаках центральной части территории Монголии, а элджигины проживают в некоторых провинциях западной части. Дархаты обитают в северной части Монголии, а дариганга и узумчины, говорящие на восточном халхаском диалекте, находятся в восточных аймаках, таких как Сухэ-Батор и Дорнод Монголии (см. рис. 1).

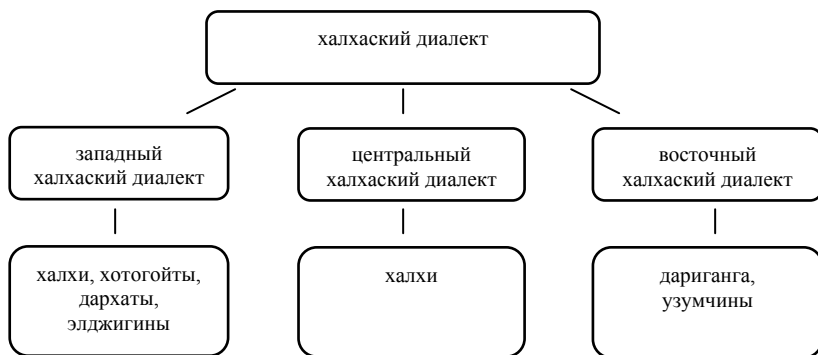

Схема 1.
Классификация халхаского диалекта

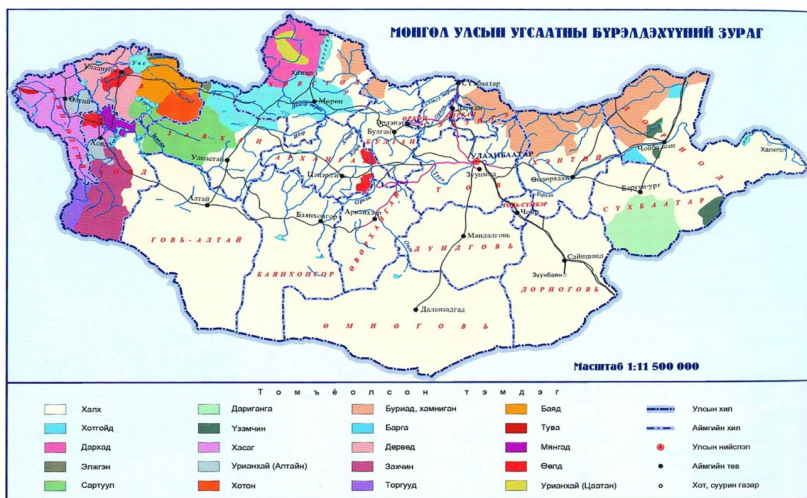

Рис. 1.
Этнический состав Монголии

Согласно всеобщей переписи населения Монголии 2020 г., общая численность населения Монголии составляла 3 296 866 человек, из которых 83,8% (2 762 773 человека) составляют халхи [Рост населения и возрастная группа, 2021].

Первое детальное исследование центрального халхаского диалекта монгольского языка было проведено финским ученым

Г.Я. Рамstedтом в начале прошлого века. В своем исследовании он объяснил фонетические характеристики, сопоставляя собранный им материал об этом диалекте со старой монгольской письменностью.

Об этом исследовании известный монголовед академик Б. Ринчен говорил, что Г.Й. Рамstedт при написании своей работы в области фонетики, не теряющей своей ценности более 50 лет, сделал очень интересные наблюдения о монгольском языке, его диалектах и правильном использовании монгольской письменности. При проведении своего исследования в сентябре и октябре 1899 г. Г.Й. Рамstedт обнаружил, что форма письменности и диалекты отличаются друг от друга в хошунах и даже в монастырских храмах [Ринчен, 1966].

Исследователь Б. Амаржаргал считал, что халхи играли важную роль в истории общественного развития монголов на протяжении сотен лет, и на этой основе халхаский единый диалект сформировался и развился до современного состояния. Об этом также упоминает Г.Д. Санжеев в своей работе «Сравнительная грамматика монгольских языков», давая объединенную характеристику халхаского диалекта. После проведения сопоставительного исследования монгольских языков Г.Д. Санжеев приходит к выводу о том, что, халхаский диалект является образцом современного монгольского языка [Цолоо, Гантогтох, Амаржаргал, 1988].

По словам академика Ш. Лувсанвандан, центральный диалект монгольского языка распространен на самой обширной территории, и на этом диалекте говорят большинство людей. Кроме того, он имеет преимущества перед другими диалектами, поскольку сохраняет уникальные черты монгольского языка, а также богатство различных фразеологизмов и лексического состава в целом. Среди носителей центрального диалекта в те годы большинство не владело другими языками, кроме монгольского. Как следствие, в настоящее время во всех сферах жизни используется письменный монгольский язык [Лувсанвандан, 1959].

Относительно главной роли халхаского диалекта среди монгольских диалектов российский монголовед Б.Я. Владимирцов писал в своей работе, что «халхаское наречие в качестве государственного языка начинает в последнее время распространяться за бывшие пределы своего ареала и постепенно влиять на ближние говоры, принадлежащие другим монгольским наречиям. Халхаское наречие имеет тенденцию становиться общим языком Северных Монголов, причем, конечно, побеждает говор Халх.-Урга., как го-

вор местности, где расположен такой центр, как г. Урга (Улан-Батор)» [Владимирцов, 1929]¹.

В связи с этим следует упомянуть оценку современными специалистами в области монгольских языков книги академика Б.Я. Владимирцова «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия» (1929). Так, например, А.А. Бурыкин писал, что данная книга появилась как обобщение и продолжение исследования истории монгольских языков в их родственных связях с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками. «Первая составляющая этой книги – историческая грамматика монгольского языка в его наиболее архаичных и тем ценных для алтаистики формах и в его эволюции от состояния, эквивалентного письменно-монгольскому языку, до современного монгольского языка (ценность других монгольских языков, аккумулировавших разнообразные позднейшие изменения – дагурского, монгорского с его сложным ареальным членением, – оказывается несравненно меньшей для фонетической реконструкции: они, как и другие монгольские языки, попадают в положение не объясняющих, а объясняемых, т.е. тех, специфика которых должна как-то интерпретироваться). Вторая составляющая этого труда Б.Я. Владимирцова – первый систематический опыт монголо-тюркских сравнений, и их исследование, позволяющее в каком-то приближении различать общие тюрко-монгольские лексемы и позднейшие взаимные заимствования» [Бурыкин, 2015, с. 36].

Диалекты халхаского народа близки друг к другу, и на халхаском диалекте базируются орфография и нормы произношения современного монгольского литературного языка. Помимо этого, халхасский диалект является средством официальной коммуникации в сфере политики, в средствах массовой информации: в газетах, на радио и телевидении, а также в сфере искусства, в театре и кино. Образование в школах и университетах ведется только на центральном халхаском диалекте. Однако словарный состав литературного языка не ограничивается только этим диалектом, постоянно обогащаясь заимствованиями из других монгольских диалектов и иностранных языков [Тумуртоогоо, 2017].

¹ Город был основан в 1639 г. и получил название Урга. В 1924 г. город стал называться Улан-Батор.

Заключение

В данной статье были проанализированы исследования монгольских диалектов и диалекта халхаского народа. Согласно академику Д. Тумуртоого, некоторые монгольские диалекты в ходе своего длительного развития отделились друг от друга и в итоге стали самостоятельными языками, в то время как другие остались родственными и сохранили общие черты родного языка. Например, монгорский, дунсяньский, баоаньский, шира-йогурский, мо-голский и дагурский языки сохранили более древние черты развития монгольского языка, а ойратский, бурятский языки и языки во Внутренней Монголии сохранили некоторые ранние характеристики монгольского языка. Однако особенности центрального монгольского языка, основу которого составляет халхаский диалект, достигли завершающей стадии длительного исторического развития монгольского языка, поэтому халхаский диалект становится основой для сравнительного изучения монгольского языка в диахронии [Тумуртоого, 2017].

Вопрос о том, какие языки являются монгольскими, а какие – их диалектами, является спорным. Стоит отметить высказывание Ш. Лувсанвандана, посвященное проблеме диалектов монгольского языка: «При классификации современных монгольских языков и диалектов необходимо учитывать прошлое и настоящее говорящих на них народов. Но следует помнить, что социальные и политические изменения происходят быстрее развития языка и диалекта...» [Лувсанвандан, 2002], а также слова таких известных ученых, как Б.Я. Владимирцов и Н. Поппе: «Классификация любого языка должна основываться только на языковой характеристике и ее исследовании» [Рорре, 1987].

В связи с тем, что халхаский диалект является литературной нормой современного монгольского языка, поддиалекты халхаского диалекта, такие как дархатский, хотогойтский, элджигинский, узумчинский и даригангаский диалекты, также были достаточно изучены. В настоящее время халхаский диалект развивается как литературная норма современного монгольского языка, и именно поэтому он должен продолжать изучаться не только традиционными лингвистическими методами, но и с использованием новых современных методов исследования.

Список литературы

- Бурыкин А.А. Б.Я. Владимирцов – основоположник современной научной алтаистики // Б.Я. Владимирцов – выдающийся монголовед XX века: сборник статей. Материалы российско-монгольской науч. конф. 6–8 окт. 2014 г. Санкт-Петербург. – Санкт-Петербург; Улан-Батор, 2015. – С. 31–42.
- Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. – Москва: Наука: Главная редакция восточной литературы, 1929. – 437 с.
- История исследования монгольского языка: Изучение монгольского языка, его диалектов, письменностей и фонетики / Д. Тумуртоого, Д. Заябаатар, Ц. Батдорж, Г. Батзаяа, С. Энхжаргал. – Улан-Батор: МУИС-Монгол судлалын хүрээлэн, 2020. – 328 с. [Монгол хэл судлалын түүх: Монгол хэл, аялгуу, үсэг бичиг, авиа судлал / Д. Төмөртоого, Д. Заябаатар, Ц. Батдорж, Г. Батзаяа, С. Энхжаргал – Улаанбаатар: МУИС-Монгол судлалын хүрээлэн, 2020. – 328 с.]
- Лувсанвандан Ш. О монгольском языке и его диалектах // Монгол судлал. – 2023. – № 41 (483). – Р. 5–17. – URL: <https://journal.num.edu.mn/ms/article/view/4845> [Лувсанвандан Ш. Монгол хэл аялгууны учир // Монгол судлал, 2023. – № 41 (483). – Р. 5–17. – URL: <https://journal.num.edu.mn/ms/article/view/4845>]
- Лувсанвандан Ш. Теоретические и практические вопросы фонетики монгольского языка. – Улан-Батор: УБ, 2002. – 374 с. [Лувсанвандан Ш. Монгол хэлний авиазүйн онол практикийн асуудлууд. – Улаанбаатар: УБ, 2002. – 374 с.]
- Рамстедт Г.И. Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халхаско-ургинского говора: монография. – Санкт-Петербург: типография Императорской академии наук, 1908. – 66 с.
- Ринчен Б. Грамматика письменного монгольского языка. II. Фонетика. – Улан-Батор: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл, 1966. – 406 с. [Ринчен Б. Монгол бичгийн хэлний зүй. II. Авиазүй. – Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл, 1966. – 406 с.]
- Русская диалектология / под ред. П.С. Кузнецова. – Москва: Просвещение, 1973. – 279 с.
- Рост населения и возрастная группа. – Улан-Батор: Статистическое управление Монголии, 2021. – 76 с. [Хүн амын өсөлт, нас хүйсийн бүтэц. – Улаанбаатар: Үндэсний статистикийн хороо, 2021. – 76 с.]
- Тумуртоого Д. Введение в историческую фонетику монгольского языка. – Улан-Батор: Соёмбо принтинг, 2017. – 403 с. [Төмөртоого Д. Монгол хэлний түүхэн авиа зүйн үндэс. – Улаанбаатар: «Соёмбо принтинг», 2017. – 403 с.]
- Цолоо Ж., Гантогтох Г., Амаржаргал Б. Словарь халхаского диалекта. – Улан-Батор: ШУА-ийн ХЗХүрээлэн, 1988. – 718 с. [Цолоо Ж., Гантогтох Г., Амаржаргал Б. Халх аялгууны толь. – Улаанбаатар: ШУА-ийн ХЗХүрээлэн, 1988. – 718 с.]
- Poppe N. Introduction to comparative linguistics. – Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1987. – 300 p.

Часть II. Цифровая коммуникация и ее роль в развитии языка

КЕДРОВА Г.Е.¹

2.1. ЦИФРОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ОСНОВА ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ И ВОЗРОЖДЕНИЯ ИСЧЕЗАЮЩИХ ДИАЛЕКТОВ И ЯЗЫКОВ

Аннотация. Перед лингвистами настоящего времени стоит актуальная дилемма в области, с одной стороны, своего рода «цифровой смерти» диалектов и языков, находящихся под угрозой исчезновения, а с другой – возможности их «цифрового возрождения». В главе освещаются новые перспективные направления цифровой коммуникации и их последствия для языкового ландшафта в вербальной коммуникации. В наши дни особое значение приобретают технологии цифрового документирования редких языков и диалектов.

Проблема утраты языков и диалектов постоянно обсуждается в мировом научном сообществе с разной степенью оптимизма и пессимизма. Общеизвестно, что каждый язык отражает уникальный мировоззренческий и культурный комплекс, отражающий способ, которым речевое сообщество решило свои проблемы обращения с миром, сформировало свое мышление, свою систему философии и понимания окружающего мира. Каждый язык является средством выражения нематериального культурного наследия народа и остается отражением этой культуры в течение некоторого времени даже после того, как культура, лежащая в его основе, распадается и разрушается, зачастую под воздействием постоянного, мощного натиска другой культуры, обычно столичной или культуры метрополии. Однако, как замечает А. Корней, «с гибелью и исчезновением языка незаменимый элемент наших знаний и способ понимания человеческого мышления и мировоззрения теряются

¹ Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; kedr@philol.msu.ru

навсегда» [Kornai, 2013, с. 10]. По мере развития новых средств и способов коммуникации острота проблемы не исчезает, но даже усугубляется. Известно, что на данный момент в мире насчитывается около 7000 языков и более 2500 из них стоят перед угрозой исчезновения из общественных коммуникативных практик [Mosley, 2010].

Высказывается предположение, что эта тенденция может ускориться в цифровую эпоху, поскольку менее 5% языков смогут адаптироваться к цифровой информационной среде, что может привести к массовому вытеснению этих языков из сферы коммуникации из-за так называемого цифрового цивилизационного «разрыва» (digital divide) и «цифрового неравенства» (digital inequity) [Zaugg, Hossain, Molloy, 2022]. Признаком языковой «смерти» в цифровом информационном пространстве является утрата языком коммуникативных функций во многих значимых для языкового сообщества областях: от сферы повседневного общения и образования всех уровней до бизнес-коммуникации, которые сегодня стремительно перемещаются в виртуальное информационное пространство. Значимой оказывается также утрата языком статуса «престижного языка», поскольку престижность языка во многом зависит от степени присутствия этого языка в Интернете, а утверждение, что «если чего-то нет в Сети, то этого и не существует», широко распространено сегодня в Интернете [Kornai, 2013, с. 1]. Критически важными для эффективного выполнения каким-либо языком его коммуникативной роли являются также обучение детей этому языку в случае, если он является родным, и в целом предоставление качественного доступного образования на этом языке. Если эти условия отсутствуют, то неизбежными становятся постепенное «вымывание» языка из локального и глобального информационного пространства и в итоге – его исчезновение. Все эти факторы приводят в цифровую эпоху к стремительной утрате социумом традиционной языковой компетенции и переходу к другим, более универсальным и «престижным» языкам.

Однако не всегда перспектива для мирового языкового разнообразия оценивается учеными-лингвистами столь пессимистично. Новый импульс к изучению проблемы сохранения мирового языкового разнообразия был недавно придан появлением новых компьютерных технологий обеспечения коммуникации в виртуальном цифровом пространстве. Для более полного представления складывающейся в современном коммуникативном пространстве лингвистической ситуации некоторые исследователи предлагают

ввести такое понятие, как «цифровое восхождение» (*digital ascent*) [Kornai, 2013] языка, т.е. процесс, в котором какой-либо язык приобретает цифровые функции и престиж благодаря освоению его носителями цифровых навыков.

Такой достаточно оптимистичный взгляд основан на наблюдаемом в последнее десятилетие бурном развитии лингвистических технологий, способных к созданию универсальных инструментов перевода и обеспечению цифровых ресурсов для языков, плохо или мало представленных в Интернете. Сегодня в этом направлении множатся и активно развиваются проекты по двуязычному и мультязычному машинному переводу (МП, англ. *machine translation system*), по обработке текста на естественном языке и распознаванию звучащей речи для все большего числа языков. Определенные успехи в этом направлении отмечены при разработке новых, более эффективных технологий цифрового документирования языков, находящихся под угрозой исчезновения, а также редких языков и диалектов [Flavelle, Lachler, 2023]. Большие надежды в этом направлении возлагаются на развитие и совершенствование новых коммуникативных цифровых сетевых технологий, основанных на принципах генеративного искусственного интеллекта (генеративный ИИ, англ. *generative artificial intelligence*, GenAI) [Jany, 2018]. В первую очередь к таким технологиям относят нейронный машинный перевод (англ. *neural machine translation*, NMT) [Sutskever, Vinyals, Le, 2014] и большие языковые модели (англ. *large language model*, LLM).

В современном мире крайне важно разработать многоязычные модели перевода, способные эффективно обрабатывать максимально широкий спектр языков – от десятков до сотен и более. Интеграция таких многоязычных моделей в конкретные области вербальной коммуникации и их использование для решения различных проблем обработки текстов на естественном языке (англ. *natural language processing*, NLP) в нынешних условиях, несомненно, могут способствовать расширению сферы применения машинного перевода на языки с ограниченными, средними или даже минимальными лингвистическими ресурсами. Поэтому концепция нейронного машинного перевода и разрабатываемые на ее основе новые вычислительные технологии становятся сегодня неотъемлемой частью повседневной работы многих переводчиков. Эти технологии привлекают не только специалистов, работающих в области перевода или лингводидактики, но и специалистов по

сохранению языков, находящихся под угрозой исчезновения, а также малых языков и диалектов [Gaspari, Almaghout, Doherty, 2015].

Вместе с тем известно, что многие масштабные проекты и передовые технологические решения в этой области оказались не слишком успешными или были неэффективными, поскольку были основаны на упрощенном видении способов и форматов представления вербальной информации, которое не учитывало в достаточной мере уникальные коммуникативные ситуации и потребности различных языковых сообществ и все многообразие появляющихся в них коммуникативных контекстов. Отмечается, что проблемы могут быть связаны как с малым объемом и низким качеством баз данных, на которых идет обучение систем нейромашинного перевода, так и с опасностью недооценки или непонимания особенностей языкового разнообразия и культурных различий, что в перспективе может привести к культурной гомогенизации и эпистемической несправедливости по отношению к «не доминирующим» в цифровом информационном пространстве языкам [Diversity and Language Technology: How Techno-linguistic Bias Can Cause Epistemic Injustice, 2023]. Это, несомненно, способствует еще большему ускорению процесса «вымывания» этих языков и диалектов из цифрового коммуникативного пространства.

Однако, хотя для многих языковых сообществ проблема масштабной оцифровки и компьютерной репрезентации лингвистических ресурсов является первоочередной задачей, она не является единственным препятствием для цифрового «возрождения» языков и диалектов. Ситуацию усложняет явление, которое в современных работах по этой теме получило название «техно-лингвистическая предвзятость» [Diversity and Language Technology: How Techno-linguistic Bias Can Cause Epistemic Injustice, 2023], которую предлагается рассматривать отдельно от проблем, связанных с недостаточной ресурсной базой данных «недопредставленных» в Интернете языков. Отмечается, что проблема техно-лингвистической предвзятости в системах, основанных на алгоритмах моделирования искусственного интеллекта, ограничивает их доступность и, что еще более важно, эффективность работы таких систем лишь небольшим процентом наиболее распространенных языков мира. Эта проблема не столь очевидная и поэтому не получила в имеющейся литературе достаточно полного освещения. Наиболее подробно это явление, а также его этические и эпистемиологические последствия рассмотрены в статье «Diversity and Language Technology: How Techno-Linguistic Bias Can Cause Epistemic Injustice». Техно-

лингвистическая предвзятость определяется в статье следующим образом:

«Techno-linguistic bias is observed when the technology, by design, represents, interprets, or processes content less accurately in certain languages than in others, thereby forcing speakers of the disadvantaged language to simplify or adapt their communication, (self-) representation, and expression when using that technology to fit the default incorporated in the privileged language» [Diversity and Language Technology: How Techno-linguistic Bias Can Cause Epistemic Injustice, 2023, с. 9]. *«Техно-лингвистическая предвзятость наблюдается, когда технология по своему замыслу представляет, интерпретирует или обрабатывает контент менее точно на одних языках, чем на других, тем самым вынуждая носителей языка, находящегося в неблагоприятном положении, упрощать или адаптировать свое общение, (само)представление и выражение при использовании этой технологии, чтобы оно соответствовало стандарту, заложенному в привилегированном языке»* (пер. DeepL: <https://www.deepl.com/translator#en/ru/>).

Таким образом, система, ресурс или приложение демонстрируют технико-лингвистическую предвзятость, если они по своей конструкции не способны адекватно представлять или обрабатывать язык, к которому они применяются. Эта проблема хорошо видна при рассмотрении результатов работы с программами машинного перевода, в том числе такими, которые декларируют использование технологий нейронного машинного перевода и больших языковых моделей.

Техно-лингвистическая предвзятость в машинном переводе означает, что система машинного перевода может быть спроектирована или обучена на определенном языке или типе текста, что может привести к некорректному или неточному переводу на другие языки или типы текста. Это может быть вызвано тем, что обучающие данные для системы машинного перевода могут быть неравномерно представлены на разных языках или содержать терминологию, которая не является общепринятой на других языках. В результате – система будет генерировать переводы, которые не соответствуют контексту или цели коммуникации. Поэтому, как подчеркивается практически во всех руководствах по использованию систем МП, важно учитывать особенности языка и контекста при использовании системы машинного перевода и при необходимости корректировать перевод вручную.

Последствия техно-лингвистической предвзятости в машинном переводе для исчезающих языков и диалектов могут быть достаточно серьезными. Если система машинного перевода обучена на широко используемых языках и не учитывает особенности менее часто используемых, малочисленных языков и диалектов, это может привести к тому, что переводы будут неточными, неправильными или вообще бессмысленными. Все это может оказать негативное влияние на сохранение и передачу культурного наследия и языковых традиций, которые связаны с этими языками и диалектами.

Для проверки гипотезы о проявлении в современных средствах компьютерного перевода техно-лингвистической предвзятости нами был проведен специальный эксперимент по оценке качества автоматического перевода, который предоставляют ведущие системы машинного перевода: DeepL (<https://www.deepl.com>), Google Translate (<https://translate.google.com>) и «Яндекс.Переводчик» (<https://translate.yandex.ru/>). Системы тестировались в ходе выполнения перевода широко известного каждому русскоговорящему культурно значимого текста на русском языке – фрагмента русской народной сказки про Иванушку-дурачка [Народные русские сказки А.Н. Афанасьева, 1984–1985].

Для предоставления минимального общего контекста тестовых фраз на перевод давался текст, состоящий из пяти абзацев объемом 11 слов, в тексте была представлена как общеупотребительная лексика, так и распространенная в русских диалектах и используемая в современном литературном языке, в том числе в качестве профессионализмов лексика, обозначающая реалии, знание которых абсолютно необходимо для адекватного понимания и восприятия текста.

Для оценки возможного влияния степени распространенности языка выбранные нами системы МП должны были переводить текст на английский, немецкий, французский, испанский и финский языки. Для оценки вариативности интерпретации разными системами МП смысла тестового фрагмента был также сделан в каждой из этих систем его обратный перевод, который сегодня активно используется для изучения возможных смысловых интерпретаций текста, а также перлокутивных возможностей обратного машинного перевода [Голев, Мельникова, 2020].

Исходный текст для перевода

В самую полночь прискакал на шиеницу разношерстный конь: одна шерстинка золотая, другая – серебряная; бежит – земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет. И стал тот конь шиеницу есть: не столько ест, сколько топчет. Подкрался дурак на четвереньках к коню и разом накинул ему на шею аркан. Рванулся конь изо всех сил – не тут-то было. Дурак уперся, аркан шею давит. И стал тут конь дурака молить:

– Отпусти ты меня, Иванушка, а я тебе великую сослужу службу!

– Хорошо, – отвечает Иванушка-дурачок. – Да как я тебя потом найду?

– Выйди за околицу, – говорит конь, – свистни три раза и крикни: «Сивка-Бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!» – я тут и буду.

Результаты работы систем МП

В настоящей статье подробному анализу были подвергнуты результаты перевода ведущими системами МП следующих фраз: *«Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!»* Этот текст представляет особый интерес, так как использованная в нем лексика важна для понимания смысла сказки. В «Словаре русской фразеологии» *сивкой-буркой, вещей кауркой* называют «волшебного коня, помогающего своему владельцу сражаться со злыми, темными силами; так говорят о чем-либо волшебном, сказочном, могущем помочь в трудной ситуации» [Бирих, Мокиенко, Степанова, 1998, с. 523]. Слова *сивка, бурка, каурка* широко распространены в русских диалектах для обозначения лошадей разной масти [Варникова, 2020], они используются также в коневодстве в качестве профессионализмов. Таким образом, в сказочном тексте речь идет не просто о коне, а о «коне волшебном – колдуне и оборотне, который может не только исчезать и опять появляться по условному зову, но и менять свою масть» [Бирих, Мокиенко, Степанова, 1998, с. 523]. Поэтому он одновременно и сивый, и бурый, и каурый.

Переводы тестовых фраз, выполненные выбранными системами МП, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Язык перевода / Система МП	DeepL	Google Translate	«Яндекс.Переводчик»
Английский	Sivka-Burka, you faithful cow! Stand before me like a leaf before the grass! <i>Обратный перевод.</i> Сивка-Бурка, корова верная! Встань передо мной, как лист перед травой!	Sivka-Burka, prophetic kaurka! Stand before me like a leaf before the grass! <i>Обратный перевод.</i> Сивка-Бурка, вещая каурка! Стань предо мной, как лист перед травой!	Sivka-Burka, prophetic kaurka! Stand in front of me like a leaf in front of a grass! <i>Обратный перевод.</i> Сивка-Бурка, вещая каурка! Встань передо мной, как лист перед травой!
Немецкий	Sivka-Burka, du treue Kuh! Steh vor mir wie ein Blatt vor dem Gras! <i>Обратный перевод.</i> Сивка-Бурка, корова верная! Встань передо мной, как лист перед травой!	Sivka-Burka, prophetischer Kaurka! Steh vor mir wie ein Blatt vor dem Gras! <i>Обратный перевод.</i> Сивка-бурка, вещая каурка! Встань передо мной, как лист перед травой!	Sika ist eine Burka, ein prophetischer Kauka! Stehe vor mir wie ein Blatt vor dem Gras! <i>Обратный перевод.</i> Сика-паранджа, вещий каука! Встань передо мной, как лист перед травой!
Французский	Sivka-Burka, vache fidèle! Tiens-toi devant moi comme une feuille devant l'herbe! <i>Обратный перевод.</i> Сивка-Бурка, верная корова! Встань передо мной, как лист перед травой!	Sivka-Burka, kaurka prophétique! Tenez-vous devant moi comme une feuille devant l'herbe! <i>Обратный перевод.</i> Сивка-Бурка, вещая каурка! Стань предо мной, как лист перед травой!	sivka-Burka, kaurka prophétique! Debout devant moi comme une feuille devant l'herbe! <i>Обратный перевод.</i> Сивка-Бурка, вещая каурка! Стой передо мной, как лист перед травой!
Испанский	¡Sivka-Burka, vaca fiel! Ponte ante mí como una hoja ante la hierba! <i>Обратный перевод.</i> Сивка-Бурка, верная корова! Встань передо мной, как травинка перед травой!	¡Sivka-Burka, kaurka profética! ¡Párate delante de mí como una hoja ante la hierba! <i>Обратный перевод.</i> Сивка-Бурка, вещая каурка! Встань предо мной, как лист перед травой!	¡sivka-burka, profético kaurka! ¡Párese frente a mí como una hoja frente a la hierba! <i>Обратный перевод.</i> Сивка-бурка, вещий каурка! Встаньте передо мной, как лист перед травой!
Финский	Sivka-Burka, sinä uskollinen lehmä! Seiso edessäni kuin lehti ruohon edessä! <i>Обратный перевод.</i> Сивка-Бурка, корова верная! Встань передо мной, как лист перед травой!	Sivka-Burka, profeetallinen kaurka! Seiso edessäni kuin lehti ruohon edessä! <i>Обратный перевод.</i> Сивка-Бурка, вещий овес! Встань предо мной, как лист перед травой!	Sivka-Burka, profeetallinen kaurka! Seiso edessäni kuin lehti ruohon edessä! <i>Обратный перевод.</i> Сивка-бурка, вещий овес! Встань передо мной, как лист перед травой!

Обсуждение результатов работы систем МП

Наиболее последовательной стратегии перевода придерживается система DeepL, которая, проигнорировав предшествующий тестовым фразам контекст, в котором вводится персонаж «конь», ввела в свой перевод нового персонажа – «верную корову», которая фигурирует во всех переводах, независимо от языка перевода. Здесь можно отметить проявление одного из часто отмечаемых в литературе видов техно-лингвистической предвзятости, которая выражается в наличии в системе МП одного «главного» языка (в данном случае английского), который в дальнейшем используется в качестве основного языка при переводе между иноязычными языковыми парами [Diversity and Language Technology: How Techno-linguistic Bias Can Cause Epistemic Injustice, 2023]. Однако это может не спасти при дефектах в используемых двуязычных словарях, поскольку система DeepL допустила ошибку в переводе на испанский язык, где вместо *листа перед травой* предлагается встать *травинке перед травой* – «una hoja ante la hierba».

В системе МП Google Translate максимально использована наиболее минималистичная и осторожная стратегия отказа от перевода слов, которые могут быть не представлены в двуязычных (мультиязычных) словарях системы. Такие слова трактуются системой как иноязычные термины – в данном случае как зоонимы, некоторые пишутся при этом в большинстве случаев с прописной буквы, как собственные имена или клички. В переводах этой системы МП можно видеть также то, как различаются в ней переводы в зависимости от частоты употребления того или иного языка. Перевод с русского языка на высокочастотные языки (английский, французский, немецкий, испанский) выполнен однотипно и без грамматических или лексических ошибок, однако перевод на менее частотные языки – в нашем случае на финский язык – содержит грубую лексическую ошибку: русское слово *каурка* переведено на финский как *kaurka*, т.е. искаженное *kaura* – рус. «овес».

Такую же ошибку демонстрирует в своем переводе на финский язык система МП «Яндекс.Переводчик». Возможно, обе системы – и Google Translate, и «Яндекс.Переводчик» – используют в своих алгоритмах для финского языка аналогичные двуязычные / мультиязычные словарные ресурсы. Во всех языках перевода, кроме немецкого, система МП «Яндекс.Переводчик» также использует наиболее пассивную стратегию отказа от перевода слов, трактуемых

системой как неперебиваемые слова-зоонимы. Однако эта стратегия в системе «Яндекс.Переводчик», по-видимому, не является универсальной. Наименее удачным оказался у этой системы перевод на немецкий язык, где слово *бурка* в обратном переводе с немецкого языка на русский стало «паранджой», а слова *Сивка* и *каурка* искажены до неузнаваемости. В результате обратный перевод с немецкого языка на русский представляет собой бессмысленный набор слов: «Сика-паранджа, вещей каука...». Таким образом, в целом русско-немецкий и немецко-русский переводы системы МП «Яндекс.Переводчик» приходится признать абсолютно неудовлетворительными.

Если обратиться к переводам, которые дают все исследованные системы МП, можно отметить, что описанная выше семантика, связанная с описанием волшебного коня как существа, способного менять свой облик, либо игнорируется системами, либо искажена до такой степени, что приводит к потере важного компонента полноценного понимания всей сказки и, таким образом, к общим неудовлетворительным результатам их работы. Приведенные в таблице результаты показывают, что ни одна система МП не справилась с передачей смысла тестовой фразы даже с учетом расширенного контекста. При этом все системы МП делают при переводе ошибки разного типа: от неправильного словарного соответствия двуязычной пары («каурка» как «корова» или «овес») до попытки ввести в язык перевода иноязычный заимствованный зооним («Сивка-бурка») или ошибочно использовать какой-либо другой иноязычный термин, например слово «бурка» в «Яндекс.Переводчике». Ошибки в приведенных в таблице переводах также демонстрируют еще одну часто упоминаемую в литературе форму техно-лингвистической предвзятости, которая выражается в использовании какого-то одного языка – чаще всего английского – в качестве базового языка при переводе между разными языковыми парами.

В настоящее время для повышения качества перевода и достижения конкурентоспособных результатов для работы с языками с достаточно большими цифровыми ресурсами предлагается использовать гибридные подходы – совмещение возможностей систем МП, основанных на моделях нейронного машинного перевода (NMT), и алгоритмов обработки текстов на естественном языке с помощью больших языковых моделей (LLM), основанных на технологии Generative Pre-trained Transformer (GPT). Симбиоз этих направлений сегодня рассматривается как прорыв в обеспечении

глобальной цифровой коммуникации, в том числе независимо от языка сообщения – собственно информации. Подходы к реализации этого проекта активно разрабатываются в масштабном проекте Марка Цукерберга, который получил название «Метавселенная» – Metaverse [Doğan, 2023] (см. также обсуждение проекта в «Teaching AI to translate 100 s of spoken and written languages in real time»¹). Однако пока, как показал проведенный нами эксперимент, хотя все три протестированные в настоящей работе системы МП (DeepL, Google Translate и «Яндекс.Переводчик») и декларируют использование в своих переводах алгоритмов нейросетевого МП и применение технологии больших языковых моделей, пока значительных успехов в плане преодоления техно-лингвистической предвзятости в результатах их работы не наблюдается.

Нам представляется, что в будущем объединение систем, основанных на технологии больших языковых моделей типа GPT (англ. Generative Pre-trained Transformer), и систем МП будет идти в нескольких направлениях. В первую очередь это развитие более эффективных и точных методов обучения языковой модели, а также улучшение ее способности понимать контекст и генерировать более естественный язык без потери смысла. Необходимо также решить проблемы «предвзятости» и справедливого предоставления доступа к такого рода ресурсам для того, чтобы эти системы были универсально применимы. Другие потенциальные направления развития включают разработку более продвинутых диалоговых систем, расширение возможностей работы с несколькими языками и интеграцию с другими технологиями ИИ, такими как компьютерное зрение и распознавание речи [Zhang, Frey, Bansal, 2022].

Таким образом, в связи с отмеченными выше проблемными моментами, возникающими при использовании технологий ИИ в разных сферах, в которых требуется генерация информации / знаний, особое значение приобретают лингвистические технологии, позволяющие включить в обучающие массивы для больших языковых моделей данные, полученные в ходе изучения и документирования максимально большого количества языков, в том числе малочисленных языков и диалектов. Отрадно, что определенные успехи в этом направлении отмечены в последнее время при разработке технологий цифрового документирования языков, находя-

¹ <https://ai.meta.com/blog/teaching-ai-to-translate-100s-of-spoken-and-written-languages-in-real-time/> (дата обращения: 02.02.2024).

щихся под угрозой исчезновения, а также редких языков и диалектов [Le, Sadat, 2020; Hariri, 2023].

Список литературы

- Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии: Ист.-этимол. справочник / С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург: Фолио-пресс, 1998. – 700 с.
- Варникова Е.Н. Названия мастей лошадей в Словаре русских народных говоров // Севернорусские говоры. – 2020. – № 19. – С. 158–181.
- Голев Н.Д., Мельникова В.С. Обратный машинный перевод на службе юридической лингвистики // Инновационные, информационные и коммуникационные технологии: сб. трудов XVII Международной научно-практической конференции (Сочи, 01–10 октября 2020 г.) / под. ред. С.У. Увайсова. – Москва: Ассоциация выпускников и сотрудников ВВИА им. проф. Н.Е. Жуковского содействия сохранению исторического и научного наследия ВВИА имени проф. Н.Е. Жуковского, 2020. – С. 8–11.
- Народные русские сказки А.Н. Афанасьева / отв. ред. Э.В. Померанцева, К.В. Чистов: в 3 т. – Москва: Наука, 1984–1985. – (Лит. памятники).
- Diversity and Language Technology: How Techno-Linguistic Bias Can Cause Epistemic Injustice* / Helm P., Bella G., Koch G., Giunchiglia F. // arXiv e-prints. – 2023. – URL: <https://arxiv.org/pdf/2307.13714.pdf> (дата обращения: 05.02.2024).
- Doğan T.E.T. Translating and interpreting in the Metaverse: potential opportunities and challenges // RumeliDE Journal of Language and Literature Studies. – 2023. – N 35. – P. 1589–1604.
- Flavelle D., Lachler J. Strengthening Relationships Between Indigenous Communities, Documentary Linguists, and Computational Linguists in the Era of NLP-Assisted Language Revitalization // Proceedings of the First Workshop on Cross-Cultural Considerations in NLP (C3 NLP). – 2023. – P. 25–34.
- Gaspari F., Almaghout H., Doherty S. A survey of machine translation competences: Insights for translation technology educators and practitioners // Perspectives. – 2015. – T. 23, N 3. – P. 333–358.
- Hariri W. Unlocking the Potential of ChatGPT: A Comprehensive Exploration of its Applications, Advantages, Limitations, and Future Directions in Natural Language Processing // arXiv preprint arXiv: 2304.02017 v6. [cs.CL]. – 2023. – 15 Nov. – URL: <https://arxiv.org/pdf/2304.02017.pdf> (дата обращения: 08.02.2024).
- Jany C. The role of new technology and social media in reversing language loss // Speech, Language and Hearing. – 2018. – Vol. 21, N 2. – P. 73–76.
- Kornai A. Digital language death // PloS One. – 2013. – Oct 22, N 8 (10). – e77056. – DOI: 10.1371/journal.pone.0077056 (дата обращения: 10.02.2024).
- Le T.N., Sadat F. Revitalization of indigenous languages through pre-processing and neural machine translation: The case of Inuktitut // Proceedings of the 28th International Conference on Computational Linguistics. – 2020. – C. 4661–4666.

- Mosley C.* Atlas of the World's Languages in Danger / UNESCO Publishing. – 2010. – URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000187026.locale=ru> (дата обращения: 02.02.2024).
- Sutskever I., Vinyals O., Le Q.V.* Sequence to sequence learning with neural networks // Proceedings of the 27 th International Conference on Neural Information Processing Systems. – Montreal, 2014. – P. 8–13.
- Zaugg I.A., Hossain A., Molloy B.* Digitally-disadvantaged languages // Internet Policy Review: Journal on Internet Regulation. – 2022. – Т. 11., N 2. – P. 1–11.
- Zhang S., Frey B., Bansal M.* How can NLP Help Revitalize Endangered Languages? A Case Study and Roadmap for the Cherokee Language // Proceedings of the 60th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. – 2022. – Vol. 1: Long Papers. – C. 1529–1541.

ПОТАПОВА Р.К.¹, ПОТАПОВ В.В.²

2.2. МЕМОЛЕКТ КАК ОСНОВА МЕМ-ЧАТТИНГА (НА МАТЕРИАЛЕ ТРЕХ ЯЗЫКОВЫХ ИНТЕРНЕТ-АРЕАЛОВ)³

Аннотация. Глава посвящена разработке проблемы межнационального мем-чаттинга в трех территориально различающихся сегментах Интернета: *русскоязычном, англо-американоязычном и немецкоязычном*. В ходе исследования уделено внимание не только тематическому содержанию мем-чаттинга в вышеуказанных языковых сегментах, но и конкретным формам используемых кодов: поликодовости и монокодовости. Кроме того, особый интерес представляло тематическое многообразие анализируемого мем-чаттинга, которое содержит информацию о специфике жизни молодежи в странах, относящихся к вышеуказанным языковым ареалам, что проявляется в тематической динамике и способах передачи информации мем-чаттинга. Впервые предлагается термин *мемолект*, который понимается как обобщенный вид молодежной интернет-коммуникации, содержащий ряд присущих ему релевантных признаков, обусловленных территориальной и языковой закрепленностью данного вида коммуникации: оценка окружающего мира, вкусы эстетической направленности, индивидуальная оценка происходящих мировых событий, интерпретация понятий *киберугроза, киберзащита* и др.

При рассмотрении проблематики меметики в аспекте различных языковых ареалов (в нашем случае: русскоязычного, англо-американоязычного и немецкоязычного) следует обратиться к такому лингвистическому термину, как «диалект». «Диалект

¹ Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; gkrotarova@yandex.ru

² Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; volikpotapov@gmail.com

³ Исследование проводилось при поддержке РНФ в рамках проекта № 22-28-01050. Руководитель проекта – Р.К. Потапова.

(от греч. *diálektos* – разговор, говор, наречие) – разновидность данного языка, употребляемая в качестве средства общения лицами, связанными тесной территориальной, социальной или профессиональной общностью. Различают территориальные и социальные диалекты» [Касаткин, 1990, с. 132] (см., напр., также: [Касаткин, 1999]). «Территориальные диалекты служат средством устного общения людей, объединенных экономическими и родственными связями в пределах ограниченного географического региона. Внутри такого региона речь людей характеризуется значительным единообразием и стихийно сложившимися представлениями о норме...» [Пожарицкая, 1997, с. 3]. А теперь обратимся к вводимому нами термину «**мемолект**». Мемолекту присущи те же основные характеристики, что и понятию «диалект», но при современном функционировании цифровой коммуникации. В данном случае применительно к мемолектизму следует говорить прежде всего о *территориальной* (точнее – *общезыковой ареальной*) сущности данного вида коммуникации, а также *социальной* и *профессиональной*, относящейся к различным группам интернет-пользователей. Кроме того, для мемолекта определяющую роль играет *возрастная категория* коммуникантов в мировой Сети.

Следовательно, **мемолект** понимается нами как обобщенный вид молодежной интернет-коммуникации, содержащий ряд присущих ему релевантных признаков, обусловленных территориальной и языковой закрепленностью данного вида коммуникации: оценка окружающего мира, вкусы эстетической направленности, индивидуальная оценка происходящих мировых событий, интерпретация понятий *киберугроза*, *киберзащита* и др.

В эпоху цифровых технологий межличностная коммуникация вышла за пределы обычных традиционных средств общения коммуникантов и тем самым обогатила развитие форм межличностной коммуникации. Развитие этой цифровой формы коммуникации повлекло за собой увеличение количества общающихся и изменение самой формы передачи сообщения: изобразительной, текстовой, звуковой и т.д. В настоящее время создаются платформы, которые содержат информацию как строго тематического, так и внетематического характера. Достижения в развитии сетевой коммуникации используются как в научных, так и в сугубо практических целях. Таким образом, значительно расширяются возможности межличностной и групповой (коллективной) коммуникации.

В нашем исследовании представлен сопоставительный междзыковой анализ мем-чаттинга как разновидности социально-

сетевого дискурса. Подобно диалектальному разнообразию языков мира меметика может рассматриваться как использование мем-коммуникации с привлечением различных изобразительных и лингвистических средств, что позволяет усматривать в данном виде коммуникации территориальное и языковое влияние. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что основными контент-признаками мем-чаттинга являются: возраст коммуникантов, степень их культуры, принадлежность к той или иной социальной группе, ориентация на эстетику стандартов моды современной эпохи, психологический фактор (например, подражание известным личностям) и т.д., что непосредственно влияет на особенности передачи мысли с помощью определенного кода, называемого в настоящее время меметикой. В связи с вышесказанным следует еще раз подчеркнуть, что по сравнению с термином «диалект» «мемолект» связан не только с территориальными, но и с собственно персональными способами передачи информации в лаконичной и образной форме. Сам процесс использования мемолекта дает возможность получить представление о культуре, интересах, видах коммуникации, уровне образования, личной жизни и т.д. участников данного коммуникативного акта, определяемого, с одной стороны, родным языком коммуникантов, с другой – диапазоном их знаний, вкусов, привычек, образа жизни и т.д. Сравнение национальных особенностей мем-чаттинга интернет-коммуникантов в данном случае дает возможность, так же как в диалектальной коммуникации, понять предметную специфику описываемых событий. Для каждой группы участников мем-чаттинга в ходе их коммуникативного взаимодействия складываются определенные образцы общения языкового и неязыкового характера. Именно это разнообразие средств описываемых событий дает возможность проводить параллель данного вида молодежной коммуникации с диалектальными вкраплениями языковой коммуникации в целом. Таким образом, при реализации мем-чаттинга, подобного «двуликому Янусу», «цифровым коммуникантам» присущи своя форма и содержание, выражаемые с помощью внешнеязыковых и внутриязыковых особых форм – «мемолектов».

Всесторонний анализ интернет-контента с привлечением технологии искусственного интеллекта является одним из актуальнейших направлений применительно к междисциплинарно-конвергентным исследованиям. Цифровая коммуникация, изучаемая в рамках *Digital Humanities* («цифровой гуманитаристики»), позволяет подойти к решению гуманитарных проблем с различных

точек зрения и с перспективным аналитическим инструментарием, что непосредственно относится и к лингвистике. Одним из объектов пристального изучения особенностей смыслового контента сетевой коммуникации предстает многоаспектный анализ средств передачи семантической информации, соотносящейся с полисемiotическими (креолизированными) способами ее выражения. Необходимо подчеркнуть, что объем поликодового (креолизованного) контента, генерируемого пользователями Интернета, таков, что только высокоавтоматизированные интеллектуальные методы анализа с привлечением суперкомпьютерных и облачных технологий могут быть в состоянии классифицировать, описывать всю поступающую информацию и выделять те объекты, которые требуют специального экспертного анализа. Особая трудность проявляется в междисциплинарно-конвергентном подходе, так как в подобной ситуации привлекаются данные не только лингвистики, но также и социологии, этики, эстетики, психологии, психиатрии, юриспруденции и т.д. Исследование интернет-коммуникации в России и вне ее пределов дополнительно осложняется наличием фактора разнообразия используемых в интернет-коммуникации языков. При этом на постсоветском пространстве это разнообразие часто носит характер полилингвизма, в условиях которого наблюдаются не только лингвистическая интерференция и образование пиджинов, но и образование креализованных цифровых структур – *мемов*.

При этом *меметика* определяется нами как междисциплинарная область знаний, включающая в качестве объекта исследования способы передачи сетевой информации с помощью лаконичных монокодовых или поликодовых (креолизированных) мини-структур, характеризующихся максимальной сетевой *виральностью*¹ и популярностью [Потапова, Потапов, 2022, с. 80]. Меметика включает такой процесс коммуникации, как *мем-чаттинг*, который отражает материал, непосредственно содержащий дискурсивный контент в Интернете, с помощью чатов (см., напр.: [Потапова, Уманская, Потапов, 2023; Potapova, Potapov, Umanskaia, 2023]).

Использование в процессе креолизации наряду с вербальными средствами паравербальных и невербальных средств позволяет осуществлять интернет-коммуникацию, встраиваясь в структуру коммуникативного акта и влияя на его *смысловой контент*. Поликодовая креолизация смысловой информации (текст, изображение, видео, музыка, пение, фото) способна многократно усиливать воз-

¹ О виральности см.: [Терещенко, 2017, с. 48].

действие на реципиентов, так как в данном случае функционируют одновременно или последовательно несколько каналов восприятия.

Таким образом, для достижения полноты и адекватности дискурсивного, сюжетно-композиционного и синтактико-семантического представлений применительно к *меметике* необходимо рассматривать сложную междисциплинарно-конвергентную модель, включающую все составляющие мем-дискурса. Методология анализа феномена многоуровневой креолизации цифровых составляющих мем-единицы предполагает обращение к различным методам и подходам с позиций, в частности, эмоциогенной природы рассматриваемых единиц и их влияния в качестве эмоционального триггера на интернет-коммуникацию в целом.

Прежде чем перейти к сущности проводимого нами исследования, необходимо обратиться к истокам появления самого феномена «*мем*». Термин *меме* был введен английским биологом и популяризатором науки Ричардом Докинзом в его книге «*The Selfish Gene*» [Докинз, 2023]. По мнению М.А. Кронгауза, мем вошел в русский язык, возможно, в процессе использования сетевого жаргона [Кронгауз, 2014].

С нашей точки зрения, комплексная методика анализа креолизованных цифровых мем-единиц должна включать элементы *герменевтического анализа* с привлечением данных не только лингвистики, но и ряда других гуманитарных наук. Еще больший интерес представляет проведение сопоставительного анализа интернет-мемов, функционирующих в разноязычных сегментах Интернета. Применительно к нашему исследованию таковыми являются *русскоязычный, немецкоязычный и англоязычный*, включая *американский вариант английского языка, сегменты Интернета*. Сформированные с учетом вышеперечисленных языков базы данных (БД) предоставляют возможность сопоставить особенности средств передачи информации применительно к *мем-коммуникации* и определить, каким образом монокодовые и поликодовые (креолизованные) средства передачи смысловой информации используются для формирования мемов данных языковых ареалов. Вместе с тем небезынтересным представляется исследование креолизованных мем-единиц в трех языковых ареалах в качестве эмоциогенных триггеров, характеризующихся наличием признака *токсичности*.

Используемая нами комплексная методика герменевтического анализа креолизованных цифровых мем-единиц с учетом специфики дискурсивного и сюжетно-композиционного уровней позво-

ляет определить особенности мем-структур, функционирующих в сетевой коммуникации в качестве эмоциогенного триггера и источника токсичности в трех лингвокультурах. Обращение к герменевтике в данном случае представляется обоснованным, так как разносторонняя интерпретация мем-стимулов требует разносторонних знаний в области не только лингвистики, но и социологии, психологии, психиатрии, нейрофизиологии и т.д., что вызвано необходимостью многопараметрического толкования мем-информации. Известно, что *«герменевтика* (от греч. *hermeneio* – высказывать, толковать, объяснять) – это, во-первых, искусство толкования (интерпретации); во-вторых, теория толкования, подразумевающая определение условий и норм понимания какого-либо объекта культуры, а также его языкового выражения. Предметом герменевтики могут быть любые проявления культуры: тексты, музыка, живопись, человеческие поступки и т.д. Традиционно *герменевтика* занимается главным образом интерпретацией письменной речи» [Брокгауз, 2010, с. 78].

Необходимо подчеркнуть, что на ранних этапах развития герменевтики ключевыми понятиями были «смысловая интерпретация, понимание и воздействие» текста. Герменевтика рассматривалась как учение об «искусстве понимания», которое не ограничивалось одним лишь толкованием текстов. Ряд философских школ рассматривали герменевтику в качестве метода интерпретации поведения человека в окружающем его мире. Герменевтика была признана как важнейший элемент гуманитарных наук и философии в целом, являющийся практикой «интерпретации языковых выражений, представленных знаками, символами и речью, в особенности письменной речью, т.е. текстами... Ф. Шлейермахер закладывает основы теории интерпретации как искусства понимания устной и письменной речи другого... Его внимание приковано к плану выражения, где... и происходит воплощение индивидуально-стилистической манеры произведения. На этом пути у него происходит отождествление понимания с интерпретацией» [Современный философский словарь, 2004, с. 149].

Проведенное нами исследование, посвященное особенностям функционирования эмоциогенного триггера с элементами токсичности на материале мем-коммуникации применительно к русскоязычному, немецкоязычному и англо-американоязычному сегментам Интернета, показало непосредственную взаимозависимость между различными типами креолизации мем-структур и степенью их токсичности, влияющей на эмоциональное воспри-

ятие данных структур коммуникантами, принадлежащими к различным языковым ареалам.

Общая палитра проблем, соотносящихся с исследованием интернет-информации в мировом масштабе, включает: а) различные интернет-источники распространения фейковой информации относительно новостных и рекламных сообщений; б) разноформатные Big Data («большие базы данных»), включающие необходимые персональные данные. Предметом анализа персональных данных могут являться когнитивные нарушения как следствие иррационального мышления, теории заговора и их отражение в сетевой коммуникации, реакции пользователей Интернета на конфликтогенную информацию, психологические аспекты реакций пользователей Интернета на функционирование «сетевых слухов» (фейков), сетевую виральность как пропаганду в сфере услуг и торговли, бот-информацию как средство формирования мнений, мем-информацию как эмоциогенный триггер в молодежной среде и т.д. Таким образом, меметика, с нашей точки зрения, является одной из составляющих мощного информационного потока, влияющего на молодежный контингент пользователей мировой Сети.

Базовыми структурами меметики являются различные способы передачи информации: тексты, изображения (картинки, фото, видео) и т.д., представляющие собой образцы креолизованной (полисемiotической) информации.

На начальном этапе цель исследования заключалась в определении возможных основных тенденций в процессе формирования тематической «гаммы», представленной в анализируемых сегментах Интернета. Для герменевтического подхода (что мы имеем в данном случае) особый смысл приобретает *тематическое* разнообразие, отражающее прежде всего особенности национального характера, влияние окружающей среды, «степень погружения» в национальные особенности сетевой коммуникации и т.д. Герменевтическое описание с учетом *тематики* рассматривается как своего рода «вход» в специфику национального мышления, вкусов, нравов, идейных приоритетов и т.д. Следовательно, основная цель дескриптивного анализа полученных результатов определялась *тематикой*, отраженной в полученных примерах. Статистическая обработка данных будет возможна, естественно, на следующем этапе углубленного изучения материала с обращением к статистически надежному корпусу данных. В этом же случае речь идет о тенденциях, позволяющих уже на начальном этапе сделать выводы о разнообразной палитре восприятия носителями языка окружающей

действительности, что является стимулом к дальнейшим изысканиям в данной области.

В процессе нашего исследования [Потапова, Потапов, 2022, с. 82–88] были сформированы и аннотированы три базы данных (БД) мем-коммуникации: русскоязычная БД ($n = 3684$), немецкоязычная БД ($n = 4722$) и англоязычная БД ($n = 5018$). Все три БД дифференцировались с учетом трех способов передачи информации: а) креолизованная БД (тексты, реплики, а также изображения / картинки / видео), б) некреолизованная БД (исключительно тексты / реплики), в) некреолизованная БД (исключительно изображения / картинки / видео).

Сопоставительный анализ полученных данных показал, что: а) для русскоязычного сегмента Интернета характерны преобладание креолизованных мемов (91,0%) и незначительная частота встречаемости некреолизованных мемов (тексты / реплики) (9,0%); для немецкоязычного сегмента Интернета число креолизованных мемов составляло 99,6%, в то время как некреолизованных мемов (тексты / реплики) – 0,4%; для англо-американоязычного сегмента Интернета, соответственно, креолизованных мемов – 97,6%, а некреолизованных мемов (тексты / реплики) – 2,4%. Следовательно, сопоставление вышеприведенных данных позволяет сделать вывод, что на первом месте по использованию креолизованных текстов для передачи мем-информации находится немецкоязычная меметика (99,6%), на втором месте – англо-американская меметика (97,6%) и на третьем месте – русскоязычная меметика (91,0%). Вышеприведенные данные свидетельствуют о том, что увеличение числа креолизованных мемов соответствует уменьшению количества некреолизованных мемов, т.е. способов передачи информации с помощью текста или реплики. Соответственно, если принимать во внимание максимальное число креолизованной мем-информации при незначительном числе некреолизованной информации, то количественным центром тяжести являются креолизованные способы передачи мем-информации. И в этом отношении на первом месте находится немецкоязычная мем-информация, «опирающаяся» на креолизованные типы мемов. С этой точки зрения англо-американоязычная мем-информация представляет собой промежуточный вариант между немецкоязычной и русскоязычной мем-информацией. Интересно, что русскоязычная меметика использует некреолизованную мем-информацию с опорой на тексты или реплики в большей степени, чем немецкоязычная и англо-американоязычная меметика. Значительная часть русскоязычной меметики в ее некреолизованном

варианте включает обценную лексику. Общим для всех трех видов мем-коммуникации является обращение к таким темам, как «животные», «спорт», «личная жизнь». Наиболее характерным для англо-американоязычного сегмента Интернета предстает обсуждение различных фильмов, мультфильмов, аниме, сериалов, азартных и неазартных игр и других типов шоу – то, что практически отсутствовало в русскоязычном и немецкоязычном сегментах Интернета.

Важной характеристикой предстает также описание конкретных мемов, включающее фиксацию восприятия анализируемого материала с позиций пользователей – молодежи 18 до 25 лет. В связи с этим эксперимент по определению тематики мемов был проведен с привлечением студентов Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ), владеющих иностранными языками, образцы использования мемов которых представлены в данном исследовании. Названия мемов, приводимые в нашей статье, являются продуктом восприятия пользователей Интернета и поэтому приводятся в кавычках.

1. Анализ мем-информации на материале русского языка.

Информационный контент русскоязычной меметики включает следующие темы: «а-ля фамилии знаменитостей», «армия», «беременность», «вакцинация и антипрививочники», «взрослая жизнь», «Гарри Потер и все, все, все», «грустные мемы», «детство», «дистанционка», «дружба», «еда», «женская дружба», «женское», «здоровье», «игры», «интим», «исторические факты», «карантин и коронавирус (ковид)», «лингвистика», «математика», «обценная лексика», «аниме», «Илон Маск», «на случай важных переговоров», «волки», «животные», «лягушки», «пиво», «политика», «Спанч Боб», «Шрек», «искусство Средневековья», «музыка», «Мухомор», «наркотики», «Наташа и коты», «наука», «огород», «отношения», «Перси Джексон», «похудение», «2020», «алкоголь», «геи и гомосексуализм», «деньги», «медицина», «Меладзе», «сон», «трансвеститы», «успех и достижения», «член», «шизофрения», «программирование и компьютер», «просто мемы», «работа», «разное», «религия», «Санлайт и его закрытие», «семья», «сериалы», «сложные мемы», «стипендия», «учеба», «феминизм», «философские», «ФСБ», «Spotify».

Анализ русскоязычных мемов показал, что весь материал распадается на несколько тематических подгрупп, составляющие которых представлены по мере убывания частоты их встречаемости: первая тематическая подгруппа – «животные», «важные переговоры», «пиво», «искусство Средневековья», «обценная лексика»;

вторая тематическая подгруппа – «межличностные отношения», «исторические факты», «учеба», «карантин и коронавирус (ковид)», «наука» и др.

Таким образом, в русскоязычной меметике представлены *события, интересы, повседневная жизнь, вкусы, пандемия*, главным образом, с помощью креолизованных способов передачи информации. Но тем не менее в редчайших случаях встречаются мемы-тексты.

2. Анализ мем-информации на материале немецкого языка. Что же касается немецкоязычной меметики, то полученные данные поражают своей контрастной реакцией немецкой молодежи на окружающую действительность по сравнению с русскоязычной молодежью. Испытуемые-перцепиенты выделили следующие тематические мем-единицы, составляющие которых также представлены по мере убывания частоты их встречаемости: «das Studium» («учеба»), «Alcohol und Partys» («алкоголь и вечеринки»), «Tiere» («животные»), «Fitness» («фитнес»), «CDU» (ХДС – христианско-демократический союз), «Politik» («политика»), «Corona» («коронавирус»). Таким образом, наблюдается наличие тематического контраста мем-единиц между русскоязычной и немецкоязычной меметикой. Эта контрастность наблюдается прежде всего в политематической картине мира русскоязычной молодежи по сравнению с носителями немецкого языка. В немецкоязычной меметике (на данном материале) отсутствуют такие мем-позиции, как, например, «детство», «дружба», «интим», «дистанционка», «еда», «исторические факты», «на случай важных переговоров», «политика», «музыка» и др.

Вместе с тем для немецкоязычной меметики характерно наличие нескольких тематических групп, коренным образом различающихся по частоте их функционирования в Интернете. В первую подгруппу входит все, что связано с учебой («das Studium») (30,0%). Вторую подгруппу образуют мемы «Alcohol und Partys» (25,0%) и «Tiere» (23,0%). Третья подгруппа представлена мемами, общей темой которых является «Fitness» (9,0%). Четвертая подгруппа мемов отражает полемику по вопросам Христианско-демократического союза (ХДС) (7,0%) и политики в целом (4,0%). И пятая подгруппа связана с ситуацией с коронавирусом в Германии (3,0%).

Можно предположить, что русскоязычная и немецкоязычная картины мира применительно к молодежному контингенту различаются прежде всего контрастом между многопараметрическим

восприятием окружающей действительности представителями российской молодежи и узкотематическим восприятием картины мира представителями современной немецкой молодежи. Характерным является также использование в мемах способа передачи информации с обращением к креолизированным формам мемов и к некреолизированным (тексту). Для русскоязычных мемов наряду с большинством креолизированных единиц передачи информации наблюдается также наличие текстовых форм, т.е. некреолизированных способов передачи информации, что абсолютно не свойственно немецкоязычным мемам. Существенным отличием немецкоязычной меметики от русскоязычной предстает на данном материале отсутствие позиции «обсценная лексика».

3. Анализ мем-информации на материале английского языка, включая сетевые мем-американизмы. На следующем этапе нашего сопоставительного исследования был проанализирован корпус данных, полученных в ходе формирования экспериментального материала, основанного на англо-американском сегменте Интернета. Испытуемыми были зафиксированы следующие тематические подгруппы мемов: «Animals», «Gym fitness health», «Harry Potter», «Madagascar», «Naruto», «Rick and Morty», «Russia», «Shrek», «Spongebob», «Stonks», «The Incredibles», «Trump», «Zoom».

Полученные данные были распределены с учетом частоты их встречаемости по следующим подгруппам: первая подгруппа была самая многочисленная и включала мемы по разнообразной тематике: «животные», «гимнастика и фитнес», «фильмы и интернет-игры» (в том числе и с элементами «денежного выигрыша»), различные «аниме» (97,6%). Вторая подгруппа – немногочисленна и включает такую тематику, как «Russia» (0,8%), «Trump» (0,5%) и «Zoom» (1,5%).

Существенную долю всего мем-материала в англо-американском сегменте Интернета составляют многочисленные анимационные фильмы (научно-фантастические, комедийные, полнометражные), например «Madagascar» – американский компьютерно-анимационный комедийный фильм, «Naruto» – популярный анимационный фильм, «Rick and Morty» – американский комедийный научно-фантастический анимационный сериал, «Shrek» – полнометражный анимационный фильм, «Spongebob» – мультсериал с участием губки (серия видеоигр), «Stonks» – сюрреалистическая картинка с бизнесменом, стоящим на фоне таблицы с курсами акций, «The Incredibles» – американский компьютерно-анимационный фильм с участием супергероя.

Выводы по сопоставительному анализу результатов исследования на материале трех языковых ареалов

Исследование многоязычной меметики дает возможность глубже проникнуть в природу специфики когнитивной картины мира молодого поколения пользователей Интернета. Переизбыток цифровой информации, масштабы виртуальной коммуникации способствуют, по нашему мнению, развитию феномена «акцентуированная личность» [Леонгард, 1997], особенно применительно к подростковому возрасту, способствуя появлению ряда психологических нарушений, к числу которых относятся прежде всего ускоренное развитие, стремление к эмансипации, образование различного рода объединений и группировок по интересам, агрессия по отношению к «чужим», а не «своим» в сетевой коммуникации, повышенный интерес ко всему «запретному», жажда подражания различного рода героям и т.д. Все эти устремления образуют общий коллективный психологический портрет (профайлинг) молодого поколения, своего рода «акцентуированную личность» – термин, широко используемый в психологии относительно различных форм проявления нарушений в поведении человека.

Краткая форма и сжато сформулированная мысль в мемах дают возможность точно и целенаправленно выразить свое отношение к адресату или к группе адресатов и тем самым подтвердить / не подтвердить свою приверженность к тому или иному явлению, предмету, событию, личности и т.д. При этом меметика дает возможность эмоционально и лаконично, а также положительно или отрицательно отреагировать на какое-либо явление, ту или иную личность, то или иное событие, являясь своего рода эмоциогенным триггером в сетевой коммуникации.

В этом отношении проанализированный нами разноязычный корпус мем-данных демонстрирует наличие различающихся доминирующих концепций эмоциогенной оценки событий, предметов, процессов и явлений окружающей действительности. В качестве оценочной доминанты русскоязычной мем-коммуникации выступают разнообразные эмоциональные оценки, впечатления, межличностные отношения и внешние события. Немецкоязычной меметике присущ более узкий тематический и событийный масштаб, отражающий определенную сконцентрированность интересов и увлечений. Что же касается англо-американской меметики, то доминантой в данном случае является увлечение фильмами, мульт-

фильмами, разного рода сериалами, играми, направленными на получение выигрыша, что свидетельствует о функционировании в англо-американской меметике двух типов психологической зависимости: *гейминга* (без денежного вознаграждения) и *гемблинга* (с денежным вознаграждением), что характерно для повышенной эмоциональности и токсичности.

Изучение мем-чаттинга в различных языковых сегментах показало наличие мемов одного языкового сегмента в других языковых сегментах, что явилось показателем активного использования мемов в международном масштабе. Приведем пример [Щигарева, 2024] из русскоязычного сегмента Интернета. В начале 2017 г. в русскоязычном сегменте Интернета появился новый популярный мем «Ждун», создание которого связано с установленной ранее на лавочке у нидерландского Лейденского университета скульптурой голландской художницы Маргрит ван Брифорт под названием *Homunculus Loxodontus*. Работа посвящена всем пациентам, ожидающим приема у врача. Позднее автор скульптуры заключила с CD Land лицензионный договор на использование образа, что в настоящее время вызвало целый поток судебных исков со стороны обладателя прав на образ «Ждуна» из популярного мема. Этот факт свидетельствует о том, что в сфере мем-чаттинга появилась юридическая категория защиты прав автора мема, зарегистрировавшего свои права, на международном уровне.

Заключительный этап исследования¹

Далее были выделены следующие цели и задачи.

1. Дальнейшее формирование базы данных с основной и целевой установкой на меметику применительно к трем языковым сегментам: русскоязычному, немецкоязычному, англо-американоязычному.

2. Проведение анализа базы данных применительно к каждому языковому сегменту Интернета с учетом таких параметров, как тема мемического высказывания, кодовая структура анализируемого мема с учетом фактора монокодowości и поликодowości, а также разнообразия лингвистических и экстралингвистических факторов, образующих герменевтическую подоплеку «живучести» и силы психологического воздействия мемов.

¹ Статистическая обработка материала на заключительном этапе исследования проводилась П.И. Горбуновым.

3. Проведение дальнейшего анализа полученных числовых данных с учетом тематики, монокодowości / поликодowości мема и ранговой последовательности по числу сгруппированных тематически мемов от максимально до минимально представленных единиц с учетом их очевидно продуманной или непродуманной адресной направленности.

4. Проведение сравнительного математико-статистического анализа рангового распределения функционирующего для каждого языкового сегмента тематического представления содержания мемов.

5. Сравнение групп мемов, соотносящихся только с одной темой коммуникации, и получение в результате этого зонных данных, с помощью которых предполагалось выделить содержательную доминанту того или иного сегмента Интернета.

Дальнейшее исследование базировалось на конкретных результатах, которые в полной мере могли служить доказательством особого статуса единиц коммуникации с помощью мем-чаттинга, отражающих:

а) значительное увеличение числа интернет-постингов в рамках каждой базы данных. Доведение общего числа мемов в общей сложности до 5 млн единиц;

б) разработка специального программного обеспечения для обработки экспериментальных данных с учетом опыта применения облачных технологий для хранения полученных баз данных. Особое внимание было уделено при этом наличию фактора *разноформатных характеристик*, играющих особую роль в возможности хранения больших баз данных (Big Data) в облачных хранилищах [Потапова, Потапов, Горбунов, 2023; Potapova, Potapov, Gorbunov, 2022; Potapova, Potapov, Gorbunov, 2024];

в) проведение моделирования различных новых коммуникативных процессов, возможно, уже функционирующих в современной информационно-коммуникационной среде (например, в контексте формирования новых языков на базе эмоджи, обмена изображениями вместо текста, голосовыми сообщениями, в том числе и не содержащими словесно оформленной информации, однако же однозначно воспринимаемыми и понимаемыми реципиентами) с опорой на данные объективных исследований работы мозга, получаемые с использованием таких инструментов, как МРТ, фМРТ, ЭЭГ.

На данном этапе исследования была существенно расширена база данных интернет-постингов (мемов).

Применительно к настоящему исследованию база данных мемов, поэтапно собранная в течение 2022–2023 гг., позволила в динамике изучить реакцию интернет-сообществ на происходящие в мире глобальные и локальные изменения.

Формирование масштабной мультимодальной поликодовой лингвистической базы данных мемов проводилось с применением технологий обработки больших баз данных (Big Data) и системы *глубинного аннотирования* поликодовых текстов. Источником данных послужили русскоязычный, англо-американоязычный и немецкоязычный сегменты Интернета.

Материалы были выбраны согласно следующим критериям:

1) подготовленные на анализируемых языках каждого из трех языковых сегментов (русском, английском, немецком);

2) представленные в открытом доступе в сети Интернет (социальные сети, такие как «ВКонтакте», Facebook, Twitter, Instagram, «Одноклассники», LinkedIn и т.д., а также персональные блоги, микроблоги, видеоблоги, серии подкастов);

3) выраженные с использованием одной или нескольких модальностей (содержат текст, изображения (графики, рисунки), звуковые файлы, видеофайлы и другие виды данных в любых комбинациях). Стоит отметить, что короткие видеофайлы (анимации) также подходили под цели работы;

4) имеющие определенное количество просмотров (лайков / репостов) – не менее 20% от общего числа подписчиков сообщества или медиаличности, на странице которой (этой медиаличности) они были опубликованы (на первом этапе исследования).

Предварительная обработка полученного материала

Непосредственно после обнаружения подходящего материала необходимо было сохранить все данные, связанные с ним, – т.е. текст, видеофайлы, изображения, аудиозаписи – в облачное хранилище данных. Для достижения вышеуказанной цели была создана файловая структура, имеющая следующее представление: *общая папка → языковой сегмент → распределение материала по кодовости*.

Основным инструментом для количественной фиксации, а также анализа собранных материалов стал табличный процессор Microsoft Excel, входящий в состав пакета офисных программ Microsoft Office. Выбор данного программного обеспечения обу-

словлен, в частности, его полной совместимостью с реляционными базами данных, повсеместно применяемыми в таких облачных сервисах, как Microsoft Azure и Google Drive. Указанное программное обеспечение было успешно приспособлено для хранения и обработки лингвистической информации в рамках предыдущих исследований.

Для получения наиболее объективных результатов при проведении работы по сбору масштабной мультимодальной поликодовой базы данных мемов был установлен ряд критериев, согласно которым производилось ее первичное описание. Основаниями для классификации мемов послужили следующие типы разметки:

- языковая принадлежность мемов (русский, английский, немецкий);
- использование одного или нескольких кодов (поликодовая или монокодовая коммуникация), в случае монокодовой коммуникации – использование текста, изображений, аудио- или видеоконтента, в случае поликодовой коммуникации – состав комбинации кодов;
- тематическая принадлежность с учетом рубрикации;
- наличие агрессивного контента (бранной и обценной лексики, сцен насилия, откровенных снимков и т.п.);
- реакции реципиентов.

Одной из первоочередных задач исследования стало определение тематической и кодовой динамики интернет-постингов в пределах определенных временных рамок. Так, с учетом стремительно изменяющихся интересов молодежной части современного общества, наиболее активно использующей сеть Интернет, оптимальным временным периодом для фиксации происходящих в языковом материале изменений был выбран годовой квартал. Для фиксации статистики, получаемой при закрытии очередного периода, на каждый из кварталов 2022 и 2023 гг. в базе данных Excel создано по отдельной таблице-вкладке, позволяющей оперативно ориентироваться в собранной в разное время лингвистической информации. Кроме того, была предусмотрена отдельная таблица для отображения тематической и кодовой динамики полученных единиц базы данных в выбранном временном промежутке (рис. 1).

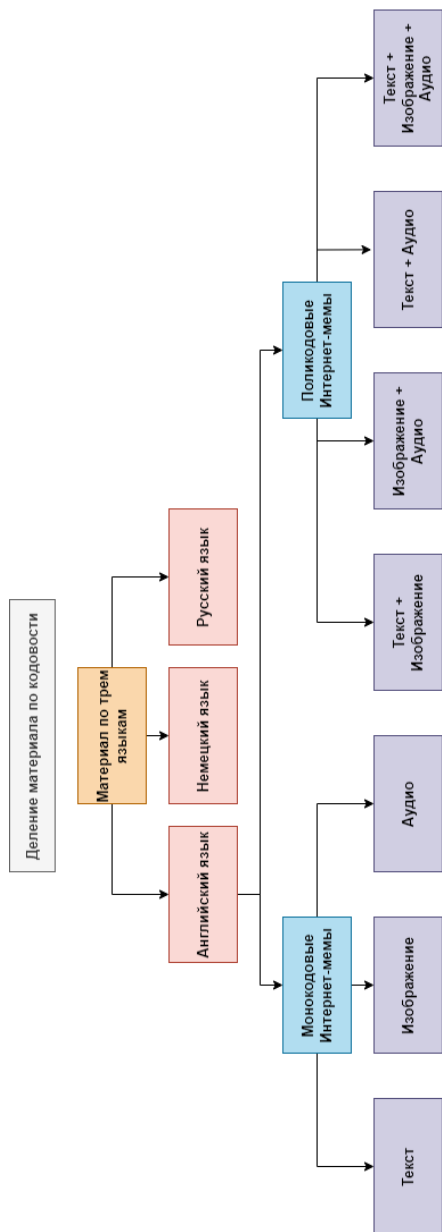

Схема 1.
Деление материала по кодовости

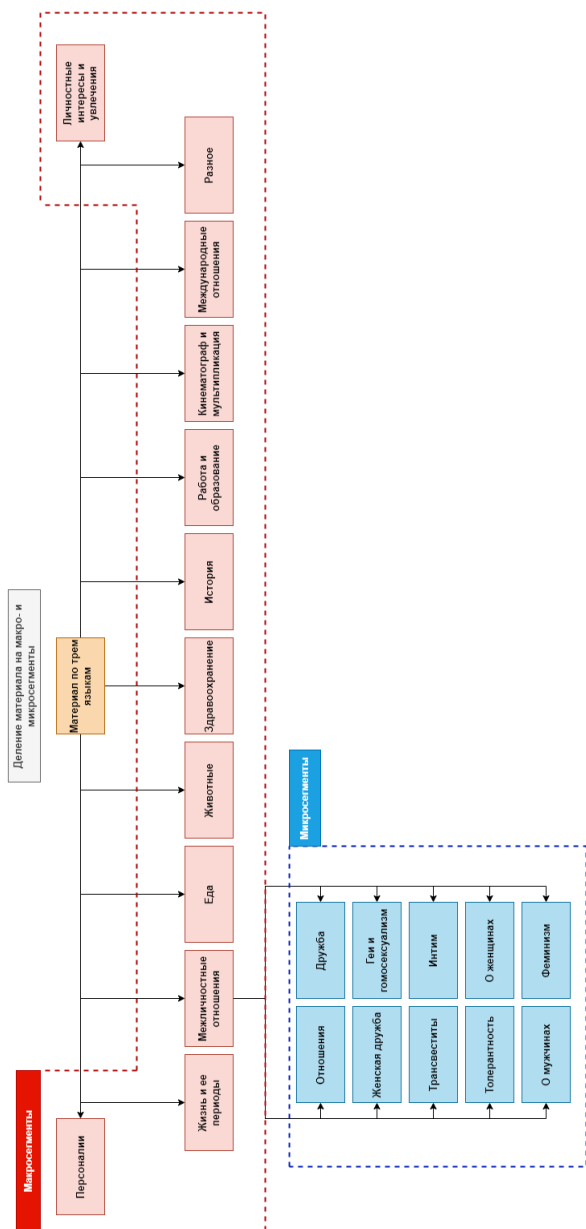

Схема 2.
Деление материала на микро- и макросегменты

В настоящее время обозначенные выше макросегменты включали в себя 60 микросегментов: «а-ля фамилии знаменитостей», «Илон Маск», «Меладзе», «Трамп (Trump)», «взрослая жизнь», «детство», «беременность», «армия», «повседневность», «сон», «грустные мемы (депрессия)», «философские», «отношения», «дружба», «женская дружба», «геи и гомосексуализм», «трансвеститы», «интим», «о женщинах», «о мужчинах», «феминизм», «разное», «пиво», «волки», «лягушки», «здоровье», «вакцинация и антипрививочники», «похудение», «медицина», «шизофрения», «фитнес», «наркотики», «исторические факты», «искусство Средневековья», «стипендия», «математика», «учеба», «прокрастинация», «Zoom», «карантин и коронавирус (ковид)», «дистанционка», «фильмы, сериалы», «Гарри Поттер и все, все, все», «Перси Джексон», «разное», «Наруто», «ХДС», «Stonks», «ФСБ», «член», «Мухоморанск», «2020», «Санлайт и его закрытие», «Spotify», «новости», «музыка», «деньги», «игры», «религия».

На последующих этапах исследования количество микросегментов увеличилось до 87 в связи с развитием пространства для интернет-коммуникации, а также насыщенностью последних лет событиями мирового уровня: «а-ля фамилии знаменитостей», «Илон Маск», «Меладзе», «Трамп (Trump)», «взрослая жизнь», «детство», «беременность», «армия», «повседневность», «сон», «матери», «грустные мемы (депрессия)», «философские», «алкоголь и вечеринки», «отношения», «дружба», «женская дружба», «геи и гомосексуализм», «трансвеститы», «интим», «толерантность», «о женщинах», «о мужчинах», «феминизм», «разное», «пиво», «разное», «волки», «лягушки», «здоровье», «вакцинация и антипрививочники», «похудение», «медицина», «шизофрения», «фитнес», «наркотики», «исторические факты», «искусство Средневековья», «стипендия», «математика», «работа», «учеба», «программирование и компьютер», «прокрастинация», «Zoom», «карантин и коронавирус (ковид)», «дистанционка», «наука», «лингвистика», «мультфильмы», «Спанч Боб», «Шрек», «Мадагаскар», «Рик и Морти», «Суперсемейка (The Incredibles)», «фильмы, сериалы», «Гарри Поттер и все, все, все», «Перси Джексон», «разное», «Наруто», «политика», «конфликт на Украине», «Россия», «смерть королевы Елизаветы, воцарение Чарльза», «ХДС», «разное», «на случай важных переговоров», «просто мемы», «сложные мемы», «Наташа и коты», «Stonks», «ФСБ», «член», «Мухоморанск», «2020», «обсценная лексика», «Санлайт и его закрытие»,

«семья», «социальные сети», «успех и достижения», «Spotify», «новости», «музыка», «деньги», «игры», «религия», «огород».

3. В рамках каждого макросегмента приводилась ежеквартальная статистика по признаку частоты встречаемости в сети Интернет того или иного микросегмента, а также по частотности используемых кодов. Статистика охватывала три изначально обозначенных языка, подсчитывалась автоматически с помощью вычислительных операций программного обеспечения Microsoft Excel и отображалась во вкладке «Динамика» базы данных интернет-мемов (рис. 2).

№ п/п	Макросегмент	2022-1							
		Наиболее частотный микросегмент		Наименее частотный микросегмент		Наиболее частотный код		Наименее частотный код	
		Английский язык							
1	персоналии	а-ля фамилии знаменитостей	40	Меладзе	5	Текст + Изображение	25	Аудио	5
2	жизнь и ее периоды	грустные мемы (депрессия)	60	армия	3	Изображение + Аудио	50	Текст	10
3	межличностные отношения	отношения	70	интим	10	Изображение + Аудио	55	Текст	5
4	еда	разное	10	пиво	2	Текст + Изображение	5	Текст + Аудио	3
5	животные	разное	40	лягушки	15	Текст + Изображение	35	Текст + Аудио	15
6	здоровоохранение	похудение	60	фитнес	5	Текст + Изображение	40	Текст + Аудио	15
7	история	исторические факты	20	искусство Средневековья	5	Текст + Изображение	10	Аудио	5
8	работа и образование	работа	30	стипендия	10	Текст + Изображение	20	Аудио	10
9	кинематограф и мультипликация	фильмы, сериалы	110	Гарри Поттер и все, все, все	10	Текст	10	Изображение + Аудио	5
10	международные отношения	смерть королевы Елизаветы, воцарение Чарльза	100	ХДС	10	Текст	10	Изображение + Аудио	5
11	разное	разное	130	Stonks	20	Аудио	50	Изображение	20
12	личностные интересы и увлечения	соц. сети	30	огород	15	Изображение	20	Текст + Аудио	3
Немецкий язык									

Рис. 2.
Вкладка «Динамика» базы данных интернет-мемов

4. По всем вышеуказанным параметрам применительно к трем языковым сегментам попарно и в совокупности проводился сопоставительный анализа: а) русский язык – английский язык; русский язык – немецкий язык; английский язык – немецкий язык.

Попарное сопоставление мемов с учетом тематики и времени реализации мема в Интернете производилось на основе данных, полученных с помощью использованных во вкладке «Динамика» математических формул, и отражалось статистически с применением гистограмм и, при достаточной статистике, методов математической статистики с учетом среднего значения и зоны минимального и максимального значений (рис. 3).

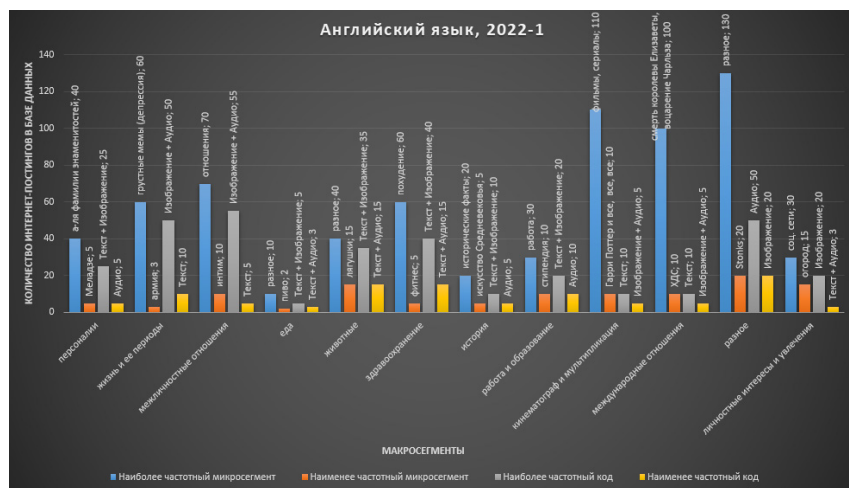

Рис. 3.
Гистограмма, отображающая статистическую информацию о собранных интернет-мемах на английском языке в рамках первого квартала 2022 г.

Сведения о достигнутых конкретных итоговых научных результатах

Первый этап исследования предполагал ручное аннотирование материала. Таким образом были выявлены основные макро- и микросегменты, а также набор ключевых понятий для каждой из тематических групп. Второй этап заключался в обработке и сборе информации посредством использования тегов – специальных меток, все чаще применяемых пользователями Интернета для классификации и облегчения поиска конкретного типа данных.

Определенные на первом этапе исследования теги (совпавшие по наименованиям с темами макро- и микросегментов) позволили значительно расширить базу данных, а также существенно упростить и автоматизировать процесс сбора данных. С помощью метода сплошной выборки из каждого тематического сегмента были выделены 10% материала для более детального анализа.

В рамках выполнения задачи по формированию лингвистической базы данных к концу 2023 г. сформированы три языковых корпуса интернет-постингов, объем каждого из которых составил 2 000 000 мемов. Таким образом, общее количество собранного материала составило 6 000 000 единиц.

В результате аннотирования и статистической обработки собранного материала согласно представленным выше критериям и при помощи современных информационных технологий были выявлены следующие общеязыковые тенденции, характерные для каждого из участвующих в исследовании лингвистических интернет-пространств:

1) наибольшее распространение в интернет-коммуникации получили именно поликодовые мемы. В частности, это мемы, в которых в совокупности задействованы такие типы кодов, как «текст» и «изображение». Количество вхождений в базу данных, соответствующих этому типу мемов по трем языкам, составило 4 356 060 единиц;

2) в результате глобализации мировое интернет-сообщество становится более гомогенным. Мемы из англоязычного сегмента мигрируют и в русско-, и в немецкоязычную среду. Аудитория русской и немецкой лингвокультуры воспринимает, использует и распространяет мемы в их оригинальном виде, не связывая их с собственным культурным кодом. Наличие этого фактора свидетельствует об изменениях в этническом самосознании культур;

3) динамичнее всего интернет-сообщество реагирует на темы, попадающие в макросегмент «международные отношения» (1 352 011 вхождений в БД). В пределах данного макросегмента изменение актуальных тематик для интернет-постингов в трех языковых группах происходит ежеквартально, в зависимости от ситуативных условий. Интересным представляется тот факт, что русскоязычная и англоязычная интернет-среды остро реагируют на изменения, происходящие в мире, в то время как в немецкоязычных мемах в большинстве случаев находят свое отражение внутренние проблемы немецкого общества;

4) существует ряд макросегментов, статистические данные по которым почти не изменяются с течением времени для всех языков. К таким сегментам можно отнести: «работа и образование» (429 558 вхождений в БД), «здравоохранение» (297 828 вхождений), «межличностные отношения» (605 376 вхождений), «личные интересы и увлечения» (976 260 вхождений), «животные» (435 552 вхождений), «жизнь и ее периоды» (1 000 044 вхождений).

Стоит отметить, что наибольшее распространение имеют поликодовые единицы, посвященные типичным ситуациям из жизни, проблемам, с которыми сталкивается большинство людей. В связи с этим актуальны для реципиентов те мемы, которые отражают их чувства и переживания в определенной сфере жизни.

Основными паттернами (модельными образцами) мемов являются:

- изображение / передача эмоции;
- изображение типичной ситуации, представляющей собой определенную фреймовую структуру, компоненты которой влияют на эмоциональное состояние реципиента;
- изображение информационного повода или отсылка к нему.

Анализ полученных результатов по каждому из языковых сегментов, рассматриваемых по отдельности, отражает следующую тематическую и кодовую динамику.

1. Русский язык. К событиям, вызвавшим наибольший резонанс у русскоязычного интернет-сообщества, можно отнести «конфликт на Украине» (450 540 вхождений в БД), «смерть королевы Елизаветы, воцарение Чарльза» (235 670 вхождений) и «частичную мобилизацию» (224 745 вхождений). Стоит заметить, что интернет-постинги на русском языке характеризуются более яркой эмоциональной окраской, повышенной иронией по отношению к действительности, а также почти полным отсутствием призыва к тем или иным действиям, способным повлиять на существующий общественный строй.

Важно также отметить, что смысл единицы и коммуникативная цель автора текста с табуированной темой в русскоязычном сегменте в большинстве случаев передаются имплицитно, посредством использования схожих образов, скрытых намеков. К этому сегменту относится, например, изображение некоторых физиологических процессов человека.

2. Английский язык. Представители англоязычного интернет-сообщества, как крупнейшего в мире, присутствуют в абсолютном большинстве стран. Как следствие, существенно возрастает

количество злободневных тем, реакция на которые находит свое отражение в англоязычных мемах. Основная закономерность, выявленная настоящим исследованием, состоит в следующем: чем крупнее население англоязычной страны и чем больше возможностей выйти с ее территории в глобальную сеть, тем объемнее в англоязычном сегменте (по процентному соотношению) массив интернет-постингов на актуальные для этой страны тематики. На данный момент большая часть освещаемых в англоязычном сегменте тем имеет прямое отношение к происходящим с США событиям: «президентство Джо Байдена» (190 650 вхождений в БД), «изобретения Илона Маска» (187 340 вхождений) и «долларовая инфляция» (150 210 вхождений).

3. Немецкий язык. Немецкоязычное интернет-сообщество является наименьшим из представленных в настоящей работе. Изменения в сферах его интересов происходят медленно в силу проживания большей части носителей языка на ограниченной территории в пределах определенной точки земного шара. Немецкоязычная меметика реагирует преимущественно на внутренние проблемы Германии и Австрии, часть из которых возникает в результате происходящего в непосредственной близости конфликта на Украине. Актуальные для нее темы: «иммиграция иностранцев» (255 740 вхождений в БД), «отопление жилья в осенне-зимний период года» (233 680 вхождений) и «обесценивание валюты евро» (227 580 вхождений), «трехпартийная коалиция» (195 648 вхождений).

Одной из особенностей использования кода в немецкоязычном сегменте мемов является повышенная эксплицитность (выраженность). Табуированные темы, неэстетичные заболевания и расстройства отображены более реалистично и натуралистично, чем в русском и английском сегментах.

Немецкоязычные мемы включают обилие поликодовых текстов, в которых использован английский язык, что может свидетельствовать о наличии сложной языковой ситуации в немецкоязычных странах.

Заключение

Таким образом, сетевая меметика является крайне привлекательной для молодых пользователей Интернета благодаря своей образности, лаконичности, экспрессивности, токсичности (в ситуациях агрессии, оскорбления, унижения человека, нанесения вреда

чести и достоинству партнеру по коммуникации). Вместе с тем меметика позволяет сконцентрировать внимание на различных типах смыслового контента, например познавательно-информационного, творческого, кино- и фотохудожественного, театрально-рекламного, изобразительного и текстового. Естественно, что подобная когнитивная стимуляция ведет, с одной стороны, к быстрому усвоению информации, получению удовольствия, а с другой – к усвоению, как правило, отрицательных примеров форм социализации. По наблюдению и из опыта ряда специалистов в области психологии и психиатрии подобная зависимость, в частности, от мем-коммуникации (привычки ежедневно обмениваться информацией, получая одобрение – лайки, лаконично формулируя свои мысли, сопровождая при этом информацию различными семиотическими средствами), становится физической потребностью, в связи с чем возникает феномен своего рода *психоэмоциональной интоксикации*, включающей, как правило, негативные эмоционально-модальные состояния: раздраженность, злость, гнев, полный уход от реальности, ненависть, агрессивность, склонность к суициду и т.д. При этом по данным социологии, психологии и педагогики, количество эмоциональных реакций у интернет-зависимых пользователей значительно превышает количество проявлений познавательных процессов, т.е. образуется своего рода прослойка «игноратусов-потребителей», слепо следующих за интернет-образцами виртуальной токсичности.

Если рассматривать меметику в ретроспективном ракурсе, то можно убедиться в том, что данный вид коммуникации сопровождал человека (*Homo sapiens*) на всех этапах его эволюции: от общения с помощью петроглифов, плакатных форм передачи информации, различного рода комиксов, рекламных средств воздействия до развития различных форм коммуникации на основе новых информационных цифровых технологий. В последние десятилетия человечество обратилось к меметике, т.е. к лаконичному поликодовому (креолизованному) и монокодовому (некреолизованному) способам передачи информации [Потапова, Потапов, 2022; Потапова, Потапов, 2024; Potapova, Potapov, 2022; Potapova, Potapov, 2023].

В связи с интенсивным развитием новых информационных цифровых технологий особое значение приобретают способы передачи смыслового контента, оказывающего непосредственное негативное воздействие на получателей данной информации, что играет роль своеобразной «*ментальной инфекции*». Данный процесс восприятия и смысловой интерпретации получаемой информации считается в настоящее время процессом, оказывающим ток-

сичное (вредоносное) воздействие на пользователей сетевой коммуникации. Информационные цифровые потоки формируют картину мира пользователей, и в первую очередь представителей подрастающего поколения. К числу ключевых проблем современной цифровой коммуникации относится прежде всего проблема *формирования личности*, включающая этические, социальные, эстетические, интеллектуальные, мировоззренческие и валеологические аспекты. Проблема валеологии соотносится с формированием здорового образа жизни, нейрофизиологического и когнитивного статуса личности, что имеет принципиально важное значение для развития всего общества в целом. Исследования в данной области знаний, учитывая технологическую специфику передачи информации, находятся на начальном этапе своего развития. Как правило, лингвистические исследования, посвященные интернет-коммуникации, ограничиваются анализом текстовой и дискурсивной составляющей. Что же касается анализа и интерпретации глубинных смысловых особенностей, оказывающих влияние на формирование картины мира участников сетевой коммуникации, то в этом отношении существуют значительные пробелы в знаниях, не позволяющие установить закономерности функционирования и взаимозависимости между смысловым контентом и средствами его (т.е. смыслового контента) реализации, особенностями его восприятия, понимания и т.д. Исходя из вышесказанного представляется более перспективным использование *герменевтического подхода*, который базируется на интерпретации (толковании) смысловых особенностей сетевой информации с опорой на различные методы исследования в масштабе мировой гуманитаристики (Digital Humanities).

В связи с этим представляется уместным рассматривать *герменевтику* в исследовании устной и письменной речи в процессе коммуникации как *предтечу* современного междисциплинарно-конвергентного подхода, включающего в первую очередь обращение к ряду научных направлений, связанных с проблемами порождения устных и письменных текстов, их обусловленностью интеллектуальными, психоэмоциональными, когнитивными, нейрофизиологическими и психопатологическими особенностями личности автора анализируемого устного или письменного высказывания. Междисциплинарно-конвергентный подход дает возможность для проведения масштабного исследования проблемы функциональной зависимости между скрытым смысловым контентом малых форм интернет-постингов (мемов) и степенью влияния и

воздействия данного контента на изменение различных аспектов картины мира у реципиентов. К числу факторов негативного воздействия на пользователей Интернета относятся дегуманизация межличностных социальных отношений, «интоксикация» участников сетевой мем-коммуникации, рост числа коммуникативных актов, характеризующихся агрессией, враждой, насилием, увеличение числа попыток суицидального ухода из жизни и т.д., что представляет собой угрозу для общества в целом. Таким образом, в меметике как в зеркале отражаются все особенности бытия и жизнедеятельности молодого поколения: социальные, когнитивные, этические, психологические, социально-политические и т.д.

Токсичность составляющих меметики способствует формированию современного «цифрового интернет-коммуниканта», характеризующегося наличием переформатированной картины мира, склонностью к десоциализации, дегуманизации, стремлением к фрустрации, депривации и различного рода аддикциям. Таким образом, меметика в мировой Сети может рассматриваться как современная субкультура, характеризующаяся краткостью, креативностью, популярностью, наглядностью, содержательной экспансией и широким диапазоном функционирования. Своеобразным отличием меметики от других форм передачи информации в Сети является кодирование сообщения с помощью вербалики, паравербалики, невербалики и экстравербалики. К особым многофункциональным свойствам меметики следует отнести широкомасштабность сетевого функционирования, относительную легкость определения тональности мем-информации, ее темпоральности и интертекстуальности. Все вышесказанное способствует глобальному распространению данного вида передачи информации вне зависимости от языковой, этнической и культурообразующей составляющих молодежной сетевой коммуникации.

Следует отметить наличие некоторых тенденций, обусловленных спецификой языковой коммуникации между участниками мем-чаттингов, что обусловлено языком общающихся, их психологическими наклонностями, уровнем их образования и культуры и общим социально-культурным фоном тех стран, которые объединены фактором языка: русского, английского (включая американский вариант английского языка) и немецкого языков. Проведенный анализ мем-чатов показал, что в мем-чаттинге отражаются внешние события, внутренняя экономическая ситуация, виды молодежного досуга, отношение к семье, дружбе, спорту и мировые

политико-экономические факторы, присущие современному этапу развития социума в целом.

Настоящее исследование связано с областью формирования специфики молодежного *социально-сетевого дискурса* (ССД) [Potapova, 2015; Потапова, 2017] во всех его разновидностях.

В наши дни Интернет является одной из основных площадок общения молодежи, речь которой претерпевает определенную трансформацию. Особенности речи молодежи позволяют сделать предположительные выводы о психологическом состоянии ее представителей, об уровне зрелости, умении / неумении поддерживать благоприятную атмосферу внутри коллектива, а также об актуальных темах коммуникации изучаемой национальной специфики молодежных групп. Полученные результаты позволяют производить точное *психологическое портретирование* представителей молодежи, видоизменять и усовершенствовать подходы для формирования полноценной личности, разрабатывать методики противостояния *киберугрозам* в отношении подрастающего поколения.

Речь современной молодежи отражает некоторые возрастные закономерности и имеет гендерную специфику: мем-чаттинг молодежи более юного возраста в условиях цифровой коммуникации экспрессивен и тяготеет к речевой агрессии, мем-чаттинг молодежи более старшей группы носит, как правило, нейтральный или безоценочный характер. При этом мужская часть молодежи скорее может быть более экспрессивной и агрессивной, чем женская.

Перспективными можно считать следующие направления научного изучения мем-чаттинга: во-первых, *кросс-культурный анализ* степени схождения или различия речи молодежи различных стран в условиях цифровой коммуникации; во-вторых, *онтогенетическое исследование* молодежной речи; в-третьих, анализ мем-чаттинга за счет расширения тематики молодежной коммуникации; в-четвертых, пополнение *больших баз данных* (Big Data) образцами мемов, соотносящимися не только с *возрастом, гендером и родным языком* участников мем-чатов, но и с данными в области *психолого-патологического* и *национально-генетического* характера индивидов.

Вышеприведенное исследование чаттинга продемонстрировало состоятельность обращения к анализу новой формы молодежной коммуникации – мем-чаттингу. На материале исследования трех языковых сегментов Интернета – русскоязычного, англо-американоязычного и немецкоязычного – было проведено содержательно-статистическое исследование, которое позволило прийти

к выводу о том, что данный вид коммуникации может быть как сугубо национальным, так и межнациональным, как межличностным, так и групповым, значительно отличающимся как от литературного языка, так и от диалектальной формы языка. Лонгитюдный эксперимент показал наличие не только языковых особенностей мем-чаттинга, но и национально обусловленных форм использования и понимания мем-сообщений в целом, что дает возможность при проведении дальнейших исследований ориентироваться не только на языковые особенности мем-чаттинга, но и на поликомпонентные различия мем-чаттинга с учетом видов межнационального и внутринационального использования языковых и не языковых форм передачи информации. Таким образом, можно было бы в последующих исследованиях мем-чаттинга с опорой на различные языки мира говорить о внутриязыковых (диалектальных) и межъязыковых (общезыковых) особенностях конкретного анализируемого корпуса примеров мем-чаттинга.

Результаты данного исследования позволили полностью подтвердить нашу гипотезу относительно безусловного наличия **мемолектов** в молодежной цифровой коммуникации, особенностей трех языковых ареалов, которые характеризуются территориальными, социальными и возрастными признаками мем-чаттинга, позволяющими дифференцировать языковые, культурологические, этнические, социально-ориентированные градации современного молодежного поколения в целом.

Список литературы

- Брокгауз. Философия: Концепции. Мыслители, понятия / Пер. с нем. – СПб.: Амфора, 2010. – 423 с.
- Докинз Р. Эгоистичный ген: пер. с англ. – Москва: АСТ, 2023. – 512 с.
- Касаткин Л.Л. Диалект // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – С. 132.
- Касаткин Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. – Москва: Наука: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 528 с.
- Кронгауз М.А. Мем в русскоязычном Интернете: опыт деконструкции // Русский язык и новые технологии: коллективная монография / сост. Г.Ч. Гусейнов; под ред. М.В. Ахметовой, В.И. Беликова. – Москва: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 87–95.
- Леонгард К. Акцентуированные личности: пер. с нем. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – 544 с.

- Пожарицкая С.К.* Русская диалектология: учебник. – Москва: Изд-во МГУ, 1997. – 168 с.
- Потапова Р.К.* Депривация как базовый механизм вербального и паравербального поведения человека (на материале социально-сетевой коммуникации) // Речевая коммуникация в информационном пространстве / отв. ред. Р.К. Потапова. – Москва: ЛЕНАНД, 2017. – С. 17–36.
- Потапова Р.К., Потапов В.В.* Интернет-меметика как эмоциогенная среда сетевой коммуникации // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2022. – Т. 81, № 2. – С. 78–91.
- Потапова Р.К., Потапов В.В.* Немецкоязычная цифровая меметика как разновидность социально-сетевого дискурса // Эмпирические исследования германских языков: коллективная монография / под ред Н.Н. Бабенко, Д.Б. Никуличевой. – Москва: Институт языкознания РАН, 2024. – С. 334–354.
- Потапова Р.К., Потапов В.В., Горбунов П.И.* К опыту хранения лингвистических данных с помощью облачных технологий // Филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: материалы VIII Международного научного конгресса, Симферополь, 7–8 апреля 2023 г. / ред. Е.В. Полховская. – Симферополь: Издательский дом КФУ, 2023. – С. 689–691.
- Потапова Р.К., Уманская П.А., Потапов В.В.* Особенности речи подростков в условиях русскоязычной цифровой коммуникации // Этнопсихоллингвистика. – 2023. – № 1 (12). – С. 7–29.
- Современный философский словарь / под общ. ред. В.Е. Кемерова. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Академический проект, 2004. – 864 с.
- Терещенко О.В.* Виральность // Новые медиа: социальная теория и методология исследований: словарь-справочник / отв. ред. О.В. Сергеева, О.В. Терещенко. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2017. – С. 48.
- Щигарева М.* Россиян решили массово засудить из-за популярного мема // Lenta.ru. – URL: https://lenta.ru/news/2024/02/20/zhdun/utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 20.02.2024).
- Potapova R.* From deprivation to aggression: verbal and non-verbal social network communication // Global Science and Innovation: materials of the VI International Scientific Conference. Chicago. November 18–19th, 2015 / publishing office Accent Graphics communications. – Chicago (USA), 2015. – Vol. 1. – P. 129–137.
- Potapova R.K., Potapov V.V.* Features of modern multilingual memetics // Vestnik of Moscow State University. Humanities. – 2022. – № 11 (866). – P. 83–91.
- Potapova R.K., Potapov V.V.* Features of German digital memetics // Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities. – 2023. – 10(878). – P. 77–85.
- Potapova R., Potapov V., Gorbunov P.* The modern problem of accessibility and complexity of Big Data // Communication and Intelligent Systems. Lecture Notes in Networks and Systems. – Springer Singapore, 2022. – Vol. 461. – P. 863–872.
- Potapova R., Potapov V., Gorbunov P.* On the experience of statistical processing of memes in Big Data format // Ninth International Congress on Information and Communication Technology. Lecture Notes in Networks and Systems. – Springer Nature Singapore, 2024. – Vol. 1014. P. 297–304.
- Potapova R.K., Potapov V.V., Umanakaia P.A.* Stylistic features of Russian-language Internet communication of the younger generation // Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities. – 2023. – № 7 (875). – P. 101–111.

КУЧИНА С.А.¹

2.3. ЭЛЕКТРОННЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКОВЫХ АРЕАЛАХ

Аннотация. Автор рассматривает исторический контекст возникновения и развития феномена электронного художественного текста (ЭХТ), а также основные направления его исследования. Материалом послужили электронные художественные тексты на английском и русском языках, представленные с помощью различных технологий и платформ (Adobe Flash, Scalar, HTML5 и др.). Электронный художественный текст является семиотически комплексным объектом современного информационно-коммуникационного дискурса; его вербальные (языковые единицы) и невербальные (графика, видео, аудио, анимация, программный код) компоненты представляют собой единую и завершенную систему, обладающую информативностью и эстетической ценностью, что делает изучение ЭХТ предметом междисциплинарных исследований в области гуманитарных дисциплин.

Появление электронной коммуникативной среды во второй половине XX в. (компьютерная сеть Интернет, Всемирная сеть World Wide Web) привело к актуализации феномена электронного текста, функционирование которого поддерживается особыми техническими условиями электронной среды, а значит, обуславливает иные принципы текстопорождения и текстовосприятия, специфику функционирования данного типа текста в новом коммуникативном пространстве. Парадигма исследований «постдигитал» [Mel, 2011], которая предполагает изучение вопросов взаимоотношения и взаимовлияния различных форм жизнедеятельности человека (искусства в том числе) и цифровых технологий XX–XXI вв., окончательно выводит художественный текст за рамки ограниченной

¹ Сибирский государственный университет водного транспорта, Новосибирск, Россия; svkuchina@yandex.ru

вербальной структуры, делая его продуктом синтетического творчества, в котором программный код, графические, видео-, аудио- и анимационные компоненты становятся семантически равноценными элементами художественного произведения.

Феномен электронного художественного текста в исследовательской практике стали обсуждать сравнительно недавно, в конце XX в. Во избежание двойственного понимания объекта настоящего исследования считаем необходимым ввести определение ЭХТ. Под электронным художественным текстом мы понимаем единую и завершённую систему взаимосвязанных вербальных (языковых единиц) и невербальных (графика, видео, аудио, анимация, программный код) компонентов, которая, обладая информативностью и эстетической ценностью, воплощает в образной форме моделируемую автором фикциональную картину мира в условиях электронной среды.

Эстетическое осмысление новейших технологий (гипертекстовой системы представления информации в электронной среде, компьютерно-опосредованной коммуникации) привело к образованию огромного пласта цифровой культуры. Первыми электронными художественными текстами являются электронные генеративные произведения (автоматически сгенерированные программным алгоритмом тексты на основе баз данных и заданных синтаксических моделей), созданные в середине прошлого века. Эксперименты в области перестановочной литературы с использованием компьютера и попытки создания вероятностных текстов принадлежат К. Стречи [Strachy], разработавшему генератор любовной лирики «Love letter generator» (1952), а также немецкому профессору Т. Лутцу [Lutz] – в 1959 г. вышло его первое произведение «Stochastische Text». Эти опыты с использованием программного алгоритма и баз данных из текстов классической литературы для генерирования новых произведений свидетельствуют о попытках их авторов поместить компьютерную технологию в область художественного эксперимента. Для начального периода развития электронной литературы характерны использование авторского программного алгоритма, ограниченные возможности интерфейса произведения (отсутствие анимации и интерактивных опций для читателя), лаконичный дизайн (использование букв светлого цвета на черном фоне), лимит тиражирования (из-за отсутствия глобальной сети, связывающей все электронные данные в один массив) (рис. 1).

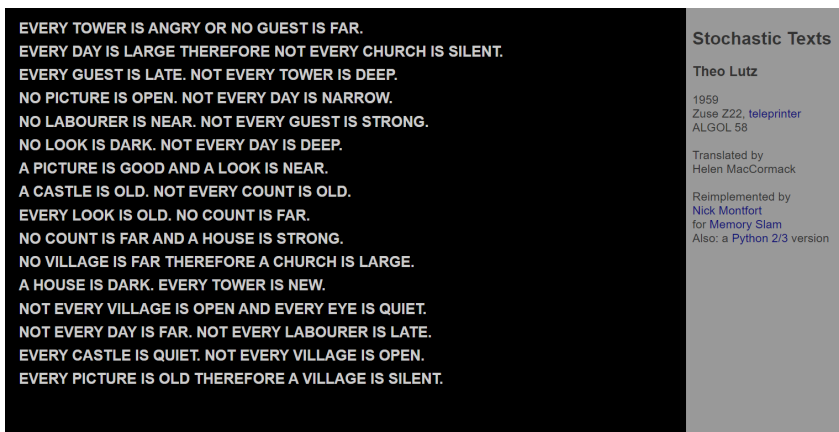

Рис. 1.
 Фрагмент «Stochastische Text» Т. Лутца [Lutz],
 созданного на основе авторского программного алгоритма

Бум в развитии гипертекстовых технологий в конце XX в. (открытия В. Буша, исследования Д. Энгельбарта и Дж. Ликлайдера, разработка Т. Нельсоном гипертекстовой системы Xanadu) послужил стимулом для продолжения эстетического осмысления нового формата представления данных и более глобальных экспериментов в области электронной литературы. В этот период появляется гипертекстовая система Storyspace (1987) для создания художественных гипертекстов. Первые проекты Storyspace выходили и распространялись на CD и стали классикой гипертекстовой литературы. К ним относятся «Afternoon, a story» М. Джойса [Joyce], «Victory Garden» С. Молтроп [Moulthrop], «Patchwork Girl» Ш. Джексон [Jackson], «The seasons» и «Penetration» Р. Кендалла [Kendall] и др. Эти первые опыты гипертекстовой литературы на момент их создания также имели ограниченные возможности интерфейса, интеграции компонентов разных семиотических систем (мультимедиа). Они представляли собой черно-белые нелинейные художественные тексты с интегрированными статичными изображениями (рис. 2).

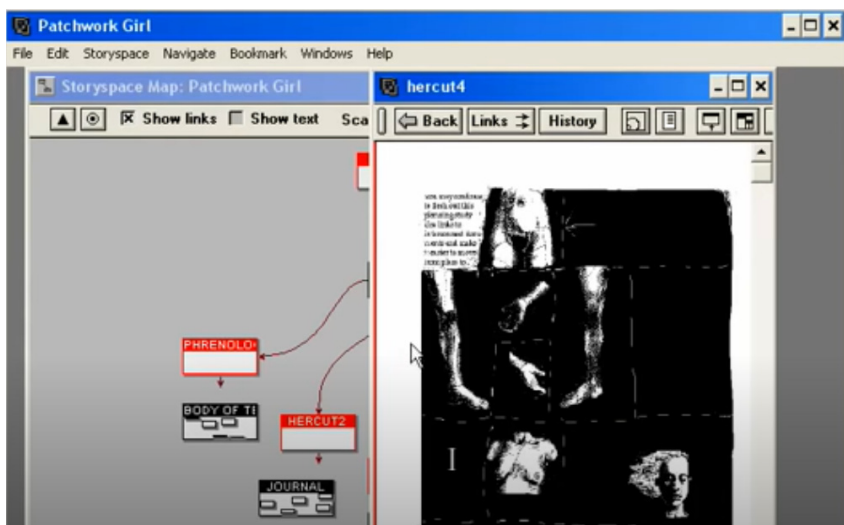

Рис. 2.

Фрагмент электронного художественного текста
«Patchwork Girl» III. Джексон [Jackson], созданного
на основе программного пакета Storyspace

В это же время, в середине 80-х, начинают создаваться электронные художественные тексты, в которых механизм соединения отдельных фрагментов основан не на принципе перехода по гипертекстовой ссылке, который осуществляется самим читателем, а на автоматической (обусловленной работой программного алгоритма) динамичной смене картинок на экране. В этих работах в качестве языка программирования в основном использовался Apple Basic, а выпускались они на флоппи-дисках в ограниченном количестве (например, серия электронных художественных текстов «First Screening: computer poems») (рис. 3).

В 1987 г. выходит в свет гипертекстовое приложение HyperCard, разработанное компанией Apple, которое можно установить в стандартном пакете программ на все компьютеры Mac. Присутствующие в HyperCard опции, а именно закладки, история просмотра, расширение возможностей графического редактора, а также широкое его тиражирование (доступность для любого пользователя электронного устройства Mac) сыграло важную роль в развитии электронной литературы, позволило авторам электронных художественных текстов на основе HyperCard (Дж. Розенберг, Ж.-П. Балп,

Э. Кас и др.) работать с этим приложением, не владея при этом специализированными навыками программирования (рис. 4).

Рис. 3.

Фрагмент электронного художественного текста «First Screening: computer poems», созданного на основе Apple Basic [Andrews, Huth, Kearns, Niemi, Waber]

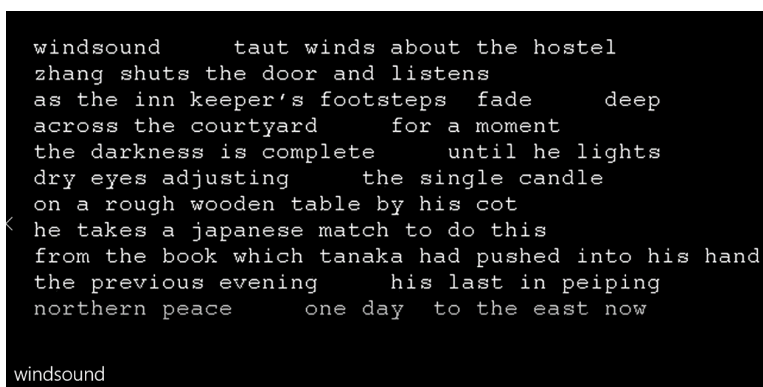

Рис. 4.

Фрагмент электронного художественного текста «Windsound» [Cayley], созданного на основе HyperCard

Электронные художественные гипертексты, которые создаются в 2000-х годах, в значительной степени отличаются от первых произведений гипертекстовой литературы на основе Storyspace и HyperCard. Это связано с глобальным усовершенствованием гипертекстовой технологии (появлением Всемирной паутины (World Wide Web)), что обусловило необходимость совершенствования и языка гипертекстовой разметки (HTML), в который были добавлены возможности для вставки разных типов мультимедиа. Новые опции расширили потенциал гипертекстовой технологии в аспекте ее использования в литературном творчестве. Электронный художественный текст из довольно примитивного нелинейного текста с однообразной гипертекстовой разметкой и монохромной графикой превращается в интерактивный мультимедиаконструкт, в котором интерактивными становятся не только вербальные компоненты, выделенные с помощью гипертекстовых ссылок, но и любые мультимодальные элементы художественной системы – графические, анимационные или аудиообразы (рис. 5).

Рис. 5.

Фрагмент электронного художественного текста «Façade» М. Mateas, созданного на основе усовершенствованной разметки HTML

Смена поколений программных сервисов Web 1.0 на Web 2.0 обусловила значительный сдвиг в формате представления электронных данных в глобальной гипертекстовой системе. Он выражается в переключении с формата статичных страниц и однотипной гипертекстовой разметки, тяготеющей в большей степени к актуализации вербальных элементов, на формат динамичного мультимедийного контента, генерируемого любым пользователем сети (WWW).

Появление социальных сетей обуславливает возможность синхронной коммуникации в виртуальном пространстве глобальной компьютерной сети вместо асинхронного взаимодействия в формате форумов, e-mail и пр., характерного для поколения сервисов Web 1.0. Эти новые коммуникативные технологии также получают эстетическое осмысление в электронной литературе, в настоящий период формируются новые жанры и новые типы электронных художественных текстов, например генеративные произведения на основе различных программ-ботов (bots), электронные художественные тексты на основе социальных сетей (нет-пров – Netprov / Networked Improvised Narrative), а также электронные художественные тексты на основе виртуальной реальности и др. (рис. 6).

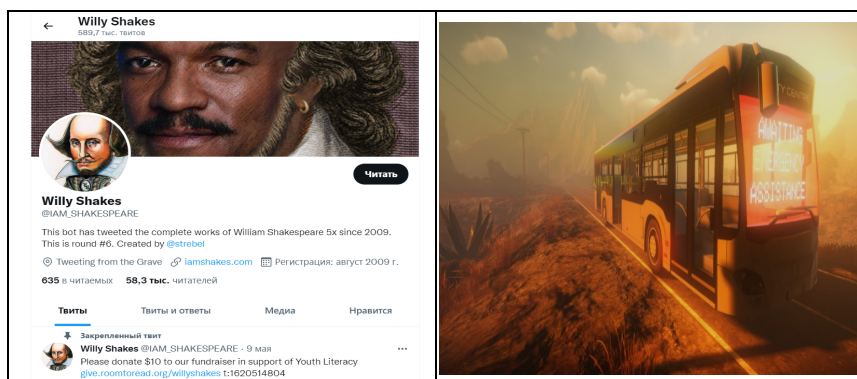

Рис. 6.

Фрагмент электронного художественного текста на основе твиттер-бота «@IAM_SHAKESPEARE» Дж. Стреbel [Strebel] (слева) и электронного художественного текста в формате виртуальной реальности «InanimateAlice» К. Пуллинжер [Pullinger]

В начале 2000-х множатся специализированные периодические издания (Born magazine, New River, Journal of Digital Writin-

gand Art, Leonardo Electronic Almanac и пр.), возникают проект «Кибература» на сайте «Сетевая словесность», сборники – коллекции электронной литературы Electronic literature collections 2006, 2011, 2016, выпущенные издательством MIT (Massachusetts Institute of Technology) (рис. 7).

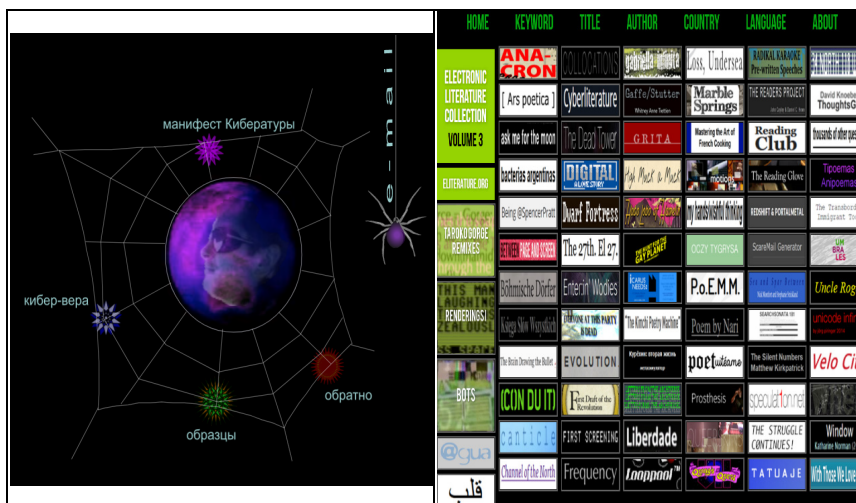

Рис. 7.

Титульные страницы раздела «Кибература» на сайте «Сетевая словесность» (слева) и «Electronic literature collection, 3» 2016 (справа)

Следует отметить, что в количественном отношении электронных художественных текстов на английском языке значительно больше, чем на русском. С одной стороны, такое положение вещей объясняется тем, что изобретение самой гипертекстовой технологии и основных программных средств произошло в англоязычной среде. Это позволило носителям английского языка гораздо раньше приступить к использованию новых средств коммуникации, что впоследствии предопределило появление самых первых образцов электронной литературы именно на английском языке. Массовое распространение компьютерных технологий в России начинается лишь с середины 90-х годов XX в., соответственно, первые произведения электронной литературы появляются только в начале 2000-х (эстетическое осмысление технологии идет вслед за ее непосредственным коммуникативным освоением). С другой стороны,

процесс публикации и тиражирования электронного художественного текста (размещения в онлайн-сборниках – коллекциях) в Сети, а также его программная поддержка (обновление программного продукта) требуют значительных финансовых вложений, что не может не оказывать влияние на популяризацию электронной литературы в России. Отмеченная количественная диспропорция англоязычных и русскоязычных электронных художественных текстов имеет место и в нашем исследовании, однако, на наш взгляд, это не влияет на возможность выявить системные, структурные и типологические закономерности в изучаемом объекте.

Несмотря на ограниченный период существования электронной литературы, она демонстрирует устойчивую линию развития. Сейчас отчетливо видно, как зародившиеся в начале 1990-х годов тенденции электронного творчества трансформировались с развитием технологий в устойчивые и узнаваемые художественные формы с набором инвариантных признаков, системой базовых программных алгоритмов, обеспечивающих формирование не только особой стратегии текстопорождения, но и специфических параметров художественного мира (пространственно-временной структуры, особенностей средств художественного выражения, системы персонажей), задающих, в свою очередь, спектр интерпретативных установок для читателя.

Изменения внутри того или иного типа электронных художественных текстов свидетельствуют не только о смене поколений программного обеспечения и сетевых сервисов, но и о внутренней трансформации, развитии именно художественной концепции произведений. Так, многие исследователи и критики заявляли о возможном кризисе и исчезновении в скором будущем электронного художественного гипертекста как формы, которая исчерпала свой креативный потенциал. Однако появление новых поколений платформ для создания гипертекстовых произведений, в частности Twine, обусловило очередной толчок к развитию данного типа электронных художественных текстов. Эта тенденция становится очевидной при анализе трех томов коллекции электронных художественных текстов (Electronic Literature Collection, vol. 1–3), выпущенных, соответственно, в 2006, 2011 и 2016 гг. Доля гипертекстов в третьем томе значительно возрастает (в два раза – с 11 до 20 произведений) по сравнению со вторым за счет гипертекстовых произведений на основе Twine.

В непрерывном развитии программного обеспечения и быстрой смене поколений программных сервисов заключается и

основная техническая проблема электронной литературы, которая связана с недоступностью произведений для читателей, критиков и исследователей после устаревания платформы (например, угроза исчезновения электронных кинетических текстов на основе Flash после прекращения поддержки этого программного обеспечения со стороны разработчиков). Перевод устаревшего программного обеспечения на современные языки программирования с помощью создания эмуляционных копий и портов ЭХТ позволяет лишь отчасти компенсировать решение существующей проблемы. Как и любой перевод, эмуляция и портинг не позволяют в полной мере сохранить технические особенности оригинала, его репрезентативные параметры, тип интерактивности и т.д. Этот и многие другие вопросы, связанные с техническим воплощением произведений электронной литературы, авторам и теоретикам электронного творчества придется решать в ближайшем будущем.

Начиная с 90-х годов XX в. феномен электронного художественного текста начинает активно обсуждаться в научном сообществе, формируется профессиональный союз исследователей, занимающихся изучением теоретических основ цифрового творчества, на базе Массачусетского университета (Electronic literature organization). С 2008 г. проводится ежегодная международная конференция (Electronic literature conference), которая объединяет ученых со всех стран мира, посвятивших свою работу изучению электронной литературы. К представителям данной научной области можно следующих исследователей: Э. Аарсет, К. Хэйлис, Дж. Муррэй, М.-Л. Риан, Л. Манович, Д.Г. Росарио, Н. Уордрик-Фруин, Ф. Бутс, Дж. Табби, Н. Монтфорт, Д. Грига, М. Портела, П. Гендолла, Дж. Шэфер и др. Однако, несмотря на все возрастающее количество работ, посвященных данной тематике, в настоящее время отсутствует целостная лингвистическая концепция ЭХТ, не выработаны научно обоснованные методики его анализа, отсутствует единообразный терминологический аппарат его описания. Отметим также практически полное отсутствие отечественных работ.

В русскоязычном сегменте изучения электронного текста исследования преимущественно направлены на осмысление специфики электронной коммуникации и электронного дискурса в целом, а также его отдельных жанровых форм (Н.А. Ахренова, И.В. Васькина, Е.Н. Галичкина, О.В. Дедова, О.В. Лутовинова, С.И. Орехов, И.В. Рогозина, М.С. Школовая и др.).

Значительная часть исследований нацелена на изучение общих аспектов лингвокреативности, принципов текстовой гибридизации, семиотической полимодальности (И.А. Гусейнова, О.К. Ирисханова, М.И. Кюсе, Е.А. Ивашко, М.В. Томская, В.В. Фещенко и др.). Большую группу исследований составляют работы, посвященные семиотически неоднородным, многокомпонентным текстам (Е.Е. Анисимова, Л.М. Большиянова, Л.С. Большакова, Е.Б. Борисова, С.А. Стройков и др.).

Исследование электронных мультимодальных ЭХТ сопряжено с существенными методологическими трудностями, что обусловлено целым рядом объективных причин. Во-первых, изучение композиционных компонентов, принадлежащих различным семиотическим системам со специфическими способами кодировки информации, предполагает применение сведений из различных областей научного знания; во-вторых, данные тексты возникли сравнительно недавно, и в науке на настоящий момент нет общепринятых достоверных методик их описания; наконец, нет однозначного понимания самого объекта, границы феномена ЭХТ строго не очерчены. С нашей точки зрения, оптимальным при решении данных проблем является понятие мультимодальности как наиболее емкого способа обозначения сдвигов, обусловленных обретением художественным текстом (как, впрочем, и любым другим) новой формы реализации на основе современных технологий.

В западной традиции теория мультимодальности представлена многочисленными работами (А. Болдри, Дж. Каллаган, Е. Макдональд, Р. Иедема, С. Джевитт, М. Беднарек, Дж.Р. Маартин, Г. Кресс, Т. ван Лювен, Дж.Л. Лемке, С. Норрис, К. О'Холлоран, Ф. Серафини, Т. Ройс, М. Волши и др.), локализованными в крупнейших центрах мультимодальных исследований в Лондоне (С. Джевитт, Г. Кресс, Т. ван Лювен), Австралии (М. О'Тул), а также в Национальном университете Сингапура (К. О'Холлоран).

В русскоязычных исследованиях теория мультимодальности представлена работами ряда ученых. Это исследования таких авторов, как Г.Е. Крейдлин (изучение невербального поведения человека в акте коммуникации), Е.А. Гришина и С.О. Савчук (разработка мультимодального подкорпуса в «Национальном корпусе русского языка», выполненного на кинематографическом материале), А.А. Кибрик (руководимый им проект «Язык как он есть»), О.К. Ирисханова (Центр социокогнитивных исследований дискурса, СКоДис). Особую важность в контексте изучения мультимодальных текстов приобретают исследования, направленные на ос-

мысление процессов гибридизации в языке, которые анализируются не только в зависимости от уровневой принадлежности языковых единиц, но и с точки зрения собственно семиотических характеристик, а также формальной выраженности и степени конвенциональности.

Мультимодальное направление в лингвистике, становящееся все более актуальным в настоящее время, появилось как результат развития идей функционализма и антропоцентризма. Один из основателей этого направления в лингвистике М. Халлидей в работе «Язык как социальная семиотика: социальная интерпретация языка и значения» представил понимание языка как социальной системы знаков, что подразумевало интерпретацию языка в социокультурном контексте. Отказываясь от трехкомпонентной модели коммуникации К. Бюллера, М. Халлидей пишет о всесторонней актуализации языка в речь только в рамках определенного контекста [Halliday, p. 112–113]. Эти же идеи в разное время высказывались такими видными исследователями, как Г. Лассуэлл, Р.О. Якобсон, а также многими другими. Суть этих концепций языка и коммуникации в целом состоит в том, что в сообщении важно не только «кто», «что», «кому», но и «как», а также «с каким результатом». Не случайно, что Г. Лассуэлл [Lasswell] включает в описание своей модели коммуникации параметр «Канал», что во многом является объяснением многоаспектных сдвигов, происходящих в настоящее время в электронной коммуникации.

Дискурсивный подход, основанный на широком понимании феномена текста (с учетом воздействия инновационных носителей [Михеева]), открывает широкий диапазон возможностей для изучения электронной коммуникации в лингвистическом аспекте (А.Г. Аврамова, Н.Г. Асмус, В.М. Громова, П.Е. Кондрашов, О.В. Лутовинова, Р.К. Потапова, В.В. Потапов, А.А. Яковлюк и др.) с точки зрения формирования дискурсивных стратегий и способов самопрезентации участников коммуникации (Е.Ю. Дьякова, М.С. Рыжков, Е.А. Ковригина, А.М. Борис), жанровой атрибуции (П.Е. Кондрашов, Л.С. Патрушева), а также в рамках ее отдельных социолингвистических разновидностей (Е.В. Варламова, И.Г. Сидорова, Н.Л. Моргун, И.Д. Волкова). При этом, как отмечает И.А. Гусейнова, «дискурс-анализ обеспечивает упорядочение социокультурных факторов, а также исследование процессов гибридизации с учетом когнитивно-прагматического и коммуникативного планов [Гусейнова, 2011, с. 168]», т.е. контекстов.

В случае с электронным текстом речь идет еще и о мультимедийном контексте (электронной среде, при погружении в которую осуществляется коммуникация в сети Интернет, локальных сетях). Интернет-сервисы Web 2.0, а также постепенно вводимые Web 3.0, позволяющие пользователям, помимо прочего, генерировать и размещать контент различных форматов в Интернете (так называемые облачные технологии), обеспечивают вовлечение этих пользователей в интернет-коммуникацию различного характера: социальную, игровую, бытовую, учебную, художественную и пр. И эти формы коммуникации, а также соответствующие тексты с их специфическими особенностями, в настоящее время становятся все более доступными для современного сознания и адекватными. Одним из направлений мультимодального дискурсивного анализа является исследование социально-сетевого дискурса (ССД), которое в настоящее время приобретает особую актуальность [Потапова, Потапов, с. 88].

Среди существующих тенденций в теории мультимодальности (с учетом актуальных происходящих сдвигов) мы выделяем четыре основных вектора анализа мультимодальных текстов.

- Перцептивно-аналитическое направление подразумевает анализ буквального (денотативного) содержания полисемiotических компонентов в мультимодальном тексте. Так, исследуя визуальные изображения, М. Бердслей подчеркивает разницу между содержательной частью изображения (*pictures of something*) и манерой представления (*design*) [Beardsley, 1981, p. 31]. Реципиент не может воспринимать те элементы изображения, которые не были выделены при восприятии и распознаны (идентифицированы, им присвоено значение). Таким образом, первичный уровень анализа визуальных компонентов мультимодального текста предполагает своего рода инвентаризацию визуальных элементов, которая станет отправной точкой интерпретационного процесса. Очевидно, что не все компоненты ЭХТ будут отобраны реципиентом для восприятия, часть визуальных элементов останется вне поля зрения читателя (например, не активированные гипертекстовые ссылки). Соответственно, лишь избранные компоненты будут реконструированы и представлены в сознании воспринимающего как составляющие элементы художественного мира того или иного ЭХТ. С. Бэрри подчеркивает, что «визуальный мир представляет собой лишь интерпретацию реальности, а не реальность саму по себе» [Barry, 1997, p. 15]. Читатель не может интерпретировать то,

что осталось вне его восприятия, а то, что воспринято его сознанием, подвергается интерпретации на основе его жизненного опыта.

Реконструирование значения визуальных элементов в мультимодальных текстах или их интерпретация читателем опираются на понятийную систему, разработанную в работах по паралингвистике (Г.Е. Крейдлин, А.Н. Баранов, Е.А. Гришина), паратексту (G. Genette), дизайну и визуализации в мультимодальных текстах (T. Samara, M. Martinez) и пр.

• Структурно-функциональное направление в изучении аудиовизуальных компонентов мультимодальных текстов подразумевает использование теорий, разработанных в рамках широкого спектра дисциплин. В. Мебиус [Moeubuis, 1986] предлагает обобщенную систему соотношений по типу «визуальный ряд – текст», которая применима к различным жанрам мультимодальных текстов. Н. Кон [Cohn, 2007] разработал визуальный лексикон (*visual lexicon*) для чтения и интерпретации графических новелл и комиксов, обращаясь к различным уровням визуального представления информации и сравнивая визуальное сообщение с вербальной структурой. М. Николаева и К. Скотт [Nikolajeva, Scott, 2000] предложили таксономию изображений и слов в иллюстрированных текстах. Особый подход сформировался при изучении иконотекстов (А. Монтадон, М. Нерлих, А.М. Волоскович, О.К. Ирисханова и др.), в его рамках вербальная информация с учетом иконических и пластических свойств изображения сочетает в себе свойства индексальности, иконичности и символичности.

Г. Кресс и Т. ван Лювен [Kress, van Leeuwen, 1996], опираясь на три метафункции, предложенные М. Халлидеем, выделяют три метафункции для визуальных изображений в мультимодальных текстах: репрезентативную (*representational*), интерактивную (*interactive*) и композиционную (*compositional*). Исследователи описывают таксономию структур (среди которых: обрамление – *framing*, информационные зоны – *information zones*, композиция – *composition*, цвет – *color*, расположение – *position* и т.д.) в рамках каждой из выделенных метафункций, которая может применяться для интерпретации визуального ряда в мультимодальных текстах. Г. Кресс обращает внимание на то, что различные по своей семиотической природе ресурсы имеют не только разное значение, но и сам процесс означивания [Kress, 2003]. Через социальные и культурные ассоциации, а также метафорические связи визуальные образы в мультимодальных текстах позволяют реципиентам конструировать художественную действительность. Так, визуальные

образы (изображения, графический образ текста) задают пространственные и композиционные ориентиры, а мелодии, аудиообразы, звуки определяют временную протяженность мультимодального произведения.

- В рамках критического направления в исследовании природы мультимодальных текстов находят соприкосновение теории и практики, направленные на изучение идеологического плана или идеологической точки зрения нарратора (термин В. Шмида, характеризующий выражение субъективного отношения повествующего к повествуемому: круг знаний, образ мышления, оценку и пр.) в структуре мультимодальных текстов. Среди наиболее значимых направлений можно обозначить анализ визуального дискурса [Albers, 2007], критический контент-анализ, критический анализ СМИ [Шалак, 2004], анализ визуальной коммуникации [Messaris, 2003], дискурса рекламы [Williamson, 1978], исследования по культурологии [Lister, Wells, 2001].

Изучение семантики визуальных компонентов мультимодального текста в рамках данного направления неразрывно связано с выявлением их социального или идеологического потенциала. Так, М. Стакен и Л. Катрайт отмечают, что «визуальные образы являются важными средствами, с помощью которых формируется идеология и на которые она проецируется» [Sturken, Cartwright, 2001, p. 21]. В рамках данного направления анализ мультимодальных компонентов выходит за пределы перцептивного и структурно-функционального подхода, поскольку исследователи рассматривают мультимодальные компоненты не только как элементы структуры произведения и их перцептивного потенциала, но и как неотъемлемую часть социально-культурного контекста. Структурно-функциональная перспектива фокусируется на деконструкции мультимодального текста для идентификации его знаковых элементов и, соответственно, кодов, с помощью которых они репрезентированы. Изучение мультимодального текста в идеологической перспективе позволяет пересмотреть фиксированные значения, закрепленные за тем или иным визуальным образом, поместив его в социальный, культурологический или идеологический контекст.

На наш взгляд, при анализе мультимодального текста необходимо учитывать как структурно-функциональную, так и идеологическую перспективу, поскольку это позволяет исследователю не только выделить и систематизировать мультимодальные элементы текста, но также поместить их в определенный социокультурный

контекст, который в той или иной степени отражает прагматическую установку автора и определяет интерпретативную установку читателя.

- Еще одним направлением в изучении мультимодальных текстов является прикладной аспект методики обучения иностранным языкам, культуре, цифровой грамотности и пр. Методисты во всем мире все чаще стали обращаться к образовательному потенциалу электронной литературы. Электронные художественные тексты во многом отражают национальный характер носителей языка, содержат большой объем лингвострановедческой информации, что позволяет формировать у учащихся представление о нормах поведения, обычаях и традициях изучаемого языка культуры, а также развивать не только традиционные навыки – чтение, письмо (traditional literacy skills), – но и мультимодальную грамотность учащихся (multimodal literacy skill).

Использование цифровой литературы в процессе обучения иностранным языкам и литературе предполагает междисциплинарный подход. Однако существует значительный разрыв между технологическими достижениями в области цифровых коммуникаций, цифровых искусств (в том числе электронной литературы) и методиками преподавания цифровой коммуникации и интеграции ее в образовательную среду. Так, А. Сэммер подчеркивает, что «неоднозначный статус цифровых произведений, которые занимают место между литературой, изобразительным и исполнительским искусством, не способствует их интеграции в одну конкретную дисциплину. <...> Цифровая литература заставляет нас, условно говоря, мечтать об университете, учебные планы которого не разделены на несколько дисциплин, университете, который предоставляет студентам “сети навыков”» [Saemmer, 2019, с. 330]. В настоящее время в разных университетах США, Португалии, Германии, Китая, Австралии существуют успешные примеры интеграции электронной литературы в образовательный процесс в рамках программ цифровой культуры наряду с программами, касающимися изучения культуры и медиа, цифровой коммуникации и цифровой эстетики (J. Call, A. Harris, F. Serafini., C. Zandstra, A. Hutchison, D. Reinking, A. Novious, V. Shinas, I. Harper, S. Kuchina, A. Machado, A. Aguilar, A. Matsuda) и др.

Рассмотрение электронного художественного текста в рамках теории мультимодальности позволяет установить основные направления для изучения его структурных элементов (перцептивно-аналитическое направление) и принципов их корреляции в произве-

дении электронной литературы (структурно-функциональное направление), а также изучить специфику социокультурного контекста, идейно-тематических установок автора и интерпретативных тактик читателя ЭХТ (критическое направление).

Список литературы

- Гусейнова И.А. Сценарии и стратегии гибридизации жанров в институциональном дискурсе // Языковое творчество в динамике семиотических взаимодействий. – Москва: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 162–198.
- Михеева Ю.А. Электронная деловая коммуникация: структурно-композиционная специфика // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2021. – Т. 23, № 2. – С. 512–520.
- Потанова Р.К., Потанов В.В. Основы многоаспектного исследования «Электронной личности» по голосу и речи в информационно-коммуникационной среде Интернета // Человек: образ и сущность. – 2017. – № 1/2 (28/29). – С. 87–111.
- Шалак В.И. Современный контент-анализ: приложения в области политологии, психологии, социологии, культурологии, экономики, рекламы. – Москва: Омега-Л, 2004. – 272 с.
- Albers P. Visual Discourse Analysis: An introduction to the analysis of school-generated visual texts // 56th Yearbook of the National Reading Conference / ed. by D.W. Rowe [et al.]. – Oak Creek, WI: NRC, 2007. – P. 81–95.
- Barry S. Visual intelligence: perception, image, and manipulation in visual communication. – Albany, NY: State University of New York Press, 1997. – 440 p.
- Beardsley M.C. Aesthetics: problems in the philosophy of criticism. – Indianapolis, IN: Hackett Publishing Company, 1981. – 614 p.
- Cayley J. Windsound // Electronic literature collection / ed. by N.K. Hayles, N. Montfort, S. Rettberg, S. Strickland. – Cambridge: Electronic literature organization, 2006. – URL: https://collection.eliterature.org/1/works/cayley_windsound.html (date of access: 30.10.2023).
- Cohn N. Visual lexicon // Public Journal of Semiotics. – 2007. – Vol. 1, N 1. – P. 35–56.
- First screening: computer poems / J. Andrews, G. Huth, L. Kearns, M. Niemi, D. Waber. – URL: <http://vispo.com/bp/introduction.htm> (date of access: 30.10.2023).
- Halliday M.A.K. Language as social semiotic: the social interpretation of language and meaning. – London: Arnold, 1978. – 256 p.
- Jackson S. Patchwork Girl // Eastgate Systems. – URL: <http://www.eastgate.com/catalog/PatchworkGirl.html> (date of access: 30.10.2023).
- Joyce M. Afternoon, a story // Eastgate Systems. – URL: <http://www.eastgate.com/catalog/Afternoon.html> (date of access: 30.10.2023).
- Lister M., Wells L. Seeing beyond belief: cultural studies as an approach to analyzing the visual // Handbook of visual analysis / ed. by T. Van Leeuwen, C. Jewitt. – London: Sage, 2001. – P. 61–91.
- Lutz T. Stochastic texts / port by N. Montfort. – URL: https://www.nickm.com/memslam/stochastic_texts.html (date of access: 30.10.2023).

- Moulthrop S.* Victory Garden // Eastgate Systems. – 1992. – URL: <https://eastgate.com/VG/VGStart.html> (date of access: 30.10.2023).
- Kendall R.* The seasons // Eastgate Systems. – URL: <http://www.eastgate.com/Seasons/> (date of access: 30.10.2023).
- Kendall R.* Penetration // Eastgate Systems. – URL: <https://eastgate.com/Penetration/> (date of access: 30.10.2023).
- Kress G.* Literacy in the new media age. – London: Routledge, 2003. – 186 p.
- Kress G., Van Leeuwen T.* Reading images: the grammar of visual design. – London: Routledge, 1996. – 321 p.
- Lasswell H.D.* Describing the Effects of Communications // Smith B.L., Lasswell H.D., Casey R.D. Propaganda, Communication and Public Opinion. – Princeton: Princeton University Press, 1946. – P. 95–117.
- Mel A.* The future of art in a postdigital age: from hellenistic to hebraic consciousness. – Bristol: Intellect; Chicago: University of Chicago Press, 2011. – 270 p.
- Nichol B.P.* First Screening: computer poems // Electronic literature collection / ed. by S. Boluk, L. Flores, J. Garbe, A. Salter. – Cambridge: Electronic literature organization, 2016. – URL: <https://collection.eliterature.org/3/work.html?work=first-screening> (date of access: 30.10.2023).
- Nikolajeva M., Scott C.* The dynamics of picturebook communication // Children's Literature in Education. – 2000. – Vol. 31 (4). – P. 225–239.
- Mateas M., Stern A.* Façade. – URL: <http://www.interactivestory.net/> (date of access: 30.10.2023).
- Messaris P.* Visual communication: theory and research // Journal of Communication. – 2003. – Vol. 53 (3). – P. 551–556.
- Moebius W.* Introduction to picturebook codes // Word & Image. – 1986. – Vol. 2 (2). – P. 141–158.
- Pullinger K.* Inanimate Alice. – URL: <https://inanimatealice.com/adventures/> (date of access: 30.10.2023).
- Saemmer A.* Interfacial media figures. – 2019. – 31 May. – URL: https://elmcip.net/sites/default/files/media/critical_writing/attachments/saemmer_fullpaper.pdf (date of access: 30.10.2023).
- Strachy Ch.* Love letter generator. – URL: <http://rhizome.org/editorial/2009/jan/7/loveletters-1952-christopher-strachey> (accessed: 30.10.2023).
- Strebel J.* @IAM_SHAKESPEARE. – URL: https://twitter.com/iam_shakespeare (date of access: 30.10.2023).
- Sturken M., Cartwright L.* A Practices of looking: an introduction to visual culture / M. Sturken, L. Cartwright. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – 496 p.
- Williamson J.* Decoding advertisements: ideology and meaning in advertising. – London: Marion Boyars, 1978. – 180 p.

МАКСИМЕНКО О.И.¹, БЕЛЯКОВ М.В.²

2.4. КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ АНАЛИЗА ТЕКСТОВ ЦИФРОВОЙ ДИПЛОМАТИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу состояния цифровой дипломатии как современной формы осуществления дипломатической коммуникации, а также рассмотрению возможностей компьютерных пакетов автоматизированной обработки текста, таких как пакеты SEO-анализа, корпус-менеджеры, системы извлечения данных (data mining), для анализа текстов открытого профессионального дипломатического дискурса, представленных в сети Интернет. По результатам анализа показано, что после лингвистической интерпретации полученных компьютерным способом количественных данных можно определить структуру, тематику и эмоциональность текста, зафиксировать диалект дипломата и выявить перемены, произошедшие в дипломатической коммуникации и языке профессиональной дипломатии из-за перехода части ее в электронную цифровую среду.

Введение

Дипломатия, как необходимая составляющая существования социума, была и остается важнейшим средством осуществления внешней политики, способным обеспечить состояние мира в международном пространстве, поиск компромиссов и взаимоприемлемых решений вербальными средствами. Исследованием вопросов дипломатической деятельности занимаются ученые различных научных сфер – собственно специалисты по теории, истории и практике дипломатии, политологи, социологи и в последнее время лингвисты. В большинстве случаев исследуется содержательная сторона дипломатических сообщений, а не средства их передачи. Изучение языковых средств современной дипломатии дает понимание функционирования

¹ Государственный университет просвещения, Москва, Россия; maxbel7@yandex.ru

² Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ, Москва, Россия; m.belyakov@my.mgimo.ru

дипломатии в целом, способов и подходов к оптимизации дипломатической коммуникации в широком понимании этой деятельности – от ведения переговоров до подготовки официальных документов и изменений дипломатической коммуникации в связи с переменами в средствах и способах подачи информации в новом виде дипломатической коммуникации – открытой профессиональной дипломатии, функционирующей в том числе и в электронном / цифровом формате, что определяет мультимодальность ее реализации в новой информационно-коммуникационной реальности.

С выходом профессиональной дипломатии на открытые площадки и изменением средств дипломатической коммуникации в эпоху информационного общества сформировался открытый профессиональный дипломатический дискурс – вид институционального дискурса, реализующегося в рамках публичной дипломатии, в котором дипломат осуществляет вербализацию внешнеполитических полномочий, делегированных министерству иностранных дел государством, в рамках устной и письменной коммуникации, как прямой, так и опосредованной электронной цифровой средой, обладающей характерными коммуникативными и лингвистическими свойствами [Беляков, 2021].

Коммуникативные действия протекают в условиях определенного коммуникативно-прагматического пространства, или дискурса, который образуют: отправитель сообщения и его адресат, сообщение, предмет сообщения, взаимоотношения коммуникантов, их личные практические цели и коммуникативные намерения, их социальные статусы и роли, распределение между ними коммуникативных ролей, их отношение к принятым в данном социуме конвенциям коммуникативного сотрудничества, время и место свершения акта общения, место данного акта в связной, целостной последовательности коммуникативных актов, используемый код, степень знания этого кода коммуникантами, выбранный канал связи (или же ряд одновременно используемых каналов), обстановка данного акта общения (отсутствие или наличие помех, наличие или отсутствие коммуникативных сбоев и т.п.). В интернет-дискурсе коммуникативно-прагматическое пространство обладает характерными особенностями, поскольку адресант может быть один, а реципиентов – бесконечно много, причем жестко задать параметры целевой аудитории невозможно.

Дипломатический дискурс отличают два вида коммуникации в зависимости от типа канала: 1) коммуникация, при которой оба коммуниканта существуют в пространстве и времени одновременно, ре-

акция адресанта на речевой акт наблюдаема, при этом говорящий может менять свое речевое поведение в зависимости от реакций; т.е. устная коммуникация и ее формы; и 2) опосредованная коммуникация, где речевое поведение невозможно изменить, но всегда учитывается фактор адресата или целевой аудитории; т.е. письменная коммуникация и ее формы, включая цифровую. Особенностью профессионального дипломатического дискурса является дополнительная и существенная составляющая – невербальная, экстралингвистическая.

За последние 30 лет активного развития интернет-среды сформировалась не существовавшая до этого времени система опосредованной коммуникации, предлагающая собственные правила в рамках существующей мультикультурной сферы общения, со своей системой ценностей, знаковых систем, символов и смыслов, эстетических норм, сложившихся традиций.

В дипломатической среде идут разговоры о возможности осуществления электронной коммуникации вплоть до виртуальных переговоров. Сторонники коммуникации такого рода говорят о следующих преимуществах: концентрация на тексте соглашения; рациональное использование специалистов; сокращение расходов; преимущества разных временных поясов. Противники подчеркивают необходимость установления дополнительных правил ведения переговоров; угрозу хакерства; уменьшение силы действия виртуального договора и многое другое, включая ряд правовых аспектов (аккредитация участников виртуальной дипломатии, аутентичность текстов заявлений и т.д.). Ситуация пандемии 2020–2022 гг. подтвердила реальность такой коммуникации – от проведения международных онлайн-конференций вплоть до общения официальных лиц по закрытым каналам. Министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров отмечает:

«...цифровые технологии бурно внедряются в нашу жизнь. Большое количество мероприятий, в том числе международных, были переведены в формат онлайн. Есть плюсы. В известной степени это помогает экономить время, которого с каждым днем все больше не хватает, учитывая нарастание международных проблем и задач, которые решает наша внешняя политика. <...> Целый ряд международных контактов, когда нужно срочно что-то согласовать, тоже вполне возможно организовывать таким (цифровым) образом. По крайней мере, это лучше, чем телефонный разговор, потому что ты видишь лицо собеседника, и это очень важно. Но самые серьезные вопросы решать онлайн не получается. С этим согласны все мои коллеги. <...>. Никакая машина человека

заменить не в состоянии. Убежден, что классическая дипломатия сохранит свое значение в качестве главного инструмента ведения международных дел. Как только возникает какая-то серьезная проблема, обязательно нужно встречаться и стараться договориться»¹.

Термин *цифровая дипломатия* и его вариант *электронная дипломатия* активно циркулируют в среде СМИ и в научной среде, прежде всего в политологии, начиная с 2010 г. (Цветкова, 2011, 2020, 2023; Сурма, 2015; Алешкина, 2018 и др.). Лингвистической стороне цифровой дипломатии за последнее время посвящено немало работ, в основном статей [Антонова, 2018; Викулова и др., 2016; Горбачева, 2019; Лукашевич, 2016; Новиков, 2017; Торреальба Альфредо, 2018 и др.], в которых последовательно анализируются особенности реализации тактик и стратегий публичной цифровой дипломатии в разных странах мира с позиции «мягкой силы». Цифровой дипломатии присущи стратегии, отличающие ее от классической «тихой» дипломатии: информационные, оценочные и аргументативные. Информационные стратегии реализуют нейтральное безоценочное освещение событий, как правило, на официальном сайте дипломатического ведомства, где вербальный компонент сообщений поддерживается всеми доступными кодами – аудиовизуальным (видеотекстом, фотографиями, виджетами, сканами документов и пр.), цветовым, графическим – с целью маркирования наиболее значимых элементов информации. Оценочные стратегии присущи реакциям в аккаунтах соцсетей. В открытом дипломатическом дискурсе реализуется полный диапазон лингвосемиотических кодов, присущих электронной коммуникации в целом, ограничением служат этические рамки профессионализма.

Цифровая дипломатия становится уязвимой со стороны действий цифровых IT-платформ, являющихся частными компаниями, которые могут в любой момент заблокировать любой аккаунт – как аккаунты политических лидеров (как в случае с Д. Трампом в 2021 г.), так и аккаунты организаций или делегаций (что произошло, например, 13.02.2021 г., когда Twitter заблокировал аккаунт делегации РФ на переговорах в Вене²). Это свидетельствует о смещении этических кодов, лишении возможности получать информацию из разных источников для последующего анализа.

¹ URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4850241

² URL: <https://www.dw.com/ru/twitter-zablokiroval-akkaunt-delegacii-rf-na-peregovorah-v-vene/a-56558009> (дата обращения: 15.05.2022).

Анализ текстов открытого профессионального дипломатического дискурса компьютерными средствами

Масштаб цифровой дипломатии таков, что проводить лингвистические исследования текстов, существующих в ее рамках, с целью выявления изменений в дипломатическом языке, способов подачи информации, реакции на нее с использованием привычных методов лингвистического анализа, трудоемких и требующих больших затрат времени, сложно. В последнее время появилось достаточное количество формализованных компьютерных средств анализа, позволяющих, с одной стороны, упростить процедуру анализа, а с другой, что особенно важно, – обрабатывать большие объемы данных, извлекая из них информацию (контент-анализ, data mining, обработка массивов текстов средствами корпус-менеджеров), проводя оценку тональности текста средствами сентимент-анализа, получение количественных и дистрибутивных данных с дальнейшей качественной интерпретацией средствами сематического анализа текста (SEO-анализ) для прогнозирования перемен в структуре лингвистической составляющей дипломатического дискурса. Базовым элементом анализа является конфликтосодержащая лексика, рост частоты употребления которой прогнозирует или отражает уже имеющуюся конфликтную внешнеполитическую ситуацию.

Использование компьютерных программ для обработки и анализа как больших объемов текстов, включая масштабные корпуса, так и выборки меньшего размера за последние десятилетия в лингвистических исследованиях стало практически обязательным [Максименко, 2018; Потапова, Потапов, Джунковский, 2019; Сытник, Цветкова, Цветков, 2022 и др.]. Рассмотрим варианты использования нескольких типов компьютерных программ для автоматизированной обработки текста на примере интервью и пресс-конференций как наиболее частотных речевых жанров (моделей текста) профессиональной дипломатии.

Обработка текста пакетами SEO-анализа

Сематический анализ текста, SEO-анализ (Semantic Engine Optimization), за последнее десятилетие превратился из инструмента, нацеленного на оптимизацию структуры сайта, в инструмент, позволяющий получать квантитативные данные, характеризующие анализируемый текст, которые служат базой для последующей лингвисти-

ческой интерпретации данного текста. Подобных пакетов в русскоязычном сегменте Интернета представлено немало (Главред, Тургенев, text.ru и др.). К наиболее распространенным можно отнести такие сайты: advego.com, istio.com, miratext.ru.

Использование программ SEO-анализа расширяет данные о количественных показателях текста, давая количественную информацию о водности текста, его заспамленности (т.е. употреблении стоп-слов), соотношении часто встречающихся слов к общему количеству слов и ряду других характеристик.

Для проведения данного исследования были сформулированы две цели: протестировать возможности указанных пакетов и провести с их помощью лингвистический анализ отобранных методом случайной выборки выступлений профессиональных дипломатов, представленных в Сети в электронной форме.

Одним из источников языкового материала послужило интервью заместителя министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Вершинина информационному агентству «Россия сегодня» 20.12.22 г.¹ Интервью было проанализировано на сайтах advego.com², istio.com³, miratext.ru⁴.

Основные параметры анализа всех трех пакетов схожи. Обязательной для всех является статистика текста (см. табл. 1).

Таблица 1

Статистика текста интервью С.В. Вершинина⁵

Наименование показателя	Значение
Количество символов	21 115
Количество символов без пробелов	18 317
Количество слов	2730
Количество уникальных слов	1086
Количество значимых слов	879
Количество стоп-слов	894
Вода	67,8%
Количество грамматических ошибок	32
Классическая тошнота документа	5,83
Академическая тошнота документа	4,9%

¹ https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1844723/

² <https://advego.com/>

³ <https://istio.com/ru>

⁴ <https://miratext.ru/>

⁵ <https://advego.com/>

Таблица 2

Семантическое ядро интервью С.В. Вершинина (фрагмент)¹

Фраза / слово	Количество	Частота, %
российский	34	1,25
Россия	29	1,06
международный	23	0,84
право	15	0,55
страна	15	0,55
вопрос	13	0,48
федерация	13	0,48
Российская Федерация	12	0,44 / 0,88
совет	12	0,44
украинский	12	0,44
ООН	11	0,40
Европа	10	0,37
отношение	10	0,37

Далее идет список слов, который совпадает с семантическим ядром (кроме словосочетаний, так как в этой категории они отсутствуют). Список стоп-слов выводится в отдельную таблицу. Пакет определяет язык текстового материала (выдает информацию после списка стоп-слов: «Язык: Russian – Русский») и отдельно формирует список слов с «ошибочным» написанием, в который попадают в первую очередь имена собственные, аббревиатуры, неологизмы и другие слова, построенные по стандартным морфологическим моделям русского языка, но отсутствующие в базе системы, например: Байдена, Бурич, ВСУ, ЕКПЧ, ЕСПЧ, Зеленским, Купянск, Лаврова, Макеевке, Макрон, СБУ, антироссийски, бенефициарами, гуманитарно, есовцы, конфронтационные, ооновец, паралимпийцев, покрывательство, политизацию, политизировано, санкционных, фейков и пр. Пакет istio.com перед результатами анализа предлагает посмотреть найденные программой ошибки. При наведении курсора на слово, определенное системой как ошибочное, программа выводит возможные варианты (или вариант) исправления.

Далее предлагается составленная программой карта слов (средствами параграфематики наглядно выделяется относительная частота употребления слов в тексте – чем чаще употребляется слово, тем крупнее шрифт), что позволяет моментально определить ключевые слова и тематику текста. Столь же наглядно программа отражает слова, создающие водность текста (отношение «пустых» слов к общему числу слов текста).

Система формирует общую информацию о тексте, однако в данном случае неверно определяет тематику интервью (см. табл. 3).

¹ <https://advego.com/>

Таблица 3

Параметр	Значение
Символов с пробелами	21 062
Символов без пробелов	18 339
Всего слов	2381
Водность	30%
Классическая тошнота	6.48
Словарь	1084 слов
Словарь ядра	896 слов
Язык текста	русский
Тематика	транспорт, администрации, страхование
Топ-10 слов: российский, Россия, международный, право, страна, вопрос, федерация, совет, украинский, ООН	

Предъявляется статистика по словам: отдельно без стоп-слов и со стоп-словами (список стоп-слов здесь, в отличие от advego.com, отдельно не формируется) (см. табл. 4)

Таблица 4

Без стоп-слов (фрагмент)¹

#	Слово	Кол-во	Релевантность	% в ядре	% в тексте
1	русский	34	5,24	2%	1,4%
2	Россия	29	4,47	1,7%	1,2%
3	международный	23	3,54	1,3%	0,9%
4	право	19	2,93	1,1%	0,7%
5	страна	15	2,31	0,9%	0,6%
6	вопрос	13	2	0,7%	0,5%
7	федерация	13	2	0,7%	0,5%
8	совет	12	1,85	0,7%	0,5%
9	украинский	12	1,85	0,7%	0,5%
10	ООН	11	1,69	0,6%	0,4%

При обработке интервью С.В. Вершинина средствами сайта miratext.ru мы получаем следующие количественные данные (см. табл. 5).

Таблица 5

Общая статистика текста²

Параметр	Значение
Количество символов с пробелами	20 590
Количество символов без пробелов	17 810
Количество слов	2781
Количество уникальных слов	974
Тошнота текста	6
Водность текста	5%
Качество текста по закону Ципфа	36%

¹ <https://advego.com/>

² <https://miratext.ru/>

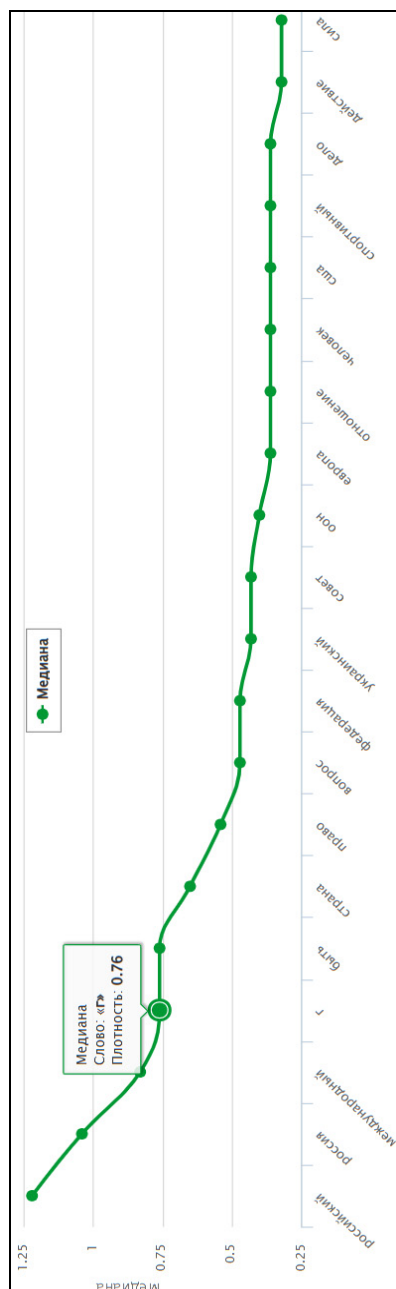

Рис. 1.
Плотность 20 самых популярных слов

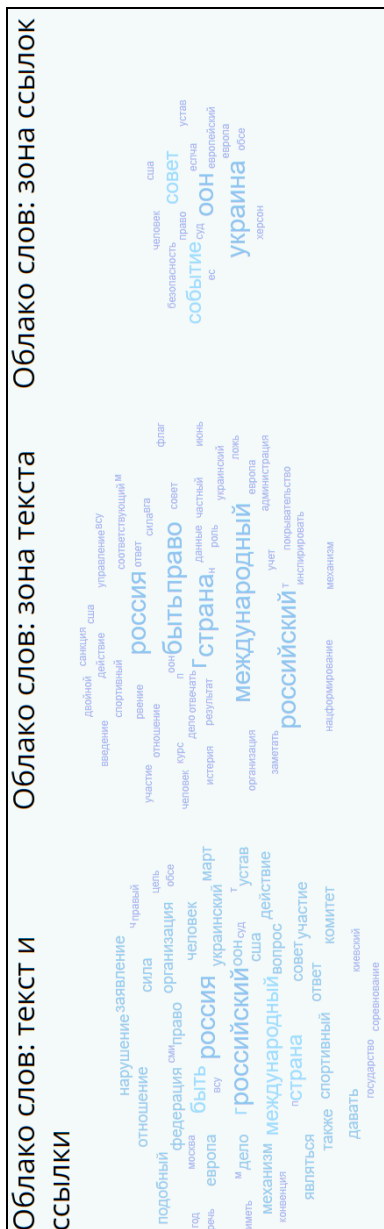
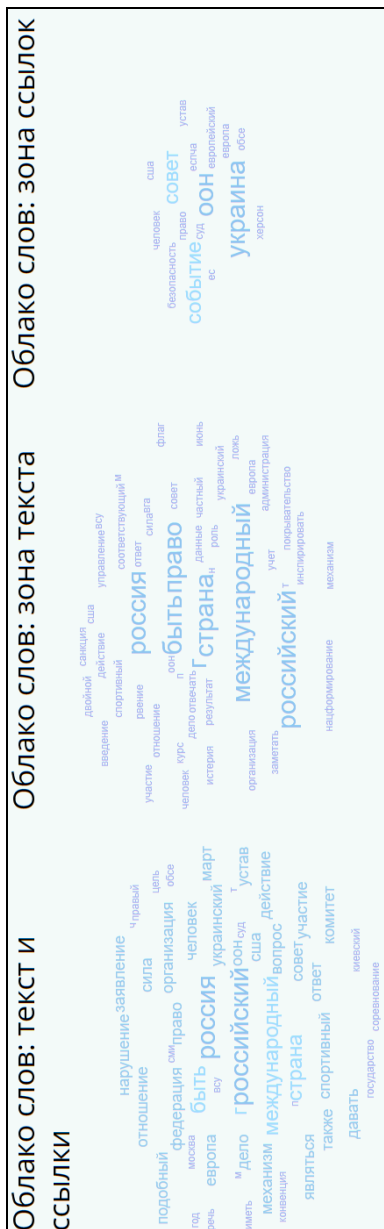
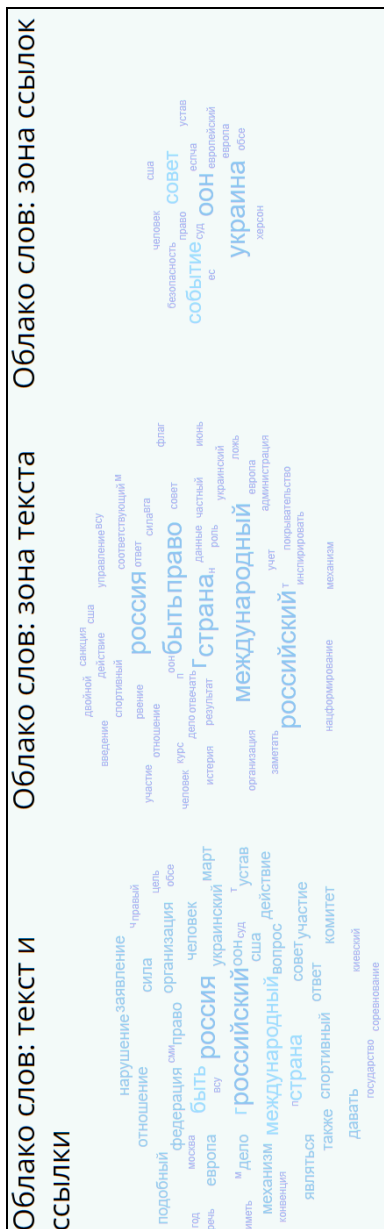

Рис. 2.
Три облака слов

Таблица 6

Таблица найденных слов (фрагмент)

Лемма	Слова	Плотность, %	Зона текста + зона ссылок	Зона текста	Зона ссылок
российский	российских, российскими, российской, российские, российская, российское, российский, российским, российского	1,22	34	34	0
Россия	России, Россией, Россию, Россия	1,04	29	29	0
между- народный	международного, международное, международных, международной, международными, международному, международные, международном	0,83	23	23	0
быть	будут, было, есть, были, будем, был, быть, была	0,76	21	21	0
страна	стран, страны, странах, страна, страной, страну, странам	0,65	18	18	0
право	право, правам, права	0,54	15	14	1

Программа может также выдавать частотное употребление и со стоп-словами. Для дальнейшего лингвистического анализа ценный ресурс предоставляет информация о словосочетаниях, встречающихся в тексте (см. рис. 3, рис. 4, рис. 5).

Слово	Повторений	Плотность, %	Слово	Повторений	Плотность, %
российский федерация (российской федерации, российская федерация)	12	0,86	верховный комиссар оон (верховного комиссара оон, верховному комиссару оон)	3	0,32
совет европа (совета европы, совет европы, советом европы, совете европы)	10	0,72	совет европа м (совета европы м)	2	0,22
право человек (правам человека)	7	0,5	акт российский федерация (актов российской федерации, акты российской федерации)	2	0,22

Рис. 3.
Словосочетания из двух и трех слов
(би-граммы и три-граммы) (фрагмент)

Слово	Повторений	Плотность, %	Слово	Повторений	Плотность, %
российский	34	1,22	также	8	0,29
россия	29	1,04	является	5	0,18
международный	23	0,83	при этом	4	0,14
быть	21	0,76	к сожалению	4	0,14
г	21	0,76	тем не менее	3	0,11
страна	18	0,65	таким образом	3	0,11

Рис. 4.
Тошнота и водность текста (фрагмент)

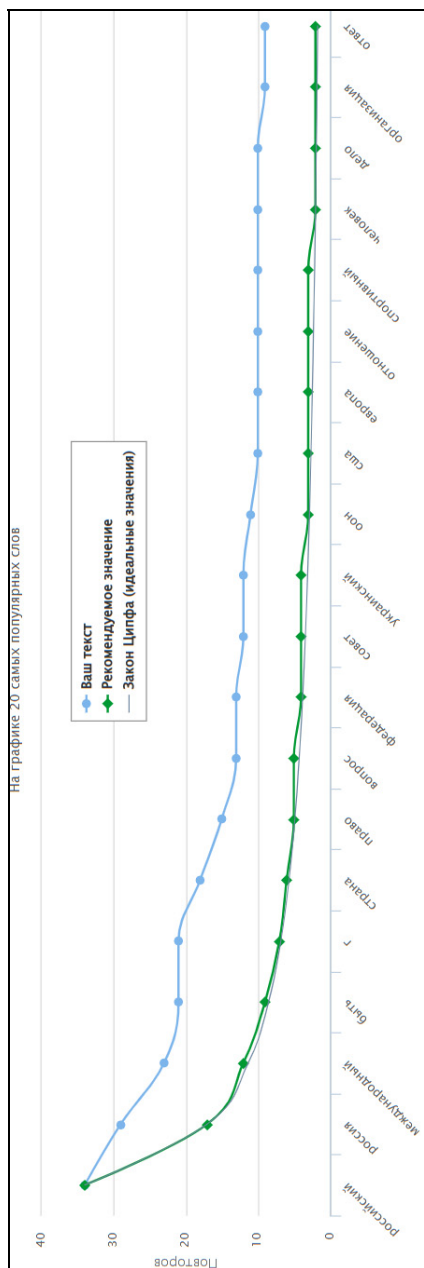

Рис. 5.
Анализ текста по закону Ципфа
(корреляция частоты и ранга слова)

Таблица 7

График в виде таблицы (фрагмент)

Слово	Вхождений	По Цифру	Соответствие	Рекомендации
русский	34	34	100%	
Россия	29	17	59%	–12
международный	23	12	52%	–11
быть	21	8	38%	–13
страна	18	7	39%	–11
право	15	6	40%	–9

Таблица 8

Суммировав возможности систем и объем данных, получаем следующий результат

Параметр	advego.com	istio.com	miratext.ru
Количество символов	+	+	+
Количество символов без пробелов	+	+	+
Количество слов	+	+	+
Количество уникальных слов	+		+
Количество значимых слов	+		
Количество стоп-слов	+	+	+
	(в отдельной таблице)	(со всеми словами)	(со всеми словами)
Водность	+	+	+
Водность наглядно		+	+
		(выделение слов в тексте)	(в отдельной таблице)
Количество ошибок	+	+	
Классическая тошнота документа	+	+	+
Тошнота наглядно			+
			(в отдельной таблице)
Академическая тошнота документа	+		
Семантическое ядро	+		
Словарь		+	
Словарь ядра		+	
Язык текста	+	+	
Тематика		+	
Топ 10 слов		+	
Карта (облако) слов		+	+
Качество текста по закону Ципфа			+
Плотность, популярность слов			+
Словосочетание из 2-х / 3-х слов	+		+
	(в семантическом ядре)		(в отдельных таблицах)

Таким образом, по ряду параметров возможности систем схожи (по некоторым параметрам совпадают полностью у трех систем, или же только у двух), но есть и индивидуальные возможности у каждой системы. Выбор программы для анализа зависит от задач, поставленных исследователем. Если, например, необходимо проанализировать качество текста по закону Ципфа, то стоит отдать предпочтение программе miratext.ru. Если надо просмотреть отдельно стоп-слова, то лучше использовать advego.com и т.д.

Далее представлены результаты анализа текста с помощью трех рассматриваемых программ. Ниже в таблице можно увидеть данные по общим параметрам, схожие для трех систем.

Таблица 9

Параметр	advego.com	istio.com	miratext.ru
Количество символов	21 115	21 062	20 590
Количество символов без пробелов	18 317	18 339	17 810
Количество слов	2730	2381	2781
Тошнота текста	5,83	6,48	6
Водность текста	67,8%	30%	5%

Если рассматривать общую статистику по пересекающимся параметрам, то видно, что результаты по каждому показателю разные, хотя текст в каждую из программ экспортировался из с одного ресурса (сайт mid.ru). Если перенести текст в текстовый редактор Microsoft Word (где выдается еще один, четвертый, результат подсчета слов), а потом оттуда копировать текст и пропускать его через программы, то получим следующее.

Таблица 10

Параметр	advego.com	istio.com	miratext.ru
Количество символов	21 062	21 070	20 590
Количество символов без пробелов	18 317	18 332	17 810
Количество слов	2730	2381	2781

Как видно, результаты для miratext.ru остались неизменными, у остальных двух программ они изменились. Из этого следует

вывод, что программа miratext.ru преобразует текст, взятый из любого ресурса, под свои критерии, в то время как для других двух программ важно, из какого источника взят текст (от этого зависит подсчет количества символов с пробелами, а для istio.com еще и для подсчета количества символов без пробелов).

Количество ошибок выдают две программы (advego.com и istio.com), их общее число отличается, что зависит от наполненности базы данных, так как, как отмечалось выше, к категории ошибок в первую очередь относятся имена собственные, аббревиатуры и производные от них.

Таблица 11

Параметр	advego.com	istio.com
Количество грамматических ошибок	32	48

Что касается семантического ядра, то все программы выдавали одинаковые результаты для самых частотных слов. В этот список вошли слова: *российский, Россия, международный, право, страна, вопрос, федерация, совет, украинский, ООН, Европа, отношение, спортивный, США, действие, организация, сила, нарушение*. Эти частотные слова указывают, что речь в тексте идет об отношении России с США, о ситуации на Украине. В тексте высокочастотны слова с отрицательной коннотацией: *нарушение, преступление*; слова из-лексико-семантического поля «война»: *ВСУ, военный, сила, гражданский, мирный*, что отражает суть интервью.

В программе istio.com в общей информации о тексте присутствует графа «Тематика», которой нет в других пакетах. По результатам обработки интервью С.В. Вершинина система определила тематику как «Транспорт, Администрация, Страхование», что не соответствует действительности. Принцип определения тематики неясен, хотя в программе декларируется «автоматическое определение тематики по ключевым словам», а топ-слова интервью, согласно этому пакету, это: *российский, Россия, международный, право, страна, вопрос, федерация, совет, украинский, ООН*. Ни о каком транспорте, администрации или страховании речь не идет (соответствующих для этих категорий слов в тексте не представлено).

Стоп-слова отражаются в каждой программе (в advego.com они вынесены отдельно). Advego.com и miratext.ru показали, что предлог «в» и союз «и» наиболее частотны, программа istio.com эти предлог и

союз не учитывала (на первом месте стоит предлог «на»). Согласно «Частотному словарю русского языка»¹ (1977) под редакцией Л.Н. Засориной, именно указанные предлог и союз являются наиболее частотными словами русского языка. Можно предположить, что при написании программного кода этих пакетов данная информация учитывалась, и стоп-слова с предельными показателями исключались из анализа.

Пресс-конференции являются одной из необходимых составляющих открытого дипломатического дискурса. Именно этот жанр журналистики, представляющий собой расширенный вариант интервью с большим числом журналистов-интервьюеров, т.е. мероприятие для журналистов в вопросно-ответной форме по определенному информационному поводу, позволяет использовать многоплановые семиотические коды (аудио, видео, вербальный) и всевозможные коммуникативные стратегии с целью донесения точки зрения интервьюируемого.

Ежегодные итоговые пресс-конференции министра иностранных дел являются обязательным инструментом обобщения накопленных за истекший год результатов дипломатической деятельности государства и произошедших на международной арене событий и реализуются не в стандартной форме – с участием пресс-секретаря (ведущего), основного выступающего и журналистов, задающих вопросы, – а с участием только выступающего и журналистов. Структура пресс-конференции в целом не меняется – сначала выступающий произносит монологическую часть, затем наступает фаза ответов на вопросы. При этом диалога как такового не происходит – журналист, задавший вопрос, не может вступать в дискуссию. В современном открытом дипломатическом дискурсе заметные изменения претерпела не только риторика выступающего, но и «грамматика слушающего» (термин Е.Г. Борисовой), так как выступающий, например министр иностранных дел, должен умело балансировать между тем, что он хочет сказать, и тем, что ожидает услышать журналист. Кроме того, поскольку пресс-конференции транслируются в режиме реального времени и сразу же попадают в сеть Интернет, их также можно рассматривать как один из жанров цифровой дипломатии. Существенная часть смысла подобных выступлений передается имплицитно разными лингвистическими (вербальными) средствами, но во время пресс-конференции подключается и просодия, способная менять исходный смысл на иной. Безусловно, невербальная составляющая квантитативному анализу

¹ <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/slovari/zasorina/zasorina.html>

не подвергается, тем не менее получить интерпретируемые данные о содержательной стороне выступления можно. Рассмотрим результаты анализа итоговой пресс-конференции по результатам работы за 2023 г. министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова¹, состоявшейся 18.01.2024 г., средствами пакета SEO-анализа miratext.ru, как показавшего максимальные возможности предоставления количественных данных об обрабатываемом тексте по сравнению с advego.com и istio.com (см. выше).

Таблица 12
**Общая статистика текста итоговой пресс-конференции
С.В. Лаврова 18.01.2024 г.**

Параметр	Значение
Количество символов с пробелами	91 105
Количество символов без пробелов	77 862
Количество слов	13 244
Количество уникальных слов	2521
Гошнота текста	13
Водность текста	3%
Качество текста по закону Ципфа	54%

Таблица 13
Таблица лемм (фрагмент)

Слово	Слова	Плотность, %	Зона текста + зона ссылок	Зона текста	Зона ссылки
абсолютно	абсолютно	0,03	4	4	0
агрессия	агрессию, агрессией	0,03	4	4	0
азербайджан	азербайджана, азербайджаном, азербайджан	0,15	20	20	0
азербайджанский	азербайджанской, азербайджанскую, азербайджанском, Азербайджанский, азербайджанские	0,05	6	6	0
активно	активно, активнее	0,11	14	14	0
америка	америки, америка, америку, америкой, америке	0,07	9	8	1

¹ https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1926392/

Плотность 20 самых популярных слов

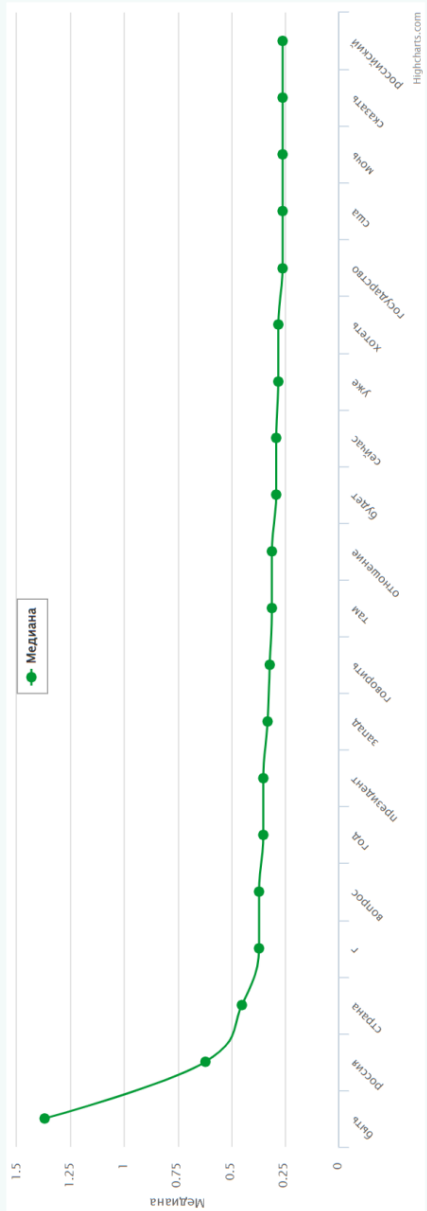

Рис. 6.
Плотность 20 самых популярных слов

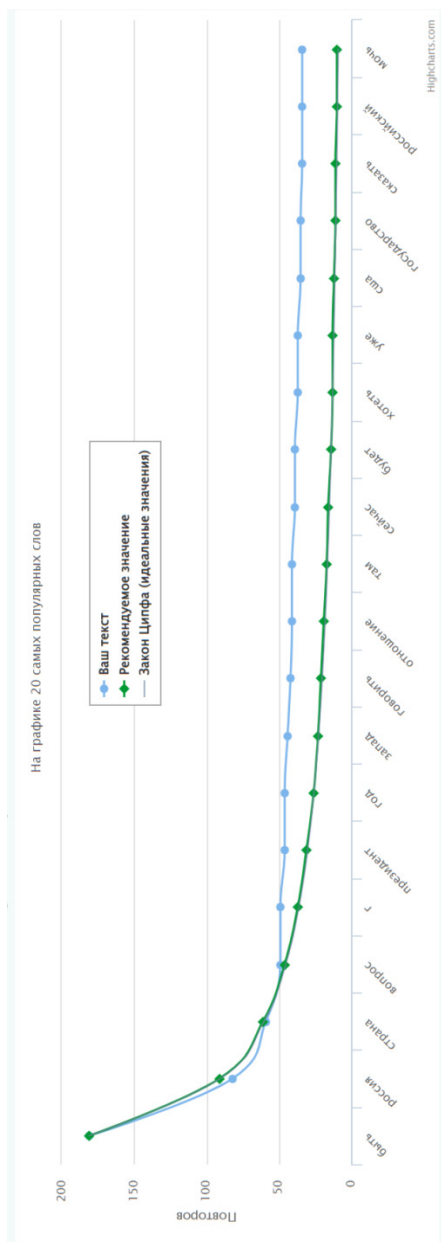

Рис. 7.
Анализ текста по закону Ципфа

Пояснение к рис. 7

Слово	Вхождений	По Циффу	Соответствие
быть (буду, быть, было, была, были, будем, есть, был, будучи)	181	181	100%
Россия (россии, россия, россией, россию)	82	91	90%
страна (страны, стран, странами, странах, страну, страна, странам, стране)	59	61	97%
вопрос (вопросам, вопрос, вопросе, вопроса, вопросу, вопросы, вопросов)	49	46	94%
г	49	37	76%
президент (президент, президента, президентом, президенту, президенте)	46	31	67%
год (года, год, лет, годы, году, годом, годов)	46	26	57%
запад (запад, запада, западе, западом, западу)	44	23	52%
говорить (говорил, говорим, говоря, говорить, говорили, говорят, говорит, говорю, говорила, говорило)	42	21	50%
отношение (отношений, отношения, отношении, отношению, отношениях, отношение, отношениями)	41	19	46%
там	41	17	41%
сейчас	39	16	41%
будет	39	14	36%
хотеть (хотим, хочет, хочу, хотел, хотят, хотели, хотите)	37	13	35%
уже	37	13	35%
сша	35	12	34%
государство (государства, государств, государствах, государство, государстве, государству)	35	11	31%
сказать (сказано, сказать, сказал, сказали, сказала, скажу, скажет)	34	11	32%
российский (российской, российские, российских, российскому, российская, российского, российскими, российский)	34	10	29%
мочь (модет, могут, можете, могли, могла, можем, могу, мог)	34	10	29%

Лингвистическая интерпретация количественных результатов работы систем SEO-анализа позволяет, кроме указанного выше, выявлять объективные характеристики идиолекта выступающего, в данном случае профессионального дипломата. Для этого автоматически формируется конкорданс выступления, проводятся анализ дистрибуции словоупотреблений (биграмм и триграмм) в тексте выступления, процедура лемматизации для получения полного частотного списка использованных слов, выделение на основе конкорданса эмотивной лексики, эмотивных конструкций и дипломатических клише и соотнесение их с конкретной экстралингвистической ситуацией произнесения речи. Частота и вариативность употребления клише в разных коммуникативных ситуациях наряду

с частотой и вариативностью эмотивных конструкций, на наш взгляд, показательно характеризуют идиолект дипломата.

Анализ дипломатических текстов средствами корпус-менеджеров

Корпусной анализ, в том числе средствами корпус-менеджеров, дает возможность проводить исследования собранных авторских корпусов с целью выделения сочетаемости слов, дистрибуции, лемматизации, получения частотных характеристик разного типа, включая получение частотных списков по разным частям речи, частотных списков последовательностей токенов (n-грамм), ключевых слов и пр. Такие опции предлагает, в частности, пакет Sketch Engine. Для быстрой обработки объемных текстов, к каковым можно причислить и ежегодные итоговые пресс-конференции министра иностранных дел, с целью выявления содержания, ключевых слов, тональности выступления и пр., применимы, как упоминалось выше, разные компьютерные средства обработки текстовых массивов. Одним из них является корпус-менеджер Sketch Engine¹. Базовый корпус русского языка Sketch Engine содержит около 900 млн слов, представляя собой объемный материал для различных лингвистических исследований. Достоинство данного пакета состоит в том, что в нем можно обрабатывать собственный, авторский корпус, получая объективные и адекватные результаты. Анализируемый текст выступления постоянного представителя России в Совете Безопасности ООН В.И. Чуркина² 03.02.2017 г., который можно рассматривать как мини-корпус, включал в 8506 слов. Для тестирования были выделены наиболее частотные слова. Функция word sketch показывает сочетаемость слова и его дистрибуцию. При вводе леммы «совет» выдается множество результатов с разделением на синтаксическую функцию этого слова или соседних слов в предложении, а также их грамматическое значение. Другими словами, программа выдает сочетания слов, в которых, например, *совет* является субъектом, или имеет значение родительного падежа, или же стоящее рядом слово стоит в родительном падеже. Также можно увидеть вхождение данного слова в другие синтаксические конструкции, например *совет при-*

¹ <https://www.sketchengine.eu/>

² <https://tass.ru/politika/3993410>

способлен (пассивная конструкция); употребление слова *совет* с разными предлогами (между, за, в, при). Функция довольно точно определяет и распределяет по столбцам таблицы грамматическое и синтаксическое значение. Ошибок выявлено не было. Функция *word sketch difference* предназначена для сравнения словосочетаний друг с другом путем противопоставления. Система предлагает три варианта использования этой функции: сравнение двух различных лемм в их словосочетаниях, сравнение разных форм слова одной и той же леммы, а также сравнение использования одной и той же леммы в двух разных разделах корпуса. Предложив для анализа два высокочастотных слова из данного выступления – *совет* и *организация*, – видим, что пакет успешно выделяет контексты, в которых есть эти леммы. Однако для большего числа совпадений необходим корпус большего объема. Для форм слова *международный* (*международная* и *международные*) пакет также находит словосочетания, однако предлагает намного меньше вариантов. Функция *thesaurus* (автоматически созданный список синонимов или слов, принадлежащих к одной и той же категории (семантическому полю)) позволяет выбрать желаемое количество слов (максимальное) и степень схожести слов. Для некоторых слов система выдает близкие по значению слова: *организация* – *совет*, а для других, по факту, предлагается дистрибуция данного слова. Так, для слова *совет* система выдала дистрибуцию: *число, ассамблея, содействие, качество, область, вопрос, ряд, Сирия, Афганистан, направление*; эти слова, которые в рассматриваемом материале находятся на близком расстоянии к слову *совет*, однако считать их словами, входящими в тезаурус понятия *совет*, в общем смысле нельзя. Функция *concordance* – это инструмент, созданный для поиска слов, фраз, тегов, документов, типов текста или структур корпуса. С ее помощью отображаются контексты, в которых слова употреблены в корпусе. Далее результаты могут быть отсортированы, отфильтрованы и обработаны для получения желаемого результата. Например, для слова *терроризм* нашлось 13 результатов, в которых можно проанализировать дистрибуцию этого слова и его форм. Для словосочетаний *совет министров* и *афганское население* результаты найдены не были, хотя данные словосочетания в тексте присутствуют в нескольких местах. Функция *word list* генерирует частотные списки различных типов. Данный инструмент обладает широким функционалом, здесь можно выбирать частотные списки для разных частей речи, определенные буквы или сочетания букв, которые слова списка должны со-

держать. Для более точной работы инструмента необходимо иметь размеченный корпус без пунктуации, так как символы тоже попадают в частотный список. Инструмент n-grams создает частотные списки последовательностей токенов. Для 2–3-грамм выдано наибольшее количество вариантов (46 результатов), для 4–5 нашлось несколько выражений, а для 6-грамм совпадений в данном тексте нет. Функция keywords сравнивает корпуса и определяет, что является уникальным, а что наиболее распространенным, т.е. по списку ключевых слов можно судить об основных темах корпуса. Например, в рассматриваемом авторском корпусе основные ключевые слова: *Чуркин, минских, МАГАТЭ, Сахеля, минские, Порошенко, Луганска, Авдеевке, г-н, государств-членов, нераспространения, антитеррористического* – точно указывают на основную тематику – внешнюю политику. Недостатком работы данной функции можно считать включение в список аббревиатур или же просто случайных последовательностей букв, не имеющих никакого смысла. Список выделенных словосочетаний более информативен: *совет безопасности, ближайший Восток, совет безопасности организации, безопасность организации, международный мир, физическая ядерная безопасность, арабская мирная инициатива, ядерная безопасность, реформа совета, мирная инициатива, режим прекращения, террористическая угроза, главная ответственность, предотвращение конфликтов, генеральная ассамблея, международное сообщество, высочайший уровень*. Данный список позволяет точнее определять тему корпуса, в данном случае – вопросы Ближнего Востока и ядерной безопасности.

Таким образом, Sketch Engine представляет собой многофункциональный пакет инструментов, позволяющий проводить обработку корпусов больших объемов, но даже при тестировании на авторском корпусе из сферы открытой дипломатии программа оказалась эффективной.

Система Orange Data Mining представляет собой пакет для отображения данных, машинного обучения и интеллектуального анализа данных с широким диапазоном исследовательских функций. Программа поддерживает работу на 24 языках. Основная цель данного пакета – визуальное представление результатов проведенного компьютерного анализа текста, создание так называемых виджетов. В современную эпоху максимальной мультимодальности информации такое представление результатов исследования объяснимо и востребовано. Виджеты – это компоненты аналитической платформы, на данный момент в системе насчитывается более

200 виджетов, они варьируются от минималистичной визуализации данных, отображения таблиц, выбора подмножеств и предварительной обработки до эмпирической оценки и сравнения алгоритмов обучения и прогностического моделирования. Не акцентируя внимания на многих интересных виджетах, рассмотрим работу наиболее полезного для лингвистического исследования виджета Text mining, разработанного для обработки естественного языка и анализа текста. Для анализа необходимо выбрать текст / сформировать корпус, в данном случае это текст итоговой пресс-конференции за 2021 г. С.В. Лаврова¹, состоявшейся 14.01.2022 г. Корпус загружается в систему, при этом открывается виджет Corpus viewer для его визуализации (в настройках виджета можно увидеть различные данные о нем, осуществлять поиск документов, содержащих определенное слово, и т.д.).

Другой виджет для визуализации текстовых данных – Word Cloud. Чем чаще слово встречается в тексте, тем больше по размеру оно будет, т.е. вновь, как и в системах SEO-анализа, используются средства параграфемии. Чтобы понять тематику текста, предварительно можно провести обработку с помощью виджета Text Preprocessing (убрать пунктуацию, стоп-слова, привести слова к нижнему регистру). Помимо стандартного набора стоп-слов, предложенных программой, можно загрузить собственный релевантный для исследования список. Предварительная обработка текста проводится в виджете Preprocess Text с использованием инструментов Transformation, Tokenization и Normalization для разбивки текста на отдельные слова (регулярное выражение `\w+` в рубрике Tokenization), затем слова приводятся к нижнему регистру и преобразуются в леммы. Результат выводится с помощью Word Cloud, где также представлена частота употребления слов в тексте. Такое представление результата превратилось едва ли не в обязательную часть работы многих современных систем автоматической обработки текста.

¹ URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1794396/

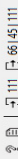

Рис. 8. Corpus Viewer¹

¹ <https://orangedatamining.com/screenshots>

Далее можно работать с обработанным текстом и выделить в нем лексические группы. Однако корпус все еще выглядит как линейный текст, а для машинного обучения он должен иметь числовое представление. Самый простой способ сделать это – получить данные о частоте встречаемости слова в тексте, что позволяет сделать Bag of Words. Результат работы этого виджета превращается в таблицу средствами Data Table. Имея матрицу данных, можно выделить определенные группы документов, если это корпус, а не текст. Далее есть возможность провести процедуру text mining, т.е. интеллектуальный анализ текста; например, выявить, использованы ли в тексте анализируемой пресс-конференции разговорные и эмотивные конструкции.

Для дальнейшего анализа на Work flow загружается список разговорной лексики, взятый из словника Л.П. Крысина «Разговорная лексика просторечного и жаргонного происхождения»¹ и дополненный лексикой из ресурса «Разговорные выражения/ги – Викисловарь»², сохраненный в одном из форматов, поддерживаемых системой.

Поскольку в данном списке слова уже представлены в исходной форме, их сразу можно превратить в Bag of Words и через виджет Word Enrichment соединить с Bag of Words анализируемого документа. Word Enrichment, таким образом, выделит разговорные лексемы из Word List, которые встретились в анализируемом документе: *валить, всплыть, дескать, дремать, заманивание, заматывать, запрягать, заработать, зарваться, малый, наплевать, настырный, натравить, нелюди, определиться, отбить, отговорка, отлынивать, подпевать, попирается, порядок, потакать, растаскивать, столбить, штука, прикармливать, тогдашний.*

Некоторые лексические единицы (*всплыть, запрягать, малый, определиться, подпевать, порядок, отбить*) являются разговорными лишь в определенных контекстах, поэтому необходима процедура контекстного анализа рассматриваемого документа. Сделать анализ, а также посчитать частоту встречаемости всех полученных лексем в документе можно, вернувшись в виджет Corpus Viewer. Путем анализа контекстов было определено, что лексемы: *всплыть, запрягать, подпевать* действительно используются в

¹ URL: https://www.ruslang.ru/doc/shestakova/rffi2020/slovník_razgovornaja_leksika.pdf (дата обращения: 03.02.2022).

² URL: https://ru.wiktionary.org/wiki/Категория:Разговорные_выражения/ги (дата обращения: 03.02.2022).

тексте анализируемого документа в разговорном стиле, лексемы же *малый*, *определиться*, *порядок*, *отбить* в своих контекстах являются стилистически нейтральными.

Лингвистическая интерпретация полученных результатов показывает, что анализируемом тексте пресс-конференции министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова встречается следующая разговорная лексика: *валить* (1), *всплыть* (1), *дескать* (1), *дремать* (1), *заманивание* (1), *заматывать* (1), *запрягать* (2), *заработать* (1), *зарваться* (1), *наплевать* (1), *настырный* (1), *натравить* (1), *нелюди* (1), *отговорка* (1), *отлынивать* (1), *подпевать* (1), *попираться* (1), *потакать* (1), *растаскивать* (1), *столбить* (1), *штука* (1), *прикармливать* (1), *тогдашний* (2).

Аналогичным образом анализируется текст на наличие словосочетаний, являющихся разговорными выражениями: документ с текстом пресс-конференции загружается на Work flow, и отдельно загружается список разговорных выражений, представленный на сайте «Разговорные выражения/ru – Викисловарь»¹, при доработке документов в рубрике Tokenization прописывается регулярное выражение `\w+\s\w+` для поиска словосочетаний, а не отдельных слов. Таким образом выделяется ряд разговорных выражений, встречающихся в данном тексте: *за бортом* (1), *слава богу* (1).

Обобщая полученные автоматическим способом данные, можно сделать заключение о том, какие разговорные слова и выражения С.В. Лавров использовал во время итоговой пресс-конференции: *валить* (1), *всплыть* (1), *дескать* (1), *дремать* (1), *заманивание* (1), *заматывать* (1), *запрягать* (2), *заработать* (1), *зарваться* (1), *наплевать* (1), *настырный* (1), *натравить* (1), *нелюди* (1), *отговорка* (1), *отлынивать* (1), *подпевать* (1), *попираться* (1), *потакать* (1), *растаскивать* (1), *столбить* (1), *штука* (1), *прикармливать* (1), *тогдашний* (2), *за бортом* (1), *слава богу* (1), ряд из которых выступают в роли эмотивов.

Однако автоматический анализ data mining не позволяет выделить в качестве разговорных те слова и коллокации, которые отсутствуют в словаре Л.П. Крысина, но есть в тексте пресс-конференции и характеризуют идиолект дипломата: *междусобойчики*, *положить «на бумагу»*; *растащить*; *отлынивали*; *выброшены в корзину*; *«санкционную дубинку»*; *настырными*, *хотелку*; *одноходовочка*; *пиарят*; *за бортом*; *политическая шизофрения* и пр.,

¹ URL: https://ru.wiktionary.org/wiki/Категория:Разговорные_выражения/ru

а также установить смещенную семантику слов, взятых в кавычки: *коалиции «передовиков»*; *«необходимые»*, *«результаты»*, *«заманивания»*, *«оформляли» отношения*; *«наплевали» на подпись*. Новые термины, такие как *невхождение*, *непродвижение*, *нерасширение*, также не подлежат автоматическому выделению.

Формальный анализ текстов выступлений профессиональных дипломатов, осуществленных в цифровом формате в сети Интернет, проведенный с помощью разных компьютерных средств обработки текстовых массивов (пакеты SEO-анализа, корпус-менеджеры, data mining), показал возможность автоматическим способом не только получить сведения об основном содержании объемных выступлений, включая интервью и пресс-конференции, но и выделить характерные составляющие идиолекта дипломата, подтвердить реализацию основных лингвистических способов выражения эмотивности и др.

Можно сделать вывод, что основной стратегией в цифровой дипломатии остается аргументативная, вербальная составляющая, которая поддерживается дополнительными кодами, в первую очередь аудиовизуальными: фрагментами видеосъемок выступлений знаковых политических лидеров / дипломатов высшего звена либо свидетелей разного рода событий; документами, аудиозаписями, цитатами вербальными и визуальными, прецедентными текстами; статистическими данными в числовом и графическом формате. В открытом дипломатическом дискурсе реализуется полный диапазон лингвосемиотических кодов, присущих электронной коммуникации в целом, поскольку в качестве реципиентов в настоящее время выступают все, кто обладает доступом к электронным средствам передачи информации – радио, телевидению и в первую очередь Интернету с соцсетями и мессенджерами.

Таким образом, цифровая коммуникация, включая цифровую дипломатию, отражает общие тенденции, характерные для электронной среды.

Список литературы

- Алешкина Н.С. Цифровая дипломатия: новые инструменты «мягкой силы» // Вестник Поволжского института управления. – 2018. – Т. 18, № 1. – С. 143–149.
- Беляков М.В. Лингвоаксиология и лингвосемиотика дипломатического дискурса: монография. – Москва: Наука, 2021. – 142 с.

- Максименко О.И.* Квантитативные методы в языковых исследованиях: ретроспективный анализ // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. – 2018. – № 2. – С. 30–39
- Новиков Н.В.* Коммуникативные стратегии цифровой дипломатии: дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2017. – 180 с.
- Потапова Р.К., Потапов В.В., Джунковский А.В.* К опыту глубинного аннотирования поликодовых интернет Big Data (применительно к Digital Humanities) // Мягкие измерения и вычисления. – Москва: Издательский дом «Научная библиотека», 2019. – № 9 (22). – С. 40–43
- Сурма И.В.* Цифровая дипломатия в мировой политике // Государственное управление. Электронный вестник. – 2015. – Вып. 49. – С. 220–243.
- Сытник А.Н., Цветкова Н.А., Цветков И.А.* Цифровая дипломатия США в зеркале больших данных: уроки венесуэльского кризиса 2018–2019 годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 2. – С. 192–203.
- Цветкова Н.А.* Программы Web 2.0 в публичной дипломатии США. США и Канада // Экономика, политика, культура. – 2011. – № 3. – С. 109–122.

**НОВЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ:
ОТ ТРАДИЦИОННЫХ ФОРМ ДИАЛЕКТОВ
К НОВЫМ РЕАЛИЯМ**

Коллективная монография

Оформление обложки С.И. Евстигнеев
Техническое редактирование
и компьютерная верстка Л.Н Сиякова
Корректор Я.А. Кузьменко

Подписано к печати 26 / XII – 2024 г.
Формат 60х84/16 Бум. офсетная № 1
Усл. печ. л. 26,5 Уч.-изд. л. 23,6
Тираж 300 (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ №

**Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к. 6